МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА «ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ»

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Сборник научных статей по материалам
XVI Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 16–17 апреля 2026 г.

Под редакцией
доктора философских наук, профессора
Н. В. Розенберг

Пенза
Издательство ПГУ
2026

УДК 1+34+378
ББК 87+67+74
Ч-39

Ч-39 **Человек. Культура. Общество** : сб. науч. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 16–17 апреля 2026 г.) / под ред. д-ра филос. наук, проф. Н. В. Розенберг. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2026. – 396 с.

ISBN 978-5-908089-97-5

Представлены работы по философии, социологии, юриспруденции, коммуникативистике и другим социальным и гуманитарным наукам.

Издание предназначено для научного сообщества, педагогов-практиков, аспирантов, магистрантов и бакалавров, а также для всех интересующихся современными проблемами социально-гуманитарного знания.

УДК 1+34+378
ББК 87+67+74

Приказ
о подготовке и проведении XVI Международной научно-практической конференции «Человек. Культура. Общество»
№ 419/о от 14.04.2026

ISBN 978-5-908089-97-5

© Пензенский государственный университет, 2026

РАЗДЕЛ 1

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

УДК 1(44)+1(430)+1:61

ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НА ТЕОРИЮ РЕАБИЛИТАЦИИ К. МАЛАБУ

Ольга Александровна Мартынова[1], Карина Александровна Бахтеева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]carina.bakhteeva@yandex.ru

Аннотация. Анализируются влияние философии Гегеля на формирование концепции пластичности Катрин Малабу и ее дальнейшее применение к реабилитации. Основные свойства понятия «пластичность» выделяются французским философом в диалектике Гегеля. Малабу переосмысливает эти идеи, развивая собственное понятие «деструктивной пластичности». Основываясь на сформулированной концепции пластичности, философ предлагает рассматривать реабилитацию как процесс создания новой целостной формы, которая будет соответствовать изменившемуся телу и психике. В отличие от Гегеля, Малабу рассматривает пластичность как принцип, открытый в будущем, где время становится пространством новых возможностей.

Ключевые слова: Г. В. Ф. Гегель, Катрин Малабу, философия, пластичность, деструктивная пластичность, реабилитация

Катрин Малабу – современный французский философ, известный своей концепцией пластичности. Всемирное признание ей принесла диссертация – «Будущее Гегеля: пластичность, темпоральность, диалектика». В ней Малабу предлагает новое прочтение диалектики Гегеля с точки зрения понятия «пластичности», которое французский философ «открывает» в его работах [1]. Она не просто комментирует классика, но и вступает с ним в диалог, показывая, что гегелевская мысль может быть плодотворной для решения многих проблем XXI века.

Впервые слово «пластичность» упоминается в работах Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Катрин Малабу анализирует такие его труды как «Наука логики», «Феменология духа», «Энциклопедия философских наук», «Лекции по эстетике» [2]. Ее цель – найти ключевое понятие – пластичность, пронизывающее всю философию Гегеля. Появление термина «пластичность» относительно работ немецкого философа происходит благодаря Малабу. Так в «Науке логики» Гегель под пластичностью понимает не философскую категорию, описывающую мир или сознание, а методологический принцип, который характеризует идеальную «пластику» изложения философии и такую же «пластичность» в способе ее восприя-

тия. Философ пишет, что «пластическое изложение требует затем и пластической способности усвоения и понимания» – под этим понимается, что философ (или читатель) должен отказаться от своих заранее заготовленных мыслей и суждений; позволить предмету мысли формировать свое понимание; следовать за развитием понятия, не перебивая его своими возражениями. Таким образом, процесс познания у Гегеля – это пластический процесс, в котором субъект не пассивно отражает реальность, но и не навязывает ей свои произвольные схемы. Он дает форму своему пониманию, одновременно получая форму от самого предмета мысли. Это и есть диалектика в действии. Здесь берет свое начало ключ к прочтению всей его философской мысли, который смогла найти Катрин Малабу. Французский философ делает радикальный шаг: переносит принцип идеального познания на саму реальность [6]. Другими словами, в ее интерпретации пластичность становится свойством самого бытия.

Основываясь на других работах Гегеля можно выделить, что основная мысль строится на способности субстанции или же духа изменять свою форму в процессе развития: «В своем существовании эта сущность (субстанция) обладает многообразными отличными от нее определениями – акциденциями. В своей тотальности они и составляют субстанцию…» [3, с. 157]. Сам путь развития неотвратим, с одной стороны потому что дух всегда ищет пути для самопознания, с другой – субстанция, не имеющая застывшей формы, и способная лишь сменять акциденцию от одной к другой. Субстанция по Гегелю обладает «абсолютной мощью», то есть силой, которая постоянно порождает эти формы ее существования, а затем их снимает (отрицает), чтобы создать новые. Форма и содержание постоянно перетекают друг в друга. Эти основополагающие мысли находят выражения в теории Малабу, где «абсолютная мощь»– это неизбежная сила изменений, влияющая на живое и не живое; «снятие» или отрицание ложится в основу разрушительной силы пластичности – деструкция старой формы неминуема для создания новой.

В диссертации Катрин Малабу рассматривает пластичность на примере отрывка из «Феменологии духа» Гегеля: «То, что абсолютный Дух наделил себя внутренне формой самосознания, а, следовательно, наделил ею и свое сознание – это теперь предстает как вера мира в то, что Дух непосредственно присутствует как самосознающее Сущее, т.е. как действительный человек, и что верующий непосредственно уверен в Духе, видит, чувствует и слышит это божество» [5, с. 15]. Где абсолютный, бесконечный и непредставимый Бог обретает конкретную форму человека. При этом, становясь человеком (Иисусом Христом), Бог не перестает быть Богом. Божественная природа не растворяется в человеческой, а человеческая не исчезает. Эта двойная способность – дать форму и получить форму, оставаясь при этом самим собой – есть для Малабу проявление пластичности, заложенной в гегелевской диалектике.

Для Гегеля скульптура занимает совершенно особое место – это искусство классической формы, где достигается идеальный баланс между внутренним содержанием (духом или идеей) и его внешним выражением (скульптура воплощает дух). Она берет неодухотворенный материал и придает ему такую форму, в которой дух может «узнать сам себя». Скульптура в это мысли - не просто изображает человеческий образ, она отражает дух в его истинной форме: «Саму духовность, эту целесообразность и самостоятельность для себя, она воплощает в телесный облик, принадлежащий согласно понятию духу и его индивидуальности, ставя перед созерцанием дух и тело в качестве одного и того же нераздельного целого» [4, с. 96]. Это и есть пластичность в действии: неоформленный дух получает фор-

му, а неодухотворенный материал дает форму духу, при этом становится его видимым отражением. Также пластичность скульптуры заключается в том, что материал перестает ощущаться как просто камень или металл, приобретая форму находит и новый смысл. Пластическая форма как бы «снимает» материальность камня, делая его «прозрачным» для духа. Это проявление пластичности позже перенесет Малабу в свои труды, объясняя понятие уже на глины. Этот материал способен менять свою форму – становиться кувшином или тарелкой, он поддается действующим на него изменениям, «разрушая» старую форму существования, приобретает новую. При этом обладает основными свойствами, о которых размышлял Гегель: принимать форму (глина способна становится кувшином), давать форму (пластичность глины дает возможность находить выражение мысли в виде конкретных форм).

Гегель также использует «пластичность» для описания определенного типа личностей. Под описанием «пластических» индивидов он предполагает безмятежных, самодостаточных и пребывающих в единстве с окружающим их этическим миром людей, ссылаясь, в основном, на древних греков. По его размышлениям, такими чертами могли обладать люди, боги и философы, которые прошли путь трансформаций (путь саморазвития) и обрели наилучшую свою духовную форму. Их пластичность проявляется в работе над собой, где они одновременно выступают материалом и художником или скульптором: скульптор придает форму своему характеру и жизни, материал (в роли которого также выступает сам человек) же податливо принимает эту форму. Гегель отмечал, что «пластичные индивиды» развились в то, чем они «по сути своей являлись». Другими словами, античные ораторы, художники, историки и философы не придумывали для себя новой иной формы, а находили в себе и воплощали свою внутреннюю сущность. Катрин Малабу в этих мыслях подчеркивает следующее: человек постоянно пребывает в процессе работы над собой, используя пластичность как ресурс и способность для создания личности. Одновременно философ говорит об отсутствии «фиксированной» сущности человека, которую он может лишь развить. В ее понимании пластичность – это не просто воплощение готового, а «изобретение» себя. Еще одна черта, тонко отмеченная Малабу: внутреннее составляющее человека (мысли, убеждения, ценности) без изменений транслируются во вне в виде поступков, речи и образа жизни. Это подразумевает под собой, что в «пластической» личности любого человека внешнее – это прямое выражение внутреннего, что и является одним из принципов пластичности.

Гегель подчеркивает, что состояние пластичности – это исторически конкретный этап. Оно характерно для греческой классики (V век до н.э.) и не может быть просто воспроизведено в современном мире. Это объясняется тем, что пластическая личность еще не прошла через опыт рефлексии, через сомнения и разрыв с традицией. Современный человек, по Гегелю, уже не может быть таким цельным - он прошел через «работу негативного». Поэтому пластичность греков - это «прекрасная, но эфемерная, быстро увядающая форма» [4, с. 189]. Образ человека, который сам себя формирует, при этом остается в гармонии с миром, становится для Гегеля идеалом, к которому философия может стремиться, даже если не способна его достичь. Малабу одновременно и соглашается с гегелевскими мыслями, и преодолевает их ограничения. Она согласна с тем, что античная пластичность - это исторически конкретная форма «пластичности», но утверждает, что сама «пластичность» как философский принцип не привязана к прошлому, а разворачивается в будущем. Для Малабу рефлексия сама становится пластичной: современный человек, прошедший через сомнения и «разрыв», не утратил пластич-

ность, а обрел ее в новой форме – теперь он может сознательно формировать себя, зная о своей «разорванности». Самый важный шаг Малабу – она превращает пластичность из описания конкретной эпохи в общую теорию изменений.

Катрин Малабу – философ, который создал теорию пластичности в том виде, в котором мы знаем ее сейчас. Анализируя тексты Гегеля, она тонко отмечает черты пластичности, тогда еще не имеющей четкой концепции. Дополняя мысли немецкого философа, она вносит в теорию свои собственные мысли о разрушительной пластичности, понимающей под собой неминуемое разрушение старых форм для создания новых, которая становится основным ее спектром мысли в более поздних работах. Малабу распространяет термин пластичности на нейронауки, объясняя травму как с точки зрения философии, так и медицины.

Понятие «деструктивной пластичности» является ключевым для теории реабилитации по К. Малабу. Взгляд философа на травму является «инновацией»: травма – это событие переформирования. Человек после инсульта, ампутации, психологической травмы не становится «тем же, но с дефектом». Он становится «новым раненым» - его идентичность необратимо изменяется. Цель реабилитации по видению Малабу – это не вернуть человека к «прежней версии себя» (что часто невозможно и травматично само по себе), а помочь ему обрести новую, целостную форму, которая будет соответствовать изменившемуся телу и психике. Малабу активно опирается на открытия нейропластичности – способности мозга менять свою структуру под воздействием опыта. Это дает понимание о том, что мозг не застывшая во времени запрограммированная машина, а постоянно перестраивающаяся субстанция со своими акциденциями, что является переформулированными мыслями Гегеля. Здесь проявляются и мысли немецкого ученого о «пластических индивидах»: пациент реабилитации также «выстраивает» свою личность, выступая в роли скульптора и одновременно с тем, измененные травмой тело и «дух» проявляют способность принимать форму, как бы поддаваясь воле художника. Гегель, а вслед за ним Малабу, настаивают: внешняя форма (тело) имеет прямое отношение к внутреннему содержанию (духу или личности). Телесные изменения после травмы – это не просто физический дефект, а изменение всей личности – это утверждение может работать и относительно психологических травм в обратную сторону. Главное нововведение К. Малабу в понимании «пластичности» Гегеля – это открытое будущее, которое является непредсказуемым и само по себе «пластично», здесь время становится пространством возможностей.

Список литературы

1. Бардашев А. А. Субъективность в философии религии Гегеля: взгляд через кенозис и теорию пластичности Катрин Малабу // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnost-v-filosofii-religii-gegelya-vzglyad-cherez-kenozis-i-teoriyu-plastichnosti-katrin-malabu (дата обращения: 02.03.2026).

2. Гегель Г. В. Ф. Введение в философию (философская пропедевтика) / пер. с нем. С. Васильева. М., 1927. 210 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике : в 4 т. / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. СПб. : Наука, 2018. Т. 3. 603 с.

4. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1: Феноменология духа / пер. Г. Шпета // Сочинения : в 14 т. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. 4. 495 с.

5. Малабу К. Будущее Гегеля: пластичность, темпоральность и диалектика = The Future of Hegel: Plasticity, Temporality and Dialectic / пер. с фр. Л. Дюринг ;

предисл. Ж. Деррида. Лондон ; Нью-Йорк : Routledge, 2005. 239 с. (Перевод изд.: Malabou C. L'Avenir de Hegel: Plasticité, Temporalité, Dialectique. Paris : Vrin, 1996).

6. Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом? / пер. с фр. К. Саркисов ; науч. ред. М. Краснов. М. : V-A-C press, 2019. 111 с.

УДК 396:1

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Ольга Александровна Мартынова[1], Елизавета Андреевна Демченко[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]LisaDem2006@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается женский вопрос, поднимаемый в трудах Н. Г. Чернышевского как одна из ключевых проблем социальной и философской мысли XIX в. Анализируются взгляды мыслителя на положение женщины в обществе, причины ее зависимого положения. Уделяется внимание критике традиционной модели «женской судьбы». Отмечены предлагаемые им пути решения женского вопроса. В качестве философского основания изучены антропологический принцип и идея разумного эгоизма.

Ключевые слова: женский вопрос, идея разумного эгоизма, антропологический принцип, свобода личности, женская эмансипация

Женский вопрос занимает важное место в общественной и философской мысли XIX века. В условиях трансформации социальных отношений проблема положения женщины, ее прав и возможностей становилась все более актуальной. Значительный вклад в осмысление данного вопроса внесли публицисты и философы, среди которых ярко выделяется Н. Г. Чернышевский. Его взгляды нашли отражение как в публицистических работах, так и в художественных. В своих трудах он рассматривает женский вопрос как часть более широкой проблемы свободы личности и преобразования общественных отношений.

Женский вопрос в концепции Н. Г. Чернышевского не ограничивается критикой отдельных социальных явлений, а выступает как системная проблема, связанная с устройством семьи, воспитанием, доступом к образованию, участием в общественной жизни. Особое значение отводится критике традиционной модели «женской судьбы», основанной на зависимости и ограничениях [6].

Первостепенно важно понять, что послужило опорой для взглядов Чернышевского на женский вопрос. Это антропологический принцип, сформированный под влиянием философии Людвига Фейербаха и его антропологического материализма, а также связанная с ним идея разумного эгоизма.

Согласно концепции Чернышевского, человек по своей природе – это единство физиологического, психологического и социального начал. Он существует внутри природы, является частью материального мира. Поэтому его поведение определяется не абстрактными побуждениями, а действительными потребностями и условиями существования, и требует анализа с точки зрения естественных наук [2, с. 368]. Любая деятельность человека объясняется рациональными мотивами, и для понимания человеческой сущности следует искать ее

причину, а не принимать как само собой разумеющееся действие. Если существующие формы общественной жизни препятствуют удовлетворению естественных потребностей человека, то они подлежат переосмыслению. То есть, согласно этой концепции, зависимое положение женщины не может рассматриваться как естественное. Оно, наоборот, является результатом социальных условий, которые ограничивают ее и мешают развитию способностей.

С антропологическим принципом тесно связана идея разумного эгоизма. Она предполагает стремление человека к личному счастью, удовлетворению потребностей своего «я». Но в понимании Чернышевского человек желает не кратковременного удовольствия, а долгосрочного, с целью извлечения еще большей выгоды [3, с. 115]. Поэтому ему неизбежно приходится считаться с нуждами общества, в котором он существует. Его благо неразрывно связано с благами других людей, что ведет человека к признанию чужой свободы и потребностей. То есть каждый индивид, стремящийся к собственному счастью, заинтересован в создании общественного благополучия. Именно такое стремление ведет к пониманию, что подчинение женщины противоречит интересам общества, поскольку ограничивает развитие значительной его части.

Одним из центральных аспектов женского вопроса в трудах Н. Г. Чернышевского является анализ причин такого положения женщин в системе общественных отношений. Мыслитель рассматривает проблему как результат действия сложившихся социальных институтов, а не как естественное состояние.

Прежде всего, критике подвергается система воспитания, которую Чернышевский упоминает в рецензии на статью Д. И. Мацкевича «Заметки о женщинах». Там он высказывает мнение, что девочек воспитывают как будущих жен и матерей, при этом не давая возможности самостоятельно выбрать жизненный путь: «Девицу учат только для того, чтобы жених не забраковал ее как дурно воспитанную, или обратил на нее внимание…» [7, с. 30–32]. Женщине в обществе отводится только роль субъекта семейных отношений, она закладывается еще в детстве и воспринимается как норма.

С этой позицией перекликаются взгляды М.Л. Михайлова, который указывает, что система воспитания ориентирует женщину преимущественно на выполнение семейных обязанностей. При этом подавляется ее развитие как самостоятельной личности: «Ограничивая жизнь женщины стенами ее дома, нечего требовать от нее служения общественной пользе» [5]. Такая установка внушает представление о второстепенной роли женщины и препятствует раскрытию ее интеллектуального потенциала.

Сходные проблемы поднимаются в работах П. Н. Ткачева, который, как и Чернышевский, затрагивает вопрос о различиях женщин и мужчин в сферах науки и искусства. Поставленный вопрос об отличиях типов мышления прямо связан с особенностями поведения и привычками: «все несовершенства женского характера и мышления происходят из-за неправильного воспитания» [4, с. 207]. Это служит обоснованием интеллектуального неравенства, источником которого является не половое различие, а социальные установки.

В рамках института брака традиционная модель представляла собой супружеские отношения, выступающие не только как форма организации личной жизни, но как социальный механизм закрепления неравенства. Выборы дальнейшей судьбы женщины нередко определяются ожиданиями семьи и общества, а не личными стремлениями и желаниями.

Еще одним закрепляющим зависимость женщины фактором является затрудненный доступ к образованию и общественной деятельности. Женщина исключалась из интеллектуальной сферы, что препятствовало развитию ее способностей и мешало формированию независимого мировоззрения. Возможность

приобретать лишь определенный круг навыков – традиционно «женских» – создала условия, при которых среди деятелей искусства, науки, культуры тяжело встретить женское имя.

Проблема женской несвободы носила системный характер и поддерживалась действующими социальными институтами. Подвергает критике Н. Г. Чернышевский и традиционный тип «женской судьбы», выявляя его застарелость и несовершенство, препятствующие формированию нового общественного устройства. Осмысление причин зависимости женщины становится необходимым этапом для постановки вопроса о возможных путях ее освобождения [1].

Выявленные проблемы, связанные с зависимым положением женщины, нуждаются в конкретных путях преодоления. Чернышевский предлагает систему решений, направленных на устранение оснований женской несвободы. Они служат не частичным улучшением положения женщины, а способом избавления от ограничений.

Одним из ключевых направлений является расширение участия женщины в общественной и трудовой деятельности. Важна не столько материальная сторона, сколько социальная функция: вовлеченность в эти виды деятельности способствуют формированию самостоятельности, ответственности и способности к волеизъявлению. Для решения этой проблемы Чернышевский предлагает модель кооперативного труда, основанного на равенстве, справедливом распределении прибыли и совместном принятии решений. Таким образом, труд выступает важным условием изменения социального статуса женщины и ее признания как равноправного участника общественной жизни.

Существенное значение имеет и доступ к образованию. Публицист рассматривает его как необходимость для созревания личности. Ограничения в интеллектуальной сфере являются одним из главных препятствий на пути ее развития. То есть расширение образовательных возможностей становится важным шагом в решении женского вопроса.

Особое значение Н. Г. Чернышевский придает пересмотру института брака. Традиционная модель брачных отношений заменяется союзом равноправных личностей, базированным на взаимном уважении и свободе выбора. Это предполагает признание права женщины на определение собственных чувств и принятие жизненных решений.

Отражением данных идей служит роман «Что делать?», в котором писатель показывает возможность построения новых форм отношений между людьми. Художественный текст выступает не только как описание частных ситуаций, но и как способ демонстрации принципов, сформулированных в публицистике и философии автора.

Таким образом, женский вопрос в трудах Н. Г. Чернышевского занимает важное место и рассматривается им как неотъемлемая часть проблемы свободы личности. Он анализирует причины зависимого положения женщины, связывая их с особенностью воспитания, устройством семейных отношений и ограничениями участия в общественной и интеллектуальной жизни.

Предлагаемые Чернышевским пути решения направлены на устранение данных ограничений и включают расширение образовательных возможностей, вовлечение женщины в общественную деятельность, переосмысление института брака. Особое значение имеет не частичное улучшение положения женщины, а изменение самих принципов организации общества. Опора на антропологический принцип и идею разумного эгоизма предполагает признание женщины как равноправного субъекта для общественного развития.

В трудах Н. Г. Чернышевского формируется целостная концепция решения женского вопроса. Несмотря на утопичность отдельных положений, его идеи оказали значительное влияние на развитие общественной мысли и переосмысление роли женщины в обществе.

Список литературы

1. Жажская А. С. «Новая женщина» Н. Г. Чернышевского: дискуссии вокруг романа // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4 (29). С. 97–98. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-zhenschina-n-g-chernyshevskogo-diskussii-vokrug-romana/viewer

2. Кузнецова А. Н. Антропологический принцип в философии Н. Г. Чернышевского // Вестник МГТУ. 2002. Т. 5, № 3. С. 367–372. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskiy-printsip-v-filosofii-n-g-chernyshevskogo/viewer

3. Лукашин Д. Л. Разумный эгоизм как феномен социально-политической действительности: Н. Г. Чернышевский и А. Рэнд о связи эгоизма и рационализма // Метаморфозис. 2025. Т. 9, № 3. С. 111–126. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razumnyy-egoizm-kak-fenomen-sotsialno-politicheskoy-deystvitelnosti-n-g-chernyshevskiy-i-a-rend-o-svyazi-egoizma-i-progressa/viewer

4. Мартынова О. А. Женский вопрос в философии П. Н. Ткачева // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 5 (95). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-vopros-v-filosofii-p-n-tkachyova/viewer

5. Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. 1860. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlow_m_l/text_1860_zhenschiny.shtml

6. Чернышевский Н. Г. Что делать? : роман. М. : АСТ, 2021. 576 с.

7. Чернышевский Н. Г. Рецензия на статью Д. И. Мацкевича «Заметки о женщинах» // Современник. 1854. № 9. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_1854_zametki_o_zhenschinah.shtml

УДК 316.4

БИОПОЛИТИКА ПАНДЕМИИ: УПРАВЛЕНИЕ ЖИЗНЬЮ И ТЕЛОМ В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО

Полина Сергеевна Кривозубова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

polly.sayten@gmail.com

Аннотация. Пандемия COVID-19 рассматривается как событие, выявившее особенности биополитического управления в современном государстве. Анализ проводится на основе концепции биовласти Мишеля Фуко. Показано, что санитарные меры стали проявлением уже существующих механизмов управления жизнью населения. Особое внимание уделяется трансформации статуса человеческого тела в условиях пандемии.

Ключевые слова: биополитика, биовласть, пандемия COVID-19, Мишель Фуко, управление населением

Пандемия COVID-19 стала не только медицинским кризисом, но и важным политическим событием. Она показала, что современная власть устроена сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Государства принимали решения под ло-

зунгом защиты жизни и здоровья граждан, однако сами способы этой защиты позволили увидеть, как именно сегодня осуществляется управление обществом. Чтобы лучше понять эти изменения, нужно рассматривать пандемию не просто как набор санитарных мер, а прежде всего через концепцию биовласти, предложенную Мишелем Фуко.

По мнению Фуко, в Новое время произошел переход от старой формы суверенной власти, основанной на праве казнить, к новой форме управления жизнью – биовласти. Такая власть направлена не на уничтожение, а на регулирование жизни людей. Она использует статистику, медицинские знания и различные нормы поведения. В книге «История сексуальности» Фуко показывает, что начиная с XVIII века государство все больше интересуется рождаемостью, смертностью, гигиеной и продолжительностью жизни [3]. Это означает, что сама жизнь становится объектом политического внимания и расчета.

Однако важно учитывать, что биовласть функционирует не изолированно. В своих лекциях Фуко выделяет два полюса власти, которые дополняют друг друга: дисциплинарную власть, обращенную к индивидуальному телу (анатомополитика тела), и биовласть, обращенную к населению как биологическому целому (биополитика населения). Первая формирует «послушные тела» через надзор и обучение, вторая регулирует процессы рождаемости, смертности и заболеваемости через механизмы прогнозирования и статистики. Развивая этот подход, Фуко вводит понятие “аппаратов безопасности” [2], которое позволяет лучше понять логику пандемийного управления: власть не пытается запретить болезнь абсолютно (что невозможно), а выстраивает среду, в которой риск оптимизируется до приемлемого уровня.

Важно отметить, что у Мишеля Фуко власть не только ограничивает или запрещает, но и производит социальную реальность. Она формирует нормы поведения, представления о здоровье и даже способы восприятия собственного тела. В этом смысле биовласть не просто контролирует жизнь, а задает рамки, в которых эта жизнь становится «нормальной» и «допустимой».

Во время пандемии эта логика стала особенно заметной: население рассматривалось как набор чисел и показателей, которые можно измерять и анализировать: уровень заражаемости, коэффициент распространения вируса, процент вакцинированных, количество госпитализаций и уровень занятости медицинских коек – все это регулярно подсчитывалось и публиковалось. И уже на основе этих цифр власть решала, вводить или снимать ограничения, закрывать ли кафе и торговые центры, как организовывать вакцинацию. В итоге жизнь общества все чаще стала описываться через статистические показатели и модели. При этом сами научные данные не являются нейтральными: в видении Фуко знание и власть тесно связаны. Статистика, медицинские показатели и экспертные оценки становятся не только инструментами описания реальности, но и средствами ее регулирования. Это напрямую соответствует тому, что Фуко называл управлением популяцией как биологической реальностью [4].

В результате политические решения начали все сильнее опираться на научные и медицинские данные. Государство стало работать как система, которая управляет рисками: пытается не дать болезни распространиться, но при этом не сломать привычную жизнь людей. Властям постоянно приходилось искать золотую середину – с одной стороны, защитить здоровье граждан, с другой – сохранить экономику и не лишать людей свободы. Именно поэтому многие правила и запреты часто менялись: их то ужесточали, то смягчали, опираясь на статисти-

ку. Вводимые государствами меры как раз и иллюстрируют эту логику. Локдауны, ограничения на передвижение, обязательное ношение масок – все это стало повседневностью. Особенно показательно использование цифровых пропусков и санитарных сертификатов: без них доступ к общественным пространствам закрывался. Во Франции в 2021 году ввели «санитарный пропуск» – без него нельзя было зайти в кафе, музей или сесть на поезд дальнего следования [5]; Италия весной 2020-го закрылась на общенациональный локдаун с жесткими ограничениями передвижения [6]; в Москве система QR-кодов стала пропуском в рестораны и на массовые мероприятия [1]. Все это показывает, что управление населением строилось не только на общих рекомендациях, но и на конкретных механизмах допуска.

Фуко не считал пандемию чем-то принципиально новым, она лишь сделала более заметными механизмы управления, которые давно работают в современных государствах. Биополитика, по его мнению, как раз и заключается в наблюдении за состоянием населения, сборе данных о здоровье и корректировке поведения людей, чтобы снизить коллективные риски. Пандемия лишь усилила эту линию и обнажила, насколько политика оказалась завязана на том, как люди живут, болеют и следят за своим здоровьем.

Особенно наглядно эти механизмы проявились в том, как изменилось отношение к телу. Либеральная традиция долгое время считала тело частной зоной, куда государству не стоит вторгаться, а в логике биополитики граница между телом как частной зоной и телом как объектом управления становится размыта. То, что ранее относилось к индивидуальному выбору – состояние здоровья, гигиенические практики, – приобретает публичное измерение. Фуко обращал внимание на то, что власть достигает наибольшей эффективности тогда, когда ее механизмы становятся наименее заметны: индивиды начинают самостоятельно следовать установленным нормам, воспринимая их как само собой разумеющиеся. В случае пандемии тело перестает быть «просто телом»; оно оказывается встроенным в систему нормативных предписаний, формируемых медицинскими и государственными институтами.

В период пандемии эта логика проявилась особенно рельефно. Тело одновременно предстало как ценность, подлежащая защите, и как потенциальный источник угрозы. QR-коды, сертификаты о вакцинации, справки о тестировании стали ключевыми инструментами, определяющими доступ к общественным пространствам. Тело, таким образом, приобрело функцию своеобразного пропуска, опосредующего участие индивида в социальной жизни.

Многие привычные границы оказались размыты. Практики постоянного измерения температуры, тестирования, использования цифровых сертификатов изменили сам способ восприятия индивидом собственного тела. Человек оказывается в ситуации, где он должен регулярно подтверждать свою «безопасность» для окружающих. В результате формируется новая форма идентичности, в которой гражданский статус дополняется – а иногда и замещается – медицинскими характеристиками.

Если дисциплинарная власть, по Фуко, формировала «послушные тела» путем надзора и тренировки, то в условиях пандемии можно говорить о складывании «проверяемых тел», ценность которых определяется соответствием установленным санитарным нормам. Тело становится источником данных, подлежащих регистрации и контролю. В этом смысле пандемия обнажила внутреннюю логику биовласти: управление жизнью населения невозможно без детального уче-

та индивидуальных тел, которые одновременно включаются в общие статистические процессы.

Остается открытым вопрос, на который сам Фуко не дает однозначного ответа: где проходит грань между необходимым управлением жизнью и избыточным контролем? Пандемия показала, что эта граница подвижна и зависит от конкретной политической ситуации.

Следовательно, пандемия COVID-19 не изобрела новых форм власти, но сделала более зримыми те механизмы, которые были описаны Фуко еще во второй половине XX века. Современное государство управляет не только поведением людей, но и жизнью как таковой, соединяя контроль над отдельным телом с регулированием населения в целом.

Особенно значимым оказалось изменение статуса человеческого тела. Оно перестало быть просто объектом медицинского вмешательства и стало условием участия в общественной жизни. Это свидетельствует о том, что власть все глубже проникает в сферу биологических процессов, связывая их с социальными и политическими нормами.

В конечном счете пандемия выявила внутреннее противоречие биополитики: забота о здоровье населения оборачивается усилением контроля. Тем самым подтверждается мысль Фуко о том, что современная власть все в большей степени становится властью над жизнью.

Список литературы

1. О внесении изменений в указ мэра Москвы № 68-УМ от 8 июня 2020 г. // Официальный портал мэра и Правительства Москвы : указ мэра Москвы № 35-УМ от 21 июня 2021 г. URL: https://www.mos.ru/authority/documents/doc/46665220/ (дата обращения: 26.03.2026).

2. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2011. 543 [1] с.

3. Фуко М. История сексуальности. Т. 4. Признания плоти / общ. ред. Фредерика Гро ; пер. с фр. С. Гашкова. 2-е изд. М. : Ад Маргинем Пресс, 2025. 415 с.

4. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб. : Наука, 2005. 311 [1] с.

5. Décret n° 2021-699 du 1er juin 2021 prescrivant les mesures générales nécessaires à la gestion de la sortie de crise sanitaire // Journal officiel de la République française. 2021. № 126. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043575238 (дата обращения: 26.03.2026).

6. Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri 11 marzo 2020: Ulteriori disposizioni attuative del decreto-legge 23 febbraio 2020, n. 6, recante misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell’emergenza epidemiologica da COVID-19, applicabili sull’intero territorio nazionale // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. 2020. № 64 (11 marzo). URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/03/11/20A01605/sg (дата обращения: 26.03.2026).

УДК 141.201

ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОСМИЗМЕ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

Анна Олеговна Слепцова[1],
Дарья Александровна Стерликова[2]

[1,2]Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж

[1]sleptsova_ao@mail.ru
[2]sterlikova.daria@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается учение К. Э. Циолковского, в частности его воззрения, касающиеся статуса человека в масштабе вселенной. Мыслитель отказывается от традиционного антропоцентризма, утвердившегося в философии. Он рассматривает мир как бытие атомов, а объекты, находящиеся в этом мире, как скопления атомов. Такой подход деперсонализирует человека, лишая его ценности как уникального существа. В своем учении космист утверждает, что именно максимальная унификация людей сделает их соответствующими вселенской гармонии.

Ключевые слова: космизм, атом, личность, общество, монизм

В начале XX в. в русской философской мысли зародилось особое направление, получившее название – космизм, представителей которого объединяли следующие установки:

• Восприятие человека как части космоса;
• Абсолютизация научного знания;
• Уверенность в целесообразности заселения космического пространства;
• Стремление к преодолению биологической ограниченности человека.

Оригинальным вариантом космизма был космизм К. Э. Циолковского. Помимо перечисленных установок для него характерен выход за пределы человеческой субъективности, попытка философского осмысления не макромира, который для нас очевиден, а микро-и мегамира. Земное существование рассматривается К. Э. Циолковским не изолированно, а как логическое продолжение бытия атомов и вселенной, поэтому все человеческие проблемы есть следствие глубокого заблуждения, отделяющего Землю от космоса и игнорирующего жизнь атомов. Целью человека и общества является установление такого порядка, который будет соответствовать вселенской гармонии. Вся человеческая реальность признавалась лишь эпизодом путешествующего во времени и пространстве атома. При том, что учение К. Э. Циолковского было настоящим мировоззренческим прорывом, это направление утрачивает одну из важнейших категорий человеческого бытия – личность.

Космизм К. Э. Циолковского деперсонализирует человека в двух аспектах: личностном и социальном.

Личностный аспект. Личность, согласно космисту, представляет собой осознаваемый этап существования совокупности атомов, которые по воле случая стали частью нервной системы человека. Все то, что составляет личность, все качества человека как социального существа являются временным явлением в масштабе Вселенной, можно сказать, мгновенным, а экзистенциальные проблемы этой личности есть порождение ее невежества. Когда человечество будет объ-

единено научным мировоззрением, наступит вечное блаженство. Достижение такого состояния предполагает отсутствие причин и возможностей для страданий, поскольку каждый человек осознает себя скоплением атомов, которое составляет часть эволюционирующей Вселенной.

На данный момент, согласно К. Э. Циолковскому, на Земле происходит автономное развитие живой материи, поэтому существа на ней поэтапно эволюционируют, мучительно претерпевая при этом бытие в несовершенных телах. Исследователь русской философии А. Е. Рыбас, анализируя атомократию К. Э. Циолковского (атом – единственная реальная субстанция, все остальные тела уже их комбинации), охарактеризовал земную жизнь в контексте этого учения как подвиг [1]. Таким образом, у человечества есть смысл жизни, поскольку оно является частью эволюционирующей материи. Смысл жизни же отдельного человека сводим к осознанию себя частью человечества, смысл бытия человека как отдельной персоны отсутствует. Более того, согласно К. Э. Циолковскому, от множества мнений, взглядов, идей, идеологий, верований, индивидуальных траекторий личностного развития и уникальных сценариев бытия следует перейти к абсолютному единообразию. Благодаря этому восторжествует нравственный и идеологический монизм, основанный на универсальности научных истин. Рассматривая монизм К. Э. Циолковского как деятельностную парадигму, современный исследователь его наследия В. И. Алексеева утверждает, что мыслитель требовал от человека «перестроить себя и общество, то есть перейти от плюрализма существования отдельных людей – социальных атомов, разрозненных социальных организмов и по видимости не имеющих связи со вселенной – к монизму, единству всех этих составляющих» [2].

В традиции древнегреческого космоцентризма, который сформировался из восхищения эллина упорядоченностью вселенной, и поэтому провозгласил ее образцом устройства земной жизни, космист К. Э. Циолковский понимал под вселенной не только естественно-научную категорию, но и онтологическую, этическую и эстетическую. Для него все проблемы человека и общества сводились к их несоответствию космическому совершенству вселенной. Мыслитель был уверен, что вселенная бесконечна в пространстве и во времени. Биологическая ограниченность человека (физическое несовершенство, особые требования к среде, смертность и т.д.) опять же не соответствовала вселенской гармонии и требовала глубоких эволюционных сдвигов в самом человеке как природном существе. Человек у К. Э. Циолковского, по словам В. И. Алексеевой, – «акосмичен», поскольку «отделен от вселенских процессов, как духовных, так и физических» [2]. Другими словами, в современном космисту мире человек недостаточно совершенен и все еще находится в процессе болезненного становления, чтобы в будущем стать образцом самой целесообразной формы материи.

Опять же возвращаясь к теории атомократии, следует заметить, что она полностью нивелирует индивидуальные экзистенциальные запросы, лишая их смысла. Смерть определяется мыслителем как «одна из иллюзий ума» [3, с. 10]. Поскольку нет качественных различий между живым и неживым, не стоит драматизировать явление смерти, ее нет, она лишь переход атома из одного скопления себе подобных в другое. Все существующее для К. Э. Циолковского – пульсирующая эволюционирующей жизнью материя. Согласно мыслителю, когда человек осознает эти истины его мировоззрение кардинально изменится. Знание о себе как о временном скоплении атомов, части вселенной, которая вечна и бесконечна, по словам В.И. Алексеевой: «уничтожает страх смерти, наполняет человека бодростью, порождает оптимизм характера, стимулирует творческое начало» [2]. Кроме того, эволюция человека полностью изменит его физические параметры. О том

каким будет постчеловек, согласно учению космиста, можно представить из его научно-фантастической повести «Грезы о Земле и небе». Здесь К.Э. Циолковский описывает встречу путешественника с представителями совершенной жизненной формы, которые живут несколько тысяч лет и не знают физических недугов. Эти существа объясняли необыкновенную длительность своей жизни так: «этим долголетием мы обязаны полной изолированности нашего тела от зловредных элементов благодаря окружающей абсолютной пустоте и непроницаемости нашей кожи… У нас есть особые регуляторы жизни, которые мешают телу стариться, слабеть, вообще изменяться во вред себе» [4, с. 45]. Помимо прочего, эта жизненная форма обладает внешним изяществом, питается солнечной энергией и умеет визуально выражать свои мысли.

Самым спорным моментом всего учения философа является утверждение целесообразности применения евгенического отбора людей. Евгеническая теория, известная с «Государства» Платона (5–4 вв. до н.э.), проявившаяся у Т. Кампанеллы в «Городе Солнца» (16–17 вв.) и у К. Э. Циолковского в нескольких работах (начало 20 в.), сегодня имеет пугающую ассоциацию с нацистским режимом. Однако в начале 20 в. такой негативной коннотации у евгеники не было, и она воспринималась как возможный вариант нормальной социальной практики из далекого будущего.

Исследователь русского космизма Н. К. Гаврюшин подчеркивал аморальность провозглашения приемлемости подобной практики: «“Страдающего убей“ - такова самая краткая формула космического пути к “вечному блаженству“ вездесущего неуничтожимого атома, безродного и беспамятного “гражданина вселенной”» [5, с. 128]. Очевидно, что подобная мысль могла прийти лишь при абсолютной деперсонализации человека, когда его нет в принципе, не существует ценности его личности как совокупности уникальных черт. Здесь сострадание может проявляться лишь как сожаление о неудачной комбинации атомов. Поэтому, по мнению К.Э. Циолковского, этим атомам лучше разлететься в пространстве, что будет означать сокращение временного периода до новой, более удачной комбинации.

Следует помнить, что нравственный мир есть порождение правил совместного существования личностей, вне человеческого мира, в природе не существует нравственности, ее законы применимы исключительно к человеку. Ведь для вынесения нравственной оценки объект должен уметь различать добро и зло. В некотором смысле нравственный мир представляет собой уже надприродную надстройку на природном основании биологической жизни. Если же говорить об атомах или их скоплениях, то очевидно, что они подчиняются естественнонаучным законам и не только не могут регулироваться нравственными принципами, сама нравственность для них не существует. Поэтому отношения между живыми существами как скоплениями атомов подчиняются требованию целесообразности, здесь представляется бессмысленным существование страдающего существа в силу своего несовершенства, когда есть возможность стать не страдающим или менее страдающим.

Социальный аспект. Человек, по К. Э. Циолковскому, должен находиться на пересечении социальных связей, которые рационализированы до абсолютной степени. По словам В. И. Алексеевой в социальном проекте мыслителя «изгнание иррационального является одной из задач» [6, с. 186]. В обществе, построенном исключительно на рациональных началах, исчезнет сама потребность творить зло, оно будет для всех нецелесообразно, вследствие организации социума не на основе законов или морали, а на основе науки. Человеческое общество должно уподобиться вселенной и развиваться в сторону наиболее правильной формы бытия.

Человек должен стремиться к унификации собственной личности путем усвоения научного мировоззрения, которое предполагает единственно верный вариант поведения, все остальные варианты следует рассматривать как ошибочные. С точки зрения логики здесь работает исключающая дизъюнкция, которая предполагает только один правильный вариант. Поэтому в утопичном или лучше сказать антиутопичном будущем К. Э. Циолковского полностью осуществится глобалистическая тенденция, так, по мысли В. И. Алексеевой: «В его обществе будущего нет плюрализма мировоззрений, религиозных верований, ненаучного и антинаучного как неотъемлемой части бытия общественного сознания» [6, с. 193]. Единственным руководством любой преобразовательной деятельности в таком социуме будет научная целесообразность.

Рассматривая систему ценностных ориентаций мыслителя, В. И. Алексеева заключает, что для него «ценности отдельной жизни, не достигшей максимального развития, не существует» [6, с. 187]. Такой вывод абсолютно правомерен, ведь атом ценен не своим бытием, а наличием потенциала, позволяющего ему когданибудь составить совершенную форму жизни вместе с другими себе подобными. Поэтому в будущем, согласно мыслителю, полностью исчезнет антагонизм общественного и индивидуального. У человека не останется иных желаний и устремлений, кроме как стать полезным для создания чего-то большего, чем его индивидуальное бытие.

Космизм был в центре внимания философского знания в советский период, особенно в 60-80-е гг., когда космическая тема была необычайно востребованной, а евгенические идеи в трудах К. Э. Циолковского уже рассматривались в контексте научной фантастики, а не прямого указания к действию. Торжество научного знания, приведшее к покорению космических пространств, эволюции человека и построению идеального общества, – идея, которая была созвучна с социалистической идеологией. Поэтому космизм в СССР воспринимался положительно, так советский исследователь Е. Т. Фаддеев, анализируя рассмотрение К. Э. Циолковским развития общества как движущей силы эволюции материи, отмечал, что в этих рассуждениях «заключено немало резонного, либо, во всяком случае, это резонное выводимо из трудов мыслителя. К тому же оно весьма близко к марксистской трактовке проблемы» [7, с. 10].

Это созвучие обнаружили также В. В. Казютинский и И. А. Дудкина. В учении космиста, как и в социалистической идеологии, человек представляет собой деятельного и активного субъекта, который внесет «в космический хаос необходимую упорядоченность, гармонию, организованность» [8, с. 14]. Положительно оценивает «космическую этику» и философ К. Х. Хайруллин, поскольку «требование служения личности интересам своего народа» [9, с. 47] и «указание на то, что следование личности данному требованию открывает ей путь к бессмертию» [9, с. 47–48] соответствовали ценностям эпохи строительства социализма.

При этом следует отметить, что социальный проект К. Э. Циолковского предполагал значительную модификацию человеческой личности именно в сторону ликвидации индивидуальных различий. По словам В. И. Алексеевой, для его осуществления «гигантские массы людей сами должны выступать в роли винтиков социальных машин» [6, с. 191]. Конечно же найдутся те, кто воспротивится миссии винтика, таким личностям мыслитель предлагал жить изолированно и подчеркивал бессмысленность такого «акосмического» существования. Как два атома водорода и один атом кислорода образуют воду, так и люди, с той же неизбежностью, если они руководствуются научными знаниями, будут составлять социальные комбинации, которые максимально целесообразны для эволюции обще-

ства и природы, все иное, выходящее за рамки данной целесообразности, по мнению К.Э. Циолковского, только тормозит эволюцию как процесс, наделяющий смыслом бытия все формы существования материи.

Таким образом, очевидно, что антропологические и социальные воззрения мыслителя носят деперсоналистский характер. По мнению К. Э. Циолковского существует только космическая целесообразность, которую дано понять только науке, все остальное – тупиковые варианты, которые лишь затягивают эволюцию человека, общества и вселенной. Все происходящее в мире должно подвергаться нравственной оценке, которая выносится по критерию соответствия этой целесообразности, т.е. быть «космичным» или «акосмичным». Соответственно, чем раньше человечество станет сознательным, будет стремиться соответствовать космосу, тем быстрее наступит эра предсказуемого и счастливого существования, когда Земля возглавит вселенскую эволюцию.

Список литературы

1. Рыбас А. Е. Теория «вселенской атомократии» К. Э. Циолковского в контексте идей русского эмпириокритицизма // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3. С. 94–108.

2. Алексеева В. И. Постулаты космической философии К. Э. Циолковского // Проблемы русского космизма : материалы Междунар. науч.-общест. конф. (г. Москва, 8–11 октября 2013 г.). URL: http://www.icr.su/rus/conferencies/2013/Alekseeva.php (дата обращения: 26.03.2026).

3. Циолковский К. Э. Монизм вселенной. Калуга : 1-я гос. типолитогр., 1925. 32 с.

4. Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. М. : АН СССР, 1959. 96 с.

5. Гаврюшин Н. К. Космический путь к «вечному блаженству» (К. Э. Циолковский и мифология технократии) // Вопросы философии.1992. № 6. С. 125–131.

6. Алексеева В. И. К. Э. Циолковский: философия космизма. М. : Самообразование, 2007. 320 с.

7. Фаддеев Е. Т. Проблема бессмертия человечества у К. Э. Циолковского и в марксизме // Труды девятых чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. М. : АН СССР, 1975. С. 3–17.

8. Казютинский В. В., Дудкина И. А. Мировоззрение К. Э. Циолковского и марксистско-ленинская философия // Труды семнадцатых чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. М. : АН СССР, 1983. С. 3–31.

9. Хайруллин К. Х. Материалистический подход к проблеме бессмертия человека в трудах К. Э. Циолковского // Труды семнадцатых чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. М. : АН СССР, 1983. С. 42–54.

УДК 1(091),616.89-008

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПСИХОСОМАТИКИ

Нина Анатольевна Тузаева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ninatuzaeva228@mail.ru

Аннотация. Рассматривается психосоматика как междисциплинарная проблема, требующая не только клинического, но и философского осмысления. Цель работы – показать, что болезнь не сводится к физическому нарушению, а затрагивает целостное че-

ловеческое существование. На основе идей М. Хайдеггера и Ж. Кангилема анализируются экзистенциальный характер болезни и пересмотр категорий нормы и патологии. Особое внимание уделяется холистической традиции русской медицины (М. Я. Мудров, Н. И. Пирогов, С. П. Боткин, И. М. Сеченов), которая рассматривала человека в единстве тела и души. Делается вывод о необходимости интеграции философского, психосоматического и личностно-ориентированного подходов для целостного понимания здоровья и болезни.

Ключевые слова: психосоматика, философия болезни, расстройство, соматизация, биопсихосоциальный подход

Болезнь традиционно рассматривается как медицинская проблема, однако в философии она понимается шире – как состояние, затрагивающее не только тело, но и внутренний мир человека. Она связана с переживанием уязвимости, конечности и страдания, а потому требует осмысления не только в клиническом, но и в гуманитарном контексте. В современном научном знании такое понимание развивается в рамках психосоматического подхода, рассматривающего болезнь как результат взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов. В статье анализируются философские основания этого подхода, а также вклад русской медицинской традиции в формирование целостного взгляда на человека и болезнь.

В философии XX века болезнь все чаще осмысляется как особый экзистенциальный опыт. Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» пишет: «Настроение открывает, “как оно” и “каково бывает” человеку» [12, с. 134]. Это означает, что настроение (например, тревога, страх, подавленность) является не просто внутренним переживанием, а способом, каким человеку открывается его собственное состояние — и психическое, и телесное. Именно в настроении человек непосредственно чувствует, «как ему живется», включая физическое самочувствие. С этой точки зрения, многие телесные симптомы (боль, утомляемость, сердцебиение, нарушения пищеварения) могут быть не следствием органического повреждения, а выражением определенного настроения – прежде всего тревоги [2]. Таким образом, психосоматическое расстройство можно понять как случай, когда настроение «открывает» себя через тело, а болезнь перестает быть чисто физиологической проблемой и предстает как способ существования человека в мире.

Жорж Кангилем, развивая философию медицины, пишет: «Жизнь – нормативная деятельность. […] Жизнь небезразлична к тем условиям, в которых она становится возможной; она полярно раздражается, бессознательно задавая свои позитивные и отрицательные ценности. […] Медицина стремится возвратить человеческое тело в нормальное состояние. Однако следует спросить: мы должны называть его нормальным, поскольку оно расценивается в качестве такового в рамках терапии? Или врач рассматривает его как “нормальное”, поскольку таковым его находит больной как заинтересованное лицо? Мы открыто заявляем, что верно второе» [4, с. 88]. Из этих слов следует несколько важных для понимания психосоматики выводов. Во-первых, организм сам оценивает, что для него полезно, а что вредно, и болезнь – это не просто объективный сбой, а результат этой оценки. Во-вторых, норма не может определяться только среднестатистическими показателями или медицинскими протоколами; решающую роль играет то, как сам больной переживает свое состояние. В-третьих, жизнь активно сопротивляется тому, что ей угрожает, и телесные симптомы – это не пассивный упадок, а способ борьбы. С этой точки зрения, соматизация тревоги (боли, сердцебиение, нарушения пищеварения при отсутствии органического повреждения) – не «ложные» жалобы, а реальное выражение того, как организм оценивает свою ситуа-

цию. Психосоматическое расстройство – это не «ошибка природы», а скорее способ, которым организм сообщает о том, что его привычные условия существования нарушены. Ценность такого сигнала в том, что его переживает сам больной, а не кто-то со стороны.

Клинические исследования показывают, что переживание болезни не сводится к соматическим нарушениям, а включает изменение психического состояния пациента. В частности, тревожные расстройства часто сопровождаются телесными симптомами – болями, сердцебиением, желудочно-кишечными жалобами, – при этом органическая причина таких симптомов может отсутствовать [3]. В одном из клинических наблюдений у пациентки с генерализованным тревожным расстройством длительно отмечались боли в животе, изжога, головная боль и мышечное напряжение; лечение этих жалоб не давало эффекта, но после терапии, направленной на снижение тревоги, симптомы редуцировались [3]. Этот случай иллюстрирует феномен соматизации: психическое состояние «маскируется» под телесное недомогание. Таким образом, психосоматическое расстройство – не просто поломка, а целостное состояние человека, требующее внимания и к его психике, и к его телу. Именно поэтому необходим подход, объединяющий телесные и психические аспекты человеческого существования.

Русская медицинская традиция XIX века стремилась к целостному пониманию человека и не сводила болезнь только к локальному поражению органа. Одним из ее важнейших принципов стал индивидуальный подход к больному. М. Я. Мудров подчеркивал, что лечить следует не болезнь как абстрактное состояние, а самого больного, учитывая его образ жизни, привычки и общее состояние [5].

Развитие психосоматического подхода во многом связано с деятельностью ключевых фигур русской медицины XIX века, таких как Н. И. Пирогов, С. П. Боткин и И. М. Сеченов. Пирогов уделял особое внимание не только техническим аспектам хирургии, но и моральной ответственности врача, считая его обязанностью поддерживать пациента в любых обстоятельствах. Он требовал от врача «входить в душевное состояние больного», лично беседовал с ранеными, чтобы снизить страх, и отмечал, что «спокойный дух» ускоряет заживление ран [9]. Боткин воспринимал организм как целостную систему и подчеркивал значимость внешних факторов, включая нервную регуляцию, в развитии заболеваний [1]. В свою очередь, Сеченов разработал теоретическую основу для понимания взаимосвязи между физиологическими и психическими процессами, сделав вклад в развитие психосоматической медицины [8].

Такая целостная концепция подхода, с фокусом на человеке, а не отдельном органе, была заложена в российской медицинской традиции и продолжала развиваться на протяжении всего XIX века. В этом контексте важным является внимание не только к органической причине заболевания, но и к образу жизни, психоэмоциональному состоянию пациента и влиянию окружающей среды. Этот подход сделал русскую клиническую школу уникальной, отличавшейся от западных редукционистских моделей и акцентировал внимание на связи тела и разума, которая позднее будет признана основой психосоматического подхода.

Современная медицина продолжает развивать идеи биопсихосоциальной модели, рассматривая болезнь как результат взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов [13]. В этом контексте большое значение придается не только объективным медицинским данным, но и восприятию пациента своего состояния, а также влиянию болезни на его личную жизнь и отношения с окружающими. В российской медицинской литературе также выделяется роль пациент-центрированного подхода, который учитывает ценности пациента, его личные убеждения и активное участие в процессе лечения [10]. Такой подход

особенно важен в лечении хронических болевых синдромов и психосоматических расстройств, где эмоциональное состояние, тревожность и ожидания пациента играют ключевую роль в успешности терапии [6, 10, 13].

На основе современных исследований видно, что психосоматические расстройства значительно распространены как в общей популяции, так и в амбулаторной и стационарной практике. Это подчеркивает клиническую значимость психосоматического подхода и необходимость комплексной диагностики, включающей как физические, так и психопатологические аспекты болезни [11]. В таких случаях между выраженностью симптомов и объективными медицинскими данными нередко отсутствует прямая корреляция, что делает обязательным учет субъективного переживания пациента, его тревожности и адаптации к болезни в процессе лечения [6, 7, 10, 13].

Психосоматика, как философский и клинический подход, позволяет рассматривать болезнь не как изолированное телесное нарушение, а как событие, затрагивающее целостное человеческое существование. Объединяя телесные, психические и социальные аспекты, такой подход способствует не только более эффективной терапии, но и более глубокому пониманию того, что значит быть больным. В этом смысле философия болезни возвращает медицине ее исконную цель – заботу о человеке, а не только о его органах.

Список литературы

1. Богомолов Б. П. Вклад С. П. Боткина в изучение и клиническую диагностику инфекционных болезней // Клиническая медицина. 2012. № 9. С. 17–19.
2. Дороженок И. Ю. Тревожные и болевые расстройства в общемедицинской практике (аспекты коморбидности и терапии) // Медицинский совет. 2012. № 4. С. 98–104.
3. Есин Р. Г., Хайбуллина Д. Х. Соматические маски тревожного расстройства и возможности терапии // Медицинский совет. 2022. № 23. С. 102–108.
4. Кангилем Ж. Нормальное и патологическое / пер. с фр. Н. Архипова ; под ред. Д. Вяткина, М. Романюк. М. ; Пермь : Ад Маргинем Пресс : HylePress, 2026. 248 с.
5. Мудров М. Я. Избранные произведения / под ред. А. Г. Гукасян. М. : Изд-во Акад. мед. наук СССР, 1949. 294 [1] с. (Деятели отечественной медицины).
6. Психосоматические расстройства в клинической практике / под ред. А. Б. Смулевича. 2-е изд. М. : МЕДпресс-информ, 2019. 774 с.
7. Ромасенко Л. В., Махов В. М., Чичкова Н. В. Функциональные (психосоматические) расстройства в общей медицинской практике // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2019. № 3. С. 69–73.
8. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. СПб. : Типография А. Головачова, 1866. 186 с.
9. Силуянова И. В., Назарова Е. В. Вклад Н. И. Пирогова в развитие профессиональной этики врача // Вестник РГМУ. 2010. № 5. С. 98–101.
10. Таратухин Е. О. Пациент-центрированная медицина. Новая реальность // Российский кардиологический журнал. 2016. № 9 (137). С. 79–83.
11. Толоконин А. О. Модели патогенеза психосоматических расстройств и концепция психосоматического сценария // Медицинский вестник Юга России. 2023. № 2. С. 61–66.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
13. Wade D. T., Halligan P. W. The biopsychosocial model of illness: a model whose time has come // Clinical Rehabilitation. 2017. Vol. 31, № 8. P. 995–1004.

УДК 316.7

ЭКТОГЕНЕЗ КАК БИОВЛАСТЬ

Анастасия Денисовна Шевченко

Пензенский государственный университет, г. Пенза

nastashev06@mail.ru

Аннотация. Эктогенез рассматривается не через привычную этическую дилемму «освобождение или контроль», а с помощью понятия биополитики, которое предложил Мишель Фуко. Технология не упраздняет власть, а меняет ее механизмы: на смену дисциплине женского тела приходит управление доступом, параметрами эмбриона и тем, кого допускают до «разрешенного» родительства. Показано, как риторика «заботы о ребенке» и «ответственности» оборачивается нормализацией, а евгеника становится чем-то обыденным, почти незаметным. В итоге эктогенез выглядит не как революция в антропологии, а как очередной виток биовласти, где главный вопрос – уметь замечать новые формы исключения и не молчать о них.

Ключевые слова: эктогенез, биовласть, Мишель Фуко, нормализация, искусственная матка

Эктогенез – это технология искусственного вынашивания плода вне тела матери. Она пока находится на стадии экспериментов, но уже обсуждается как ближайший горизонт репродуктивной медицины [4, 9]. Однако ее значение выходит далеко за рамки клиники. Разрывая связь между беременностью и материнством, эта технология ставит под вопрос привычные представления о рождении, гендере, семье и власти. Возникают вопросы о контроле над «искусственной маткой», о доступе к ней и о том, какие эмбрионы считаются «достойными» вынашивания. Эти проблемы невозможно свести к дилемме «освобождение или контроль». Вместо этого статья предлагает взглянуть на эктогенез через понятие биовласти, разработанное Мишелем Фуко [6, 7, 8].

Для Фуко биовласть – это механизм, с помощью которого государство управляет жизнью населения: рождаемостью, здоровьем, смертностью [7, 8]. В отличие от философии ответственности Ганса Йонаса, которая сосредоточена на этике предосторожности [2], фукодианский анализ показывает, что эктогенез не просто создает новые риски, а переформатирует саму структуру власти. Власть перестает быть только запрещающей или дисциплинирующей (например, контроль над женским телом через гинекологию или абортное законодательство). Она становится техно-политикой – управлением через доступ к технологии, ее параметры и категории «допустимого» родительства [3, 4].

Для Фуко рождение всегда было политизировано. Оно становится входом в дисциплинарные системы – паспорт, прививки, школа, семья [8]. Эктогенез усиливает этот процесс: ребенок становится доступен власти с момента зачатия, а не с рождения. Случайность биографии исчезает, на ее место приходит нормализация. Власть не просто запрещает, она производит реальность. Рождение – это первый шаг в длинной цепочке нормализации: от медикализации до юридических рамок, которые конструируют «порог» жизни [8].

Донна Харауэй (в интерпретации Агамаловой и Костылевой) показывает, что научная «объективность» никогда не бывает нейтральной – она всегда имеет конкретную позицию и пронизана властью [1]. Эта мысль перекликается с анали-

зом эктогенеза: технология не просто отражает «естественную» реальность, а активно ее создает, нормализуя физиологические, гендерные и политические параметры.

Даже в клиническом дискурсе, который избегает философских вопросов, эта нормализация проявляется. Авторы обзора экстракорпоральных систем развития плода описывают технологию как инженерную задачу – воспроизведение температуры, кислотности, газообмена [9]. Для Фуко это перформативный акт: «естественная среда» объявляется набором измеримых величин. Власть работает через перевод онтологического вопроса («что такое вынашивание?») в инженерный вопрос («как настроить насос?»). Тело матери исчезает из описания – остается только плод как объект технического управления.

Эктогенез становится возможным потому, что понимание материнства исторически менялось. Фуко показывает, что «уникальный телесный опыт» – это эффект дискурса XIX века, с его медикализацией родов и патернализацией семьи [7]. Эктогенез завершает демонтаж христианско-викторианской модели материнства, отказываясь от телесной привилегии женщины. Этот тезис подтверждается студенческой работой, авторы которой утверждают, что материнство не статично: оно прошло путь от образа «матери-труженицы» до модели осознанного позднего материнства [5]. Никакой «природной» сущности материнства нет – есть сменяющие друг друга дискурсивные режимы.

Власть, которая раньше осуществлялась через контроль над женским телом (гинекология, абортное законодательство), теперь сосредотачивается на контроле доступа к технологии эктогенеза: кто имеет право на выбор, кто управляет параметрами, кто сертифицирует «качество» эмбриона. Этот переход не ведет к постгендерному миру, а порождает новые формы неравенства – не по полу, а по классу, генетическому статусу и «проектности» [7]. Пример: в одной работе предлагается ограничить доступ к искусственной утробе только супружескими парами, где женщина имеет медицинские показания [4]. Здесь власть не запрещает беременность, а направляет доступ – критерием становится семейное положение и диагноз. Та же логика видна в асимметрии суррогатного материнства: одинокая женщина может обратиться к процедуре, одинокий мужчина – нет, хотя суды постфактум признают его отцовство [3].

Особенно показательно требование генетической связи при суррогатном материнстве: ребенок должен быть генетически связан с обоими родителями (или с одинокой женщиной), что исключает донорские гаметы [3]. Это насильственное насаждение модели «генетической семьи», даже если оно противоречит интересам бесплодных пар. Эктогенез может как усилить этот эссенциализм, так и разрушить его – в зависимости от того, какие нормы возобладают.

Эктогенез меняет и практику аборта. Он позволяет сделать аборт «без смерти» – извлечь эмбрион и продолжить его развитие в искусственной среде. Власть, которая раньше работала через запрет или разрешение, теперь действует через нормализацию: скрининг, оптимизацию, отбраковку на ранних стадиях [8]. Правовой статус эмбриона остается неопределенным, что порождает острые разногласия [4]. Для Фуко это не фиксация сложности, а способ производства эмбриона как объекта власти: он существует ровно в той мере, в какой о нем спорят. В российской практике статус криоконсервированных эмбрионов не определен – они находятся в серой зоне между вещью и субъектом [3]. Эта зыбкость и есть условие для гибкого управления. Искусственная утроба может быть использована для медицинского аборта на поздних сроках, переводя вопросы жизни и смерти в технократическую плоскость [11].

В этом контексте евгеника становится рутинной практикой, не требующей вмешательства государства. Родители под давлением социальных ожиданий выбирают «лучший» эмбрион. Это скрытая, но мощная норма [8]. Пример: описывая преимущества искусственной утробы, автор утверждает, что технология исключает риск заражения эмбриона от матери и передачи алкоголя или наркотиков [4]. Достаточно технологии, которая позиционируется как «более безопасная среда», чтобы вынашивание в теле «рискованной матери» стало социально порицаемым. Категория «неспособности» уже содержит оценку – она отсылает к медицинской норме, за которой стоит иерархия [9]. Йонас предупреждал: именно такая «безопасная среда» создает иллюзию полностью управляемого риска, уводя от вопроса, кто и на каких основаниях определяет, что является «нормой» [2]. Как показала Сара Алави, в 1960–70-е годы репродуктивная биовласть действовала двойным механизмом: белые женщины боролись за право не иметь детей, а черных женщин принудительно стерилизовали [10]. Эктогенез не отменяет эту логику, а переводит ее на новый уровень: «ответственный выбор» теперь означает отбор эмбриона и соответствие классу, расе и генетическому статусу.

Роль семьи также меняется. Вместо архетипа матери появляется техномедицинский аппарат, контролирующий развитие ребенка. Семья превращается в менеджера рисков. Родители становятся не воспитателями, а распорядителями биоматериала [6]. Исследование показывает, что эмбрионы рассматриваются как ресурсы: их можно сохранять, утилизировать, редуцировать, передавать родственникам [3]. Йонас настаивал, что технологическая власть над жизнью требует беспрецедентной ответственности, но сама логика технологии подталкивает к тотальному контролю, а не к смирению перед непредсказуемостью [2]. В эктогенезе эта напряженность достигает предела: родители вынуждены принимать решения за эмбрион, не имея возможности «ошибиться».

Для Фуко спор между биоконсерватизмом и постгуманизмом – ложная дилемма, поскольку оба дискурса верят в неизменную «человеческую природу» [7]. На самом деле власть сама формирует понятие «человечности» через нормы и исключения. Студенческая работа подтверждает: большинство философских вопросов об эктогенезе рано или поздно принимают правовую форму [5]. Право становится конечной инстанцией нормализации.

Технический дискурс дает образ ребенка как проекта. В описаниях экстракорпоральной системы фигурируют искусственная амниотическая жидкость, пуповина, подключенная к аппарату, и резервуар для плода [9]. Ребенок – это совокупность параметров, которые нужно поддерживать. Именно это Харауэй называла «ситуированной объективностью»: научные параметры не нейтральны, они выражают власть [1]. Ответственность родителей становится тотальной, но технологически опосредованной: они настраивают приборы. Эта гиперответственность, по Йонасу, может привести к параличу воли, но с точки зрения Фуко она является интериоризацией биовласти: родители сами становятся агентами нормализации.

Эктогенез – это не антропологическая революция, а очередной этап в истории биовласти. Власть становится более рассеянной, капиллярной, анонимной. Старая дилемма «природа или техника» замещается вопросами о новых формах исключения и нормализации. Йонас настаивал, что этика должна идти впереди технологии, но эктогенез показывает обратное: технология уже меняет этику, заставляя переопределять ответственность [2]. Попытки человечества этично распорядиться властью над собственным воспроизводством наталкиваются на фундаментальную проблему: Фуко показал, что «человечество» никогда не распоряжается властью – власть распоряжается «человечеством», производя его как коррелят своих техник. Эктогенез – не точка невозврата, а зеркало, в котором мы видим, как всегда уже были вписаны в биовласть. Поэтому ключевой вопрос

заключается не в том, чтобы остановить или ускорить технологию, а в том, какие формы исключения и нормализации мы готовы распознать и оспорить.

Список литературы

1. Агамалова Л., Костылева Е. Антифилософия Донны Харауэй: объективность без объективации // Логос. 2022. № 1 (146). С. 223–236.
2. Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации / пер. И. И. Маханькова. М. : Айрис-пресс, 2004. 479 с.
3. Кондрашев А. А. Правовые и биоэтические проблемы реализации вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в России // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 12. С. 2622–2631.
4. Мотова Е. А. Эктогенетические технологии как способ спасения жизни ребенка: к вопросу их применения и законодательного регулирования // Медицинское право: теория и практика. 2022. Т. 8, № 1-2 (15-16). С. 23–29.
5. Николаева Е. Д., Романов М. А. Правовое регулирование эктогенного материнства: этический, философский и правовой аспекты // Law Afterknown: право за гранью обыденного : материалы IV Междунар. молодеж. юридического форума (г. Тюмень, 15–17 мая 2025 г.) / гл. ред. С. С. Зенин ; отв. ред. Л. В. Иванова. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. С. 107–113.
6. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2011. 543 с.
7. Фуко М. История сексуальности. Т. 4. Признания плоти / общ. ред. Фредерика Гро; пер. с фр. С. Гашкова. 2-е изд. М. : Ад Маргинем Пресс, 2025. 415 с.
8. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб. : Наука, 2005. 311 с.
9. Яворовская К. А., Горячев А. А. Вопросы эктогенеза и возникновения экстракорпоральной системы развития плода // Акушерство и гинекология. 2023. № 10. С. 70–76.
10. Alavi S. Reproductive Responsibility and the Racial Biopolitics of Choice // Brown Undergraduate Journal of Public Health. 2021. 13 December. URL: https://sites.brown.edu/publichealthjournal/2021/12/13/reproductive/ (дата обращения: 05.04.2026).
11. Di Stefano L., Mills C., Watkins A., Wilkinson D. Ectogestation ethics: The implications of artificially extending gestation for viability, newborn resuscitation and abortion // Bioethics. 2020. № 34 (4). P. 371–384.

УДК 165.3

АНТРОПОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ ИММАНУИЛА КАНТА: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Ольга Александровна Мартынова[1], Валерия Сергеевна Чекмарева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]Lerochkachekmareva@gmail.com

Аннотация. В эпоху Просвещения основным объектом изучения философии стал человек. Наиболее существенный вклад в решение вопроса «Что есть человек?» внес Иммануил Кант. Он заложил основы антропологии и описал препятствия, с которыми предстоит столкнуться исследователю – антропологу. Кант выделял две основные со-

ставляющие формирования человека: рассудок и чувственность. Философ отмечал, что лишь из соединения этих двух аспектов может возникнуть достоверное знание о природе человека.

Ключевые слова: И. Кант, антропология, человек, разум, чувственность

Эпоха просвещения поставила в центр философской мысли понятие о том, что такое есть человек. Исследователи того времени старались рассматривать этот вопрос и с теоретической, и с практической точек зрения. В этот период произошла французская революция, показавшая, что французские мыслители определяли границы человеческой свободы и выявляли свойства человеческой природы не только в процессе написания своих трудов, но и на полях сражений с оружием в руках [4, с. 116].

Однако ключевой фигурой в вопросе познания человека и изучения антропологии вообще стал Иммануил Кант. Именно он определил понимание назначения человека как одну из основных задач философии своего времени. Кант представил 3 основных вопроса: «Что я могу знать?», «Что я должен сделать?» и «На что я смею надеяться?», позже объединив их в одну главную проблему «Что есть человек?» [3, с. 616].

В одной из своих работ «Антропология с прагматической точки зрения», И. Кант определяет человека как центральный предмет, к которому должны применяться приобретенные знания и навыки, поскольку: «он (человек) для себя своя последняя цель» [2, с. 111]. Здесь мыслитель обозначает 2 возможных подхода к изучению человека: с точки зрения антропологии физиологической или прагматической. Первая изучает то, «что делает из человека природа», то есть описывает его как биологический объект, а вот последняя представляет человека как свободно действующее существо, которое может само на себя воздействовать. Таким образом, главная задача прагматической антропологии - понять, как человек воздействует на себя, как он может воздействовать и как должен воздействовать [2, с. 111].

Однако отвечая на поставленные вопросы исследователь сталкивается с рядом препятствий, обусловленных собственной природой человека. Во-первых, в случае, если объектом изучения является человек посторонний, нельзя не учитывать некоторую «погрешность» результатов исследования. Ведь если индивид знает, что за ним наблюдают, появляется вероятность изменения им своего поведения с целью показаться лучше, чем он есть (в этом случае можно говорить о нежелании показать свое истинное лицо) или же такое изменение становится итогом обыкновенного неосознанно (или осознанно, в данном случае эта корреляция не имеет значения для результатов) возникающего смущения (тогда можно говорить о том, что человек не может показать себя таким, как он есть). В любом случае, выводы после такого наблюдения будут недостоверными [2, с. 113].

Если невозможно оценить человеческую природу, проводя исследование с посторонним индивидом, логично было бы предположить, что в таком случае выходом будет проводить самонаблюдение, поскольку человек не будет стараться ввести в заблуждение самого себя и вопрос смущения также будет решен. Однако и тут имеют место быть неточности. Кант пишет: «...пока действуют побудительные причины, он не наблюдает себя, а когда он начинает наблюдать, побудительные причины исчезают» [2, с. 113]. Иначе говоря, решающую роль здесь играет невозможность человека постоянно оценивать самого себя со стороны. Обязательно будут возникать какие-либо побуждающие (акцентирующие внимание) факторы, реакцию на которые исследователь не сможет контролировать.

В исследовании индивида существует не только вопрос с объектом исследования, но еще и с условиями наблюдения. Дело в том, что условия места и вре-

мени, если они не изменчивы, формируют у человека определенные паттерны поведения (привычки), следовательно, некоторые действия выполняются неосознанно. В результате исследуемый не может объяснить сущностного мотива того или иного действия, мыслительной цепочки, генезиса убеждений.

Стоит отметить, что все перечисленные трудности, с которыми сталкивается исследователь, не делают изучение прагматической антропологии невозможным, однако усложняют этот процесс и потому требуют к себе повышенного внимания.

Итак, основным объектом исследования прагматической антропологии является человек, влияющий как на себя, так и на общество. В основе же формирования самого индивида Кант выделяет 2 составляющих: Рассудок и Чувственность.

И. Кант определяет рассудок как способность мыслить [1]. Это умение прослеживается у человека с самых первых дней его развития. Причем интересно, что формирование индивида начинается с чувственного восприятия: «прежде он только чувствовал себя, теперь он мыслит себя» [2, с. 117]. Первые неловкие фразы ребенок произносит о себе в третьем лице и только позже начинает говорить о собственном «Я». Примерно в этот же момент формируется его эгоистическая составляющая, которая может существовать в 3 формах: логической, эстетической и практической.

В формировании из ребенка мыслящей личности важнейшую роль играют процессы самонаблюдения и самосознания. Последний связан с представлениями о самом себе и выражается или через внимание, или через отвлечение. Под отвлечением И. Кант понимает «...акт познавательной способности, направленный на то, чтобы представление, которое я сознаю, удержать в сознании от соединения с другими представлениями» или, иначе говоря, способность наблюдать отдельные мысли «со стороны», видеть картину происходящего в целом, а не определять происходящее по одной составляющей [2, с. 123]. Способность отвлечения от представления сложнее внимания, но влияет на человека сильнее, а иногда даже играет ключевую роль в судьбоносном решении. Например, в современной психологии заслуженную популярность обрел метод абстрагирования. С его помощью пациентов учат рассматривать свершившийся факт отдельно от событий остальной его жизни. Проиллюстрируем этот способ простейшим примером:

Допустим, если ученик получил двойку по математике, ему не стоит принимать этот факт как характеристику своих умственных способностей в целом и разочаровываться в изучении предмета. Если оценивать этот факт абстрактно, можно обернуть ситуацию в свою пользу, выявив темы, которым нужно уделить больше внимания и в результате получить не только положительную оценку, но и более глубокое понимание предмета.

Другая составляющая влияния рассудка на формирование человека – самонаблюдение. И. Кант дает вполне конкретное определение этому процессу: «самонаблюдение есть методическое сопоставление восприятий, получаемое от нас самих, которое дает материал для дневника человека, наблюдающего самого себя, и легко приводит к фантазерству и помешательству» [2, с. 125]. Это определение интересно философу-антропологу с двух сторон. Сначала обращает на себя внимание тот факт, что процесс самонаблюдения – отличная «методическая база» для исследователя. Действительно, в ходе отслеживания собственных мыслей и внешних (или внутренних) обстоятельств, провоцирующих их возникновение, можно провести довольно обширный анализ и в результате выявить определен-

ные причинно-следственные связи и т.д. Но здесь же, в определении, И. Кант оставляет читателям важное предостережение. Он характеризует самонаблюдение, как процесс «легко приводящий к фантезерству и помешательству», подчеркивая тонкость грани, существующей между здравой оценкой себя (своих умозаключений) и одержимостью ведением дневника, т.е. записыванием любых мыслей без разбора. Наиболее значимыми и полезными для самопознания, а следовательно и для формирования личности, являются представления, которые наблюдающий исследователь вызывает намерено, а не те, которые возникают в его воображении случайно и ненаправленно. Ключевая недостоверность последнего варианта в том, что при нем принципы мышления не предшествуют нашим представлениям, а следуют за ними, таким образом нарушается порядок познавательной способности, что в отдельных случаях может говорить даже о патологическом изменении рассудка.

Рассудок участвует в формировании индивида в основном посредством самопознания и самонаблюдения, т.е. через активное действие, так как мышление – процесс, требующий волевого усилия. Чувственность же, в противоположность рассудку, пассивная составляющая, главной характеристикой которой является восприимчивость. Она проявляется в результате воздействия какого-либо внешнего или внутреннего «раздражителя» на субъект.

Таким образом, возникает некоторая классификация представлений, влияющих на становление человека, как полноправного члена общества, мыслящей личности и т.п. Чувственные представления, в отношении которых душа остается пассивной, называют низшей познавательной способностью, а интеллектуальные представления, являющиеся активной деятельностью, к высшей [2, с. 133].

Чувственная познавательная способность, несмотря на то, что названа «низшей» не менее важна для нашего формирования, чем разум. И. Кант делает важное замечание: «...без нее (чувственности) не будет материала, который можно было бы обработать для применения законодательствующего рассудка» [2, с. 135]. То есть, хронологически первичным все-таки является эмпирический опыт. Доказательство этому находим с первых месяцев жизни человека. Прежде чем дети начинают произносить слова, а затем собирать их в предложения, они долго анализируют речь взрослых, которые находятся рядом с ними. Малыш слушает звуки (использует чувство слуха), смотрит на движения губ (использует зрение), трогает ручками (тактильная чувствительность), а иногда и пробует заинтересовавший предмет (проявляется чувство вкуса). И вот, когда вся возможна информация о предмете собрана, ребенок анализирует ее и произносит слово сам. Например, мама показала предмет и произнесла слово – задействован зрительный и слуховой анализаторы – малыш запомнил внешний вид и способ произношения, потрогал ручками и укусил – ребенок понял, что предмет шершавый и кислый. И так, спустя несколько повторений, воспоминания об эмпирическом опыте и активная интеллектуальная работа приводят к тому, что в очередной раз, когда родитель демонстрирует круглый желтый предмет ребенок самостоятельно произностит «лимон».

Аналогичные процессы происходят и в любой другой более сложной умственной деятельности. Прежде чем человек сформирует свое представление о каком-либо происходящем событии, он будет собирать о нем информацию с помощью всех своих чувств, а затем посредством самонаблюдения (т.е. работы рассудка) и мышления в целом, сделает вывод и им будет определять происходящее [5].

Антропология с прагматической точки зрения – сложная наука, требующая кропотливого изучения любой своей составляющей. Главный вопрос антропологии «Что есть человек?» очень многогранен, однако следует попытаться дать на

него ответ хотя бы с точки зрения выявления аспектов, влияющих на формирование человека. Такими аспектами, по мнению основателя этой науки И. Канта, в первую очередь являются рассудок и чувственность. «Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание», – так определял философ истоки, которые в конечном итоге и формируют человека [3, с. 90].

Список литературы

1. Брук, Эндрю и Джулиан Вюрт. Взгляд Канта на разум и самосознание // Стэнфордская философская энциклопедия (изд. за весну 2023 г.) / Эдвард Н. Залта и Ури Нодельман (ред.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/kant-mind/

2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. Б. Фохта, Н. Соколова. М. : АСТ, 2026. 384 с. (Эксклюзивная классика).

3. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 6 т. Т. 3. М., 1964.

4. Киселева М. С. Антропология как дисциплина: прагматический проект И. Канта // Человек. 2010. № 2. С. 116–128.

5. Скуднова Т. Д. Прагматическая антропология И. Канта и современная философия образования: к 300-летию со дня рождения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. № 3 (343). С. 27–33.

УДК 17:575

БИОЭТИКА И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГЕНОМА

Ольга Александровна Мартынова[1], Ангелина Игоревна Губина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]girl.linaaa@gmail.com

Аннотация. Анализируются этические и философские аспекты генетического редактирования человеческого генома, которое стало возможным благодаря революционным технологиям, включая CRISPR-Cas9. Обсуждаются различия между соматическим и герминальным редактированием и между терапией и улучшением. Исследуются основные моральные конфликты, которые возникают при определении человеческой идентичности и достоинства и при применении принципа предосторожности и при оценке социальной справедливости. Основные философские подходы к оценке этичности генетических вмешательств включают утилитаризм и деонтологию и этику добродетели, которые требуют междисциплинарного диалога и международного регулирования для этой области, которая сейчас быстро развивается.

Ключевые слова: биоэтика, генетическое редактирование, человеческий геном, герминальное редактирование, соматическое редактирование

Технология CRISPR-Cas9, которая позволяет осуществлять точное редактирование генома, перенесла вопрос о модификации наследственного материала человека из теоретических размышлений в сферу практического применения.

Благодаря своей простоте, эффективности и доступности этот метод привел к ситуации, когда темпы научно-технологического прогресса значительно опережают разработку нормативно-этических регуляторов и философское осмысление его последствий. В связи с чем возникает острая необходимость в выработке этических норм применения данной технологии.

По мнению А. М. Дроздова, потенциальность целенаправленного редактирования генома ставит под вопрос границы допустимого медицинского вмешательства, природу человеческой идентичности и межпоколенческую содидарность, справедливость, актуализируя ключевые вопросы этики [1]. Одним из центральных вопросов, нуждающихся в концептуальном осмыслении, является разграничение терапевтического вмешательства (лечение болезней) и практики улучшения, направленной на формирование заданных биологических свойств организма.

Этический анализ генетических модификаций требует разграничения двух видов. Соматическое редактирование генома – это модификация генома клеток организма-пациента, при этом изменения не передаются его потомкам.

Такой подход видится как логичное развитие имеющихся генных технологий; в настоящее время проходят клинические исследования эффективности CRISPR-Cas9 при серповидноклеточной анемии, бета-талассемии и ряде онкологических заболеваний, что подтверждает возможности технологии.

Риски, связанные с этическими аспектами, здесь не выше, чем при других медицинских вмешательствах, и ограничены сроком жизни пациента, давшего информированное согласие. Однако совершенно иной этический вопрос поднимает герминальное редактирование – модификация половых клеток или генома эмбриона в раннем возрасте. Изменения, внесенные таким образом, будут унаследованы и распространятся на все будущие поколения, что кардинально меняет природу этики процедуры. Герминальное редактирование поднимает принципиально новые этические и философские вопросы, ведь оно выводит медицинское вмешательство из плоскости индивида в плоскость популяции и эволюции [2–4].

В отличие от фармакологического вмешательства, которое можно «выключить», отредактированный геном передается бесконечно – от поколения к поколению. Научные данные подтверждают, что: один ген может влиять на множество фенотипических признаков (плейотропные эффекты); эпигенетическая регуляция имеет сложные механизмы. Следовательно, последствия однократного вмешательства в геном не могут быть предсказаны с высокой точностью. Эксперименты на животных-моделях показывают, что редактирование гена наследственной глухоты может привести к непредсказуемым изменениям когнитивных функций и иммунного ответа у потомков. Все это делает герминальное редактирование этически сомнительным на сегодняшний день, поскольку наука еще не обладает достаточным знанием.

Дж. Файнберг в своей работе «The Right to an Open Future» («Право на открытое будущее») обосновывает, что дети имеют право на возможность выбирать свой жизненный путь самостоятельно и не быть предопределенными решениями, принятыми до их рождения [8]. Согласно этому автору герминальное редактирование, даже если оно осуществляется по лечебным показаниям, нарушает это право, поскольку навязывает будущему человеку биологические параметры, выбранные другими людьми. В работе «Будущее человеческой природы» Ю. Хабермас затрагивает тему генетического программирования, пишет о том, что оно подрывает баланс поколений: ребенок становится средством для целей, не относящихся к нему самому [10].

В биоэтических дебатах широко рассматривается тема смены парадигмы с терапевтического редактирования генома на его применение для улучшения. Если терапевтические вмешательства, направленные на коррекцию тяжелых моногенных заболеваний (например, муковисцидоза или болезни Хантингтона), в целом поддерживаются профессиональным сообществом, то применение технологии для улучшения желаемых качеств – будь то интеллектуальных способностей, физической выносливости или внешности – вызывает широкую критику. В работе «Против совершенства» М. Сэндел показывает, что стремление к совершенствованию человека ведет к его товаризации [6]. Это разрушает этику принятия ребенка просто как такового и превращает его в «проект», оцениваемый по степени соответствия заранее заданным критериям.

Технологии генетического улучшения будут очень дорогие и неизбежно станут доступны не всем. Это создаст риск появления нового типа социального неравенства – биологического. По мнению Ф. Фукуямы, классовый разрыв может закрепиться на уровне ДНК: те, кто не сможет позволить себе генетические улучшения, окажутся вне социальной мобильности [9]. Доступ к таким технологиям становится определяющим фактором принадлежности к социальному слою. Кроме того, популяризация практики улучшений способствует утверждению биологического эссенциализма – идеи о том, что социальный статус и успех человека детерминированы его генетикой. Такая позиция вступает в противоречие с результатами социальных наук, акцентирующих роль социокультурных факторов в конструировании жизни индивида.

С точки зрения популяционной генетики, широкое распространение одних и тех же «полезных» аллелей может привести к резкому обеднению генофонда человечества. Как подчеркивает Э. Уилсон, долгосрочная биологическая устойчивость вида зависит от широкого спектра генетических вариантов, обеспечивающих адаптацию к непредсказуемым изменениям среды [7]. Потеря редких аллелей (которые сейчас могут казаться «неэффективными», но которые могут стать решающими при возникновении новых эпидемиологических или климатических угроз) означает необратимое снижение эволюционного потенциала вида. Это угроза его адаптационной способности к будущим изменениям.

Оценка этической приемлемости герминального редактирования требует обращения к основным нормативным теориям этики. Классический утилитаризм, сформулированный И. Бентамом и Дж. С. Миллем, определяет моральность поступка через его последствия и способность максимизировать общее благо. В современном контексте биоэтики П. Сингер, развивая традиции утилитаризма, делает акцент на принципе минимизации страданий. С этой точки зрения, герминальное редактирование может быть утилитарно оправдано, если оно предотвратит рождение детей с тяжелыми наследственными заболеваниями, чье существование неизбежно сопряжено с страданиями. Но оценка с утилитаристской позиции наталкивается на проблему предсказания долгосрочных эффектов таких вмешательств. Согласно концепции «причинной неопределенности» (D. Parfit), точный расчет утилитарного баланса вмешательства, затрагивающего бесконечное множество будущих поколений, невозможен с требуемой степенью достоверности. Потенциальный вред (укрепление социального неравенства, снижение генетического разнообразия, риск непредсказуемых негативных эффектов) может перевесить непосредственную пользу от предотвращения болезней. Утилитаризм не дает четкого ответа, он просто переносит проблему в плоскость предсказуемости исходов с эмпирической точки зрения.

Деонтологическая этика (И. Кант) утверждает безусловное уважение к достоинству личности как самоценности и запрещает использование человека ис-

ключительно в качестве средства для достижения целей. В рамках этой этической концепции категорический императив не допускает эксплуатации индивида ради каких-либо выводов. Современный деонтолог О'Нил, анализируя этические проблемы генетики, отмечает, что «герминальное редактирование нарушает кантовский закон, поскольку человек будущего становится средством для целей родителей или общества». Ю. Хабермас, развивая деонтологическую традицию, вводит понятие «генетического программирования» как форму межпоколенческого вмешательства, которая «подорвала бы моральную автономию индивида», лишив его свободы выбора.

Согласно ему, даже если бы генетические модификации гарантированно увеличивали счастье людей, они по-прежнему были бы морально недопустимы, поскольку подменяли бы социализацию (процесс воспитания на основе взаимности и ответной реакции) односторонним биологическим воздействием. Р. Дворкин в духе деонтологической парадигмы утверждает, что существуют этические запреты, которые нельзя преодолеть никакими утилитарными аргументами. По его мнению, герминальное улучшение выходит за рамки данных ограничений, так как это «подрывает этическую автономность» будущего человека, лишает у него право на выбор и самоопределение.

Этика добродетели (начатая Аристотелем, развитая А. Макинтайром и Ф. Фут) переносит акцент с оценки правил и последствий на изучение характера и мотивов действующего лица. В контексте генетического редактирования эта этика ставит вопрос: какие качества добродетели она способствует развитию или, наоборот, подрывает? М. Сэндел пишет: «Желание конструировать ребенка генетически вытекает из «жажды господства» (the desire for mastery), корни которой лежат в пороках гордыни, нетерпимости к несовершенству и нежелания признать случайность как неотъемлемую часть человеческого бытия». Этика добродетели указывает на то, что стремление к генетическому конструированию ребенка подрывает ценность безусловного родительского принятия. Вместо принятия ребенка таким, какой он есть, принцип «дизайна» ставит его ценность в зависимость от соответствия заданным параметрам, заменяя безусловное принятие условным отношением. А. Макинтайр предупреждает: «Современные биотехнологии угрожают нам потерей "добродетелей уязвимости"» – способности принимать ограниченность нашего контроля над судьбой», что является фундаментом морального сознания [5, с. 370]. Он полагает, что данная функция играет ключевую роль в развитии морали.

Проведенный анализ исследований позволяет сформулировать ряд выводов, значимых при формировании политики в сфере регулирования генетических технологий. Невозможность научно обоснованного прогнозирования долгосрочных последствий герминального редактирования, а также необратимость внесенных изменений свидетельствуют о преждевременности и рискованности клинического использования этой технологии на данном этапе. Принцип предосторожности был закреплен в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию (1992): «Где существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не должно использоваться как причина для отсрочки мер эффективного и целесообразного реагирования». Однако действующие международные правовые акты, включая Овьедскую конвенцию о правах человека и биомедицине (1997), не предусматривают механизмов, адаптированных к технологическим реалиям современности. Конвенция допускает вмешательство в геном лишь с профилактическими, диагностическими или терапевтическими целями и при условии отсутствия наследования изменений (ст. 13). Однако отсутствие международных механизмов контроля и наказаний снижает

эффективность этих норм. В связи с вышеизложенным можно рассматривать необходимость инициировать разработку нового международного договора о запрете клинического применения герминального редактирования на сегодняшний день. При этом договор должен закреплять механизмы пересмотра запрета при достижении научным сообществом консенсуса по вопросам безопасности и этичности подобных вмешательств, при наличии достаточных научных данных.

Разработка этических принципов не может оставаться ограничена узким кругом научного или медицинского сообщества. Требуется создание многосторонних площадок для междисциплинарной дискуссии – с участием философов, юристов, социологов, теологов и представителей гражданского общества. Примером такого диалога служат международные конференции под эгидой ЮНЕСКО, однако их рекомендации нуждаются в более четком транслировании на национальном уровне. Реализация этих рекомендаций требует координации усилий всех заинтересованных сторон. В отношении герминального редактирования необходимо неуклонно придерживаться принципа предосторожности в его наиболее строгой форме. Отсутствие научного консенсуса по вопросам безопасности и этической приемлемости такого вмешательства должно быть достаточным основанием для запрета на его клиническое применение. Бремя доказывания отсутствия неприемлемых рисков и обоснованности вмешательства должно лежать на стороне, выступающей за легализацию, С развитием технологий CRISPR-Cas9 и накоплением данных о долгосрочных последствиях генетических модификаций требуется постоянный мониторинг и периодическое обновление нормативно-правовой базы. В условиях современной неопределенности (неизвестные последствия генетических манипуляций, отсутствие международного консенсуса по фундаментальным этическим вопросам) первостепенной задачей должно стать сохранение генетического разнообразия человечества. Это необходимое условие для того, чтобы будущие поколения имели возможность жить в открытом биологическом будущем.

Список литературы

1. Дроздова А. М. Биоэтические проблемы генетического редактирования человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24, № 4. С. 609–620.

2. Кант И. Основы метафизики нравов. М. : АСТ, 2021. 160 с.

3. Ковальчук М. В. Этические проблемы генетических технологий: вызовы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2018. С. 200–208. URL: elibrary.ru

4. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.

5. Рихтер Й. Генетическое редактирование человека: этические и правовые аспекты // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2019. Т. 12, № 3. С. 488–498.

6. Сэндел М. Против совершенства: как технологии изменяют человека : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2015. 186 с.

7. Уилсон Э. О. Биологическое разнообразие и эволюционный потенциал вида // Science. 1987. Vol. 235, № 4792. P. 1029–1032.

8. Файнберг Дж. Право на открытое будущее : пер. с англ. // Дети и этика: современные дебаты. М. : РГГУ, 2010. С. 45–62.

9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции : пер. с англ. М. : АСТ, 2004. 349 с.

10. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.

УДК 141.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Вера Николаевна Бабина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

vera.babina@mail.ru

Аннотация. Анализируется проблема идентичности под влиянием цифровизации как одна из наиболее актуальных в современном философском дискурсе. Особое внимание уделено различиям внешней (имидж, мимикрия) и внутренней (сущность, аутентичность) идентичности, размываемой технологиями искусственного интеллекта, виртуальной реальностью и массовой культурой. В цифровом обществе идентичность предстает как перманентный процесс коммуникации и адаптации, требующий динамического равновесия между традиционными ценностями и технологическими трансформациями. Предлагается философская интерпретация идентичности как диалога личности с цифровой средой для сохранения целостности субъекта.

Ключевые слова: идентичность, аутентичность, технологичность, цифровизация

Проблема идентичности в современном философском дискурсе относится к числу наиболее популярных и репрезентированных. Анализу подвергается и национальная идентичность в условиях глобализации (Бабина В. Н., Розенберг Н. В.), и кризис идентичности, связанный с незавершенностью самоопределения (Шкарин Д. Л.), и этническая идентичность, а также феномен гиперидентичности, как реакция на социокультурные изменения, выражающаяся, чаще всего в радикализме и фундаментализме (Жаде З. А., Овчинникова Т. М.), и социально-политическая идентичность сквозь призму самосознания (Жаде З. А.), и культурно-национальная идентичность, определяемая в условиях социально-культурной консолидации (Преображенская К. В., Кудрявцев А. А.), и самозамкнутость идентификации человека в современном культурном поле (Жилина В. А., Жилина Е. А.), и многие другие. Вместе с тем, весьма заметна тенденция рассмотрения феномена идентичности через призму такого актуального вызова, как цифровизация. Предметом рассмотрения чаще всего становятся трансформации бытия субъекта под влиянием виртуальной реальности, виртуальная идентичность и риски потерь аутентичности и целостности личности, а также методологические аспекты изучения идентичности в цифровом мире. Однако, заслуживают внимания и вопросы философской интерпретации идентичности в виртуальном мире как продукта сложного диалога между личностью и цифровой средой. В исследованиях последних лет все чаще отмечается влияние цифровых технологий и новых медиа на личность современного человека через трансформацию семейных, национальных, религиозных ценностей [11].

Классическое понимание идентичности связано с такими понятиями, как, самосознание, социальная принадлежность, стабильность «я». В философском дискурсе проблема идентичности традиционно основана на противопоставлении тождества и различия. Со времен Аристотеля было принято считать, что тождество как качественная характеристика человека превалирует над различием. Августин Блаженный, Р. Декарт, Дж. Локк, Д. Юм, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг утверждали самотождество субъекта. В последующем в трудах Х. Ортега-и-Гассета,

Ж. Деррида, М. Хайдеггера, М. М. Бахтина и других различие как необходимое условие достижения личностью тождества с самим собой приобретает большое значение. Также в творчестве философов-экзистенциалистов: С. Кьеркегора, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю и др. – складывается взгляд на идентичность как меру подлинности бытия человека. Уже в прошлом веке оформляется собственно дискурс о различных формах кризиса идентичности в работах Э. Эриксона, Э. Фромма, Г. Маркузе, Г.В. Скорик и др. Феномен «идентичность» как социально-философская категория находит выражение в исследованиях П.С. Гуревича, М.В. Заковоротной, Ю.М. Резника, В.Л. Абушенко и многих других [2, с. 18].

В научный оборот понятие «идентичность» ввел, предположительно, Э. Г. Эриксон. В его концепции категория личностной идентичности отражает целостность психической жизни человека и его органическую связь с социокультурным миром. Личностная идентичность является результатом социального укоренения человека в обществе, осознания им своего места, своей неповторимости, уникальности, обретения смысла жизни и закрепления этих ценностей во внутренней структуре личности [12, 13].

Впервые механизмы идентичности были рассмотрены в психоаналитической концепции австрийского психолога З. Фрейда. Фрейд связывает феномен идентичности с предысторией Эдипова комплекса. Он пишет: «Идентичность известна психоанализу как самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом» [8, 9].

У Ж. Лакана идентификация имеет непрерывный характер, протекает естественным образом, переходя из одного состояния в другое по мере накопления личностью социокультурного опыта и формированием его личности [5].

Э. Фромм рассматривает идентичность как одну из основных потребностей человека. Она, как и остальные экзистенциальные потребности, отличает психически здорового человека. По мнению Фромма, идентичность зачастую оказывается ложной. Человек может испытывать потребность соотносить себя с толпой, которая, наоборот, как бы растворяет его индивидуальные черты в массе, дает лишь иллюзию индивидуальности. «Для большинства людей индивидуализм оказывается лишь фасадом, за которым скрывалась неспособность достичь индивидуального чувства самотождественности» [10, с. 75]. Кроме того, не исключена возможность ошибочной идентификации, когда человек соотносит себя с тем, что не похоже на него, является ему «чужим». Наибольшую опасность это явление приобрело с распространением массовой культуры. Зритель начинает сравнивать себя с героями, появляющимися на телеэкранах, и находит себя похожим на них. Постепенно это приводит к утрате понимания собственной индивидуальности и ориентации на несуществующий персонаж, например, супер-героя.

В цифровую эпоху одним из инструментов самоидентификации в социальных сетях является аватар, который позволяет выразить некоторые аспекты личности, интересы, настроение или социальный статус. Сетевая идентичность зачастую резко отличается от реальной идентичности. Аватар является первым шагом создания виртуальной личности. Если реальная идентичность требует стабильности, укорененности, соотнесения с реальным внешним миром и его условиями, то виртуальная идентичность весьма подвижна, она может меняться в зависимости от перепадов настроения, смены интересов или жизненных обстоятельств, а также социального статуса. Аватар позволяет создать идеализированный или альтернативный образ, исследовать аспекты личности, которые могут быть ограничены в физической реальности. Реальная идентичность может испытывать как позитивное, так и негативное воздействие виртуальной идентичности. Сконструированная идентичность может порождать «эффект Протея» (Ник Йи, Дж. Бейленсон).

Характеристики аватара (внешность, пол, раса, рост, привлекательность и т.д.) подсознательно влияют на поведение человека в этой виртуальной среде, а иногда и в реальной жизни.

Идентичность в русском языке синонимична словам «тождество» или «соответствие». Идентичность – отождествление, тождество, тождественность, точное соответствие, полное совпадение [3, с. 231].

По определению В. Л. Абушенко, идентичность есть «соотнесенность чего-либо (“имеющего бытие”) с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве (“наблюдателем”, рассказывающим о ней себе и “другим” с целью подтверждения ее саморавности)» [1, с. 131].

Таким образом, проблема идентичности тесно связана с темой субъекта, личности, проблемой пределов и границ человеческого Я. Она соотносится с вопросами о сущности человека, его природе и свободе, о возможном и невозможном для него, о смысле и целях существования человека. «Задача каждого – найти в себе истинного «внутреннего» человека, найти ту сферу, где сохранено абсолютное единство всех духовных способностей и, в первую очередь, единство разума с окружающей реальностью» [7, с. 43].

Субъект может обладать идентичностью, а может ее только представлять, воображать. Однако, для полноты самоидентичности субъект должен и обладать идентичностью и правильно ее осознавать. Можно выделить несколько уровней осознания субъектом своей идентичности: самоопределение личности, ее самореализация и самопреодоление.

Идентичность предстает как отражение мира, подражание внешним объектам. Идентичность – это моделирование, человек моделирует себя и реальность в упрощенном виде. С поиска ответов на вопросы: кто Я? и Я – кто?, человек начинает долгий и трудный путь самоидентификации с самой простой ступени – идентификации внешней. Она идет через сравнение, сопоставление себя с чем-то внешним (от реального объекта до идеала). Установленное таким образом тождество может и не соответствовать настоящей сущности человека. На этом этапе главное оказаться похожим на что-то конкретное, известное и понятное. Человек пытается приобрести черты внешнего сходства с тем, что является правильным и значимым. Соответственно основными категориями для осмысления идентичности на этом этапе будут: изображение, имидж, видимость, иллюзия. Для идентичности в таком понимании характерны мимикрия, симуляция, имитация. Главное – казаться, а не быть [3, с. 233].

Внешняя идентичность реализуется в таких социальных практиках, которые содержат повторение, а не поиск. Другие варианты идентичности воспринимаются зачастую как враждебные, поскольку они не совпадают с устоявшимися образцами и традициями. Внешняя идентичность является неустойчивой, а в некоторых случаях даже ложной, поскольку основывается на внешнем сходстве и подобии, не затрагивая внутреннюю сущность. Она может быть навязана или внушена для каких-то определенных целей. Расхождение между внутренним и внешним может привести к серьезному конфликту и, как следствие, к кризису идентичности.

В философии постмодерна идентичность объявляется невозможной, поскольку невозможна финальная идентификация (различение реальных объектов и симулякров). Формируется представление о двойственной идентичности, указывая, с одной стороны, на целостность личности, вершину ее развития, а с другой – на многогранность, изменчивость и множественность форм идентичности, которые многократно трансформируются в течение всей жизни. По мнению П. Рикера, проблема идентичности составляет точку соприкосновения между двумя главны-

ми значениями понятия идентичности: идентичностью как тождественностью и идентичностью как самостью [6, с. 145].

В отличие от внешней идентичности внутренняя предполагает совпадение по сути. Для нее важны такие категории как, субстанция, сущность, структура, функция и т.д. Подлинная идентичность предполагает совпадение самой основы, единство, родство, близость, одинаковое происхождение, а не только соответствие в функциональном отношении. Развитие робототехники, технологии клонирования, создание ИИ размывает границы между человеком и его двойником, успешно выполняющим функции человека. Сначала подменяя, а затем и вытесняя человека эти двойники разрушают антропологическое пространство и ставят вопрос об аутентичности идентичности. Субстанциональная идентичность также оказалась под сомнением, поскольку предполагала совпадение скорее натуралистическое (физическое тело, семья, нация), нежели ценностное (идеи, религия, язык). Человек никогда не совпадает полностью с каким-либо объектом, для него характерно самопознание, отражение в самом себе, поиск собственной аутентичности.

Таким образом, можно сказать, что идентичность – это осознание и определение своих границ, а также границ реального и нереального, возможного и невозможного.

Идентичность человека не следует рассматривать как нечто завершенное, это, скорее жизненная траектория, которая меняется в зависимости от целей или обстоятельств. Динамическая идентичность предполагает не только самопознание и самоопределение, но и самореализацию, самовыражение и самоутверждение, исполнение своего предназначения.

Однако, следует иметь в виду, что идентичность – это еще и коммуникация, в которой совершается выход субъекта за пределы самого себя и встреча с другим. Коммуникация происходит в общем пространстве социального бытия, где Я раздвигает свои границы преодолевая, нарушая, переступая и разрушая их.

В условиях цифрового общества человек вынужден раз за разом искать себя, он просто обречен на перманентную самоидентификацию. В. В. Миронов связывает это с расширением псевдокультурного поля общения. Человек оказывается включенным в множество дискурсивных полей, которые усиливают ощущение текучести, изменчивости, а для идентификации требуется устойчивость и постоянство. Необходимо время для анализа и соотнесения себя окружающим социокультурным ландшафтом, но именно этого ресурса человеку катастрофически не хватает. Возникающие с невероятной быстротой оценки, параметры требуемого поведения, системы ценностей, оказываются настолько несопоставимыми с традиционными, что человек оказывается дезориентированным. С чем он может отождествить себя на данном этапе? Какую внешнюю или внутреннюю схожесть он обнаруживает с «другим» миром? Так, по мнению М. Кастельса, возникает субкультура «сопротивляющейся идентичности», которая опирается на традиционные религиозные, национальные и семейные ценности [4].

Одной из главных проблем философских и социальных исследований в данной области, является выработка способов мирного сосуществования с далеко не нейтральной, как в позитивном, так и в негативном смысле технологической реальностью информационного мира. Ведь человек меняется гораздо медленнее, чем окружающий мир, созданный его руками. Требуется выработать механизмы адаптации к технологическим изменениям в информационном обществе и сохранения стабильных форм идентичности личности, то есть достичь динамического равновесия, через непрерывное соотнесение базисных элементов, формирующих

идентичность, и технологических трансформаций, оказывающих на нее перманентное воздействие.

Список литературы

1. Абушенко В. Л. Проблема идентичностей: специфика культурфилософского и культурсоциологического видения // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 128–146.

2. Бетильмерзаева М. М. Проблема кризиса идентичности: культурфилософский анализ // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 18–21.

3. Гурин С. П. Философия идентичности // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2010. № 4. С. 230–246.

4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., 2000. 608 с.

5. Лакан Ж. Изнанка психоанализа. М. : Логос, 2008. 272 с.

6. Рикер П. Я-сам как другой. М., 2008. 416 с.

7. Розенберг Н. В., Бабина В. Н. Национальная идентичность как условие межкультурного диалога в условиях глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 9. С. 40–47.

8. Фрейд З. Почему война? М. : Прогресс, 1992. 258 с.

9. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб. : Азбука-Аттикус, 2013. 192 с.

10. Фромм Э. Здоровое общество. М. : АСТ, 2005. 571 с.

11. Ценностные основания и коммуникационные факторы консолидации современного российского общества. Пенза : Изд-во ПГУ, 2025. 224 с.

12. Эриксон Э. Детство и общество : пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1996. 592 с.

13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М., 1996. 344 с.

УДК 179.7, 612.67

БЕССМЕРТИЕ: ФАНТАСТИКА ИЛИ ГОРИЗОНТ НАУКИ

Дарья Игоревна Аверкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

darrrysya.06@gmail.com

Аннотация. Анализируются биологические основы старения как эволюционного механизма, а также современные научные подходы к достижению бессмертия: редактирование генома, крионика и цифровое бессмертие. Рассматриваются этические и социально-философские последствия радикального продления жизни, включая утрату экзистенциальных смыслов, изменение семейных ценностей и риски социального неравенства.

Ключевые слова: бессмертие, старение, крионика, цифровое бессмертие, эволюционная биология, биоэтика, экзистенциальные ценности.

Философский вопрос о том, может ли жизнь быть вечной, упирается в реальность, обусловленную природой. В ходе эволюции выработались сложнейшие механизмы защиты организмов от действия повреждающих факторов, регенерации в ответ на возникшие деструктивные изменения в органах и тканях. Однако

несмотря на все это, природа не только не стремится к реализации программы бессмертия относительно живых существ, но и, более того, закрепляет старение как естественный и необходимый механизм.

Почему это происходит?

По мнению оксфордских исследователей во главе с Джессикой Меткалф, сила естественного отбора с возрастом снижается [10, с. 15–17]. Если ген вызывает мутацию в раннем возрасте, то он не позволяет особи оставить потомство, и потому в скором времени отсеивается. Если же ген приносит пользу в молодости, и лишь к старости становится фактором болезни, то он беспрепятственно передается следующим поколениям. Эволюция «слепа» к тому, что происходит после этапа размножения. В результате мутации, вредные в старости, накапливаются в генофонде.

Генетически идентичные особи, живущие в одинаковых условиях, стареют по-разному. Это разнообразие, или гетерогенность, говорит о том, что старение напоминает не жесткую программу, а совокупность случайностей, генетических особенностей и внешних воздействий.

Клетки нашего тела стареют мозаично: пока одни органы долгое время остаются функционально активными, другие быстрее утрачивают свой ресурс, и эта мозаичность у каждого своя. Более того, современные исследования показывают, что даже в глубокой старости некоторые люди сохраняют удивительное здоровье, что ставит под сомнение любые универсальные теории.

Но если старение – это «накопление ошибок» в генофонде, почему эволюция не устраняет их постоянно? Революционный ответ предлагает биолог Петр Лидский: старение нужно, чтобы мы умирали [4]. Инфекция делает носителя неспособным к размножению. Зараженное животное становится «тупиковой ветвью», но продолжает заражать сородичей – носителей тех же генов. С точки зрения эволюции, это катастрофа. Правильнее убрать больную особь, пока она не нанесла еще больший вред.

Так эволюция создала механизм самоуничтожения, срабатывающий с возрастом: чем старше особь, тем выше риск хронических инфекций. Инструментом эволюционной смерти становится иммунная система, разрушающая организм носителя. Биолог подчеркивает: «Чем больше наука изучает старение, тем больше находит иммунологии в этом процессе».

Итак, старение – это не просто биологический процесс, неумолимо ведущий к гибели, а фундаментальное условие существования жизни в целом. Эволюция закрепила смерть как плату за защиту генофонда. Как отмечает А. Лима-де-Фариа, «отказ от смерти» является фундаментальным свойством живой материи, проявляющимся на всех уровнях организации жизни [9, с. 19]. Вопрос о том, может ли человек преодолеть ограничения, заложенные в его собственной природе, переходит из плоскости биологии в область философской антропологии и этики, требуя осмысления того, что именно мы понимаем под бессмертием и готовы ли мы принять последствия его достижения.

Современная наука подходит к идее бессмертия с разных сторон: от точечного редактирования генома до радикальных идей заморозки тела (крионики) или даже переноса сознания в цифровую среду.

Один из самых многообещающих инструментов – технология редактирования генома CRISPR-Cas9 [7, с. 3–5]. У мышей с синдромом прогерии (стремительное преждевременное старение) ученые смогли отредактировать ген LMNA, отвечающий за производство токсичного белка прогерина. Срок жизни подопытных животных значительно увеличился, скорость старения снизилась. Другое направление – работа с теломерами (концевыми участками хромосом). CRISPR-

Cas9 позволяет влиять на теломеразу – фермент, восстанавливающий длину теломер. Задача – научиться управлять экспрессией гена TERT, чтобы отодвигать старение.

Несмотря на впечатляющие успехи, CRISPR-терапия имеет ряд нюансов. Главный из них заключается в доставке: как перенести молекулярный комплекс в конкретные клетки организма, не затронув при этом здоровые? И не возникнет ли такая ситуация, что изначальное «благо» обернется еще большим вредом для организма? Возникает дилемма и с точки зрения этики: можно ли редактировать гены эмбрионов, тем самым меняя будущие поколения? На все эти вопросы еще только предстоит найти ответы.

Наряду с генными разработками развивается крионика – заморозка тела или мозга в надежде на будущее оживление. Современные методики позволяют избежать кристаллизации льда [5]. Ученым уже удалось успешно разморозить и восстановить отдельные органы и ткани, но не целый мозг с сохранением памяти и личности. Тем не менее, они утверждают, что это лишь вопрос времени, и события, некогда описанные в романе писателя-фантаста А. Беляева «Голова профессора Доуэля», могут стать реальными.

С философской точки зрения крионика затрагивает вопрос о непрерывности существования личности: сохранит ли размороженный человек свое «я», или это будет его копия, ошибочно считающая себя подлинником? И он перекликается с более широкой проблемой – проблемой цифрового бессмертия.

Идея цифрового бессмертия – больше не фантастика, а совокупность теорий, гипотез и разработок. Ее суть заключается в следующем: если сознание человека определяется структурой мозга, то нужно эту структуру конвертировать и переносить на другой носитель.

Инвазивные и неинвазивные нейроинтерфейсы, коннектограммы, коннектомы, представляющие собой электрические схемы мозга – все это приближает цифровое бессмертие к реальности. Уже сегодня существуют проекты по картированию коннектома круглого червя C. elegans [11, с. 215]. Безусловно, он имеет более простую, примитивную организацию – всего 302 нейрона против 86 миллиардов нейронов человека... Но ведь однажды уже была проделана масштабная работа под названием «Геном человека». Быть может, следующая будет «Коннектом человека»?

К вопросам крионики добавляется масса новых. Наиболее острые из них таковы: необходим ли сознанию биологический субстрат, без которого не может идти и речи о возможности переноса «информации о жизни» куда-либо? Тогда это в корне поменяет всю концепцию достижения цифрового бессмертия. А если предположить, что исход все же будет положительным, то кто будет иметь доступ к бессмертию? Возможно, произойдет разделение на людей «смертных» и «бессмертных», что еще больше усугубит проблему социального неравенства. А как изменится общество, численность которого отныне будет только расти? И, наконец, какова будет цена вечной жизни?

Все эти направления – генное редактирование, крионика, цифровое бессмертие – развиваются в режиме реального времени и во многом независимо друг от друга. Они имеют общую цель, но выбирают совершенно разные пути ее достижения. Генное редактирование борется со смертью посредством устранения ее первопричин внутри самого организма. Крионика же предлагает «переждать» смерть, полагая себя в руки будущих поколений. Цифровое бессмертие вовсе стремится к переносу личности в иную среду, противоположную биологической.

О реалистичности этих перспектив рассуждает медицинский журналист Моника М. Бернардо в своем обзоре 2026 года [8]. Анализируя достижения по-

следних лет, она приходит к выводу, что в обозримом будущем возможно увеличение средней продолжительности жизни до 120–150 лет. Это, конечно, пока еще не заветное бессмертие, но уже серьезный прорыв и надежда. Более того, происходит сдвиг фокуса с факта сохранения жизни к сохранению ее качества. Иначе зачем жить так долго, если твои возможности будут предельно ограничены возрастным истощением организма? А если у человека все же не будет возможности реализовывать весь свой биологический потенциал на протяжении бесчисленных лет, то, возможно, истинная цель – победа не над смертью, а над старением?

Наш организм – сложнейшая система с обратными связями. Продлевая жизнь клеткам, мы рискуем запустить рак. Подавляя воспаление – снизить иммунитет. Эволюция не случайно установила смерть как плату за сложность организации.

Одним из ключевых последствий достижения бессмертия может стать утрата экзистенциальной глубины человеческого бытия. Российский философ А.В. Костина утверждает: именно осознание конечности своего существования придает человеческой жизни напряженность нравственного поиска [2, с. 50–52]. Неизбежность смерти, с ее точки зрения, служит главным двигателем этической рефлексии, ответственности и самореализации. Бессмертие же грозит превратить жизнь в бесконечный, лишенный внутреннего драматизма сюжет, в котором ни один поступок уже никогда не сможет расцениваться как необратимый выбор. Схожей позиции придерживается и философ Д. И. Кузнецов, анализируя риски «цифрового бессмертия». Он полагает, что перенос сознания в искусственную среду исключает любую возможность подвига, жертвенности и преодоления – тех феноменов, которые всегда составляли основу человеческой нравственности [3].

Еще одна сфера, где удар по традиционным ценностям окажется неизбежным, – это институт семьи. Как отмечают культурологи, сама организация человеческой жизни – от раннего детства до глубокой старости – формирует духовно-нравственный опыт передачи ценностей от старшего поколения к младшему [1, с. 116–118]. Смерть, в этом ключе, не только конец существования, но и условие преемственности. Так, предки, уходя на покой, освобождают свое место потомкам, тем самым утверждая преобладание силы рода над индивидом. Радикальное продление жизни (и тем более бессмертие) сломает эту диалектическую систему. Семья превратится в сообщество «вечных взрослых», где воспитание детей и почтительное отношение к старикам как базовые нравственные установки потеряют свою значимость. Более того, как подчеркивает К.С. Шаронова, в обществе, где каждый заинтересован в личном выживании, неизбежно ослабевают механизмы солидарности и взаимопомощи, прочность которых веками держалась на истине, что перед лицом смерти все люди едины [6, с. 82–85].

Таким образом, в то время как биология ищет ответ на вопрос «как?», гуманитарная мысль в России призывает ответить на вопросы «зачем?» и «ценой чего?». Не окажется ли так, что духовное начало, веками считавшееся высшей ценностью, станет платой за вечное биологическое существование? Конечно, в перспективе технологии смогут подарить нам годы, но сохранят ли они в нас человеческое – любовь, жертвенность, милосердие и справедливость, которые всегда рождались из острого и трагического ощущения быстротечности жизни? Ответ на этот вопрос, вероятно, и определит, станет бессмертие нашим величайшим триумфом или окончательным поражением.

Список литературы

1. Карпович В. Н. Социально-философские аспекты биомедицинских технологий продления жизни // Личность. Культура. Общество. 2023. Т. 25, № 1–2. С. 112–124.

2. Костина А. В. Трансгуманизм как этический вызов: проблема бессмертия и утрата экзистенциального горизонта // Философские науки. 2024. Т. 67, № 3. С. 45–59.

3. Кузнецов А. В. Философия ИИ и Метавселенных. Философия фильмов «Главный герой» и «Матрица» : подкаст / вед. А. Черняк. М. : Московский центр исследования сознания, 2022.

4. Лидский П. Интервью: «Может ли человек жить 200 лет?» // Газета.Ru. 02.02.2026.

5. Немецкое исследование по витрификации мозга // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2026. URL: fine-news.ru

6. Шаронова К. С. Бессмертие как социальный конструкт: ценности, риски, солидарность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 35, № 2. С. 78–91.

7. Azani A., Sharafi M., Doachi R. [et al.]. Applications of CRISPR-Cas9 in mitigating cellular senescence and age-related disease progression // Clinical and Experimental Medicine. 2025. Vol. 25, article 237. doi: 10.1007/s10238-025-01771-3

8. Bernardo M. M. Can Medicine Make Us Live to 150? // Medscape. 2026. March 12.

9. Lima-de-Faria A. Genetics and Epigenetics of Immortality from Bacteria to Humans. Organisms // Journal of Biological Sciences. 2021. Vol. 5, № 1. P. 17–31.

10. Metcalf C. J. E., Anderson R. M., Hochberg M. E. [et al.]. How and why does aging occur? Updating evolutionary theory to meet a new era of data // Evolution, Medicine and Public Health. 2026. Vol. 14, № 1. doi: 10.1093/emph/eoaf040

11. Sepetyi D. Personal identity and bioethical issues in the vicinity: the pluralistic approach to diachronic persistence // Актуальні проблеми духовності. 2025. Вип. 27. С. 207–234.

УДК 1(091)

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ИДЕИ XX–XXI вв.

Оксана Сергеевна Исаева[1],
Дарья Алексеевна Злодеева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]okcana_isaeva@mail.ru
[2]darya.zlodeeva.09@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ ключевых философско-антропологических учений XX–XXI вв. Проанализированы концепции представителей антропологического поворота XX в. Особое внимание уделено трансформации антропологической проблематики в XXI в. под влиянием технологических вызовов. Рассмотрены идеи трансгуманизма и «улучшения» человека. В результате определены основные векторы развития современной философской антропологии, связанные с междисциплинарным синтезом и поиском ответов на технологические и экзистенциальные вызовы современности.

Ключевые слова: философская антропология, М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, трансгуманизм, синергийная антропология

Проблема природы и сущности человека, рассмотрения его как некоторого единства, уяснение того, какое место человек занимает в этом мире – вопросы, которые всегда интересовали философов, и в зависимости от воззрений конкретного мыслителя, трактовалась по-разному.

Впервые в истории философии поставили в центр своих размышлений человека как действующее и мыслящее существо софисты в V в. до н. э. Но произошедший в это время антропологический поворот все же, как правило, связывают с именем Сократа. После этого антропоцентризм стал характерной чертой эпохи Возрождения – в учениях гуманистов человек вновь делается центром мироздания. Еще одна попытка определить специфику индивидуальности человека, основу и структуру его бытия, особенности творческих возможностей человека исходя из него самого, уяснить смысл его существования и окружающего его мира совершается в 1920-е гг. в рамках оформившегося тогда направления «философская антропология». Ее представители выразили всеобщий «антропологический поворот», начавшийся в то время в западноевропейской философии, и получивший в начале XXI века свой новый виток развития. Целью настоящего исследования является выявление особенностей осмысления бытия человека и его сущности в учениях представителей философской антропологии и в возникших уже в XXI веке концепциях «улучшения человека».

Становление философской антропологии как самостоятельного направления связано с именами таких мыслителей, как М. Шелер, Х. Плеснер и А. Гелен. Исходным импульсом для формирования их взглядов во многом послужили идеи «философии жизни» и «феноменологии». Поворотным моментом стало появление классических работ: «Положение человека в космосе» М. Шелера и «Ступени органического и человек» Х. Плеснера. В этих трудах центральной стала проблема специфики человеческого бытия в сравнении с другими живыми существами. М. Шелер (1874–1928), чьи взгляды претерпели значительную эволюцию, в итоге пришел к концепции, основанной на пересечении в человеке двух сфер: «порыва» и «духа». Согласно Шелеру, «порыв» охватывает хаотические силы неорганической природы и поток «жизни», включая экономические, политические и демографические аспекты истории. «Дух», напротив, представляет собой высшие, идеальные и ценностные формы бытия. Сущность человека заключается в его способности к трансцендированию за пределы непосредственного витального существования посредством актов «идейной абстракции», в которых «дух» проникает в царство чистых сущностей. При этом Шелер подчеркивал, что «дух» сам по себе бессилен и нуждается в энергии «порыва» для реализации своих идей [7]. Самые возвышенные идеи остаются нереализованными, если они не опираются на энергию инстинктов. «Дух» должен не отрицать инстинкты, а вовлекать их в сферу своего действия. Однако, в «порыве» М. Шелер видел также великое начало бытия. Силы жизни вносят яркое многообразие в реальное существование человека. Таким образом, человек предстает как место встречи и синтеза двух онтологических начал. При этом человек, согласно М. Шелеру, устремлен к реализации своего собственного сущностного начала, в измерениях которого человеческое сливается с божественным.

Х. Плеснер (1892–1985) разработал учение об «эксцентрической позициональности» человека. Если растение и животное обладают «центрической» позицией, будучи неразрывно слитыми со своим жизненным центром, то человек, в силу своей эксцентричности, «вынесен» за пределы самого себя. Он не просто живет, но осознает себя живущим, что порождает разрыв между ним как телесным существом и им как переживающим эту телесность сознанием. Это фундаментальное положение обуславливает все специфически человеческие феномены – язык, смех, плач, способность к рефлексии и созданию искусственной среды, культуры [6].

А. Гелен (1904–1976), представитель биологического направления в философской антропологии, интерпретировал человека как «биологически недостаточное существо». В отличие от высокоспециализированных животных, чьи ин-

стинкты идеально приспособлены к определенной среде обитания, человек от природы «недостаточно оснащен». Эта самая недостаточность, однако, становится источником его силы. Чтобы выжить, человек вынужден активно воздействовать на окружающий мир, создавая культуру, институты, технику – своего рода «вторую природу», которая компенсирует его биологическую неспециализированность [2]. Таким образом, сущность человека проявляется не в статичном наборе качеств, а в его деятельной, творческой природе.

Существенный вклад в развитие философской антропологи внес Э. Кассирер. Мыслитель полагал, что сущность человека невозможно постичь напрямую, и предлагал изучать его через проявления и функции, то есть через продукты его культурной и творческой деятельности. Кассирер определял человека как «animal simbolicum» – животное, созидающее символы [3]. Язык, миф, искусство, наука – все это символические формы, через которые человек структурирует и постигает реальность.

Начало XXI века ознаменовалось стремительным развитием биотехнологий, искусственного интеллекта, нейронаук и кибернетики, что породило новый антропологический вызов и привело к актуализации трансгуманистических идей. Фокус внимания сместился с познания неизменной «сущности» человека на возможность и допустимость его целенаправленного преобразования и «улучшения». Как отмечает Кириленко В. Г., происходит формирование двух конкурирующих групп подходов – трансгуманистического и собственно антропологического толка [4]. Трансгуманизм предлагает радикальную программу преодоления биологических ограничений человека с помощью технологий. Речь идет о продлении жизни, усилении когнитивных способностей, интеграции с искусственным интеллектом, вплоть до появления «постчеловека» как следующего этапа эволюции. В этом контексте возникает концепция «технологической сингулярности» – момента, после которого технологическое развитие станет настолько быстрым и сложным, что окажется непредсказуемым для современного человека. Этим идеям противостоят критические голоса внутри самой философской антропологии, указывающие на опасность утраты человеческой идентичности, размывание фундаментальных антропологических констант и возникновение новых форм социального неравенства. В противовес «технологической сингулярности» выдвигается идея «антропологической сингулярности», подчеркивающая уникальность и непреходящую ценность человеческого бытия, его эксцентрической природы и духовного измерения, которые не могут быть без остатка редуцированы к техническим усовершенствованиям [4].

Современная философская антропология характеризуется углубляющимся синтезом с другими научными дисциплинами. Если в XX веке она опиралась в основном на биологию и психологию, то сегодня в ее орбиту активно вовлекаются данные когнитивных наук, нейробиологии, генетики и сложные синергетические модели. Этот «антропологический бум» свидетельствует о признании того, что недооценивать антропологический фактор в условиях глобальных кризисов стало просто опасно [1]. Формируются новые исследовательские программы и модели человека. Синергийная антропология делает акцент на «энергийном» понимании человеческого бытия. Личность здесь понимается не как статичная субстанция, а как динамический процесс, требующий особых практик по преобразованию себя во взаимодействии с трансцендентным началом. Социально-феноменологическая и интерпретативная модели переносят акцент на изучение человека как существа, живущего в мире социально сконструированных смыслов и интерпретаций. Человек понимается не как изолированный индивид, а как участник коммуникативного пространства, постоянно воспроизводящий и изменяющий значения через свою деятельность [5]. Эволюционно-синергетическая парадигма пытается описать становление человека в контексте глобальной эво-

люции, применяя методологию синергетики. Человек рассматривается как сложная, открытая нелинейная система, находящаяся в процессе непрерывного становления, а его мировоззрение – как ключевой коррелят эволюционного развития.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что философская антропология демонстрирует значительную преемственность в своем развитии, органично соединяя классические подходы XX столетия с новейшими интерпретациями антропологической проблематики. Диалог между фундаментальными категориями «эксцентричности», «духа» и «символа» и современными концепциями «улучшения» и «технологической сингулярности» не только обогащает содержание философской антропологии, но и намечает плодотворные пути для дальнейшего осмысления природы человека в условиях стремительно меняющегося мира. Эта непрекращающаяся рефлексия подтверждает, что вопросы о сущности человека и его месте и значении в современном мире и в настоящее время выступает в качестве одной из центральных проблем, требующей постоянного философского осмысления. Современные концепции антропологического совершенствования человека говорят нам о том, что в философии произошел практический поворот. Это стало необходимым и логичным следствием развития философско-антропологических идей, поскольку трансгуманистические концепции полностью сосредоточены на практическом осуществлении задуманного. XXI век стал временем очередного вызова для человечества, когда при существующей угрозе технологической гегемонии люди должны найти в себе опору для сохранения в человеке истинно человеческого.

Список литературы

1. Анкудинова П. М. Эволюционное становление человека в философско-антропологических концепциях XX века: мировоззренческий аспект: дис. … канд. филос. наук. М., 2014. 155 с.

2. Гелен А. Человек. Его природа и положение в мире. М. : Прогресс, 1988. 216 с.

3. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 3–30.

4. Кириленко В. Г. Философско-антропологический анализ идей совершенствования человека в XXI веке: дис. … канд. филос. наук. М., 2022. 133 с.

5. Рупова Р. М. Антропологические модели в социальной философии XX – начала XXI веков: дис. … канд. филос. наук. М., 2008. 168 с.

6. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 96–151.

7. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 31–95.

УДК 316

ЧТО ТАКОЕ «МЕНТАЛЬНОЕ РАССТРОЙСТВО»?

Инна Витальевна Чистякова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Innachi123@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается понятие «ментальное расстройство» как междисциплинарная проблема, находящаяся на пересечении клинической психиатрии и философии. Подвергается сомнению объективность статистических и функциональных критери-

ев нормы и показывается их зависимость от социальных договоренностей и властных дискурсов. Особое внимание уделяется исторической изменчивости представлений о безумии, а также критике понятий «нормальности» и «патологии» как социальных конструкций. Поднимается вопрос о рисках стигматизации и навязывания стандартов тем, чье мышление выходит за рамки «статистического большинства». В заключение делается вывод, что ментальное расстройство – это не только медицинский факт, но и сложный философский концепт, требующий постоянного диалога между наукой, культурой и этикой.

Ключевые слова: расстройство, норма, патология, идентичность, ответственность, психиатрия

Понятие «ментальное расстройство» занимает центральное место не только в клинической психиатрии и медицине в целом, но и в философских рассуждениях о природе человеческого разума, личности и нравственной ответственности. В современном обществе этот термин чаще всего связан с диагностическими категориями, прописанными в руководствах типа DSM (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам) или МКБ (Международная классификация болезней), где он определяется через объективные критерии проявлений и функциональных нарушений [2, 4]. Эти критерии, основанные на медицинской модели, позволяют специалистам определять, когда поведение или состояние человека выходит за границы так называемой «нормы».

Однако, за пределами клинических описаний, термин «ментальное расстройство» вызывает множество вопросов, связанных с глубинными аспектами человеческой субъективности и ответственности [5, 7]. В философии это понятие становится не только меткой эмоционального или физического дискомфорта, однако и своеобразной границей между тем, что считается здоровым и «нормальным», и тем, что воспринимается как отклонение, «боль» или даже «аномалия».

Понимание «ментального расстройства» как социокультурного феномена порождает противоречия и вызывает вопросы о субъективности страдания. Например, что именно делает страдание болезнью? Является ли оно универсальным объектом, поддающимся общепринятым диагностическим категориям, или же оно всегда сопряжено с определенными культурными, историческими и личностными предпосылками [8]? Как определить, что является истинной патологией, а что – вариацией человеческой нормальности, обусловленной культурными стандартами и мировоззрением?

Эти вопросы связаны не только с уровнем медицинских критериев, но и с более широкими экзистенциальными проблемами: что значит быть человеком, испытывать страдание или расстройство, и какую роль играет ответственность человека за свой разум и поведение [7, 9]. В этом контексте «ментальное расстройство» приобретает особое значение как философский вызов: оно требует переосмысления понятий свободы, ответственности, личной целостности и границ человеческой субъективности [5].

Обозначив эти границы и выявив их сложности, я надеюсь подчеркнуть не только важность междисциплинарного подхода, но и показать, что «ментальные расстройства» – это не только медицинский факт, но и философский феномен, связанный с пониманием человеческого бытия, разума и морали [3, 8]. В конечном итоге, их философски осмысление поможет глубже понять природу человеческой субъективности и определить границы гуманизма в современном обществе [6].

В философии и культуре Древней Греции и Рима представления о безумии имели как практическое, так и мифологическое содержание. Платон, например, в своих диалогах размышлял о границах разума и чувств, подчеркивая, что здоровье души включает гармонию между разумом, волей и страстями. У Аристотеля

мы находим идеи о дисбалансе в душе как источнике отклонений, что позже легло в основу многих лечебных практик.

В период Средневековья и Возрождения концепты безумия были связаны с духовными и религиозными представлениями. Лечение «безумных» часто воспринималось как очищение для духовного спасения или исправления, а личности с психическими отклонениями рассматривались через призму религиозных мифов.

В XVIII–XIX веках, с развитием медицинских наук и уличением разума, возникла идея о том, что безумие – это болезнь, поддающаяся лечению. Важное значение имеет работы таких ученых, как Фалло, Бурно и Пинель, вводивших принципы научного подхода к психическому здоровью [4]. В этот период развивается понятие о «расстройствах» и «заболеваниях», что стало предтечей современного подхода.

Сегодня в системе здравоохранения «ментальные расстройства» определяются по категориям, закрепленным в DSM (Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам) и МКБ (Международной классификации болезней) [2]. Эти классификационные системы устанавливают диагностические критерии для широкого спектра нарушений, таких как депрессия, шизофрения, тревожные расстройства и т.д.

Ключевой принцип — отклонение от «нормальной» психической функции, которое мешает человеку функционировать в социуме, причиняет страдания или сопровождается дисфункциями. Однако, что именно считать «нормой» и «отклонением» – это вопрос, остающийся открытым и вызывающий множество дискуссий [7].

Критерии «нормальности» в психиатрии и философии представляют собой сложное переплетение различных подходов и взглядов. Одним из наиболее распространенных является статистический критерий, согласно которому нормальность определяется на основе распространенности признаков в популяции: если большинство людей не испытывает определенных симптомов, наличие этих симптомов рассматривается как отклонение. Вместе с тем, понятие нормы сильно зависит от социальных и культурных стандартов, поскольку то, что считается приемлемым в одном обществе или эпохе, может восприниматься иначе в другом контексте [10]. Таким образом, норма становится относительной категорией, зависящей от исторических и культурных факторов.

Кроме того, функциональный подход рассматривает расстройства как состояния, препятствующие человеку эффективно выполнять социальные роли и обязанности, делая акцент на степени социального и личностного функционирования [9]. Важную роль играют также психологические и этические аспекты, где фокус смещается на субъективные переживания человека, его чувство страдания и личную оценку своего психического состояния [7].

Однако сама концепция «нормальности» и «патологии» подвергается критике, особенно с позиций постмодернистских и релятивистских теорий, которые рассматривают эти границы как социальные конструкции [2, 4]. Эти теории подчеркивают, что определения «здоровья» и «болезни» зачастую зависят от врачебных практик, политических сил и экономических интересов. Например, диагноз «расстройство личности» нередко рассматривается как инструмент навязывания определенных социальных стандартов и контроля поведения [1]. Вопрос о том, насколько категории, сформированные под влиянием культурных норм, являются объективными либо субъективными, остается предметом оживленных дискуссий, тем более что одинаковые психические состояния могут восприниматься как норма в одной культуре и как патология в другой [3].

Философы, такие как Майкл Фуко, указывали на историческую изменчивость понятий безумия и психического здоровья, акцентируя внимание на их социальной и исторической детерминированности [2, 4]. Эти размышления демонстрируют, что понятия «нормальности» и «патологии» не сводятся только к объективным биологическим или медицинским фактам, но тесно связаны с ценностями, социальными нормами и политическими обстоятельствами [8]. Таким образом, определение границ между здоровьем и болезнью – это комплексный процесс, в котором сочетаются объективные данные и субъективные оценки, культурные контексты и философские взгляды.

Философские интерпретации «ментального расстройства» затрагивают глубокие вопросы о природе человеческой психики, личностной идентичности и моральной ответственности [9]. Эти вопросы не только теоретические, но и имеют практическое значение в области психиатрии, этики и социальной политики [2].

Первый аспект – эпистемологические вопросы – касается того, что значит «нормальное» и «патологическое». Философия на протяжении веков задается вопросами о критериях определения нормы поведения и мышления. Исторически одни из первых подходов связывали нормальность с социальными договоренностями: например, Эмиль Дюркгейм рассматривал нормы как продукт общественного согласия, выраженный в социальных или культурных традициях [3, 8]. Согласно ему, отклонения от таких норм – это отклонения от установленного общественного порядка, что делает понятия «нормальное» и «патологическое» относительными и контекстуальными.

Современная наука и философия расширяют эти взгляды, вводя биологические основы. Например, нейронаука ищет причины психических расстройств в нарушениях определенных структур мозга, химических процессов или генетических факторов [5]. В таком случае, ментальное расстройство может рассматриваться как системное нарушение, которое обладает своей внутренней логикой, хотя и отличается от социальных стандартов. Эта точка зрения поднимает сложный вопрос: если нормы мышления и поведения – это социальные конструкции, а причины расстройств – биологические процессы, то как соотносятся эти два уровня? Тогда могут ли «патологии» быть объективными, если они привязаны к биологической системе, которая, в свою очередь, подвержена культурным и социальным влияниям?

Второй аспект связан с личностью и идентичностью. Философия личности, начиная с Декарта, подчеркивала важность внутренней стабильности «я» – субъективного «я», которое формирует нашу целостность и последовательность в восприятии себя [9]. Ментальные расстройства зачастую вызывают или сопровождаются искажениями восприятия, нарушениями памяти, потере чувства «себя» или его фрагментациями. Вопрос, который возникает, – можно ли считать человека, страдающего от психического расстройства, полностью тем же самым человеком, каким он был до начала расстройства? Является ли его личность менее целостной или нарушенной? Где проходят границы личностной автономии [5, 7]? Эти вопросы затрагивают фундаментальную проблему – что именно определяет нашу идентичность и как ее защищать и сохранять в условиях внутренней дисфункции [1].

Наконец, этический аспект, связанный со страданием и ответственностью. В философии этики важно понять, насколько человек, страдающий от ментального расстройства, способен принимать свободные и осознанные решения. В ситуации, когда расстройство влияет на способность к контролю и саморегуляции, возникает вопрос о ответственности за совершенные поступки [7]. Например, насколько человек, находящийся в состоянии тяжелой депрессии или шизофрении, отвечает за свои действия? Имеет ли он «свободную волю», или его поведе-

ние обусловлено внутренними болезненными состояниями? Эти вопросы важны не только для теоретических рассуждений, но и для практики – в вопросах судебной ответственности, определения дееспособности и социальной защиты [5]. В этих контекстах часто стоит дилемма: как сочетаются необходимость заботы и сострадания с принципами ответственности и справедливости.

В целом, философские интерпретации ментальных расстройств демонстрируют сложность определения того, что есть «норма» и «патология» [1, 3]. Они показывают, что эти понятия тесно связаны с представлениями о человеческой природе, социальной структуре, индивидуальной ответственности и ценностях. В этой области наука и философия продолжают взаимодействовать, постоянно уточняя и пересматривая наши представления о психическом здоровье и болезни, признавая, что эти категории имеют глубокие исторические, культурные и этические корни [2, 4]. Так многие современные философы, например, Томас Сазерленд, указывают на социальную конструированность категории «психическое заболевание» [10]. В их понимании, что считается болезнью, зависит от культурных стандартов и исторического времени. Это поднимает вопрос: является ли «ментальное расстройство» объективным феноменом или продуктом социального консенсуса [7]?

Границы между естественной вариацией человеческого разума и объективными признаками психического расстройства – это один из ключевых и наиболее сложных вопросов в философском анализе психиатрии и морали [1]. На поверхностном уровне можно говорить о том, что все человеческие умы уникальны и разнообразны, однако возникают ситуации, когда разница становится настолько значительной, что ее становится трудно отличить от патологии [8]. В этом контексте важно определить, какие отклонения считаются естественными индивидуальными вариациями, а какие – признаками нарушения или болезни. Философия задается вопросом о критериях этой границы: являются ли различия в восприятии, мышлении или поведении объективными, или же они обусловлены культурными, историческими или личностными особенностями?

Одним из подходов является взгляд, что границы определяются степенью функционирования человека: если его психика обеспечивает адекватное выполнение социальных ролей и личностную стабильность, то отклонения от стандарта могут восприниматься как вариации [5, 7]. Однако, что считать «нормальным» или «патологическим», часто зависит от культурных кодов и ценностей конкретного общества, что делает этот вопрос субъективным и релятивистским [10]. Неоднозначной остается проблема тех, кто не вписывается в стандарты, но при этом успешно функционирует на практике: такие люди могут казаться «особенными», и их состояние трудно классифицировать как патологию. Вопрос о том, нужно ли их лечить или исправлять, вызывает этические споры. Эти люди могут иметь нестандартное мышление или поведение, но при этом не мешают себе и окружающим, что ставит под вопрос саму необходимость медицинского вмешательства [2].

Этический аспект еще более усложняется, когда речь заходит о моральной ответственности и пределах вмешательства [7, 9]. Философские дебаты подчеркивают, что, пытаясь закрепить универсальные границы между здоровьем и болезнью, мы сталкиваемся с риском навязывания определенных стандартов и подавления культурного или личностного разнообразия. Вопрос о том, как относиться к тем, кто «отклоняется» от нормы, без нарушения их прав и достоинства, требует постоянного переосмысления [5]. Необходимо учитывать, что установление строгих границ между нормой и патологией может привести к стигматизации и дискриминации, а также к подавлению индивидуальности [8].

Метафизические вопросы, связанные с границами этой делимости, включают в себя проблему определения сущности человеческого разума и его природы [3, 6]. Например, насколько отклонения от стандартных моделей мышления и восприятия являются «отступлениями», а насколько – проявлениями иной формы существования или восприятия реальности? Эти рассуждения затрагивают основы понимания человеческой свободы, идентичности и того, что делает человека полноценным субъектом [7].

В целом, философский дискурс о границах между нормой и патологией требует постоянного переосмысления, так как он связан с изменчивостью культурных понятий, научными открытиями, этическими стандартами и представлениями о человеческой природе [2, 4]. Уважительное отношение к индивидуальному разнообразию, критический пересмотр стандартов и внимательное балансирование между медицинскими потребностями и правами личности – все это важные аспекты этого непростого анализа [10].

Понятие «ментальное расстройство» является многогранным и многоаспектным, и его анализ выходит за рамки простой медицинской классификации [1, 3]. Этот термин содержит в себе не только набор клинических критериев, таких как диагностика по определенным симптомам, временным рамкам и степени тяжести, но и глубокие философские вопросы о природе человеческого существования, границах нормы и ответственности. На уровне медицины, психиатрии и неврологии «ментальное расстройство» определяется определенными симптомами, нарушениями в функционировании или структурой психики [5]. Однако, это определение не является фиксированным, оно меняется с развитием науки, культурных норм и общественных взглядов. В разные эпохи и культуры то, что считалось отклонением, могло превращаться либо в норму, либо даже в ценность [6].

Философский аспект понимания понятия «нормы» заставляет задуматься над тем, что значит «нормально» и «патологично» [1, 9]. Эти понятия не являются универсальными и объективными, они формируются под воздействием исторического, культурного и социального контекста. Например, критерии объективного определения психологического благополучия остаются предметом дискуссии: нечто, что считается нормальным в одной культуре, может восприниматься как патологическое в другой [8]. Метафизически же возникает вопрос о том, что составляет сущность человеческой психики – является ли «нормой» ее объективное устройство или же это вариация человеческого опыта. Такой анализ подчеркивает, что «ментальное расстройство» – это не только медицинский ярлык, но и концептуальная конструкция, тесно связанная с нашими представлениями о норме [7].

Философия особенно заинтересована проблемами личностной целостности и ответственности в контексте психических заболеваний [1]. Вопрос о том, как психические расстройства меняют или нарушают внутреннюю целостность человека, является ключевым: можно ли считать человека, пережившего расстройство, сохранившим свою личность, или же наступает утрата или фрагментация «я»? Точно так же возникает сложность определения моральной и юридической ответственности таких лиц: насколько они ответственны за свои действия, и как в этом случае учитывать особенности их психического состояния [4]. Особенно остро эти вопросы встает в случаях преступлений, совершенных людьми с психическими расстройствами, что требует пересмотра понятий автономии, свободы воли и моральной ответственности.

Взаимодействие медицинских и философских подходов превращает понятие «ментальное расстройство» из простого ярлыка в глубокий философский вызов, требующий анализа более широких аспектов человеческого сознания и социальной организации [1]. Медицина занимается авторитетной диагностикой,

терапией и стандартами определения болезни, тогда как философия призвана раздумывать о сущностных понятиях: что значит быть «нормальным», что такое «сознание» и «личность», а также обсуждать этические аспекты вмешательства и понимания этих процессов [2]. Такой междисциплинарный диалог способствует переоценке наших ценностей и подходов, делая понятие «ментальное расстройство» более динамичным и многомерным.

В итоге, можно сказать, что это понятие – не статичный термин, а сложный концепт, вобравший в себя клинические определения, культурные ценности, философские размышления о природе человека и социальной ответственности [10]. Он вынуждает нас задуматься о том, как формируется наше представление о норме, как мы заботимся о людях, чья психика выходит за привычные рамки, и насколько наши социальные и этические стандарты адекватны сложной и многообразной природе человеческого сознания. Такой вызов требует постоянного диалога между разными дисциплинами, чтобы глубже понять не только болезни ума, но и саму человеческую природу и устройство общества [3].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. М. : Искусство, 2021. 254 с.
2. Введенский А. В. Психиатрия и философия: взаимодействие и противоречия // Психиатрия. 2015. № 4. С. 10–15.
3. Гусев В. В. Человек и его психика: философские основы. СПб. : Наука, 2017. 312 с.
4. Иванов А. Ю. Философия и психиатрия: границы и взаимодействие // Философские науки. 2019. № 3. С. 45–53.
5. Ковалев В. М. Психические расстройства и границы человеческой личности. М. : Аспекты, 2018. 198 с.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа и философии. М. : Мысль, 2020. 320 с.
7. Лукьяненко В. Г. Философия сознания и моральные аспекты психиатрии // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 89–97.
8. Молчанов А. Психология и философия: актуальные вопросы. СПб. : Питер, 2023. 260 с.
9. Философия личности : учеб. пособие / под ред. П. П. Баранова. М. : Юрайт, 2022. 416 с.
10. Шмидт В. В. Многоголосье человеческой природы. М. : Наука, 2016. 278 с.

УДК 575:17

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕВГЕНИКИ

Ангелина Викторовна Маркелова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

markelova.ang@gmail.com

Аннотация. Евгеника рассматривается как явление, имеющее не только биологическое и биоэтическое, но и выраженное социальное измерение. Прослеживается ее развитие от профилактического замысла Ф. Гальтона до репрессивных практик XX в. (США, нацистская Германия, СССР), показавших, как соединение евгеники с авторитарной властью ведет к дискриминации и контролю над воспроизводством. Анализируются соци-

альные последствия современных генетических технологий (пренатальная диагностика, преимплантационная генетическая диагностика, редактирование генома), которые обладают терапевтическим потенциалом, но порождают неравенство, коммерциализацию и давление на репродуктивный выбор. Обосновывается необходимость этических, правовых и социальных механизмов, позволяющих использовать достижения генетики без превращения их в источник новых форм неравенства.

Ключевые слова: евгеника, генетические технологии, социальные риски, биоэтика, репродуктивная автономия

Евгеника традиционно обсуждается в биологическом и биоэтическом контексте, однако ее последствия имеют и выраженное социальное измерение. Возникнув в XIX веке как проект сознательного вмешательства в воспроизводство человека, она отражала веру в научный прогресс и возможность управлять наследственностью. Однако уже на раннем этапе возникли опасения, связанные с политизацией и риском злоупотреблений [2]. В условиях современного развития генетических и репродуктивных технологий – пренатальной диагностики, экстракорпорального оплодотворения, преимплантационной генетической диагностики и методов редактирования генома – вопросы социальной значимости евгеники становятся особенно актуальными. При этом современные генетические технологии не тождественны классической евгенике, однако способны воспроизводить ее социальную логику – нормирование «желательных» характеристик, неравный доступ и давление на репродуктивный выбор. С одной стороны, такие технологии открывают возможности для предотвращения тяжелых наследственных заболеваний и улучшения качества жизни; с другой – создают новые риски неравенства, дискриминации и социального давления [2]. Философский анализ евгеники требует признания ее двойственного характера: сочетания научного потенциала с серьезными этическими и социальными рисками. Для оценки этих рисков важное значение имеет принцип недопустимости использования человека лишь как средства, сформулированный Иммануилом Кантом [1]. Этот принцип стал важным ориентиром биоэтики, поскольку любые формы отбора ставят вопрос о том, не начинает ли общество считать одни человеческие жизни более ценными, чем другие.

Идеи Фрэнсиса Гальтона, изложенные в «Hereditary Genius» (1869), заложили основу евгеники: он обосновывал наследуемость интеллектуальных и личностных качеств и позднее ввел сам термин, связывая его с возможностью целенаправленного улучшения человеческой популяции [11]. На раннем этапе евгенические представления связывались с предупреждением наследственных нарушений, хотя впоследствии были включены в более широкий проект социального регулирования воспроизводства [2]. В современном контексте отдельные идеи, связанные с предупреждением тяжелых наследственных заболеваний, получили развитие уже не в форме государственной селекции, а в рамках генетической диагностики и репродуктивной медицины. Пренатальная диагностика и преимплантационная генетическая диагностика (ПГД) позволяют выявлять тяжелые наследственные заболевания на ранних стадиях, снижая риск рождения ребенка с тяжелой патологией, что рассматривается как способ уменьшения страдания. Эти технологии способствуют профилактике заболеваний и расширяют репродуктивную автономию. Однако оценка этих практик не может сводиться только к медицинской или экономической эффективности – они затрагивают вопросы достоинства, равенства и отношения общества к инвалидности. В рамках концепции «либеральной евгеники» и принципа «procreative beneficence» Дж. Савулеску подчеркивается, что возможность выбора условий, повышающих вероятность благополучной жизни ребенка, становится важным фактором репродуктивных решений

[14]. Ключевым условием при этом остается наличие клинических, правовых и социальных гарантий, обеспечивающих добровольность, информированность и отсутствие принуждения.

Однако история XX века показывает, что соединение евгеники с авторитарной властью приводит к тяжелым гуманитарным последствиям. В США в первой половине XX века получили распространение программы принудительной стерилизации, юридически легитимированные решением Верховного суда по делу Buck v. Bell (1927) [9]. В рамках этих программ были стерилизованы десятки тысяч человек, прежде всего представители социально уязвимых и стигматизированных групп населения [13]. Наиболее радикальная форма евгеники была реализована в нацистской Германии, где она интегрировалась в расовую идеологию и тоталитарную систему власти. Политика «расовой гигиены» привела к принудительной стерилизации сотен тысяч человек и стала важной частью более широкой системы исключения и преследования людей, объявленных биологически или расово «неполноценными» [10]. В этом случае идея «улучшения населения» стала прямым оправданием для исключения, унижения и уничтожения целых групп. В СССР евгенические идеи активно обсуждались в 1920-е годы: существовало Русское евгеническое общество, сама проблематика входила в поле научных дискуссий [6]. Однако на рубеже 1920–1930-х годов евгеника утратила государственную поддержку и была вытеснена из научного пространства по политическим и идеологическим причинам: ее критиковали как «буржуазную», а затем «фашистскую» дисциплину, и она вступила в конфликт с советским представлением о преобразующей роли социальной среды и воспитания [6]. Этот пример показывает, что идеи управления наследственностью могут становиться не только инструментом репрессивной практики, но и объектом жесткой идеологизации со стороны государства.

Помимо прямых злоупотреблений, евгеника несет фундаментальные социальные риски, сохраняющиеся даже при формальной добровольности. Один из них – редукция человека к биологическим характеристикам, что ведет к обесцениванию культурного и социального многообразия. Как отмечал М. Фуко, управление жизнью популяций может превращаться в механизмы нормализации и контроля [7]. Другой риск – стигматизация уязвимых групп: евгеническая логика формирует представления о «желательных» и «нежелательных» качествах, усиливая предрассудки в отношении людей с инвалидностью и социально уязвимых групп. Даже без принуждения расширение генетического выбора меняет общественные ожидания: родители могут испытывать давление со стороны медицины, страховых институтов и общественного мнения, что превращает внешне добровольные решения в социально нормируемые.

Современные технологии – пренатальная диагностика, ПГД и редактирование генома – создают новые вызовы, выходящие за рамки исторических форм евгеники. Высокая стоимость репродуктивных и генетических процедур может приводить к неравному доступу к ним. В результате такие преимущества могут концентрироваться у привилегированных групп, формируя «генетическое неравенство» [2]. Дополнительным источником риска становится коммерциализация репродуктивной медицины: рынок генетических услуг усиливает риск превращения репродукции в сферу потребительского выбора [8]. Развитие технологий редактирования генома, в частности CRISPR-Cas9, открывает перспективы точечного вмешательства при наследственных заболеваниях [12]. Однако одновременно возникают сложные вопросы о границе между лечением и «улучшением» человеческих характеристик, о долгосрочных последствиях наследуемых изменений и о допустимых пределах вмешательства в геном будущих поколений [4]. В этих

условиях даже формально добровольный выбор может приобретать принудительный социальный характер: отказ от ПГД или пренатальной диагностики может встречать непонимание, осуждение или институциональное давление. Тем самым репродуктивные решения превращаются из личного выбора в социально нормируемую практику [2, 8].

В современной России применение генетических и репродуктивных технологий регулируется законодательством (в частности, ФЗ № 323-ФЗ [3]), закрепляющим принцип добровольности медицинского вмешательства и информированного согласия, а также ограничивающим их использование преимущественно медицинскими целями. При этом клиническое применение редактирования генома человека в репродуктивных целях не допускается [4], а биоэтические нормы запрещают генетическую дискриминацию и требуют уважения репродуктивной автономии личности.

Для предотвращения злоупотреблений и минимизации негативных последствий необходим комплекс этических, правовых и социальных механизмов. Решения о применении репродуктивных технологий должны приниматься на основе полного и доступного понимания возможных медицинских, психологических и социальных последствий. Это требует развития независимого генетического консультирования. Необходимы правовые гарантии, запрещающие использование генетической информации как основания для ограничения прав в сфере трудоустройства, страхования, кредитования и иных социальных институтов [5]. Государственная политика должна обеспечивать более справедливый доступ к генетическим технологиям. Это может включать поддержку социально уязвимых групп, расширение доступности ключевых медицинских процедур и создание прозрачных критериев их применения. Использование генетических технологий, особенно в сфере редактирования генома, должно сопровождаться обязательной этической экспертизой с участием специалистов в области медицины, права, философии и социальных наук [4]. Важную роль играют биоэтические комитеты, механизмы общественного контроля и широкая публичная дискуссия с участием пациентских организаций, людей с инвалидностью, правозащитных и религиозных сообществ. Только при учете различных социальных позиций возможно выработать устойчивый баланс между научным прогрессом и защитой человеческого достоинства.

Таким образом, евгеника и связанные с ней технологии обладают двойственным социальным потенциалом. С одной стороны, современные диагностика и репродуктивная медицина создают возможности для предотвращения тяжелых наследственных заболеваний, уменьшения страдания и расширения репродуктивной автономии. С другой – как история, так и современность показывают, что такие практики могут вести к усилению неравенства, дискриминации, коммерциализации и давлению на репродуктивный выбор. Поэтому наиболее взвешенная позиция – не отказ от генетических вмешательств, а формирование строгих этических и правовых рамок их применения. Только сочетание научного прогресса с уважением к человеческому достоинству, автономии личности и социальной справедливости позволяет использовать достижения генетики так, чтобы их преимущества не превращались в источник новых форм неравенства.

Список литературы

1. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собрание сочинений : в 8 т. М. : ЧОРО, 1994. Т. 4. С. 153–245.

2. Летучих А. Н. Евгеника: история и современность // Форум молодых ученых. 2018. № 2 (21). С. 499–503.

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 [ред. от 24.07.2023 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023].

4. Пестрикова А. А. Правовые и этические нормы редактирования генома человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 5. С. 37–51.

5. Редникова Т. В. Генетическая дискриминация: актуальные направления правового противодействия // Право и политика. 2025. № 6. С. 93–105.

6. Сомов В. А. «Евгеника или жизнь»: судьба одного научного направления в условиях становления советского социализма (1920–1930 гг.) // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 322–334.

7. Фуко М. Рождение биополитики / пер. с фр. А. В. Дьякова. М. : Наука, 2010. 448 с.

8. Юдин Б. Г. Редактирование генома: социально-этические проблемы (реферативный обзор) // Актуальные проблемы биоэтики. 2016. № 2016. С. 181–191.

9. Buck v. Bell : 274 U.S. 200 // United States Reports. Washington : Government Printing Office, 1927. Vol. 274. P. 200–208.

10. Eugenics // Holocaust Encyclopedia / United States Holocaust Memorial Museum. URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/eugenics (дата обращения: 10.04.2026).

11. Galton F. Hereditary Genius: An Inquiry into Its Laws and Consequences. London : Macmillan, 1869.

12. Jinek M., Chylinski K., Fonfara I. [et al.]. A programmable dual RNA-guided DNA endonuclease in adaptive bacterial immunity // Science. 2012. Vol. 337, № 6096. P. 816–821.

13. Reilly P. R. Eugenics and Involuntary Sterilization: 1907–2015 // Annual Review of Genomics and Human Genetics. 2015. Vol. 16. P. 351–368.

14. Savulescu J. Procreative Beneficence: Why We Should Select the Best Children // Bioethics. 2001. Vol. 15, № 5/6. P. 413–426.

УДК 1(091), 159.942

СТРАДАНИЕ ОТ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО: ФЕНОМЕН ИПОХОНДРИИ В СВЕТЕ СТОИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВООБРАЖЕНИЯ

Виктория Олеговна Ильина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

vi0154610@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема тревоги о здоровье на примере ипохондрии и показывается, что страдание нередко связано не с объективной реальностью, а с ее субъективным восприятием. Основой рассуждения становится мысль Сенеки о том, что человек часто страдает под влиянием собственных страхов и предположений. Особое внимание уделяется тому, как воображение, тревожные мысли и постоянный поиск симптомов, особенно в интернете, усиливают внутреннее беспокойство и формируют самоподдерживающийся цикл тревоги. Также показывается, что идеи стоической философии во многом соотносятся с выводами современной науки и принципами когнитивно-поведенческой терапии. Делается вывод о том, что важным условием преодоления тревоги является умение разграничивать факты и тревожные интерпретации.

Ключевые слова: Сенека, ипохондрия, тревога, воображение, когнитивно-поведенческая терапия

Современные условия жизни характеризуются высоким уровнем бытового и медицинского комфорта. У человека есть доступ к медицине, интернету, лекарственным средствам и благоприятным условиям существования. Многие опасности, которые ранее составляли часть повседневной жизни, в настоящее время воспринимаются как менее значимые. Однако распространенность тревожных состояний не снижается; напротив, в ряде случаев повышение уровня комфорта сопровождается усилением субъективной тревожности. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в сфере отношения к здоровью. Даже незначительное недомогание может вызывать выраженный страх, панические реакции и навязчивые мысли о тяжелых заболеваниях. В связи с этим тема тревоги и страданий, возникающих под влиянием воображения, представляется актуальной.

К данной проблеме еще в античную эпоху обращался древнеримский философ Сенека. Его высказывание «Мы чаще страдаем в воображении, чем в реальности» точно отражает содержание ряда современных психологических проблем [5]. Наиболее наглядно данное положение проявляется на примере ипохондрии. Ипохондрия представляет собой состояние, при котором человек испытывает чрезмерную тревогу по поводу возможных заболеваний, постоянно ищет у себя опасные симптомы и убеждает себя в наличии тяжелой или угрожающей патологии. Даже при отсутствии объективных оснований для страха страдание возникает еще до появления объективно подтвержденной угрозы. Подобное понимание тревоги о здоровье представлено и в отечественных исследованиях, где лица с высоким уровнем такой тревоги склонны трактовать обычные телесные ощущения как признаки тяжелого заболевания [1]. В этом и проявляется актуальность наблюдения, сделанного Сенекой.

Физическая боль обычно имеет очевидную причину и легче поддается объективному объяснению. Психическая тревога устроена сложнее: ее труднее наблюдать и измерять, однако это не уменьшает интенсивности переживания. У людей, фиксирующих внимание на состоянии организма, нейтральные ощущения (покалывание, слабость, головная боль) могут восприниматься как признаки серьезного заболевания. В отечественных исследованиях также подчеркивается, что при ипохондрии соматические ощущения нередко искаженно интерпретируются как симптомы тяжелой патологии [6].

Воображение играет в этом процессе ключевую роль. Сенека отмечал, что человек боится не столько происходящего в настоящем, сколько возможных будущих событий [5]. Так, легкая боль в боку при ипохондрии может сразу интерпретироваться как опасный симптом и вызывать представления о тяжелом лечении и неблагоприятном исходе. Отечественные данные подтверждают этот механизм: люди с высокой тревогой о здоровье склонны повторно проверять тело и воспринимать ощущения как признаки тяжелого заболевания [1]. В результате страх возникает даже при отсутствии объективно подтвержденной угрозы.

Сознание человека способно не только интерпретировать действительность, но и формировать тревожные сценарии. В таком случае человек переживает не само событие, а созданный в сознании образ возможной угрозы. Современные данные подтверждают это: при страхе организм запускает стрессовую реакцию с выделением кортизола и адреналина [7]. Существенно, что такая реакция возникает не только при реальной, но и при воображаемой опасности [7]. Поэтому мысленно сконструированная угроза может сопровождаться вполне реальными телесными симптомами и усиливать убежденность человека в наличии заболевания.

Формируется самоподдерживающийся цикл тревоги: телесное ощущение воспринимается как опасное, страх вызывает физиологические реакции, а они

усиливают убежденность в наличии болезни. Поэтому страдание здесь связано не столько с объективной реальностью, сколько с ее неблагоприятной интерпретацией. В современных условиях этот механизм усиливается под влиянием интернета. Поиск медицинской информации нередко не снижает, а повышает тревогу; данный феномен определяется как киберхондрия [8]. Аналогичные выводы представлены и в отечественных исследованиях, где киберхондрия связывается с ростом тревоги о здоровье и навязчивым поиском информации о симптомах [2, 4]. Важной представляется и другая мысль Сенеки. Он подчеркивал зависимость человеческого страдания от субъективной оценки происходящего [5]. Данное положение может быть соотнесено с феноменом ипохондрии. Одно и то же событие разными людьми воспринимается по-разному. Например, один человек расценит слабость как следствие переутомления, другой обратится к врачу для уточнения причин состояния, а третий зафиксируется на наиболее неблагоприятной интерпретации и усилит собственную тревогу. Следовательно, значение имеет не только само событие, но и способ его осмысления. Страдание определяется не исключительно внешней ситуацией, а тем смыслом, который человек ей придает.

Данное положение соотносится с современными психологическими подходами. В когнитивно-поведенческой терапии считается, что когнитивные установки влияют на эмоциональное состояние и поведение человека [10]. Поэтому человека учат распознавать автоматические тревожные мысли, критически их оценивать и заменять более реалистичными интерпретациями. Такой подход перекликается с идеями Сенеки и подтверждается отечественными исследованиями, где ипохондрия рассматривается как склонность искаженно интерпретировать соматические ощущения [6].

Особое значение имеет тот факт, что когнитивно-поведенческая терапия действительно применяется при тревоге о здоровье. На медицинском сайте NHS указывается, что при тревоге по поводу здоровья одним из способов помощи является именно КПТ [9]. Это позволяет говорить о сохраняющейся значимости стоических идей для современной психологии. Положения, сформулированные в стоической философии, находят подтверждение в современных психологических и медицинских исследованиях. Дополнительно это подтверждается отечественным клиническим исследованием А. И. Мелехина, где показано, что при дезадаптивной тревоге о здоровье когнитивно-поведенческая терапия направлена на модификацию когнитивной предвзятости и тревожных интерпретаций, связанных с состоянием здоровья [3].

Следовательно, идеи Сенеки важны не только для теоретического объяснения тревоги, но и для ее практического преодоления. Сенека связывал внутреннее спокойствие с работой над собственными суждениями. При этом важно различать ответственное отношение к здоровью и тревожную фиксацию на ожидании тяжелого диагноза.

Положения стоической философии могут иметь практическое значение и в современных условиях. Прежде всего важно уметь разграничивать факты и субъективные предположения. Наличие головной боли само по себе не свидетельствует о тяжелом заболевании, так же как состояние усталости не обязательно указывает на серьезную патологию. В подобных случаях целесообразно задавать вопрос о том, что является достоверным фактом, а что представляет собой тревожное допущение. Такое разграничение способствует ослаблению потока тревожных мыслей. Кроме того, постоянный поиск симптомов в интернете без достаточных оснований, как правило, не снижает тревогу, а способствует ее усилению. Более рациональным является обращение к врачу при наличии реального повода для беспокойства и отказ от самостоятельного построения диагноза. Подобные

рекомендации согласуются как с зарубежными материалами по самопомощи в рамках КПТ [10], так и с отечественными публикациями, в которых коррекция тревоги о здоровье связывается с изменением дисфункциональных интерпретаций и отказом от повторяющихся проверок симптомов [1, 3].

Еще одно значимое положение связано с возвращением внимания к настоящему моменту. Для тревожного состояния характерна фиксация на возможных неблагоприятных событиях будущего. Человек сосредоточивается не на текущей ситуации, а на вероятных угрозах, которые могут возникнуть позднее. Именно такая направленность сознания становится одним из факторов усиления внутреннего неблагополучия. В реальности в данный момент ситуация может оставаться относительно стабильной, тогда как в сознании уже формируется катастрофический сценарий. В связи с этим важно учиться воспринимать происходящее через факты, а не через тревожные фантазии, и вырабатывать более спокойный и рациональный способ мышления.

Таким образом, фраза Сенеки о том, что человек чаще страдает в воображении, чем в реальности, сохраняет актуальность и в настоящее время. На примере ипохондрии особенно отчетливо видно, каким образом человек способен сам становиться источником собственных мучительных переживаний. Тревожные мысли начинают восприниматься как достоверная реальность, вследствие чего формируется замкнутый цикл страдания. Однако если страхи рождаются в воображении, то становится возможной и работа по их осмыслению и преодолению. Современная наука объясняет, почему тревога переживается столь интенсивно [7], а психотерапия показывает, каким образом может быть изменено отношение человека к собственным мыслям [3, 9, 10]. Тем самым подтверждается продуктивность сенековского подхода к пониманию природы страдания. Оснований для страдания в объективной реальности нередко оказывается значительно меньше, чем в мысленно сконструированных сценариях, поэтому важной задачей становится развитие способности к критической оценке собственных тревожных интерпретаций и возвращению к более спокойному и рациональному восприятию действительности.

Список литературы

1. Желонкина Т. А., Ениколопов С. Н., Ермушева А. А. Адаптация русскоязычной версии методики P. Salkovskis «Краткий опросник тревоги о здоровье» (Short Health Anxiety Inventory) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7, № 1. С. 30–37.

2. Золотарева А. А. Русскоязычная адаптация шкалы тяжести киберхондрии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20, № 2. С. 177–190.

3. Мелехин А. И. Дезадаптивная тревога о здоровье: применение лечебной дистанционной когнитивно-поведенческой терапии // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения, 2023. Т. 9, № 2. С. 29–39.

4. Ростовцева Н. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Емелин В. А. Киберхондрия – самостоятельное явление или проявление ипохондрических особенностей онлайн? // Национальный психологический журнал. 2022. Т. 45, № 1. С. 76–93.

5. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. С. Ошерова. М. : АСТ, 2018. 640 с. (Эксклюзивная классика).

6. Шадрина А. Ю., Волкова О. В. Теоретико-методологический обзор представлений об ипохондрическом типе отношения к болезни в психологических и медицинских исследованиях // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14, № 4. С. 94–104.

7. Chu B., Marwaha K., Sanvictores T. [et al.]. Physiology, Stress Reaction // StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL) : StatPearls Publishing, 2026. Jan. PMID: 31082164

8. Doherty-Torstrick E. R., Walton K. E., Fallon B. A. Cyberchondria: Parsing Health Anxiety From Online Behavior // Psychosomatics. 2016. № 57 (4). P. 390–400.

9. Health anxiety // NHS : официальный сайт National Health Service. London, 2023. URL: https://www.nhs.uk/mental-health/conditions/health-anxiety/ (дата обращения: 08.03.2026).

10. Self-help CBT techniques // Every Mind Matters / NHS. URL: https://www.nhs.uk/every-mind-matters/mental-wellbeing-tips/self-help-cbt-techniques/?utm_source (дата обращения: 08.03.2026).

УДК 17:128:393

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ СМЕРТИ. ФИЛОСОФИЯ МЕРТВОГО ТЕЛА. ПУБЛИЧНЫЕ ВСКРЫТИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫСТАВКИ «BODY WORLDS»

Дарья Сергеевна Жукова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

daria.zhukova.19@mail.ru

Аннотация. Рассматривается трансформация восприятия смерти и тела умершего в контексте публичных практик – от анатомических театров Просвещения до современных выставок пластинатов «Body Worlds». Рассматривается переход от традиционного ритуального сокрытия трупа к его публичной демонстрации и объективации. Анализируется философская проблема объективации трупа через призму теорий Сартра, Левинаса и Нанси. Выявляется конфликт между статусом «бывшего субъекта» и «вещи» при публичной экспозиции человеческих останков. Обосновывается тезис о том, что публичная экспозиция мертвого тела переводит его из сферы приватного горя в область культурного производства и медико-визуальных практик, радикально меняя границы человеческого и субъективного.

Ключевые слова: философия смерти, танатология, онтологический статус трупа, анатомический театр, объективизация тела «Body Worlds», Жан-Поль Сартр, Эммануэль Левинас, Жан-Люк Нанси, этика смерти

В современной культуре тело умершего все чаще оказывается не приватным объектом прощания, а публичным образом, циркулирующим в медийном, медицинском и цифровом пространствах.

Публичные вскрытия и анатомические театры эпохи просвещения, современные выставки «body worlds», рост медико-визуальных практик – все это заставляет по-новому взглянуть на понимание смерти и объективизацию тела.

Традиционно труп рассматривался как пограничный феномен, требующий ритуального сокрытия. Взгляд на мертвое тело был регламентирован, а сам умерший сохранял статус «бывшего субъекта», к которому относились с особым почтением. Однако с развитием медико-визуальных практик – от анатомического препарирования до цифровых баз данных и социальных медиа – труп все чаще предстает как чистая видимость: доступный для рассмотрения и анализа объект. Эта трансформация обнажает некий конфликт: тело умершего оказывается одновременно «вещью» и «бывшим субъектом».

Философская традиция, от феноменологии взгляда до критической теории тела, показывает, что превращение тела в объект взгляда не нейтрально – оно радикально меняет онтологический статус умершего. Когда труп становится публичным, он перестает принадлежать исключительно сфере приватного горя и переходит в область культурного производства, где его значение меняется медициной, искусством и технологиями.

Публичное выставление трупа не просто меняет культурные ритуалы, а ставит под сомнение сами основания, на которых строится различение «субъекта» и «вещи». Именно в этом противоречии о приватное и публичное создается вопрос – что значит быть телом после смерти или быть человеком, созерцающим это тело.

Проблема онтологического статуса трупа занимает особое место в философской антропологии и танатологии. Центральная философская проблема, связанная с трупом, заключается в вопросе: существует ли умерший человек после смерти? И как понимать его статус?

Жан-Поль Сартр в своей философии «Другого» показывает, как взгляд превращает субъекта в объект. Другой, смотрящий на меня, делает меня объектом для себя, лишает меня трансценденции. Делая вывод об этом суждении, можно утверждать, что труп представляет собой предельную форму объективации. Труп – это тело, окончательно и бесповоротно ставшее объектом, утратившее способность быть «для-себя».

Для Сартра «быть-увиденным-другим» есть фундаментальный факт, конституирующий субъекта. Взгляд другого отчуждает мои возможности, делает меня пространственно-временным объектом. В трупе это отчуждение достигает своей завершенности: субъект полностью исчезает, остается чистая объектность [4].

Эммануэль Левинас подчеркивает радикальную непознаваемость смерти. Смерть – это замешательство перед тем, чего субъект не знает и потому боится. Опыт смерти невозможен по определению, поэтому знание о смерти недоступно. Левинас связывает смерть с материальностью тела, со страданием, которое отсылает к «тайне смерти». В этом контексте труп становится тем, что остается от субъекта, когда власть субъекта над собой, временем и бытием завершается [2].

Особое место в осмыслении статуса умершего тела занимает Жан-Люк Нанси. Он предлагает принципиально новое понимание тела, которое не сводится ни к субъекту, ни к объекту. Нанси утверждает: «Нет места для Смерти. Сами места – мертвые тела: их пространства, их могилы, их протяженные массы и наши тела, блуждающие между ними, между нами» [3, с. 15].

Ключевое понятие Нанси – это ареальность. Тело не имеет глубины субъективности, оно есть чистая поверхность, протяженность, выставленность вовне. «Тело есть образ, дарованный другим телам», – пишет Нанси [3, с. 42]. Эта ареальность означает, что тело не является ни субстанцией, ни субъектом, оно есть способ бытия постоянного выхождения из себя.

В этом контексте труп оказывается не просто мертвым телом, но предельным выражением телесности как таковой – телом, которое больше не притязает на субъективность, но и не сводится к чистой вещности.

Труп – это онтологический скандал, демонстрирующий несостоятельность классических дихотомий субъект/объект, живое/мертвое, существование/несуществование. Он представляет собой то, что остается от субъекта, когда субъект уже ушел, но еще не стал чистой вещью [3].

Анатомические театры представляли собой особые культурно-развлекательные учреждения, получившие широкое распространение в эпоху Возрождения. Несмотря на мрачность происходящего, вскрытия не отталкивали публику – напротив, интерес к смерти, анатомии и связанным с ними, в том числе духовным, вопросам, вызывал живой отклик.

Изначально доступ к подобным «представлениям» имели лишь ограниченные круги лиц – покровители и приближенные университета. Однако после того, как врачам удалось добиться разрешения Ватикана на проведение публичных вскрытий, посещение театров стало доступным для более широкой аудитории за плату.

С целью привлечения дополнительного интереса анатомические театры начали приобретать элементы театрализации: интерьеры украшались, а сами вскрытия проводились в форме своеобразного спектакля. Патологоанатомы выступали в нарядной одежде, а процесс сопровождался музыкальным оформлением.

В то же время существенным этическим недостатком оставалось отношение к телу умершего. В период запрета на вскрытия наблюдался острый дефицит трупного материала, что приводило к случаям похищения тел, в том числе с кладбищ.

Кульминацией процесса превращения трупа в публичный объект взгляда стала анатомическая выставка «Body Worlds» («Миры тела») немецкого патологоанатома Гюнтера фон Хагенса. Экспонаты выставки – это реальные человеческие тела, подвергнутые процедуре пластинации. Фон Хагенс позиционирует себя не только как ученого, но и как «художника», а свою выставку – как «анатомию, которая жива». Эта формулировка фиксирует центральный парадокс экспозиции: мертвые тела используются для демонстрации жизни.

Однако именно эта эстетизация трупа становится источником споров. Критики усматривают в ней не столько искусство, сколько дегуманизацию человека. Ведущая Анна Шафран, комментируя выставку, представленную на ВДНХ, назвала творца-ученого не доктором, а маньяком, называя экспозицию передвижным кладбищем.

С другой стороны, сторонники выставки настаивают на ее просветительском и даже этическом значении, например отказа от вредных привычек. В этом контексте труп перестает быть объектом некрофильского любопытства и превращается в инструмент воспитания – наглядную проповедь здорового образа жизни [1].

С точки зрения философии, «Body Worlds» представляет собой радикализацию тенденции, намеченной еще в анатомических театрах Просвещения. Труп не просто становится объектом взгляда, а позируется как объект, принимая позы, имитирующие субъектность.

Реакция на «Body Worlds» в разных странах и культурных контекстах существенно различается. Исследовательница Линда Шульте-Засе отмечает, что если в Европе выставка стала предметом интенсивных правовых, этических и культурных споров, то в США она была встречена прессой, кураторами музеев и даже теологами как «ода чудесам человеческого тела» и «замечательное образовательное средство» [1].

Смерть, будучи абсолютным пределом субъективности, одновременно запускает процесс радикальной объективации тела. Философская традиция, от феноменологии до критической теории, неоднократно фиксировала этот переход: живое тело, которое было центром переживаний и самопринадлежности, после смерти превращается в объект, подлежащее внешнему рассмотрению, измерению и манипуляции.

Ключевая интуиция Жана-Поля Сартра, изложенная в «Бытии и ничто», заключается в том, что субъект превращается в объект прежде всего через взгляд Другого. «Быть-увиденным-другим» – это фундаментальный факт, конституирующий мою фактичность. Другой, смотрящий на меня, отчуждает мои возможности, фиксирует меня в пространстве и времени как объект, наделяет меня свойствами, которые я не выбирал. Этот взгляд лишает меня моей трансценденции, сводя к «бытию-для-другого» [4].

В случае трупа этот механизм достигает своего предела. Если при жизни я могу сопротивляться объективации, отвечать взглядом, ускользать в свою субъективность, то мертвое тело такой возможности лишено. Взгляд Другого находит здесь чистую вещь, которая сохраняет форму субъекта. Именно это делает труп уникальным: он становится просто телом, окончательным объектом, сохранившим знаки субъективности, но не проявляя их.

Сартр не анализирует именно труп, но его теория взгляда позволяет понять, почему публичное выставление мертвого тела воспринимается аморально. Труп оказывается в уязвимом состоянии, в котором объективация уже не может быть оспорена [4].

Эммануэль Левинас, напротив, акцентирует не объективацию через взгляд, а радикальную непознаваемость смерти. Для философа смерть – это «замешательство перед тем, чего субъект не знает и потому боится» [2, с. 71]. Смерть не может быть принята и тем более осознана.

«Лицо» умершего, по Левинасу, сохраняет этическое требование, но уже как лицо отсутствующего. Именно поэтому Левинас настаивает на абсолютной недопустимости превращения трупа в объект исследования или зрелища. Тело умершего не является материей или объектом. Это след умершего, который нельзя упрощать до простейшей формы бытия.

Эта позиция оказывается в прямом противоречии с практиками, подобными «Body Worlds». Для Левинаса выставление трупа есть насилие над умершим субъектом. Труп не должен становиться объектом публичного взгляда, потому что в нем еще присутствует лик субъекта несмотря на его отсутствие в настоящем [2].

Жан-Люк Нанси предложил новый взгляд на размышления. Он пытается выйти из деления понятий субъекта и объекта. В работе «Corpus» он вводит понятие ареальности. Тело не имеет глубины субъективности, оно есть чистая выставленность. «Тело – это образ, дарованный другим телам», – пишет философ [3, с. 42]. «Corpus» излагает концепцию тела, противоречащую концепции тела Платона, где тело рассматривается как темница души. Тело – это предел, нейтральная зона. Для Нанси тело это место, где происходит существование. Мы не можем познать тело. Мыслить тело означает касаться его предела, а не проникать в его суть. Для философа тело является экспозицией, то есть выставленным напоказ объектом. Поэтому объективация трупа не является чем-то вторичным, насильственным актом – она заложена в самой структуре телесности. Тело всегда выставлено, всегда является объектом для других тел.

Однако Нанси считает, что, когда тело становится долговременным экспонатом, его выставленность перестает быть подвижной, диалектической. Она превращается в фиксацию, остановку, которая, по мысли Нанси, противоречит самой природе тела как постоянного выхождения из себя [3].

Медицина сформировала специфический взгляд на тело: оно стало объектом знания, доступным для наблюдения, классификации, вмешательства. Труп в этом контексте – это предельный объект медицинского познания, тело, окончательно лишенное субъективности и полностью подчиненное клиническому взгляду. Вскрытие, анатомический театр, медицинская визуализация – все это практики, в которых тело становится объектом, а субъект исчезает.

Философский взгляд на смерть и объективизацию тела позволяет сделать вывод, что превращение трупа в объект – это не просто неизбежный физический процесс, а еще и сложный культурно-исторический конструкт.

Современные практики публичной экспозиции трупа, такие как «Body Worlds» заставляют задуматься о том, где проходит граница между уважением к умершему и научно-эстетическим интересом [1].

Труп перестал быть исключительно объектом медицинского исследования или приватного прощания, превратившись в значимый феномен культуры. От онтологического парадокса «несуществующего объекта» до культурной конструкции тела-как-трупа – философская традиция фиксирует фундаментальную двойственность человеческих останков: они одновременно сохраняют след «бывшего субъекта» и подлежат обращению как вещь. Философский взгляд позволяет увидеть за этой публичной демонстрацией более глубокие сдвиги в понимании субъективности.

В конечном счете, «Body Worlds» и подобные практики вынуждают пересмотреть само понятие «труп»: это уже не просто мертвое тело, а культурный объект, в котором пересекаются наука, искусство, этика, право и коммерция. Его публичная демонстрация становится зеркалом, в котором современное общество видит свое собственное отношение к смерти, телу и границам человеческого. И пока эти границы остаются подвижными, дискуссия о статусе трупа будет сохранять свою философскую и культурную остроту.

Список литературы

1. Burns Lawrence. Gunther Von Hagens' Body Worlds: Selling Beautiful Education // The American Journal of Bioethics. 2007. № 7 (4). P. 12–23.

2. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 416 с.

3. Нанси Ж.-Л. Corpus / сост., общ. ред. и вступ. ст. Е. Петровской. М. : Ad Marginem, 1999. 255 с.

4. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М. : Республика, 2000. 639 с.

УДК 374.3, 376.68, 378.14.015.62, 378.18

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Елена Викторовна Балахонова[1],
Теймур Эзизович Реджепов[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]m-a-r-t-a2005@yandex.ru
[2]excaliburtim1201@gmail.com

Аннотация. Показана динамика роста численности обучающихся в российских вузах иностранных студентов. Обозначена проблема низкого уровня владения русским языком значительной части абитуриентов, что осложняет процесс их адаптации в образовательной среде. Охарактеризована роль языка как социокультурной ценности, обеспечи-

вающей интеграцию личности в новую социокультурную и академическую среду в условиях межкультурной коммуникации. Рассмотрены ключевые аспекты языковой и социокультурной адаптации иностранных студентов. Показана роль русского языка не только как средства обучения, но и значимого ресурса, расширяющего образовательные и профессиональные возможности иностранных студентов российских вузов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, социокультурная адаптация, языковая адаптация, иностранные студенты

Развитие международного образовательного пространства в последние десятилетия привело к значительному росту академической мобильности и увеличению числа иностранных студентов, получающих образование за рубежом. Российская Федерация как правопреемник СССР традиционно занимает в этой системе значимое место. На данный момент в более чем 170 странах работает свыше 1 млн закончивших советские и российские вузы специалистов разного профиля, в 70 государствах созданы ассоциации выпускников. В Российской Федерации действует Ассоциация иностранных студентов России (в регионах страны открыты 26 ее филиалов) [6, с. 75]. С учетом текущей геополитической ситуации международное научно-образовательное сотрудничество Российской Федерации развивается преимущественно в области совместных проектов с международными организациями и объединениями (такими, как АТЭС, БРИКС, ЕАЭС, СНГ и ШОС), государствами Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского регионов, Африки и Латинской Америки [6, с. 76]. Важную роль играют исторические и культурные связи, сложившиеся у России с этими государствами, общность образовательных традиций со странами СНГ, наличие в них русскоязычного пространства и преемственность научных школ.

В последние годы значительно увеличилось число обучающихся в России иностранных студентов, чему способствуют меры, принимающиеся в рамках реализации Концепции продвижения российского образования на базе зарубежных представительств Россотрудничества и Федерального проекта «Экспорт образования». В частности с 2019-го по 2024 г. число студентов из Китая, Индии и Ирана выросло в два раза, а из стран СНГ – на 15–20 % [8]. Общее количество иностранцев, обучающихся в российских университетах и их зарубежных филиалах по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, увеличилось с 329 651 человека в 2020 г. до 395 140 человек в 2024 г. [4, с. 124]. По состоянию на март 2026 г. численность иностранных студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях составляет 414 647 человек [11]. Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года предусматривает, что к 2030 г. количество обучающихся в России по образовательным программам высшего образования иностранных студентов увеличится не менее чем до 500 тыс. человек [5, с. 58].

Одним из действенных механизмов популяризации российского образования среди иностранных граждан является предоставляемая им Министерством науки и высшего образования РФ возможность бесплатного обучения в пределах квоты Правительства Российской Федерации. С 2023 г. ежегодная квота на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета по образовательным программам среднего профессионального образования, высшего образования и дополнительного профессионального образования выделяется для 30 тыс. человек [4, с. 122] (в 2022 г. она была значительно ниже – 23 тыс. [9]).

Количество заявок на участие в отборе в 2025 г. по сравнению с 2022 г. выросло с 47,5 тыс. до 80 тыс. При этом менее половины (30 тыс.) потенциальных

абитуриентов могли сразу участвовать в отборе на предпочтительную для себя образовательную программу, а остальные (50 тыс.) нуждались в предварительном обучении на подготовительном факультете [9]. Одна из главных задач этих факультетов – подготовить слабо владеющих русским языком или не владеющих им вовсе к освоению образовательных программ, в рамках которых преподавание ведется на государственном языке Российской Федерации (а их в российских вузах абсолютное большинство).

Языковой барьер (а также недостаточное развитие поддерживающей инфраструктуры и англоязычных сервисов) является одним из основных препятствий для выбора российских вузов гражданами стран дальнего зарубежья [3]. После распада СССР были разорваны создававшиеся на протяжении долгих лет связи со многими государствами, интерес к русскому языку в мире обрушился: за 20 лет число владеющих им иностранцев сократилось с 48 млн до 29 млн человек. В государствах – бывших союзных республиках показатель владения русским языком также существенно снизился: со 120 до 94 млн человек [1, с. 19], чему способствовали не только исход из них этнических русских и русскоязычных представителей нетитульных национальностей, но и внутренняя политика этих стран, а также проводимые ими реформы национальных систем образования. Если говорить о странах Средней Азии (теперь ее принято называть Центральной), то школы с русским языком обучения в некоторых из них сохранились преимущественно в столицах, областных центрах, промышленных городах и некоторых районах. Практически во всех странах этого региона наблюдается дефицит (местами острый) преподавателей русского языка и преподавателей-предметников на русском языке [2].

Такое положение дел в странах Центральной Азии напрямую сказывается на уровне владения русским языком части приезжающих из них для поступления в российские вузы абитуриентов, для которых русский язык не является родным. Данное обстоятельство вызывает необходимость их языковой адаптации, которая зачастую проходит довольно сложно, что, в свою очередь, затрудняет и адаптацию к новой, иногда существенно отличающейся от привычной им, социокультурной среде.

Как показывают исследования, языковой барьер является для иностранных студентов одним из основных потенциальных адаптационных стрессоров, влияющих на межличностное взаимодействие, академическую успеваемость [10, с. 277] и уровень интеграции в условиях межкультурной коммуникации. Процесс адаптации в образовательной среде носит комплексный характер и охватывает когнитивные, коммуникативные и поведенческие аспекты. В его рамках органично увязываются языковые и социокультурные компоненты: успешность обучения и интеграции во многом зависит от уровня владения языком и способности адаптироваться к новым культурным условиям. Язык в данном контексте выступает как важнейшая социокультурная ценность, обеспечивающая не только коммуникацию, но и формирование культурной идентичности, социализацию и включение в образовательную среду.

Языковая адаптация является основным этапом включения иностранных студентов в образовательный процесс. Она предполагает не только освоение базовых языковых навыков, но и развитие способности использовать язык в академической и профессиональной сферах. На начальном этапе студенты овладевают общей лексикой и грамматикой русского языка, однако для успешного обучения необходимо освоение академического языка, характеризующегося использованием научной терминологии, логичностью и точностью. Важную роль играет также знание профессиональной лексики, без которой невозможно полноценное освое-

ние дисциплин, и специфики научного стиля. Таким образом, языковая адаптация представляет собой поэтапный переход от базового уровня к академическому и профессиональному. Ее успешность позволяет иностранным студентам полноценно участвовать в академической (наиболее сложной для них, особенно на уровне устной речи [7, с. 183]) коммуникации, которая осуществляется в рамках учебного процесса и предполагает взаимодействие с преподавателями, участие в занятиях и выполнение письменных работ. Как следствие, растет успеваемость, развиваются коммуникативные навыки, снижается психологическое напряжение.

Социокультурная адаптация связана с включением студента в новую социальную и культурную среду и предполагает усвоение норм поведения, ценностей и моделей общения. Важным элементом является понимание правил взаимодействия с преподавателями и сверстниками, а также соблюдение академической этики. Интеграция в социокультурную среду достигается через активное участие в учебной и внеучебной деятельности, что приводит к установлению социальных связей и формированию чувства принадлежности. Повседневная коммуникация за рамками учебной деятельности включает в себя неформальное общение и бытовое взаимодействие. Она способствует развитию разговорной речи и снижению психологического напряжения, однако может сопровождаться трудностями из-за использования носителями русского языка сленга и невербальных особенностей общения.

Таким образом, коммуникация с преподавателями, однокурсниками и социокультурной средой выступает ключевым механизмом успешной адаптации обучающихся в российских вузах иностранных студентов, обеспечивая их интеграцию в многонациональную образовательную среду. В процессе взаимодействия происходят развитие языковых навыков и усвоение норм поведения, культурных ценностей и коммуникативных стратегий, а также формируется чувство принадлежности к новой среде. Языковая и социокультурная адаптация являются взаимодополняющими процессами: развитие языковых навыков способствует пониманию культурного контекста, а включенность в среду ускоряет освоение языка. Повышение эффективности адаптации обучающихся в российских вузах иностранных студентов требует создания оптимальных условий для развития у них языковых навыков и их участия в межкультурной коммуникации, что является важной задачей современной системы высшего образования.

В заключение следует отметить, что русский язык выступает не только средством обучения, но и значимым ресурсом, расширяющим образовательные и профессиональные возможности иностранных студентов российских вузов. Владение русским языком позволяет получать доступ к обширному научному и культурному наследию, а также способствует более эффективной коммуникации в рамках постсоветского пространства. Для многих обучающихся изучение русского языка становится стратегическим преимуществом, повышающим их конкурентоспособность. Не менее значимым фактором являются карьерные перспективы. Образование, полученное в России, открывает возможности трудоустройства как в самой стране, так и за ее пределами. Наличие диплома российского вуза, а также владение русским языком рассматриваются работодателями как дополнительные преимущества, особенно в сферах международного сотрудничества, бизнеса и инженерно-технических специальностей.

Список литературы

1. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах. М., 2014. 228 с.

2. В поисках восточной мудрости: образование на русском языке в Центральной Азии (часть 1) // Наследие Евразии. URL: https://foundeh.org/2025/07/24/в-поисках-восточной-мудрости-образов/ (дата обращения: 30.03.2026).

3. Габдрахманов Н. К. У России есть кому поучиться: количество иностранных студентов в российских вузах выросло за прошедший год // НИУ ВШЭ. URL: https://ioe.hse.ru/news/1125995995.html (дата обращения: 20.03.2026).

4. Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования за 2024 год // Правительство России : официальный сайт. URL: http://static.government.ru/media/files/rfMFpwIUlBHNM33qAtOqNimaoiOf43wR.pdf (дата обращения: 21.03.2026).

5. Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Правительство России : официальный сайт. URL: http://government.ru/news/53927/ (дата обращения: 30.03.2026).

6. Об итогах деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за 2024 год // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://minobrnauki.gov.ru›upload/2025/07/Доклад.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

7. Волков Ю. А. [и др.]. Проблемы адаптации иностранных студентов в новой академической среде: культурные, академические и психологические аспекты // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14, № 10-1. С. 180–190.

8. Россия сделала рывок по количеству иностранных студентов в отечественных вузах // Русский мир – информационный портал фонда «Русский мир». URL: https://russkiymir.ru/news/339290/ (дата обращения: 22.03.2026).

9. Россотрудничество: Казахстан вошел в топ-10 стран по заявкам на учебу в России // RTVI. URL: https://rtvi.com/news/rossotrudnichestvo-kazahstan-voshel-v-top-10-stran-po-zayavkam-na-uchebu-v-rossii/?ysclid=mob1f9mlt4956401126 (дата обращения: 02.04.2026).

10. Соколова Е. В. Языковая коммуникация и адаптация иностранных студентов в условиях российского вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8. С. 277–282.

11. Численность иностранных студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях // ЕМИСС – Государственная статистика. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/62895 (дата обращения: 08.04.2026).

УДК 1:004.8

ФЕНОМЕН «ПЕРВИЧНАЯ ВСТРЕЧА» В ЗЕРКАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АВСТРАЛИИ

Герман Михайлович Кириллов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

gekir10@mail.ru

Аннотация. В феноменологической перспективе анализируется феномен «первичной встречи» как основа подлинной коммуникации в культуре австралийских аборигенов. Рассматриваются повседневные практики традиционного диалога: безличный тон, ритуал сидения «рядом», отсутствие иерархии, неприятие споров, регламентация сакрального общения. Особое внимание уделяется инверсии и медиации как ключевым механизмам межкультурной коммуникации. Делается вывод о сохранении в культуре ко-

ренных австралийцев модели «Мы-отношения», где посредником выступает вся группа. Опыт «первичной встречи» помогает обозначить и преодолеть онтологические бездны современности.

Ключевые слова: первичная встреча, онтологические бездны, «Мы-отношение», устная культура, ритуал сидения «рядом», феноменология, «время сновидений», межкультурная коммуникация

В данной статье рассматривается феномен «первичной встречи» как онтологической основы подлинной коммуникации, сохранившейся в культуре коренного населения Австралии. Актуальность исследования обусловлена кризисом идентичности и утратой смыслового общения в эпоху глобализации, которую Ж. Бодрийяр охарактеризовал как «экстаз коммуникации». Как отмечал Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция», современные медиасреда и проблема социального в массах чреваты «имплозией смысла», когда избыток знаков и информации ведет не к пониманию, а к опустошению общения [1, с. 280]. Опираясь на феноменологию М. Мерло-Понти, автор утверждает, что реконструкция первичной связи человека с миром возможна через обращение к реликтовым культурам, где общение носит непосредственный характер. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» и «Видимом и невидимом» подчеркивал, что утрата смысла связана с появлением онтологических бездн, возникших в результате переоценки ценностей в эпоху модерна. Преодоление этих бездн возможно только через возвращение к телесному опыту, к «плоти мира», где восприятие и общение еще не расщеплены субъект-объектной оппозицией, «поскольку тело создано из той же плоти, что и мир» [3, с. 328]. В этой связи особый интерес представляет опыт австралийского этнографа Т. Янкапорты, который показал, что аборигены остаются носителями «устной культуры с высокой степенью взаимозависимости и интенсивными межличностными связями». Кроме того, в статье анализируются исследования К. Либермана, посвященные фактору неопределенности в межкультурной коммуникации между англо-австралийцами и коренными жителями. Далее автор подробно рассматривает повседневные практики общения аборигенов: безличный тон бесед, ритуал сидеть «рядом», отсутствие иерархических препятствий и стремление «раствориться» в коллективе. Особое внимание уделяется отношению коренных австралийцев к спорам, которые воспринимаются ими как проявление несдержанности и «бесцельно потраченного времени» (аркамин), а также наличие строгой регламентации доступа к сакральной коммуникации. Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что культура аборигенов сохранила модель «Мы-отношения», в которой посредником между коллективом и миром выступает не отдельный индивид, а вся группа в целом. В итоге автор приходит к выводу, что обращение к опыту «первичной встречи» у коренных народов дает ключ к преодолению онтологических бездн современности и восстановлению подлинной общности между людьми.

Онтологическая перспектива, открытая французской феноменологией, позволяет увидеть в кризисе современной коммуникации не просто социальную дисфункцию, а глубинный разрыв между человеком и миром. Как писал Мерло-Понти, «тело» является субъектом восприятия, и именно через телесную связь с «плотью мира» возможна подлинная встреча с Другим. Признавая феномен «первичным открытием мира», Мерло-Понти отводит роль субъекта человеческому телу, которое стоит в основе действий человека [4, с. 265]. В обществах, сохранивших архаические структуры, эта связь не утрачена. Поэтому обращение к культуре австралийских аборигенов становится не экзотическим экскурсом, а методологически необходимым шагом для реконструкции примордиального диалога.

Переходя от теоретических предпосылок к конкретному культурному материалу, обратимся к опыту коренных жителей Австралии. Любопытный опыт погружения в традиционную культуру продемонстрировал австралиец смешанного происхождения Т. Янкапорта, чей отец являлся представителем так называемого «украденного поколения». Он не только интегрировался в культуру коренных австралийцев, но в своих эссе стремился взглянуть на современную цивилизацию европейцев – «оккупантов» глазами австралийцев – коренных жителей. Янкапорта (Tyson Yunkaporta, клан Апалеч) в книге «Разговоры на песке» (2022) предлагает не просто этнографическое описание, а методологическую критику западного рационального мышления с позиции аборигенного знания [9]. Этнограф пришел к выводу, что австралийские аборигены в текущем столетии остаются людьми «устной культуры с высокой степенью взаимозависимости и интенсивными межличностными связями» [9, с. 11]. В ряде аборигенных языков используется местоимение в форме первого лица двойственного числа «оба-мы» [9, с. 21, 24]. Это собирательное числительное означает «и тот, и другой; каждый из двух», а также оно имеет значение совместности и указания на уже упомянутые предметы и лица. Сравним устаревшие слова: обоглазый, не кривой; оболицая ткань; оборогая корова, не комолая; обоспальная кровать и др., тоже вышедшие из употребления. Форма «оба-мы» отсутствует в современных русском и английском языках. Знаменательно, что такая форма исторически существовала в древнерусском языке, где использовалась категория двойственного числа, которая обозначала парность предметов, свойств или действий. Коренные жители Австралии не утратили также изначальной связи с землей, или плотью мира, в терминах Мерло-Понти, оставаясь хранителями Закона земли [9, с. 9]. Старики, носители традиции, убеждены, что если кто-либо не двигаешься вместе с землей, то земля продемонстрирует свою и подвинет его. В этой сентенции содержится значимое предостережение представителям западной цивилизации, утратившей опору на традиционные ценности [9, с. 28]. Связь с природой не исчерпывается землей и иными небесными телами, образующими упорядоченную линию, речь идет также «о тысяче различных историй, которые сливаются воедино, и об узоре («pattern»), который они создают между землей, небом и самими собой» [9, с. 32]. Для глобальной цивилизации характерно глобальное мышление: no sense of place «без чувства места» (Дж. Мейровиц) Святилищем в культуре австралийцев является Улуру[1]. Поэтому для традиционного мышления коренных австралийцев, наоборот, важна укорененность в пространстве и привязка к конкретному географическому объекту, носящему сакральный характер.

Радикально иной оказывается и восприятие времени коренными народами Австралии. Мифологическое измерение такой темпоральной укорененности раскрывается в концепции «время сновидений». Как показал Мирча Элиаде в работе «Мифы, сновидения, мистерии» первоначальное мифологическое время обладает для аборигенов не просто сакральной значимостью, но и творческим потенциалом, который продолжает действовать в настоящем [6, с. 73]. Первоначальное мифологическое время, «время сновидений», обладало и обладает огромной значимостью и творческим потенциалом в культуре аборигенов. При этом мировосприятие коренных австралийцев предполагает «замену одним «первоначальным», которое непосредственно связано с современным состоянием человека, другого «первоначального», которое предшествовало этому состоянию» [6, с. 74]. По мысли Элиаде, эта трансформация знаменует переход от архаической онтологии,

[1] Это Инзельберг – буквально «островная гора». Инзельберг – это хорошо заметная остаточная возвышенность, на которую нельзя подниматься.

где доминируют хтонические существа (например, Радужный змей), к более позднему слою, где на авансцену выходят культурные герои (Нурундери). Этот переход отражает эволюцию религиозного сознания от «созерцательной» первоначальности к «экзистенциальной». Как отмечает Элиаде, такие «первоначальные состояния» объясняют многие специфические явления в древнейших религиях Австралии [7, с. 207].

Для более глубокого анализа механизмов межкультурной коммуникации обратимся к исследованиям американского социолога К. Либермана. В отличие от Янкапорты, работающего в жанре культурной критики, Либерман в книге «Understanding interaction in Central Australia» (1985) использует строгую этнометодологическую перспективу, восходящую к Гарфинкелю, и феноменологическую традицию, прежде всего обращаясь к наследию Мерло-Понти. Анализируя взаимодействие между белыми англо-австралийцами и коренными жителями Австралии, американский исследователь К. Либерман ключевым элементом считает фактор неопределенности. Однако, как отмечал основатель этнометодологии Г. Гарфинкель, эмпирические данные свидетельствуют, что истинное взаимопонимание в беседе нельзя измерить количеством достигнутых компромиссов.

Методологическую основу подхода Либермана составляет феноменологическая традиция. В своих теоретических построениях К. Либерман во многом опирались на идеи феноменолога М. Мерло-Понти, утверждавшего, что источник всеобщности лежит не в прошлом опыте, а в живом диалоге, в который нас вовлекает встреча с другими людьми. Либерман настаивает на том, что этнометодологический анализ должен начинаться с детального описания типичных, рутинных разговоров, а не с теоретических конструктов. Именно в этих «незначительных» эпизодах раскрываются глубинные, или «примордиальные», структуры повседневного диалога. Сам Либерман предпочитает двигаться от наблюдения за типичными бытовыми разговорами к серьезным научным выводам. Он выделяет глубинные, или «примордиальные», характеристики повседневного диалога, включая особые слова-фасилитаторы, помогающие коммуникации.

Рассмотрим подробнее, каким образом Либерман описывает коммуникативные практики аборигенов Австралии. В его этнометодологическом описании ключевую роль играет фактор неопределенности: представители западной культуры, вступая в диалог с аборигенами, часто не могут распознать коммуникативные сигналы, что приводит к взаимным фрустрациям. Аборигены ценят длительное, неторопливое «нахождение рядом» без явной практической цели. Изучая повседневную жизнь аборигенов, Либерман подчеркивает неизменность их вековых традиций и обычаев. В его полевых заметках особо выделяется ритуал сидеть «рядом» («sitting down alongside»): участники беседы рассаживаются в линию, чтобы каждый мог видеть остальных, при этом любой прямой вопрос или пристальный взгляд считаются проявлением агрессии [2, p. 52]. Беседа регулируется правилами активного слушания и взаимного уважения: перебивать, повышать голос или настаивать на своем мнении недопустимо. Характерна для аборигенов глубокая связь с природой: умение «слышать» голоса зверей и птиц, распознавать незнакомые следы. Согласно мифологическим представлениям коренных австралийцев, Великий дух во «времена сновидений» «говорит с ними голосом ветра ... и разговаривает через гром. Этот язык живет повсеместно и проявляет себя через кусты, птиц, цветы, рыб, потоки воды» [5, с. 164]. Эта тонкая интуиция находит отражение в их языках, которые, при всех различиях между племенами, имеют и общие черты. Отказ от навязывания образа мыслей – это фундаментальная норма: никто не обладает правом навязывать группе свое мнение, и если кто-то пытается доминировать, беседа либо прекращается, либо переходит в косвенную форму

(например, «разговоры на песке» с использованием рисунков). Не существует иерархических препятствий для достижения взаимопонимания. Ценится приверженность групповому единству, «когда все говорят единодушно» «all speaking as one» [2, p. 53]. По свидетельству Т. Янкопрта, некоторые из участников, обычно из числа старейшин, обладают большим авторитетом, но пользуются им лишь в исключительных случаях [9, с. 105]. Такие беседы дополняют «разговоры на песке», которые дополняют нарративы участников. Нормы для беседы существуют, но не ограничивают участников, а скорее стимулируют их высказаться и прийти к взаимопониманию: «беседа регулируется правилами активного слушания и взаимного уважения [4, с. 104].

Характерно, что в беседах аборигенов преобладает безличный тон – здесь не принято выпячивать собственные эгоистические интересы. Либерман подчеркивает, что публичная персонализация (когда внимание фокусируется на отдельном человеке) вызывает у аборигенов смущение и дискомфорт. Поэтому самым искусным собеседником считается тот, кто способен полностью «раствориться» в коллективе, стать «голосом группы», а не выражать личное мнение. Либерман сравнивает разговоры аборигенов с репликами людей в очереди. Если кто-то отвечает «не знаю», это сигнал, что группа еще не пришла к единому мнению. В этой модели коллективное решение всегда предшествует индивидуальному; фраза «я думаю» практически отсутствует в лексиконе, уступая место «мы считаем». Одна из главных черт этого общества – чувство всепроникающей родственной связи, определяющее и повседневную речь, и общественные устои.

Для концептуализации выявленных особенностей уместно обратиться к социально-феноменологической типологии А. Шютца. В отличие от западной интерсубъективности, где каждый участник выступает как «монада», создающая смыслы через согласование с другими, в культуре аборигенов действует иная логика: посредником между коллективом и миром выступает не отдельный индивид-медиатор, а вся группа как целое, где основой служат отношения по типу «Мы». Шютц различал поверхностное общение «лицом-к-лицу» и глубокие, близкие отношения, причем в ситуации непосредственной встречи «Я» и «Другой» делят общее пространство и время, а их внутренние миры могут синхронизироваться. Для объяснения этой атмосферы сотрудничества, по мысли Либермана, не подходит классическая модель интерсубъективности, где каждый человек действует как отдельная «монада», участвуя в создании смыслов. У аборигенов посредником между коллективом и внешним миром выступает не отдельный индивид-медиатор, а вся группа целиком, где основой служат отношения по типу «Мы». Здесь уместна ссылка на типологию А. Шютца, который различал поверхностное общение «лицом-к-лицу» и глубокие, близкие отношения. Шютц отмечал, что в общем для всех «горизонте» могут появляться объекты, представляющие «общий интерес», а также формироваться «общность времени», которая, однако, не проникает в глубину… Для аборигенов же, по наблюдению Либермана и Янкопорта, «общность времени» и «общность пространства» (совместное сидение, совместное молчание) являются условием самого существования дискурса. Более того, в идеале «Я» и «Другой» перестают быть отвлеченными понятиями, превращаясь в уникальные личности, чьи мысли и переживания синхронизируются через общение. Вместе с тем, такая общность может привести к тому, что каждый участник становится частью внутреннего мира другого. На этом уровне «Я» и «Другой» – не отвлеченные понятия, а уникальные личности, которые через общение могут соотносить собственные мысли с мыслями партнера. Шютц называл систему чистого общения «лицом-к-лицу» «Мы-отношением», считая все прочие социальные связи его производными. Как писал Шютц, «…объекты моих актов и

мыслей (включая других людей в категориях «мы», «ты» и «они») соотносятся с моим Я, и лишь мое существование в качестве Я делает возможной эту взаимосвязь…» [8, с. 219]. В культуре аборигенов эта идеальная взаимосвязь оказывается не просто мысленным экспериментом, а повседневной практикой, закрепленной ритуалами и запретом на индивидуализм.

Наконец, важной характеристикой коммуникативной культуры аборигенов является их отношение к спорам и конфликтам. И хотя споры неизбежны даже в такой гармоничной среде, Либерман фиксирует, что аборигены получают искреннее удовольствие от единодушного общения, что кардинально отличается от западного мира с его индивидуализмом и духом соперничества. Спор («аркамин») воспринимается как опасный сбой, как «бесцельно потраченное время», а не как продуктивный диалог. Характеризуя особенности общения австралийских аборигенов, следует подчеркнуть их стремление всячески уклоняться от конфликтов. Конечно, и в европейской культуре можно встретить схожую установку на избегание споров, однако представители западной цивилизации в целом относятся к полемике гораздо лояльнее: разногласия и дискуссии не разрушают их межличностные связи. У коренных жителей Австралии все иначе. Если спор между ними все же возникает, он приобретает гораздо более острый и разрушительный характер. Аборигены воспринимают ссору как проявление крайней степени несдержанности, нетерпимости, отсутствия самоконтроля. Слово «аркамин» (спор) в языках центральной Австралии, по свидетельству Либермана, буквально означает «бесцельно потраченное время», а также несет коннотацию «дурной привычки» или «социальной болезни». Агрессивное и конфликтное поведение находится под запретом, а любые деструктивные эмоции считаются неприемлемыми для сообщества. Напротив, неторопливая и спокойная беседа способствует установлению гармонии и душевного равновесия. Однако, как подчеркивает Либерман, эта гармония не предполагает всеобщего равенства: доступ к сакральной, мифологически окрашенной коммуникации (обсуждение «времени сновидений», тайных ритуалов) строго регламентирован и предоставляется лишь на основе половозрастных и территориальных критериев. Инициация и возраст дают право голоса в священных диалогах, тогда как женщины, дети или чужаки могут быть исключены из такого общения. Тем не менее, право на участие в таких разговорах имеют далеко не все члены племени. Доступ к сакральной, мифологически окрашенной коммуникации строго регламентируется: он предоставляется лишь на основе половозрастных и территориальных критериев.

Подведем предварительные итоги. Проведенный анализ позволяет утверждать, что культура коренных жителей Австралии сохранила архаическую модель «первичной встречи», в основе которой лежат не индивидуальные стратегии интерсубъективного согласования смыслов, а коллективное «Мы-отношение», где общение носит непосредственный, телесно опосредованный и ритуализированный характер. Как показал Либерман, эта модель радикально отличается от западной не только по содержанию, но и по самой структуре: здесь неопределенность не устраняется через рациональную аргументацию, а принимается как условие длительного, доверительного «нахождения рядом». Феноменологическая рефлексия М. Мерло-Понти и социально-феноменологические построения А. Шютца и К. Либермана дают адекватный понятийный аппарат для описания этой модели, позволяя зафиксировать такие ее черты, как безличный тон беседы, отсутствие иерархических барьеров, ритуал совместного сидения «рядом», неприятие споров (аркамин) и строгую регламентацию доступа к сакральной коммуникации. В условиях глобализации и «экстаза коммуникаций», ведущего к утрате смысла и подлинной общности, обращение к этому реликтовому опыту приобретает не

только теоретическое, но и практическое значение. Культура аборигенов демонстрирует альтернативную модель социальности, где угроза онтологических бездн, о которой предупреждал Мерло-Понти, оказывается преодоленной за счет сохранения первичной связи человека с землей, с «плотью мира» и с другими людьми. Как справедливо замечает Янкапорта, «оккупационная» цивилизация Запада, основанная на экспансии и квазиинновациях, несет в себе опасность уничтожения традиционных смыслов. Однако опыт аборигенов показывает, что «первичная встреча» не является навсегда утраченным архаическим пережитком – она продолжает существовать как живое свидетельство возможности подлинного, неотчужденного общения. Таким образом, феномен «первичной встречи» в зеркале культуры коренного населения Австралии предстает не как архаический пережиток, а как живое свидетельство возможности подлинного, неотчужденного общения, которое может служить ориентиром для преодоления кризиса идентичности в современном массовом обществе.

Вместе с тем, было бы неверно идеализировать архаическую модель. Как показывают исследования, примордиальный прадиалог коренных австралийцев имеет и свои ограничения. Это, разумеется, диалог инверсионного типа, в трактовке концепции Библера-Ахиезера, его участники остаются в рамках паттернов дологического мышления и не в силах преодолеть дуальности бинарных оппозиций. Эта жесткая привязка к коллективному бессознательному, отсутствие критической рефлексии и неспособность к индивидуальной инновации создают серьезные проблемы при столкновении с вызовами технократической цивилизации. И все же, как подчеркивает Либерман, игнорирование этой модели со стороны доминирующей культуры ведет не к прогрессу, а к деструкции. Межкультурные коммуникативные сбои, непонимание ритуалов и ценностей аборигенов приводят к тому, что попытки «модернизации» оборачиваются травмой и отчуждением. Тем не менее, исследователи (Янкапорта, Либерман) правы в том, что «оккупационная», а вернее имперская, экспансионистская квазиинновационная цивилизация Запада чревата уничтожением традиций и погружением в бездну небытия все новых народов, культур, языков, ценностей и смыслов.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2018. 320 с.

2. Liberman K. Understanding interaction in Central Australia: an ethnomethodological study of Australian Aboriginal. Boston, London, 1985. 344 p.

3. Мерло-Понти Морис. Видимое и невидимое. М. : Логвинов, 2006. 400 с.

4. Мерло-Понти Морис, Вдовина И. Феноменология восприятия. М. : Наука, Ювента, 1999. 608 с.

5. Смит Р. Мифы и легенды австралийских аборигенов. М. : Центрполиграф, 2008. 336 с.

6. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М. : Академический проект, 2025. 254 с.

7. Элиаде М. Религии Австралии. СПб. : Алетейя, 1998. 320 с. (Серия: Миф, религия, культура).

8. Шюц А. Феноменология и социальные науки // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 1056 с.

9. Янкапорта Т. Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир. М. : Ад Маргинем ПРЕСС, 2022. 224 с.

УДК 1(091)

РУССКАЯ ДУША В ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА: МЕЖДУ МИФОМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ТИПОМ

Ольга Александровна Мартынова[1], Анастасия Андреевна Клюева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]nastina368@gmail.com

Аннотация. Анализируется концепция «русской души» в философии Н. А. Бердяева как культурно-исторического, а не этнического типа. Раскрываются ключевые антиномии русского сознания: максимализм, сочетание бунта и смирения, приоритет правды-справедливости над формальной истиной, жалость выше закона, а также парадоксальное единство тоски по Богу и безбожия. Показаны истоки этих свойств в православии, географическом факторе и отсутствии сильного среднего класса. Отдельное внимание уделяется полемике между сторонниками и скептиками существования «русской души» как реального культурного кода. В завершение проводится связь бердяевской антропологии с его критикой техники в работе «Человек и машина», где вера в технику трактуется как превращенная форма религиозности.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, русская душа, антиномичность, максимализм, культурный код, философия техники

Н. А. Бердяев в работе «Русская идея» определяет Россию как «страну неимоверных контрастов», органично соединяющую в себе Восток и Запад, деспотию и анархию, смирение и бунт, жалость и жестокость [1, с. 28].

«Русская душа» для него представляет собой не простой набор психологических черт, а экзистенциальный тип, особый способ бытия в мире, главная характеристика которого – антиномичность, то есть внутренняя фундаментальная противоречивость [1, с. 45; 2, с. 67]. Русский человек, согласно Бердяеву, никогда не пребывает в «золотой середине»: для него существует только все или ничего, рай на земле или ад, полная свобода или полное рабство [2, с. 73]. Именно эта антиномичность объясняет многие феномены русской истории: радикальные революции, способность к самопожертвованию наряду с жестокостью, тотальное неприятие западного «мещанства» при одновременной зависти к западному порядку и дисциплине [1, с. 112; 3, с. 56].

Первое важнейшее различение, которое вводит Бердяев, – это разграничение национальности как этнической принадлежности и духовного типа. Русская душа не передается по крови, не сводится к генетике или цвету глаз; это культурно-историческая категория [1, с. 52]. Философ пишет:

«Русским можно быть и не будучи русским по крови. Достоевский был русским человеком в духовном смысле больше, чем многие этнические русские» [1, с. 53]. И напротив, этнический русский может быть совершенно чужд этому духовному типу, оставаясь «европейцем», «человеком разума», а не «человеком души» [2, с. 89]. Тем самым Бердяев выводит дискурс о «русской душе» за рамки каких-либо расистских или биологических интерпретаций, поднимая его на уровень духовной идентичности, формируемой культурой и историей.

Второе ключевое свойство – максимализм, который философ называет одной из основополагающих черт [2, с. 94]. Русский человек либо святой, либо пре-

ступник; либо аскет, либо гуляка; либо революционер, либо консерватор. Золотой середины не существует. Бердяев связывает максимализм с апокалиптическим складом русского сознания: русский человек постоянно живет в ожидании конца – конца света, конца старого мира, конца несправедливости [1, с. 78]. Поэтому он не способен заниматься постепенными реформами или довольствоваться малым; ему нужно все и сразу. В «Судьбе России» Бердяев замечает: «Русский народ – народ крайностей, народ полярностей... В нем есть какая-то неутолимая жажда безграничного, стремление к бесконечности, которая не может быть утолена никакой конечной формой» [2, с. 101]. Это свойство проявляется в отношении к труду (либо работа «на износ», либо полное бездействие), к деньгам (либо фанатичное накопление, либо мгновенная расточительность), к идеям (либо безоговорочная вера, либо столь же страстное отрицание). В русской литературе максимализм блестяще показан Достоевским: Раскольникову нужна не просто проверка теории, а все или ничего – либо он «право имеющий», либо «тварь дрожащая»; Дмитрий Карамазов мечется между «дно» и «вершина» [1, с. 134].

Третья черта – парадоксальное сочетание бунта и смирения. На первый взгляд противоположные, в русской душе они не просто сосуществуют, но постоянно переходят друг в друга. Бердяев пишет: «Русский человек – бунтарь, ищущий царства правды на земле. Но он же – смиренник, готовый принять страдание и покориться судьбе. Бунт часто переходит в смирение, а смирение – в бунт» [1, с. 89]. И бунт, и смирение имеют общий источник – поиск абсолютной правды. Человек бунтует, потому что существующий порядок неправеден. Но если он не находит выхода, если мир не меняется, он уходит в смирение – не как в слабость, а как в форму духовного сопротивления. С другой стороны, накопленное смирение в любой момент может взорваться бунтом. Классические примеры – странники и божьи люди (Лука у Горького, странники у Лескова, Гриша Добросклонов у Некрасова) и рядом бунтари (Разин, Пугачев, герои-разночинцы). И те, и другие не принимают «мира сего» в его неправедности, разница лишь в стратегии: одни пытаются его изменить, другие – уйти от него или перетерпеть [2, с. 118].

Четвертое свойство связано с различением истины и правды. Для Бердяева и для всей русской философской традиции это различение имеет фундаментальное значение. Истина (в европейском рациональном смысле) – это то, что соответствует фактам, объективное знание, поддающееся проверке и вычислению. Правда же – категория нравственная: то, что справедливо, соответствует высшему моральному закону и ведет к спасению души. Русское сознание, по Бердяеву, всегда ставит правду выше истины [1, с. 97]. Если формальная истина противоречит правде-справедливости, она объявляется ненужной, пустой, «мертвой». Философ замечает: «Русский интеллигент может отказаться от объективной истины, если она ведет к несправедливости. Он ищет не истины, а правды-справедливости. В этом его сила и его слабость» [1, с. 98]. Повседневным выражением этого служит дилемма: «по закону это правильно, а по-человечески – нет», и выбор всегда в пользу «по-человечески». В суде русский человек ищет не формальной справедливости, а «правды» – чтобы судья вошел в положение, учел обстоятельства, проявил милосердие. В истории мысли это свойство ярко проявилось в спорах славянофилов и западников: славянофилы обвиняли оппонентов в том, что те променяли «живую правду» на «мертвую истину» западной рациональности [2, с. 146].

Пятое свойство, тесно связанное с предыдущим, – жалость (сострадание, милосердие), которая в русской моральной системе стоит выше формальной справедливости [1, с. 105]. Бердяев связывает это с «женственной» природой русской души. Европейское право (римское право, протестантская этика) построено на

принципе формального равенства: каждый получает по заслугам, закон одинаков для всех. Русское же сознание постоянно требует исключения из правил – для слабого, для униженного, для «маленького человека». Бердяев пишет: «Русскому человеку свойственно особое сострадание к страждущим, к униженным и оскорбленным. Он готов нарушить формальный закон ради жалости. В этом – глубокая основа русской морали» [2, с. 156]. Поговорка «от тюрьмы и от сумы не зарекайся» выражает именно это: любой может оказаться на дне, и поэтому нельзя осуждать тех, кто там оказался. В литературе этот мотив – один из центральных: Сонечка Мармеладова, идущая «по желтому билету» ради спасения семьи; князь Мышкин, у которого жалость – главное чувство, определяющее отношение к людям; Алеша Карамазов, «жалеющий» всех, даже развратного отца [1, с. 142].

Шестое свойство – тоска по Богу и безбожие одновременно [3, с. 88]. Для Бердяева это не противоречие, а еще одна антиномия русского сознания. Русский атеизм – это не спокойное, уверенное отрицание Бога, как у европейских позитивистов. Это религиозное переживание отсутствия Бога, страдание по Богу, бунт против Бога, попытка занять Его место и построить рай на земле без Него. Бердяев пишет: «Русский безбожник часто более религиозен, чем европейский верующий. Он живет религиозной энергией, только направленной на отрицание. Русский атеизм – это тоже своего рода мистика» [3, с. 92]. Революционеры XIX–XX веков были одержимы своей идеей с той же страстью, с какой монахи одержимы верой; они создавали «новую религию» – религию человечества, религию революции [3, с. 145]. Эта черта проистекает из того же максимализма: русская душа не может жить без абсолютного. Если нет Бога, то абсолютом становится нечто иное – идея, революция, народ, государство. Форма жизни остается религиозной. В этом, по мысли Бердяева, заключаются и сила, и опасность русской души: сила – в способности к самопожертвованию во имя идеала, опасность – в том, что когда абсолютом становится земное (государство, партия, вождь), это ведет к тоталитаризму [3, с. 178].

Истоки «русской души» Бердяев усматривает в трех главных факторах [1, с. 67; 2, с. 45]. Первый и наиболее важный – православие. Русское православие принципиально отличается от западных форм христианства. В отличие от католицизма, создавшего мощную юридическую систему и жесткую церковную иерархию, православие сохранило мистический, созерцательный характер. В отличие от протестантизма, провозгласившего этику труда, накопления и личной ответственности, православие не создало «мещанской» культуры повседневности. Бердяев пишет: «Православие не воспитало в русском человеке дисциплины духа, оно оставило его в стихийной свободе, в ожидании преображения. Отсюда – русская тоска по абсолютному, неприятие середины» [1, с. 71]. Второй исток – географический. Огромные, бескрайние равнины России сформировали особую психологию: человек чувствует себя не хозяином ограниченного участка, как европейский крестьянин, а странником, растворенным в пространстве [2, с. 52]. Бердяев вводит формулу «широта русской земли и узость души» [1, с. 74]. Отсутствие четких горизонтов порождает тягу к абсолютной свободе (вольница, казачество) и одновременно ощущение неустроенности, незащищенности, склонность к нигилизму и анархии. Третий исток – отсутствие в русской истории сильного среднего класса (мещанства). В Европе именно буржуазия создала культуру стабильности, умеренности, уважения к закону. В России общество было поляризовано: на одном полюсе – аристократия, на другом – крестьянство в общине, а между ними – пустота. Бердяев заключает: «Россия не знала здорового мещанства. У нас не было культуры середины. Отсюда – наша склонность к крайностям, наша неспособность к компромиссу, наша вера в то, что все можно изменить одним ударом» [1, с. 76].

Относительно вопроса о реальном существовании «русской души» в научном дискурсе сложились две основные позиции [5, с. 545]. Скептики (многие современные историки и культурологи) считают «русскую душу» мифом, сконструированным русской интеллигенцией XIX–XX веков [4, с. 108; 5, с. 547]. Согласно этой точке зрения, после реформ Петра I Россия оказалась в состоянии раскола между «европейской» элитой и «народной» массой; интеллигенция, чувствовавшая свою оторванность от народа, создала образ «загадочной русской души» для объяснения собственного одиночества и своей миссии [5, с. 548]. Кроме того, образ этот был сформирован главным образом литературой (Достоевским, Гоголем, Толстым), а литература – не социология, и нельзя судить о реальном народе по его художественным героям. Наконец, Россия сильно изменилась: урбанизация, индустриализация, глобализация и цифровые технологии нивелируют национальные особенности. Современный житель мегаполиса по поведению и ценностям ближе к лондонцу или ньюйоркцу, чем к русскому крестьянину XIX века. Если «душу» нельзя измерить, то как доказать ее существование? [5, с. 550].

Сторонники концепции (и в данной статье обосновывается именно эта позиция) отвечают, что «русская душа» существует не как мистическая субстанция, а как культурный код – совокупность глубинных смысловых структур, воспроизводящихся в языке, литературе и поведенческих стратегиях [5, с. 552]. Культурный код не исчезает за одно-два поколения; он может трансформироваться, но сохраняет свою основу. Хотя его нельзя измерить приборами, его можно наблюдать в поведении, в реакциях, в принимаемых решениях. Когда в критической ситуации выбирается жалость вместо формального закона, максимализм вместо умеренности – это и есть проявление культурного кода. В периоды стабильности код может уходить в глубь, но в кризисные моменты (войны, революции, социальные катаклизмы) он выходит на поверхность, обнаруживая ту самую поляризацию и способность к жертве [5, с. 554]. Сравнительный анализ России с другими странами также выявляет устойчивые различия в поведенческих паттернах: отношение к власти, закону, частной собственности, коллективу – все это в России имеет специфику, не сводимую к одним лишь экономическим или политическим факторам [4, с. 115].

В пользу существования культурно-исторического типа свидетельствуют три группы аргументов [5, с. 555]. Во-первых, язык. Язык – не просто средство общения, но форма мышления и видения мира. В русском языке присутствуют слова и понятия, не имеющие точных эквивалентов в других языках: «пошлость» (безуспешные попытки Набокова объяснить это англичанам), «авось», «тоска», «уныние», «подвиг», «юродство». Само наличие этих слов и их неустранимость из сознания свидетельствуют о существовании обозначаемой ими реальности. Во-вторых, литература. Русская литература XIX–XX веков представляет собой не только художественные тексты, но и форму философствования и самопознания. Тот факт, что герои Достоевского, Толстого, Чехова остаются узнаваемыми и в них находят себя современные люди, говорит о том, что эти типы не выдуманы, а схватывают нечто реальное в способе бытия. В-третьих, эмпирические наблюдения [5, с. 556]. В повседневной жизни в России систематически фиксируются черты, описанные Бердяевым: максимализм в отношениях («или друг, или враг»), неприятие формального закона, если он кажется несправедливым, способность к жалости, переходящей в жертвенность, тоска по чему-то высокому, а также парадоксальное сочетание веры и безверия, когда человек, будучи атеистом, живет с религиозной страстью. Особенно ярко «русская душа» проявляется в кризисные моменты, требующие от человека выбора, и этот выбор часто оказывается нерациональным, невыгодным, но нравственно оправданным – напоминая поведение

героев русских романов. Таким образом, «русская душа» существует не как мистическая сущность, а как реальность культурно-исторического типа, фиксируемая через язык, литературу и повторяющиеся поведенческие паттерны [5, с. 557].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея. М. : АСТ, 2023. 256 с.

2. Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М. : Мысль, 1990. 207 с.

3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.

4. Громов М. Н. Зарубежный период творчества Н. А. Бердяева // Русская философия в изгнании. Исследования и публикации / ИНИОН РАН. М., 2000.

5. Хахалова А. А. Страсть русской души в контексте философии Николая Бердяева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24, № 4. С. 542–558.

РАЗДЕЛ 2

НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ: ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПОСТЧЕЛОВЕК

УДК 130.2

HOMO DEUS И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ОТОЙДЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ВТОРОЙ ПЛАН?

Даниил Васильевич Косьянов

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

kosyanov2022@bk.ru

Аннотация. Представлены рассуждения о нашем будущем и его взаимосвязи со стремительно развивающимся технологическим прогрессом. Анализ книг Ноя Харари «Homo Deus: Краткая история будущего» и Элвина Тоффлера «Третья волна» привел к неоднозначному выводу: либо человечество само себя погубит своими технологиями, либо переживет это как один из этапов, либо произойдет что-то другое, которое неизвестно.

Ключевые слова: общество, человечность, человечество, гуманизм, индустриальный, Homo Deus, Третья волна

Мир стремительно меняется. Технический прогресс человечества достиг нереальных высот. Всего лишь 50–60 лет назад практически все создавалось вручную, человеком, а сейчас его с легкостью заменяют запрограммированные роботы, делающие работу человека в разы, а то и в десятки раз быстрее. Но всегда ли так будет? Действительно ли технический прогресс нам обеспечит «легкую» и «светлую» дорогу в будущее? Или может человечество скоро отойдет на второй план за ненадобностью в производстве и нас погубят технологии, которые мы же сами и создали?

Данная проблема касалась, касается и будет касаться человечества всегда, начиная с того момента, как в 1961 году робот по имени Unimate на заводе General Motors смог заменить человека, выполняя опасные операции по переноске раскаленных деталей. Данное событие и положило начало вопросу: «А смогут ли роботы заменить нас?».

Такая концепция и в наше время смогла найти отражение во всех сферах жизни человека: в фильмах (например, «Дитя робота», в котором робот смог заменить человеческому ребенку мать), в компьютерных играх (например, «Detroit: Become Human», в котором уровень безработицы у пролетариата рос в «геометрической прогрессии» из-за замены человеческого труда на роботизированный), в книгах (например, рассказ Рея Брэдбери «Корпорация «Марионетки»», в котором главный герой заказывает у таинственной организации своего идеального робота-двойника, чтобы избавиться от своей жены).

В данной статье мы попробуем компаративным методом с помощью 2 книг: Юваль Ноя Харари «Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня» и Элвина Тоффлера «Третья волна» – ответить на вопрос: «А действительно ли маши-

на, созданная людьми, в недалеком будущем заменит человечество и отодвинет его на второй план?»

Для начала рассмотрим точку зрения Ноя Харари. По его мнению, все религии – христианство, ислам, иудаизм, конфуцианство и другие – отошли на второй план. Грядет новая «религия» – гуманизм, в которой нет никакого творца-создателя, который ведет тебя по твоему жизненному пути и указывает, что тебе сделать и как лучше бы это сделать для тебя. Теперь центр вселенной – сам человек. Только он и его чувственные восприятия определяют его поступки, поведение, характер и прочее, что присуще человеку. В данном понимании, человек стремится не к Богу, а улучшению качества своей жизни, а следовательно – к новым технологиям. Он работает на благо себя и общества, в котором он живет.

Однако, не все так «радужно». Как считает автор, гуманизм сам себя и погубит. Произойдет это по следующей причине: технологии смогут заменить человека. Он станет не нужен для того, чтобы управлять странами, заводами, производить какие-то единицы производства. Все сделает мощная машина, способная рационально думать и самостоятельно считать.

Как итог, все классы человечества – высший, средний и низший – будут не нужны, чтобы «стоять за рулем мировой экономики» и, по уровню значимости, отойдут на второй план [1].

А теперь, рассмотрим точку зрения Элвина Тоффлера. Автор предполагает, что никакой новой грядущей «религии» нет. Общество исторически пережило две волны: аграрную и индустриальную – и живет в третьей: постиндустриальной. Это эпоха «постулирует новые взаимоотношения между людьми, а также отношения между людьми и ресурсами» [2, 3]. Каждая волна ознаменовалась технологическими и научными скачками, которые приводили к фундаментальным изменениям во всех сферах жизни общества.

Постиндустриальное общество, в котором мы живем сейчас, не будет никакого одного «стандарта» для каждого класса по типу: «Сынок, я всю жизнь проработал на заводе по производству автомобилей. Пора и тебе обучаться этому делу и идти по моим следам». Почему человек, если его родители всю свою жизнь были в классе пролетариата, вдруг не может стать местной элитой интеллигенции? Кто за него это решил? Окружающие его люди? Теперь, в новом постиндустриальном обществе, за человека, как индивидуальную единицу, никто не способен решать, что ему делать.

Неужели только чувственные человеческие восприятия, как и в книге Ноя Харари, теперь имеют главную значимость? Тоффлер не дает конкретики. Он в целом не фокусирует свое внимание на религию. Можно лишь предположить, что, по его мнению, не важно, кем ты будешь в постиндустриальном обществе: атеистом, католиком, христианином или исламистом. Важнее всего как ты принимаешь то общество, в котором ты живешь и самого себя в том числе.

Однако, и тут не без проблематики. Наше новое, постиндустриальное общество, не может быть идеальным во всех аспектах. Когда происходит стык этих волн начинаются конфликты. Данную проблему мы видим и сейчас: родители, родившиеся в 70-80-ых годах прошлого века и проработав всю жизнь простыми работягами, не понимают, как их ребенок, родившийся в «нулевых» – десятых годах 21 века, хочет стать блогером, видеомонтажером или фрилансером.

В чем же итог? На смену деятельности человека, как отдельной единицы, другими, подобными ему людьми, и превращение общества в безликую массу одинаковых человекоподобных существ, живущих по одной и той же «стандартной» рутине, придет новое, более гибкое общество, в котором не будет жесткой

бюрократии: каждый отдельно взятый человек не принадлежит никакому классу и никто не сможет ему навязать, что ему «точно» нужно. Ведь, один человек не знает все чувственные восприятия и взгляды на мир другого. Данная проблема как раз таки и касается стыка и недопонимания людей, родившихся в разных «волнах» общества.

Возможен и совершенно иной принцип дальнейшего развития общества. Никакого падения нынешней бюрократии, никакого гуманизма и никакого отторжения религии новыми поколениями. Общество, как мне кажется, не меняло менталитет людей, то есть, я предполагаю, что никаких изменений внутри общества, после появления всех средств общения, не происходило. Разве что общество визуально себя меняет.

Этому есть множество подтверждений. Например, Тевтонский орден и террористические организации. Что их объединяет? Люди слепо пойдут и туда, и туда, потому что есть некто, кто расскажет некую догму. Все будут в нее верить, потому что все думают, что это правда. Тевтонский орден был в прошлом, а террористические организации существуют и по сей день. Напрашивается вопрос: «А что изменилось?». В целом, ничего. Лишь только внешний облик.

Но это если сказать, про внутренние изменения. А внешние? К нему, как мне кажется, относится технологический прогресс. Он, как мы уже и говорили, не стоит на месте и, возможно, вытеснит человечество на второй план.

Мне в это трудно поверить. Как минимум, по той причине, что если мы предполагаем, что высшая форма технологического прогресса – массивная машина, которая может абсолютно все, то за ней нужен уход. Кто за ней будет ухаживать? Специальный робот? А кто за этим специальным роботом будет ухаживать? Тоже специальный робот для специального робота?

В конце концов, такой «венец» технологического прогресса без должной заботы сгорит и перестанет работать. Больше некому будет отдавать команды и вся мировая экономика просто рухнет. А вот у людей в этом плане попроще: на пост руководящего встанет другой человек, который будет работать в том же режиме. Личность в эпоху сверхиндивидуальной цивилизации будет сохранять значение [4].

Однако я разобрал тот сценарий, когда машины не умеют работать вечно. Но предположим, что они это могут. И что тогда?

Да в целом, ничего не меняется. Технологический прогресс не стоит на месте. Если мы научим делать машины только то, что умеем сейчас, где гарантии, что они будут развивать и это? Тогда нам нужен кто-то такой, который сможет научить робота справляться с новыми технологиями производства всего. По итогу возникает новая профессия.

Клоню я к тому, что в условиях стремительно меняющегося технологического прогресса стремительно меняются и профессии. Старое отбрасывается как ненужный хлам. Мы живем именно в таком мире, когда произошел стык новых и старых профессий.

Подобные примеры есть и в истории. Например, когда начали появляться первые серийные автомобили, кучера и ямщики стали бесполезны. Кем же стали ямщики и кучера, когда стали невостребованными на рынке труда? Обучились новой технологии и пошли работать на завод. Так, а чем же наше общество отличается от того, которое было 70-80 лет назад? Как мне кажется, произойдет то же самое: люди, потерявшие работу, обучатся новым технологиям и просто будут работать дальше.

В заключении, на вопрос: «Отойдет ли человечество на второй план?» мы не ответили, а всего лишь рассмотрели возможные случаи. Это подобно случай-

ной непрерывной математической величине: мы не знаем, куда она уйдет в следующий момент времени, но мы можем посчитать всего лишь ее вероятность наступления в будущем на основе предыдущих данных. Повторится ли один из сценариев, описанных выше? Сложно сказать. Можно лишь догадываться, что случится с человечеством. Ведь, мы даже не властны управлять следующей секундой нашего бесконечно убывающего времени на Земле.

Список литературы

1. Харари Ю. Н. Homo Deus: Краткая история будущего. М. : Синбад, 2018. 496 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2004. С. 6–246.
3. Касимов Р. Х. Функционирование смеха в эпоху постиндустриализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4-1 (18). С. 64–68.
4. Балыкин Д. А. Элвин Тоффлер о современной цивилизации и культуре // Теория и практика актуальных исследований. 2016. № 15. С. 8–16.

УДК 004.8

ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Ольга Александровна Мартынова[1], Мария Викторовна Сатяева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]msateeva22@gmail.ru

Аннотация. Представлен философско-правовой анализ проблемы ответственности за диагностические ошибки, совершаемые системами искусственного интеллекта в медицинской практике. Исследуются существующие концепции субъектности и вины применительно к алгоритмическим системам, анализируются правовые пробелы в регулировании ИИ-медицины. Рассматриваются модели распределения ответственности между разработчиком, лечащим врачом и медицинским учреждением. Обосновывается необходимость выработки новой правовой и этической парадигмы, учитывающей специфику автономных интеллектуальных систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медицина, здравоохранение, нейронные сети, диагностика, этика

Стремительное проникновение искусственного интеллекта в медицинскую практику ставит перед философским и юридическим сообществом вопрос, который еще недавно казался умозрительным: кто несет ответственность, если алгоритм ошибается? Когда диагностическую рекомендацию формирует нейронная сеть, а врач, доверившись ей, назначает неверное лечение, традиционные правовые категории вины и субъектности оказываются в состоянии кризиса. Ни действующее гражданское законодательство, ни медицинское право большинства стран, включая Россию, не дают ответа на этот вопрос, что само по себе является серьезным философским и практическим вызовом.

Актуальность темы определяется не только ростом числа ИИ-систем, применяемых в клинической практике, но и принципиальным изменением характера врачебного решения. Если прежде ответственность за диагноз была неотделима от личности врача, его профессионального суждения и морального выбора, то сегодня в цепочку принятия решений встраивается автономный нечеловеческий агент, статус которого в правовом и этическом отношении остается принципиально неопределенным. Цель настоящей работы состоит в философско-правовом осмыслении этой проблемы, выявлении существующих концептуальных противоречий и обосновании возможных подходов к их разрешению.

Традиционная врачебная ошибка предполагает субъекта: конкретного специалиста, который в силу невнимательности, недостаточной квалификации или объективной сложности случая пришел к неверному выводу. За этим субъектом стоят воля, намерение, моральная ответственность – категории, на которых основано все современное право. Ошибка алгоритма устроена принципиально иначе. Как указывают В. О. Давыдова и И. М. Харитонов, нейронная сеть не «знает» и не «думает» – она вычисляет статистические корреляции в обучающих данных и воспроизводит паттерны, которые могут быть систематически искажены [3, с. 17].

Это различие имеет фундаментальное значение. Если врач ошибается, мы можем установить момент отклонения от стандарта медицинской помощи и связать его с конкретным действием или бездействием. Если ошибается алгоритм, проблема может быть заложена на стадии формирования обучающей выборки, в архитектуре модели, в процессе валидации или в условиях конкретного применения – и ни один из этих этапов не совпадает с моментом постановки диагноза пациенту. В. С. Поздеева справедливо констатирует, что подобная диффузная локализация ошибки делает применение традиционных правовых инструментов крайне затруднительным [5, с. 284].

Особую проблему представляет феномен «черного ящика» – непрозрачности алгоритмического решения. Врач, используя систему глубокого обучения для анализа томограммы, физически не способен проследить, каким образом модель пришла к тому или иному выводу: промежуточные активации нейронной сети не поддаются интерпретации в клинических терминах. Это означает, что даже при желании установить причину ошибки постфактум это крайне сложно, а нередко и невозможно. Данная особенность кардинально отличает ИИ-диагностику от любого другого медицинского инструмента, ответственность за применение которого всегда ложилась на использующего его специалиста.

В академической и правовой дискуссии сложились три основных подхода к распределению ответственности за ошибки ИИ в медицине. Первый возлагает ее на разработчика системы как производителя дефектного продукта. Второй рассматривает лечащего врача как единственного ответственного субъекта, поскольку именно он принимает финальное клиническое решение. Третий предполагает солидарную ответственность всех участников, включая медицинское учреждение, внедрившее систему. Каждый из этих подходов имеет как достоинства, так и принципиальные изъяны.

Концепция ответственности разработчика апеллирует к аналогии с законодательством о защите прав потребителей и ответственности за продукт. Если программное обеспечение содержит дефект, повлекший вред, производитель должен его возместить – таков общий принцип. Однако, как отмечает С. С. Василенко, медицинская ИИ-система не является статичным продуктом: она дообучается, адаптируется к новым данным и может демонстрировать непредвиденное поведение в клинических условиях, существенно отличающихся от тестовых [1, с. 196]. Возлагать на разработчика ответственность за все возможные последствия такой эво-

люции означало бы сделать разработку медицинского ИИ экономически нецелесообразной.

Концепция ответственности врача, на первый взгляд, органично вписывается в действующую правовую парадигму. Врач – лицензированный специалист, принимающий клинические решения, а ИИ – лишь инструмент поддержки, аналогичный рентгеновскому аппарату или лабораторному анализатору. Но эта аналогия принципиально некорректна. Когда врач использует рентген, он интерпретирует снимок самостоятельно. Когда диагностическое заключение формирует нейронная сеть, врач в значительной мере вынужден доверять ее выводам, поскольку не располагает ни средствами, ни временем для их независимой проверки. Возлагать на него полную ответственность за ошибку алгоритма – значит игнорировать реальную структуру принятия решений.

М.С. Курясева обращает внимание на то, что существующая правовая неопределенность порождает парадоксальную практику: врачи избегают использования ИИ-систем даже там, где те объективно повышают качество диагностики, опасаясь, что в случае ошибки вся ответственность ляжет на них [4, с. 394]. Таким образом, правовой вакуум не только не решает проблему, но и препятствует реализации клинического потенциала технологии.

Разрешение описанных противоречий требует обращения к более глубоким философским вопросам: о природе субъектности, о границах вины и о структуре морального сообщества. Традиционное право основывается на предпосылке, что ответственность неразрывно связана с волей и намерением. Алгоритм лишен обоих этих атрибутов – он не действует, а функционирует, не выбирает, а вычисляет. Следовательно, наделение его правосубъектностью в духе концепции «электронной личности», обсуждавшейся в Европейском парламенте, является философски сомнительным решением, позволяющим лишь переименовать проблему, но не разрешить ее по существу.

Более перспективным представляется подход, опирающийся на концепцию распределенной ответственности, разработанную в рамках философии технологии. Согласно этой концепции, технологические системы неотделимы от социальных практик и институтов, в которые они встроены. Ответственность за действия системы не принадлежит ни одному субъекту исключительно, но распределена по сети отношений, включающей разработчиков, регуляторов, клиницистов и институты здравоохранения. М. Ю. Володюхин и И. А. Подшивалов, анализируя применение ИИ в нейровизуализации, косвенно подтверждают эту логику, указывая, что клиническая ценность алгоритма реализуется только в контексте квалифицированного врачебного надзора [2, с. 36].

Реализация модели распределенной ответственности на практике предполагает несколько взаимосвязанных элементов. Необходимо введение обязательной сертификации медицинских ИИ-систем с четкими критериями допустимой погрешности и условий применения. Не менее важна разработка стандартов «объяснимого ИИ» в медицине, обязывающих систему предоставлять интерпретируемые обоснования своих выводов. Наконец, требуется законодательное закрепление страхования ответственности ИИ-производителей аналогично страхованию ответственности фармацевтических компаний – механизма, уже апробированного в смежной области.

Проблема ответственности не исчерпывается правовым измерением – за ней стоят более глубокие этические вопросы. Л. Н. Ходосевич, исследуя применение нейронных сетей в диагностике патологий зрения, фиксирует, что алгоритмы, обученные на нерепрезентативных выборках, систематически хуже распознают заболевания у представителей недостаточно представленных в обучающих дан-

ных групп населения [6, с. 218]. Это означает, что ошибки ИИ распределены неравномерно: наиболее уязвимые социальные группы, уже страдающие от неравного доступа к медицине, несут непропорционально высокие риски от внедрения алгоритмической диагностики.

Этический императив здесь состоит не только в создании механизмов компенсации ущерба, но и в превентивной работе по устранению алгоритмической предвзятости как условии допуска систем к клиническому применению. Ответственность, таким образом, приобретает проспективное измерение: она не только карает за прошлые ошибки, но и обязывает к предвидению будущих. Это смещение от реактивной к проактивной ответственности является принципиальным философским вкладом в решение проблемы.

Не менее важно этическое измерение, связанное с доверием пациента. Отношения между пациентом и врачом строятся на особом виде доверия – доверии к человеку, обладающему профессиональным суждением и несущему за него личную ответственность. Когда в эту диаду встраивается непрозрачный алгоритм, характер доверия качественно меняется. Пациент, не понимающий механизма вынесения диагноза, лишается возможности осмысленного согласия на лечение – принципа, лежащего в основе современной медицинской этики. Правовые нормы информированного согласия должны быть распространены на случаи применения ИИ, обязывая врача раскрывать факт использования алгоритмических систем и их известные ограничения.

Проблема ответственности за диагностические ошибки ИИ в медицине является одной из наиболее острых точек пересечения технологического прогресса с правовыми и этическими основаниями современной цивилизации. Ни одна из существующих моделей – ответственность разработчика, врача или учреждения – не дает адекватного ответа на вызовы, порождаемые автономными алгоритмическими системами. Выход состоит не в приспособлении старых категорий к новой реальности, а в выработке принципиально иной парадигмы, опирающейся на концепцию распределенной ответственности, проспективной этики и институционального регулирования.

Ключевым условием этой парадигмы является отказ от иллюзии, будто ИИ можно вписать в правовую систему, созданную для человеческих субъектов, без ее содержательного реформирования. Медицина как сфера, в которой цена ошибки – человеческая жизнь, не может позволить себе правового вакуума. Разработка соответствующей нормативной базы, включая стандарты сертификации, требования объяснимости и механизмы страхования ответственности, является неотложной задачей для законодателей, регуляторов и профессионального медицинского сообщества.

Список литературы

1. Василенко С. С. Искусственный интеллект в медицине // Математика и математическое моделирование : сб. материалов XVIII Всерос. молодеж. науч.-инновац. школы. Саров, 2024. С. 196–197.

2. Володюхин М. Ю., Подшивалов И. А. Оценка ишемического повреждения головного мозга при помощи программ искусственного интеллекта // Международный журнал интервенционной кардиоангиологии. 2024. № S1-1. С. 36.

3. Давыдова В. О., Харитонов И. М. Искусственный интеллект и нейронные сети в медицине // России – творческую молодежь : материалы XV Всерос. науч.-практ. студенческой конф. : в 4 т. / Волгоградский государственный технический университет (Камышинский филиал), 2022. Т. 3. С. 16–18. URL: elibrary.ru

4. Курясева М. С. Проблемы использования искусственного интеллекта // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тезисы докл. 82-й Междунар. науч.-техн. конф. Магнитогорск, 2024. С. 394.

5. Поздеева В. С. Использование искусственного интеллекта в медицине // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы Междунар. конгресса молодых ученых : в 3 т. М., 2024. С. 283–285.

6. Ходосевич Л. Н. Использование нейронных сетей в диагностировании патологий зрения // Радиоэлектроника, электротехника и энергетика : тезисы докл. XIII Междунар. науч.-техн. конф. студентов и аспирантов. М., 2024. С. 218.

УДК 159.956

РОЛЬ ИНТУИЦИИ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Диана Юрьевна Трифонова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

di.yuryevna707@gmail.com

Аннотация. Анализируется роль интуиции в процессе познания. Раскрывается понятие интуиции, исследуется ее взаимосвязь с мышлением, чувствами, ощущениями и эмоциями. Рассматривается, как интуитивное познание способствует возникновению творческих идей и влияет на продуктивность творческой деятельности.

Ключевые слова: интуиция, познавательный процесс, познание, наука, творчество

В процессе познания существенную роль играют различные когнитивные и аффективные факторы, такие как воображение, фантазия и эмоции, среди них особое место принадлежит интуиции. Под интуицией в самом общем смысле слова понимают моментальную способность постижения истины, а все, что касается поиска истинного знания, всегда важно и актуально.

Интуиция – это неосознаваемая работа сверхсознания по образованию сверхлогических межпредметных связей между фактами, вытесненными из сознания ввиду их нестереотипности [5]. Она позволяет мгновенно охватить объект во всей совокупности его деталей и взаимосвязей, выявляя его глубинную сущность. В экстремальных ситуациях человек благодаря интуиции способен за доли секунды проанализировать сложную обстановку и принять верное решение, четко осознавая причинно-следственные связи и стратегические перспективы.

В античную эпоху появились первые представления об интуиции, но это были лишь зачатки философского понимания феномена интуиции. Античная философия рассматривала интуицию как феномен в двух основных направлениях-сенсуалистическом и рационалистическом. Впоследствии сформировались понятия «чувственная интуиция» («чувственное созерцание») и «интеллектуальная интуиция» [2]. Интуиция как высший разум именовалась «нус» и выполняла функцию мгновенного опознания того или иного явления как уже ранее известного. Низший разум – способность к рациональному анализу – называлась «дианойя», ее предназначение – занятие исключительно вторичными функциями подгонки, подчистки, структуризации полученного интуитивным путем знания [6, с. 231]. По мнению древних мыслителей, мы сначала что-то понимаем интуитивно, а по-

том обдумываем и анализируем. Интуиция и анализ не противостоят друг другу, а наоборот они дополняют друг друга. Интуитивное понимание задает направление, а рациональное осмысление придает ему надежность и четкость. Гармоничное сочетание этих этапов делает наше познание гибким и эффективным, мы быстро реагируем на изменения, но при этом принимаем взвешенные решения.

В интуиции тесно смыкаются мышление, чувство, ощущения и эмоции образуя целостный познавательный акт. Это позволяет преодолеть традиционное противопоставление разума и чувств в процессе познания. При взаимодействии с окружающим миром органы чувств человека последовательно фиксируют разные свойства объектов: зрительная система отмечает цвет и форму, слуховая - звуковые характеристики, обонятельная - запахи, вкусовая - вкусовые качества, тактильная – температурные и текстурные особенности. В результате мозг получает комплекс сенсорных сведений, которые объединяются в целостное восприятие. Именно эта совокупность данных позволяет сформировать интуитивное понимание ситуации (мгновенную реакцию на происходящее без необходимости проводить подробный логический анализ). Чувство придает этим данным субъективно - эмоциональную окраску, выявляя их значимость для субъекта и формируя оценочное отношение к воспринимаемому.

Исследователями отмечается, что интуиция имеет когнитивный компонент, который усиливает значимость интуитивного знания. На наличие тесной связи между интуицией и эмоциями указано в работах И. А. Васильева (1998), в процессе исследования мотивационно-эмоциональной основы мыслительной деятельности; А. А. Налчаджяна (1972) в процессе анализа психологических и философских проблем интуитивного познания [4]. В книге «Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания (интуиция в процессе научного творчества)» Альберт Агабекович Налчаджян анализировал психологические и философские аспекты интуитивного познания. Он использовал метафоры, подчеркивающие связь интуиции и эмоций, называя интуицию «интеллектуальной эмоциональностью» или «эмоциональной интеллектуальностью». Альберт Агабекович считал, что бессознательное в творческом процессе предоставляет в распоряжение подсознательных механизмов необходимую энергию, эмоциональные компоненты и ощущения органического благополучия или неблагополучия. При этом он подчеркивал, что само бессознательное мало приспособлено для осуществления творческих процессов, но играет важную роль в обеспечении эмоциональной базы для интуитивных решений.

Интуиция нередко воспринимается как иррациональный процесс, противопоставленный логическому мышлению. Однако в действительности она не отрицает мышление, а представляет собой его особую форму-такую, где накопленный опыт и знания проявляются мгновенно, без развернутой цепочки рассуждений. Интуитивное решение не возникает спонтанно, его основой служит систематизированный и осмысленный предшествующий опыт. В момент озарения этот опыт актуализируется в свернутой форме, позволяя мгновенно сформировать когнитивную оценку или выбрать стратегию действия без развернутого логического анализа. Интуиция и интеллект представляют собой два противоположных направления сознательного труда: интуиция движется по ходу самой жизни, интеллект идет в обратном направлении, а потому вполне естественно следует движению материи. Но интуиция все же существует, хотя в неотчетливой и прерывистой форме. Это почти, угасший светильник, который вспыхивает лишь изредка, только на несколько мгновений. Но он вспыхивает, вообще говоря, там, где в действие вступает жизненный интерес. На нашу личность, на нашу свободу, на место, занимаемое нами в природе как целом, на наше происхождение и, быть может,

также на наше назначение он бросает свет слабый и мерцающий, но тем не менее пронзающий ночную тьму, в которой оставляет нас интеллект [1, с. 100]. Бергсон рассматривает интуицию как периферийный познавательный механизм, уступая интеллекту в практической полезности, она служит не для преобразования объектов, а для постижения их глубинной сущности.

В гносеологическом плане интуиция выступает как способ познания, принципиально отличный от дискурсивно-логического мышления. Ее существенная особенность – способность к непосредственному усмотрению сущности объекта в его целостности, без предварительного анализа частей и последующего синтеза.

Интерес в структуре когнитивной составляющей интуиции представляет творческая интуиция, называемая некоторыми авторами «эвристической интуицией». Творческую интуицию как особый познавательный прогресс, возникающей на основе синтеза наглядных образов и абстрактных понятий рассматривают А. С. Кармин и Е. Н. Хайкин. При этом выделяются две формы интуиции: концептуальная и эйдетическая. Концептуальная интуиция характеризуется как процесс формирования новых понятий на основе ранее имевшихся наглядных образов. Эйдетическая интуиция понимается как построение новых наглядных образов на основе имевшихся ранее понятий. Предложенные формы интуиции представляют теоретико-познавательный интерес для анализа понятия «интуиция» без обращения к феноменологии данного понятия [4].

Интуиция в творческом поиске выступает как элемент в структуре сложных связей причины и следствия, необходимого и случайного. Отношение категорий количества и качества в действии интуиции есть форма скачка, развития знания. Л. де Бройль замечает: наука, по существу рациональная и в своих основах, и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения, которые называют воображением, интуицией, остроумием. В интуиции отражаются взаимосвязи прерывного и непрерывного, где непрерывность есть всеобщая, универсальная, процессуальная сторона познания, а прерывность–переход в новое состояние, движение знания к объективной истине, характеризующееся скачками, заблуждениями и т.д. Интуиция как познавательный акт есть акт непосредственно и свободно созерцающего духа. Она связана с творчеством, является средством получения нового знания, средством изобретения [4].

Скорость и полнота интуитивного схватывания превосходят возможности рационального рассудка: последний не успевает проследить сам процесс интуитивного постижения и лишь ретроспективно удостоверяет его истинность.

Как изначально синтетическая активность духа, интуиция позволяет охватить многообразие аспектов объекта в их сущностном единстве-действуя за пределами дискурсивной логики, с позиции сверхсознания. Это позволяет определить интуицию как умное созерцание: она абстрагируется от частных свойств и непосредственно постигает сущность познаваемого.

Интуитивное постижение возможно только на основе логического анализа, используемого в профессиональной деятельности. Врачебная интуиция – это неотъемлемая часть первичной диагностики. Она формируется благодаря наблюдательности и опыту, накопленному в процессе длительной практики. В ряде случаев, особенно при нехватке клинических данных или схожей симптоматике, врач

опирается на интуицию, подкрепленную клиническим мышлением, чтобы сделать правильный вывод о предположительном диагнозе [7]. Необходимо предварительное накопление опыта и знаний до интуитивного озарения и логическое оформление результатов последнего в научном творчестве. Моменты творческого озарения, когда решение приходит внезапно, без развернутых рассуждений, характерны для всех видов искусства. Композитор может „услышать“ всю композицию целиком до ее записи, художник – увидеть законченную картину до первого мазка, писатель – ощутить сюжет во всей полноте до написания первой строки. Это проявление интуиции как формы сверхрационального постижения [3]. Однако за каждым научным открытием или изобретением стоит последнее, завершающее звено в длинной цепи кропотливой работы. Интуиция здесь – не случайность, а плод огромных умственных усилий, нередко предпринятых не одним поколением исследователей.

Таким образом, интуиция – это неосознанный когнитивный процесс, основанный на быстрой обработке большого объема информации, накопленного опыта и сенсорных данных. Она проявляется как мгновенное понимание, предчувствие или «озарение», позволяющее формировать гипотезы и принимать решения без явных логических умозаключений. Ежедневно человек использует интуицию в общении, оценке угроз, бытовых выборах, профессиональной деятельности для быстрого принятия решений, это значительно упрощает ориентироваться в условиях неопределенности. Она также обеспечивает генерацию оригинальных идей и нестандартных решений, которые имеют отражение в творчестве. Однако интуиция не безошибочна: на нее влияют предубеждения, эмоции и отсутствие опыта в новых ситуациях. Интуиция задает направление, а разум обеспечивает надежность и точность выбора.

Список литературы

1. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. А. Флерова. М. : Канон-пресс : Кучково поле, 1998. 384 с.

2. Бешкарева И. Ю. К истории понятия «интуиция» в философии // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 4. С. 201–206.

3. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. М. : Прогресс-Традиция, 2005. С. 342–345.

4. Мусийчук С. В. Интуиция как проблема синтеза концепций: рациональное и иррациональное в познании : монография / Магнитогорский государственный университет. Магнитогорск : Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2022. 120 с.

5. Швецова О. В. Антиципация как механизм научного предвидения // Проблемы педагогики. 2023. № 2. С. 1–10.

6. Яржембовский С. Ю. Мир в поле зрения «третьего глаза» (В защиту интуитивизма) // Звезда. 2002. № 6. С. 230–234.

7. Ивахненко В. Д. Роль интуиции в познании и диагностической деятельности врача // XI Всероссийская неделя науки с международным участием – Week of Russian science (WeRuS-2022) : материалы 83-й студенческой межрег. науч-практ. конф. URL: medconfer.com

УДК 316

БИОФИЛОСОФИЯ И ЦИФРОВОЙ РАЗУМ: КРИЗИС КЛАССИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ЖИЗНИ И ЕЕ СУЩНОСТИ

Анна Андреевна Кондратьева[1],
Анастасия Валерьевна Кошелева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1,2]velma18022003@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются онтологические и этические вызовы, которые искусственный интеллект предъявляет современной биофилософии. Показано, что развитие автономных алгоритмических систем трансформирует традиционные представления о жизни, субъектности и ответственности. Анализируется размывание классических оппозиций «живое/неживое», «природное/искусственное», «человек/машина» в условиях технологической эмерджентности. Особое внимание уделяется этическому измерению алгоритмических решений, принципу ответственности и проблеме непрозрачности («черного ящика»). Делается вывод о формировании новой дисциплинарной области – технобиоэтики, ориентированной на междисциплинарное осмысление взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Будущее биофилософии определяется как философия сосуществования, способная интегрировать биологические, гибридные и технологические формы организации жизни.

Ключевые слова: искусственный интеллект, биофилософия, онтология жизни, технобиоэтика, постгуманизм

В XXI столетии искусственный интеллект превратился в один из наиболее значимых и структурообразующих факторов современной цивилизации. Его роль не ограничивается технологическим обновлением и автоматизацией общественных институтов. «ИИ воздействует на устройство человеческого опыта, изменяет способы получения и осмысления знаний, перекраивает зоны ответственности и вторгается в базовые основания философской антропологии и биофилософии... Цифровая революция доводит упрощение до безумия, до исчезновения в человеке человеческого» [7, с. 1].

Исторически сложилось так, что биофилософия изучала жизнь через призму биологии, системности и семиотики. Сегодня этих измерений становится недостаточно — дисциплина вынуждена раздвигать границы своего предметного поля. ИИ не обладает биохимической основой и метаболизмом, однако философское понятие жизни не исчерпывается физиологией. Новопашин С. А. подчеркивает: «Транс- и постгуманизм... касаются эволюции человека, его адаптации к нечеловеческой по своей сути цифровой техносфере, а в итоге – не только биологического выживания вида Homo sapiens, но сохранения в нем «человеческого», сохранения его онтологических оснований» [5, с. 31].

I. Искусственный интеллект и трансформация критериев живого: от субстанциальной данности к процессуальной самоорганизации

Ключевой сдвиг, происходящий в философии под влиянием ИИ, – переход от субстанционального понимания жизни к процессуальному. Жизнь все чаще осмысляется как форма организации сложности, способность к саморегуляции и поддержанию структурной целостности. Как отмечает Майя Славоросова, «метафора компьютера должна была освободить нас от метафизического понятия

души... однако она так популярна скорее потому, что возвращает картезианское допущение, будто разум – это нечто, не сводящееся к физической реальности» [7, с. 3].

Именно в процессуальном измерении ИИ обнаруживает черты, сближающие его с функциональной моделью живого. Алгоритмы глубокого обучения способны к самонастройке, адаптивные системы обновляют модели поведения, эволюционные алгоритмы осуществляют поиск решений в условиях неопределенности. Возникает феномен имитационно-эмерджентной организации. Философ Марк Ридли замечает: «Все вечные вопросы превратились в инженерные проблемы... Сегодня искусственный интеллект и информационные технологии поглотили многие вопросы, которые когда-то занимали теологов и философов» [6, с. 2].

При этом ИИ не обладает автономной телесностью и феноменальным опытом. Однако философский вопрос формулируется иначе: является ли биохимическая основа необходимым условием жизни? В рамках информационной интерпретации живого нейросетевые архитектуры воспроизводят ключевые характеристики когнитивных процессов. Испанский физик Алекс Гомес-Марин предупреждает: Курцвейл «жонглирует возможностями нейронауки, постоянно путая вычисления с интеллектом и сознанием... Слова «сложность» и «возникновение» слишком часто появляются в контекстах, где с таким же успехом можно использовать любую абракадабру» [3].

II. Техноонтология субъекта: идентичность после человека

По словам И. В. Катерного: «Искусственный интеллект воздействует не только на трактовку жизни, но и на само понятие субъектности. Классическая философия видела в субъекте носителя сознания, свободы, телесности, самосознания и моральной ответственности. Но технологическая реальность рождает новый феномен – функциональную субъектность. Это способ организации, при котором система демонстрирует автономное поведение, но не имеет внутреннего феноменального опыта» [4, с. 211].

В истории философии «субъектность была неразрывно связана с переживанием «бытия-в-мире», с телесной укорененностью и внутренним опытом. С позиции феноменологии, субъект – это не тот, кто просто действует, а тот, кто проживает свое действие, осознает его и берет на себя ответственность» [3]. Он не набор функций, а живой центр смыслопорождения. Поэтому субъектность нельзя свести к эффективности поведения – за ней всегда стоит внутреннее измерение опыта.

Автономные алгоритмы разрушают эту привычную картину. Современные ИИ-комплексы (диагностические, языковые, роботизированные) способны к самостоятельному принятию решений, учету контекста, коррекции поведения и диалогу. Их действия выглядят как интенциональные и целесообразные. И это порождает острый вопрос: может ли система без тела и без внутреннего опыта претендовать на статус субъекта?

Ответ зависит от определения. Если субъектность трактуется как способность к автономной регуляции и целеполаганию, граница между биологическим и технологическим носителем размывается.

С. А. Новопашин констатирует: «Основная проблема, связанная с вызовом транс- и постгуманизма, заключается в необходимости осмысления предельных оснований бытия человека... способность человека преодолеть кризис определяет: в первом случае следует дальнейшее развитие человека, во втором — его развитие как постчеловека» [5, с. 33].

Формируется феномен распределенной субъектности, где ответственность рассредоточена между разработчиками, пользователями и архитектурой системы.

Возникает необходимость техноонтологии субъекта – парадигмы, рассматривающей субъектность как форму организации процессов в гибридных системах.

III. От машинной логики к человеческой ответственности: контуры технобиоэтики.

Наиболее острый аспект включения ИИ в поле биофилософии — проблема ответственности. ИИ применяется в медицине, автономном транспорте, распределении социальных ресурсов. Его решения оказывают реальное воздействие на жизнь и благополучие людей. Как пишет И. А. Ашимов, «в эпоху сверхтехнологий гуманизм медицины сдает свои позиции... видеонадзор, биометрия, биочипизация направлены на превращение людей в сетевые личности» [1, с. 3].

Возникают вопросы: может ли алгоритм быть носителем моральной ответственности? Кто отвечает за ошибку автономной системы? Традиционная биоэтическая модель строится вокруг автономного человеческого субъекта. Однако в техносоциальных системах мы сталкиваемся с распределенной агентностью. Алгоритм действует автономно, но не обладает намерением в экзистенциальном смысле.

В контексте самообучающихся алгоритмов возникает «разрыв ответственности»: логика решения не всегда прозрачна. Принцип объяснимости приобретает статус морального требования. Евгений Меженный формулирует ключевую дилемму: «Вопрос не в том, может ли ИИ быть как человек. Вопрос – а хотим ли мы сами оставаться человеком в мире, где быть машиной – удобнее, быстрее и прибыльнее?» [8, с. 1].

Главный вызов формулируется следующим образом: искусственный интеллект заставляет пересмотреть не только онтологию жизни и теорию субъектности. Он требует и совершенно иной этики – этики, которая строится вокруг ответственности и работает в режиме алгоритмической рациональности.

Заключение

ИИ радикально трансформирует поле биофилософии, проблематизируя традиционные бинарные оппозиции. Как отмечает Федор Гиренок, «человек без человеческого – это, возможно, наша ближайшая перспектива... В результате редактирования генома человек превращается в некий синтез органики и машины» [2, с. 1].

Однако размывание границ не означает их полного исчезновения. Жизнь все более осознается как форма поддержания сложности, как процесс организации структур. ИИ не отменяет философию жизни – он расширяет ее горизонты, требуя новой онтологии и этики, ориентированной на сохранение человеческого достоинства в условиях алгоритмической рациональности «я».

Список литературы

1. Ашимов И. А. Киберфилософия эвтаназии и биочипизации. Интервал абстракции. URL: http://kartaslov.ru/книги/И_А_Ашимов_Киберфилософия_эвтаназии_и_биочипизации_Интервал_абстракции/3#content

2. Гиренок Ф. Введение в сингулярную философию // LiveLib, 2025. URL: https://www.livelib.ru/quote/48669895-vvedenie-v-singulyarnuyu-filosofiyu-fedor-girenok

3. «Евангелие от Курцвейла»: технобоги или цифровая утопия? // Huxley, 2024. URL: https://huxley.media/ru/evangelie-ot-kurcvejla-tehnobogi-ili-cifrovaja-utopija/

4. Катерный И. В. Постгуманизм. Человек в эпоху новой социальности: метаморфозы, нарративы, дилеммы. М. : ЛЕНАНД, 2021. 352 с.

5. Новопашин С. А. Вызов постгуманизма и предельные основания бытия человека // Религия. Человек. Цифровизация: процессы дифференциации и синтеза знания :

сб. ст. II науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Екатеринбург, 29–30 октября 2021 г.). Екатеринбург : Деловая книга, 2022. С. 31–34.

6. Ридли М. Бог, человек, животное, машина. Технология, метафора и поиск смысла // Readli, 2024. URL: https://readli.net/chitat-online/?b=1263845&pg=2

7. Славоросова М. Бог, человек, животное, машина. Поиски смысла в расколдованном мире // Литрес, 2024. 328 с. URL: litres.ru

8. Ekmekci P. E., Arda B. Artificial Intelligence and Bioethics. Switzerland, AG : Springer, 2020. 109 p. doi: 10.1007/978-3-030-52448-7

УДК 316.77:004.8

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОВЕРИЯ К ЦИФРОВОМУ КОНТЕНТУ

Наталья Владимировна Розенберг[1], Анастасия Михайловна Андрюшечкина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]elya@sura.ru
[2]nastya200306@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности восприятия аудиторией рекламного контента, созданного с использованием технологий искусственного интеллекта. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением нейросетевых инструментов в сферу рекламы и медиакоммуникаций, что позволяет компаниям автоматизировать создание контента, анализировать поведение потребителей и персонализировать рекламные предложения. Несмотря на очевидные преимущества таких технологий, их широкое применение вызывает у пользователей ряд вопросов, связанных с доверием к брендам, этичностью использования алгоритмов и безопасностью персональных данных.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, реклама, цифровой контент, доверие аудитории, медиакоммуникации, маркетинг, персонализация

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) все чаще применяется в различных сферах жизни общества. Технологии настолько активно развиваются, что представить жизнь современного человека без применения нейросетей уже невозможно. Одной из областей, где применение ИИ позволяет по максимуму использовать его возможности, является реклама. Большинство современных кампаний используют алгоритмы для анализа поведения потребителей, создания контента, персонализации рекламных предложений, оптимизации маркетинговых стратегий, общении с клиентами и многое другое. Это позволяет создавать рекламные компании, которые более точно попадают в целевую аудиторию и эффективно взаимодействуют с ней [6, с. 62].

Однако тотальное использование искусственного интеллекта вызывает вопросы. С одной стороны, для компаний это и более удобное взаимодействие с потребителями, и экономия времени с ресурсами. Но с другой стороны, возникают опасения по поводу конфиденциальности данных, манипулирования желаниями аудитории, а также отсутствия влияния человека на все эти процессы, что часто приводит к негативным оценкам.

В условиях, когда большая часть жизни протекает онлайн важно понимать, насколько люди осведомлены о возможных вариантах применения ИИ в рекламе и

как они относятся к такому контенту. Возникает ли у них доверие к бренду, когда он применяет нейросети или наоборот это приводит к отторжению.

Результаты исследования показали, что большинство респондентов знакомы с понятием искусственного интеллекта и имеют представление о возможностях его использования (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Знаете ли вы, что такое искусственный интеллект?» (*n* = 50)

При этом значительная часть участников опроса отметила, что периодически использует технологии искусственного интеллекта в повседневной жизни, например для поиска информации, генерации текстов или создания изображений. (рис. 2).

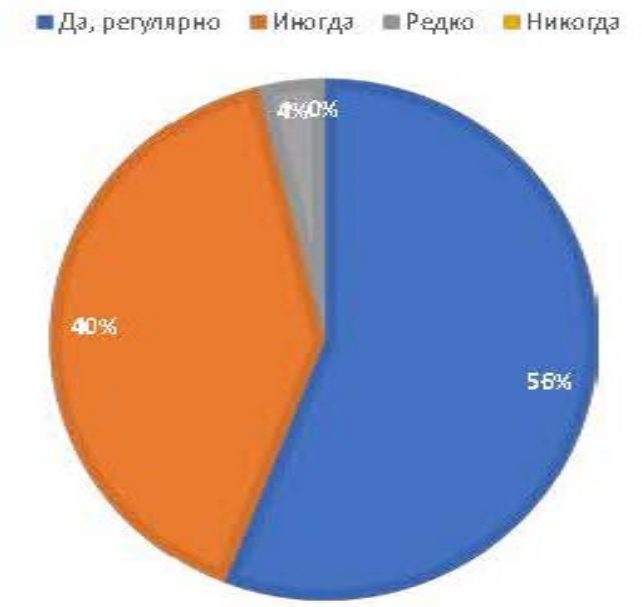

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Используете ли вы технологии на базе ИИ в повседневной жизни? (например, голосовые ассистенты, чат-боты, рекомендательные системы)» (*n* = 50)

Интересен факт, что в целом респонденты доверяют нейросетям. Для них это инструмент, который позволяет в удобной и лаконичной форме задавать различные вопросы касающиеся их жизни, а потом получать структурированный ответ с подробным описанием решения их проблемы. Больше всего опрашиваемых привлекают возможности анализа и обработки больших объемов данных, которые ИИ может просмотреть за пару секунд, а также генерация различного контента, что значительно сокращает время и затраченные ресурсы на эти виды работ. Именно это позволяет компаниям сейчас быстро реагировать на изменения на рынке.

Но в современном информационном пространстве все заметнее проявляется мировой тренд возрастания недоверия к материалам, созданным искусственным интеллектом. Если еще недавно подобные технологии воспринимались как символ прогресса и инноваций, то сегодня они все чаще вызывают настороженность у пользователей. Люди все лучше ощущают различие между контентом, созданным человеком, и продуктом автоматизированных алгоритмов, в котором не хватает человеческой эмоциональности и индивидуальности.

Особенно ярко эта тенденция проявляется в сфере рекламы и связей с общественностью. Результаты социологических исследований, проведенных в США, показывают, что более половины опрошенных стали меньше доверять нейросетям, которые используют их личные данные с целью создания персонализированной рекламы [3]. Для бизнеса это серьезный сигнал: попытка сократить расходы на креатив за счет автоматизации может привести к обратному эффекту – снижению доверия со стороны клиентов. Подсознательно пользователи воспринимают такой контент как менее искренний и более манипулятивный.

Похожая картина наблюдается и в России, особенно среди студентов. Это немного выбивается из привычной картины мира, так как это та аудитория, которая обычно считается наиболее восприимчивой к технологическим нововведениям. Молодые люди, как правило, быстрее других осваивают новые цифровые инструменты и спокойно относятся к технологическим изменениям. Однако массовое распространение генеративных нейросетей вызвало даже у этой группы определенную настороженность и критическое отношение (рис. 3).

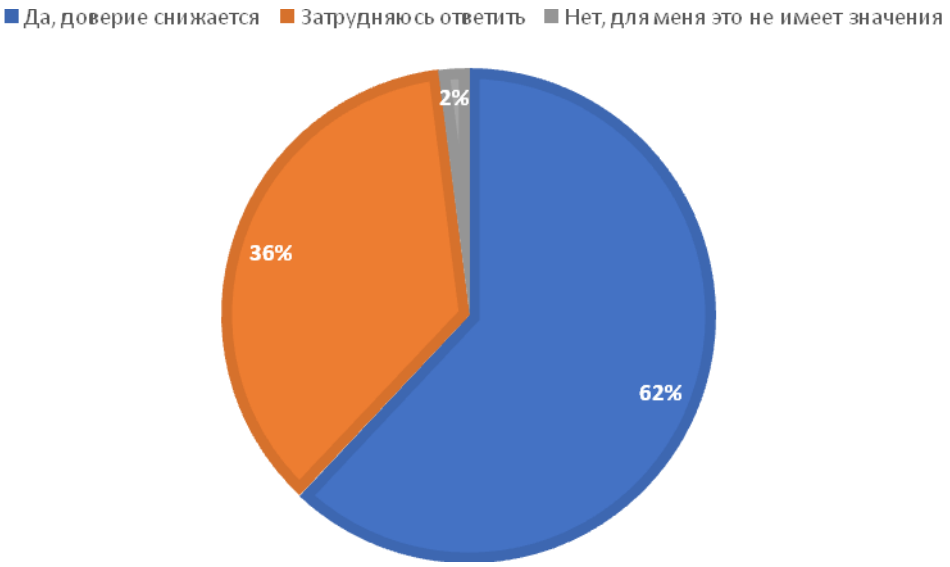

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Если вы узнаете, что статья или пост в соцсетях создан ИИ, это влияет на ваше восприятие информации?» (n = 50)

Причины подобного отношения связаны не только с рациональным недоверием к технологии, но и с эмоциональным состоянием аудитории. Сегодня специалисты все чаще говорят о феномене «усталости от контента, созданного ИИ» [4, 5]. Рынок постепенно перенасыщается искусственным контентом, в котором нет живой души.

Это проявляется и в визуальном контенте, где идеально обработанные изображения уже не привлекают аудиторию, а вызывают отторжения из-за своей синтетичности. Также часто можно встретить изображения нарушающие законы физики или анатомии. И в текстовых форматах: идеально структурированные тексты не привлекают пользователей, а отторгают их из-за отсутствия ощущения живой души, которая писала этот текст.

В результате аудитория стремиться к контенту с естественной спонтанностью и ошибками, которые воспринимаются как признак подлинности.

Помимо эстетических аспектов пользователей беспокоит и этическая сторона вопроса. В медиапространстве начала появляться информация, что ИИ использует очень много личных данных пользователя [1, 2]. Конечно, это позволяет более глубоко анализировать целевую аудиторию, чтобы точнее настраивать рекламные компании и рекомендации. Для бизнеса это преимущество, но с точки зрения пользователя это вызывает недоумение, так как он лишается возможности иметь личную жизнь. Потребителю от осознания того, что нейросеть может о нем знать больше, чем близкие люди становится достаточно тревожно.

Проведенный анализ показывает, что стремительное распространение технологий искусственного интеллекта в медиапространстве сопровождается неоднозначной реакцией аудитории. Несмотря на очевидные преимущества автоматизации производства контента, пользователи начинают проявлять более критическое отношение к материалам, созданным с применением нейросетей.

Полученные данные свидетельствуют о том, что использование генеративных технологий в рекламе и коммуникации с аудиторией может оказывать влияние на уровень доверия к бренду. Для значительной части пользователей информация о происхождении контента становится важным фактором, способным изменить восприятие рекламного сообщения и отношение к компании.

Список литературы

1. McClain C., Faverio M., Anderson M., Park E. How Americans View Data Privacy // Pew Research Center. 2023. URL: https://www.pewresearch.org/internet/2023/10/18/how-americans-view-data-privacy/ (дата обращения: 19.03.2026).

2. Pew Research Center. American Trends Panel Wave 152 Dataset // Pew Research Center. 2025. URL: https://www.pewresearch.org/dataset/american-trends-panel-wave-152/ (дата обращения: 19.03.2026).

3. Pew Research Center. How Americans View AI and Its Impact on People and Society. 2025. URL: https://www.pewresearch.org/science/2025/09/17/how-americans-view-ai-and-its-impact-on-people-and-society/ (дата обращения: 24.03.2026).

4. Реакция потребителей на ИИ в рекламе // VC.ru. 2024. URL: https://vc.ru/marketing/2762910-reaktsiya-potrebiteley-na-ii-v-reklame (дата обращения: 19.03.2026).

5. Рекламатрица: россияне рассказали, замечают ли использование ИИ в рекламе / Rambler&Co. 2025. URL: https://companies.rbc.ru/news/zjwV8ZZAFD/reklamatritsa-rossiyane-rasskazali-zamechayut-li-ispolzovanie-ii-v-reklame/ (дата обращения: 24.03.2026).

6. Шевченко Д. А., Крюкова Е. М., Зеленов В. В., Галстян В. В. Использование возможностей искусственного интеллекта в рекламе // Практический маркетинг. 2024. № 1. С. 60–64.

УДК 101.1:004

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Наталья Дмитриевна Ирышкова[1],
Ксения Андреевна Чернышева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]iryshkova.nata@bk.ru
[2]chernysheva058@mail.ru

Аннотация. Исследуются трансформации современной онтологии в условиях развития философии сознания и искусственного интеллекта. Рассматриваются изменения в понимании субъекта и реальности, обусловленные цифровизацией и технологическим прогрессом. Особое внимание уделяется концепции постчеловека как новой формы существования. Анализируются философские подходы к проблеме сознания и его возможной искусственной реализации. Делается вывод о формировании новой онтологической парадигмы, характеризующейся размытием границ между человеком, техникой и информацией.

Ключевые слова: онтология, сознание, искусственный интеллект, постчеловек, цифровая реальность, философия техники

Трансформация классической онтологии. Классическая онтология, восходящая к античной философии, рассматривала бытие как устойчивую и объективную реальность, существующую независимо от субъекта. В рамках данной парадигмы мир представлялся как упорядоченная система сущностей, обладающих неизменной природой. Однако в XX–XXI веках данная картина мира подверглась существенной критике.

Развитие науки, особенно квантовой физики и теории относительности, показало, что наблюдатель влияет на характеристики исследуемой реальности. Это привело к пересмотру традиционного разделения субъекта и объекта. Современные философские концепции подчеркивают, что бытие носит процессуальный и контекстуальный характер [1, с. 52].

Таким образом, новая онтология формируется как динамическая система, в которой реальность не существует вне интерпретации и взаимодействия.

Проблема сознания: современные подходы Сознание остается одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем философии. Традиционные подходы – дуализм и физикализм – не дают исчерпывающего объяснения субъективного опыта.

Особое значение имеет концепция «трудной проблемы сознания», согласно которой невозможно объяснить, как физические процессы порождают субъективные переживания [2, с. 118]. Это указывает на ограниченность редукционистских моделей.

Современные подходы включают феноменологию, аналитическую философию и нейронаучные исследования. Они демонстрируют, что сознание следует рассматривать как сложное многослойное явление, включающее когнитивные, телесные и социальные аспекты.

Информационный поворот в онтологии в последние десятилетия наблюдается так называемый «информационный поворот». Реальность все чаще интерпретируется как совокупность информационных процессов.

Согласно данному подходу, информация становится фундаментальной категорией бытия. Материальные объекты рассматриваются как носители информации, а сознание – как форма ее обработки [3, с. 64].

Цифровые технологии создают новые уровни реальности – виртуальные пространства, которые оказывают влияние на поведение и восприятие человека. Это приводит к расширению онтологического поля.

Теория расширенного сознания Теория расширенного сознания утверждает, что когнитивные процессы не ограничиваются мозгом, а включают внешние инструменты и среды.

Использование цифровых устройств, таких как смартфоны и компьютеры, становится частью мыслительной деятельности. Это означает, что границы сознания выходят за пределы биологического организма [4, с. 210].

Таким образом, формируется новая модель субъекта – распределенного и гибридного.

Субъект в условиях цифровой реальности Цифровая среда изменяет структуру субъективности. Человек все чаще взаимодействует с миром через цифровые интерфейсы.

Это приводит к появлению множественных идентичностей, распределенных между различными платформами. Субъект становится фрагментированным, но одновременно расширенным.

Новая онтология должна учитывать данные изменения и переосмыслить понятие личности.

Искусственный интеллект как философская проблема Искусственный интеллект (ИИ) является одним из ключевых факторов трансформации современной онтологии. Развитие ИИ ставит вопрос о природе разума и возможности его воспроизведения.

Современные системы способны выполнять сложные когнитивные задачи, включая обучение, распознавание образов и принятие решений. Это ставит под сомнение уникальность человеческого интеллекта [5, с. 73].

В философском контексте возникает вопрос: может ли ИИ обладать сознанием или он остается лишь инструментом обработки данных?

Проблема искусственного сознания Возможность создания искусственного сознания остается предметом дискуссий. Одни исследователи считают, что сознание является результатом сложной вычислительной активности, а значит, может быть воспроизведено.

Другие утверждают, что сознание связано с биологической природой человека и не может быть полностью смоделировано.

Данная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку влияет на развитие технологий и их регулирование [6, с. 101].

Гибридизация человека и технологии Современные технологии способствуют интеграции технических элементов в человеческое тело и сознание. Нейроинтерфейсы, импланты и биотехнологии расширяют возможности человека.

Это приводит к формированию гибридных форм существования, сочетающих биологические и искусственные компоненты.

Такие изменения требуют пересмотра традиционных представлений о человеческой природе.

Концепция постчеловека Постчеловек рассматривается как результат технологической эволюции человека. Он характеризуется расширенными когнитивными возможностями, измененной телесностью и интеграцией с цифровыми системами.

Постчеловеческое существование предполагает выход за пределы биологических ограничений и переход к новой форме бытия [7, с. 142].

Данная концепция активно обсуждается в философии, футурологии и культурологии.

Этические и онтологические последствия Развитие ИИ и концепции постчеловека вызывает ряд этических вопросов. Среди них — проблема ответственности, сохранения человеческой идентичности и границ вмешательства в природу человека.

Новая онтология должна учитывать не только технические возможности, но и гуманитарные последствия технологического прогресса [8, с. 67].

Без философского осмысления данные процессы могут привести к социальным и культурным кризисам.

Современная философия переживает этап формирования новой онтологии, обусловленной развитием технологий и изменением представлений о сознании.

Искусственный интеллект и цифровая среда трансформируют понимание субъекта, размывая границы между человеком и машиной. Концепция постчеловека отражает данные изменения и указывает на возможные направления эволюции.

Таким образом, новая онтология представляет собой сложную междисциплинарную область, объединяющую философию, науку и технологии.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика. М. : Мысль, 2019. 448 с.
2. Чалмерс Д. Сознающий разум. М. : URSS, 2013. 512 с.
3. Флориди Л. Информация: очень краткое введение. М. : Изд-во ВШЭ, 2018. 224 с.
4. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58. P. 7–19.
5. Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
6. Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего. М. : Синдбад, 2017. 496 с.
7. Курцвейл Р. Сингулярность близка. М. : АСТ, 2016. 640 с.
8. Морено Дж. Будущее человека и биотехнологии. СПб. : Питер, 2020. 288 с.

РАЗДЕЛ 3

АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ: ПОИСК ЦЕННОСТНОГО КОНСЕНСУСА В УСЛОВИЯХ ПЛЮРАЛИЗМА И КОНФЛИКТА ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 740

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ: БАЛАНС МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ ПАЦИЕНТА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Артем Александрович Архангельский

Пензенский государственный университет, г. Пенза

thedmanden@gmail.com

Аннотация. Современная медицина сталкивается с множеством этических дилемм, в особенности в контексте баланса между правом пациента на автономию и обязанностями медицинского работника. Анализируются основные философские подходы к этим вопросам, выделяются ключевые проблемы и предлагаются возможные пути их разрешения, руководствуясь этическими теориями и практическими аспектами медицинской этики. Медицинская практика всегда сопровождалась этическими вызовами, однако в эпоху информационной революции, развития биотехнологий и расширения прав пациентов эти дилеммы приобрели особую актуальность. В центре обсуждения находится противоречие между уважением к автономии пациента – его правом на принятие собственных решений – и профессиональной ответственностью врача за результаты лечения и благополучие пациента. Эти вопросы требуют глубокого философского анализа и определения оптимальных балансовых решений.

Ключевые слова: автономия пациента, профессиональная ответственность, медицина, здоровье, философия, здравоохранение, биоэтика

Отличительным аспектом современной медицинской этики является признание автономии пациента как одной из фундаментальных ценностей [1–5]. В философии она тесно связана с идеей индивидуального достоинства и права на самоуправление. В частности, Джон Стюарт Милль подчеркивал важность свободы личности в принятии решений, а Джон Роулз развивал концепцию справедливого обмена, где автономия играет ключевую роль в обеспечении равных прав и возможностей.

В медицинском контексте автономия предполагает право индивидуума самостоятельно определять собственное состояние и направления терапии на основе предоставляемой информации. Эта идея реализуется через концепцию информированного согласия, которая требует, чтобы пациент получал полную, понятную и своевременную информацию о диагнозе, возможных методах лечения, рисках и альтернативах. Только при осознанном выборе пациент реализует свою автономию.

Важно отметить, что уважение к автономии не предполагает безусловного игнорирования последствий и профессиональных обязательств врача. В совре-

менных моделях подчеркивается важность партнерства между врачом и пациентом, где последний является активным участником процесса принятия решений, а врач – советником и экспертом.

Классическая этика медицины основывается на принципах благодеяния («beneficence») и невредительства («non-maleficence»). Эти принципы требуют, чтобы врач действовал в интересах пациента, стремясь к его благу, предотвращая вред и обеспечивая оптимальное лечение. Они предполагают, что врач должен защищать здоровье и жизнь пациента, даже если это требует ограничений в автономии.

Например, в ситуациях экстренной медицинской помощи, когда пациент не способен дать согласие, врачи чаще исходят из принципа необходимости действовать во благо пациента, предполагая «уступку» его автономии ради сохранения жизни или здоровья. Также эти принципы используют при принятии решений о терапевтических вмешательствах, где врач должен взвесить потенциальные выгоды и риски.

Современные этические модели предполагают, что необходимо искать баланс между уважением автономии и профессиональной ответственностью, так как оба принципа могут вступать в конфликт. Например, пациент может отказаться от предлагаемого эффективного лечения, что ставит врача перед дилеммой: уважать ли его решение или убедить согласиться, руководствуясь врачебной ответственностью за его здоровье.

Эта дилемма решается через концепцию информированного согласия, при которой пациент, получив всю необходимую информацию, принимает самостоятельное решение. Однако существует риск, что желание пациента отказаться от терапии может идти вразрез с его медицинскими интересами, в таких случаях применяются принципы «принципы добросовестности» и «побуждения к благу», а также иногда – этическое консультирование.

Современные модели, такие как ристианство-Ньюмана или принципиальная этика (на основе правил и принципов), предусматривают ретельное взвешивание и поиск компромиссов. В практике это выражается через совместное принятие решений, в ходе которого врач и пациент обсуждают возможные варианты и их последствия, совместно приходя к оптимальному решению.

Рассмотрим дилемму, при которой пациент отказывается от лечения и находится против медицинских рекомендаций:

Одна из наиболее острых и часто обсуждаемых дилемм – это ситуация, когда пациент отказывается от лечения, которое врачи считают эффективным и необходимым [6–9]. Такой отказ может возникнуть по разным причинам: личные убеждения, религиозные взгляды, страхи, недоверие к медицине или недостаток информации.

Этическая проблема заключается в том, что с одной стороны, у пациента есть право на автономию и самостоятельное принятие решений о собственном здоровье. С другой стороны, врачи обязаны следовать принципам благодеяния и невредительства, обеспечивая наилучший возможный исход и предотвращая вред. В таких случаях врач должен уважать волю пациента, при этом стараясь обеспечить ему полную информацию о возможных последствиях отказа и предложить альтернативные варианты [10].

Эта дилемма порождает вопрос: насколько можно или допустимо ограничивать автономию пациента, если его решение угрожает его жизни или здоровью? Также обсуждается необходимость поиска компромисса, например, через применение методов медицинской этики, духовную поддержку или консультацию семейных представителей.

Отказ от лечения редко бывает простым рациональным решением – чаще он отражает целый комплекс экзистенциальных страхов, культурных кодов, личного опыта взаимодействия с медициной и особого понимания телесности. Например, пациент, отказывающийся от переливания крови по религиозным убеждениям, руководствуется не невежеством, а высшей системой ценностей, где духовное превосходит телесное. Это ставит принципиальный вопрос: может ли и должна ли медицина игнорировать ценностную иерархию пациента, если та противоречит медицинским показаниям?

Противоречие между автономией пациента и профессиональной ответственностью врача коренится в разных этических парадигмах. Либеральный подход, восходящий к идеям Джона Локка и Джона Стюарта Милля, рассматривает автономию как абсолютную ценность: человек имеет право на саморазрушение, если это его осознанный выбор, а патернализм (ограничение свободы «ради блага») считается недопустимым. Напротив, патерналистская модель, имеющая корни еще в философии Платона и традиционной медицинской этике, исходит из того, что врач как «отец» несет ответственность за пациента, а некомпетентность последнего (из-за стресса, боли или недостатка знаний) оправдывает врачебное вмешательство – благо здоровья ставится выше формальной свободы. Коммуникативная этика Юргена Хабермаса предлагает третий путь: решение должно рождаться в диалоге равноправных участников, а не навязываться сверху, и консенсус здесь важнее подчинения. Экзистенциалистский взгляд (Жан-Поль Сартр, Мартин Хайдеггер) подчеркивает, что сам акт выбора – фундаментальная характеристика человека, и даже выбор смерти может быть осмысленным актом самоутверждения личности, тогда как принуждение лишает пациента экзистенциальной подлинности.

При этом автономия пациента не является абсолютной и может быть ограничена в ряде случаев. Например, когда пациент недееспособен (находится в коме, страдает психическим расстройством или является несовершеннолетним), когда его решение принято под давлением (шантажом или манипуляцией), когда отказ создает угрозу третьим лицам (как в случае инфекционных заболеваний) или когда выбор основан на явном заблуждении (например, вера в магию вместо терапии при раке). Показательный пример – ситуация с ребенком, больным лейкемией, чьи родители отказываются от химиотерапии из-за страха побочных эффектов: здесь приоритет отдается благу ребенка, а не автономии родителей.

Найти баланс между уважением к свободе пациента и ответственностью за его жизнь можно через ряд практических стратегий. Прежде всего, это глубокое информирование – не просто формальное перечисление фактов, а объяснение в понятных пациенту категориях, с визуализацией прогнозов (графиками выживаемости, историями похожих случаев) и обсуждением «плана Б» на случай ухудшения состояния. Не менее важен эмпатический диалог, позволяющий выявить истинные причины отказа («Вы боитесь боли? Потерять волосы? Не верите в успех?»), проработать страхи с помощью психологической поддержки и, при необходимости, привлечь доверенных лиц – духовника, старшего родственника или пациента с аналогичным диагнозом, который смог успешно пройти лечение. Компромиссные решения могут включать поэтапное лечение (начало с наименее инвазивных методов), параллельную терапию (безопасное сочетание традиционной и альтернативной медицины) или «испытательный срок» (временный отказ от радикальных мер для дополнительного обследования). В сложных случаях целесообразно обращение к этическим комитетам – коллективное обсуждение с участием юристов, психологов и философов помогает принять взвешенное решение и задокументировать его для обеспечения прозрачности. Наконец, важную роль играют юридические рамки: четкие протоколы для случаев принудительного лече-

ния (возможного только через суд и с независимой экспертизой) защищают как пациента, так и врача от необоснованного давления со стороны окружения.

Однако даже при соблюдении всех этих условий дилемма порождает новые парадоксы и скрытые проблемы. Например, возникает вопрос о том, кто и по каким критериям определяет «компетентность» пациента – врач может ошибочно счесть человека некомпетентным из-за культурных различий, а не реального нарушения мышления. Другой сложный момент – грань между убеждением и манипуляцией: насколько допустимы эмоциональные аргументы вроде «Вы оставите детей сиротами!» – являются ли они помощью или давлением? Не менее проблематична ситуация «медленного самоубийства»: пациент с диабетом отказывается от инсулина, объясняя это усталостью от болезни, – это проявление автономии или симптом депрессии, требующий вмешательства? Еще один аспект связан с ролью общества: если государство финансирует лечение, имеет ли оно право требовать от пациента соблюдения медицинских рекомендаций?

Культурный контекст также существенно влияет на восприятие автономии. В индивидуалистических культурах (США, Западная Европа) акцент делается на правах личности, тогда как в коллективистских обществах (Япония, страны Азии) решение часто принимает семья, а не отдельный индивид. Врач должен учитывать эту особенность, чтобы не вступить в конфликт с системой ценностей пациента и найти подход, который будет одновременно этичным и эффективным.

В конечном счете дилемма отказа от лечения не имеет универсального решения – она требует от врача особой мудрости, позволяющей понять, когда нужно настаивать на своем, а когда – отступить; чуткости, помогающей распознать истинные мотивы пациента; гибкости, дающей возможность идти на компромиссы без предательства профессиональных принципов; и смелости, необходимой для защиты пациента от него самого, если это действительно оправдано. Медицина – это не только наука, но и искусство человеческого взаимодействия, цель которого не просто продлить жизнь, а помочь человеку прожить ее в соответствии с его ценностями, даже если путь к этому тернист и противоречив. Как говорил Авиценна, «врач должен обладать глазом сокола, руками девушки, мудростью змеи и сердцем льва» — и именно мудрость оказывается решающим качеством в ситуациях, когда нужно соединить уважение к свободе с ответственностью за жизнь.

Список литературы

1. Гаврилов В. В. Этика и медицина. М. : Медицина, 2015. 320 с.

2. Гуцанов А. Б. Медицинская этика и деонтология : учебник. М. : Медицина, 2018. 456 с.

3. Ефимов А. Г. Этические принципы современной медицины // Вестник медицинской этики. 2017. № 2. С. 45–53.

4. Иванов В. В. Медицинская этика и право : учеб. пособие. СПб. : Петербургский ун-т, 2016. 408 с.

5. Ковалев Ю. А. Права пациента и медицинская этика // Российский журнал медицинской этики. 2019. № 1. С. 12–18.

6. Лаптев С. П. Современные этические дилеммы в медицине // Этические аспекты современной медицины. М. : Академический проект, 2020. С. 75–92.

7. Новиков А. В. Биомедицинская этика: история, теория, практика. М. : Академический проект, 2014. 512 с.

8. Смирнова Г. Е. Этика клинических решений // Врач и этика. 2018. № 4. С. 29–34.

9. Тарасов Ю. В. Основы медицинской этики и деонтологии. СПб. : СПбГУП, 2019. 360 с.

10. Федорова И. Н. Право и этика в современной медицине // Юридическая медицина. 2021. № 3. С. 101–107.

УДК 17

И. КАНТ И «ЛЮБОВЬ ПРАКТИЧЕСКАЯ»: МЕЖДУ ДОЛГОМ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ

Ольга Александровна Мартынова[1], Екатерина Дмитриевна Ковалева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]lady.kovaliova2018@yandex.ru

Аннотация. Представлен анализ кантовской концепции «практической любви» в контексте его учения о двух мирах человека. Рассматривается специфика трактовки любви в философии И. Канта, соотношение любви как склонности и любви как долга, а также роль благоговения в нравственной жизни. Особое внимание уделяется актуальности концепции практической любви для современности и ее значению для медицинской этики. Также представлен критический анализ кантовского подхода.

Ключевые слова: И. Кант, практическая любовь, долг, благоговение, нравственный закон, медицинская этика

Человек, по Канту, принадлежит двум мирам одновременно. С одной стороны, он часть природы со всеми вытекающими законами. С другой – он разумное существо, способное к свободе. Как природная часть, человек подчинен законам физики, биологии, причинно-следственным связям, инстинктам и эмпирическим условиям существования. В этом мире человек есть существо среди других существ, которое хочет удовольствия и удовлетворения собственных потребностей.

Однако человек не был бы моральным существом, если бы подчинялся только своим природным влечениям. Он как разумное существо принадлежит миру свободы. В этом мире действуют не принципы природы, а нравственный закон. И. Кант пишет: «человек есть житель двух миров: мира природы и мира разума. Вторая природа человека, или мир культуры, создает другую систему отсчета прав и обязанностей человека» [1, с. 553–562]. Несмотря на природную принадлежность человека, его собственный разум говорит ему о необходимости следовать требованиям долга, морали и права, в том числе обязанностям любви и уважения.

В этом контексте проблема любви приобретает особую остроту, и возникает вопрос, возможна ли любовь «по долгу», которая не была бы простым естественным чувством, но при этом оставалась бы подлинно человеческой?

Любовь у И. Канта – это сложный процесс, который лежит где-то между чувствами, желаниями и разумом человека. Философ проводит принципиальное различие между двумя видами любви. В своей практике он выделяет любовь «патологическую», которую также называет любовь-склонность, связанную с проявлением чувственной природы человека и направленную на собственное удовлетворение. Она возникает непроизвольно, независимо от нашей воли и не ко всем. Такая любовь принадлежит миру природы, подчиняется психологическим законам и потому не может служить основанием морали.

Второй вид – любовь «практическая», обязующая помогать, благодарить, участвовать. Не потому что приятно, а потому что так велят правила и мораль.

Это любовь которую мы выбираем и реализуем как долг. Шопенгауэр критиковал И. Канта: он считал, что мораль без сострадания – лицемерие [7, с. 97]. Но И. Кант настаивает: склонности не в нашей власти, а поступки – в нашей. Значит, требовать можно только поступков. Практическая любовь – это любовь, которая кроется не в чувстве, а в воле. Это деятельное благоволение, готовность содействовать счастью другого, не ожидая ничего взамен. Это любовь, которую мы можем выбрать, и которую должны реализовывать как долг [4, с. 159].

Необходимость практической любви философ выводит не из того, что люди слабы и нуждаются в помощи, а из самой структуры разума. Если я считаю себя целью, я обязан признать то же за другим. И этого мало – надо не просто не вредить, но и помогать. Признание достоинства требует не только не унижать, но и защищать от унижений [9, с. 16–18]. Знаменитая формула из «Основ метафизики нравственности» гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [5, с. 160]. Практическая любовь и есть то отношение, которое признает в другом не средство для удовлетворения собственных потребностей, а самоценную личность, которой мы должны помогать исходя из нравственности.

«Практическая любовь» есть благоволение, то есть воля, стремящаяся к благу. Это объективное начало, которое может и должно быть привито каждому человеку, независимо от его возраста, пола и темперамента. Благоволение, по И. Канту, – это удовольствие от счастья и благополучия других людей [6, с. 120]. Его можно достичь только после совершения «чистого» благодеяния, не из расчета на «ответную услугу» и не из корыстных побуждений [2, с. 180–185]. И. Кант говорил о том, что нельзя заставить себя чувствовать, но можно заставить себя действовать. По его словам, путь к благоволению лежит через бескорыстный поступок, то есть практическую любовь. Человек совершает добрые дела просто потому, что «так надо», исходя из моральных принципов. Он помогает ближнему, не испытывая к нему каких либо теплых чувств и эмоций. Но чем чаще человек это делает, тем больше это входит в привычку и меняет его. Таким образом, простые безэмоциональные, но правильные поступки перерастают в некую заботу о ближних. Постоянно думая о благе других и действуя в их интересах, человек незаметно для себя начинает испытывать к ним расположение. Сначала приходит уважение к человеку, а затем рождается то самое тепло, которое мы называем любовь [3, с. 230–232].

Таким образом, любовь не предшествует поступку, а следует за ним. Практическая любовь - это единственный вид любви, которую человек испытывает и выражает сознательно, не подчиняясь эмоциям.

Говоря о практической любви И. Канта, следует отметить ее место и актуальность в наше время. Существующее общество часто рассматривает любовь либо как биологический процесс, необходимый для продолжение рода, либо как безнравственный механизм, для удовлетворения собственных потребностей. В обоих случаях человек оказывается средством для достижения целей другого. В современном, быстро развивающимся, мультикультурном мире мы довольно часто сталкиваемся с далеко не самыми приятными и интересными для нас людьми, отличающимися по культуре, мировоззрению, привычкам или образу жизни. Поэтому испытывать к ним «патологическую любовь» человек не может по определению. Но возникает вопрос: как людям выстраивать здоровые, основанные на уважении и доброте взаимоотношения в обществе [10, с. 101]? Именно тут «в игру вступает» практическая любовь И. Канта. Она позволяет создать справедливое и достойное общество. Именно это вид любви дает возможность человеку ува-

жать в другом его достоинство и при необходимости заботиться о нем, не требуя от себя обязательной симпатии к оппоненту. Именно на таком принципе строится современное общество [8].

Говоря о роли практической любви в современном мире, следует упомянуть и о ее значимости для медицины. Врачебная практика – это та сфера деятельности, где кантовская концепция практической любви имеет наибольшую практическую значимость и подлинную нравственную ценность. Врач постоянно сталкивается с разными по темпераменту и характеру людьми, с ситуациями, требующими не только профессиональных знаний и навыков, но и нравственного выбора. Практическая любовь» в медицине – это любовь, основанная на принципе долга. Это не просто чувства и желания, а профессиональное решение оказывать помощь каждому пациенту, независимо от личных симпатий и отношений, признавая в пациенте равного себе разумного человека. Любой грамотный врач должен проявлять уважение к достоинству пациента, заботиться о его благополучие, независимо от чувств.

С другой стороны практическая любовь дает возможность не только к поддержанию нормального морального состояния пациента, но также «защищает» самих медицинских работников от эмоционального выгорания. Если бы медицина требовала от врача искренней эмоциональной любви к каждому пациенту, это было бы психологически невозможно. Но требование практической любви – деятельной заботы и творение блага – вполне реалистично и выполнимо.

Кантовское различение патологической и практической любви помогает понять, что взаимоуважение и готовность помочь в человеческих отношениях требует не только чувств, но и волевого, обдуманного решения, не только эмоций, но и ответственности. Данная концепция «практической любви» представляет собой одну из самых глубоких и точных попыток понять основу человеческих взаимоотношений, не сводя их ни к природному миру, ни к чистой эмоциональности. Различение любви-склонности и любви-долга позволяет сохранить требование безусловности морали, долга и этики, не отрицая при этом реальности человеческих чувств.

Список литературы

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 349–588.

2. Кант И. Лекции по этике : пер. с нем. М. : Республика, 2000. 431 с.

3. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 107–438.

4. Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 2. С. 125–183.

5. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках : в 4 т. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 39–275.

6. Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 78–278.

7. Мачульская О. И. Тема любви в этической концепции И. Канта // История философии. 2000. № 5. С. 95–108.

8. Ринне П. От самосохранения к космополитической дружбе: Кант и восхождение любви // Kant Online. 2018. URL: https://kant-online.ru/ot-samosohraneniya-k-kosmopoliticheskoj-druzhbe-kant-i-voshozhdenie-lyubvi/ (дата обращения: 30.03.2026).

9. Судаков А. К. Философия любви и этика семьи в кантовских «Лекциях по этике» // Кантовский сборник. 2017. № 2 (52). С. 7–21.

10. Судаков А. К. Философия любви в кантовских «Наблюдениях над чувством прекрасного и возвышенного» // Философия и культура. 2017. № 2. С. 98–108.

УДК 008

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. ДЖ. ТОЙНБИ

Владимир Иванович Носов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

vinosov54@mail.ru

Аннотация. Представлена критика этноцентристского, одностороннего подхода к характеристикам неевропейских цивилизаций. Единство должно быть единством цивилизационного и культурного многообразия. Запад не может объединить человечество, не только потому, что его культура, его индивидуализм и либерализм чужды большинству человечества. Следуя путем вестернизирующей тотальной унификации, единства мира не достичь. Только синтез сохраняющих свою социокультурную самобытность цивилизаций может спасти человечество.

Ключевые слова: цивилизация, европоцентризм, вестернизация, модернизация, многообразие культур

В XX веке оригинальную концепцию цивилизационного развития общества разработал А. Тойнби. Концепция Тойнби предлагает не просто исторический анализ, а глубокое осмысление путей развития цивилизаций. Для стран «третьего» и «второго» мира, стремящихся преодолеть свою отсталость, критически важно отказаться от иллюзорной идеи универсальности западной модели, выработать собственные ответы на уникальные вызовы, развить творческое лидерство и возродить духовные ценности. Только в таком случае догоняющая модернизация может трансформироваться в подлинное цивилизационное развитие, не увеличивая, а сокращая дистанцию с другими мировыми центрами. Тойнби, в своей монументальной «Постижении истории», раскрывая концепцию вызова и ответа, демонстрирует, как цивилизации, подобно живым организмам, сталкиваются с препятствиями, побуждающими их к развитию и трансформации. Именно этот процесс, по его мнению, был недооценен западными наблюдателями при оценке восточных обществ. Ложный стереотип «статичного» Востока, порожденный эгоцентричным взглядом, игнорировал внутреннюю динамику восточных культур, сводя их многообразие к упрощенной схеме вечного деспотизма. Такое упрощенное видение, как отмечает Тойнби, не учитывает глубинные культурные и духовные процессы, которые являлись движущей силой восточных цивилизаций. Вместо того чтобы сосредоточиться на формальных политических структурах, которые, безусловно, могли быть авторитарными, западные историки упускали из виду богатство философских, религиозных и художественных течений, которые не только обогащали жизнь людей, но и обеспечивали необходимую преемственность и адаптивность. Ошибка западных историков, по Тойнби, кроется в отождествлении политической сферы с жизнью всего общества. Это сродни тому, как если бы, изучая человеческое тело, мы уделяли внимание исключительно кровеносной системе, игнорируя нервную, мышечную и другие, не менее важные, системы. Такая однобокость оценки неизбежно ведет к искаженным выводам и ошибочным суждениям, обедняющим наше понимание сложности человеческой истории. Более того, Тойнби подчеркивает, что именно культурная статичность, которую приписывали Востоку, в действительности оказалась его устойчивостью.

Восточные цивилизации, обладая глубокими традициями и ценностями, были способны абсорбировать и трансформировать внешние влияния, не теряя при этом своей идентичности. Эта невидимая, но мощная сила внутреннего развития и культурной преемственности была тем, что ускользало от взгляда западных аналитиков, ослепленных своим стремлением найти в Востоке лишь зеркальное отражение собственного, «динамичного» пути [2, с. 84].

Тойнби, таким образом, призывает нас к переосмыслению шкалы достижений, отвергая европоцентричное представление о прогрессе как линейном движении от «примитивного» к «современному», где последнее априори превосходит первое. Он настаивает на том, что истинные подвиги человеческого гения часто лежат в истоках цивилизации, в тех фундаментальных открытиях, которые позволили человечеству выбраться из состояния дикости и заложить основы для дальнейшего развития [1]. Эти ранние достижения, кажущиеся нам простыми и даже очевидными сегодня, на самом деле требовали колоссального напряжения мысли, глубокого понимания мира и беспрецедентной изобретательности. Использование огня, изобретение колеса, создание языка – эти и подобные им прорывы не просто облегчили быт древних людей, но радикально изменили траекторию развития человечества. Они открыли двери к новым возможностям, позволили строить общества, развивать культуру и, в конечном итоге, достичь тех высот, которые мы наблюдаем сегодня. Без этих начальных, кажущихся «примитивными», шагов, вся последующая «великая» технологическая история была бы невозможна. В этом свете, современный «промышленник», гордо восхваляющий свои достижения в покорении природы, рискует упустить из виду гораздо более глубокие и основополагающие победы. Истинная мудрость, как подсказывает Тойнби, заключается не в пренебрежении к прошлому, а в понимании его непреходящей ценности. Подлинный триумф человеческого духа заключается не в освоении внешней, «мертвой» природы, но в умении взаимодействовать с живым, сложным и многообразным миром. Критика Тойнби направлена на разрушение иллюзии линейного прогресса и европоцентричного взгляда на историю. Он призывает нас ценить достижения всех цивилизаций, особенно те, что были сделаны на заре человечества, и признать, что подлинный прогресс заключается не только в технологическом развитии, но и в духовном и интеллектуальном росте, который часто коренится в самых ранних этапах нашего исторического пути [2, с. 226].

Динамика этого процесса, как отмечает Тойнби, обусловлена также тем, что сам Запад, столкнувшись с внутренними кризисами, начинает переосмысливать собственные фундаментальные ценности. На смену былой уверенности в безграничном прогрессе приходит осознание его двусмысленности и даже опасности. Это переосмысление, в свою очередь, открывает двери для более критического восприятия западного влияния в других культурах. Если ранее «третий мир» видел в Западе некий образец, к которому следовало стремиться, то теперь он наблюдает его сомнения и проблемы, что побуждает к поиску собственных, аутентичных решений.

Таким образом, западная экспансия, изначально опиравшаяся на технологическое доминирование и видимую целостность культуры, постепенно теряет свою убедительность. Парадоксально, но именно успехи западной науки и техники, породившие такие явления, как экологические кризисы и социальные дисбалансы, подрывают прежнюю привлекательность западной модели. Мир, которому когда-то казалось, что западная цивилизация предлагает универсальный ключ к процветанию, теперь видит ее уязвимости и собственные, нерешенные проблемы.

История учит нас, что ни одна цивилизация не может претендовать на абсолютное лидерство или единственно верный путь развития. Каждая эпоха, каж-

дый культурный ареал добавляют свои уникальные штрихи в мозаику человеческого опыта. Запад, безусловно, оставил неизгладимый след своими достижениями, но его опыт – это лишь одна из глав в великой книге истории. По мере того как мир движется к постколониальной эре, он все более открыт для диалога и взаимообогащения, где каждая цивилизация может предложить свой уникальный вклад. Это не означает отказа от достижений Запада, но подразумевает интегрированный подход, в котором будут учтены разнообразие культурных ценностей и потребностей, ищущих свои пути к гармоничному развитию, отличному от западной модели. В этом контексте, отказ от примитивного технического мерила прогресса, предложенный Тойнби, обретает особую актуальность. Он призывает ценить богатство и многообразие человеческих исканий, признавая, что истинное величие цивилизации заключается не только в технологических прорывах, но и в глубине философской мысли, стойкости духовных традиций и способности находить ответы на вечные вопросы бытия, сохраняя при этом свою культурную идентичность [2, с. 586].

Этот поворот в идеологической мысли отражал глубинное разочарование в обещаниях западной модели развития. Страны, стремившиеся к модернизации по лекалам Запада, столкнулись с нарастающим социальным неравенством, экологическими проблемами и утратой культурной идентичности. Вместо обещанного процветания многие ощущали себя лишь придатком экономик развитых стран, вынужденными потреблять их товары и усваивать чуждые ценности. Кризис теорий модернизаций породил, в свою очередь, новые интеллектуальные течения. Одни мыслители обратились к ревизии марксизма, пытаясь адаптировать его к реалиям постколониального мира. Другие искали вдохновение в традиционалистских учениях, подчеркивая важность духовных ценностей и общинного устройства жизни. Возникло движение, выступавшее за «культурный суверенитет», стремящееся защитить национальные культуры от унифицирующего воздействия глобализации.

Прежняя, зачастую односторонне утилитарная, ориентация на вестернизацию как главный вектор развития утрачивает свои позиции, уступая место более нюансированным подходам. Этот сдвиг в сознании обусловлен, прежде всего, глубоким осознанием не только ценности, но и функциональной необходимости сохранения культурного разнообразия. Сохранение социокультурных особенностей незападных цивилизаций перестает быть лишь декларативной целью; оно становится стратегически важной задачей, определяющей успешность их собственного пути развития.

Техника и технология, ранее воспринимавшиеся как универсальные и всесильные инструменты прогресса, теперь рассматриваются иначе. Их унифицирующее начало, способное стереть границы между культурами, вызывает все больше настороженности. Вместо того чтобы безоговорочно принимать их как данность, общества начинают переосмысливать их роль, стремясь к более избирательному и осмысленному интегрированию инноваций, которые не подрывают, а, напротив, обогащают их самобытность. Размышления Арнольда Тойнби о переломном моменте в аксиологическом развитии человечества подчеркивают значимость этого переосмысления. Отказ от примата технологии в системе культурных ценностей открывает путь к более гуманистическому взгляду на прогресс. Незападные общества, как отмечает Тойнби, получают возможность не слепо копировать, а избирательно усваивать элементы западной культуры, выбирая те, которые соответствуют их собственным ценностям и целям. Этот процесс выборочного усвоения представляет собой не просто адаптацию, а активное формирование собственной идентичности в диалоге с глобальными трендами. Такой подход поз-

воляет незападным обществам избежать культурной ассимиляции и сохранить уникальный опыт, накопленный за века. Это, в свою очередь, способствует не только их собственному развитию, но и обогащает глобальный культурный ландшафт. Наблюдается движение от парадигмы, где традиция воспринималась как препятствие, к пониманию ее как фундаментального ресурса, обеспечивающего устойчивость, преемственность и многообразие. Это позволяет переосмыслить саму природу прогресса, делая акцент не на бездумном внедрении новшеств, а на их гармоничном сочетании с сохранением глубинных социокультурных основ [2, с. 587].

Это революционное заключение, ставшее результатом глубокого анализа закономерностей исторического развития, подталкивает к переосмыслению господствующих парадигм. Вместо того чтобы видеть в культурном многообразии источник конфликтов, автор предлагает рассматривать его как необходимый элемент для выживания. Универсальный рецепт «вестернизации» оказывается не только неэффективным, но и потенциально губительным, поскольку игнорирует уникальные ценности и традиции, формировавшиеся веками. Сложные и зачастую напряженные взаимодействия между Западом и незападными цивилизациями, несмотря на сопутствующие им вызовы, могут породить новые, невиданные ранее формы культурного синтеза. Этот «компост» обещает быть не менее, а возможно, и более плодотворным, чем в античную эпоху, поскольку охватывает гораздо более широкий спектр культурных и интеллектуальных традиций. Ключевая мысль заключается в том, что превосходство любой отдельной цивилизации, пусть даже кажущееся неоспоримым в определенный исторический период, неизбежно мимолетно. История циклична, и новые центры силы и культурного притяжения всегда появляются, сменяя друг друга. Признание этой эфемерности – первый шаг к построению такого будущего, где сосуществование различных культур станет не угрозой, а источником силы и гарантом выживания [2, с. 586].

Тойнби, проницательный историк и философ, видел в потенциальном слиянии западной предприимчивости и китайской устойчивости ключ к разрешению глобальных противоречий. Он отмечал, что одновременное существование передовых технологий и архаичных форм бытия создает напряжение, которое не может длиться вечно. Экспансивный, часто деструктивный импульс Запада, ведомого жаждой инноваций и доминирования, контрастировал с веками укоренившейся в Китае приверженностью к гармонии, традиции и порядку. Именно в этой кажущейся непримиримости он находил зерно возможности для создания чего-то качественно нового. Опасность такого дисбаланса, по Тойнби, заключалась в том, что ни одна из цивилизаций не могла существовать в полной изоляции. Западные технологии, распространяясь подобно вирусу, нарушали традиционные устои, но не приносили всеобщего процветания, а порождали новые формы отчуждения и неравенства. Китай же, находясь под давлением внешних сил и внутренних вызовов, рисковал остаться застывшим в прошлом, неспособным адаптироваться к меняющемуся миру. Оба пути, как он подчеркивал, вели к тупику, но не к гибели в буквальном смысле, а к стагнации или хаосу.

Решение, по Тойнби, лежало не в превосходстве одной модели над другой, а в их синтезе. Это не означало бы простое копирование или механическое смешение, но глубокое переосмысление и интеграцию сущностных принципов. Сочетание западной динамики, его способности к постоянным трансформациям и покорению материи, с китайской мудростью, ее акцентом на внутреннюю гармонию, уважением к предкам и устойчивым развитием, могло бы создать новую, более сбалансированную цивилизационную парадигму. Этот новый образ жизни мог бы отвечать на главные вызовы современности, избегая как разруши-

тельной самоуверенности Запада, так и пассивной обреченности традиционализма. В таком синтезе человечество могло бы обрести не только шанс на выживание в условиях угрозы экологических и социальных катастроф, но и найти подлинные пути к устойчивому благополучию, основанному на мудрости прошлого и прогрессе будущего. Это было бы не просто слияние, а рождение нового, более зрелого этапа человеческой истории [2, с. 587].

Сам, один Запад не может объединить человечество, и не только потому, что его культура, его индивидуализм и либерализм чужды большинству человечества. Запад неоднократно демонстрировал, что он способен потрясти мир и пробудить его от оцепенения. «Запад способен гальванизировать и разъединять, но ему не дано стабилизировать и объединять». Эта двойственность запада заключается в его внутренней динамике. Инновации, научный прогресс, идеи свободы и самоопределения, рожденные на западе, проникают далеко за его пределы, меняя привычный ход вещей. Однако, вместе с этими, безусловно, прогрессивными импульсами, запад несет и целый комплекс противоречий: колониальное прошлое, империалистические амбиции, а порой и откровенное презрение к иным культурам, которые лишь усиливают отторжение. Разъединяющая сила запада проявляется в создании новых геополитических разломов, в навязывании своих ценностей, что зачастую приводит к конфликтам и недопониманию. История знает немало примеров, когда попытки вестернизации оборачивались дестабилизацией, уничтожением традиционных укладов жизни и ростом напряженности. Запад, стремясь к глобальному доминированию, неосознанно или намеренно сеет семена раздора. Чтобы говорить об объединении человечества, западу необходимо пересмотреть свою роль. Он должен научиться не только генерировать идеи, но и слушать, воспринимать, находить общий язык с другими цивилизациями. Стабилизация и объединение требуют не диктата, а диалога, взаимного уважения и признания равноценности всех культурных путей. Только тогда, возможно, запад сможет стать не катализатором перемен, но и фактором устойчивого, единого мира. Попытки распространить западную модель как единственно верную обречены на провал. Истинное единство человечества может быть достигнуто лишь на путях гармоничного сосуществования различных культур, каждая из которых вносит свой неповторимый вклад в общую копилку цивилизации. Запад, будучи одним из игроков на этой глобальной арене, должен понять, что его роль – быть партнером, а не гегемоном [2, с. 587].

Именно поэтому вывод Арнольда Тойнби о невозможности достижения единства «западным путем» звучит столь убедительно. «Западный путь» характеризуется индивидуализмом, конкуренцией и постоянным стремлением к доминированию, что, по всей видимости, порождает бесконечный цикл конфликтов. В то время как другие цивилизации могли находить пути к синтезу и гармонии, Запад, кажется, обречен на вечное противостояние. Однако, как справедливо подмечает Тойнби, сейчас как никогда актуальна необходимость преодоления этих внутренних расколов. Гонка вооружений, истощение ресурсов, экологический кризис и демографический взрыв – все это глобальные вызовы, требующие единого фронта. Эти угрозы не знают границ и не делают различий между нациями или классами. Они ставят под вопрос само выживание человечества. Западное общество оказалось на перепутье. Либо оно сможет найти в себе силы пересмотреть свои исторические установки, отказаться от вечной борьбы и приступить к строительству нового, более единого и гармоничного мира, либо ему суждено ввергнуться в самоуничтожение. Выбор, стоящий перед западной цивилизацией, – это выбор между вечностью и забвением [2, с. 599].

Россия, обладая уникальным историческим опытом и географическим положением, способна выступить в роли посредника, способствующего диалогу и взаимопониманию между различными цивилизационными центрами. Ее способность синтезировать и гармонично сочетать элементы западной и восточной культур, а также северные и южные, европейские и азиатские, создает предпосылки для формирования нового типа международных отношений, основанных на принципах сотрудничества, уважения и взаимной выгоды. Особое значение приобретает задача сохранения и развития собственной социокультурной идентичности России. Именно в ней кроется тот уникальный ресурс, который позволит ей не только успешно интегрироваться в мировое сообщество, но и предложить ему ценные модели развития, основанные на духовных и нравственных традициях, тысячелетней истории и богатейшем культурном наследии. Предлагаемая роль России не предполагает отказа от ее собственных интересов, но настаивает на такой их реализации, которая учитывает интересы других народов и способствует общему благу. Это путь строительства устойчивого будущего, где каждая нация, сохраняя свою уникальность, вносит вклад в общечеловеческое достояние, создавая не противостояние, а единение.

Список литературы

1. Тойнби А. Дж. Исследование истории: цивилизации во времени и пространстве. М. : АСТ, 2011. 864 с.
2. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. 736 с.

УДК 174:61:618.177:608.1

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВРАЧА В РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Анастасия Юрьевна Савинова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

nastyasavinova0604@mail.ru

Аннотация. Исследуются проблемы моральной ответственности врача в сфере применения репродуктивных технологий в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена расширением практики использования вспомогательных репродуктивных технологий, усложнением биоэтических конфликтов и необходимостью более глубокого осмысления нравственных оснований профессиональной деятельности врача в условиях технологического вмешательства в репродуктивную сферу человека.

Ключевые слова: моральная ответственность врача, репродуктивные технологии, вспомогательные репродуктивные технологии, биоэтика, медицинская этика, медицинская деонтология

Актуальность исследования проблем моральной ответственности врача в репродуктивных технологиях в Российской Федерации определяется тем, что развитие вспомогательных репродуктивных технологий существенно опережает темпы формирования единых этических ориентиров их применения. Российское законодательство уже закрепляет правовые основания использования вспомога-

тельных репродуктивных технологий, включая соответствующие положения Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ и специальный порядок, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 803н. При этом нормативное регулирование сосредоточено прежде всего на организационно-медицинских и процедурных аспектах, тогда как моральная ответственность врача выходит за пределы формального соблюдения инструкции и затрагивает вопросы достоинства личности, автономии пациента, добросовестности профессионального выбора, справедливости доступа к медицинской помощи и пределов допустимого вмешательства в репродуктивную сферу человека. Особую значимость проблеме придает то, что Конституция Российской Федерации одновременно защищает достоинство личности и право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а значит, врач в сфере репродуктивных технологий оказывается в точке пересечения биомедицинского, правового и нравственного измерений профессионального долга.

Цель исследования состоит в комплексном осмыслении содержания моральной ответственности врача в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации, в выявлении ее нормативных, деонтологических и биоэтических оснований, а также в определении тех профессиональных ситуаций, в которых правомерность поведения врача не устраняет его нравственной проблематичности.

К числу ученых, чьи работы имеют значение для изучения данной темы, относятся представители философии медицины, биоэтики, медицинского права и репродуктивной медицины. В российском научном пространстве при разработке проблемы целесообразно учитывать труды Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко, И. В. Силуяновой, В. И. Моисеева, А. А. Мохова, О. Л. Дубовик, Н. Н. Седовой, С. Г. Стеценко, Ю. Д. Сергеева, А. Н. Пищиты, а также исследования специалистов, посвященные правовым и этическим аспектам вспомогательных репродуктивных технологий, суррогатного материнства и статуса эмбриона. В зарубежной научной традиции существенное методологическое значение имеют идеи Тома Бичампа, Джеймса Чилдресса, Леона Касса, Рональда Грина, Джона Робертсона, Рут Маклин, а также исследователей, анализирующих репродуктивную автономию, моральные пределы селекции эмбрионов, вопросы справедливости и некоммерциализации человеческой репродукции.

Проблемы моральной ответственности врача в репродуктивных технологиях в Российской Федерации приобрели в последние годы особую остроту, поскольку развитие вспомогательных репродуктивных технологий перестало быть редкой клинической практикой и превратилось в заметный элемент системы охраны репродуктивного здоровья населения. По данным Всемирной организации здравоохранения, бесплодие в течение жизни затрагивает примерно каждого шестого взрослого человека, что придает репродуктивной медицине не частный, а выраженный социальный масштаб. Российская практика подтверждает рост значения данной сферы: в опубликованном отчете Регистра Российской ассоциации репродукции человека за 2022 год указано, что в исследование вошли данные 220 центров, что составило 65,9 процента от 334 работавших в стране центров, а доля родов после вспомогательных репродуктивных технологий достигла 2,9 процента; как минимум 35 274 ребенка, или 2,76 процента от числа родившихся в России в 2022 году, появились на свет в результате таких программ. При этом в 2022 году в России родились 1 304 087 детей, что подчеркивает не только демографическую значимость репродуктивной медицины, но и масштаб этической ответственности специалистов, принимающих решения в данной области.

Юридическая рамка применения вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации в целом сформирована, однако нравственные ориентиры врачебного поведения в ней остаются существенно менее определенными. Статья 55 Федерального закона № 323-ФЗ закрепляет само понятие вспомогательных репродуктивных технологий, требует информированного добровольного согласия, запрещает выбор пола ребенка за исключением риска наследования заболеваний, связанных с полом, устанавливает право граждан на криоконсервацию и хранение половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также определяет общие условия донорства и суррогатного материнства. Приказ Министерства здравоохранения № 803н, в свою очередь, устанавливает порядок использования этих технологий, прямо указывает на необходимость информированного добровольного согласия и ограничивает медицинскую помощь требованиями лицензирования и установленной процедуры. Но именно здесь и возникает ключевая проблема: правовое соответствие еще не тождественно нравственной безупречности. Врач в сфере репродуктивной медицины действует не только как исполнитель медицинского стандарта, но и как лицо, влияющее на решение о допустимости вмешательства в зачатие, развитие эмбриона, донорство, криоконсервацию и рождение ребенка в сложных семейных и социально-психологических обстоятельствах [1, с. 39].

Моральная ответственность врача в данной сфере носит многоуровневый характер. На первом уровне она связана с классическим деонтологическим требованием не причинять вреда и действовать в интересах пациента. Однако в репродуктивной медицине этого уже недостаточно, поскольку объектом профессионального решения становится не только здоровье женщины или мужчины, но и репродуктивный проект семьи, статус эмбриона, интересы донора, суррогатной матери и будущего ребенка. На втором уровне возникает ответственность коммуникативная: врач обязан не просто получить подпись пациента, а обеспечить действительное понимание медицинских, правовых и моральных последствий процедуры. На третьем уровне проявляется ответственность прогностическая: специалист должен оценивать не только шанс наступления беременности, но и риски многоплодия, преждевременных родов, психоэмоционального истощения, конфликта между участниками программы и последующих правовых споров. Наконец, на четвертом уровне находится ответственность институциональная: врач включен в систему частной или государственной клиники, где на его решения могут влиять коммерческая мотивация, административные показатели и давление ожиданий пациентов. Именно сочетание этих уровней отличает моральную ответственность репродуктолога от обычной клинической ответственности в иных разделах медицины [2, с. 31].

Наиболее сложным узлом является проблема информированного добровольного согласия. Формально российское право делает его обязательным условием применения вспомогательных репродуктивных технологий, а Верховный Суд Российской Федерации прямо ориентирует суды проверять, было ли согласие добровольным, осознанным, действовало ли оно на момент процедуры, не было ли отозвано, а также давалось ли согласие на использование донорского биологического материала. Однако научная литература обоснованно показывает, что в репродуктивной сфере согласие не может пониматься узко, только как согласие на медицинское вмешательство. В частности, в исследовании Д. А. Беловой подчеркивается, что согласие является информированным лишь тогда, когда лицу сообщена не только медицинская, но и юридическая информация [3, с. 17]. Особый пласт проблем концентрируется вокруг суррогатного материнства. Именно здесь моральная ответственность врача наиболее очевидно выходит за пределы отно-

шения «врач – пациент» и превращается в управление сложной сетью интересов, где участвуют генетические родители, суррогатная мать, будущий ребенок, медицинская организация и государство. Российское право после изменений 2022 года сузило круг субъектов, имеющих право на суррогатное материнство, а Верховный Суд сохраняет важное положение о том, что запись потенциальных родителей в качестве родителей ребенка возможна только с согласия женщины, родившей ребенка. Научная литература подчеркивает, что суррогатное материнство связано с риском инструментализации женского тела, конфликтом между биологическим, генетическим и социальным материнством, а также с моральной неопределенностью статуса эмбриона и ребенка в ситуации договорного воспроизводства. В этих условиях моральная ответственность врача заключается не только в медицинском сопровождении беременности, но и в недопущении скрытого принуждения, эксплуатации экономически уязвимой женщины, недобросовестного посредничества и редукции суррогатной матери до роли «носителя услуги». Практически это означает необходимость более строгой психологической и этической оценки участников программы, документирования добровольности решений и исключения ситуаций, в которых юридически корректный договор скрывает фактическое моральное неблагополучие [4, с. 2630].

Современная российская правоприменительная практика показывает, что развитие технологий порождает ситуации, для которых действующее регулирование оказывается недостаточно подготовленным. Показательным является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 года № 6-П, касавшееся ребенка, зачатого с использованием вспомогательных репродуктивных технологий после смерти супруга матери. Суд признал, что отсутствие механизма назначения такому ребенку страховой пенсии по случаю потери кормильца не соответствует Конституции при наличии воли умершего на рождение детей и судебного установления отцовства. Для темы моральной ответственности врача это решение имеет принципиальное значение: оно демонстрирует, что врачебные действия в сфере криоконсервации, хранения половых клеток и репродуктивного планирования могут иметь далеко идущие правовые и социальные последствия, выходящие за рамки собственно лечения бесплодия. Иначе говоря, специалист, консультирующий супругов по вопросам криоконсервации и использования генетического материала, должен учитывать не только шанс наступления беременности, но и перспективу посмертной репродукции, статус ребенка, волю пациента и необходимость максимально точного документирования репродуктивных намерений.

Важной проблемой российской практики является и дефицит прозрачности данных. Отчет Регистра за 2022 год охватывает только 65,9 процента центров, работавших в стране, а потому даже весьма значимые цифры по эффективности, числу циклов и числу родившихся детей следует оценивать как минимально подтвержденные, а не абсолютно исчерпывающие. В 2022 году частота наступления беременности в программе экстракорпорального оплодотворения составила 26,4 процента на цикл, 28,2 процента на пункцию и 33,0 процента в циклах с переносом эмбрионов. Эти показатели важны не только для оценки эффективности, но и для этики врачебного информирования: моральная ответственность врача предполагает честное представление вероятностей, а не рекламное обещание успеха [5, с. 1205].

Таким образом, моральная ответственность врача в репродуктивных технологиях в Российской Федерации представляет собой не факультативное дополнение к правовой ответственности, а самостоятельное ядро профессиональной деятельности. Чем шире становятся технологические возможности медицины, тем

выше значение нравственных ограничителей врачебного решения. Репродуктолог отвечает не только за наступление беременности и соблюдение протокола, но и за человеческое качество выбора, за полноту правдивой информации, за недопущение эксплуатации, за уважение достоинства женщины, мужчины, донора, суррогатной матери и будущего ребенка.

Список литературы

1. Башмакова Н. В., Полякова И. Г., Рябко Е. В. Мотивация и барьеры суррогатного материнства: тенденции и мировой опыт // Проблемы репродукции. 2023. Т. 29, № 5. С. 37–44.

2. Богданова Е. Е. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex Russica. 2024. № 1. С. 29–39.

3. Горлова С. В. Биоэтика вспомогательных репродуктивных технологий: религиозный и правовой аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, вып. 3. С. 14–21.

4. Кондрашев А. А. Правовые и биоэтические проблемы реализации вспомогательных репродуктивных технологий в России // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 12. С. 2622–2631.

5. Пронина Е. А., Юнякина Н. С., Мартынова О. А. Суррогатное материнство и его этические аспекты // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 5 (74). С. 1203–1211.

УДК 7.034.5

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В ЖИВОПИСИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ольга Александровна Мартынова[1], Алина Сергеевна Люц[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]alina.lutze@mail.ru

Аннотация. Эпоха Возрождения в традиционном понимании является временем рассвета и утверждения антропоцентризма, как картины мира. Однако далеко не всем известно об ином течении, которое принято считать ответвлением привычного Итальянского Возрождения, преимущественно в изобразительном искусстве. Данное течение получило название «Северное Возрождение» и развивалось в таких странах, как Германия, Нидерланды, Франция, в период с XV по XVI в. Итальянское Возрождение провозглашает человека центром мироздания, создает образ стойкости и уверенности, в сочетании с античными представлениями о теле человека. Живопись, в свою очередь, наглядно демонстрирует идею равенства человека с великим творцом, Богом, обожествляет и превозносит красоту тела. Северная Европа наделила свое течение совершенно другими аспектами. Развитие Северного Возрождения пришлось на эпоху реформаций, в связи с чем оно смещает свой фокус на бренность плоти, внутренний мир человек, что идет как противовес идее «человек есть Бог» Итальянского Ренессанса.

Ключевые слова: Итальянское Возрождение, Северное Возрождение, Ренессанс, Леонардо да Винчи, Ян Ван Эйк, Питер Брейгель

Когда речь заходит о Возрождении, представляется именно Италия, где человека настигло осознание, и он поверил в то, что является центром всего. Это случилось в XV–XVI вв., когда рос интерес к науке, философии и искусству

[1, с. 23]. Итальянцы черпали вдохновение из вновь открытой античности, благодаря находкам археологов. Греческие и Римские статуи стали доказательством красоты человека. Вдохновившись переосмысленными идеями Платона и прочих античных философов, итальянские мыслители и художники своими трудами заявили о том, что человек создан по образу и подобию Божьему [4, с. 248]. Протагор, представитель софистов, утверждал: «Человек есть мера всех вещей». Так зародился антропоцентризм – представление о том, что человек есть центр мироздания. В 1486 г. Джованни Пико делла Мирандола, переосмыслив античные идеи, написал манифест «Речь о достоинстве человека», провозглашающий человека центром творения: «Бог создал человека, но человек сам создает себя». В том же манифесте он заявил, что человек сам может стать тем, чем захочет.

Наиболее важной фигурой является Леонардо да Винчи, который стал воплощением идеи «человек-творец» [2, с. 398]. На первый взгляд, «Витрувианский человек» да Винчи (рис.1) является обычной иллюстрацией к трактату Витрувия, древнеримского архитектора, однако, этот рисунок человека, вписанного в круг и квадрат, стал настоящим манифестом для самого да Винчи и людей эпохи Итальянского Ренессанса [9, с. 154]. Да Винчи был уверен, что человек способен познавать законы вселенной и воплощать их в своих мыслях и искусстве.

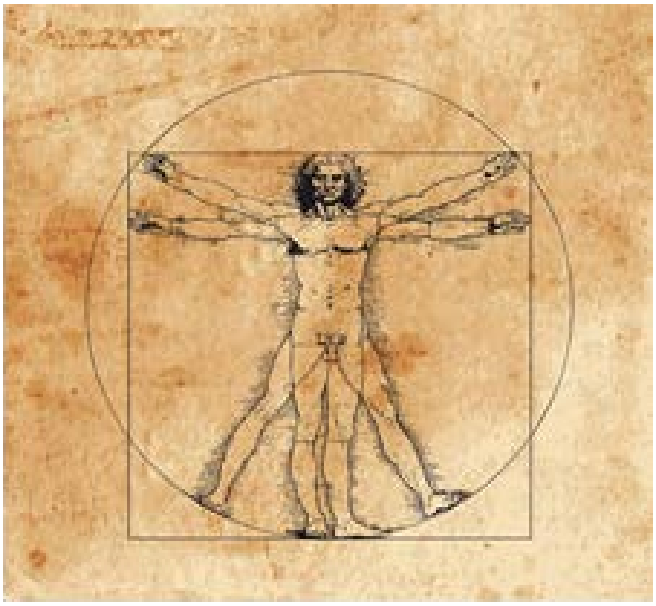

Рис. 1. Витрувианский человек

Круг для философов является символом божественного и космического, когда квадрат является символом материального и земного. Человеческое тело идеально укладывается в обе эти фигуры, а это значит одно человек, что одновременно сочетает в себе земное и божественное [4, с. 252].

Вторым наиболее важным представителем Итальянского Ренессанса является Микеланджело. Он пошел дальше Леонардо да Винчи, изобразив в своей фреске «Сотворение Адама», человека и Бога равными друг другу (рис. 2). Бог предстает равным Адаму и устремляется ему навстречу. Пальцы божества и человека почти соприкасаются. В этой детали представлена главная идея Итальянского Возрождения: человек и Бог находятся на одном уровне. Для итальянцев человек - наиболее значимая часть вселенной. Первый «лик» Ренессанса подарил миру торжествующий образ человека, который является центром этого мира.

Рис. 2. Сотворение Адама

XV–XVI вв. в Европе считаются временем духовного перелома и реформаций, когда Мартин Лютер, который считал веру личным делом каждого, совместно с другими реформаторами поставил под сомнение власть католической церкви, а вместе с этим и Бога как всевышнего существа [5, с. 46]. В это время происходит рассвет и развитие протестантизма, который провозглашает: спасение души достигается внутренним диалогом с Творцом, личной верой и постоянным трудом [8, с. 87]. Протестантизм делает акцент индивидуальности каждого человека, а Бог становится чем-то более личным, о чем простой люд не стремится говорить открыто, а художники не изображают его в центре картины. Однако везде можно встретить намеки на его незримое присутствие, он является в каждой мелочи, в символах, в незаметных глазу деталях [6, с. 34]. Сам Мартин Лютер говорил: «Бога не нужно искать в божественных храмах. Он живет в тихом доме, в работе, в заботе о ближнем. Вера – внутреннее дело сердца». Так же, как и Мартин Лютер, реформатор Иоанн Кальвин утверждал: «Бог невидим, но он оставил свои следы в каждом обыденном предмете».

По истине ярким примером присутствия Бога в деталях считается «Портрет четы Арнольфини» Яна Ван Эйка (рис. 3).

Рис. 3. Портрет четы Арнольфини

На картине представлена сцена бракосочетания купца и его жены. Позади них, ровно по центру, висит зеркало, в котором отражаются фигуры людей – свидетелей церемонии. Зеркало считается «оком Бога», то есть на этом союзе присутствует еще один свидетель [7, с. 102]. Другим символом присутствием Бога считается горящая свеча над головами молодоженов. Сама церемония бракосочетания проходит в домашней обстановке, где свидетелями являются обычные люди, а не священник. Бог здесь молчаливый свидетель, а человек живет обычную земную жизнь, где каждая деталь быта напоминает о присутствии всевышнего [6, с. 96].

Если Итальянский Ренессанс воспевал тело человека, как форму, которая достойна быть обожествленной, то северное искусство видело плоть иначе. Северяне считали человеческую плоть «бренной оболочкой души», которая неизбежно болит, истекает кровью, стареет и, наконец, умирает. Матиас Грюнвальд воплотил это мнение в «Изенгеймском алтаре» (рис. 4).

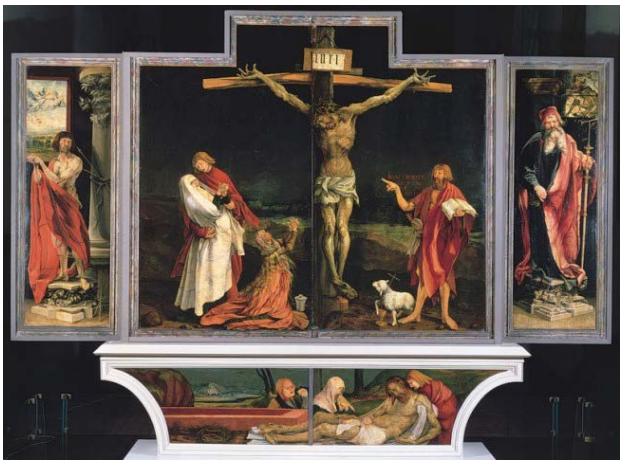

Рис. 4. Изенгеймский алтарь

Распятие Христа считается одним из самых жестоких в истории искусства. Грюнвальд не стал писать красивого и торжествующего Христа, он представил страдающего Господа, чем показал сходство между ним и простыми людьми. Одним из смыслов северного гуманизма считается возвышение человека до Бога через сострадание [8, с. 143]. Произведение Грюнвальда не просто картина, а алтарь для монастырской больницы. Глядя на нее, больные понимали, что Бог рядом и он так же, как и они сами, знает, что такое боль и страдание [3, с. 162].

Главным живописцем Северного Возрождения считают Питера Брейгеля Старшего, именно он в своих произведениях довел философию этой эпохи до логического завершения [10, с. 45]. Его называют «крестьянским художником», за бытовыми сценами и яркими красками в картинах которого, стоит трезвый взгляд на действительность. Брейгель не только художник, но и философ. Он первым среди европейских творцов начал руководствоваться мыслью, что человек не является центром мира, именно это он и показывал в своих произведениях. Он отказался от привычной композиции, когда в центре картины находится святой, мифологический персонаж или простой человек. Герои Брейгеля чаще всего теряются, например, в пейзаже, что показано на картине «Охотники на снегу» (рис. 5).

На первый взгляд, охотники и являются главными героями, однако взгляд устремляется на задний план картины с фигурками людей, которые занимаются бытовыми делами. Там кипит вся жизнь, а охотники лишь являются ее частью, а не смысловым центром. Этим Брейгель говорит, что мир существует сам по себе, а человек одна из многочисленных фигур этого мира [10, с. 178]. В этом за-

ключается главный антипод итальянскому антропоцентризму. Пока Итальянский Ренессанс утверждал, что человек является центром мира, Питер Брейгель возражал ему тем, что человек – всего лишь часть этого мира, как дерево или собака. Согласно философии Брейгеля, человек находится в круговороте времен года, бытовых забот, а не в центре вселенной [10, с. 201].

Рис. 5. Охотники на снегу

Северный Ренессанс предложил иную модель отношений человека и мира. Художники этой эпохи не идеализировали человеческое тело, связь с божественным они показывали через страдания человека и Бога. Сам Бог чаще всего присутствует с образах-символах и бытовых предметах, а человек становится одним из героев сложного мироздания [6, с. 118].

Можно утверждать, что Итальянский и Северный Ренессансы абсолютно несовместимы друг с другом и представляют собой два принципиально различных направления в философии, которые заложили вектор развития европейского искусства XV–XVI вв., однако творчество Альбрехта Дюрера доказывает, что между ними возможен синтез [7, с. 156].

В его гравюре «Адам и Ева» (рис. 6) видна явная попытка собрать воедино итальянское внимание к анатомическому совершенству тела и северную любовь к деталям и образам-символам. На своем примере Дюрер доказал, что эти философские направления способны дополнять друг друга, нежели исключать.

Рис. 6. Адам и Ева

Таким образом, философия обоих Ренессансов представляет собой ответы на вопросы о месте человека в мире, о важности Бога в жизни человека и о сравнении человека с ним. Несмотря на то, что концепции Итальянского Возрождения и Северного Возрождения противостоят друг другу в рамках философии, как науки, в изобразительном искусстве их синтез реален, что доказывают труды Дюрера. Именно так рождается наиболее полное выражение человека: величественного, подобно Богу и одновременно уязвимого, погруженного в повседневность. «Южный Ренессанс создал титана. Северный Ренессанс создал человека, который молится и страдает», - Йохан Хейзинга, философско-культурологический трактат «Осень Средневековья».

Список литературы

1. Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: идеалы и практика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : РГГУ, 2014. 380 с.
2. Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / пер. с итал. А. Г. Габричевского. М. : АСТ, 2019. 704 с.
3. Зверева А. А. Северное Возрождение: искусство Нидерландов и Германии в XV–XVI веках. СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. 312 с.
4. Кустов А. В. Философия антропоцентризма в культуре итальянского Ренессанса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 2. С. 245–258.
5. Мельников Г. П. Реформация и искусство Северной Европы: иконографические и семиотические аспекты // Культура и искусство. 2018. № 5. С. 42–55.
6. Соколов М. Н. Быт и искусство в Нидерландах XV–XVI веков: символика повседневности. М. : Прогресс-Традиция, 2015. 256 с.
7. Campbell L. The Art of the Northern Renaissance: Courts, Commerce and Devotion. London : National Gallery Company, 2015. 208 p.
8. Dillenberger J. Images and Relics: Theological Perceptions and Visual Images in Sixteenth-Century Europe. Oxford: Oxford University Press, 2012. 256 p.
9. Greenstein J. M. The Body in the Art of the Italian Renaissance. New Haven : Yale University Press, 2013. 320 p.
10. Silver L. Pieter Bruegel the Elder: Art and Ambiguity in the Northern Renaissance. London : Reaktion Books, 2017. 240 p.

УДК 1(091)

КРАСОТА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ФИЛОСОФИИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Дарья Дмитриевна Суханова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

daria.sukhanova.04@mail.ru

Аннотация. Рассматривается «красота» в философском наследии К. Н. Леонтьева. Показано, что понятие красоты выполняет системообразующую функцию и задает логику его историософских, социально-политических и антропологических концепций. Исследуется учение о триедином развитии как эстетическом законе существования, а также раскрывается роль красоты в качестве условия истинности исторического развития

в рамках идеи «цветущей сложности». Рассматривается диалектика эстетического и аскетического начал в философии К. Н. Леонтьева. Прослеживаются его идейные связи с Н. Я. Данилевским, Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым.

Ключевые слова: красота, методологический принцип, К. Н. Леонтьев, цветущая сложность, эстетика

В истории русской философской мысли особое место занимает Константин Николаевич Леонтьев. Современники нередко не воспринимали его идеи, относя их как вызов здравому смыслу и либеральным ценностям второй половины XIX века. Однако, именно «несовременность» мыслителя, его решительный отказ следовать основным путям прогресса и гуманизма позволяют сегодня увидеть в К. Н. Леонтьеве одного из самых глубоких и оригинальных критиков европейской цивилизации. Центральным звеном в философии К. Н. Леонтьева стала красота. В отличие от многих современников, склонных воспринимать красоту лишь как субъективное переживание, К. Н. Леонтьев придал ей значение объективного свойства бытия. В красоте он увидел не украшение жизни, а ее сокровенный смысл. Эстетика стала для мыслителя универсальным методом познания мира, а понятие «цветущей сложности» – истинным ключом к пониманию законов развития природы, общества и культуры.

Константин Николаевич Леонтьев искал настоящую, подлинную красоту не только в окружающей его реальности, но и за ее пределами, выходя за рамки повседневной и обыденной жизни. Он находил ее также в отражениях - в литературе, искусстве и культуре в целом [5, с. 896; 7, с. 318]. Философ относил искусство к одному из важнейших способов познания законов бытия, решительно отвергая взгляды на художественное творчество как на простое развлечение или приятное времяпрепровождение [6, с. 397]. По его мнению, настоящее искусство не развлекает и не учит жить, а показывает, как устроен мир на самом деле – в его красоте и сложности [7, с. 318]. Именно поэтому в своих критических статьях К. Н. Леонтьев оценивал произведения не по их идейной нагрузке или общественной полезности, а исключительно по их эстетической выразительности, яркости и неповторимости [7, с. 318].

В центре философии К. Н. Леонтьева – красота. Но не та, что привычна его современникам. Для них красивое – это приятное впечатление, эмоция. К. Н. Леонтьев же настаивает: красота – объективное свойство самого мира. Оно проявляется в сложности и иерархичности форм [1, с. 3–16]. Иными словами, красиво не потому, что вам нравится. А потому что устроено непросто, пестро, многообразно и обладает внутренней структурой [1, с. 5]. Большинство мыслителей той эпохи видели в красоте лишь субъективное переживание. К. Н. Леонтьев же придал ей онтологический смысл [8, с. 85–107]. Красота, по его убеждению, не привнесена извне и не выдумана человеком. Напротив, она с самого начала заложена в структуру мироздания [5, с. 896]. Возьмем любой объект: живой организм, общество, целую эпоху. Чем он сложнее – тем больше внутренних различий, контрастов, иерархических уровней, – тем красивее [6, с. 397]. Например, павлин красивее воробья, поскольку окраска сложнее и формы затейливее [5, с. 896]. И наоборот, простота, уравнивание, однообразие – для К.Н. Леонтьева – это признаки уродства, слабости и приближающейся смерти [2, с. 268]. Там, где все одинаково - нет жизни. Одно медленное умирание [6, с. 397].

В красоте К. Н. Леонтьев видел подлинное добро, а в уродстве – зло. Именно в этом заключается воплощение его знаменитого эстетического аморализма, то есть эстетизм [8, с. 100–105]. Впрочем, было бы неверно утверждать, что философ проповедует безнравственность. Вернее сказать, что он утверждает

иную, непривычную мораль, основанную не на абстрактных заповедях, а на эстетическом чувстве [8, с. 105]. Для К. Н. Леонтьева не существует универсальных, раз и навсегда данных моральных норм. То, что считается добром в одной культуре, может оказаться злом в другой. Единственным общезначимым и объективным показателем, по его мнению, является красота; будь то любой поступок, явление культуры или историческое событие, которые оцениваются исключительно по тому, насколько они могут быть прекрасны, сложны и выразительны [1, с. 14]. Отсюда следуют парадоксальные выводы: например, жестокая социальная иерархия и неравенство могут быть прекрасны, поскольку они создают напряжение и яркие контрасты жизни [5, с. 896]. Напротив, скучное мещанское благополучие, всеобщее равенство в потреблении и спокойная «нравственная» жизнь обывателя представляются К.Н. Леонтьеву глубоко безобразными, хотя с точки зрения либеральной этики они и выглядят безупречными [5, с. 896].

У К. Н. Леонтьева эстетика становится не просто одной из частей философской системы, а ее основным методом [8, с. 100]. Это обозначает, что мыслитель смотрит на природу, историю и политику именно как на произведение искусства, оценивая все по тем же законам, что и, например, картину или симфонию [1, с. 5–6]. Весь мир, начинаясь от природных организмов и доходя до человеческих обществ и исторических государств, развивается по единому эстетическому закону триединого процесса, включающий в себя три стадии: первичную простоту, переходящую в «цветущую сложность», которая далее перевоплощается во вторичное «упростительное смешение», являющееся неизбежным перерождением [7, с. 318; 6, с. 397]. На данном законе строится «органическая критика» общества и культуры. С точки зрения К. Н. Леонтьева, он судит историю не со стороны экономического прогресса или роста народного благосостояния, а напротив, эстетически. Его главный и важный тезис о том, что принято называть прогрессом – демократизация, равенство, свобода, – на самом деле является эстетической деградацией, то есть движением от «цветущей сложности» к унылому «вторичному упрощению», и кажется вызывающе для его эпохи. История, по мнению К. Н. Леонтьева, не имеет ни моральной, ни экономической цели – ее цель сугубо эстетическая. Движущая сила истории – это стремление к идеалу «цветущей сложности» [7, с. 318]. Человечество развивается не для того, чтобы стать счастливее, а для того, чтобы однажды достичь пика своей красоты [6, с. 397].

Что же такое «цветущая сложность»? Это состояние, которого народы и государства достигают на пике своего развития [7, с. 318]. Это период высшего расцвета культуры, время жесткой социальной иерархии, ярких контрастов между разными слоями общества, напряженной, кипящей жизни [6, с. 397]. В этот момент культура достигает максимального разнообразия и внутренней напряженности, в ней ярко проявляется неравенство [1, с. 11]. Именно эти контрасты, по мысли К. Н. Леонтьева, создают ту самую сложность, которая и есть истинная красота [7, с. 318]. Искусство в такую эпоху также достигает наивысшего расцвета. «Цветущая сложность» служит главным доказательством того, что красота является не просто украшением истории, а ее подлинной целью и смыслом [5, с. 896]. К. Н. Леонтьев предлагает совершенно иной критерий оценки исторических эпох: эпоха чем значительнее, тем она красивее [7, с. 318]. А красивее она тогда, когда в ней больше разнообразия, напряженности и контрастов [6, с. 397].

Обратная сторона исторического развития – движение к равенству и упрощению, которое ведет ко «вторичному смешению». Это состояние К. Н. Леонтьев отказывается называть прогрессом. Напротив, это регресс, эстетическая деградация и агония [4, с. 44]. Современная К. Н. Леонтьеву Европа с ее буржуазными ценностями, культом «среднего человека» и всеобщей уравнительностью нахо-

дится, по его убеждению, именно на этой стадии [5, с. 896]. Европа становится все более справедливой, демократичной и комфортной, но при этом является скучной, безжизненной и уродливой [5, с. 896]. Справедливость наступила, но красота умерла [7, с. 318]. Мыслитель переворачивает привычную шкалу ценностей: то, что либералы называют прогрессом, он называет умиранием; то, что они называют отсталостью – иерархия, неравенство, сословные различия, - он называет расцветом [7, с. 318]. Для него Россия с ее крестьянами, дворянами и царем эстетически выше, чем безликая буржуазная Франция или Англия [5, с. 896]. В этом перевороте – суть его консервативного эстетизма, который до сих пор вызывает споры: одни видят в нем пророческую критику современного общества потребления, а другие – опасную апологию насилия и неравенства.

Одной из самых сложных проблем философии К. Н. Леонтьева является соотношение двух, казалось бы, исключающих друг друга начал, которые боролись в его личном и философском опыте [3, с. 185]. С одной стороны, это «эстетическое начало» – языческая любовь к земной красоте, полноте жизни, ярким формам и краскам. С другой стороны, «аскетическое начало» – христианский страх за спасение души, призыв к отречению, дисциплине и подавлению плоти [2, с. 150–160]. Гармония здесь понимается К. Н. Леонтьевым не как примирение или компромисс, а как удержание двух противоположных полюсов в состоянии постоянного живого напряжения [2, с. 185]. Он не выбирает между эстетикой и аскетикой, а одновременно утверждает то и другое [8, с. 87]. Более того, он находит подлинную красоту в строгости, дисциплине и подвиге отречения, чрезмерно идеализируя сам аскетизм [5, с. 896]. Для него православный монастырь с его жестоким уставом, строгой иерархией и подавлением личной воли – это тоже «цветущая сложность», только уже в духовной сфере [7, с. 318].

Философ подходит к двойственному и одновременно внутренне непротиворечивому выводу о том, что истинная красота невозможна без ее строгой дисциплины и аскезы, а подлинная аскеза сама по себе прекрасна [4, с. 41]. Очевидно, в этом возникшем напряжении, находящемся между любовью к миру и отказом от него, рождается та самая «цветущая сложность» [3, с. 185]. По мнению К. Н. Леонтьева, христианство не отменяет эстетику, а придает ей высший и окончательный смысл [5, с. 896].

Философия К. Н. Леонтьева имеет своих предшественников, оппонентов и последователей. Рассмотрение всех имеющихся взаимосвязей позволяет лучше понять неповторимость подхода философа в русской мысли [2, с. 10–20]. К. Н. Леонтьев, считая себя учеником Николая Яковлевича Данилевского, развил его теорию о культурно-исторических типах [5, с. 896]. Н. Я. Данилевский утверждал, что цивилизации подобны живым организмам: они рождаются, достигают расцвета и затем неизбежно погибают [4, с. 30]. К. Н. Леонтьев добавил к этому утверждению эстетическое измерение, превратив органический «расцвет» в «цветущую сложность», а «умирание» – во «вторичное смесительное упрощение» [7, с. 318]. Можно сказать, что К.Н. Леонтьев эстетизировал органическую теорию Н. Я. Данилевского, придав ей более жесткое и одновременно более изящное очертание [6, с. 397]. У Н. Я. Данилевского расцвет цивилизации – это биологический факт, а у К. Н. Леонтьева – эстетический идеал [4, с. 35]. В то же время К. Н. Леонтьев выступил как резкий оппонент Федора Михайловича Достоевского. Он обвинял великого писателя в так называемом «розовом христианстве», то есть в излишнем гуманизме, вере в изначальную доброту человека и всепрощение [5, с. 896]. Ф. М. Достоевский верил, что красота спасет мир и в конечном счете в человеке побеждает добро. К. Н. Леонтьев считал это опасным заблуждением,

поскольку мир не станет лучше от добрых чувств, а красота – это не спасение, а то, ради чего стоит жить, даже если она жестока [8, с. 95]. Для самого К. Н. Леонтьева христианство – это прежде всего страх Божий, строгая дисциплина, аскеза и осознание греховности человеческой природы [2, с. 180]. Он ближе к суровому ветхозаветному пророку, чем к новозаветному проповеднику любви [3, с. 170].

Помимо Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьев критиковал Владимира Сергеевича Соловьева – за его экуменизм, то есть за стремление к объединению церквей, и слишком оптимистичный, прогрессистский взгляд на будущее человечества [8, с. 99]. В. С. Соловьев верил в мировую гармонию и соединение всех христиан. В то время как К. Н. Леонтьев видел в этом безличное «вторичное смешение», проявляющееся в смерти красоты и культуры [5, с. 896]. В сложившейся дискуссии с самыми яркими умами своей эпохи и создавалось парадоксальное и эстетизированное мировоззрение Константина Николаевича Леонтьева [2, с. 250].

Список литературы

1. Авдеева Л. Р. Принцип эстетизма в философии К. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2012. № 6. С. 3–16.
2. Бердяев Н. А. Константин Леонтьев: очерк из истории русской религиозной мысли. Париж : YMCA-Press, 1926. 268 с.
3. Володихин Д. М. Высокомерный странник. Философия и жизнь Константина Леонтьева. М. : Мануфактура, 2000. 185 с.
4. Коваленок А. А. Русская философия как мучительно-бесстрашное оправдание добра. Ч. 3. Основные персональные центры второй половины XIX века (Достоевский, Данилевский, Леонтьев, Герцен, Соловьев) // Кредо нью. 2019. № 3 (99). С. 9–48.
5. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство : сб. ст. М. : Эксмо, 2007. 896 с.
6. Леонтьев К. Н. Избранное: очерки, эссе. М. : Рарогъ : Московский рабочий, 1993. 397 с.
7. Леонтьев К. Н. Цветущая сложность: избранные статьи / сост., предисл., коммент. Т. М. Глушковой. М. : Молодая гвардия, 1992. 318 с.
8. Репников А. В. «Эстетический аморализм» в произведениях К. Н. Леонтьева // Эхо. 1999. Вып. 2. С. 85–107.

УДК 179:614.253

ЗАКОН И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Ольга Александровна Мартынова[1], Наталия Ивановна Бурушкина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]natalia.burushkina@yandex.ru

Аннотация. Приводятся теоретические основы медицинского эксперимента и выявляются этические нормы. Особая роль отводится основным документам, регулирующим права участника исследований. Приводятся примеры экспериментов в различных

областях медицины, не выходящие за границы этических рамок и доказывающие целесообразность использования различных клинических испытаний во врачебной практике.

Ключевые слова: биоэтика, медицинский эксперимент, права пациента, защита участников, этические принципы

Врачебная деятельность зачастую опирается на эксперименты, результаты которых не предсказуемы заранее. Иногда они приносят пользу, иногда – вред. Такие испытания не являются лишними. Без них невозможно развитие фармакологии и современных методов терапии. Даже если врач действует на грани неопределенности, он движется в сторону улучшения состояния пациента. С каждым годом рост технологий набирает стремительные обороты, но с ними растет и ответственность. Каждое новое устройство, лекарство или методика требуют проверки на реальных людях. Но проникновение в тело – это не просто технический акт, а акт доверия. Без этического контроля эксперимент может стать реальной опасностью для здоровья, перейдя из сферы научной работы в сферу насилия над человеком.

Цель настоящего исследования – выявить нормы, которые защищают пациента от потери автономии, достоинства и безопасности. Нет идеального эксперимента без этической рамки, нет прогресса без морали.

Медицинский эксперимент – это активное воздействие на живой организм, изменяющее течение физиологических и патологических процессов с целью достижения определенной цели исследования. Он служит для проверки гипотез, установления причинных связей между феноменами и получения новых знаний в медицине. Предварительные испытания часто ставятся на животных, но для проверки действия нового средства или метода на человеке необходим клинический эксперимент [4, с. 183]. Этические нормы, в свою очередь, служат буфером между научным прогрессом и моральным риском. Клиническое испытание – один из разновидностей эксперимента, проводимый на людях, реализация которого возможна только при полном соблюдении всех этических норм:

1. Принцип уважения личности. Участник вступает в исследование только после полного понимания его сути, рисков, потенциальной пользы, заключая договор информированного согласия [3, с. 31]. Для лиц, не способных самостоятельно давать согласие, таких как несовершеннолетние, а также пациенты с расстройствами психики, требуется одобрение законного представителя. Следует отметить, что первыми добровольцами часто становятся сами медики. Если бы не самоотверженность этих людей – медицина бы развивалась совершенно иными темпами. Так, в разгар эпидемии COVID-19, работая над вакциной против малоизученного на тот момент коронавируса SARS-CoV-2, сотрудники Центра Гамалеи проверили безопасность будущего «Спутника V» на себе. Вакцину вколол себе директор центра Александр Гинцбург, которому на тот момент было 69 лет, и его коллеги, авторы препарата. У участников тестирования не было серьезных побочных эффектов и впоследствии выработался хороший иммунный ответ.

2. Принцип равноправия. Выбор участников должен быть справедливым. Запрещено использовать уязвимые группы (например, заключенных или людей с низким уровнем дохода) в исследованиях с высоким риском, если результаты будут применяться преимущественно для тех, кто изначально обладал привилегиями.

3. Конфиденциальность. Персональные данные участников сохраняются в тайне. Доступ к информации минимизирован. Особое внимание уделяется генетическим и биомедицинским исследованиям с использованием биологических образцов, где данные обезличиваются и доступ к ним строго ограничивается.

4. Особое внимание уделяется защите детей, психически неполноценных пациентов, военнослужащих и других групп с повышенной уязвимостью. Любое исследование с их участием требует дополнительной оценки рисков и контроля со стороны этических комитетов [1, с. 29]. Так, известный многим эксперимент Лоретты Бендер с использованием электросудорожной терапии для лечения детей с проблемами социальных взаимодействий, сейчас считается крайне спорным и неэтичным методом.

5. Принцип достижение пользы. Помимо вышеперечисленного в клинических исследованиях необходима оценка баланса риска и выгоды для гарантии удовлетворяющего результата. Приведу пример случая из клинической практики, когда пациент обратился в одну из Пензенских больниц с диагнозом посттравматической культи. Врачами была разработана новая методика восстановления функциональности кисти, где возможная польза оправдывала риск, что и подтвердилось на практике: в итоге получен удовлетворительный результат [6, с. 61].

В России успешно проводятся медицинские эксперименты на человеке в разных областях: кардиологии, травматологии, хирургии и фармакологии. Эффективность испытаний подтверждается статистикой: в 2025 году выдано 632 разрешения на проведение клинических испытаний, что на 2,7 % больше, чем в 2024 году. При этом число международных многоцентровых клинических исследований увеличилось с 23 до 27 (на 17,39 %). Юридическая регламентация медицинских испытаний основывается на принципах защиты прав человека, обеспечения достоинства и физического благополучия участников [5, с. 67]. Медицинские эксперименты в России регулируются комплексом нормативных актов, включая Конституцию РФ, федеральные законы, подзаконные акты и международные документы, которые ратифицированы и учитываются в отечественной практике.

На базовом уровне правовую основу составляют Конституция и федеральные законы. В частности, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» – фундаментальный закон, задающий правовые рамки для всех медицинских вмешательств, включая исследования. Хотя в нем нет отдельной статьи «О медицинском эксперименте», он закрепляет ключевые принципы, имеющие прямое отношение к экспериментам: приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи, необходимость информированного добровольного согласия гражданина на любое медицинское вмешательство, а также право на отказ от медицинского вмешательства.

Важную роль играют и подзаконные акты, регламентирующие порядки проведения и экспертизы. Например, Постановление Правительства РФ от 30.11.2024 № 1684 утверждает правила признания компетентности медицинских организаций в проведении клинических испытаний медицинских изделий. Этот документ устанавливает строгие требования к больницам и центрам, желающим проводить такие испытания. К числу обязательных условий относятся: наличие лицензии на медицинскую деятельность, наличие стандартных операционных процедур (СОПов), регламентирующих проведение испытаний, наличие специалистов с высшим медицинским образованием, а также соответствие помещений и оборудования санитарным правилам.

Кроме того, российская практика учитывает международные стандарты, задающие этические и методологические ориентиры для медицинских исследований.

Нюрнбергский кодекс (1947 г.) - первый международный акт, определивший этические нормы в исследованиях с участием людей. Его ключевое требование – добровольное и информированное согласие участника, основанное на полном представлении о целях, длительности, методах, рисках и возможных последствиях эксперимента.

Хельсинкская декларация (1964 г.), разработанная Всемирной медицинской ассоциацией, - комплекс этических правил для проведения исследований. Согласно ей, исследования должны опираться на глубокое понимание научных основ, тщательно оцениваться с точки зрения рисков и выгод, иметь обоснованную вероятность положительного эффекта для группы пациентов. Их разрешено проводить только квалифицированным специалистам по утвержденным протоколам под контролем независимой этической комиссии. Особое внимание уделяется сохранению интересов участника даже после окончания исследования - в том числе обеспечению доступа к наиболее эффективному и проверенному лечению [2].

Бельмонтский доклад (1974 г.) формулирует три фундаментальных принципа: уважение к личности человека, забота о его благополучии и справедливое отношение к участникам исследований.

Таким образом, правовое регулирование медицинских экспериментов в России сочетает национальные законодательные нормы с международными этическими стандартами, обеспечивая защиту прав и интересов участников исследований.

Этика медицинского эксперимента – система сложной взаимосвязи норм, объединяющая правовые рамки, моральные требования и профессиональные стандарты [7, с. 275]. Ее основой служат принципы уважения к человеку, сострадания, справедливости и научной обоснованности. Международные документы – Нюрнбергский кодекс, Хельсинкская декларация и прочие, которые доказали свою эффективность в защите участников исследований, сформировав надежную основу для этического контроля на глобальном уровне. Их соблюдение становится обязательным условием проведения исследований в любой юрисдикции.

Истинная наука – не триумф разума над сердцем, а их гармония. Эксперимент без человечности – преступление, а человечность без науки – стагнация. Современные биомедицинские вызовы требуют постоянного пересмотра этических подходов и механизмов их реализации. Особое внимание нужно уделять защите прав уязвимых групп, обеспечению полной прозрачности процесса и развитию системы информированного согласия. Практика показала: соблюдение этических норм не мешает научному прогрессу – напротив, оно повышает достоверность результатов. Нарушение стандартов ведет к потере научной репутации и разрушению общественного доверия к медицине. Этика не является препятствием для научного развития – она его условие. Только при строгом соблюдении высоких этических норм можно сбалансировать достижения науки с защитой прав человека. Это основа устойчивого прогресса медицины в XXI веке.

Список литературы

1. Волкова Е. И., Хапсирокова Е. А. Биомедицинские экспериментальные исследования с участием человека: этические и правовые аспекты // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 4. С. 28–33.

2. Всемирная медицинская ассоциация. Хельсинкская декларация ВМА : этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта [принята 18-й Генеральной ассамблеей ВМА, г. Хельсинки, Финляндия, июнь 1964 г.] : посл. редакция одобр. 64-й Генеральной ассамблеей ВМА (г. Форталеза, Бразилия, октябрь 2013 г.). URL: http://arctica-ac.ru/docs/Redactsia/WMA%20Declaration_Helsinki_RUS.pdf

3. Кубанов А. А., Жукова О. В. Информированное добровольное согласие: реалии и перспективы в клинической практике / // Медицинское право. 2023. № 1. С. 28–33.

4. Гаджимагомедова З. М. Морально-этические проблемы проведения клинических испытаний и экспериментов на человеке // Клиническая медицина. 2023. № 10. С. 183–186.

5. Хохлов А. Л., Полозова Е. А., Комиссарова В. А. [и др.]. Риски, сопряженные с этическими аспектами проведения клинических исследований // Качественная клиническая практика. 2020. № 1. С. 61–68.

6. Сиваконь С. В., Митрошин А. Н. Способ реконструкции пальцев кисти кожно-жировым лоскутом с аутотрансплантатом кости // Вестник травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова. 2016. № 3. С. 57–62.

7. Абдулаева З. Э., Вагабова Н. М. Этика современных медицинских исследований // Философская антропология. Философия культуры. Социальная философия. 2023. № 4. С. 272–277.

УДК 177.1

ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОНФУЦИАНСТВА В МЕДИЦИНЕ: КАК ЗАВЕТЫ УЧИТЕЛЯ ВЛИЯЮТ НА СОВРЕМЕННОЕ ВРАЧЕВАНИЕ

Ольга Александровна Мартынова[1], Фатима Исабалаевна Идрисова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]f.idrisova05@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются одно из ключевых понятий, введенных Конфуцием, «благородный муж», важнейшие составляющие его: гуманность (жэнь); благопристойность (ли); справедливость (и); мудрость (чжи) и верность (син). Все эти качества должен иметь и врач: ему следует быть внимательным к жалобам, хорошим слушателем, ставить комфорт пациента превыше своего. Соблюдение заветов Учителя повышает качество лечения.

Ключевые слова: Конфуций, гуманность, благопристойность, врач, качества

Конфуций (в первоисточниках часто встречается Кун-цзы т.е. «учитель Кун») жил в 551–479 гг. до н.э. во времена правления династии Чжоу. Между исторической эпохой великого Учителя и нашей современностью прошло около трех тысячелетий, но заветы, данные мудрецом тогда используются во врачебной практике до сих пор. Вероятно сами того не подозревая, доктора каждый день стремятся следовать советам Конфуция.

Одно из ключевых понятий конфуцианства «благородный муж». Это идеальный государственный деятель или просто гражданин, который обладает как минимум пятью необходимыми качествами: гуманностью (жэнь); благопристойностью или этикетом (ли); справедливостью (и); мудростью (чжи) и верностью (син). Стоит отметить, что все эти понятия многогранны, каждое из них содержит в себе еще ряд характеристик.

Все эти категории составляют портрет не только идеального государственного деятеля, но и хорошего доктора, поскольку входят в понятие врачебной этики и деонтологии. Для того, чтобы действительно оказывать помощь людям, врачу нужно быть не только квалифицированным специалистом, но и чутким слушателем, приятным собеседником. Необходимо проявлять участливость и оказывать поддержку пациенту во время беседы, чтобы пациент чувствовал себя уве-

ренно. Это способствует комфортному самоощущению больного во время приема и помогает повысить эффективность лечения: «Гуманный человек благодаря гуманности обретает спокойствие, мудрый извлекает из нее пользу» [5, с. 327].

Расхожее выражение «врач лечит не только делом, но и словом» содержит в себе напоминание докторам следовать «жэнь», т.е. проявлять гуманность к пациенту. Вероятно, это основное правило деонтологии. В медицине существует необъятное множество этически сложных вопросов, но к решению любого из них специалисту следует подходить с позиции любви к людям. Особенно часто такое понятие используют в своей практике врачи хирургической направленности. Так, когда встает вопрос об ампутации конечности, учитывается в том числе и прогноз пациента. Выясняется, сохранит ли такой больной способность работать, сможет ли обслуживать себя самостоятельно и т.п. Если хирурги оценивают трудовой прогноз как неблагоприятный, собирается врачебный консилиум, на котором специалисты рассматривают другие возможные варианты лечения. Если же ампутации избежать не удается (например, из-за быстрого прогрессирования патологического процесса в конечности, возникновения риска осложнений, распространения патологии на другую конечность и др.) операционная бригада выбирает щадящую тактику, т.е. старается сохранить конечность максимально целой, производя отсечение насколько возможно низко. Далее по назначению врача такие пациенты проходят обязательную реабилитацию, чтобы сохранить привычный уровень комфорта жизни.

Принципа гуманности доктора придерживаются при выборе тактики лечения в любой медицинской специальности [4]. Например, акушеру-гинекологу значительно проще и быстрее проводить родоразрешение посредством операции кесарева сечения. Такое вмешательство занимает меньше времени, поскольку проведение кесарева сечения требует в среднем 30–40 минут, тогда как продолжительность естественных родов от первых схваток до рождения малыша может занимать 14–16 часов. Кесарево сечение можно провести планово, в условиях подготовленной операционной, в удобный доктору час, тогда как точное время начала естественных родов предугадать невозможно. При кесаревом сечении от роженицы не требуется приложения никаких физических усилий, она не будет испытывать болевых ощущений. Иначе говоря, акушеру было бы легче планово, по расписанию осматривать каждую пациентку и устанавливать удобное время родов. Однако в клинической практике такие случаи большая редкость. Это связанно с тем, что доктор думает не о своем комфорте, а о том, как его решение отразиться на пациентке. Акушеры знают, что после кесарева сечения молодые мамы тяжелее восстанавливаются, что наличие рубца на матке может увеличивать риск развития новообразований, в том числе злокачественных. После оперативного родоразрешения более высокий риск возникновения осложнений, а значит и наблюдать таких пациенток в условиях стационара необходимо дольше, что в свою очередь увеличивает риск заражения внутрибольничными инфекциями. Таким образом, следуя принципу «жэнь» доктора всегда действуют из интересов пациента, стараясь добиться благоприятного прогноза для любого больного. Учитель подчеркивал необходимость этого качества: «Если благородный муж утратит человеколюбие, то можно ли считать его благородным мужем? Благородный муж обладает человеколюбием даже во время еды. Он должен следовать человеколюбию, будучи крайне занятым. Он должен следовать человеколюбию, даже терпя неудачи» [5, с. 327].

Не менее важно в медицинской практике соблюдение «ли». В зависимости от контекста, это понятие может переводиться как благопристойность, вежливость, этикет, ритуал. Учитель использовал «ли» как характеристику благородно-

го мужа, стоящего во главе страны, т.е. правителя: «Учитель сказал: „Можно ли управлять государством с помощью вежливости? Не возникнут ли трудности? Но если не придерживаться вежливости в управлении государством, то будут ли существовать правила?“» [1, с. 83]. То же применимо и к медицине. Доктор может общаться с пациентом свысока, рассчитывая на то, что больной откроется ему из уважения профессии или страха перед «белым халатом». На практике же каждый поход к врачу для среднего человека, не являющегося постоянным посетителем поликлиник и госпиталей, всегда стресс. Люди боятся осуждения врачей, стесняются своих заболеваний, не готовы делиться некоторыми подробностями своей жизни, которые могут оказаться ключевыми для постановки диагноза. Именно поэтому специалисту необходимо общаться с пациентом вежливо, спокойно и уважительно. Соблюдение этикета в повседневных вещах (поздороваться, когда пациент входит в кабинет; предложить стул; слушать, не перебивая), задает беседе благоприятный тон, настраивая больного на успешное взаимодействие с врачом. Когда пациент спокоен и готов открыто отвечать на вопросы, сбор анамнеза облегчается, а его информативность значительно возрастает, что в итоге приводит к верному подбору терапии и скорому выздоровлению обратившегося за помощью человека. Конфуций подтверждает целесообразность применения «ли» в жизни: «Почтительность без ритуала приводит к суетливости; осторожность без ритуала приводит к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямота без ритуала приводит к грубости» [5, с. 355].

Как уже упоминалось, некоторые пациенты могут стесняться своих заболеваний или симптомов, которыми последние проявляются. В таких случаях врачу также необходимо вспомнить заветы Конфуция и воспользоваться понятием «и» - справедливость. Любой пациент, с какими бы жалобами он не обратился, должен быть опрошен, осмотрен и проинструктирован о дальнейшем лечении. Исключения не составляют ни ВИЧ-положительные, ни страдающие алкоголизмом, ни пациенты с заболеваниями, передающимися половым путем. Любой группе больных должна быть оказана надлежащая помощь, поскольку именно это является первостепенной задачей врача: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду» [5, с. 330].

Понятие «и» нашло прямое отражение в основных принципах медицинской этики. Авторы выделяют 4 таких принципа, одним из которых является принцип справедливости. Единственным критерием справедливости по отношению к больному являются состояние больного и его потребность в медицинской помощи [3, с. 71], т.е. доктор не должен оказывать больше внимания пациенту, проходящему обследование в частном порядке с отдельной оплатой, чем больному, обратившемуся по полису ОМС. Уровень заработка пациента, его политические взгляды, степень образования больного не может оказывать влияния на выбор тактики лечения и не влияет на его прогноз.

Ни один доктор в своей практике не обходится и без понятия «чжи» – мудрость, благоразумие, рассудительность. В «И Цзин» (Книге перемен) мудрость определяется как «способность остановиться, увидев впереди пропасть». Этот принцип учит клиницистов обращать внимание на каждую деталь состояния пациента, чтобы предотвратить нежелательные последствия.

Современный специалист работает по клиническим рекомендациям [2, с. 7]. Они представляют собой подробное руководство, на основании которого проводится обследование и назначается лечение. Однако врачу стоит помнить, что представленная информация носит рекомендательный характер и при назначении должна быть адаптирована под индивидуальные потребности каждого пациента. Так, например, при остром бронхите рекомендовано назначение сульфа-

ниламидов. Прежде чем выписать такой препарат, врачу необходимо удостовериться, что у больного нет противопоказаний для применения данного лекарственного средства (например, выраженной аллергической реакции), в этом случае специалист может быть уверен в правильности и безопасности своих назначений. Про важность мудрости Конфуций говорил: «Обладая человеколюбием, он не печалится; будучи мудрым, он не сомневается; будучи смелым, он не боится» [5, с. 407].

Таким образом, в процессе врачевания важную роль играет духовная составляющая. Для успешного лечения пациенту необходимо слушать врача, выполнять все его рекомендации и честно рассказывать о своем состоянии. Доверительные отношения с пациентом можно построить, придерживаясь законов этики и деонтологии, берущих начало из понятий, выведенных Конфуцием в качестве характеристик «благородного мужа». Неаккуратное слова или действие врача может нанести серьезный урон как психическому, так и физическому здоровью пациента, поэтому принципы этики должны неукоснительно соблюдаться. В книге кодекса китайских врачей «Тысяча золотых лекарств» по этому поводу есть точное замечание: «Тот, кто следует этим правилам, – великий врач, в противном случае – он великий негодяй».

Список литературы

1. Каидзука С. Первый учитель Поднебесной. М. : Центрполиграф, 2002. С. 178.

2. Ковалева М. Ю., Сухоруков О. А. Клинические рекомендации. История создания и развития в Российской Федерации и за рубежом // Экспертная зона: путеводная нить рекомендаций. 2019. № 1. С. 6–15.

3. Саперов В. Н. Биоэтика или медицинская этика? Основные принципы медицинской этики // Клиническая медицина. 2012. № 8. С. 69–73.

4. Утемуратова Д. Ш., Мамбетназарова Т. Т. О медицинской этике и деонтологии // Экономика и социум. 2020. № 5 (72). С. 286–289.

5. Конфуций. Лунь Юй / пер. с древнекит. Л. С. Переломова. М. : Восточная литература, 1998. 588 с.

УДК 7.01:796.412.2

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГИМНАСТИКА КАК ФЕНОМЕН ЭСТЕТИЧЕСКОГО

Ольга Александровна Мартынова[1], Алсу Маратовна Юсупова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]Alsu0506@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается художественная гимнастика как объект эстетического. Данный процесс происходит путем связывания важных характеристик эстетического с чертами указанного вида спорта. Рассматривается воздействие упражнения на зрителя, который является в данной ситуации субъектом эстетики. Анализируются принципы искусства, применимые в данном виде спорта.

Ключевые слова: эстетика, художественная гимнастика, эстетическое, катарсис, мимесис, художественный образ

Эстетика представляет собой сложное понятие, в сущностно-метафизическом смысле обозначающее некое специфическое духовное пространство, в котором человек приобретает высшую форму бытия, ощущение полной или частичной принадлежности к данному бытию [1, с. 45].

Эстетика как наука возникла с целью поиска значения одной из самых глобальных ценностей, обозначаемой понятием красота или прекрасное.

Эстетическое, в свою очередь, представляет собой наиболее общую категорию эстетики, объединяющую воедино все семейство эстетических категорий. Чаще всего под эстетическим подразумевается субъект-объектное отношение, в котором представление об объекте и его восприятие сопровождается бескорыстием [2, с. 23].

Объект и субъект в философии являются парой соотносительных категорий, одна из которых является тем, на что направлена активность другого, в то время как второе обозначается носителем и источником данной активности. Кроме того, важно отметить, что каждое из данных понятий может иметь свое значение только в отношении к другой.

Так, в качестве объекта может выступать любой чувственно воспринимаемый элемент. В художественной гимнастике данным объектом является само выступление, представляемое зрителям - субъектам. Чтобы объект мог называться эстетическим, он должен следовать двум основным условиям. Первое из них представляет собой стремление направить субъект именно на эстетическое восприятие. Второе же подразумевает наличие определенных специфически эстетических характеристик и качеств. К таковым можно отнести симметрию, гармонию, пропорциональность, а также пластические, ритмомелодичные характеристики, принципы образного или символического изображения [5, с. 132].

Значимой эстетической категорией является катарсис. Он представляет собой высший или оптимально духовно-эмоциональный результат эстетического воздействия искусства на человека, которым завершается его понимание. Данный термин возник еще в античной культуре и подразумевал некоторый процесс «очищения» души от вредных страстей. Объекты эстетического воздействуют на человека, возбуждая его психику. Данное действие порождает аффекты, в результате чего возникает ощущение очищения и облегчения, связанное с удовольствием.

Художественная гимнастика своими упражнениями воздействует на зрителя, вызывая у него внутренние потрясения, просветление и освобождение от всего негативно влияющего. Она не просто рассказывает различные исходы тех или иных событий, отображаемых посредством выполнения танцевальных элементов. Выступление напрямую воздействует на своего субъекта посредством визуального содержания, усиливающегося акцентами музыкального сопровождения [3, с. 47].

Красота и прекрасное являются не менее важными понятиями эстетического. При этом важно отметить, что прекрасное – это характеристика субъект-объектных отношений, в то время как красота является характеристикой только эстетического объекта.

Красота эстетического есть принципиально невербализуемое выражение глубинных элементов закономерности бытия, жизни, духовной или материальной реальности. Данное понятие является необходимым условием внедрения эстетического в понимании прекрасного. При отсутствии красоты не существует и прекрасное. При этом наличие красоты является не единственным фактором, влияющим на реализацию прекрасного. Само событие прекрасного характеризуется отсутствием какой-либо корысти и стремления, направленного на извлечение материальной выгоды. Оно определяется всеохватывающим видением той совокупности, что стоит за эстетическим объектом и выражением которой он является.

Художественная гимнастика содержит в себе многие аспекты красоты. Плавность линий обеспечивается определенными элементами выступления, которые сменяясь, обеспечивают перетекание одной формы в другую. Пропорциональность помимо присваивания телу и предмету определенного положения в пространстве достигается также в групповых упражнениях заниманием каждым человеком своей точки на ковре, что в отношении друг с другом создает определенные рисунки, характеризующиеся точностью и соразмерностью. Красота также выражается через музыкальное сопровождение, несущее в себе черты для придания зрителю определенных эмоций. Помимо этого, немаловажным являются купальники гимнасток, которые позволяют прочувствовать настроение представляемого выступления и в полной мере ощутить на себе влияние прекрасного [4, с. 112].

Уже с античности философия явно показала, что основу искусства составляет мимесис – специфическое и разнообразное подражание.

В художественной гимнастике мимесис достигается различными способами. Во-первых, он достигается созданием уникальных фигур при взаимодействии гимнасток между собой и выполнении поддержек. Данные фигуры могут быть как обтекаемыми, выражающими подобие чего-то нежного и мягкого, так и острыми, придающими дерзость и стремительность к чему-либо. Важно отметить, что данные качества можно проследить на протяжении всего выступления. Некоторые элементы могут быть резкими и характеризовать отвагу, решительность, мужество, безрассудность. Другие же будут иметь более округлую форму и исключать наличие «острых» частей. Данные фигуры будут описывать спокойствие, смирение, теплоту и женственность.

Музыкальное сопровождение имеет не менее важную роль в поддержании мимесиса. При создании опасного, напряженного или угрожающего будет использоваться аккомпанемент с четкими акцентами. Если же целью является отображение мирного и умиротворенного, то звуковое сопровождение будет более мягким и плавным, с отсутствием чего-то резкого и пронзительного.

Данные элементы всегда действуют совместно друг с другом, создавая полноценную картину описываемого процесса или образа. Использование данных элементов вместе лишь сильнее усиливает воздействие каждого из них на субъект эстетического.

Художественный образ представляет собой образ, связанный с искусством, являющийся его целью и основой, сущностным ядром произведения. Это специально создаваемый в процессе творческой деятельности по специфическим канонам феномен, обладающий своей уникальной природой. Художественный образ является динамическим сложным процессом освоения человеком бытия, что заложено в том или ином объекте эстетического. Он предполагает наличие объективной или субъективной реальности, не всегда четко совпадаемой с сознанием автора, но дающей толчок к пониманию того, что хотел показать создатель данного объекта.

В художественной гимнастике, как и в других областях прекрасного, возникший образ имеет в себе некоторые образные ступени – под-образы – образы более локального характера, из которых уже складывается единое произведение. То есть образ является сложной системой, внутри которой при помощи искусствоведческого анализа можно выделить ряд более мелких образов. Данная структура позволяет сильнее приблизиться к пониманию бытия, изложенному в данном объекте эстетического. Однако наиболее целостный художественный образ возникает только при достаточно совершенном исполнении всех структур данного объекта.

Безусловно, важными элементами создания художественного образа в гимнастике являются создание форм и настроений при помощи элементов, взаимодействий между выступающими, музыкального сопровождения и купальников гимнасток. Однако выполнение и представление данных компонентов еще не будут иметь прямого отношения ни к целостному художественному образу, ни к отдельным его частям. Ведь данное понятие складывается в духовном мире зрителя на основе множества визуальных и иных элементов упражнения [3, с. 49].

Несомненно, конкретно воплощенные на ковре визуальные образы играют существенную роль некоторого грандиозного смыслового импульса, дающего направление и характер развитию художественного образа. Однако, если перед нами действительно настоящее произведение искусства и объект эстетического, то вся масса импульсов стекается в одну общую и целостную картину, возникающую в духовном мире субъекта.

Еще одной значимой в философии искусства категорией является стиль. Ему уделяется особой внимание как одной из главных и сущностных характеристик культуры, ее определенных эпохальных этапов.

В художественной гимнастике при создании определенного целостного образа внимание обращают также на временной период событий, которые хотят изобразить, а также на географическое расположение той местности, на которой происходят те или иные явления, отражающиеся в данном объекте. Достижение конкретизации при создании художественного образа достигается при использовании определенных стилей танца и жанров музыки. Данное событие позволяет не просто указать на то, когда происходили события, изображаемые гимнастками, но и создать наиболее точный художественный образ, позволяющий в полной мере ощутить все эмоции и настроение, которое стремились передать хореографы и выступающие.

Все, что может быть описано словами, в произведении искусства относится или к его художественной форме или к внехудожественным уровням произведения, которые хоть и трудно отделимые от художественных, но не являются ими в связи со своей вербальной описуемостью. Художественная форма представляет собой некоторую систему организации внутреннего содержания объекта, которая полностью функционирует в качестве чувственно воспринимаемой. Однако многие ее уровни в какой-либо степени могут быть подвержены описаниям. Границу между такими понятиями как форма и содержание в каждом произведении трудно устанавливаемая. Это связано с тем, что как только мы бросаем свой взгляд на объект, мы начинаем уже генерировать содержание в своем душевном мире, которое создается при помощи формы. Таким образом, отделение понятия формы и содержания представляется практически невозможным [2, с. 27].

В художественной гимнастике зритель, как субъект, на которого оказывается воздействие, глядя на элементы и создаваемую при помощи них форму, мгновенно начинает дорабатывать данный образ и характеризовать данный объект в душевном мире. Бросить взгляд на форму и не связывать ее с содержанием, не подвергать обработке в качестве части эстетического представляется невозможным, ведь данные два понятия имеют крепкую связь, которую довольно сложно разорвать [1, с. 48].

Таким образом, художественная гимнастика как объект эстетического оказывает огромное влияние на зрителя, который в данной ситуации выступает субъектом. Данное воздействие оказывается путем создания определенного художественного образа, который в свою очередь достигается путем создания конкретной формы в каждом элементе. Помимо использования элементов и четких взаимодействий между гимнастками немаловажную роль имеет и музыкальное сопровождение, которое завершает создание предполагаемого объекта эстетического.

Список литературы

1. Иванова А. В. К вопросу о сущности эстетического в современной философии // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2019. № 4. С. 44–51.

2. Кузнецова О. А. Бескорыстность как признак эстетического отношения // Эстетика сегодня. 2021. № 1. С. 22–29.

3. Морозова Е. И. Катарсис и художественный образ в художественной гимнастике // Спорт, искусство, образование. 2021. № 3. С. 45–52.

4. Павлова А. А. Костюм как средство художественной выразительности // Дизайн и спорт. 2021. № 1. С. 110–117.

5. Федорова Н. А. Симметрия и гармония в эстетическом анализе // Эстетический журнал. 2020. № 2. С. 131–139.

УДК 17.023.1

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

Виктория Сергеевна Колесникова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

vikakolesnikova.663@icloud.com

Аннотация. Анализируются этические дилеммы трансплантологии, связанные с размытыми границами между жизнью и смертью. Особое внимание уделяется решению конфликта между медицинским принципом «не навреди» и необходимостью спасения жизни реципиента. Также рассматриваются проблемы дефицита донорских органов, критерии их справедливого распределения и моральные риски механизированного отбора пациентов. Описаны возможные пути решения проблемы – ксенотрансплантация, искусственные органы. Также анализируются различные отношения религий к трансплантологии.

Ключевые слова: трансплантология, донор, реципиент, этические дилеммы, справедливость, религиозные аспекты

Трансплантация – это процедура пересадки органов или тканей от одного человека к другому. Тут возникает вопрос: где проходят границы между личностью и телом другого человека? Кто имеет право решать, кто может жить, а кто – умереть?

Жизнь и смерть – в этом контексте понятия становятся гибкими. Кто решает когда наступает смерть – отсутствие сердечной активности или полная потеря функций мозга? Ответ на этот вопрос меняет отношение к донорству, превращая его из медицинской процедуры в этическую задачу. Выбор человека, желающего стать донором должен быть осознанным, а его автономия – уважаемой. Иногда согласие берется не по воле, а по умолчанию. Все больше пациентов выживают благодаря органам, полученным после клинической смерти мозга. А еще – погружение в ксенотрансплантацию: пересадка органов животных к человеку. Технологии идут быстрее этических институтов – и это создает трещины в правовой и моральной системе. Ресурсы ограничены. Желающих получить трансплантацию – гораздо больше, чем есть доноров. И даже если решение принимается по медицинским показателям, за ним стоит риск стать свидетелем механизированного отбора жизней [1, 2].

Сложность вопроса заключается в тесном сочетании двух критериев – медицинского и юридического. Актуальность проблемы пересадки органов в клинической практике обусловлена и тем, что в каждом случае она связана с решением судеб двух людей – донора – человека, который может отдать свои органы или ткани для пересадки – и реципиента – лица, нуждающегося в такой пересадке.

В последнее время все больше и больше отходят от пересадки органов и тканей от живых доноров, используя для пересадок органы и ткани умерших людей [3]. Проблема заключается в том, что органы и ткани для пересадки должны быть взяты от трупа как можно быстрее, сразу же после наступления биологической смерти. И вот здесь возникает один из самых основных и сложных вопросов: что считать моментом смерти и как его установить?

Ст. 9 Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 определяет момент смерти, как констатацию необратимой гибели всего головного мозга, установленной в соответствии с процедурой, утвержденной Министерством здравоохранения Российской Федерации [5].

Но, согласно Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанность государства (ст. 2). К числу неотъемлемых прав относится и закрепленное ч. 1 ст. 22 Конституции РФ право на личную неприкосновенность, исключающее незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле.

Однако из Определения Конституционного суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»» от 4.12.2003 г. следует, что данная статья не нарушает конституционные права граждан, поскольку базируется на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти близкого человека либо непосредственно перед операцией или иными мероприятиями лечебного характера вопрос об изъятии его органов (тканей).

Еще в 1987 году на тридцать девятой сессии Всемирной Медицинской Ассамблеи была одобрена Декларация по трансплантации человеческих органов. В данном документе было подвергнуто резкому осуждению коммерческое донорство. В 1991 году сорок четвертая сессия ВОЗ одобрила эти принципы и рекомендовала государствам пользоваться ими при выработке политики в данной области. Основные положения данных принципов сводятся к следующему:

1. Человеческий орган может изыматься из тела умершего, если получено разрешение, предусмотренное законом, и нет оснований полагать, что при жизни человек не был согласен стать донором.

2. Человеческий орган должен изыматься, в основном, у трупа (живыми донорами могут быть исключительно родственники)

3. Нельзя изымать органы у детей за исключением регенерирующих тканей.

4. Тело человека и его части не могут быть объектом купли-продажи.

19 ноября 1996 года Комитетом Министров Совета Европы была принята Конвенция Совета Европы «О защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины». Данный правовой акт призван защищать достоинство и индивидуальную целостность человека и гарантировать соблюдение неприкосновенности личности и других прав и основных свобод в связи с применением достижений биологии и медицины.

Известно, что все мировые религии сохраняют почтительное отношение к телу покойного.

В христианстве мертвое тело остается пространством личности. Утрата почтения к умершему, в частности, нанесение повреждений телу, влечет за собой в конце концов потерю уважения к живущему. Прагматическое использование трупов в медицине влечет за собой усиление потребительского отношения к человеку. Трансплантация органов от живых доноров не менее проблематична в этическом плане, чем превращение умершего человека в донора. Нравственно ли продлевать жизнь на какое-то время ценою ухудшения здоровья, сознательной травматизации и сокращения жизни здорового донора?

Проблема забора органов и тканей. Пересадка органа от живого донора сопряжена с причинением вреда его здоровью. В трансплантологии соблюдение этического принципа «не навреди» в случаях, когда донором является живой человек, оказывается практически невозможным. С одной стороны, пересадка органа – это спасение жизни человеку т.е. является благом для него. С другой стороны, здоровью живого донора данного органа причиняется значительный вред, т.е. нарушается принцип «не навреди», причиняется зло [6–13].

Проблема дефицита донорских органов решается различными путями: идет пропаганда пожертвования органов после смерти человека с прижизненным оформлением согласия на это, создаются искусственные органы, разрабатываются методы получения донорских органов от животных, создания искусственных органов на основе достижений биоэлектроники и нанотехнологий. Создание и использование искусственных органов – первое направление в трансплантологии, в котором начала решаться проблема дефицита донорских органов и других проблем, связанных с забором органов у человека, как живого, так и мертвого [4].

Ксенотрансплантация в настоящее время является одним из путей решения проблемы дефицита донорских органов. Идея использования животных в качестве доноров основана на мнении о том, что животное является менее ценным живым организмом, чем человек. Против этого возражают сторонники защиты животных. В то же время, человек на протяжении многих тысячелетий убивает животных для удовлетворения своих потребностей в пище, одежде и т.п.

Значительной этико-психологической проблемой является принятие личностью органа животного как своего, осознание своего организма как целостного, истинно человеческого даже после пересадки в него какого-либо органа животного.

Терапевтическое клонирование органов и тканей – это возможность создания донорских органов на основе использования генетических технологий. В настоящее время активно проводятся эксперименты по получению в искусственных условиях хрящевой, мышечной и других тканей.

Проблема распределения донорских органов актуальна во всем мире и существует как проблема дефицита донорских органов. Распределение донорских органов в соответствии с принципом справедливости решается путем включения реципиентов в трансплантологическую программу, основанную на практике «листов ожидания». «Листы ожидания» представляют собой списки пациентов, которым необходима пересадка того или иного органа с указанием особенностей состояния его здоровья. Проблема в определенной степени решается путем совершенствования методов иммуносупрессивной терапии, но все еще остается очень актуальной.

Проблемы трансплантологии в религиозном аспекте. Русская Православная Церковь считает, что органы человека не могут рассматриваться как объект купли и продажи. Пересадка органов от живого донора может основываться только на добровольном самопожертвовании ради спасения жизни другого человека. Морально недопустима эксплантация, прямо угрожающая жизни донора. Неприемлемо сокращение жизни одного человека, с целью продления жизни другого. По-

смертное донорство органов и тканей может стать проявлением любви, простирающейся по ту сторону смерти.

Римско-католическая церковь считает, что донорство в трансплантологии – это акт милосердия и нравственный долг. Католическая Хартия работников здравоохранения оценивает трансплантологию как «приношение части себя, своей крови и плоти, дабы продолжали жизнь и другие». Католицизм допускает пересадку органов и переливание крови в том случае, если нет альтернативных средств лечения для сохранения жизни пациента. Донорство допускается только на добровольной основе.

В иудаизме к телу человека относятся с большим уважением даже после его смерти. Тело умершего человека нельзя вскрывать. Брать органы для трансплантации можно только при условии, что человек сам перед смертью разрешил это и семья при этом не возражает. При заборе органов особое внимание должно уделяться тому, чтобы тело донора не было изуродовано.

В буддизме пересадка органов считается возможной только от живого донора при условии, что это было даром больному.

Совет Исламской академии правоведения на своей четвертой сессии в 1988 г. принял Постановление № 26 (1/4) по проблемам трансплантации органов живого и умершего человека. Существенным условием проведения трансплантации от живого донора является наличие у трансплантата свойства физической регенерации, как в случае с кровью или кожей, а также полная дееспособность донора и соблюдение всех норм Шариата во время операции. Шариат запрещает трансплантацию жизненно важных органов живого человека, а также органов, пересадка которых влечет ухудшение жизненно важных функций, хотя и не грозит летальным исходом. В исламе категорически запрещена трансплантация органов на коммерческой основе.

В ходе исследования было установлено, что этические дилеммы, возникающие в сфере трансплантологии, связаны с принципами справедливости, согласия пациента, а также с вопросами распределения ресурсов [14–17]. Анализ различных философских подходов позволил определить, что решения в данной области требуют не только научного и медицинского обоснования, но и глубокого этического размышления, учитывающего права и интересы всех участников процесса. Важным выводом является необходимость разработки прозрачных критериев распределения органов и формирования этических стандартов, способных обеспечить баланс между прогрессом медицины и моральными ценностями общества. Таким образом, этика в трансплантологии должна оставаться динамичной и адаптируемой
к новым вызовам, чтобы способствовать развитию этой важной области медицинской практики в рамках гуманистических ценностей.

Список литературы

1. Алексеева О. М. Биоэтические проблемы трансплантологии // Молодой ученый. 2015. № 16. С. 76.

2. Богдан Е. Г., Глыцюк М. А., Мирончук И. С. Типы переживания кризисной ситуации у пациентов до и после трансплантации органов // Материалы IV Международной научной конференции. Минск : БГУ, 2015. С. 45–48.

3. Галеева Г. Р. Констатация смерти как право на изъятие органов и (или) тканей человеческого тела по российскому законодательству // Евразийский юридический журнал. 2016. URL: top.minsk.by

4. Готье С. В., Гичкун О. Е., Головинский С. В. [и др.]. Трансплантология и искусственные органы : учебник. М. : Лаборатория знаний, 2018. 322 с.

5. О трансплантации органов и (или) тканей человека : закон РФ № 4180-1 от 22.12.1992 (ред. от 01.05.2022).

6. Ищенко И. О., Оппедизано М. Д. Л. Философские проблемы в области трансплантологии // FORCIPE. 2020. Vol. 3.

7. Красновский Г. Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в Законе Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Государство и право. 1993. № 12. С. 70.

8. Куков К., Джорджанова А. Психологические аспекты трансплантологии органного донорства как проблема клиническая // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2014. Т. 7, № 4. С. 52–57.

9. Малеина М. Н. Человек и медицина в современном мире. М., 1995. С. 260.

10. Миронова Н. В., Миронов Т. Б. Феномен личной жертвы в свете проблем современной трансплантологии // Всероссийские Свято-Николаевские чтения. 2021. URL: cyberleninka.ru

11. Самойлова А. С. Биоэтика в трансплантологии: моральный, правовой и религиозные аспекты проблемы // Научное сообщество студентов XXI столетия. Естественные науки : сб. ст. по материалам VII Междунар. студ. науч.-практ. конф. 2014. № 7. С. 4.

12. Силуянова И. В. О сущности этических проблем современной медицины // Медицинское право и этика. 2000. № 4. С. 51.

13. Силуянова И. В. Человек на запчасти // Православная беседа. 2001. № 2. С. 40.

14. Стаценко С. Г. Медицинское право и этика. М., 2000. С. 44–53.

15. Шумаков В. И. Трансплантология. М. : Медицинское информационное агентство, 2006. С. 92–96.

16. Яремин Б. И., Пушкин С. Ю., Навасардян А. С. [и др.]. Морально-этические аспекты донорства органов для трансплантации – проект катехизиса // ВЕСТ РЕАВИЗА. 2021. № 1. С. 97–108.

17. Яровинский М. Я. Лекции по курсу «Медицинская этика» (Биоэтика). 3-е изд., исправл. и доп. М. : Медицина, 2004. С. 528.

УДК 740

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: КОНФЛИКТ ЭФФЕКТИВНОСТИ, РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Арина Сергеевна Девяткина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

devi4tkina.arina@yandex.ru

Аннотация: Ресурсы здравоохранения – неотъемлемая, но ограниченная категория. Их недостаточно даже для базового охвата нуждающихся. Рост потребностей населения, рост цен на медицинские технологии и жесткие финансовые рамки государств и частных структур создают напряженность. Кто имеет право на помощь? Какие критерии определяют приоритет? Эти вопросы не просто вызывают споры – они ставят под сомнение саму основу системы. Справедливость распределения перестает быть чисто теоретической задачей. Она требует четких критериев, конкретных механизмов отбора и защиты уязвимых групп. Нарушение баланса между индивидуальными правами и коллективными интересами ведет к социальному напряжению. Чтобы избежать неравенства, нужно учитывать не только экономические модели, но и этические принципы, лежащие в основе принятия решений. Система должна быть не только эффективной – она обязана быть гуманной. Основной приоритет – обеспечить доступность помощи тем, кто в ней больше всего нуждается.

Ключевые слова: утилитаризм, справедливость, этика, ресурсы, благосостояние, индивидуальность, равенство, неравенство, приоритеты, балансировка

Утилитаризм нацелен на максимальное увеличение общего благосостояния, распределяя ресурсы исходя из ожидаемого эффекта. В медицине это означает приоритет тем, кто имеет больше шанс на восстановление или значительное улучшение качества жизни, а также тяжелым состояниям, влияющим на здоровье населения. Решения основываются на количественных показателях – прогнозируемой выживаемости, восстановлении функций и снижении симптомов.

Этот метод обеспечивает высокую эффективность при ограниченных ресурсах, помогая направлять помощь туда, где будет максимально результативной, благодаря математическим моделям и алгоритмам [4, с. 115]. Однако он рискует игнорировать уязвимые группы: детей с редкими болезнями, пожилых с множественными хроническими заболеваниями, которые часто остаются за бортом системы. Недостаток внимания к справедливости и правам человека создает этическую нестабильность, ведь показатели исключают индивидуальные обстоятельства – стресс, личные ценности и культурные особенности. В результате на решения влияют только цифры, что повышает риск системной несправедливости и незамеченных последствий для отдельных жизней.

Долгосрочные последствия предсказать трудно. Алгоритмы, пронизанные предвзятостью, могут усугублять социальное неравенство, вызывая недоверие к системе. Вне модели остаются факторы, такие как поддержка близких и доступ к реабилитации, которые могут изменить исход. В идеальных условиях модель повышает эффективность, но без контроля она может привести к несправедливости. Без учета прав и достоинства человека эффективность теряет смысл, переходя в инструмент жесткой отсечки человеческих судьб [3].

Либертарианский подход ставит во главу угла личные свободы. Лечение – результат добровольного согласия, а государство не вмешивается в выбор пациента или предоставление услуг [1]. Каждый может приобрести медицинскую помощь по своему желанию. Рынок распределяет ресурсы, а государство защищает права и собственность. Такой подход укрепляет автономию, стимулирует инновации и снижает издержки за счет конкуренции. Но за эффективностью скрывается риск игнорирования социальной ответственности: приоритет отдается тем, кто может платить, что ведет к исключению уязвимых групп и усугубляет социальное неравенство [6, с. 59]. Отсутствие механизмов выравнивания возможностей увеличивает риск монополизации и эксплуатации слабых, что угрожает их правам. Несмотря на защиту свободы и прав, система часто не обеспечивает равный доступ к медпомощи. Чтобы избежать роста неравенства, нужны механизмы регулирования и баланс между свободой и социальной справедливостью. Этот подход основан на убеждении, что каждый человек имеет равное право на здоровье и медицинскую помощь, что помогает исправлять дискриминацию и минимизировать социальное неравенство.

Равный доступ к здравоохранению повышает социальную устойчивость, формирует единство общества и усиливает защиту уязвимых слоев населения. Это создает условия для инклюзивного развития, снижая разрыв в состоянии здоровья между группами. Однако определение и измерение «равенства» остается сложной задачей. Кто-то спрашивает: какие критерии принимать во внимание? Как сочетать индивидуальные нужды с общими стандартами?

Реализация такой модели требует масштабных финансовых вложений и долгосрочного планирования – что невозможно при жестком бюджете и высокой конкуренции за ресурсы [4, с. 122]. Постоянное обеспечение доступа стирает грань между пассивностью и активностью: если люди знают, что лечение гарантированно – они меньше заботятся о себе.

Кроме того, идея равенства сталкивается с противоречиями с подходами, где приоритет отдается эффективности (например, утилитаризм) или свободе выбора (либертарианство). Эти модели могут игнорировать формальные нормы равенства в пользу результатов или автономии личности.

В конечном счете – речь не о простом равенстве возможностей. Речь о построении справедливой системы, способной преодолевать барьеры – социальные, экономические, культурные [6]. Эффективность такой модели зависит от согласования справедливости, рационального распределения ресурсов и реальной возможности их использования.

Ролз формулирует справедливость как принцип честности, опираясь на два ключевых положения. Каждый должен обладать равным правом на максимальную свободу в рамках системы базовых свобод, совместимой с такой же свободой у других. Справедливость в обществе не допускает неравенства, если оно не служит интересам самых уязвимых и не гарантирует равный старт для всех. Принцип разницы требует устранять случайные препятствия, мешающие развитию, особенно для тех, кто оказался в тяжелом положении.

Ролз полагал, что система должна обеспечивать равные возможности и распределять ресурсы так, чтобы наибольшее благо доставалось тем, кто находится в наиболее уязвимом положении. Его мысль – не просто теория, а основа для практики: когда нет равного доступа к возможностям – система несправедлива [6, с. 58].

Алексей Лосев рассматривал этику как часть гуманитарной науки, подчеркивая необходимость равного доступа к медицинской помощи и ее справедливого распределения. Он видел в этом элементы морального обязательства перед человеком как личностью.

Виктор Франкл выдвигал идею смысла жизни как опоры для медицинской практики. Его взгляды на достоинство личности формируют основу гуманизма – без него медицина теряет смысл. Организация здравоохранения должна быть построена на признании человеческой ценности вне зависимости от состояния пациента.

Михаил Бахтин акцентировал внимание на диалоге как форме этического отношения. Ответственность перед другим человеком – не абстракция, а реальное условие взаимодействия в клинической среде. Гуманность проявляется именно в готовности слышать и понимать собеседника [5, с. 77].

Исследования Американской ассоциации биоэтики и Европейского союза по биоэтике подтверждают: справедливость должна быть интегрирована в саму модель здравоохранения. Национальные границы не отменяют этических обязательств – принципы должны быть универсальными.

Ролз формулировал «справедливость как честность» через призму тех, кто оказался беззащитным – их нужды не могут быть проигнорированы ради общего блага или экономической выгоды. Это не просто идея равенства – она предусматривает, что неравенство может существовать, лишь если оно повышает благосостояние самых слабых. Такой подход устраняет крайности: он сочетает свободу с социальной ответственностью.

Он не отрицает различия, но требует, чтобы они приносили реальную пользу тем, кто страдает от системного пренебрежения. Этическое основание принципа делает его ориентиром для политики в сфере здравоохранения [6, с. 61]. Но практическая реализация сталкивается с серьезными барьерами. Нельзя однозначно определить, какие формы неравенства действительно улучшают положение уязвимых групп – многие проекты терпят провал именно из-за неясности критериев пользы.

Контроль за результатами требует постоянных аналитических усилий и прозрачной отчетности – условия, редко реализуемые в условиях бюрократической замороженности или отсутствия финансовых ресурсов. Дополнительно возникает столкновение с другими этическими установками: в обществах с разным культурным и политическим фоном принцип Ролза воспринимается по-разному. Иногда он кажется чрезмерно идеалистичным или даже навязчивым.

Этот подход не сработает без поддержки общества и твердой позиции политиков, готовых игнорировать краткосрочные интересы лоббистов [4, с. 125]. В условиях глубокой поляризации или разобщенности граждан такие условия редко выполняются. Тем не менее сама идея остается важной – она определяет рамки для дискуссии о том, как справедливо распределять ресурсы в медицине. Ее эффективность зависит не от абстрактных теорий, а от устойчивости институтов, способных реагировать на изменения на практике, не теряя при этом моральной ответственности.

Разработка этических моделей распределения ресурсов в здравоохранении все чаще опирается на синтез идей из разных этических теорий, чтобы находить баланс между общим благосостоянием и защите уязвимых групп [2]. Подход, основанный на компромиссе между утилитаризмом и принципами справедливости Ролза, предполагает создание алгоритмов, которые одновременно стремятся повысить общий эффект от лечения и гарантировать защиту прав пациентов с низким статусом. Такие модели включают сложные процедуры приоритизации, учитывающие не только шансы на выздоровление и эффективность терапии, но и социальный статус, возраст, наличие хронических заболеваний – факторы, влияющие на восприятие справедливости [7, с. 32].

На практике реализуются разные схемы расстановки приоритетов: «желтая» очередь подразумевает ожидание с частичным мониторингом состояния, тогда как «красная» — немедленное лечение в экстремальных случаях. Оценка пациентов строится по критериям: степень тяжести заболевания, прогноз ответа на лечение, вероятность полного восстановления и сохранение качества жизни. Такой подход снижает влияние личных симпатий и предвзятостей, обеспечивая более точное и единое распределение ресурсов.

Для повышения объективности создаются специальные шкалы оценки нуждаемости – по возрасту, уровню социальной адаптации, степени ответственности за собственное здоровье [7, с. 33]. Эти инструменты сочетают клинические данные с этическими нормами и социально-экономическими показателями. Применение таких шкал делает процесс распределения прозрачным, снижает конфликты и повышает доверие граждан к системе здравоохранения [8, 9].

Список литературы

1. Алексеев В. А. Философия справедливости: теории и современные подходы. М. : Юристъ, 2014.

2. Вигдоров Я. В. Этические аспекты распределения ресурсов в системе здравоохранения // Вестник Московского университета. Серия 14, Философия. 2010. № 3. С. 50–64.

3. Анализ этических вопросов в распределении медицинских ресурсов. URL: cyberleninka.ru

4. Иванов Н. Ю. Философия здоровья и справедливости. СПб. : Питер, 2018.

5. Теоретические основы справедливости в контексте здравоохранения. URL: kpfu.ru

6. Котов В. И. Этические дилеммы в современной медицинской практике // Медицинское право. 2012. № 1. С. 112–125.

7. Лукьянова Т. А. Концепция достоинства человека и ее роль в этике здравоохранения // Этические исследования. 2015. № 2. С. 71–85.

8. Семенова Е. В. Социальная справедливость и справедливое распределение ресурсов в системе здравоохранения // Российский журнал гуманитарных исследований. 2011. № 4. С. 56–63.

9. Тарасов М. П. Обоснование приоритетов оказания помощи в современной этике // Медицина и этика. 2009. № 1. С. 27–34.

УДК 1(091)

ПАМЯТЬ КАК АКТИВНАЯ РАБОТА: ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ХАННЫ АРЕНДТ

Ольга Александровна Мартынова[1], Елизавета Владимировна Юлаева[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]yulaeva.liza@mail.ru

Аннотация. Анализируется философия истории Ханны Арендт, сформированная под влиянием личного опыта эмиграции и исторических катастроф XX в. Центральный тезис Арендт состоит в том, что тоталитаризм разрушает не только физическую жизнь, но прежде всего человеческую память как основу идентичности и морального суждения. На примере анализа феномена «мусульман» в концлагерях и суда над Адольфом Эйхманом раскрывается концепция «банальности зла», совершаемого людьми, утратившими способность мыслить и помнить. Арендт выделяет три способа активной работы памяти: нарратив, публичность и политическую ответственность, которые позволяют противостоять забвению и повторению катастрофы. Память в интерпретации Арендт предстает не как пассивное хранение прошлого, а как динамичная деятельность, направленная в будущее и составляющая суть активной жизни.

Ключевые слова: Ханна Арендт, память, банальность зла, тоталитаризм, нарратив, политическая ответственность

Ханна Арендт не рассматривала историческую память в качестве отвлеченной академической категории. Родившись в 1906 году в еврейской семье в Ганновере, она с ранних лет столкнулась с усилением антисемитизма в Веймарской Германии. Данный личный опыт, дополненный вынужденной эмиграцией и утратой родины, послужил отправной точкой ее размышлений о природе зла в XX веке и о роли утраты связи с традицией в его возникновении. Философская позиция Арендт формировалась под непосредственным воздействием исторических катастроф, что придало ее интеллектуальному поиску экзистенциальную направленность [1–3].

Центральный вывод исторической философии Арендт состоит в том, что в середине XX века произошел глубокий разрыв в традиции. Под традицией она понимала не совокупность обычаев, а «живую нить» передачи авторитета от прошлого к настоящему – механизм, позволявший людям опираться на опыт предков, их понятия и суждения. В сложившихся условиях старые понятия и моральные категории, восходящие к Платону и Аристотелю, утратили объяснительную силу. Политическая философия, оперировавшая категориями выгоды, пользы, амбиций

или страха, не могла объяснить природу тоталитарного зла. Последнее не было мотивировано личной жадностью или жестокостью; оно приобрело бюрократический, обезличенный и, с точки зрения человеческой логики, бесцельный характер. Арендт приходит к выводу, что простое «копирование опыта предков» становится невозможным. Типы действий, эффективные в прошлые эпохи – сопротивление тирану или моральное суждение над угнетателем, – теряют смысл перед лицом тоталитаризма, поскольку исчезает сам субъект ответственности, а реальность подменяется идеологической конструкцией. Человечество оказывается в ситуации, когда старые истины перестали действовать, а новые еще не найдены. Согласно Арендт, единственный способ принять на себя «бремя понимания» – самостоятельно осмыслить произошедшее и на основе этого понимания сформировать новую ответственность.

В работе «Происхождение тоталитаризма» Арендт подробно анализирует, как нацистский режим создал систему, направленную не только на физическое уничтожение, но и на полное искоренение человека как существа, наделенного памятью. Первым шагом выступает превращение человека в номер. В концлагерях, которые Арендт называет «сущностью тоталитаризма», заключенный лишается индивидуальности, имени, биографии, личных вещей – всего, что связывало его с прошлым. Число делает человека взаимозаменяемым, превращает его в статистический элемент. Утрата биографии особенно ярко проявляется в феномене так называемых «мусульман» – лагерном термине, обозначавшем людей, достигших последней стадии истощения и утраты воли к жизни. Основываясь на свидетельствах выживших, в частности на текстах Примо Леви [4], Арендт описывает это состояние как «ландшафт человеческой мумификации». «Мусульмане» – это люди, у которых стерта не только личная история, но и сама способность помнить, рефлексировать о происходящем, различать день и ночь. Для Арендт данный образ становится символом цели тоталитаризма: создать существа, биологически живые, но чья внутренняя человечность, основанная на памяти, полностью разрушена. Тоталитаризм уничтожает также коллективную память, подменяя реальную историю идеологической конструкцией. Нацизм не просто отрицал факты — он выстраивал целостную вымышленную вселенную, основанную на «законах расы» или «исторической необходимости», где логика здравого смысла переставала действовать.

Основополагающее понимание взаимосвязи между памятью, мышлением и моралью пришло к Арендт в ходе наблюдения за судом над Адольфом Эйхманом, одним из главных организаторов «окончательного решения». В Эйхмане она увидела не фанатика-монстра, а типичного бюрократа, действовавшего в интересах карьеры и ради соблюдения правил. Именно тогда она формулирует свой известный тезис о том, что зло XX века проявляется в форме клише. На допросах Эйхман продемонстрировал полное отсутствие памяти: он не помнил своих преступлений не потому, что лгал, а потому что никогда не задумывался о них с моральной точки зрения. Он оперировал штампами – клише нацистской пропаганды, канцелярскими формулировками, – которые полностью заменяли ему реальное осмысление действительности. Арендт приходит к выводу: зло в XX веке стало банальным. Оно более не связано с глубиной дьявольской натуры; оно совершается людьми, которые «не помнят и не думают». При этом следует отметить, что в «Истоках тоталитаризма» она описывала зло как нечто радикальное, непостижимое для человеческого суда; наблюдение за Эйхманом заставило ее скорректировать этот вывод, показав, что самое страшное зло часто творится не фанатиками, а теми, кто отказывается от самостоятельного мышления. Отсутствие мышления – это не интеллектуальная недостаточность, а моральная неспособ-

ность человека поставить себя на место другого, взглянуть на свои действия со стороны, то есть тот самый внутренний диалог с самим собой, который, по убеждению Арендт (вслед за Сократом), составляет суть совести. Мыслить – значит вести безмолвный разговор с собой, а тот, кто избегает этого разговора, оказывается неспособным отличить добро от зла.

Если тоталитаризм стремится уничтожить память, то противостоять ему можно только активными усилиями по ее сохранению. Арендт не предлагает простых рецептов, но в своих трудах выделяет три взаимосвязанных способа сохранения памяти, а следовательно, и противостояния повторению катастрофы.

Первый – нарратив. В понимании Арендт нарратив представляет собой не развлечение или простую передачу знаний; смысл жизни, согласно ее подходу, рождается именно в истории. Через рассказ о себе или о других человек возвращает смысл тому, что его утратило. В этом смысле книга Арендт «Происхождение тоталитаризма» сама является актом повествования: она не просто описывает тоталитаризм, но возвращает голос тем, кого режим лишил человеческого имени, превратив в «индивида-статистику». Арендт подчеркивала, что понять событие можно только тогда, когда мы способны рассказать о нем как о законченной истории, установив связь между причиной и следствием. Рассказ, таким образом, становится способом возвращения реальности там, где она была подменена идеологией.

Второй принцип – публичность. Арендт, как сторонница агональной демократии, настаивала на том, чтобы память оставалась общественным делом. Нельзя ограничивать ее архивами или личным опытом; силу память обретает только тогда, когда становится предметом публичного разговора, спора, переосмысления. Здесь она опирается на античное понимание полиса как пространства явления, где люди показывают себя друг другу в слове и деле. Для нее было важно не столько наказание Эйхмана, сколько публичное предъявление преступления против евреев и человечества. Именно открытость процесса, возможность для граждан видеть и обсуждать превращает память из хранилища фактов в инструмент политической мысли.

Третий принцип – ответственность. Арендт проводит различие между виной и ответственностью: вина индивидуальна, субъектна, юридична или нравственна, тогда как ответственность коллективна и политична. Как пишет Арендт: «Вину нельзя разделить. Ответственность разделима». Субъекты не могут отвечать за то, что было до них – они не совершали преступлений, – но они обязаны помнить. Помнить не как обязанность, а как гражданский акт, чтобы сохранить человеческое лицо, понять причины трагедии и научиться не допускать повторения зла там, где оно снова может разгореться. Политическая ответственность, по Арендт, заключается в способности сохранять мир таким, чтобы в нем никогда больше не повторилась ситуация, при которой одни люди оказываются полностью исключенными из сферы прав человека [5].

Обобщая свои размышления, Ханна Арендт делает вывод: память – это не архив, где хранятся старые документы, и не пассивное воспоминание о прошлом. Память – это динамичная, постоянная работа, требующая от человека непрестанно думать, задавать вопросы, сопротивляться клише идеологии и бюрократическому языку. Она требует, чтобы история стала предметом общественного диалога, а не оставалась в ведении специалистов или государственной пропаганды. Забвение, по Арендт, не просто забытость – это путь к повторению. Когда люди перестают помнить о случившемся, они теряют защиту от тех процессов, которые привели к катастрофе. «Банальность зла», о которой говорила Арендт, возможна только в атмосфере отсутствия критической памяти. Напротив, динамичная, живая память, воплощенная в рассказах, разделяемая в общественном пространстве

и подкрепленная чувством ответственности, способна укреплять в человеке человеческое. Память в понимании Арендт – это не просто обращение к прошлому, а акт, направленный в будущее. Она вписывается в ее концепцию *vita activa* – активной жизни, где высшим уровнем является действие, то есть способность начинать нечто новое, инициировать события, за которые субъект берет на себя ответственность. Работа памяти, лишенная этой учреждающей силы, оставалась бы лишь скорбным созерцанием; но именно активное, публичное, разделенное воспоминание, по Арендт, позволяет прервать цепь насилия и создать пространство, где катастрофа не повторится. Сама жизнь и творчество Арендт стали примером такой работы памяти – работы с травмой, цель которой состоит в понимании и недопущении повторения, удержании прошлого не как груза, а как условия для появления подлинно нового.

Список литературы

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкене, Л. А. Седова ; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.

2. Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ. С. Е. Кастальского, Н. С. Рудницкой ; под ред. А. М. Руткевича. М. : Европа, 2008. 424 с.

3. Арендт Х. Между прошлым и будущим: Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. Д. А. Аронсона. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.

4. Леви П. Человек ли это? / пер. с итал. Е. Дмитриевой. М. : Текст, 2001. 224 с.

5. Шейнов Т. Постправда как неумеренная речь: философские подходы Х. Арендт и Л. Штрауса в современных дискуссиях об истине и политике // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24, № 2. С. 31–57.

УДК 614.253

ВНЕШНИЙ ОБЛИК И ВЕЖЛИВОСТЬ ВРАЧА КАК ФИЛОСОФИЯ УВАЖЕНИЯ

Алина Алексеевна Долматова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Alina18dolmat@yandex.ru

Аннотация. Обосновывается, что внешний облик и вежливость врача – не второстепенные детали, а первичный этический жест, формирующий доверие и уважение к пациенту. Анализируются символическое значение белого халата, дискуссия о цветовом ранжировании медицинской одежды в Российской Федерации, философия диалога и роль саморегуляции врача.

Ключевые слова: медицинская этика, белый халат, вежливость, доверие, уважение достоинства пациента, философия диалога

В эпоху цифровизации, где развитие технологий стремительно меняет природу здравоохранения, особенно важной становится проблема систематического обезличивания. Каждый человек, обратившийся за медицинской помощью, все чаще рассматривается как набор жалоб, симптомов, результатов анализов и протоколов лечения. В этих условиях внешний облик и вежливость врача выходят на передний план как фундаментальные элементы этического отношения. Они напо-

минают: пациент – это не «случай», а живой человек, имеющий свое собственное достоинство и значимость.

Согласно данным национальных опросов, пациенто-ориентированная коммуникация врача напрямую связана с повышением доверия к нему как к источнику информации [12, с. 1028]. Более того, доверие к врачу позитивно коррелирует с комплаентностью – готовностью пациента следовать медицинским рекомендациям, что подтверждается в русскоязычной адаптации Шкалы доверия к врачу, проведенной на выборке из 437 пациентов с хроническими заболеваниями [9, с. 15]. Это, в свою очередь, позволяет достичь положительных результатов лечения в более короткие сроки.

Что же составляет основу этого доверия? Что позволяет пациенту, едва переступившему порог медицинского кабинета, почувствовать уверенность во враче или, напротив, отнестись к нему скептически? Ключ к пониманию кроется в невербальном взаимодействии, которое начинается еще до того, как врач произнесет первое слово. И первым, на что больной обращает внимание, становится внешний облик врача: его опрятность, сдержанность, собранность.

Белый халат – это не просто униформа, а атрибут профессии, несущий многовековую историю. Он символизирует принадлежность к сообществу специалистов, а также чистоту и порядок, формируя у пациента ожидание добросовестного отношения к лечению. Исследования подтверждают, что внешний вид персонала напрямую влияет на удовлетворенность пациентов и их доверие к учреждению [10, с. 49]. Более того, восприятие доброжелательности врача играет более значимую роль в формировании доверия, чем оценка его профессиональной компетентности [14, с. 1391].

То, что даже такой, казалось бы, не вызывающий сомнений символ, как белый халат, может стать предметом острой этической дискуссии, наглядно подтверждает недавняя инициатива Министерства здравоохранения РФ. В 2024 году ведомство разработало методические рекомендации, согласно которым медицинским организациям предлагалось внедрить цветовое ранжирование одежды в зависимости от должности сотрудника. Темно-синий цвет предназначался для руководства, темно-зеленый – для врачей, салатовый – для среднего персонала, сиреневый – для младшего, голубой – для администрации, серый – для хозяйственных служб [4].

На первый взгляд, предложение выглядит рациональным: цвет позволит пациенту быстро ориентироваться в иерархии. Однако большая часть общества, особенно его профессиональное звено, восприняла его как попытку разрушить сакральный образ «человека в белом халате», формировавшийся столетиями. Председатель Государственной Думы В. В. Володин, комментируя это предложение, подчеркнул: «Небеспочвенно возник вопрос, зачем рушить этот образ, сложившиеся традиции... И более того, разделять коллектив, закрепляя цветом работу на различных должностях в медицинском учреждении» [2].

С точки зрения философии уважения, этот спор глубоко показателен. Белый халат – это первичный этический жест, обращенный к пациенту, символ чистоты, порядка и, главное, – единства медицинского персонала перед лицом страдания. Попытка заменить этот единый образ цветовыми маркерами статуса несет в себе риск обратного эффекта: пациент начнет воспринимать не «врача в целом», а носителя того или иного цвета, что может усилить ощущение обезличенности и бюрократической иерархии. Внутри коллектива, как справедливо отметил В. В. Володин, такое нововведение способно уничтожить сплоченность, а для уважения к труду врача, как заявил председатель Госдумы позднее, гораздо важнее бейджик с именем и должностью, чем цвет халата [2].

Но почему же внешний вид врача обладает такой силой воздействия на пациента? Ответ лежит в природе телесного восприятия, которую анализировал Морис Мерло-Понти. С его точки зрения, тело – это не просто физический объект, а способ присутствия человека в мире. Другого человека мы воспринимаем не как физиологическое явление, а как выразительную совокупность эмоций, интонации, позы, одежды, движения. В медицинском взаимодействии чистый, отглаженный халат служит сигналом: «Я отношусь к вам серьезно». Напротив, неряшливый вид может быть интерпретирован как безответственность. «Если врач не может позаботиться о своем внешнем виде, то как он сможет позаботиться о моем здоровье?» – эта мысль пациента отражает глубинную потребность в надежности медицинского взаимодействия.

Пунктуальность и собранность во время приема – следующий важный аспект. Опоздание без уважительной причины пациент склонен расценивать как сигнал равнодушия к его самочувствию. Время в медицине перестает быть длительностью – оно превращается в форму присутствия и заботы. Суетливость, отсутствие четкой этапности действий, отвлечение на телефонные звонки – все это заставляет пациента чувствовать себя не субъектом заботы, а объектом, который нужно «отработать» за минимальное время. Опрос 2024 года показал, что наиболее неприятное впечатление оставляют врачи, которые во время приема разговаривают по телефону или параллельно занимаются другой работой на компьютере [5].

Преодолеть барьеры в общении помогает философия диалога – традиция, восходящая к работам Мартина Бубера и Эммануэля Левинаса. Ключевое понятие здесь – «присутствие». Это не просто физическое нахождение, а экзистенциальная открытость Другому, способность быть «здесь и сейчас» для пациента [1, с. 87]. Пациент всегда чувствует, когда врач присутствует в разговоре, а когда мыслями он далеко.

Но даже пунктуальности и собранности зачастую не хватает для того, чтобы у пациента появилось доверие. Последнее рождается лишь там, где в речи врача звучит уважение. Вежливость становится мостом, который позволяет перейти от формально корректного взаимодействия к подлинной человеческой встрече. Обращение на «Вы» в русскоязычной культуре – важнейший маркер дистанции, которая защищает достоинство пациента. Представление врача по имени запускает личностный контакт, закладывает основу для будущего доверительного общения.

Другой аспект вежливости – готовность врача объяснять свои действия. Это реализует принцип информированного согласия, имеющий юридическое и экзистенциальное измерение. Пациент, получающий объяснения, становится активным участником лечения. Успешная врачебная коммуникация требует не только точной терминологии, но и эмоционально сбалансированных речевых актов, построенных на диалоге, поддержке и толерантности [7, с. 120]. Ключевые стратегии здесь – эмпатия, корректность, доступность информации, а также тактики смягчения, постепенного сообщения и удержания эмоционального контакта. Все эти составляющие работают как единый механизм, повышающий доверие и готовность к сотрудничеству [8, с. 88].

Но даже безупречная с точки зрения этикета речь теряет свою ценность, если произносится врачом с раздражением или нетерпением. Вежливость в ее подлинном философском смысле – это не словесное клише, а эмоциональная атмосфера, которую врач создает вокруг себя. Внутреннее состояние врача, его способность к саморегуляции напрямую влияют на восприятие пациентом качества помощи, что подтверждается рядом исследований [3, с. 20].

Медицинская профессия сопряжена с высоким риском выгорания. Ежедневно врач сталкивается со страданием, болью, нередко – с агрессией или небла-

годарностью. Однако эти обстоятельства не освобождают его от ответственности за то, каким он предстает перед пациентом. Пациент не повинен в тех трудностях, которые выпали на долю врача, будь то рабочие перегрузки или личные проблемы. Призвание врача – добросовестно оказывать помощь, находя в себе силы отодвигать на второй план те состояния, которые могут помешать оказанию помощи. Эта этическая установка задает вектор профессионального развития.

С философской точки зрения здесь важно выделить два подхода. Первый из них принадлежит Эммануэлю Левинасу. Согласно его этике ответственности, лицо Другого (пациента) призывает нас к ответу еще до того, как мы оценили свои силы и настроение. Пациент вверяет себя врачу – и этот акт доверия налагает безусловное обязательство, которое не может быть отменено ни усталостью, ни раздражением. Второй подход – от античной стоической философии Эпиктета и Марка Аврелия. Человек не может повлиять на внешние обстоятельства, но может влиять на свое отношение к ним. Умение держать себя в руках – это не подавление эмоций, а обретенная свобода не позволять обстоятельствам брать верх. Для врача: я не могу знать, как поведет себя болезнь, не могу влиять на загруженность приема, но я могу контролировать то, как я отвечаю на эти вызовы. Эта внутренняя свобода становится условием того, чтобы быть полезным Другому.

Проблема уважительного поведения имеет и институциональное измерение. Исследования показывают, что случаи неуважительного поведения особенно характерны для учреждений, где отсутствует системная работа в данном направлении [13, с. 349]. Эффективный подход включает три компонента: установление норм уважительного поведения, обучение персонала и создание поддерживающей организационной среды.

Итак, внешний облик и вежливость врача – это не второстепенные элементы, а первичный этический жест, в котором форма обретает содержание, а внешнее становится внутренним. Белый халат, пунктуальность, обращение на «Вы», готовность объяснять свои действия, терпение и сдержанность – это не просто правила поведения, а способы присутствия, через которые врач утверждает: пациент – это субъект, чье достоинство неприкосновенно, чье время ценно, чья боль значима [6]. Как показала недавняя дискуссия, для медицинского сообщества и общества эти символы и традиции остаются незыблемой ценностью, составляющей основу философии уважения во врачебном призвании [11].

Список литературы

1. Бубер М. Я и Ты : пер. с нем. М. : АСТ : Neoclassic, 2024. 224 с.

2. Володин В. В. Зачем рушить образ людей в белых халатах? URL: rbc.ru

3. Золотарева А. А. [и др.]. Коммуникативные модели в первичной медико-санитарной помощи: обзор исследований // Российский семейный врач. 2023. Т. 27, № 2. С. 15–23.

4. Методические рекомендации для руководителей медицинских организаций первичной медико-санитарной помощи. Т. III. Внешний вид сотрудников медицинской организации – медицинская одежда (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации 18 июля 2024 г. № 29-2/И/2-13694). URL: http://pravo-med.ru

5. Результаты исследования коммуникативных навыков врачей и пациентов / СГМУ им. В. И. Разумовского // ФармМедПром : информационно-аналитический портал. 2024. URL: pharmmedprom.ru

6. Резник А. А. Оценка пациентоцентричности московских клиник методом «тайный пациент» // Социология медицины. 2024. Т. 23, № 1. С. 32–40.

7. Склярова Н. Ю. Психолингвистические аспекты коммуникации врача и пациента // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 112–125.

8. Тимофеева М. А. Стратегии и тактики эффективного общения в медицинской практике // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11, № 1. С. 78–92.

9. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Адаптация шкалы доверия к врачу на российской выборке пациентов с хроническими заболеваниями // Психологические исследования. 2022. Т. 15, № 81. С. 1–18.

10. Харитонов С. В. [и др.]. Внешний вид медицинского персонала как фактор удовлетворенности пациентов // Менеджер здравоохранения. 2023. № 5. С. 44–51.

11. Jackson J. L., Kuriyama A., Whittle J. [et al.]. The prevalence and characteristics of difficult patient encounters: A systematic review and meta-analysis // Annals of Internal Medicine. 2026. doi: 10.7326/annals-25-01882

12. Lindsay S. [et al.]. Patient-centered communication and trust in physicians: A national survey // Journal of General Internal Medicine. 2021. Vol. 36, № 4. P. 1023–1030.

13. Peterson L. [et al.]. Reating a culture of respect in healthcare settings: A comprehensive approach // Academic Medicine. 2022. Vol. 97, № 3. P. 345–352.

14. Wu Q., Jin Z., Wang P. The Relationship Between the Physician-Patient Relationship, Physician Empathy, and Patient Trust // Journal of General Internal Medicine. 2022. Vol. 37, № 6. P. 1388–1393.

УДК 1(091)

АНТРОПОСОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ А. Н. РАДИЩЕВА

Алена Романовна Базанова[1],
Александр Иванович Миханошин[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]bazanova82@yandex.ru
[2]Mikhanoshin2020@mail.ru

Аннотация. Переосмысливается философское наследие А. Н. Радищева, выходя за рамки его традиционной трактовки как критика крепостного права и просветителя. Обосновывается наличие у Радищева оригинальной антропосоциальной философии, центральным понятием которой является дологическая чувствительность как онтологическое основание человеческого бытия и социальной связи. Раскрывается механизм деантропологизации при крепостном праве и самодержавии, которые систематически разрушают способность к состраданию как у угнетателя, так и у угнетенного. Особое внимание уделяется этическому новаторству Радищева – обоснованию морали без постулата бессмертия души, что предвосхищает современные дискуссии об аффективных основаниях этики. Делается вывод, что антропосоциальный синтез Радищева содержит действенный концептуальный ресурс для анализа актуальных антропологических и политических проблем.

Ключевые слова: А. Н. Радищев, антропосоциальная философия, чувствительность, сострадание, крепостное право, деантропологизация

В истории русской мысли Александр Николаевич Радищев традиционно фиксируется как критик крепостного права и самодержавия, чьи взгляды укладываются в просветительскую парадигму XVIII века. Однако при более детальном рассмотрении его философско-антропологических и социально-философских построений обнаруживается концептуальный слой, не сводимый к просветительскому рационализму и содержащий элементы, которые получат развитие лишь в философии жизни, экзистенциализме и феноменологии XX столетия [1–3]. Ан-

тропосоциальная философия Радищева представляет собой не просто сумму тезисов о человеке и обществе, но органическое единство, в котором центральной категорией выступает дологическая «чувствительность» (sensibilité) – способность, предшествующая рефлексии и выступающая первичным онтологическим основанием как человеческого бытия в мире, так и социальной связи. Новизна предлагаемой интерпретации заключается в тезисе: Радищев строит антропосоциальную модель, в которой нравственное чувство индивида и критикуемое им общественное устройство оказываются связанными не внешним образом (через право или принуждение), а через единый аффективно-нравственный фундамент, что позволяет рассматривать его учение как оригинальный синтез антропологии и социальной философии [4, 5].

В трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» Радищев развивает антропологическую составляющую своей системы. Он приводит эмпирические наблюдения, которые нередко трактуются как аргументы в пользу врожденной нравственности. Однако за этим стоит более радикальная мысль: чувствительность не есть одна из способностей наряду с другими, но сам способ существования человека. Младенец, плачущий при виде чужого плача, и взрослый, вздрагивающий от созерцания чужой боли, демонстрируют, по Радищеву, феномен, не выводимый из опыта и не редуцируемый к инстинкту самосохранения. В этом пункте мыслитель расходится с господствующей традицией французского Просвещения (Гельвеций, Гольбах), для которой мораль есть продукт воспитания и расчета. Радищев, напротив, настаивает на дорефлексивном, телесно-аффективном характере нравственного чувства. Такая позиция предвосхищает позднейшую критику просветительского рационализма, развернутую Руссо (идея естественного сострадания), а в более отдаленной перспективе – феноменологический анализ интерсубъективности у Э. Гуссерля и М. Шелера, где способность к «вчувствованию» (Einfühlung) признается конститутивной для социального мира. Дополнительно следует отметить, что Радищев не ограничивается констатацией наличия чувствительности, но различает ее степени и формы, включая физическую чувствительность (боль, голод, усталость) и нравственную (сострадание, негодование, стыд). Именно нравственная чувствительность, по его мысли, является отличительным признаком человеческого рода, тогда как ее отсутствие или атрофия ведут к дегуманизации. Из этого антропологического основания вытекает социальный вывод: любое общественное устройство, которое систематически подавляет или разрушает нравственную чувствительность, является античеловечным по своей сути.

Социально-философская составляющая учения Радищева, наиболее полно выраженная в «Путешествии из Петербурга в Москву», получает при обращении к категории чувствительности нетривиальное измерение. Критика крепостного права обычно акцентирует юридические и экономические аргументы: превращение человека в вещь, бесправие, эксплуатация. Но для самого Радищева главное зло крепостничества заключается не только в нарушении формальных прав, но в систематическом разрушении чувствительности как человеческой способности. Помещик, который продает крестьянскую девушку «за неспособностью к работе», уничтожает не просто ее свободу – он вынужден сначала подавить в себе сострадание, то есть атрофировать собственную человеческую природу. Крепостное право, по Радищеву, оказывается механизмом деантропологизации: оно делает неспособным к подлинному состраданию и угнетателя, и угнетенного. Крестьянин, привыкший к произволу, утрачивает способность к негодованию – что для Радищева является признаком нравственной смерти. В главе «Спасская Полесть» он описывает помещика, который довел крестьян до полной нищеты, но при этом

продолжает исправно получать оброк, не задумываясь о том, что его крестьяне умирают от голода. Здесь Радищев фиксирует не просто жадность, но именно утрату способности воспринимать чужое страдание как собственное. Таким образом, его социальная философия содержит диагностику, выходящую за рамки политической экономии: деспотизм не просто ограничивает свободу, он разрушает саму возможность человеческого существования в ее аффективно-нравственном ядре. Антропосоциальный синтез проявляется здесь в том, что характеристика социального института (крепостное право) одновременно является и характеристикой антропологического состояния: где нет сострадания, там нет и подлинной человечности.

Особого внимания в рамках антропосоциальной философии Радищева заслуживает его отношение к вопросу о бессмертии души. В трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» он сознательно оставляет вопрос открытым, допуская материалистическую гипотезу. Однако новизна его позиции заключается не в агностицизме как таковом, а в выводимом из этого допущения этическом следствии. Если душа смертна и загробного воздаяния не существует, то единственным основанием нравственности остается сострадание, данное человеку непосредственно. Радищев тем самым совершает операцию, обратную кантовской: Кант постулирует бессмертие души как необходимое условие морали (чтобы добродетель и счастье совпали в бесконечности), тогда как Радищев утверждает, что мораль возможна и без бессмертия – более того, именно в этом случае она становится подлинно бескорыстной. Этот тезис, развернутый в России в конце XVIII века, представляет собой оригинальное решение этической проблемы, не имеющее прямых аналогов ни у французских материалистов (которые чаще впадали в редукционизм), ни у Канта (сохранявшего религиозный постулат). Расширяя данный тезис, можно указать, что Радищев фактически предвосхищает более позднюю дискуссию между утилитаризмом и деонтологией: он отвергает как чисто эгоистический расчет (поскольку сострадание не сводится к пользе), так и чисто формальный долг (поскольку долг должен быть укоренен в аффекте). Его этика оказывается «аффективной деонтологией» – учением о нравственном долге, который переживается не как внешнее требование, а как внутреннее, дорефлексивное влечение к облегчению чужого страдания. В антропосоциальной перспективе это означает, что общественная солидарность и справедливость не могут быть навязаны извне (законом или принуждением) – они должны прорастать из сохранившейся и культивируемой способности к состраданию. Современная аналитическая философия, обсуждая проблему «морали без метафизики», обращается к сходным аргументам, что делает радищевскую интуицию удивительно созвучной дискуссиям XXI века.

Критика самодержавия у Радищева также получает при обращении к категории чувствительности дополнительное измерение, замыкая антропологический и социальный уровни его учения. Монарх, поставленный в положение абсолютного властителя, неизбежно утрачивает способность к состраданию, поскольку не встречает сопротивления своим желаниям и не видит последствий своих решений. В оде «Вольность» Радищев описывает тирана как существо, «окруженное рабами», которые не смеют возражать и тем самым лишают его обратной связи, необходимой для сохранения нравственного чувства. Самодержавие, с этой точки зрения, есть не только политический, но и антропологический режим: оно деформирует человеческую природу на вершине властной пирамиды. Радищев фиксирует этот парадокс: чем абсолютнее власть, тем менее человечен ее носитель. Отсюда следует, что ограничение власти необходимо не только для защиты подданных, но и для сохранения человечности самого государя – аргумент, редко

встречающийся в просветительской литературе, где акцент обычно делается на правах подданных, а не на «спасении души» правителя. Более того, Радищев распространяет эту логику на все иерархические структуры: любой человек, получающий неограниченную власть над другими (помещик над крестьянами, офицер над солдатами, чиновник над просителями), рискует утратить чувствительность, а вместе с ней – собственную человеческую сущность. Это позволяет интерпретировать его антропосоциальную философию как проект институционального дизайна, направленного на сохранение и воспроизводство антропологического качества: законы и ограничения власти нужны не только для справедливости, но и для того, чтобы люди оставались людьми. Таким образом, социальное и антропологическое у Радищева образуют круг: человеческая природа (чувствительность) требует определенного социального устройства, а социальное устройство, в свою очередь, либо культивирует, либо разрушает эту природу.

Предложенное переосмысление позволяет рассматривать Радищева не как эпигона западного Просвещения, но как оригинального мыслителя, который в ряде интуиций опередил свое время. Его антропосоциальная философия не вписывается полностью ни в рационализм XVIII века, ни в иррационализм XIX века, образуя самостоятельную линию, которую можно обозначить как «эмпирическую феноменологию» дорефлексивного нравственного опыта. Дополнительным аргументом в пользу оригинальности Радищева служит его трактовка соотношения индивидуального и коллективного: в отличие от Руссо, который видел в общей воле подавление эгоистических партикулярных интересов, Радищев полагает, что коллективное благо не требует подавления индивидуальной чувствительности, но, напротив, вырастает из нее через механизм расширяющегося сострадания (от ближнего к дальнему, от одного сословия к другому, от одного народа ко всему человечеству). Эта идея предвосхищает современные теории морального расширения круга (moral circle expansion), обсуждаемые в контексте этики животных и глобальной справедливости. Актуальность такого подхода для современной философии обусловлена кризисом рационально-утилитарных моделей морали и возрастающим интересом к аффективным, телесным, дологическим основаниям этики и социальности. В этом смысле антропосоциальное наследие Радищева содержит не только исторический, но и действенный концептуальный ресурс, требующий дальнейшей реконструкции и применения к актуальным антропологическим и политическим проблемам.

Список литературы

1. Доронина А. А. Антропология А. Н. Радищева в социально-политической перспективе // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 128–139.

2. Максимов В. А. Сочинения А. Н. Радищева: этюд экономико-антропологической интерпретации // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. URL: cyberleninka.ru

3. Снетова Н. В. Философская антропология в учениях отечественных органицистов: от А. Н. Радищева до Н. Н. Страхова // Космизм и органицизм: эволюция и актуальность : материалы VI Междунар. науч. конф. СПб., 2019. С. 10–23.

4. Суворова О. С. Что есть человек? — версии А. Н. Радищева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. Вып. 8-3.

5. Шкуринов П. С. А. Н. Радищев: Философия человека. М. : Изд-во Московского университета, 1988. 220 с.

УДК 740

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ЖЕСТКОЙ ВЛАСТИ В ТРАКТАТЕ Н. МАКИАВЕЛЛИ «ГОСУДАРЬ»

Мария Анатольевна Агарева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

misagrid@mail.ru

Аннотация. Исследуется трактат Н. Макиавелли «Государь» как текст, где политика отделяется от моральных норм и выступает в качестве инструмента сохранения государства. Показано, что сила, хитрость и жестокость у автора – не цели сами по себе, а средства для утверждения и поддержания устойчивой политической системы. Особое внимание уделено идее «правильной жестокости» – она допускает резкое, однократное применение насилия с целью недопущения смут, предотвращения заговоров и избежания краха государства. Раскрывается взаимосвязь между законом и армией: один закрепляет порядок, другой обеспечивает его выполнение. Подчеркивается, что необходимость в жесткой власти сочетается с обязательством правителя не выходить за рамки собственных законов, следить за их соблюдением и ориентироваться на долгосрочную стабильность общества.

Ключевые слова: Макиавелли, государство, власть, жестокость, закон, армия

Трактат «Государь» Никколо Макиавелли традиционно рассматривают как произведение, в котором наиболее полно изложено его представление о государстве, а также особое отношение к политике и праву [13, с. 44–45]. Этот текст часто вызывал споры, так как автор описывает политику не как сферу для воплощения этических идеалов, а как область, где действуют специфические законы, связанные с властью, насилием и поддержанием порядка [3, с. 5–7; 13, с. 44–46]. В современной русскоязычной исследовательской литературе интерпретации “Государя” нередко сводятся к оппозиции политического реализма и политического цинизма, что позволяет точнее описать макиавеллиевский разрыв с моральным идеализмом как метод анализа власти, а не как “проповедь злодейства”. В книге говорится о создании такого государства и такого правителя, которые смогли бы вывести народ из состояния политической раздробленности, зависимости от внешних сил и внутреннего хаоса [1, с. 2–3]. В некотором смысле трактат можно считать утопией, потому что он изображает сильную и единую Италию; однако это особый вид утопии: Макиавелли намеренно отказывается от морального идеализма и не пытается представить мечты как реальность, при этом ставя политику выше моральных оценок [4, с. 65–79]. По его замыслу, политика «поглощает» мораль в том смысле, что оценивать действия правителя следует не через призму добродетели, а через призму интересов сохранения и укрепления государства [2, с. 292–295].

В политической философии Макиавелли главные средства достижения целей – сила, хитрость, жестокость и благородство [12, с. 1–3]. С помощью хитрости правитель может влиять на мнения и настроения людей, а сила становится основным способом установления и удержания власти [1, с. 252–255]. Жестокость не оправдывается сама по себе, но разрешается как метод защиты государства и его граждан в опасных обстоятельствах. Она рассматривается как инструмент, который подчинен разумной цели, а не как беспричинное насилие [3, с. 14–16; 13, с. 7]. При

этом Макиавелли связывает политическую устойчивость не только со страхом наказания, но и с предотвращением ненависти: правителю важно избегать действий, которые воспринимаются как посягательство на личную сферу и имущество подданных, поскольку именно это быстрее всего превращает страх в ненависть и провоцирует заговоры [1, с. 255–258; 2, с. 295–298].

Восьмая глава «Государя» выражает эту идею наиболее ясно, где Макиавелли рассказывает о принципе «эффективной» или «правильной» жестокости. Он анализирует тех, кто добился власти преступным путем, и разделяет жестокость на «хорошо» и «плохо» примененную [7, с. 63–83]. Хорошая жестокость – это когда она происходит один раз, чтобы обеспечить безопасность самого правителя, а потом не повторяется и, по возможности, становится во благо подданным. Плохая жестокость – это когда ее сначала немного, но со временем она только растет и не прекращается. Здесь жестокость рассматривают не с точки зрения обычной морали, а с практической стороны: допускается та, что делается «одним разом», нужна для защиты власти и прекращается, как только цель достигнута, затем ее компенсируют выгодами для народа [4, с. 80–86].

В этой же главе есть известная мысль Макиавелли: «Обиды следует наносить разом: чем меньше их вкусишь, тем меньше вреда; добрые дела же лучше делать постепенно, чтобы их оценили как можно лучше» [13, с. 7; 7, с. 70–73]. Такой резкий удар по тем, кто может восстать или заговорить против власти – например, заговорщикам или соперникам — нацелен на то, чтобы избежать долгих смут и ответных репрессий. Напротив, если жестокость растягивается и постоянно появляются новые обиды, это вызывает устойчивую ненависть к правителю и ослабляет его власть. Эта идея «правильной жестокости» связана с представлением Макиавелли о человеческой природе как о склонной к корысти, неблагодарности и предательству, что он часто подчеркивает в «Государе» [1, с. 251–252].

Таким образом, у Макиавелли «правильная жестокость» воспринимается как временный инструмент для построения нового политического порядка, а не как способ управления на постоянной основе. После того как основные угрозы устранены, рациональный правитель, по мнению Макиавелли, не должен регулярно прибегать к насилию. Вместо этого он должен обеспечить стабильный правопорядок, используя сочетание страха наказания, предсказуемости законов и справедливого распределения выгод [1, с. 266–268; 4, с. 86–90]. Это связано с другой важной идеей Макиавелли – «законы и войско»: насилие служит для установления порядка, законы закрепляют этот порядок, а армия следит за их соблюдением. Тем самым “хорошие законы” и “хорошее войско” выступают у Макиавелли как два взаимодополняющих основания порядка: закон без силы остается декларацией, а сила без закона переходит в произвол [12].

Когда речь идет о законе, Макиавелли подчеркивает его ключевую роль для жизни общества и государства. Он указывает на то, что люди по своей природе склонны к злу и проявят это, если появится возможность [1, с. 84]. Создатель республики и ее законов должен опираться на этот факт: именно из-за того, что люди могут злоупотреблять своей свободой и нуждаются во внешнем контроле, возникли законы и наказания [13, с. 4; 6]. Отсюда же берется понятие справедливости [1, с. 84]. Макиавелли замечает, что чаще всего люди ведут себя правильно лишь из-за необходимости, а в период свободы без правовых ограничений нередко возникают беспорядки и смуты [1, с. 85]. Главный вывод здесь таков: законы формируют «добродетель» в политическом смысле, помогая направлять поведение людей в интересах государства [2, с. 300–304].

В этом контексте можно представить такую формулу: «Если что-то хорошее происходит само собой, без законов, то их и не нужно; но когда хорошие обычаи исчезают, законы становятся необходимыми» [1, с. 89]. Здесь видно смену подхода: раньше порядок держался на традициях, а когда они начинают исчезать, закон становится основным способом сохранения порядка. Если в государстве вспыхивают беспорядки, это ведет к ужесточению законов, которые призваны помочь сохранить общественную свободу [1, с. 90]. Современные исследователи объясняют термин «общественная свобода» у Макиавелли не как набор индивидуальных прав, а скорее как способность государства сохранять независимость и стабильность [2, с. 304–308; 3, с. 223–226]. В республиканском контексте Макиавелли связывает устойчивость свободы не с отсутствием ограничений, а с созданием институтов охраны свободы и с распределением полномочий между народом и знатью; от того, кому поручена “охрана свободы”, зависит долговечность свободного строя. Поэтому ужесточение законов в сложные времена Макиавелли воспринимает как разумный ответ на угрозу развала, а не как посягательство на свободу [13, с. 4–5].

Продвигаясь дальше в своих рассуждениях, Макиавелли задается вопросом, как правитель должен относиться к законам. В одном из важных отрывков он говорит: «Когда народ увидит, что никто ни при каких обстоятельствах не нарушает установленные законы, он быстро начнет жить спокойно и довольнее» [1, с. 312]. Значимо, что это именно «установленные им законы»: государь устанавливает правила, но после этого сам должен их соблюдать, поскольку они становятся публичными нормами. Если правитель явно придерживается законов, у людей появляется чувство безопасности и предсказуемости, снижается страх перед произволом, а вместе с ним уменьшается вероятность заговоров и восстаний [3, с. 226–229]. Фраза «ни при каких обстоятельствах» подчеркивает, что не должно быть исключений даже для самого правителя или его окружения. Если бы исключения были, это сломало бы идею закона как общего правила и вернуло бы общество к борьбе личных интересов и кланов.

Таким образом, соблюдение государем собственных законов у Макиавелли не воспринимается как моральное самоограничение, а рассматривается скорее, как часть политического расчета. Если правитель показывает, что закон обязателен для всех, включая его самого, это укрепляет доверие к институтам и снижает напряжение в обществе [2, с. 308–311]. Поэтому можно говорить о том, что у Макиавелли возникает своего рода «функциональная легальность»: закон не стоит над властью как нечто внешнее, но власть должна соблюдать закон, чтобы сохранить свои основы [6, 12].

Кроме закона, у Макиавелли важной опорой государства является армия. Он считал, что «государь не должен думать ни о чем другом, кроме войны, военных дел и науки военного дела, ведь война – это единственная обязанность правителя, которую он не может передать кому-то другому» [5, с. 165–168]. Военное дело так сильно влияет на власть, что помогает не только удержать власть тому, кто родился правителем, но и завоевать ее тем, кто родился простым человеком. Если правители уделяют больше внимания развлечениям, чем военной подготовке, они рискуют потерять даже ту власть, которая у них есть. Отказ от военного дела часто становится причиной утраты власти, а умение владеть армией служит своего рода ключом к ее обретению [1, с. 342]. В исследованиях эту мысль часто сводят к формуле «хорошие законы и хорошее войско» – как минимальным условиям для существования государства [4, с. 91–99].

Эти идеи тесно связаны с понятием закона. С одной стороны, без организованной армии закон остается лишь декларацией: он едва ли будет выполнен, если

не будет силы, способной его обеспечить. С другой – армия, не встроенная в правовую систему и не служащая государственным интересам, может стать источником произвола и насилия, угрожающим политическому порядку [2, с. 311–315]. Для Макиавелли армия – это материальная гарантия независимости государства и эффективности законов: она защищает от внешних угроз, удерживает внутреннюю оппозицию и дает правителю возможность применять «правильную жестокость» для подавления заговоров и беспорядков [3, с. 229–233].

Из этого складывается характерный для макиавеллиевского реализма набор идей: сила в лице армии создает и сохраняет порядок; закон закрепляет и поддерживает его; правитель, который следует законам и разумно использует армию, служит государству, а не только собственным интересам [8–11]. Иногда для установления власти требуется быстрая, но решительная жестокость – тогда законы становятся инструментом для блага государства, а хорошо организованная армия помогает обеспечить их соблюдение, поддерживая согласованность системы изнутри. В такой картине политика не отвергает мораль, а подчиняет ее своим целям: моральные оценки меняются в зависимости от того, способствует ли действия правителя сохранению государства [4, с. 99–105]. Вместе с тем, именно эта внутренняя логика вынуждает государя к определенным формам самоограничения: чтобы власть была долговечной, он должен ограничить применение насилия рамками «правильной жестокости» и неукоснительным соблюдением закона.

Список литературы

1. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. А. Д. Люблинской, Н. В. Ревякиной, С. П. Карпентьевой; под ред. И. С. Ревякиной. М. : Наука, 1996. 654 с.
2. Скиннер К. Макиавелли / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2004. 224 с.
3. Гусейнов А. А. Мораль и политика: уроки Макиавелли // Философский журнал. 2014. № 2 (13). С. 5–23.
4. Волин Ш. Макиавелли: политика и экономия насилия // Политико-философский ежегодник. 2012. Вып. 5.
5. Winter Y. The Prince and His Art of War: Machiavelli’s Military Populism // Social Research. 2014. Vol. 81, № 1. P. 165–191.
6. Cosans C. E., Reina C. S. The Leadership Ethics of Machiavelli’s Prince // Business Ethics Quarterly. 2018. Vol. 28 (3). P. 275–300.
7. Viroli M. Redeeming The Prince: The Meaning of Machiavelli’s Masterpiece. Princeton : Princeton University Press, 2014. 208 p.
8. The Cambridge Companion to Machiavelli / Najemy J. M. (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
9. Nederman C. Niccolò Machiavelli // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2005. Sep. 13.
10. Федулов С. С. Учение Н. Макиавелли: политический реализм или политический цинизм? // Общество: философия, история, культура. 2017. № 3. С. 44–48.
11. Логунова Е. П., Гуржа Е. Политическая философия Никколо Макиавелли // Наука и Образование. 2025. Т. 8, № 2. С. 1–6.
12. Шпалтаков В. П. Учение Макиавелли об управлении государством // Инновационная экономика и общество. 2021. № 3 (33). С. 2–8.
13. Теньковский И. М. Антропологический смысл власти в работах Н. Макиавелли // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 2 (33). С. 99–104.

УДК 37.01

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ АРИСТОТЕЛЯ И ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Анастасия Павловна Вихорева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

vihorevanastasia@yandex.ru

Аннотация. Проблемы воспитания и образования во многом связаны с теми новыми условиями, в которых оказался человек современной эпохи. Воспитание подрастающего поколения всегда было не только необходимостью, но и условием дальнейшего развития человеческого общества. Значение истории образования трудно переоценить, а для такой науки, как педагогика, ее ценность первостепенна. Интересно посмотреть на то, какие цели ставило перед собой образование в эпоху Аристотеля, взгляды которого оказали огромное влияние на античную педагогику и последующее развитие педагогической науки в целом. Тема представляет особую актуальность и потому, что цели воспитания у Аристотеля близки к обучению нового поколения. Как поступать правильно, как воспитывать, на что опираться, какую профессию выбрать, несет ли ответственность за воспитание молодежи наше государство? Эти вопросы являются философской и практической задачей. Представлены основные педагогические идея мыслителя. Обсуждается образование как важнейший инструмент формирования характера и разума человека.

Ключевые слова: Аристотель, знание как ценность, государство, непрерывное образование, идея, разум, характер, воспитание, добродетель

Целью данной статьи является описание базовых педагогических идей в философии Аристотеля.

Значимость данного вопроса в настоящее время подчеркнул О. А. Донских в своей статье «Ситуация в современном образовании: Актуальность Аристотеля», где он опирается на позицию Вернера Йегера, немецкого историка философии, который определил ключевую посылку греческого образования и воспитания как «человек как идея», «человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида», из которого исходит у греков и философское обоснование углубления проблемы воспитания [4, с. 207–219].

Аристотель является древнегреческим философом. Его педагогические идеи и взгляды отражены в трудах «Политика», «Никомахова этика», «О душе» и других [5, 6]. Аристотель находился под влиянием предшествующих философских учений, включая философию своего наставника Платона, однако его взгляды существенно отличались и обогатили понимание воспитания и образования.

Одна из ключевых педагогических идей Аристотеля – нравственное воспитание, заключалась в том, что оно состоит в достижении состояния полного счастья или благополучия, которое возможно лишь через развитие моральных и интеллектуальных качеств личности. Такое воспитание должно формировать у человека добродетельные качества: мудрость, мужество, справедливость, умеренность и дружбу. «Воспитание основывается на упражнении в нравственных поступках – частом повторении желательных действий, в которых не должно быть крайностей» [2, с. 53–293]. Он утверждал, что добродетели формируются через практику и привычку. Привычка – только первый шаг в воспитании. И только, если

привычка пускает корни, идет осознание сути дела [7, с. 217–239]. «Каковы мы (сами), зависит от того, благо или зло мы выбираем, а не от того какие у нас мнения», – писал Аристотель, углубляя идею добродетельности в человеке [2, с. 53–293].

Однако немаловажной идеей в педагогике и образовании философ считал гармоническое развитие всех сторон души, тесно связанных с природой. Особенно значимо развивать разумную и волевую стороны. Для достижения гармонии (что для человека Древнего мира, что для современного) необходимо грамотно мыслить. «Воспитание ума без воспитания сердца – это вообще не образование» » [2, с. 53–293]. В мышлении заключается содержание, сила и власть человека. Именно для этого и необходимо отличное образование, особенно современной молодежи.

Следующей педагогической идеей Аристотеля подчеркивалась важность применения знаний на практике. Это определенно одна из основных концепций в учении Аристотеля. Практический опыт в некоторых специальностях (например, медицина, юриспруденция) бесценен по сей день и необходим. «В деле воспитания развитие навыков должно предшествовать развитию ума» [2, с. 53–293].

Еще одной значимой педагогической идеей у Аристотеля является возрастная периодизация развития человека, которая учитывала биологические и психологические особенности каждого возраста: до 7 лет – воспитание в семье, 7–14 лет – посещение государственных школ, 14–21 год – изучение наук (математика, астрономия, философия), которые развивают разум и мышление. «Необходимо, как говорит Платон, тотчас с молодости вести человека так, чтобы он радовался, чему следует, и испытывал страдание, когда следует; в этом-то и заключается истинное воспитание» [2, с. 53–293]. На такую градацию ориентируется образование и в наши дни.

Подражание добродетельным образцам - важный метод воспитания и образования. Процесс обучения, является неотъемлемой частью социального взаимодействия, где учитель выступает как проводник знаний и опыта, а также как моральный пример для своих учеников. Действительно, современному студенту очень важен контакт со своим преподавателем. Это становится определяющим фактором в выборе профессии, ученик хочет быть «похожим» на своего наставника. Аристотель поднимал наставника на самую высокую ступень в обществе: «Воспитатели еще более достойны уважения, чем родители, ибо последние дают нам только жизнь, а первые – достойную жизнь» [3, с. 38–52].

Необходимо упомянуть и о таком педагогическом взгляде Аристотеля как то, что обучение должно учитывать особенности детей. В современном понятии это называется индивидуальным подходом. Он выступал против универсальных методов образования, утверждая, что каждый ученик уникален. В современном мире во многих учебных заведениях обучаются дети разных вероисповеданий, наций, традиций. Это требует от педагога способности адаптироваться к потребностям и интересам учащихся**.**

Описывая свои педагогические идеи, Аристотель говорил о важности гармонии между телесным и умственным развитием. Он считал, что физическая активность и обучение должны идти рука об руку, что помогает формировать не только умные, но и крепкие тела, способные к действию. Безусловно и сейчас молодому поколению необходимо физическое воспитание для развития здоровья, силы и выносливости. «Гимнастика должна привести организм ребенка в готовность для трудного процесса усвоения знаний. Начинать воспитание школьника предлагалось с «заботы о теле», а затем «заботиться о духе», чтобы “воспитание тела способствовало воспитанию духа”» [3, с. 38–52].

Отдельное внимание заслуживает такая педагогическая идея Аристотеля, как участие государства в воспитании и образовании. Аристотель считал, что государство должно играть активную роль в организации и финансировании образования. Философ предложил такие основополагающие понятия, как то, что право на образование должно быть доступно всем, так как это способствует не только личному развитию индивидов, но и общему благополучию общества. «А так как все государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех граждан нужно тождественное воспитание, и забота об этом воспитании должна быть заботою государственною, а не делом частной инициативы» означает, что образование и воспитание является общей задачей государства [3, с. 38–52]. На сегодняшний день мысли древнего ученого схожи с политикой многих стран. Он поднимал вопрос о том, что качество образования может существенно повлиять на моральные и интеллектуальные характеристики граждан, что, в свою очередь, формирует будущее государства. Аристотель отметил, что «законодательство определяет, какие поступки следует совершать или от каких следует воздержаться», а также сделал акцент на том, что «законодатели, приучая [к законам] граждан, делают их добродетельными, ибо таково желание каждого законодателя» [3, с. 38–52]. Акцент на роли государства в образовании остается важным ориентиром для педагогов, учеников, родителей.

В своих педагогических идеях Аристотель также выделял условия, в которых происходит наилучшее обучение. Он подчеркивал важность создания позитивной и мотивирующей образовательной среды. Это среда, где учащиеся чувствуют себя в безопасности, могут свободно выражать свои мысли и идеи, получают поддержку от учителей и сверстников. Таким образом, эмоциональный климат класса, по мнению Аристотеля, существенно влияет на процесс обучения. Образование в такой среде способствует лучшему усвоению знаний и развивает навыки критического мышления. Отстаивать свою точку зрения в наши дни является особенно актуальным.

Нельзя не упомянуть и о такой педагогической идее Аристотеля как «средний путь», где он указывает на необходимость баланса в обучении. Он утверждал, что крайности, будь то чрезмерная строгость или излишняя свобода, могут привести к негативным результатам. Говоря современным языком, учитель должен находить баланс, чтобы мотивировать студентов и одновременно направлять их в процессе образования. Такой подход может быть особенно актуальным и в современном образовательном процессе, где важна гибкость и адаптивность к различным стилям обучения.

Важно отметить, что Аристотель подчеркивал, что образование не заканчивается в школьные годы, а продолжается и во взрослой жизни. Он говорил о «непрерывном образовании», которое должно происходить на протяжении всей жизни, поскольку мир постоянно меняется, и знания должны обновляться. Это предвосхищает современные концепции непрерывного обучения, которое стало актуальным в условиях стремительного научно-технического прогресса и быстро меняющегося мира.

В заключение, несмотря на то, что педагогические идеи Аристотеля сформировались более двух тысяч лет назад, они сохраняют свою значимость и в современном образовании. Подходы Аристотеля к воспитанию, их универсальность, акцент на нравственное развитие личности молодого поколения и индивидуализацию образовательного процесса продолжают вдохновлять педагогов, политиков и философов на протяжении веков, создавая прочный фундамент для будущего об-

разования. Даже будучи взрослыми, получив специальность, мы продолжаем учиться, воспитываться и улучшать свои навыки. Образование, как считал древний мыслитель, должно быть доступным, всесторонним и направленным на формирование добродетельного гражданина, способного жить в гармонии с собой, обществом и государством [1].

Список литературы

1. Агеева Н. А. Психолого-педагогические аспекты правового сознания личности // Научная статья по специальности «Философия, этика, религиоведение». 2017. URL: cyberleninka.ru

2. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. В. Брагинской // Аристотель. Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. И. Доватура. М. : 1983. Т. 4. С. 53–293.

3. Доватур А. И. «Политика» Аристотеля // Аристотель. Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. И. Доватура. М., 1983. Т. 4. С. 38–52.

4. Донских О. А. Ситуация в современном образовании: Актуальность Аристотеля // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 12, № 1. 2018. С. 207–219.

5. Казанский А. П. Учение Аристотеля о значении опыта при познании. 2-е изд., исправл. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 432 с.

6. Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М. ; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. С. 222.

7. Сэндел М. Справедливость. Как поступить правильно? М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 217–239.

УДК 316

ОРДИНАРНЫЙ ДИСПУТ: ЗАБЫТЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Николай Сергеевич Гришин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

nikolaipgu@mail.ru

Аннотация. Рассматривается ординарный диспут как центральный элемент средневековой университетской образовательной системы и его потенциал для применения в современной педагогической практике. Раскрываются структура, виды и дидактические возможности диспута. Особое внимание уделяется ординарному (академическому) диспуту как регулярному учебному упражнению, формировавшему навыки активного усвоения знаний, критического мышления и аргументации. Обосновывается тезис о том, что принципы средневекового диспута могут быть адаптированы к современным образовательным форматам (семинары, защиты проектов, дискуссии) для развития у студентов коммуникативных компетенций и культуры спора. В заключение делается вывод о необходимости творческого переосмысления этого забытого инструмента обучения в условиях современного динамичного мира.

Ключевые слова: ординарный диспут, средневековый университет, схоластический метод, диалог веры и разума, активное обучение

Когда сегодня рассматриваются эффективные методы обучения, чаще всего вспоминаются интерактивные лекции, тренинги и деловые игры. Но если за-

глянуть в историю, можно обнаружить инструмент, который веками служил главным двигателем интеллектуальной жизни Европы. Речь идет о диспуте – центральном элементе средневековой университетской культуры.

Достойно удивления, насколько серьезное место занимал диспут в средневековой жизни. Это была не просто возможность поспорить, а обязательная процедура, через которую проходили все – от студентов до профессоров. Как пишет Е. Н. Лисанюк, само научно-образовательное общество того времени можно назвать «диспутирующим сообществом» [3, с. 212]. В ее работах говорится о том, что диспут выполнял сразу несколько функций: обучал, помогал открывать новое и даже служил своего рода экзаменом [4].

Еще один автор, который изучал это явление – О. Джавиш. Он рассматривает диспут не просто как формальный спор, а как диалог, в котором сталкиваются вера и разум [1, с. 213]. Этот подход кажется очень продуктивным, потому что он показывает: диспут – это не про «кто кого переспорит», а про поиск истины через столкновение разных позиций.

Цель данной статьи – не просто описать диспут как исторический феномен, а показать, чем он может быть полезен сегодня. Стоит заметить, что мы часто забываем старые, проверенные методы, увлекаясь новыми технологиями. Диспут — это не только способ усвоить материал, но и отличная тренировка аргументации, логики и умения общаться. В мире, где ценят критическое мышление и диалог, обращение к опыту прошлого, а именно к ординарному диспуту, может дать свежие идеи для образования.

Е. Н. Лисанюк в своих работах подчеркивает, что средневековое научно-образовательное сообщество по своей сути было «диспутирующим сообществом» [3, с. 212]. Диспут здесь выполнял множество функций: он был и дидактическим (обучающим), и эвристическим (поисковым), и квалификационным средством. Произнесение речи, состоящей из тезиса, ответов на возражения и аргументов, было необходимым структурным элементом жизни элитарного ученого сообщества.

Выделяют несколько видов диспутов, которые классифицировались в зависимости от места проведения, состава участников и целей. На теологическом факультете существовали: ординарные (академические) диспуты (disputationes ordinariae), специальные диспуты (disputationes de quodlibet) и обычные диспуты.

Именно ординарный диспут был основой повседневной университетской жизни. О. Э. Душин в своей работе «Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования» отмечает, что университет представлял собой свободное объединение преподавателей и студентов, которые вовлечены в двуединый процесс образования и обучения [2, с. 8]. Душин подчеркивает, что университет возник не случайно, а как логичный итог развития школ средневековой Европы, и именно диспут сделал это разрозненное сообщество единым целым.

Ординарный диспут представлял собой строго регламентированную процедуру, которая идеально вписывалась в педагогические задачи средневекового университета. Профессор заранее объявлял тему и время проведения диспута. Все бакалавры обязаны были присутствовать, также приходили другие магистры со своими учениками. Темы были актуальными и широкими, например: «Может ли Бог знать единичные сущности?» или «Можно ли иметь несколько истинных представлений о Боге?» [3, с. 214].

Процесс проходил в два этапа. На первом этапе, который длился несколько часов в первой половине дня, ведущий профессор назначал одного из бакалавров отвечать на аргументы, выдвигаемые слушателями и аудиторией. Секретарь все записывал. На втором этапе (determinatio), проходившем на другой день, профессор подводил итоги, рассматривал выдвинутые «за» и «против» и давал свое решение по заданной теме [3, с. 215].

Возникает вопрос, чем же этот формат эффективен как способ обучения? Попробуем это продемонстрировать.

Происходит активное усвоение знаний. В отличие от лекции, где студент – пассивный слушатель, диспут заставлял его быть активным участником. Чтобы отвечать оппонентам, нужно было не просто заучить материал, но глубоко его понять, видеть логические связи и возможные противоречия.

Развитие критического мышления и логики. Участие в диспуте требовало умения строить непротиворечивые цепочки рассуждений, выявлять логические ошибки в аргументах противника и следить за последовательностью выводов.

Ораторское мастерство и коммуникативные навыки. Публичная защита и нападение требовали отточенной риторики, умения четко формулировать мысли и держаться перед аудиторией. Сегодня наблюдает дефицит таких навыков у студентов, что подтверждают современные исследования: замена устных экзаменов письменными ведет к утрате способности вести диалог.

Воспитание культуры спора. Диспут учил вести полемику, не переходя на личности. Рациональная основа диспута, его строгий регламент и опора на авторитетные источники делали спор инструментом поиска истины, а не выяснения отношений.

Конечно, у диспута были и минусы. Со временем он мог вырождаться в чистую схоластику – споры ради спора, оторванные от реальной жизни. Кроме того, публичный диспут был серьезным стрессом. Это было похоже на экстремальный социальный лифт: либо ты взлетаешь на самый верх социальной лестнице благодаря удачному выступлению, либо терпишь досадное поражение, и все это решается здесь и сейчас, на глазах у критично настроенной толпы. Согласитесь, давление колоссальное.

Ну и конечно, многое зависело от ведущего. Профессор должен был не только глубоко знать предмет, но и уметь модерировать дискуссию, направляя ее в конструктивное русло.

Теперь зададимся вопросом: можно ли и стоит ли применять принципы ординарного диспута в современном образовании и коммуникации? Ответ кажется очевидным – не только можно, но и нужно. Конечно, не стоит механически копировать средневековую процедуру. Но ее принципы могут быть адаптированы. Например, на семинарских занятиях можно вводить элементы диспута: один студент защищает тезис, а группа выступает оппонентами, используя для опровержения не только логику, но и рекомендованные преподавателем источники. Это превращает занятие в увлекательный интеллектуальный поединок, а не в скучный пересказ параграфов или чтение с листка.

В современном образовательном пространстве аналогами ординарного диспута являются защита курсовых и дипломных работ, а также, диссертаций. В них мы видим те же элементы: публичная защита тезиса, ответы на вопросы оппонентов т.е. членов комиссии. Определенное влияние традиция оказала и на развитие теоретических семинаров, симпозиумов и конференций.

Близким к диспуту является и дискуссионное общение, активно применяемое в интерактивном обучении. Как и диспут, современная учебная дискуссия предполагает не просто обмен мнениями, а организацию совместной деятельности для ускорения принятия решений, формирование навыков анализа ситуаций и обособление главного от второстепенного. Основная задача дискуссии – заставить участников задуматься, пересмотреть свои убеждения и научиться аргументированно отстаивать свою точку зрения.

Уже сегодня в некоторых вузах практикуются междисциплинарные диспуты и круглые столы для развития кругозора и ораторских навыков будущих учи-

телей. Это свидетельствует о том, что интерес к диалогическим формам обучения не угасает, а напротив, получает новое дыхание.

Человечество всегда стремится к поиску нового, часто пренебрегая старым. Однако в погоне за инновациями мы не должны забывать о проверенных веками инструментах. Ординарный диспут ценен не только как способ усвоения учебного материала. Это уникальная тренировочная площадка для приобретения жизненно важных навыков, а именно: умения отстаивать свою точку зрения, опираясь на факты и логику, а не на эмоции; способности слушать и слышать собеседника, задавать уточняющие вопросы, вести переговоры и находить компромиссы; навыка анализа поступающей информации, выявления слабых мест в рассуждениях как своих, так и чужих.

Средневековый ординарный диспут был чем-то неизмеримо большим, чем просто способом проведения спора. Он являлся стержнем образовательной системы, эффективным механизмом передачи знаний и социализации интеллектуальной элиты. Исследования Е. Н. Лисанюк, О. Джавиша, О. Э. Душина и многих других позволяют нам увидеть в нем не только занимательный исторический курьез, но и мощный педагогический инструмент и ценный ресурс.

В современном мире, где информация стала главным ресурсом, умение с ней работать критически важно. Диспут учит нас не просто потреблять информацию, а пропускать ее через разум, проверять на прочность в диалоге и превращать в аргументированное убеждение. Интеграция элементов ординарного диспута в современную образовательную практику – семинары, коллоквиумы, защиты проектов – способна вдохнуть новую жизнь в учебный процесс. Это позволит нам не забывать старое, а творчески переосмыслить его, вооружив новое поколение навыками, необходимыми для успеха в сложном и динамичном мире.

Список литературы

1. Джавиш О. Средневековый диспут как форма диалога веры и разума // KANT. 2019. № 2 (31). С. 212–215.

2. Душин О. Э. Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2013. Вып. 2. С. 27–35.

3. Лисанюк Е. Н. Средневековый диспут // Логико-философские штудии. 2006. № 4. С. 212–228.

4. Лисанюк Е. Н. Современные подходы к реконструкции средневекового логического диспута // Логико-философские штудии. 2008. № 5. С. 101–110.

УДК 1:004.8

IBN RUSHD AS A HARMONIZER OF REASON AND RELIGION

German Mikhailovich Kirillov[1], Khaled Ahmed Al-Akbari[2]

[1,2]Penza State University, Penza

[1,2]gekir10@mail.ru

Abstract. This article explores the intellectual legacy of Ibn Rushd (Averroes) as a thinker who sought to harmonize reason and religion. It examines his role in demonstrating that philosophy does not contradict true faith, his influence on intellectual life in Al-Andalus and

medieval Europe, and the opposition he faced from traditionalist scholars. The article highlights Ibn Rushd's contributions to logic, medicine, jurisprudence, and his enduring significance as a symbol of intellectual enlightenment in Islamic civilization.

Keywords: reason, religion, Islamic philosophy, rationalism, intellectual enlightenment, mysticism, Sufism, double truth

Ibn Rushd (Averroes) is one of the greatest thinkers in the history of Islamic intellectual thought. Central to his philosophical project was the attempt to harmonize reason and religion, demonstrating that philosophical inquiry does not conflict with authentic faith. He lived for a long time in the Maghrib in the 12th century, after the caliph exiled him from his native Cordoba [10, p. 22]. This article analyzes Ibn Rushd's intellectual contribution, his historical influence, and his enduring legacy as a thinker who built a bridge between faith and reason. The purpose of this study is to examine Ibn Rushd's role as a harmonizer of faith and reason and to analyze the significance of his intellectual project, exploring his approach to reconciling philosophy and religious faith, his influence on the intellectual life of Al-Andalus and medieval Europe, the opposition he faced, and his legacy as a symbol of intellectual enlightenment. His ideas remain highly relevant today in discussions about reason and faith, the role of philosophy in a religious context, and the importance of intellectual pluralism.

The legacy of Ibn Rushd has been studied in detail by scholars such as Ernest Renan, whose foundational work Averroès et l'Averroïsme (1852) provided a comprehensive study of Ibn Rushd's life and influence [11, Preface]; Majid Fakhry, whose works explored his reconciliation of faith and reason [5, Chapter 8]; Richard C. Taylor, whose research deepened the understanding of his commentaries on Aristotle [12, p. 180]; and Mohammed Abed al-Jabiri, who examined his thought as a model of rationalism in the Arab-Islamic world [1, Chapter 3]. As al-Jabiri writes, «philosophers of the past (including Ibn Rushd)… all stand on the stage of a single scene, the scene of Arab culture which has not yet drawn down the curtain, not even once» [1, p. 37]. Existing scholarship has thoroughly covered Ibn Rushd's biography, his defense of philosophy against al-Ghazali, his commentaries on Aristotle, as well as his contributions to medicine and law. In addition to his commentaries on the works of Aristotle, «Ibn Rushd wrote a series of original works intended to show how far al-Farabi and Ibn Sina had departed from the genuine teaching of Aristotle» [5, p. 283]. However, gaps remain: his intellectual project is often treated in separate domains without proper integration; his rhetorical strategies have received less attention; the opposition he faced is often presented in overly binary terms; and the reception of his ideas in non-Western contexts remains underexplored. This study focuses specifically on Ibn Rushd as a harmonizer of reason and religion, emphasizing the unified vision he sought to construct, his methodological approach to dialogue, and the contemporary relevance of his intellectual project.

The central element of Ibn Rushd's intellectual project was the conviction that philosophy does not contradict true faith [6]. In the Decisive Treatise, he argued that the pursuit of philosophical knowledge is not only permissible but obligatory for those who possess the intellectual capacity for demonstrative reasoning. As Charles E. Butterworth accurately notes in his analysis of this work, «The Law not only permits but also mandates the study of philosophy and syllogistic or logical reasoning for those capable of demonstrative reasoning» [4, p. 15]. He argued that religious texts, when properly interpreted, are consistent with the truths discovered through rational inquiry. Butterworth emphasizes the key principle of the Cordovan thinker: «Averroes argues that truth does not contradict truth; thus philosophy and scripture, both being true, cannot ultimately conflict» [4, p. 22]. This approach allowed Ibn Rushd to affirm the compatibility of faith and reason, arguing that revelation and philosophy are two paths to the same truth.

Ibn Rushd argued that "truth does not oppose truth": if a philosophical conclusion contradicts the literal meaning of the Qur'an, this only means that the passage in question requires allegorical interpretation (ta'wil). He developed a sophisticated theory of interpretation to resolve apparent contradictions between Scripture and philosophical conclusions, arguing that religious texts contain multiple layers of meaning and that those possessing demonstrative reasoning have the right to interpret allegorical passages in a manner consistent with rational truth. As Majid Fakhry writes, Ibn Rushd systematically defended the Aristotelian heritage from the criticism of al-Ghazali [5, p. 289]. In turn, while al-Ghazali although finally rejected the platform of Sufism remained committed to mysticism because he recognized the existence of «a stage located above reason», and that for the initiate «the eye opens, before which the innermost reveals itself, that which is comprehensible only to the chosen few and is not comprehensible to reason» [3, p. 588].

Ibn Rushd made significant contributions to philosophy, logic, medicine, and jurisprudence. His commentaries on Aristotle earned him the title "The Commentator" in the Latin West, where his works profoundly influenced Christian scholastic thinkers such as Thomas Aquinas. As Richard C. Taylor notes, «Averroes' commentaries on Aristotle were not merely explanatory; they were transformative, presenting a coherent Aristotelian worldview that stood in contrast to the Neoplatonic interpretations of Avicenna» [12, p. 186]. In medicine, his encyclopedia Al-Kulliyat fi al-Tibb was widely used both in the Islamic world and in Europe. As Dominique Urvoy writes, «Ibn Rushd's life was deeply embedded in the Almohad political and religious context. His role as a judge (qadi) profoundly influenced his philosophical method, which always sought a legalistic, argumentative foundation for truth» [13, p. 45]. Special attention deserves his cosmology. Defending the views of Aristotle, Ibn Rushd affirmed the eternity of the world. In The Incoherence of the Incoherence, responding to al-Ghazali, he argues that «the world is simultaneously created (as dependent on God) and eternal (as essence), for God eternally precedes the world in time, but not as something preceding in time» [7, vol. 1, p. 103, Discussion 1].

Ibn Rushd demonstrated a profound understanding of how to engage with different audiences. In the Decisive Treatise, he set out three paths to truth corresponding to three types of people: the rhetorical path for the general public, the dialectical path for theologians, and the demonstrative path for philosophers. His response to al-Ghazali in The Incoherence of the Incoherence illustrates his commitment to systematic thinking and respectful engagement with opposing views. As Oliver Leaman emphasizes, «Averroes' method is to show that the philosophers do not deny the truth of religion; rather, they provide the deepest interpretation of it» [9, p. 98]. The denial of causality, from Ibn Rushd's point of view, leads to the denial of knowledge as such: «To deny causality is to deny knowledge and philosophy, for knowledge is nothing but the perception of causes» [7, vol. 1, p. 187, Discussion 3]. Ibn Rushd instructed: «You should seek the true demonstrations in the works of the ancients devoted to this problem, especially in the books of Aristotle» [3, p. 286].

Ibn Rushd's influence extended far beyond his own lifetime. In Al-Andalus and the Islamic world, he represented a model of rational inquiry. However, the most fruitful influence occurred in medieval Europe, where the translation of his works into Latin introduced Western scholars to the philosophy of Aristotle. Ernest Renan characterizes this influence as follows: «The history of Averroism is the story of the struggle of human reason against established religion. Averroes gave philosophy its independence. Through him, Aristotle became the master of the thinkers of the West» [11, Preface]. This influence gave rise to Latin Averroism, whose key representatives were Siger of Brabant and Boethius of Dacia. As Alfred L. Ivry notes in his translation of the Middle

Commentary on Aristotle's De Anima, «Averroes distinguishes between the material intellect, which is a passive disposition in the individual, and the agent intellect, which is separate and eternal. The conjunction of the material intellect with the agent intellect constitutes human understanding» [8, p. 67]. According to Siger, the individual soul is mortal, and only the impersonal generic intellect is immortal. Boethius of Dacia argued that philosophy should go wherever arguments lead, even if this contradicts faith. As noted in the study by A.V. Appolonov, although the pure doctrine of double truth is absent in Siger and Boethius, in the eyes of church censors their teaching looked exactly like that [2, p. 89]. Although the initial points of view of the Arab philosopher and the "group of Siger" on the problem of the relationship between faith and reason are different (Averroes recognized the superiority of philosophy over religion and considered the Qur'an a symbolic exposition of the doctrine of Aristotle, while the "Latin Averroists" resorted to the theory of "double truth"), the conclusions they reached are surprisingly similar: both of them (to a large extent for the reasons stated above) refused to change anything in the philosophical system of the Stagirite so that it would correspond to one or another religious dogma; moreover, they sought to return to the "authentic Aristotle," philosophizing as if these dogmas did not exist at all [2, p. 48]. On December 10, 1270, the Parisian bishop Etienne Tempier condemned 13 theses of the Averroists, and on March 7, 1277 — already 219 theses. Siger and Boethius were forced to flee from Paris. The paradox, as Richard C. Taylor notes, lies in the fact that «for Averroes, there is no contradiction between philosophy and religion because religion, rightly understood, calls for philosophy. The ultimate truth is one, though the paths to it are many» [12, p. 192]. The reception of Ibn Rushd's thought was varied. As Dominique Urvoy notes, «the condemnation of Ibn Rushd's works in Cordoba was not simply a religious persecution; it had political dimensions related to the shifting alliances within the Almohad court» [13, p. 112].

Despite his intellectual achievements, Ibn Rushd faced significant opposition from traditionalist scholars. His ideas were condemned, and towards the end of his life he experienced political and social isolation. Some of his works were banned, and he was briefly exiled. However, the opposition was not monolithic. The political aspects of his exile, including his relationship with the Almohad rulers, also played a role. A deeper understanding reveals that the conflict was not merely between reason and faith, but also involved political, social, and institutional factors.

Ibn Rushd represents a model of a scholar who successfully combined faith and reason, religious knowledge and rational sciences. In the modern era, he has become a symbol of intellectual enlightenment in Islamic civilization. As Mohammed Abed al-Jabiri writes, «Averroes represents the pinnacle of rationalist critique in Arab-Islamic thought. His central project was not merely to reconcile religion with philosophy, but to reform the very structure of Arab reason by establishing the sovereignty of demonstration (burhan) over rhetorical and dialectical methods» [1, p. 87]. Moreover, al-Jabiri emphasizes: «The call for a 'Rushdian' reform in the modern Arab world is a call to return to a methodology based on critique, subjecting inherited traditions (turath) to the rigorous standards of rational analysis, just as Ibn Rushd subjected the arguments of al-Ghazali to critical scrutiny» [1, p. 215].

Ibn Rushd is one of the most significant thinkers in the history of philosophy, whose intellectual project sought to harmonize reason and religion. His influence on Islamic and European thought, his contributions to various disciplines, and his enduring legacy as a symbol of rational inquiry make him a figure of lasting significance. By analyzing his approach to harmonization, his methodological strategies, the opposition he faced, and his legacy, this study has emphasized the unified vision that Ibn Rushd sought to create — a vision integrating wisdom, religious law, and rational inquiry. His

project remains relevant today as a model for approaching contemporary debates on the relationship between faith and reason, the role of philosophy in a religious context, and the importance of intellectual pluralism. His commitment to dialogue, systematic thinking, and the pursuit of truth offers valuable lessons for our time.

References

1. Al-Jabiri, Mohammed Abed. The Formation of Arab Reason // Tradition and the Construction of Modernity in the Arab World. Beirut : Centre for Arab Unity Studies, 1991.
2. Appolonov A. V. Латинский аверроизм XIII века. М. : IF RAN, 2004.
3. Averroes (Ibn Rushd). Опровержение опровержения / Trans. S. I. Eremeev. Kiev : UCIMM-Press ; St. Petersburg : Aleteya, 1999.
4. Butterworth Charles E. Averroes and the Argument for the Harmony of Philosophy and Religion // Averroes and the Enlightenment / ed. by Mourad Wahba and Mona Abousenna. Prometheus Books, 1996. URL: openlibrary.org
5. Fakhry Majid. A History of Islamic Philosophy. 3rd ed. New York : Columbia University Press, 2004.
6. Ibn Rushd (Averroes). The Book of the Decisive Treatise (Fasl al-Maqal) / Trans. by Charles E. Butterworth. Provo, Utah : Brigham Young University Press, 2001.
7. Ibn Rushd (Averroes). The Incoherence of the Incoherence (Tahafut al-Tahafut) / Trans. by Simon van den Bergh. Vol. 2. London : Luzac & Co., 1954.
8. Ivry Alfred L. Averroes' Middle Commentary on Aristotle's De Anima. Provo, Utah : Brigham Young University Press, 1991.
9. Leaman O. Averroes and His Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 1988.
10. Oganisyan Yu.S. Абд-аль-Кадир М. М. : Molodaya Gvardiya, 1968.
11. Renan E. Averroès et l'Averroïsme. Paris : Michel Lévy Frères, 1852.
12. Taylor Richard C. Averroes: Religious Dialectic and Aristotelian Philosophical Thought // The Cambridge Companion to Arabic Philosophy / ed. by Peter Adamson and Richard C. Taylor. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 180–200.
13. Urvoy D. Ibn Rushd (Averroes). London : Routledge, 1991.

УДК 1:004.8

EURANISM AS AN IDEOLOGY: FROM ITS ORIGINS TO THE GEOPOLITIC STRANEGY OF MODERN RUSSIA

German Mikhailovich Kirillov[1], Riham El Fouch[2]

[1,2]Penza State University, Penza

[1,2]gekir10@mail.ru

Abstract. This article examines the evolution of Eurasianism as a holistic scientific, philosophical, and political movement, tracing its intellectual origins from the works of 19th-century Russian thinkers such as N. Ya. Danilevsky and K. N. Leontiev to its classical formulation by émigré scholars of the 1920s, including N. S. Trubetskoy and P. N. Savitsky. The study analyzes the core theoretical tenets of Eurasianist doctrine, highlighting its unique approach to geopolitics based on the continental-maritime dichotomy derived from Mackinder and Spykman, its religious and philosophical foundation of ideocracy, and its distinctive economic theory of the «good owner». The article further explores the transformation of Eurasianism from a marginal philosophical discourse of the diaspora into a practical geopolitical strategy of con-

temporary Russia, realized through institutions such as the Eurasian Economic Union and conceptualized by modern thinkers like A. Dugin within the framework of the Fourth Political Theory. Concluding with a critical assessment of neo-Eurasianism's prospects and challenges – including its reception in Asia and competition with alternative integration projects – the paper argues that the Eurasian idea represents a significant ideological reconfiguration through which Russia seeks to establish a multipolar world order and assert its civilizational distinctiveness against Western Atlantic hegemony.

Keywords: Eurasianism, geopolitics, ideocracy, continental powers, maritime powers, multipolarity, Russia's geopolitical strategy, dialogue of civilizations, East-West dichotomy

The «Eurasian idea», or «Eurasianism», is presented as a Russian doctrine and strategy. This conflict is waged along political and ideological lines, aimed at countering the Western hegemonic system, so that Russia can restore its balance and position and create what can be called a «Eurasian world». The Eurasian idea is an expression of the Russian national spirit of rebirth and a guarantor of Russia's security and interests in its adjacent land and sea territories. In fact, it represents a growing intellectual and political movement in Russia, which is increasingly gaining strength today, particularly in confronting the existential challenges facing the country. Supporters of the Eurasianist movement, with Alexander Dugin currently at the forefront of its representatives, see that the fundamental problem facing Russia, which has led to the loss of many elements of its superpower power, its centers of influence, and its vital interests in the world, and its approach in the 1990s to the brink of extinction, collapse, and disintegration, is to let go of the time when it was deprived of its natural role, assigned to it by its key geopolitical position, and its subsequent participation in Western Atlantic politics.

Eurasianism as a holistic scientific and political movement emerged a century ago among Russian émigrés in Europe in the 1920s. The intellectual preconditions for its emergence began to take shape as early as the mid-19th century, with the works of N. Ya. Danilevsky (who first conceptually contrasted Russia and Europe), K. N. Leontiev (who called for rapprochement with the Ottoman Empire), V. I. Lamansky (who identified Russia as a distinct «Middle World») and V.P. Semenov-Tyan-Shansky, who proposed the concept of «Eurasia» as a territory «from the Volga to the Yenisei». It was through the efforts of thinkers from the Russian diaspora – N. S. Trubetskoy [8], P. N. Savitsky, G. V. Vernadsky, N. N. Alekseev, and others – that this approach took shape as a coherent doctrine affirming the cultural distinctiveness of the Russian-Eurasian world.

Before discussing the «Eurasian strategic doctrine», it is necessary to briefly examine the concepts of «Eurasia» and «Eurasianism». It is well known that the science of geopolitics, founded by the German Friedrich Ratzel and developed by the British Sir Hilford Mackinder, as well as by Americans Alfred Mahan, Nicholas Spykman [7], and others, recognizes the existence of two primary geopolitical entities, or poles: continental powers (Eurasia) and maritime powers (the Atlantic). A fundamental contradiction exists between these two poles, not based on class affiliation. It arose from the geographic concept of «extent». For Ratzel «in order to understand the role of Man and his destiny» one should «picture him on the land where is set the scene of his action» [4, p. 201–235].

Land pole is represented by the so-called «Heart of the Earth», extending across the entire Asian continent and part of Europe, including a significant portion of modern-day Russia, as well as other parts of South and East Asia. In contrast, maritime power is concentrated in coastal or peripheral regions, centered on the Atlantic region (formerly dominated by the British Empire, but later shifting its center of gravity toward the United States). A conflict is taking place between these two main poles, affecting civilizational, cultural, and material aspects. Beyond technological, economic, and strategic aspects, this conflict inevitably touches on the management of natural resources and

energy sources, as well as spheres of influence. «Whoever controls Eurasia (the heart of the world) controls the world» [5, p. 43]. This control can be exercised in two different ways, depending on the overall balance of power between «land» and «sea» powers.

The first method, or the so-called continental method, assumes that internal motivations prevail, emanating from the very heart of the continent. This heart, regardless of whether it was the Russian Empire, a broader Eurasian entity, or a continental alliance comprising countries such as Russia, China, India, Iran, etc., or anything else. The mission of the «Land Pole» is to maximize its influence across the regions covering the continent—all of Eurasia and its adjacent regions —— and to establish strategic integration between them. We see signs of such an alliance or integration today. Another model is control over Eurasia and its surrounding regions, and, of course, energy resources. This is the model here. External control exercised by maritime powers. This (Atlantic) model aims to dominate the strategic region itself. External control is imposed on the so-called «coastal zones» separating the «heart of the world» from the sea. Hot and warm. This form is historically associated with Anglo-Saxon power: empire. Previously, the United States of America, which gradually assumed leadership at the Atlantic pole, controlling the fate of the world today. The incorporation of «coastal zones» into the center of Atlantic power and the extension of control across the seas and oceans through navies, aircraft carriers, transnational and international companies, and the transportation of energy resources by tankers. This is a relationship. What are these «coastal zones» stretching from Europe, through the Middle East, and all the way to the Far East and the Pacific Ocean? In contrast to Mackinder's formula, which considered Eurasia to be the «heart of the world», and whoever controls it controls the world, American geopolitician William Speakman believed that rimland (coastal regions) are the key to global domination. He wrote: «Who controls the rimland rules Eurasia, and who rules Eurasia controls the destinies of the world» [5, p. 43]. The most important component of Eurasianist theory is the religious factor and the concept of ideocracy. The Eurasian value system, unlike the rational-legal system of the Western world, is based on the principle of ideocracy—the political expression of religious consciousness. Power should reflect not so much the opinion of the general public as the highest truths preserved by tradition. For the classics of Eurasianism, ideocracy is impossible without religion; however, it is not a theocracy, but a synthesis of spiritual tradition and political system. They perceived Orthodoxy as the foundation of Russian culture and statehood– more conciliar and organic to Eurasian spirituality than Western Christianity. At the same time, Eurasianism acknowledged the influence of other religions–Islam, Buddhism, and pagan faiths – on the formation of civilization, envisioning a «symphony of religions» under the auspices of a strong state. The philosophical and economic teachings of the Eurasianists deserve special attention, based on moral principles and developing the views of S.N. Bulgakov. P.N. Savitsky consistently distinguished between economics and economics, emphasizing the figure of the «owner» as opposed to the «entrepreneur» (homo economicus). While the entrepreneur is driven by economic egoism and strives for maximum profit, the «good owner» cares for the material well-being of his workers, perceives the economy as a spiritual system, and is willing to make sacrifices for its sake. Savitsky distinguished between the economic world (the world of relative values, exchange value) and non-economic worlds (worlds of absolute beings, such as human life, love, and friendship). The theory of the «owner's valuation of the economy» serves as a bridge between these worlds, arguing that the well-being of the economy is based on a humane attitude toward people and thrift, not the pursuit of profit.

L.N. Gumilev, L.P. Karsavin, N.S. Trubetskoy, P.N. Savitsky, and D.P. Svyatopolk-Mirsky are traditionally considered Russian Eurasianists. The origins of Eurasianism are usually associated with the legacy of the Slavophiles. However, their

ideas were not mechanically adopted by Russian Eurasianists. For In particular, the idea of Pan-Slavism was reconsidered. For N.S. Trubetskoy for instance «There are no higher and lower cultures» [6]. From the perspective of Russian Eurasianists, the culture of the Turanian (i.e., Turkic peoples, such as the Uzbeks and Turkmens) peoples was historically closer to that of the Western Slavs. They also rejected the community as the basis of the economy, prioritizing the development of private initiative. At the same time, the Eurasianists retained the general anti-bourgeois orientation of the Slavophiles' thought. Key to understanding their historiosophy is that they considered the Mongol Empire of the 13th century, rather than Kievan Rus', to be the source of Russia's Eurasian political and cultural unity, viewing it as a «steppe civilization» that preserved Orthodox foundations from the ideological expansion of the West. At the present level, this ideological reconstruction is based on a triple critical foundation: a systematic critique of European radical individualism; a reassessment of the role of the state governance traditions of the Mongol Empire; and a genealogical analysis of elements of Turanian civilization, revealing the normative function of the «philosophy of the subconscious» of the Russian people in the formation of modern social norms. The philosophical basis of classical Eurasianism has its own specifics. Researchers often identify it with the concept of L.P. Karsavin, however, the movement's founders, P.N. Savitsky and N.S. Trubetskoy, admitted that Karsavin's philosophy was deeply alien to them. The philosophical core of Eurasianism itself is an original concept of «ontological structuralism», within which the «structure» of culture is understood not as an epistemological model, but as an essence—that is, realistically, not nominalistically. According to Savitsky, space is semantic, symbolically charged, and perceived as a "natural Revelation" in which God's plan for the destiny of nations is encoded. A single organizational idea («eidos») permeates both the geographical bosom of Eurasian civilization and its culture. L.N. Gumilev, who became a key proponent and popularizer of Eurasianism in the late Soviet era, developed classical approaches with ideas about the ethnic determinacy of the transformations of the Eurasian space, the strict rhythm of ethnogenesis, and the role of the phenomenon of passionarity. Gumilev supplements the usual set of social spheres with another one: «Ethnosphere – the mosaic anthroposphere + the sociosphere, i.e. a combination of ethno-relief systems entities, which are always dynamic» [3, p. 161]. His concept of the symbiosis of «forest and steppe» largely determined the reception of Eurasian ideas by a wider audience.

Eurasianist ideas are currently experiencing a renaissance of sorts. In modern Russia, especially since the early 2000s, Eurasianism has transformed from a purely theoretical discourse into a practical instrument of state policy. Against the backdrop of the crisis of the international order based on the Western model and disillusionment with the liberal course of the 1990s, a demand for a new geo-ideology has emerged in society and government. This is reflected in documents such as the Foreign Policy Concept of the Russian Federation, which defines «Russia's special position as a distinctive state-civilization». At the external level, Eurasianism initiates a paradigmatic shift in Russia's geopolitical orientation—from maritime to continental—and advances the concept of building a regional economic and security community with Russia as a strategic hub based on the modernization of Eurasian transport corridors. This model aims to structurally challenge the unipolar world order under the auspices of the United States and promotes the formation of a multipolar architecture of global power. At the level of practical policy, the active construction of Eurasian integration began in the mid-1990s: Nursultan Nazarbayev's initiative for the Eurasian Union (1994), the creation of the EurAsEC (2000), the Customs Union (2010), and finally, the Eurasian Economic Union (2015). In the last decade, the scope of these ambitions has expanded to the concept of a Greater Eurasian Partnership, which envisions the alignment of the EAEU with China's

Belt and Road Initiative, the integration of the SCO, CSTO, and BRICS formats, and the formation of a new pole of a multipolar world on the continent. However, as experts note, in the current situation, it would be appropriate to prioritize the task of ensuring not so much a Greater Eurasian partnership as an intra-Eurasian partnership, complementing metaphysical concepts with an analysis of reality—mass consciousness, value systems, and the needs of the population. This primarily concerns the so-called neo-Eurasianism of the contemporary conservative philosopher A. Dugin, who attributes this doctrine to the role of a geopolitical strategy for the reintegration of the post-Soviet space and the creation of a multipolar world as an alternative to the «unipolar globalization» led by the United States. He declares: «Russia's geopolitical future is questionable today, because its geopolitical present is debatable. In Russia itself, a hidden confrontation occurs among the political elite between the new Westernism (Atlanticism) and gravitation toward the constants of Russian history (which necessarily gives us Eurasianism). We can draw a few conclusions from this about coming geopolitical processes» [1, p. 201]. R.R. Vakhitov and S.G. Kara-Murza can also be counted among the heirs of Eurasianism. At the same time, the expert community is debating the degree of continuity between classical Eurasianism and its modern interpretations, as well as the extent to which the concept of a «special path» facilitates a real dialogue with the rapidly developing countries of Asia. There is also a critical view of the Eurasian concept. Some researchers and publicists point out that traditional Eurasian thought is the thought of a European, and that no «Asian Eurasianism» ever existed. The term «Eurasianism» can be misleading: L.N. Gumilev's book is called «Ancient Rus' and the Great Steppe», focusing primarily on the European steppe-the Black Sea and Volga regions. For the vast and densely populated Asian continent, the steppe and nomadic life are peripheral phenomena; the steppe belt borders the northern zones of ancient agricultural civilizations. For China, India, and Central Asia, the steppe dwellers were as much a threat as they were for Rus'. Therefore, the position «we are the heirs of the Horde» may not be understood by our Asian partners. Modern Asia is not endless pastures, but the skyscrapers of Shanghai, high-speed trains, the world's largest ports, and leading universities. A true understanding of Asia requires going beyond the Eurasian myth and training specialists in the languages and cultures of the Asian peoples. Outside of narrow expert and political circles, the population's «Eurasian» identity remains blurred, giving way to national, religious, or ethnic identity, or post-Soviet nostalgia. For Central Asia, the Eurasian project competes with Turkic and Islamic identities (within the Organization of Turkic States), as well as with China's Belt and Road Initiative. Experts note that competition between Russia's integration projects (the EAEU and the CSTO) and Turkey's will intensify, and the choice of participating countries will be determined by economics: those that invest more in improving the well-being of their populations will be the ones to join.

Thus, the evolution of the Eurasian idea demonstrates the path from the philosophical and historical doctrine of the Russian diaspora, through Soviet marginalization, to the current geopolitical strategy of modern Russia. The process of borrowing and creatively adapting ideas represents an ideological reconfiguration through which Russia seeks alternative paths of development in the face of contemporary modernization challenges. At the same time, discussions continue both about the civilizational identity of Eurasia itself and about the practical mechanisms for implementing the Eurasian project in a multipolar world. We again find the transformation of philosophy into ideology: «Therefore, we need to find a new name for this kind of ideology, and Fourth Political Theory is quite appropriate. It doesn't tell us what this. Theory is, but rather what it isn't. So it is a kind of invitation and appeal rather than dogma» [2, p. 205].

References

1. Dugin A. Last War of the World-Island // The Geopolitics of Contemporary Russia. London : Arktos, 2015.

2. Dugin A. The Fourth Political Theory. London : Arktos, 2012. 211 p.

3. Gumilev L. Ethnogenesis and Biosphere. L., 1989.

4. Mercier G. The Geography of Friedrich Ratzel and Paul Vidal de la Blache: A Comparative Analysis Annales de Géographie // 104e Année. № 583 (Mai-Juin 1995). P. 211–235.

5. Mackinder H. The geographical Pivot of history // Geographical Journal. 1904. Vol. 23, № 4.

6. Ratzel F. Political Geography // The concept of lebensraum and the Organic State. Munich, 1897. URL: nibmehub.com

7. Spykman N. Geography of the Peace. New York, 1944.

8. Trubetskoy N. S. Europe and Mankind. URL: https://sashamaps.net/docs/writings/europe-and-mankind/

РАЗДЕЛ 4

РЕЛИГИЯ, ЭТИКА И МОРАЛЬ В СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИАЛОГ И КОНФЛИКТ

УДК 177.7

УЧЕНИЕ КОНФУЦИЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ (ДЭ) И ГУМАННОСТИ (ЖЭНЬ)

Ольга Александровна Мартынова[1], Никита Игоревич Табаков[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]tabakovnikita24@gmail.com

Аннотация. Выявляются смысловое содержание и взаимосвязь ключевых категорий конфуцианского учения – гуманности (жэнь) и добродетели (дэ). Представлен анализ того, каким образом они формируют целостную модель нравственной личности и морального управления. Используются историко-философский и понятийно-текстологический методы, а также сопоставительный анализ интерпретаций в современной научной литературе. С помощью данных методов уточнены значения жэнь и дэ, показан механизм их связи через самовоспитание и должное поведение, а также раскрыто политико-философское значение дэ как принципа управления, основанного на нравственном авторитете. Проведенный анализ позволяет рассматривать конфуцианство как систему, в которой этика личности и общественный порядок взаимно обусловлены, а категории жэнь и дэ выступают фундаментом устойчивости социальных отношений и легитимности власти.

Ключевые слова: конфуцианство, жэнь, дэ, ли, гуманность, добродетель

Учение Конфуция о гуманности (жэнь) и добродетели (дэ) сформировалось в условиях общественно-политического кризиса поздней эпохи Чуньцю, когда распад традиционных норм и ослабление центральной власти поставили вопрос о новых основаниях порядка. В этих обстоятельствах Конфуций выстраивает программу нравственного восстановления общества через воспитание личности: жэнь задает нормативное содержание человеческой правильности в отношениях, а дэ фиксирует нравственную силу, возникающую из устойчивого самовоспитания и последовательного следования должному. Эти категории оформляются как взаимосвязанные элементы единой модели, где личная нравственная состоятельность рассматривается как предпосылка устойчивой социальности.

Роль конфуцианства в Китае заключается в выполнении функции базовой нормативной матрицы, определяющей критерии должного поведения, социальную ответственность и представления о легитимной власти. Через категории жэнь и дэ конфуцианство формирует ценностные ориентиры межличностных отношений, закрепляет приоритет самодисциплины и морального авторитета, задает этический стандарт для управленца и институциональную культуру служения. Конфу-

цианская система выступает механизмом интеграции общества, поддержания доверия и согласованности социальных практик, обеспечивая устойчивость моральных и политических представлений в китайской цивилизационной традиции.

В традиции жэнь обычно определяют как гуманность, человеколюбие или человечность, а дэ как добродетель. Эти понятия привычны, но они легко создают ложное впечатление, что Конфуций говорит о нравственных качествах в общем, без строгой внутренней структуры. В им созданной конфуцианской системе жэнь и дэ выполняют разные функции: жэнь задает содержание человеческой правильности, а дэ объясняет, как эта правильность становится устойчивой и действенной в реальной жизни и в отношениях между людьми [2, 4].

Жэнь у Конфуция целесообразно понимать как нормативное качество человеческого бытия, которое раскрывается в правильном способе соотносить себя с другими. Это не эмоциональная доброта и не частный акт милосердия, а целостная способность быть человеком в полноте смысла, то есть удерживать меру, уважение, ответственность и внутреннюю дисциплину в разных жизненных ситуациях. Поэтому жэнь нельзя сводить к намерению «быть хорошим»: Конфуций рассматривает человечность как практику самовоспитания, в которой человек учится управлять собой: контролировать действия, исправлять недостатки и вырабатывать устойчивые образцы поведения. Важный смысловой акцент заключается в том, что жэнь проверяется не словами, а тем, как человек ведет себя в устойчивых отношениях и в нравственно напряженных обстоятельствах, где проще было бы пойти по пути выгоды, страха или равнодушия [4].

С конфуцианской точки зрения жэнь не существует вне отношений, вне формы поведения. Если понимать жэнь только как внутреннее чувство, оно становится непроверяемым и легко превращается в декларацию. Конфуций же мыслит человечность как норму жизненного способа: она проявляется в том, как человек строит речь, как относится к старшим и младшим, как соблюдает меру в требованиях к другим, как способен к стыду и самокоррекции, как сохраняет верность долгу и справедливости. В этом смысле жэнь ближе к нравственной компетентности личности, чем к отдельной добродетельной эмоции. Отсюда объяснима и множественность понятий: слова «гуманность» и «человеколюбие» обычно звучат психологически и эмоционально, тогда как в конфуцианском контексте главный смысл жэнь – нормативно-практический, связанный с формированием личности через постоянную работу над собой [12].

Дэ у Конфуция также нельзя определять как добродетели в качестве набора хороших черт. Дэ в конфуцианской логике – это нравственная сила или нравственный авторитет, возникающий из внутренней устойчивости человека и проявляющийся в его способности воздействовать на других без внешнего принуждения. Такое воздействие строится не на страхе и не на формальном статусе, а на доверии и признании. Когда человек последователен, справедлив, сдержан, когда его слова совпадают с делом, а поведение демонстрирует уважение к порядку, он становится ориентиром для других. Поэтому дэ можно понимать как «действенность нравственности»: оно показывает, каким образом моральное качество превращается в реальную социальную силу, способную упорядочивать отношения вокруг личности [2].

Слово дэ имеет два значения, которые часто смешивают. Первый слой – дэ как внутренняя нравственная состоятельность, сформированная самовоспитанием: устойчивость характера, благодаря которой человек способен удерживать должное без постоянного внешнего контроля. Второй слой – дэ как признанный другими моральный авторитет, то есть социальный эффект этой внутренней устойчивости. В конфуцианской перспективе второй слой невозможен без первого: авторитет, основанный только на статусе или принуждении, не является дэ

в строгом смысле, потому что он не формирует нравственный порядок, а лишь заставляет подчиняться. Настоящее дэ действует через пример: оно не подавляет, а воспитывает, пробуждая в других стремление к правильности [3].

Соотношение жэнь и дэ принципиально нетождественно. Жэнь является нормативным ядром учения: это человеческая правильность как внутренний принцип и цель самовоспитания. Дэ, напротив, обозначает устойчивость и социальную действенность этой правильности: оно свидетельствует, что человечность стала реальным способом жизни и приобрела силу характера и примера. Жэнь отвечает на вопрос, каким должен быть человек, чтобы быть человеком в нравственном смысле, а дэ отвечает на вопрос, почему и как эта человечность становится способной формировать поведение и порядок вокруг личности. Дэ не прибавляется к жэнь как внешняя награда; оно возникает из практики жэнь, то есть из постоянного самоконтроля, верности должному и способности жить по мере, а не по случайным импульсам [3, 4].

В конфуцианской традиции жэнь и дэ связаны как «внутреннее качество человека» и «его действенная моральная сила, проявляющаяся вовне». Жэнь обычно понимают как сердцевину человечности и сочувствия, способность жить по-человечески в отношениях, тогда как дэ – как добродетельную силу притяжения и авторитет, благодаря которым человек упорядочивает себя и влияет на других не принуждением, а примером. Эта связка не сводится к декларациям: она мыслится как результат длительной внутренней работы над собой, где внутреннее состояние постепенно становится устойчивым характером и видимым образом действия [4].

Механизм перехода от внутреннего к действенному Конфуций описывает через самокультивацию (исправление себя, дисциплина желаний, постоянное обучение) и через ли – ритуально-нормативный порядок: правила поведения, формы уважения, этикет, правильные социальные роли. Важнейшая формула здесь: «победить себя и вернуться к ли – значит быть жэнь», причем Конфуций подчеркивает, что осуществление жэнь зависит от себя и раскрывает конкретный критерий: «не по ли – не смотри, не слушай, не говори, не делай». Ли выступает не внешней оболочкой морали, а методом внутреннего преобразования: через контроль внимания, речи и поступков человек постепенно очищает мотивацию и делает жэнь устойчивым [9].

Когда жэнь стабилизируется как «качество сердца и намерения», оно начинает проявляться как дэ – уже не как разовые правильные поступки, а как постоянная способность действовать так, что другие выравниваются без давления. Конфуций иллюстрирует это на политико-этическом уровне: «управлять через дэ – как Полярная звезда: она неподвижна, а звезды обращаются вокруг нее». Рядом стоит и связка дэ с ли: не наказания и страх делают людей нравственными, а «вести через дэ и упорядочивать через ли» – тогда возникает стыд за дурное и внутренняя коррекция поведения. В логике конфуцианства это и есть работа дэ: оно действует как моральное влияние, но его источник – внутренне сформированное жэнь, поддерживаемое дисциплиной ли [5].

Фигура благородного мужа, цзюньцзы, соединяет эти элементы в цельный образ. Цзюньцзы – не титул по происхождению, а этический тип личности, который делает самокультивацию центральной задачей: он ищет в себе причины и основания поступков, а не переносит ответственность вовне; он выстраивает себя так, чтобы нормы ли стали естественными, а не натянутыми. В классической интерпретации это означает: через ученичество у традиции и практику ли человек максимизирует жэнь, и тем самым начинает осуществлять дэ, так как подобает цзюньцзы. Поэтому цзюньцзы – не просто носитель правил, а живой посредник

между внутренней человечностью (жэнь) и ее социально ощутимой силой (дэ): внутреннее становится характером, характер – стилем действия, а действие – моральным примером [6, 7].

В учении Конфуция категории жэнь и дэ имеют прямое политико-управленческое значение. Конфуций связывает устойчивость общественного порядка прежде всего с нравственными качествами управляющих, а не с преобладанием карательно-правовых средств. В этой логике дэ выступает принципом управления: власть признается легитимной и эффективной при наличии у правителя нравственного авторитета, обеспечивающего влияние через пример [8, 11].

Конфуций различает внешнее принуждение и нравственное руководство. Принуждение обеспечивает подчинение, но не формирует внутренние основания порядка. Управление посредством дэ предполагает, что образец поведения, задаваемый правителем, становится ориентиром для общества, а соблюдение должного поддерживается не страхом наказания, а признанием правильности и устойчивости данного образца. Следовательно, политическое у Конфуция выводится из этического: качество управления определяется качеством личности управляющего [1, 11].

Дэ в политическом измерении следует понимать как способность власти действовать через доверие и признание, а не через систематическое применение принуждения. Связка дэ с жэнь носит нормативный характер. Жэнь задает критерий человечности управления, то есть требование направленности на благо людей и соблюдения справедливой меры в отношениях с подданными. Дэ обеспечивает практическую реализацию этого критерия, поскольку делает нравственные требования действенными в форме личного примера и поддержания нравов [3, 6].

Конфуцианская модель не исключает норм и санкций, однако рассматривает их как вспомогательные средства. Преобладание наказаний трактуется как признак ослабления нравственных оснований порядка. Наказания регулируют внешнее поведение, но не формируют устойчивой моральной мотивации. Управление посредством дэ ориентировано на формирование внутренней мотивации соблюдения должного и на поддержание общественного порядка через воспитание нравов [10, 11].

Конфуцианство фиксирует этико-социальный принцип, в котором человечность выступает нормативным основанием личной и общественной жизни, а добродетель – механизмом ее реальной действенности. Жэнь задает критерий правильного отношения к людям и меру ответственности человека в системе устойчивых связей, а дэ выражает сформированную нравственную силу личности, способную обеспечивать доверие, воспроизводимость должного поведения и устойчивость порядка без опоры на постоянное принуждение. В совокупности жэнь и дэ оформляют конфуцианский проект воспитания личности как условия общественной стабильности: внутреннее самосовершенствование рассматривается не как частная мораль, а как базовый ресурс легитимности власти, согласованности социальных отношений и культурной преемственности.

Список литературы

1. Дорский А. Ю., Ма Сяоюй. Мораль как основа «общества всеобщей гармонии» в китайской философии // Litera. 2024. № 12. С. 119–132.

2. Головачев В. Ц. О принципах и нормах конфуцианской этики (к вопросу о критериях социальной гармонии) // Orientalistica. 2021. Т. 4, № 1. С. 242–259.

3. Орлова А. А. Системообразующая роль нравственной идеи в конфуцианстве (на примере философских воззрений Конфуция) // Orientalistica. 2020. Т. 3, № 4. С. 1452–1469.

4. Караев Э. Т. Категория «жэнь» в конфуцианской философской системе // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 1 (82). С. 255–259.

5. Сулима С. А. Принципы конфуцианства как этические правила // Эпомен. 2022. № 56. С. 14–19.

6. Крупицкая Е. А. К вопросу о влиянии конфуцианства на формирование нравственного права в современном Китае // Эпомен. 2025. С. 41–46. URL: cyberleninka.ru

7. Чу К., Кошкарова Н. Н. Реализация идей конфуцианства в педагогическом дискурсе: лингвокультурный комментарий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 11. doi: 10.30853/filnauki.2020.11.57

8. Ши Хэнтан. Perception and Revival of Confucianism in Contemporary China // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 2. С. 192–201.

9. Чэнь Паньли, Костикова А. А. Воплощение идеи «золотой середины» в конфуцианской эстетике // История философии. 2024. Т. 29, № 2. С. 51–63.

10. Суворов В. В., Фахрудинова Э. Р. Политика памяти и этические основания доктрины конфуцианства // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 63–67.

11. Люй Цзяинь. Политические мысли Конфуция в «Лунь юе» // International Research Journal. 2021. № 12 (114). doi: 10.23670/IRJ.2021.114.12.117

12. Рыков С. Ю. Древнекитайская… философия ли? // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 156–170.

УДК 008

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕГО ДЕЛА» Н. Ф. ФЕДОРОВА

Владимир Иванович Носов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

vinosov54@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются новый, «космический» взгляд Н. Ф. Федорова на человека. Это предполагает необходимость сознательного управления эволюцией, победу над смертью, овладение бессмертием, идеальное общественное устройство – психократию. Исторический процесс рассматривается с позиции теории «общего дела».

Ключевые слова: космизм, Н. Ф. Федоров, христианство, всеединство, философия общего дела

Николай Федорович Федоров, чье имя сегодня ассоциируется с одним из самых самобытных и глубоких явлений русской философии, долгие годы оставался в тени. Его жизнь, посвященная тихим трудам библиотекаря Румянцевского музея, казалось бы, не предвещала рождения учения, которое впоследствии вызвало такой мощный резонанс как на родине, так и за рубежом [2]. Однако именно в этой тишине, вдали от шумных академических кругов, зрела «Философия общего дела» – система идей, пронизанная небывалой смелостью мысли и футуристическим видением.

Центральное место в наследии Федорова занимает концепция «регуляции природы». Этот термин, по своей сути, означает активное, осознанное вмешательство человечества в естественные процессы Вселенной с целью их совершенствования и преодоления [1]. Федоров видел в регуляции природы не просто техниче-

ский прогресс, а этическую обязанность, вытекающую из осознания нашего места в космосе. Он призывал отказаться от пассивного приятия судьбы, от смирения перед лицом стихийных сил, и взять на себя ответственность за судьбу планеты и даже космоса. Неразрывно с идеей регуляции природы связана тема космической взаимосвязи явлений. Федоров предвидел, что будущее человечества лежит за пределами Земли. Он утверждал, что освоение космоса, установление связи с другими мирами – это не просто экспансия, а акт воссоединения, шаг к достижению вселенского единства. Эта универсальная перспектива позволила ему выйти за рамки традиционных философских проблем и предложить подлинно космический взгляд на существование.

Особое место в философии Федорова занимает понятие «патрофикации». Это, возможно, самая оригинальная и самая трудно принимаемая идея мыслителя. Патрофикация, или обожение предков, является своего рода высшим воплощением сыновнего и дочернего долга. Она означает не просто почитание ушедших поколений, но активное воссоздание их, возвращение их к жизни через науку и технику. Для Федорова это не только акт благодарности, но и путь к преодолению смерти, к достижению бессмертия не только индивидуального, но и коллективного. Из всех этих идей выкристаллизовывается образ «психократического общества» – общества, где управление осуществляется не силой или богатством, а высшими духовными и интеллектуальными способностями. Это общество, основанное на разуме, любви и общем деле, где каждый индивид, достигший духовной зрелости, становится частью управляющей структуры. Такое общество, по Федорову, способно противостоять любым вызовам, от природных катаклизмов до экзистенциальных угроз, обеспечивая гармоничное развитие всего человечества.

В философии Николая Федорова лежит идея «общего дела» – трансцендентного проекта, призванного преодолеть смерть и восстановить утраченное единство бытия. Главная задача человечества, по Федорову, заключается в воскрешении предков, что является актом высшей нравственности и космической ответственности. Это воскрешение не есть простое возвращение к жизни, но преобразование бытия, освобождение его от оков смерти и энтропии. Земное существование, наполненное борьбой и взаимоуничтожением, предстает как переходный этап, необходимый для осознания человеком его истинного предназначения. Символом этого «несовершеннолетия» человечества Федоров считал армию – парадоксальное явление, где люди, будучи врагами друг другу, одновременно действуют как единое целое. Однако эта форма мобилизации сил, направленная вовне, должна быть перенаправлена внутрь, на борьбу с природой. Цель “общего дела” — превращение пассивного, подчиненного законам природы состояния человека в активное, господствующее над ними. Это означает переход от естественного, слепого существования к разумовому, целенаправленному бытию. В основе «общего дела» лежит принцип «братского единения», которое обретается не через социальные договоры или политические реформы, а через осознание общей судьбы и общего врага – смерти. Воскрешение предков является ключевым элементом этого единения, так как оно замыкает круг поколений, восстанавливая нарушенный порядок и примиряя прошлое с будущим. Человек, совершая этот акт, становится творцом новой реальности, преобразующей не только себя, но и всю космос. Федоров предлагает утопию нового типа, где социальное преобразование неразрывно связано с космическим. Человек, преодолев свою эгоистичную природу и вражду с себе подобными, направляет свою энергию на

служение общему делу. Это дело – воскрешение предков и победа над природой, которое позволит достигнуть состояния «богоподобной власти» и окончательно утвердить свою роль как активного созидателя бытия, а не его пассивной жертвы [3, с. 521].

Представленная мысль становится отправной точкой для глубокого осмысления места человека в мироздании. Если признать, что сама природа, стремясь к изощренным формам существования, породила существо, способное не только осознать свое несовершенство, но и активно работать над его преодолением, то дальнейшая логика развития становится очевидной. Человек, как самосознательный агент, не просто наблюдатель, но и участник эволюционного процесса, получает ответственность за его направление. Это не означает отказ от природных законов, но предполагает их осмысленное использование. Понимание механизмов биохимических, генетических и экологических процессов открывает двери для целенаправленных вмешательств. Цель такого вмешательства – не в тирании над природой, а в ее гармонизации с потребностями человека, где под "потребностями" понимаются не сиюминутные желания, а высшие, нравственные и духовные запросы. «Общее дело» обретает конкретные очертания. Оно заключается в создании мира, где существование человека не определяется слепым случаем или природной враждебностью, но основано на принципах разума, справедливости и сострадания. Это путь к достижению подлинной автономии, где человечество, встав у руля собственного развития, будет самостоятельно определять свою судьбу и облик окружающего мира. Регуляция природы, как новый этап эволюции, требует от человека не только знаний и технологий, но и глубокой нравственной зрелости. Осознание ответственности за каждый шаг, предпринятый в этом направлении, становится фундаментом для построения будущего, где разумное и целесообразное начало будет преобладать над стихийным и случайным. Это эволюция, достигшая своего сознательного пика, где мир обретает своего творца и управителя. Для осуществления этой грандиозной задачи – воскрешения предков и победы над смертью – Федоров предполагал кардинальную трансформацию не только внешней среды, но и самого человека. Его идеи простирались от модификации человеческого организма до полного переустройства жизни на основе принципов, заимствованных из природы, в частности, из механизмов питания растений. Это предполагало переход к более совершенной форме существования, свободной от присущих нынешнему человеку ограничений и конечности. Переход к космической экспансии, по Федорову, был не просто прагматической необходимостью, продиктованной истощением земных ресурсов и ростом населения, но и нравственным императивом. Возможность освоения и преобразования космоса представлялась ему ключом к преодолению нынешнего безнравственного состояния человечества. Земля, будучи зависимой от всей вселенной, не могла служить ареной для достижения подлинной регуляции и полного освобождения.

Центральным элементом этической системы Федорова был долг перед предками. Он видел в «сынах и дочерях человеческих» обязанность перед «отцами» – всеми умершими, которую можно исполнить только через воскрешение. Это воскрешение мыслитель понимал не как мистическое чудо, а как реальное, научно обоснованное действие, осуществляемое объединенным человечеством. В своей механистической трактовке организма как сложной машины, Федоров утверждал, что восстановление его целостности приведет к автоматическому возвращению сознания. Эта идея, хотя и радикальна, подчеркивала его веру в силу науки и технологии, способных не только управлять природой, но и воссоздавать жизнь. Проект Федорова представлял собой комплексную утопию, в которой покорение космоса, коренное изменение человеческой природы и нравственное пре-

ображение были неразрывно связаны с величайшей целью – возвращением к жизни тех, кто был утрачен. Это была философия активного, творческого бессмертия, основанная на чувстве сыновнего долга перед прошлым [3, с. 366].

Философия Федорова, выстроенная на идее всеобщего воскрешения, ставит перед собой амбициозную цель – преодоление смерти, которая рассматривается как следствие утраты изначального единства человечества. Разделение на сословия, противопоставление мысли и дела, разума и воли, знания и нравственности – все это порождает «невежество» и «несовершенство», делая смерть естественным, но в то же время противоестественным состоянием. Прогресс в его понимании обретает смысл лишь тогда, когда направлен на искоренение этого фундаментального зла, а не на косметические улучшения.

«Общее дело», предложенное Федоровым, призвано заменить собой ложные ориентиры «неродственности» – гражданственность, цивилизацию и государственность, которые, по его мнению, лишь маскируют утрату истинного братства. В этом грандиозном проекте наука и ученые играют ключевую роль. Они становятся «временными комиссиями», призванными исследовать мир и человека, стремясь к достижению «полноты знания», которое, будучи «сельским», интегрировано в мировую жизнь.

Идеальным общественным устройством Федоров видит психократию – власть духа, духовное родство всех людей, которое обретает действенную силу через соединение с Богом. В таком союзе, основанном на общем, «отцовском» родоначалии, теряют свое значение искусственные разделения. Исчезают внешние факторы, объединяющие людей, уступая место внутренним, духовным. Достижение психократии дарует человеку способность к самооткровению и проникновению в сущность другого. Хотя Федоров и обращается к христианской символике, его интерпретация и призыв к «общему делу» как к активному, деятельному воплощению «Благой вести» столкнулись с непониманием и сопротивлением со стороны религиозных кругов. Для него вера – это не индивидуальное спасение, а путь к всеобщему, которому необходимо следовать через воскрешение, превращая осуждение в искупление, а слово – в деяние [3, с. 483].

Именно в этом всеобъемлющем виде «общее дело» предстает как акт воскрешения, как задача, призванная не просто исправить прошлое, но и радикально преобразовать настоящее и будущее. Федоров, отказываясь от смиренного принятия посмертной участи, призывает к активному, творческому преображению самой реальности. Смерть для него – не закономерный итог, а вызов, недоразумение, преодоление которого является высшим призванием человечества. И если в традиционном понимании спасение достигается через веру и покаяние, то у Федорова оно осуществляется через деятельную любовь, выраженную в исполнении воли Отца, в воскрешении предков.

Таким образом, культ предков становится не просто архаичным ритуалом, а фундаментом нового, преображенного бытия. Он символизирует возврат к истокам, к корням, осознание неразрывной связи поколений. Это понимание родства, простирающееся от каждого индивида ко всему человечеству, к каждому умершему предку, и есть тот двигатель, который способен преодолеть эгоизм, разобщенность и вражду.

Воскрешение же является высшей формой любви и ответственности, когда каждый потомок принимает на себя долг перед своими предшественниками. Представление о Боге как Отце, желающем воскрешения своих детей, кардинально меняет перспективу религиозного опыта. Вместо страха перед судом и наказанием, на первый план выходит идея о Боге-Творце, который стремится к полноте бытия, к возвращению всего сущего в рай, построенный объединенными усилия-

ми воскресших и воскрешающих. Это не пассивное ожидание, а активное соучастие в Божественном замысле, где человек становится соработником Бога в деле творения и преображения мира. В этом контексте, концепция «всеобщего спасения» приобретает иной смысл. Оно не является дарственной благодатью, нисходящей свыше, а результатом сознательного, коллективного усилия. Россия, с ее уникальной историей и духовными исканиями, предстает в этой системе как особый проводник. Ее роль заключается в консолидации народов, в преобразовании собственной жизни в модель для всего человечества, где идея общности и служения, укорененная в родовом мышлении, может послужить основой для реализации «общего дела» и привнесения в мир гармонии и воскрешения.

Список литературы

1. Демин В. Н. Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Ч. 1: Русский космос. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

2. Семенова С. Г. Николай Федорович Федоров. Жизнь и учение // Прометей: ист.-биогр. альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1977. Т. 11. 370 с.

3. Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. 710 с.

УДК 299.51

ВЛИЯНИЕ ДАОСИЗМА НА ТРАДИЦИОННЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ПРАКТИКИ КИТАЯ

Александр Сергеевич Еремин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

aleksandreremin712@gmail.com

Аннотация. Исследуется взаимосвязь философских концепций даосизма с теоретическими основами и практическими методами традиционной китайской медицины. Проанализированы истоки даосизма и история его развития, концепция единства микрокосма и макрокосма, влияние древних текстов на становление медицинских знаний. Рассматриваются медицинские практики, сформированные под влиянием даосской философии: акупунктура, фитотерапия и цигун.

Ключевые слова: даосизм, ци, инь, ян, у-син, акупунктура, фитотерапия, цигун

Китай – одна из древнейших цивилизаций мира, ее история насчитывает несколько тысячелетий. Наблюдая за природными явлениями, древние китайцы стремились понять базовые законы мироздания, которым подчиняются все уровни бытия – от человека и семьи до рода, народа, страны и всего человечества. Считалось, что существует непрерывная связь между жизнью физической и жизнью духовной, между человеком (микрокосмом) и Вселенной (макрокосмом). Идея взаимосвязи микрокосма и макрокосма – одна из ключевых в китайской философии. Эта модель познания отражает стремление человека понять свое место во Вселенной и подчеркнуть единство всего сущего.

Одна из ранних космогонических концепций в Древнем Китае была связана с учением о противоположных, но взаимодействующих началах инь (женское, темное, пассивное) и ян (мужское, светлое, активное). Упоминания об инь и ян

можно найти в «И-цзин» (Книга Перемен), датируемой приблизительно 7 веком до нашей эры. Взаимодействие и борьба этих начал порождают пять стихий (у син): воду, огонь, дерево, металл и землю, из которых возникает все многообразие материального мира. Инь управляет землей, ян управляет небом, а человек находится посередине – опирается на землю, а смотрит на небо. Поиск небесного (правильного) пути является центральной темой даосизма, одного из ключевых философских течений Китая. В центре доктрины – учение о великом Дао, всеобщем Законе и Абсолюте [7].

История даосизма может быть разделена на два этапа: период зарождения и формирования даосизма и период развития этого направления. Предпосылки возникновения даосизма коренились в шаманских верованиях и религиозных представлениях древнейших китайцев. Далее предпринимаются попытки теоретического осмысления этих верований в работах Лао-цзы и Чжуан-цзы (VI–V вв. до н. э.). Даосизм как развитая философская система формируется на рубеже н. э. в результате синтеза типологически близких направлений: верования шаманов, концепция духа И-цзин (Книги Перемен), учение о Дао Лао-цзы и Чжуан-цзы, натурфилософская школа Инь-ян цзя, доктрина бессмертных святых (сянь, шень сянь). Во II в. н. э. появляется первое оформленное даосское направление – школа Таньши дао (Путь Небесных наставников). В IV в. н. э. возникают даосские школы Шан цин (Высшая чистота) и школа Линбао (Духовная драгоценность) и начинает формироваться собрание даосской литературы Дао цзан, что свидетельствует об объединении разрозненных даосских направлений в философское течение. Основное внимание начинает уделяться практике созерцательной медитации и приемам внутреннего совершенствования [4].

В тексте «Дао дэ дзин» (Учение о пути и силе) полулегендарного мудреца Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.) сказано: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три рождают все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию» [3]. Путь по Лао-Цзы осознается как «возвращение к чистой имманентной жизни, которая дана нам в качестве ритуального действия, символической матрицы опыта» [2, с. 74]. Лао-Цзы считал, что человек – это природное существо и он не должен нарушать законов окружающего мира.

Философия даосизма стала теоретическим фундаментом для понимания особенностей человеческого тела, его болезней и их лечения. Даосам принадлежит открытие системы меридианов (структурно-энергетических каналов) в теле человека, по которым циркулирует жизненная энергия ци. Зная особенности строения системы меридианов, можно прослеживать пути проникновения болезни внутрь организма, ее движение и факторы, которые активируют ее развитие. Состояние ци, равновесие начал инь и ян и пяти стихий определяло его здоровье. Болезнь рассматривалась как нарушение их правильного взаимодействия. «Человеческое тело – малые Небо-Земля суть» – часто говорится в даосских текстах. Но мир, по классическим китайским представлениям, вечен, а, следовательно, вечным должно быть и тело-микрокосм, подобие этого мира. На достижение этого состояния, утраченного из-за отступления рода человеческого от Дао-Пути универсума, и направлены прежде всего практические методы даосских отшельников и алхимиков» [7, с. 13].

Связь мировоззренческих и культурных позиций даосизма с практикой заботы о внешнем и внутреннем устройстве микрокосма и макрокосма проявилась в китайском врачевании. Полагаясь только на свою наблюдательность и собственные ощущения, древние китайцы смогли создать уникальную модель медицины с теоретическими предположениями, базовой терминологией и точным описанием функционирования живого организма [2].

Древнейшим письменным источником и систематизированным трудом, посвященным врачеванию, является «Хуан-ди Ней Цзин» (Трактат Желтого императора о внутреннем). Трактат составлен в форме диалога императора Хуан-ди с придворным врачом Ци-бо и другими врачами. Труд разделен на 18 книг. В девяти первых «Су вень» (Простые вопросы) излагаются представления о структуре и жизнедеятельности организма в тесной связи с окружающей природой и Вселенной, о методах диагностики и лечении отдельных симптомов и болезней. В девяти последних томах – «Линь шу» (Чудесные точки) обобщается более чем 2000-летний опыт применения чжень-цзю терапии (иглоукалывание), систематизируются представления о теориях ци, инь-ян, у-син, органах тела чжан (плотные) и фу (полые), об этиологии и патогенезе заболеваний в свете философских концепций традиционной китайской медицины [6]. Предположительно, трактат составлен в 3 веке до н.э. и с этого времени начинается документально подтвержденная история китайской медицины. Трактат оказал огромное влияние на развитие медицины и считается отправной точкой для дальнейших исследований.

Учение о ци, инь-ян, у-син легло в основу таких методов лечения как акупунктура (чжень-цзю) фитотерапия и цигун [5].

Особенность акупунктуры заключается в воздействии тонкими иглами на определенные точки на теле человека, что помогает нормализовать циркуляцию энергии ци, проходящую по меридианам. Первое подробное изложение теории и практики метода чжень-цзю приведено в «Лин шу» – второй части трактата «Хуан-ди Нэй цзин», где описано 295 жизненных точек, 12 каналов, 15 основных коллатералей каналов, иглы и методы их введения, показания и противопоказания. Акупунктурная диагностика заключается в исследовании состояния пациента путем опроса, осмотра, аускультации и пальпации с последующим анализом симптомов и синдромов болезни с позиции избыточность-недостаточность (правило бу-се). Считалось, что через отверстия, проделанные в жизненных точках, восстанавливается нарушенное равновесие инь-ян. Начало ян выходит в случае его избытка или входит в случае его недостатка, результате чего утраченное равновесие восстанавливается и болезнь исчезает. Таким образом, воздействие на точки меридианов восстанавливает поток ци, а выбор точек опирается на теорию у син и инь-ян [6].

Основным назначением фитотерапии также является уравновешивание двух жизненных энергий, двух противоположностей инь и ян. Травы классифицируются по свойствам (горячие / холодные, острые / сладкие) и соответствию пяти первоэлементам у-син. Сборы составляются так, чтобы уравновесить дисбаланс и восстановить гармонию. Принцип лечения заключается в том, что при дисфункции органов, обладающих энергией инь (сердце, селезенка, легкие, почки, печень) для их исцеления следует применять лекарственные растения с энергией ян. Органы ян (толстый кишечник, тонкий кишечник, желудок, мочевой пузырь и желчный пузырь) необходимо лечить энергией инь. Из народной китайской медицины в мировую практику вошли такие растения как: женьшень, лимонник, камфора, ревень.

Значительное место в китайской медицине всегда занимала превентивная медицина. В китайской традиции в настоящее время все упражнения по поддержанию и восстановлению здоровья называются «цигун». Понятие «цигун» в китайском языке обозначается двумя иероглифами «ци» (дыхание, энергия) и «гун» (действие, которое нужно совершить, чтобы научиться управлять энергией ци). Таким образом, цигун – это «работа дыхания», «работа с энергией».

В китайской философии дыхание описывается в понятиях составляющих его аспектов проявления: вещества, качества и силы. Человек через ритм дыхания

поддерживает прямую связь с универсальным потоком Дао. Сознательно направляя внимание на волнообразное движение дыхания в теле и прилагая усилия в ключевые моменты времени, он может совершенствовать качество дыхания. Российский синолог Б. Б. Виногродский отмечает, что цигун это «…целостное явление, включающее в себя полноценную теоретическую часть, то есть описание устройства тела и путей его взаимодействия с внешним миром и практику, которая используется для гармоничного совершенствования человека внутри культурной парадигмы» [1]. Это осознанные духовные усилия, направленные на восприятие дыхания как внутри, так и вне тела.

Практика цигун позволяет развиться внутренней энергии с помощью тренировки сознания и внутренней силы (энергии ци). Среди категорий китайской культуры категория «ци» является важнейшей для понимания даосских практик. «Все, что есть в мире, – это ци, и кроме ци и его состояний ничего нет. Ци в своей первозданной тончайшей природе, еще не знающей полярности отрицательного (темного, женского) – инь и положительного (светлого, мужского) – ян, есть не что иное, как Изначальный Дух (юань шэнь)» [3, с. 7]. В основе любой болезни лежит нарушение циркуляции ци и препятствия на его пути. Для излечения больного необходимо восстановить свободную циркуляцию ци в теле и «…мудрый, врач лечит не больной орган и тем более не симптомы болезни, он восстанавливает свободную циркуляцию ци в теле, разрушая воздвигнутые на его пути барьеры и дамбы» [3, с. 8]. Это одна из основ традиционной китайской медицины, тесно связанной в своем развитии с даосизмом.

Среди ключевых задач, которые позволяет решать цигун, можно выделить поддержание и сохранение достигнутого уровня здоровья, повышение физической подготовленности и умственной работоспособности, укрепление морально-волевых качеств, совершенствование двигательных навыков и координации, расширение теоретических знаний о воздействии физических упражнений [8].

На протяжении многих десятилетий сохраняется устойчивый интерес к восточной физической культуре как к уникальному философско-культурологическому феномену. Она представляет собой целостную систему, которая одновременно выполняет оздоровительные, образовательные и тренировочные функции. Ее воздействие распространяется не на отдельные органы или системы, а на весь организм в комплексе – как на физическое, так и на психическое здоровье человека. Понятие «цигун» охватывает не только комплекс физических и энергетических методик, но и обширную научную область, пересекающуюся с философией, психологией, биологией, медициной, физикой и химией [8].

Таким образом, традиционная китайская медицина – это не набор эмпирических рецептов, а практическое воплощение даосской картины мира, где исцеление есть возвращение к естественному пути дао. Китайский способ мышления – это не абстрактная философия, а практическая мудрость, где наблюдение за природой становится ключом к управлению собой, семьей и государством. Единство микрокосма и макрокосма здесь не метафора, а рабочая модель: изменяя свое внутреннее состояние, человек влияет на мир, а изучая мир – находит путь к собственной гармонии. Это мировоззрение остается актуальным, предлагая альтернативу западному дуализму через идею взаимопроникновения всех уровней бытия.

Список литературы

1. Виногродский Б. Б. Цигун. Танец осознанности. URL: https://books.yandex.ru/books/Q1XevCxl/read-online (дата обращения: 10.11.2025).

2. Лао-цзы. Дао-Дэ Цзин: книга о Пути жизни / заново исправл. пер. В. Малявина. М. : Феория, 2013. 703 с.
3. Древнекитайская философия: собрание текстов : в 2 т. / Академия наук СССР, Институт философии. М. : Мысль, 1972. Т. 1. 366 с.
4. Лу Куань Юй. Даосская йога. Алхимия и бессмертие. URL: http://www.moscowuniversityclub.ru/article/files/10000_55858657.pdf (дата обращения: 08.04.2026).
5. Мачоча Дж. Основы китайской медицины. Подробное руководство для специалистов по акупунктуре и лечению травами : в 3 т. : пер. с англ. М. : Рид Элсивер, 2011. Т. 2. 376 с.
6. Сорокина Т. С. История медицины : учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. 8-е изд., стер. М. : Академия, 2008. 560 с.
7. Торчинов Е. А. Путь золота и киновари: Даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. СПб. : Азбука-классика : Петербургское Востоковедение, 2007. 480 с.
8. Яблонских А. М. Основы восточной оздоровительной практики цигун: базовый уровень : учеб.-метод. пособие. Челябинск : Уральская Академия, 2023. 49 с.

УДК 2:17

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ И СВЕТСКОЙ МОРАЛИ

Мария Дмитриевна Горюнова[1], Алсу Рафаэльевна Умярова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]mari.goryunova.06@list.ru
[2]umiarova.alsu@mail.ru

Аннотация. Рассматривается соотношение религии, этики и морали в условиях современного светского общества. Анализируются основные формы взаимодействия религиозных и светских моральных систем, а также причины возникающих между ними противоречий. Особое внимание уделяется трансформации нравственных ценностей в условиях секуляризации. Выявляются как конфликтные, так и диалогические аспекты взаимодействия религиозных и светских мировоззрений. Делается вывод о необходимости поиска баланса между различными моральными основаниями в целях устойчивого общественного развития.

Ключевые слова: религия, мораль, этика, светское общество, секуляризация, ценности

Современное светское общество характеризуется многообразием мировоззренческих установок, среди которых особое место занимают религиозные и нерелигиозные формы понимания морали. В условиях секуляризации религия утрачивает статус доминирующего источника нормативных предписаний, однако продолжает оказывать значительное влияние на формирование ценностных ориентиров личности и общества в целом.

Этика как философская дисциплина стремится к рациональному осмыслению морали, в то время как религия опирается на трансцендентные основания. Это различие порождает как возможности для диалога, так и основания для конфликта между различными системами ценностей [3, с. 45].

Религия как источник моральных норм: священные тексты, абсолютность предписаний и проблема универсальности в условиях плюрализма.

Исторически религия выступала одним из ключевых источников моральных норм. В рамках религиозных систем нормы поведения закрепляются через священные тексты, традиции и авторитет духовных институтов. Такие нормы обладают высокой степенью обязательности и часто воспринимаются как абсолютные.

Религиозная мораль ориентирована на идею высшего блага и предполагает существование универсальных нравственных принципов, таких как добро, справедливость и милосердие. Эти принципы сохраняют свою значимость и в светском обществе, хотя интерпретируются уже вне строго религиозного контекста [1, с. 112].

Однако в условиях плюрализма возникает проблема универсальности религиозных норм, поскольку различные конфессии предлагают отличающиеся моральные установки. Это создает предпосылки для напряжения между религиозными и светскими подходами к этике.

Светская этика основывается на принципах рациональности, автономии личности и гуманизма. В отличие от религиозной морали, она не апеллирует к сверхъестественным основаниям, а стремится обосновать нормы поведения через разум и социальный опыт.

В процессе секуляризации происходит постепенное смещение акцента с коллективных религиозных ценностей на индивидуальные права и свободы. Это приводит к пересмотру традиционных моральных норм, особенно в вопросах биоэтики, семейных отношений и социальной справедливости [2, с. 78].

Тем не менее светская этика не отрицает полностью религиозное наследие, а во многом опирается на него, трансформируя и адаптируя к современным условиям.

Взаимодействие религиозной и светской морали носит двойственный характер. С одной стороны, существует потенциал для диалога, основанный на общих ценностях, таких как уважение к человеческой жизни, стремление к справедливости и социальной гармонии.

С другой стороны, различия в основаниях морали нередко приводят к конфликтам. Особенно остро они проявляются в вопросах, связанных с правами человека, свободой совести и ролью религии в общественной жизни [5–8].

Конфликт возникает тогда, когда религиозные нормы претендуют на универсальность в светском пространстве, либо когда светское общество игнорирует значимость религиозных убеждений для значительной части населения [4, с. 156].

Таким образом, современное общество сталкивается с необходимостью выработки механизмов сосуществования различных моральных систем.

Эпистемологическая скромность и «правила дорожного движения»: как возможен моральный консенсус без единого источника истины

Вопрос о согласовании моральных систем в светском обществе часто ошибочно формулируют как поиск «общего знаменателя» – то есть некой универсальной этики, под которую придется подогнать все частные учения. Однако реальная перспектива лежит не в плоскости унификации, а в плоскости функциональной совместимости. Светское государство – это не арена для выяснения того, «чья мораль истиннее», а сложная операционная система, где разные этические «приложения» должны работать без взаимных сбоев.

Ключевой сдвиг парадигмы – переход от субстанциальной этики (мораль как набор конкретных запретов и предписаний) к процедурной этике (мораль как способ разрешения конфликтов) [14, 15]. Перспективы согласования сегодня свя-

зывают не с тем, чтобы все полюбили друг друга или разделили одни ценности, а с выработкой техник «морального перевода».

Любая моральная система имеет несколько уровней. На поверхности – поведенческие нормы, ритуалы, пищевые табу, правила одежды. Глубже – ценностные приоритеты (семья, свобода, справедливость, святость). В ядре – метафизические основания (Бог, природа, разум, страдание).

Перспективы согласования тем выше, чем выше уровень абстракции. Например, веган и традиционный мясоед никогда не договорятся о статусе животных в онтологическом смысле. Но они могут согласиться на уровне вторичных принципов: «минимизация жестокости» и «уважение к выбору другого». Светский диалог – это искусство подниматься с первого уровня на второй, не покушаясь на ядро. Не нужно доказывать атеисту, что Библия богодухновенна, но можно показать, что заповедь «не убий» коррелирует с эволюционным императивом выживания группы.

Светское общество – это среда с высокой плотностью взаимодействий. В традиционных обществах моральные конфликты решались сегрегацией (каждый жил со «своими»). В мегаполисе, интернете и смешанных классах школ сегрегация невозможна. Это создает моральный цейтнот: у людей нет времени на долгую рефлексию, но решения (например, по вакцинации, абортам, эвтаназии, гендерным ролям) принимать нужно.

Перспектива здесь – в развитии «агонального либерализма» (термин, вдохновленный Шанталь Муфф, но адаптированный к этике). Речь не о том, чтобы заглушить конфликт, а о том, чтобы перевести его в институциональные формы, где противники остаются противниками, но соблюдают правила процедуры. Например, вместо запрета религиозных символов в школах – создание нейтральных зон и «часов тишины», где каждый следует своему кодексу, но не навязывает его другим.

Обычно согласование понимают как уступки: «я откажусь от X, ты от Y». Но есть более продуктивная модель – поиск функциональных эквивалентов. Разные моральные системы могут обосновывать одни и те же поведенческие паттерны из совершенно разных посылок. Это создает явление, которое можно назвать этическим резонансом.

Пример: буддийский принцип «ахимсы» (ненасилия), христианское «подставь другую щеку» и утилитаристский расчет (насилие ведет к большим страданиям) дают одинаковую поведенческую рекомендацию в конкретном конфликте [9–13]. Не нужно уничтожать разницу в обоснованиях – достаточно создать инфраструктуру, где эти разные обоснования ведут к сходным действиям. Перспектива согласования – не в создании единой «светской Библии», а в картографировании таких точек резонанса.

Честный разговор о перспективах требует признать: есть зоны абсолютного морального несогласия. Например, отношение к добровольной эвтаназии: для одних – акт милосердия, для других – нарушение святости жизни. Светское общество не может и не должно принуждать к согласию в этих зонах. Выход – в стратегии «параллельных моральных вселенных с общим интерфейсом».

Что это означает на практике:

Закон не регулирует убеждения, только действия, причиняющие прямой вред.

Создаются «защищенные гавани» – пространства (общины, клубы, онлайн-коммьюнити), где действуют свои моральные правила, но с правом выхода.

Институты государства выступают в роли нейтрального оператора: не решают, чья мораль правильна, а обеспечивают, чтобы А мог не делать то, что велит

его совесть, а Б – делать то, что велит его совесть, если это не перекрывает пространство для совести других.

Главный вызов здесь – асимметричные претензии. Некоторые моральные системы (например, радикальный исламизм или радикальный анархоиндивидуализм) могут требовать права на действия, разрушающие сам механизм согласования (насилие, отказ от диалога). Перспектива светского согласования прямо пропорциональна готовности всех сторон принять мета-норму: никакая частная мораль не имеет права вето на процедуру демократического и правового разрешения конфликтов.

Какие механизмы уже сегодня работают и будут развиваться?

Светская моральная экзегеза – практика перевода религиозных или традиционных моральных требований на язык публичных аргументов, понятных носителям других систем. Например, вместо «это грех» говорить «это ведет к документально подтвержденному социальному вреду».

Дизайн-кодексы нейтральных пространств – разработка архитектуры больниц, школ, судов, где символика, расписание, ритуалы сведены к минимуму или ротируются. Не «убери крест», а «повесь календарь, где каждый месяц посвящен другой традиции».

Моральный коллаборационизм – временные коалиции по конкретным вопросам (экология, борьба с бедностью, цифровая этика), где представители разных систем работают вместе, отложив свои фундаментальные разногласия в сторону. Это формирует мышечную память сотрудничества.

Светское общество не станет единым в моральном смысле – и это его сила, а не слабость. Оно обречено на перманентное моральное несогласие, но имеет шанс стать мастером управления этим несогласием. Перспективы согласования лежат не в финальной гармонии, а в создании «иммунной системы» против морального абсолютизма – любого, будь то религиозного или секулярно-догматического.

В долгосрочной перспективе (50–100 лет) возможно появление гибридной этики «осознанной сложности»: люди научатся одновременно удерживать несколько моральных фреймов, переключаясь между ними как между языками.

Это не релятивизм («все равно»), а мета-способность – знание того, когда уместен язык прав, когда – язык заботы, когда – язык добродетелей. Согласование моральных систем в таком обществе будет напоминать не подписание мирного договора, а овладение джазовой импровизацией: каждый следует своей партитуре, но слышит других и попадает в общий ритм.

Итог: Перспективы есть, но они требуют отказа от утопии «общей морали» и принятия реальности «сосуществования моральных универсумов». Инструмент – не убеждение, а процедура. Цель – не истина, а устойчивость. Идеал – не единомыслие, а способность действовать вместе, оставаясь разными.

Список литературы

1. Аппель И. Этика идентичности. М. : Изд-во Института Гайдара, 2021. 456 с.

2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М. : Логос, 2019. 350 с.

3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2018. 248 с.

4. Гусейнов А. А. Философия морали. М. : Академический проект, 2020. 512 с.

5. Дворкин Р. Религия без Бога. М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. 280 с.

6. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-пресс, 2020. 480 с.
7. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М. : Академический проект, 2020. 450 с.
8. Нусбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М. : ВШЭ, 2021. 192 с.
9. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Истина и толерантность: христианство и мировые религии. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2018. 352 с.
10. Ролз Дж. Теория справедливости. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. 568 с.
11. Соловьев Э. Ю. Современный экзистенциализм и проблема морального выбора // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 45–58.
12. Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2017. 967 с.
13. Форрест Р. Новая нетерпимость // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 84–93.
14. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские эссе. М. : Весь мир, 2011. 336 с.
15. Шмитт К. Политическая теология. М. : Канон-пресс-Ц, 2020. 336 с.

УДК 1:004.8

EMIR ABDELKADER: LIFE AS A DIALOGUE OF FAITH, ETHICS, AND RESISTANCE

German Mikhailovich Kirillov[1], Ahmed Shehili[2]

[1,2]Penza State University, Penza

[1,2]gekir10@mail.ru

Abstract. Emir Abdelkader was a key figure in 19th-century Algeria, known for his leadership in the resistance against French colonial rule and his contributions to Islamic scholarship, humanism, and diplomacy. This study examines his life, leadership, and philosophical vision, highlighting the relevance of his legacy in contemporary discussions of national identity, the ethics of war, and intercultural dialogue. It is the concept of dialogue – between East and West, Islamic spirituality and European humanism, Sufism and orthodox forms of religion – that permeates the emir's legacy, making him a unique figure whose experience offers answers to the challenges of the modern world.

Keywords: French colonialism, resistance, Islamic philosophy, humanitarianism, Sufism, Qadiriyya order, ethics of war, dialogue of cultures

The history of Algeria in the 19th century is inextricably linked with the figure of Emir Abdelkader. Born in 1808 in the Mascara region, he became a unifying force during the French colonial conquest (1830–1847), organizing the resistance movement, creating administrative structures, and establishing forms of governance inspired by Islamic principles and humanistic ethics. Abdelkader ibn Muhi al-Din was not only a military leader and theologian but also a scholar, orator, and poet. «The resistance of Emir Abdelkader is considered one of the most important popular resistances… which was led by generals and officers of different ranks» [8], modern researchers note. His life spans almost the entire turbulent 19th century, when the traditional Ottoman order in North Africa was collapsing under the onslaught of European colonialism. Thanks to his outstanding abilities and spiritual authority, the emir managed to unite warring Ber-

ber and Arab tribes to repel one of the world's most powerful armies. His story is not only one of military struggle, but also one of intellectual and moral leadership.

A defining trait of the emir's character was his deep commitment to Islamic spirituality, particularly within the Sufi tradition. The Sufi worldview is based on the concept of emanation, close to Neoplatonism, i.e., the flow of the material world from a divine spiritual origin. Through such emanation, the transmission of tradition ("baraka") from one sheikh ("marabout") to another occurs. Ibn Taymiyyah, one of the interpreters of Sufism, interpreted its fundamental idea as follows: «The existence of created things is nothing compared to the existence of the creator; everything emanates from the divine essence, in order to ultimately return to it.» [6, p. 23]. The hero of the liberation struggle of the Algerian people belonged to the Qadiriyya Sufi order, founded in the 12th century in Baghdad by Abd al-Qadir al-Jilani. The order is known for its moral and ethical teachings, emphasizing inner purification coupled with a profound love of God. His father, Muhi al-Din, was a respected Sufi sheikh [3]. From an early age, Abdelkader was immersed in teachings emphasizing inner purification and morally responsible behavior, which shaped the core of his personality – steadfast, contemplative, and incorruptible. His worldview was strongly influenced by the works of the medieval Sufi thinker Ibn Arabi. From him, Abdelkader adopted the idea of the «unity of being» ("wahdat al-wujud") [7], which, in his interpretation, acquired an ethical focus: if the entire world is a manifestation of the Divine, then every creation deserves respect and compassion, since «from that which is one in all respects, only the One emanates» [5, p. 93]. Ibn Arabi also advanced an important idea regarding the incompatibility of truth and coercion, which Abdelkader fully embraced: «For one who has attained truth, coercion is wrong... For to coerce means to compel the possible to act in the face of resistance» [5, p. 89]. A number of scholars consider the emir to be the leading interpreter of Ibn Arabi's thought in the 19th century, adapting complex metaphysical concepts to the world of politics and war.

The concept of dialogue occupied a central place in the emir's spiritual practice. For him, dialogue was not simply a political tool; in his doctrine, it represented an ontological principle stemming from the unity of being. Abdelkader strove to establish an "enlightened dialogue" between religion and science, philosophy and politics, East and West. In his works, he defended the idea of unity in diversity: all Abrahamic religions, in his view, represent one and the same religion, which has manifested itself to people in different forms. This position made him a unique figure in the 19th-century Muslim world. Unlike many leaders of his time, the emir did not view jihad solely as an armed struggle. He emphasized the concept of the «greater jihad» [4] – an internal struggle for moral and spiritual perfection. He taught that true warfare is a struggle against one's own flaws: pride, greed, and cowardice ("nafs"). Without victory in this internal battle, any external struggle loses its spiritual value. Even during wartime, he insisted on strict ethical rules: the protection of civilians, the humane treatment of prisoners, and respect for religious minorities. As early as 1843, two decades before the First Geneva Convention, the emir issued a decree mandating the humane treatment of prisoners of war, including provision of food, medical care, and the prohibition of torture. This decree makes Abdelkader one of the forerunners of modern international humanitarian law. Later, in Damascus, his defense of Christians during sectarian clashes demonstrated that his beliefs were more than just theoretical. This willingness to defend dissenters earned him the admiration of Western powers, who awarded him high orders, including the Grand Cross of the Legion of Honor from France – the country he tried to expel from Algeria.

Emir Abdelkader rose to prominence as the leader of the resistance to French colonization in Algeria. After the French invasion of 1830, which led to the collapse of the Ottoman regime, Abdelkader found himself at the head of a popular uprising.

Through diplomacy and strategic alliances, he united disparate tribes, creating an organized armed force capable of waging prolonged campaigns against superior European technology. Although he had no formal military training, he proved himself a brilliant tactician, skillfully utilizing guerrilla warfare, his knowledge of mountainous terrain, and the element of surprise. For decades, the French army failed to completely suppress the resistance. Abdelkader created not just military units but a full-fledged state that lasted for over fifteen years. He developed a tax system, established a judicial system, founded schools, and organized a standing army. His capital moved with his army – he lived in a field tent, eschewing his usual comforts and luxuries. He actively conducted diplomatic correspondence with European powers. The emir was forced to surrender to the French not because he was broken, but because he realized the futility of further bloodshed, wanting to save the lives of those remaining under his protection. The terms of his surrender were treacherously violated, and he found himself captured in France.

After the capitulation, the emir spent several years in exile in France before moving to Damascus. There, he received international recognition for his humanitarian work, particularly for protecting Christians during the conflict between the Druze and Maronites in 1860. In July 1860, a wave of violence reached Damascus. While the Ottoman authorities stood by, the 52-year-old emir sheltered several thousand Christians, including foreign consuls, in his fortress. Using his authority and detachments of Algerian allies, he organized the rescue of people from the streets, ransomed hostages, and provided refuge to those who had lost their homes. According to various estimates, he saved between 3,000 and 15,000 people. The emir explained his actions as a direct adherence to the precepts of the Quran, which prescribe the protection of all innocents, regardless of their faith. For this feat, he was awarded the highest honors from the United States, France, Greece, the Ottoman Empire, and Russia.

Although Emir Abdelkader and Imam Shamil never met in person, they are often compared as parallel figures in the 19th-century Muslim world – both were leaders of resistance against European empires: Abdelkader against the French, Shamil against the Russian Empire. Western historians viewed them as the «two lions of Islam». Both were deeply influenced by Sufism (Abdelkader followed the Qadiriyya order, Shamil the Naqshbandiyya). Their struggles shared similarities: guerrilla warfare, unification of disparate tribes, and the creation of Islamic systems of governance. Both faced the challenge of creating states from a mosaic of mountain and nomadic tribes, balancing Sharia law with local customs (adat). Even without direct contact, a sense of symbolic solidarity existed between them – a kind of «dialogue of deeds». Both heroes ultimately reached a reconciliation with the powers whose expansion they had fought against.

Emir Abdelkader's life was based on a philosophy that combined Islamic law, Sufi ethics, and principles of governance. At the core of his ethical system was the Sufi concept of the «perfect man» ("al-insan al-kamil"), which signified not power but the highest degree of moral purity. He believed that the state and its leader should strive to embody this ideal, transforming society into a space of harmony that transcends religious and ethnic barriers. Researchers note that the emir laid the foundations of a «discourse based on humanistic tendencies and respect for the universal man», calling for tolerance and rejecting extremism.

Modern Algeria honors the memory of its great son. «The official, national Islam of the new Algeria had not eliminated the sainthood but had re-enabled it in new forms, producing new kinds of venerated ancestors» [9, p. 133]. In fact, his Sufi heritage had long been recontextualized in the new historical reality. Emir Abdelkader's legacy extends beyond Algeria's history and culture. At the UN, he was repeatedly hailed as a symbol of tolerance, spirituality, and reconciliation. The principles of interreligious dialogue he championed have become a central theme in contemporary international relations. The Emir anticipated the idea of a new international ethic, arguing that all reli-

gions are different facets of a single divine truth. Contemporary French scholar Jean-Pierre Chevenement called his teachings «a model of constant dialogue and coexistence as a moral and even existential imperative» [2]. The Emir demonstrated that resistance to colonialism does not necessarily degenerate into fanatical hatred of the enemy's culture. His life teaches that the true strength of a leader is measured by the ability to maintain a human face in the face of inhuman war and to build bridges where others erect walls.

Emir Abdelkader embodies a rare synthesis of military strategy, ethical leadership, and intellectual depth. He was a «saint among princes and a prince among saints» [1, 38] – a figure whose greatness was recognized by both his compatriots and former enemies. His resistance, commitment to justice, and humanitarian interventions made him a figure of enduring significance. Studying his life allows us to explore the interrelationships of faith, morality, and leadership in complex contexts. His example remains a moral compass today, in an era of globalization and conflict, demonstrating that politics grounded in Sufi ethics and dialogue can overcome the deepest divisions. His legacy is a testament to the enduring power of principled action, inspiring future generations.

References

1. Bouyerdene Emir. Abd el-Kader: Hero and Saint of Islam. Bloomington, IN : World Wisdom, 2012. P. 38.

2. Fondapol. Discussion «Emir Abd El-Khader: a model of rapprochement between East and West». URL: https://www.fondapol.org/ (accessed: april 29, 2026).

3. Gahar Mashaal. Emir Abd el-Kader and Algeria's lesson for the world. Daily Times. URL: https://dailytimes.com.pk/964/emir-abdel-kader-and-algerias-lesson-for-the-world/

4. Hada Kitab. El-Emir-Abd el-Kader Raid Al-kifah Al-jazairi. URL: https://archive.org/details/El-Emir-Abdelkader/page/n75/mode/2up

5. Ibn Arabi. Meccan Revelations/Selected Works // Translated from Arabic with introductory article and commentary by A. V. Smirnova. M. : Languages of Slavic Culture : Sadra, 2014. Vol. 2. 400 p.

6. Oganisyan Yu. S. Abd-al-Kadir. M. : Molodaya Gvardiya, 1968. 176 p.

7. McDougall J. History and the Culture of Nationalism in Algeria. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

8. Rehai Mohamed. Emir Abd el-Kader: Algerian Military Resistance and Statesman (1832–1847). Ziglobitha, 2025. P. 349–360.

9. Wien P. Arab Nationalism: The Politics of History and Culture in the Modern Middle East. Routledge, 2017. 290 p.

УДК 1:004.8

INTERRELIGIOUS DIALOGUE AS AN ALTERNATIVE TO CONFLICT: THE LEBANESE EXPERIENCE

German Mikhailovich Kirillov[1],
Nasma Laga[2],
Fatima Ayt Shlikh[3]

[1,2,3]Penza State University, Penza

[1,2,3]gekir10@mail.ru

Abstract. This article examines Lebanon's unique confessional political system, analyzing how religious diversity shapes governance, the distribution of power, and the social fab-

ric of society. Through the lens of Martin Buber's philosophy of dialogue and the Sufi tradition represented by Jalaluddin Rumi, the authors explore the potential of interreligious dialogue as a metaphysical alternative to conflict. Amidst the global confrontation between West and East, as well as regional tensions between Israel and Hezbollah, the Lebanese model of coexistence – with all its internal contradictions – offers a unique perspective for understanding how religious diversity can become not a source of division, but the basis for dialogical being-with-others.

Keywords: interreligious dialogue, confessions, I and You, Sufism, Other, coexistence, philosophy of dialogue

Lebanon is one of the most religiously diverse countries in the Middle East. It is home to numerous religious communities, including Sunni and Shia, Alawites, Ismailis, Maronites, Greek Orthodox, Melkite Greek Catholics, Armenian Orthodox, Evangelical Christians, Druze, and others. This rich religious pluralism makes Lebanon a unique society, where multiple identities coexist within the confines of a single, small country. Despite their differences, these communities share land, institutions, schools, and public spaces, facilitating everyday interaction and social coexistence. Lebanon's uniqueness, however, should not be exaggerated. What we observe here, to varying degrees, is characteristic of the Arab world as a whole. indicates, in particular, “after Islam, Arab history continued at two levels, the Islamic and the Arab, and the lines of demonstration between the two were never clear” [4, p. 150]. Under these conditions, confessional differences and nuances in the interpretation of Islamic dogmas acquire a significance here that surpasses the factor of national unity. In any case, pan-Arabist ideas have not proven viable in the region over the long term (as evidenced by the experience of Egypt (UAR), as well as Iraq and Syria (the concept of Arab socialism, declared by the Ba'athists in both countries).

The Lebanese political system is built on a model of power-sharing between recognized religious groups. The president is a Maronite Christian, the prime minister is Sunni, and the speaker of parliament is Shia. This consociational system obliges the various communities to cooperate, negotiate, and participate jointly in governing the country. While tensions and disagreements are a natural part of this process, dialogue remains the primary mechanism for managing differences and finding common ground. Coexistence in Lebanon is based not on the erasure of differences, but on the acceptance of diversity and mutual recognition. Of course, there have been conflicts and trials along the way; one only needs to recall the long, bloody civil war (1975-1990), provoked by the intervention of external players, primarily Israel. Nevertheless, However, "... a peace agreement between the major factions... came into operation in December 1990" [3, p. 150].

The difficulty, however, is that this political model often reduces the Other to a role – a representative of a particular confession, endowed with a strictly defined set of rights and responsibilities. It thus risks turning living dialogue into a formal distribution of portfolios, where "I" and "Thou" are frozen in rigid social roles, without encountering each other as individuals. Here we come to the key distinction for our article, proposed by Martin Buber.

The Jewish philosopher Martin Buber (1878–1965), author of the seminal work “I and Thou" (1923), proposed a distinction between two fundamental types of human relationship to the world. In the "I-It" attitude, the world appears as a collection of objects subject to use, classification, and analysis. The Other in this regard becomes "It"—a thing, a function, into a representative of their group, into a bearer of certain characteristics. A political system built on confessional principles constantly risks slipping into precisely this attitude, when a Maronite, Sunni, or Shiite is perceived not as unique individuals, but as exemplars of categories.

Authentic encounter, according to Buber, occurs in the "I-Thou" (I-Thou) relationship. "All true life is an encounter," the philosopher asserted. In the "I-Thou" rela-

tionship, the Other appears not as an object, but as a subject, as a "Thou" to whom I address myself in all its fullness and uniqueness. "Through the Thou," Buber wrote, "man becomes I." Buber calls this sphere the "between" (das Zwischen). "Between" is the dimension through which genuine dialogue is born. It is what lies between the individual and the social. Dialogue, debate, embrace, and combat are examples of the "true between" [1, p. 154]. This means that our own identity does not precede the encounter with the Other, but is born within it. This is precisely the profound philosophical challenge for Lebanon: can its confessional system, built on fixed identities, open up to genuine dialogic encounter, or is it doomed to remain within the framework of "I-It"?

This question becomes especially acute in the global context. Regionally, the Middle East is affected by major geopolitical conflicts. These contradictions are not only political but also ideological and strategic in nature, affecting many countries in the region. In the mid-2020s, the confrontation between West and East, as well as between Israel and Lebanese Hezbollah, intensified. Lebanon is typically not a direct battlefield in such clashes, but indirectly suffers from political pressure and regional instability, making its position particularly fragile. In a world increasingly polarized, the Lebanese experience of coexistence offers an alternative perspective—not the erasure of borders, but dialogue across borders.

Amid these upheavals, the value of the Lebanese model becomes even more evident. It's not perfect, but it proves that even when external forces try to exploit internal fault lines, dialogue remains the only realistic alternative to chaos. This is where the wisdom of the Sufi tradition comes to our aid.

If Buber provides us with a language for describing the dialogic relationship, then the great Persian Sufi poet Jalaluddin Rumi (1207–1273) offers a metaphysical justification for why encountering the Other is necessary for finding true meaning. In the Sufi tradition, which Rumi expressed in his poetry, the Other is not an obstacle on the path to God, but, on the contrary, becomes the one through whom this path passes. In one of his verses, Rumi proclaims: "In your soul there is another soul. You are searching for this soul" [2, p. 231].

Rumi taught that self-knowledge is impossible without knowledge of the Other. "Our perception of the 'I' is the result of the interaction of the 'I' with the 'Other,'" asserts Sufi anthropology. If we accept the Other as a subject equal to the 'I,' we can experience their meaningful presence in life. Rumi called for religious tolerance and respect for those of other faiths, whether Christians or Jews. In this regard, Rumi is close to Buber, despite the centuries and cultural worlds separating them: both thinkers insist that the true self is born not in isolation, but in the relationship between.

As modern scholars emphasize, through his poetry, Rumi taught humanity a mystical journey to God, in order to then live in peace and harmony with diversity and difference. For him, a peaceful life should begin with the knowledge of God, and through the remembrance of God, one inevitably comes to know other people and how to live among them.

One of the key motifs of Rumi's poetry is love as the foundation of tolerance. According to Rumi, love for God naturally gives rise to love for creation—for all people, regardless of their faith. In this sense, his approach to religious diversity is not political, but rather metaphysical: the diversity of religions is not a problem to be solved, but a reflection of the infinite richness of the One, manifesting Itself in a multitude of forms.

Let's return to the specifics of the Lebanese model. It has a number of advantages that should be acknowledged: the system prevents the dominance of any one community and, in theory, protects the interests of minorities through guaranteed representation. It provides a foundation for the coexistence of diverse communities and re-

duces sectarian conflict through institutional channels. Finally, it guarantees that all religious groups have a voice in government. However, from a philosophical perspective, this is precisely where the main danger lies. When political loyalties shift primarily toward a specific community, rather than the nation-state as a whole, this can weaken state institutions and make the country more vulnerable to external influence. Behind this lies a deeper challenge: can a political system, itself built on distinctions between "us" and "them," "us" and "them," become a space for genuine encounter?

The path forward for Lebanon involves strengthening a shared national identity that complements, rather than replaces, the country's rich cultural heritage. However, this must not involve the imposition of a single identity from above. Rather, it is an invitation to what Buber would call a "dialogical community" – a space where the "I" and "Thou" of each community can meet without losing their uniqueness.

In a region often engulfed in conflict and polarization, Lebanon represents a different, albeit imperfect, model. Its current experience demonstrates that religious diversity need not lead to destruction. On the contrary, through coexistence, dialogue, and a sense of shared responsibility, diverse communities can strive to live together. And even as external conflicts – between West and East, between Israel and its adversaries – tear the region apart, the Lebanese fabric of intercommunal dialogue continues to exist, albeit tensely, as a living reminder that the Other is not necessarily the enemy.

In this sense, Lebanon is a living example of how interreligious dialogue can be a source of strength, and how cooperation between religions can offer a powerful alternative to conflict, even in one of the world's most unstable regions. As researcher Hala Fleihan has noted, interreligious dialogue has proven effective in Lebanon as a means of peacebuilding, enabling society to move beyond disputes and ineffective conversations to transformative communication. "Dialogue must not stop at dialogue, but must go further – to spiritual solidarity," assert contemporary Lebanese interreligious practitioners.

The wisdom of Buber and Rumi, two thinkers from different traditions – Jewish and Islamic – reminds us that a genuine encounter with the Other is not a concession or compromise, but a necessary condition for achieving one's own fullness. Lebanon, despite all its internal contradictions and external threats, remains a space where this encounter is still possible. And this is its enduring significance for a world that increasingly forgets that "all true life is an encounter."

References

1. Buber M. I and You : trans. from German. M. : Higher School, 1993. 175 p.

2. Can Sh. Mevlana Jalal al-Din Rumi – Life, Personality, Thoughts. St. Petersburg : Dilya Publishing House, 2007. 432 p.

3. Halliday F. The Middle East in International Relations // Power, Politics, and Ideology. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 374 p.

4. Salib K. S. A House of Many Mansions // The History of Lebanon Reconsidered. London : I. B. Tauris, 1988. 260 p.

РАЗДЕЛ 5

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН

УДК 177.5

Л. И. АКСЕЛЬРОД О ЗАКОНАХ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Ольга Александровна Мартынова[1], Алена Александровна Дигузова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]diguzovaa@gmail.com

Аннотация. Исследуются труды Л. И. Аксельрод – видного философа, представительницы ортодоксального марксизма. Она продвигала идеи исторического материализма, поддерживала концепцию того, что история имеет свои законы существования. Законы исторического развития описывала как материальные, индивидуальные для каждой эпохи и склонные к цикличности принципы существования общества.

Ключевые слова: Аксельрод, исторический материализм, законы, характеристика, правила

«Любовь Аксельрод обладала сильным характером. Недаром она избрала литературный псевдоним – Ортодокс, т.е. правоверный, неуклонно следующий определенному убеждению, направлению мыслей», – так отзывался о Любови Исааковне Аксельрод основоположник радикальной психологии, философ А. А. Брудный.

Один из самых известных трудов Л. И. Аксельрод «Курс лекций по историческому материализму (1919). Аксельрод ставит перед собой в первую очередь просветительскую цель, считая необходимым донести до читателя понимание ортодоксального материализма без отступления от его сути, что по ее мнению легче сделать с позиций марксизма: «Я же остаюсь на старой позиции ортодоксального марксизма без всяких отступлений работа марксиста по историческому материализму может выявить применение марксистского метода с наибольшей выпуклостью к тем областям, которые его занимали по преимуществу» [2, с. 3].

Любовь Исааковна проводит крайне важное для науки и общества исследование. Она фактически приводит доказательную базу тому, что в основе исторического материализма лежит эмпиризм [7]. То есть, к изучению истории, социологии и любых других общественных наук стоит подходить с точки зрения оценки результатов практического опыта. В таком случае повышается вероятность получения достоверных, практически подтвержденных знаний. Для доказательства необходимости применения эмпиризма в социальных науках Аксельрод исполь-

зует диалектический подход. В процессе рассуждения она противопоставляет естественные наук (биологии, химии, физики) наукам гуманитарным (истории, социологии), и в этой противоположности находит общее, т.е. единство этих научных отраслей.

Как марксист Аксельрод задается вопросом, как методически подойти к анализу исторических и социальных явлений. Предполагается, что у них, как и у естественных природных явлений, есть свой объект исследования, свои методы и, наконец, свои законы развития. Однако социальная сфера вне сомнений устроена сложнее, чем биологическая. Первая является менее предсказуемой, поскольку регулируется мыслями и поступками людей, которые в принятии решений зачастую руководствуются не рационализмом, а эмоциональным состоянием, предугадать которое невозможно. Кроме того, с первого взгляда кажется, что в истории нельзя подтвердить существование тех или иных законов опытным путем, проведя наглядный эксперимент: «Нельзя произвести в лаборатории Великую французскую революцию, мы не в состоянии воссоздать эпоху греко-персидских войн, в ее конкретности, или время реформации со всеми последствиями этих великих событий, имевших такое глубокое влияние на ход исторического развития» [2, с. 2].

В перечисленных характеристиках проявляется противоположность наук естественных и гуманитарных, однако при ближайшем рассмотрении выяснится, что в этих же качествах и их единство.

Любой из приведенных в противопоставление фактов можно оспорить с точки зрения объективизма. Во-первых, более сложное устройство человеческого общества не должно отвращать исследователя от желания найти в нем упорядоченность. Этот факт усложняет анализ, но ни в коей мере не исключает его возможность. Во-вторых, непредсказуемость также спорная характеристика исторических событий. Несмотря на то, что определенная часть общественных отношений регулируется психоэмоциональной сферой, можно выявить некоторые не связанные с этой составляющей закономерности, например, в развитии государственности. Так, каждый народ на ранних стадиях своего общественного развития имел в основе «родовой коммунистический быт». Такой вид социального взаимодействия определялся в большинстве своем одинаковыми причинами – совместный труд производил блага, которые распределялись по коммунистической форме. Аксельрод отмечает, что с точки зрения истории и любой революционный процесс проходит одинаковые этапы развития, проявляющиеся одинаковыми (по своей сути) событиями.

Таким образом, если историческая и социальная сферы человеческой жизни цикличны и имеют закономерности, можно сделать вывод о том, что существуют законы эти закономерности определяющие. Отсутствие же конкретного «поля для эксперимента» не исключает возможности эти законы наблюдать и анализировать, поскольку в случае с историей она сама и является «экспериментальной лабораторией», а объектом исследования выступают общественные массы.

Как и в естественных науках, изучение исторического развития общества предполагает конкретные методы. Самый главный из них – диалектический. Он подразумевает рассмотрение всего хода развития социума как процесса столкновения противоречий и/или слияние их в единство. Так, Великая французская революция была спровоцирована накопившимися противоречиями между производительными силами и прозводственными отношениями. Появление новых методов производства, рост мануфактур, стремительное развитие городов требовало от производственных отношений адаптации к высокому ритму развития, но во Франции того времени все еще сохранялась феодальная система, во главе государства стояло духовенство и дворянство, не заинтересованное в развитии про-

мышленности. В результате данное противоречие было радикально разрешено посредством революции. В поддержку диалектического метода Аксельрод пишет: «Диалектический метод есть продукт тысячелетнего исторического развития, он вытекает, следовательно, из всего опыта человечества ... диалектическое мышление, есть отражение диалектического движения объективного окружающего нас мира. Оно – продукт опыта человечества, и именно потому, что оно – продукт опыта, оно является методом для исследования бытия, действия и предвидения будущей действительности» [1, с. 4].

Согласно этому же методу рекомендуется выделение категорий единичного и общего, причины и следствия, возможности и действительности и т.п. в истории развития общества.

Таким образом, структура изучения естественных и исторических наук имеет один формат, однако в исследовании историко-социальной сферы общества есть особенность. Наблюдатель осуществляет эксперимент неосознано, анализ проводится как бы ретроспективно, а сознание приходит post factum. Л. И. Аксельрод пишет: «Исторический деятель, руководящий теми или иными событиями, экспериментирует бессознательно. Имея дело с живыми людьми, а не с пассивным, бессознательным материалом, он должен действовать с уверенностью в успехе, и так именно действует исторический деятель и тогда, когда опыт завершился неудачей» [2, с. 4].

Поскольку изучение общественной и исторической жизни общества имеет свой объект исследования, представленный общественными массами и свои методы изучения, значит их исследование может быть объективным, основанным на фактах в той же степени, в которой основано изучение естественных наук (химии, физики, биологии). Необходимо понять, каковы законы развития истории и социологии? Здесь стоит отметить, что Любовь Исааковна не предлагала конкретно сформулированных принципов, однако исходя из ее рассуждений на близкие темы можно выделить ряд закономерностей, по которыми Аксельрод характеризовала общественные законы.

Первое правило развития и существования общества в целом Л. И. Аксельрод выводит, ссылаясь на К. Маркса: «Исходным положением и руководящим методологическим принципом являются, таким образом, не сознание, не понятие и не идея, а материальные конкретные факты и их взаимные связи, ибо, как гласит краткая формула Маркса: «не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание» [6, с. 155], т.е. Аксельрод утверждает, что в основе законов истории и общества лежат известные материальные факты, которые можно сопоставлять, анализировать или исследовать их каким-либо иным способом; в любом случае исторические и общественные законы имеют такой же конкретный материал (субстрат) для изучения, какой имеют и любые естественнонаучные законы. Идеи же если и оказывают влияние на развитие истории, то являются вторичными факторами, поскольку не отражают действительность: «Суть же в том, что идеализм, как его еще определял Кант, отвергает в том или другом виде объективную, реальную действительность» [4, с. 3]. Таким образом, можно выделить первое качество законов исторического материализма – собственно материалистичность [3].

Вторая важная характеристика общественных и исторических законов – их индивидуальность. Каждый этап развития общества определяет конкретную эпоху истории, причем для каждой такой ступени характерны свои собственные принципы функционирования (законы существования/развития). Из этого следует, что логически неверно оценивать события одной исторической эпохи по мер-

кам любой другой предшествующей или последующей ей. Например, во времена язычества на Руси кровавые обряды жертвоприношений были частью повседневной жизни. Люди верили, что убив животное определенным образом, порадуют богов и получат хороший урожай. Современному человеку понятно, что сколько бы крови несчастного жертвенного петуха не пролил волхв, пшеница от этого не будет расти лучше. Однако, согласно вышеупомянутому закону, мы не можем осуждать действия того общества, поскольку для современного им этапа развития такой способ решения проблем – обычная практика. В подтверждении этого факта высказывались К. Маркс и Ф. Энгельс: «Воображение», «представление» определенных людей о своей действительной практике превращается в единственно определяющую и активную силу, которая господствует над практикой этих людей и определяет ее» [5, с. 236].

На основании суждений Аксельрод может быть выделено еще одно важное качество историко-социальных законов, уже упоминавшееся выше – цикличность. Доказательством существования этой характеристики становится, например, генезис развития философских школ: «Обращаясь к истории философии, мы видим, что и эта область, область человеческой отвлеченной мысли, полна повторений. Философские системы возникают, создаются школы, разрабатываются отдельные ее положения, но проходят некоторые периоды времени, – система подвергается полному разрушению, а затем как будто окончательному и оскорбительному забвению. А далее через столетие, а иногда и через более значительные промежутки времени, система возрождается и часто выдается за нечто совершенно новое и совершенно оригинальное» [2, с. 3].

Таким образом, в вопросе о генезисе законов общества Л. И. Аксельрод проявляла себя как ортодоксальный марксист. Она описывала историю, философию и социологию как науки материалистические, изучением которых следует заниматься, основываясь на фактах и доказательствах. Аксельрод придерживалась концепции позитивизма (справедливее даже контизма) о том, что некие наиболее общие законы распространяют свое действие на все сферы действительности, и в каждой области к ним лишь добавляются ее особые специфические законы: «И в общей цепи расположения естественных наук мы видим восхождение от простого к сложному, от менее сложного к более сложному. Химия, например, сложнее физики, потому что она включает в себе и законы физики и плюс ее собственные законы…» [2, с. 3]. Законы исторического развития она описывала как материальные, индивидуальные для каждой эпохи и склонные к цикличности принципы существования общества.

Список литературы

1. Аксельрод Л. И. В защиту диалектического материализма: против схоластики. М. : Стереотип, 1933. 254 с.

2. Аксельрод Л. И. Курс лекций по историческому материализму // Сфера. 2012. № 225. С. 1–26.

3. Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории : курс лекций. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. С. 12.

4. Аксельрод Л. И. Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. М. ; Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1933. 254 с.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М. ; Л. : Политиздат, 1988. 589 с.

6. Мартынова О. А. Критика идеализма и легального марксизма в трудах В. И. Засулич // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10, № 1. С. 96–106.

7. Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Любовь Аксельрод о Канте: осмысление марксистских дискуссий 1920–1930-х годов в СССР // Кантовский сборник. 2024. № 4. С. 155–168.

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Илья Алексеевич Алексеев

Пензенский государственный университет, г. Пенза

alekseev5201@mail.ru

Аннотация. Цифровые технологии сильно меняют не только сами модели ведения бизнеса, но и обычную повседневную работу предпринимателей. Рассматривается, как в России в период с 2022 по 2026 г. менялись привычные рабочие процессы под влиянием цифровой среды. На основе материалов Росстата и современных исследований выделены основные изменения в организации работы, общении с партнерами и клиентами, управлении сотрудниками и принятии решений. Цифровизация идет не везде одинаково быстро. Быстрее всего меняются документооборот и финансовый учет, а вот личное общение и вопросы долгосрочного планирования до сих пор во многом сохраняют более привычный, не полностью цифровой формат. Практическая ценность этой работы связана с тем, что ее выводы можно использовать при создании программ, которые помогут малому и среднему бизнесу легче адаптироваться к работе в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация, предпринимательские практики, повседневность бизнеса, цифровая трансформация, малое предпринимательство, электронный документооборот, дистанционное управление

С 2022 г. условия для ведения бизнеса в России изменились очень заметно, причем перемены коснулись не только серьезных решений, связанных с рынками, поставщиками или общей стратегией – намного сильнее они затронули обычную рабочую жизнь предпринимателя. Изменилось то, как проходит его день, какими сервисами и программами он пользуется, как общается с сотрудниками, клиентами и партнерами.

Современные теории цифровизации экономики все исходят из простой мысли, что информация сегодня стала важным ресурсом, как труд, деньги, оборудование или сырье. Если раньше основой производства считались в первую очередь рабочая сила, капитал и материальные средства, то теперь к ним добавляется еще один элемент – данные и все, что связано с их сбором, обработкой и использованием [1, с. 2].

Это связано с тем, что в нынешней экономике ценность создается не только за счет физического продукта или количества вложенных средств, а кто быстрее получает нужную информацию, кто лучше ее понимает и кто умеет превратить ее в конкретное решение. Информация начинает работать как самостоя-

тельный ресурс. Она помогает находить клиентов, прогнозировать спрос, оценивать поведение аудитории, управлять сотрудниками, контролировать расходы и выбирать более выгодные направления для развития.

Внедрение ERP-систем, облачных сервисов и инструментов аналитики меняет повседневную работу предпринимателя. Данные решения позволяют быстрее собирать информацию из разных участков бизнеса и видеть более полную картину происходящего. Если раньше многие управленческие действия строились на опыте, интуиции или различных отчетах, то теперь у предпринимателя появляется возможность опираться на данные почти в реальном времени [2, с. 5].

Особенно важно то, что подобные системы помогают быстрее реагировать на изменения рынка. Бизнес может раньше заметить снижение спроса, изменение поведения покупателей, сбои в поставках или рост затрат. За счет этого внедрения технологий – решения принимаются не когда-то потом, когда проблема уже нанесла ущерб, а в моменте, пока ситуацию еще можно исправить с меньшими потерями.

Отдельную роль играет аналитика данных. Она дает возможность не просто фиксировать уже произошедшие события, а видеть закономерности и лучше понимать, почему бизнес движется именно так. Предприниматель может оценивать, какие товары или услуги пользуются большим спросом, в какие периоды активность клиентов возрастает, какие действия приносят результат, а какие только создают видимость работы. За счет этого управление становится более точным [3, с. 4].

Хорошим примером является сеть магазинов «ВкусВилл», которая использует собственную IT-платформу для анализа спроса в реальном времени. Это показывает, что цифровые инструменты сегодня нужны не просто для удобства, а для более точного понимания рынка и более быстрой реакции на поведение покупателей. Такие технологии помогают бизнесу действовать не вслепую, а на основе постоянно обновляющейся информации.

Онлайн-торговля за последние годы перестала быть чем-то дополнительным для малого и среднего бизнеса. Для многих компаний это уже обычная часть работы. Маркетплейсы вроде «Wildberries» и «Ozon», – все это стало привычной основой продаж. Если раньше малый бизнес мог работать в основном через офлайн-точку, сарафанное радио или собственный сайт, то теперь без присутствия в онлайн среде ему все труднее удерживать клиентов и масштабироваться.

Особенно сильно это видно по маркетплейсам. Для небольших компаний они стали не просто еще одним каналом продаж, а реальной возможностью быстро выйти на широкую аудиторию. Малому бизнесу уже не нужно открывать много точек, вкладывать большие деньги в отдельную инфраструктуру или долго выстраивать известность бренда с нуля. Площадка сама дает доступ к большому потоку покупателей. При этом для многих предпринимателей именно маркетплейсы стали самым понятным и быстрым способом нарастить продажи [4, с. 2].

Отдельно важно отметить электронные платежи. Они тоже стали обычной частью деловой жизни. Покупатель уже ждет, что сможет оплатить товар быстро, удобно и без лишних действий. Для бизнеса это означает, что расчеты должны быть простыми, понятными и встроенными в общий процесс продажи. Иначе компания начинает проигрывать тем, кто делает покупку легче и быстрее.

Большую роль в этой системе играют и социальные сети. Сегодня они используются не только для красивых публикаций, но и как рабочий инструмент продвижения. Через них предприниматели показывают товар, знакомят аудиторию со своим продуктом, собирают доверие, отвечают на вопросы и подталкива-

ют человека к покупке. Социальные сети позволяют быть ближе к клиенту и постоянно напоминать о себе без слишком больших затрат [5, с. 6].

Переход к удаленной работе, который стал возможен благодаря развитию облачных платформ и сервисов для онлайн-взаимодействия. Речь идет о таких инструментах, как «Битрикс24», «Zoom» и других цифровых решениях, через которые сотрудники могут общаться, ставить задачи, контролировать сроки, хранить документы и проводить рабочие встречи без личного присутствия в офисе. Для бизнеса это стало важным изменением, потому что сама организация труда начала строиться уже не вокруг общего живого пространства, а вокруг цифровой среды.

Для эта дает достаточную гибкость. Стало проще собирать команду из людей, которые находятся в разных городах, быстрее проводить созвоны, не тратить лишнее время на дорогу и сокращать часть постоянных расходов, связанных с офисом. Кроме того, удаленный формат позволил многим предприятиям сохранить рабочие процессы в нестабильный период, когда привычное присутствие на месте оказалось невозможно [6, с. 2].

Электронные государственные услуги заметно упростили для предпринимателей административные задачи, которые раньше отнимали много времени и сил. То, что еще недавно требовало личных визитов, бумажных заявлений, ожидания в очередях и постоянного контакта с разными ведомствами, теперь во многих случаях можно сделать через интернет. Это касается регистрации ИП, подачи отчетности, и решения других обязательных вопросов, без которых работа бизнеса просто невозможна.

Для малого предпринимателя это важно, так как в небольшом бизнесе у человека обычно нет отдельного юриста или бухгалтера, который берет такие задачи на себя. Поэтому любые сложные и затянутые процедуры напрямую ложатся на самого владельца. Когда государственные сервисы переходят в электронный формат, это снижает нагрузку на предпринимателя и позволяет ему быстрее решать обязательные формальности [6, с. 3].

Изменение повседневной работы российских предпринимателей под влиянием цифровизации идет достаточно глубоко, но при этом очень неравномерно. К 2025–2026 годам стало видно, что бизнес меняется не целиком и не одинаково во всех сферах. В одних участках цифровые инструменты уже почти полностью вытеснили старые способы работы, а в других сохраняются привычные, «ручные» формы работы.

Сильнее всего это заметно в трех направлениях. Во-первых, в финансовом учете и отчетности. Во-вторых, в работе с документами при взаимодействии с государственными органами. В-третьих, во внутренней повседневной коммуникации между сотрудниками. Именно здесь цифровизация зашла дальше всего и стала обычной нормой. Предприниматели начали массово использовать электронные системы учета, мессенджеры, облачные сервисы и разные онлайн-инструменты для текущей работы. Во многих случаях это происходило не потому, что бизнес сам к этому стремился, а потому что иначе работать стало просто неудобно, медленно или уже невозможно.

При этом остаются такие направления, где цифровые изменения идут медленнее. Есть то, что предприниматели до сих пор не готовы полностью передавать в цифровой формат. Это касается стратегического планирования, построения долгих партнерских связей, работы с ключевыми сотрудниками и решения конфликтных ситуаций. В таких вопросах по-прежнему важны личные встречи, живое общение, неформальные договоренности и обычное человеческое понимание ситуации. Здесь предприниматели чаще опираются не только на данные и сервисы, но и на опыт и доверие.

Именно поэтому ценность такого исследования связана не просто с описанием цифровых перемен, а с пониманием того, как реально устроена повседневная жизнь бизнеса. Не все процессы можно одинаково успешно перевести в автоматический режим. Универсальные решения, которые требуют оцифровать все, на практике часто оказываются слишком сложными и искусственными. Они не учитывают, что в бизнесе есть задачи, где цифровые инструменты действительно удобны и полезны, а есть сферы, где без личного участия и живого контакта эффективность, наоборот, может снизиться.

Список литературы

1. Ватутина Л. А., Злобина Е. Ю., Хоменко Е. Б. Цифровизация и цифровая трансформация бизнеса: современные вызовы и тенденции // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. № 4. С. 545–551. URL: https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/6200

2. Полянин А. В., Соболева Ю. П., Тарновский В. В. Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 80–96. URL: https://www.acjournal.ru/jour/article/view/1396

3. Черкасова В. А., Слепушенко Г. А. Влияние цифровизации бизнеса на финансовые показатели российских компаний // Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2021. № 25 (2). С. 128–142.

4. Khisaeva A. I., Shaykhutdinova G. F., Ishmukhametov E. M. Business Development Models in the System of the Russian Electronic Entrepreneurship // Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/mtde-20/125939832

5. Minakov A., Suglobov A. Business management in the digital economy // Russian Journal of Management. 2021. № 3. P. 226–230. URL: https://riorpub.com/en/nauka/article/43479/view

6. Kaftan V., Kandalov W., Molodtsov I. [et al.]. Socio-economic stability and sustainable development in the post-COVID era: lessons for the business and economic leaders // Sustainability. 2023. № 15 (4). URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/15/4/2876

РАЗДЕЛ 6

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЦЕННОСТИ, ПРИОРИТЕТЫ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

УДК 616.31

ИЗУЧЕНИЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Елизавета Дмитриевна Ишкова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

rejcelokonnor@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты исследования модели поведения современной студенческой молодежи в сфере стоматологии. Автором подчеркнуто отличие стоматологии от медицины как социального института. Кроме того, выделены теоретические предпосылки социологического понимания здравоохранительного поведения молодежи. В ходе исследования выявлено противоречие в здравоохранительном поведении молодежи в стоматологии в сочетании с достаточно зрелой позицией в вопросе целеполагания при обращении за стоматологической помощью.

Ключевые слова: модель поведения, стоматологическая помощь, молодежь, здравоохранительное поведение, здравоохранение

Взаимодействие с системой здравоохранения, отдельными медицинскими организациями имеет большое, а иногда и решающее значение для пациента [5, с. 153].

Стремительное старение российского населения ставит перед государством важную задачу обеспечения благоприятных условий для ведения активного и здорового образа жизни молодыми людьми, которые в контексте повышения трудоспособного возраста должны уже сейчас осознавать личную ответственность за свое здоровье и предпринимать активные шаги для его сохранения и упрочения [2, с. 270].

На сегодняшний день в российской научной периодике всесторонне исследованы социальные представления о здоровье, здоровьесбережении и здоровом образе жизни студенческой молодежи. Проводя теоретико-социологический анализ социального поведения молодежи в сфере здравоохранения, можно выделить несколько методологических предпосылок научного изучения данного феномена. Во-первых, здравоохранительное поведение молодежи – это разновидность целерационального социального действия (в духе веберианской понимающей социологии), направленного на сохранение и упрочение своего здоровья всеми доступными способами. Во-вторых, вектор социального поведения молодежи в сфере здравоохранения задается ментальной программой общества и регионального социума, стилем жизни социальной общности или социальной группы, к которой принадлежит типичный молодой человек. И, наконец, в-третьих, социально-статусные, социокультурные и региональные различия продуцируют неодинако-

вые поведенческие практики, являющиеся социальным продуктом индивидуально-типических здравоохранительных стратегий, в результате которых складывается вторичное стратификационное деление молодых людей в сфере здоровья и здравоохранения и, наоборот, отталкиваясь от концепции габитуса П. Бурдье, можно предположить, что молодые люди, располагающие близкими социальными позициями, воспроизводят схожие практики здравоохранительного поведения [4, с. 251].

По мнению социологов, ценность индивидуального здоровья в нынешних социально-экономических условиях возрастает, но только в качестве инструментальной ценности, т.е. как средство достижения различного рода жизненных благ: престижной работы, полезных связей, материального благополучия [1, с. 54].

В современном мире деятельность врача-стоматолога выходит далеко за пределы поддержания благополучного состояния полости рта. Стоматология, как социальный институт выполняет ряд функций: здравоохранительная, просветительская, социальная стратификация (статус), социальная адаптация и коммуникация, социальная поддержка, экономическая функция [6, с. 110]. Деятельность врача-стоматолога немыслима без применения высоких технологий, новейших психологических методик и знания менеджмента. Некоторые авторы даже считают, что роль стоматолога перестает быть узко профессиональной и превращается в роль социальную [6, с. 104]. Расширение функций стоматологии позволяет предположить, что это отразится на поведении пациентов.

Целью настоящего исследования является понимание того, что происходит с молодым человеком, о чем он думает и что чувствует, как поступает в определенных жизненных ситуациях для сохранения своего стоматологического здоровья [3].

Выбор участников исследования обусловлен тем, что большинство обучающихся находятся на стадии завершающего физического и психического развития. Они более ориентированы на достижения и успех в личной, в профессиональной сферах жизни, что проявляется в повышенном внимании к своему внешнему виду. Поэтому испытуемых обозначенной возрастной категории можно считать постоянными пациентами, следящими за своим здоровьем.

Автором была разработана анкета. В анкетировании приняли участие 154 студента Пензенского государственного университета в возрасте 18–25 лет, 35 девушек и 19 юношей. Большая часть респондентов 57 % осваивают медицинские специальности врача или фармацевта; около 30 % – будущие преподаватели, 13 % – станут инженерами и IT специалистами.

Критериями выбора модели поведения являются: нравственная безупречность; учет конкретной ситуации, в которой личность действует; цель, которую ставит перед собой личность и самокритичная оценка собственных возможностей использования конкретной модели поведения. Студенты находятся приблизительно в одинаковых условиях, поэтому исследование сосредоточено на изучении цели и особенностей фактического поведения молодых людей при получении стоматологической помощи.

Подавляющее большинство опрошенных обладает базовыми навыками и знаниями в сфере здоровьесбережения (94 % проходят профилактические осмотры, 91 % обычно выполняют рекомендации врача-стоматолога). Однако на практике режим прохождения профосмотров, обеспечивающий их эффективность, соблюдает лишь пятая часть (19 %), что безусловно сказывается на здоровье молодых людей. Об этом свидетельствует причина обращения за стоматологической помощью (из-за боли или дефекта к врачу-стоматологу обращаются 77 % респогдентов).

Выявлена взаимосвязь между регулярностью прохождения профосмотров и причиной обращения: при соблюдении рекомендованной частоты профосмотров и даже при участии в них только 1 раз в год, соотношение обращений к врачу-стоматологу из-за боли, дефекта зуба и эстетических недостатков практически неизменна (рис. 1); если профосмотры проводятся реже, это сказывается на здоровье зубов и пациент все чаще обращается в стоматологическую поликлинику из-за боли и дефекта зуба.

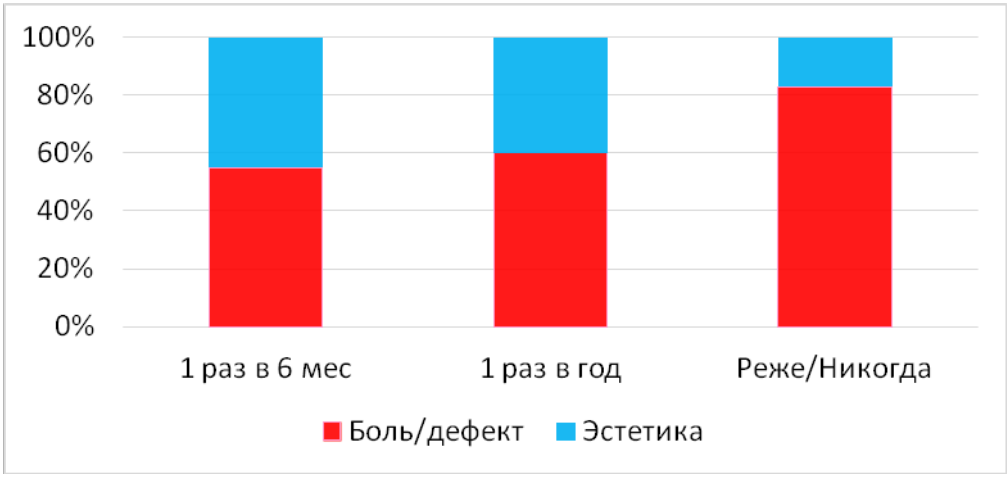

Рис. 1. Взаимосвязь регулярности профосмотров и причин обращения за стоматологической помощью

Кроме того результаты опроса демонстрируют связь между выполнением назначений врача-стоматолога и состоянием полости рта: если пациент выполняет рекомендации доктора неукоснительно, то такие проблемы как боль и дефект зуба возникают у него реже, чем при отступлениях в выполнении рекомендаций, или выполнении их от случая к случаю (рис. 2) Следует отметить, что все респонденты считают необходимым прислушиваться к врачебным рекомендациям.

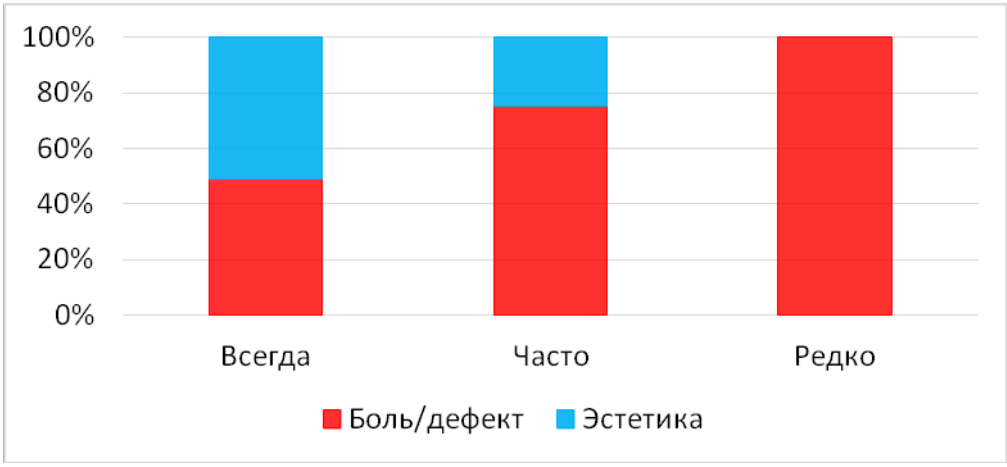

Рис. 2. Взаимосвязь регулярности выполнения назначений врача и причиной обращения за стоматологической помощью

Подавляющее большинство опрошенных (91 %) соблюдает режим посещений при повторном приеме, т.е. демонстрирующие высокую заинтересованность в своевременности проведения этапов лечения. Группа опрошенных не соблюдающих режим повторных посещений при посещении врача-стоматолога предъяв-

ляют жалобы на боль или дефект коронки зуба, а профосмотры они проходят не чаще 1 раза в 2 года.

Все участники анкетирования поддерживают контакт с врачом: 75 % подробно информируют об изменениях самочувствия, 25 % рассказывают только о боли или длительном дискомфорте.

При выборе врача-стоматолога и ЛПУ 77 % респондентов руководствуются мнением родственников (55 %) и друзей (22 %), обращая мало внимания на различные рейтинги, отзывы незнакомых людей и цену услуги.

Таким образом, растет значение удовлетворенности пациента стоматологической помощью, так как удовлетворение потребности является целью пациента, что определяет его поведение.

В результате опроса установлено, что наибольшее значение имеют (по убывающей) безболезненность лечения, долговечность и эстетичность результата работы и внимательное отношение медперсонала. Комфорт пациента (удобное помещение, условия ожидания, время приема) отходят на второй план (рис. 3). Безболезненность лечения, в настоящее время (наличие лекарственных средств и методик обезболивания) и долговечность результата работы отражает профессионализм врача.

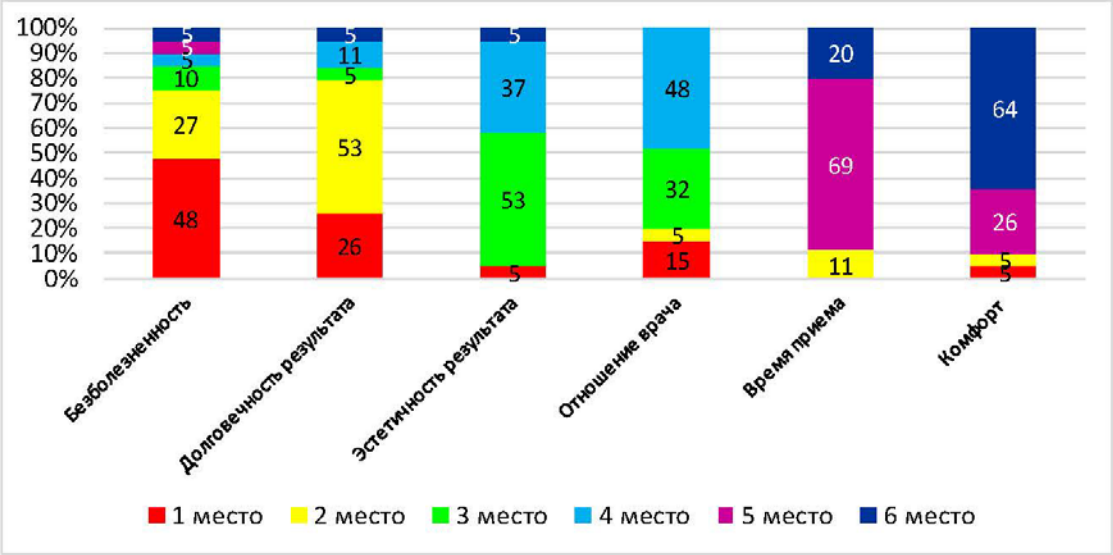

Рис. 3. Критерии удовлетворенности стоматологической помощью

Кроме того, на удовлетворенность качеством помощи влияет отношение пациента к несоответствию результата лечения его ожиданиям. Три четверти опрошенных готовы учитывать индивидуальные исходные данные и еще 10% готовы к этапу адаптации, но следует отметить, что большинство из них – студенты-медики.

Итак, исследование показало, что подавляющее большинство респондентов знает о мерах профилактики заболеваний полости рта. Но фактически лишь малая часть опрошенных демонстрирует грамотное здравоохранительное поведение, что вполне сочетается с результатами исследования социального поведения российской молодежи в сфере здравоохранения в целом Вялых Н. А. При обращении за стоматологической помощью целью молодых людей в первую очередь является получение высококачественной профессиональной услуги, которую они оценивают субъективно. При этом комфортность получения услуги чаще не является

определяющим критерием, что свидетельствует о достаточной степени зрелости респондентов, проявленной в этом вопросе.

Список литературы

1. Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Проблемы формирования здоровья российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности: социологический дискурс // Национальное здоровье. 2015. № 1. С. 53–61.

2. Вялых Н. А. Социальное поведение российской молодежи в сфере здравоохранения: проблемы концептуализации в социологическом дискурсе // Вестник НГУЭУ. 2019. № 4. С. 269–277.

3. Гафиатулина Н. Х. Социальное здоровье российской студенческой молодежи в контексте доверия как индикатора социологического измерения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 209–213.

4. Здоровый образ жизни студенческой молодежи: проблемы и перспективы развития и совершенствования : монография / под общ. ред. В. И. Филоненко; Южный федеральный университет. Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2019. 282 с.

5. Филоненко В. И., Никулина М. А., Патраков Э. В., Ковтун О. П. Представления о здоровье и здоровьесбережении у студенческой молодежи // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 152–157.

6. Чачхиани М. И. Стоматология как социальный институт: элементы и роль в современном обществе // StudArctic Forum. 2024. Т. 9, № 4. С. 104–116.

УДК 316

ТРУДОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Денис Юрьевич Володин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

volodiden@yandex.ru

Аннотация. Современный этап развития российского рынка труда в научных исследованиях именуется периодом серьезной трансформации трудовых отношений. Она связана как с влиянием государственной политики импортозамещения и обеспечения технологического потенциала, так и с влиянием цифровой экономики, воздействием сложившегося в различных отраслях экономики кадрового дефицита. Особое значение в соответствующих условиях приобретает изучение трудового поведения современной молодежи. Это связано с тем, что именно молодежь выступает наиболее активной социальной группой, от нее непосредственным образом зависит будущее страны, а, поскольку обеспечение экономики достаточным количеством трудовых ресурсов с высоким уровнем квалификации является одним из определяющих условий экономического развития и роста, обобщение трудовых установок и анализ трудовых ценностей молодежи позволят внести необходимые изменения в государственную политику регулирования рынка труда и содействия занятости.

Ключевые слова: молодежь, фокус-группы, трудовое поведение, трудовые предпочтения, рынок труда

С учетом потенциала экономического роста, проблем и особенностей, развития национальной экономики, а также сложностей и характерных тенденций рынка труда проведение социологических исследований, направленных на обобщение и анализ трудовых предпочтений современной молодежи, играет важную роль в разработке и совершенствовании государственной политики в области содействия занятости, координации и интеграции потребностей работодателей и образовательных программ, дальнейшем совершенствовании данных программ, разработке федеральных и региональных мер стимулирования и поддержки занятости молодежи [3, с. 44]. Соответствующие исследования актуальны как для определения трудового поведения молодых людей в целом, так и с точки зрения оценки региональных особенностей, позволяют прогнозировать и способствовать формированию трудовых ценностей и предпочтений; оценить их динамику; становятся ориентирами для работодателей, заинтересованных в привлечении молодых специалистов, обладающих актуальными компетенциями, необходимой для современного рынка труда гибкостью, мобильностью, высоким уровнем развития как «жестких», так и «мягких» трудовых навыков [5]. Поиск и удержание талантов, совершенствование кадровой политики, формирование прогнозов с учетом возможностей и интересов сторон и существующих ограничений, создание условий, обеспечивающих приток молодых специалистов и удержание в региональной экономике, – вот далеко не полный перечень тех возможностей, которые формируются в результате таких исследований.

Проведенные в 2022–2025 гг. исследования свидетельствуют о том, что несмотря на сохранение в числе базовых трудовых ценностей молодежи высокой оплаты труда, в том числе, необоснованных для начинающих специалистов требований к ее размеру, современные молодые люди демонстрируют более обоснованный по сравнению с предыдущими поколениями подход к поиску работы [3, с. 46]. Все чаще они ориентируются на содержание и смысл профессиональной деятельности, ответственно подходят к выбору работодателя с учетом его социальной политики, репутации на рынке и имиджа работодателя, учитывают наличие возможностей для профессионального развития и роста, профессиональной самореализации [1, с. 179]. У представителей молодого поколения появилось понимание содержания таких важных понятий, как «корпоративная культура», «корпоративные ценности», «социально-психологический климат коллектива», и несмотря на то, что обвинения в завышенных запросах по оплате труда в некоторых случаях являются обоснованными, все чаще при выборе места работы молодые люди ориентируются на соответствие бизнес-модели и основных принципов ведения бизнеса собственным жизненным ценностями и установкам. Растет спрос на социальные гарантии труда, формируется потребность в существовании на предприятии справедливой системы оценки и распределения вознаграждения [2, с. 151].

Активность молодежи наряду с отсутствием значительного жизненного и профессионального опыта, воздействие на трудовое поведение как социальных, так и экономических факторов, специфических для отдельных возрастных групп культурных установок определяет многополярность и разнообразие некоторых тенденций, влияющих на трудовые предпочтения: от распространения популярности удаленной занятости и склонности к фрилансу, стремления открыть собственное дело до не всегда адекватной оценки соответствия имеющихся трудовых навыков требованиям рынка. При этом важно учитывать и то обстоятельство, что термин «молодежь» объединяет в себе значительное разнообразие возрастных групп (от 14 до 35 лет), что также влияет на особенности трудового поведения [4, с. 119].

В условиях экономической нестабильности, высокого уровня инфляции последних лет растет значимость работы как источника дохода, в связи с чем не теряет актуальности размер заработной платы. Но при этом, по данным исследований, молодые люди готовы работать, стремятся к самореализации, однако сохранение баланса между работой и личной жизнью остается для них важным критерием поиска работы. В исследованиях 2023–2025 гг. проявилась более трезвая оценка молодыми людьми тенденций развития рынка и условий получения хорошей работы, в числе которых они называют, прежде всего наличие высокого уровня квалификации, актуальных знаний по профессии, готовность трудиться с высокой отдачей, постоянно совершенствовать трудовые навыки, активную позицию, лидерские качества, ответственность [4, с. 121].

Для оценки актуальных тенденций и особенностей трудового поведения молодых людей автором статьи было проведено собственное социологическое исследование в виде фокус-группы на тему «Трудовые тренды и предпочтения». В рамках исследования было проведено две фокус-группы в октябре и декабре 2025 г. Участниками дискуссии в том и другом случае стали типичные представители изучаемой целевой аудитории, общее количество респондентов – 10 человек.

Обобщение результатов проведенного исследования подтверждает ранее обозначенные выводы: представляя различные социальные и возрастные группы, молодые люди руководствуются при выборе работы отнюдь не единой системой ценностей и убеждений. Одни из них указывают, что выбирали или ищут работу, ориентируясь, прежде всего, на достойный заработок, другие указывали на важность гибкого графика и соблюдение баланса между профессиональной занятостью и личной жизнью. Забота о себе, наличие устойчивой уверенности в том, что самореализация личности связана не только с профессиональным развитием, но и с дополнительными увлечениями, – характерна для современной молодежи. Поэтому, стремясь обеспечить время для занятий спортом или иных увлечений, они ориентируются на гибкий график, возможность выполнять часть работы дистанционно. И несмотря на то, что соответствующая возможность в значительной степени зависит от конкретного направления трудовой деятельности, это указывает также и на более высокий уровень развития цифровых компетенций, осведомленность о возможности удаленной занятости. Дополнительно играет роль возможность экономии времени на дорогу, самостоятельное планирование рабочего графика.

В процессе проведения исследования также проявилась еще одна особенность трудового поведения, которая уже обозначалась по результатам социологических опросов: более легкое отношение молодежи к смене места работы. Если представители более старших поколений некогда ценили именно постоянство, то молодые люди не стремятся к нему до тех пор, пока условия работодателя не будут, с их точки зрения, оптимальными, соответствующими имеющимся представлениям о заработной плате, перспективах и возможностях карьерного роста и профессионального развития, атмосфере в коллективе и пр. В значительной степени это вызвано изменением отношений в обществе: современные молодые люди в течение гораздо более длительного времени по сравнению с представителями старших поколений могут рассчитывать на помощь и поддержку родителей, позднее вступают в брак и заводят детей, в связи с чем отвечают только за себя. Поэтому они готовы рисковать, менять место работы, рассчитывая на то, что при необходимости могут вернуться к родителям, получить временную поддержку от них. При этом одним из главных условий длительной работы в одной компании чаще всего участники фокус-группы называли работу в привлекательной сфере деятельности, благоприятную атмосферу в коллективе, справедливое распределение обязанностей и полномочий, а не размер заработной платы.

Евгения Н.

(26 лет, работает в строительной сфере)

«Опять же, различное стимулирование, если возвращаться. Организация должна чем-то заинтересовать, работодатель должен это сделать, чтобы не было большой текучки [смены кадров]. Стимуляция, например, абонемент в бассейн».

Максим Б.

(25 лет, работает государственным служащим в сфере спорта)

«Могу сказать за себя: сфера физической культуры и спорта дает тебе бесплатный доступ в любое учреждение, связанное со спортом. «Дизель-арена», бассейны и прочее».

Но и определенные требования к уровню заработной платы молодые люди выдвигают. Участники фокус-групп отмечали, что при начальном трудоустройстве они рассчитывают на заработную плату, среднюю по рынку. Текущий уровень профессионального развития они оценивают также разумно, говоря о том, что имеющиеся навыки позволяют им претендовать или на среднюю по рынку заработную плату в определенной сфере деятельности или на заработную плату, которая выше среднего размера на 10–30 %. Так, участник первой группы Богдан (22 года, сфера дизайна) охарактеризовал свои зарплатные ожидания следующим образом:

Богдан Л.

(22 года, сфера дизайна)

Пока не чувствую в себе такую уверенность, что могу зарабатывать вдвое больше рынка. И мне кажется, кто зарабатывает на таком уровне или даже выше, это какие-то гении дизайна, на которых зиждется компания или какой-то продукт. Я пока не могу такого сказать о себе. Но, возможно, я лучше, чем большинство, поэтому заслуживаю эти 30 %. Так у меня в голове и сформировалась это цифра.

Участники исследования отметили важность позиции и обоснованной политики в сфере оплаты труда как самого предприятия, так и государства. Одним из главных принципов государственной политики занятости, по их мнению, должно стать соответствие темпов роста оплаты труда темпам инфляции, а также зависимость заработной платы сотрудников конкретного предприятия темпам его развития, роста выручки и пр.

При этом важно отметить, что молодые люди не просто настаивают на безусловной привлекательности такого режима: они не расценивают его как возможность выполнять меньшее количество работы, снизить нагрузку, но рассматривают как привилегию для лиц, способных к самостоятельному планированию нагрузки и грамотному распределению времени, выделению приоритетных целей, работе к формату в режиме многозадачности. Осознание более высокого уровня личной ответственности свидетельствует о том, что стереотип о неумении молодых людей отвечать за собственные поступки и их желание работать меньше, – больше не работает. Ценными с точки зрения оценки трудовых предпочтений молодых людей стали также комментарии некоторых участников дискуссии о том, что полностью удаленная работа далеко не всегда благоприятно сказывается на качестве работы и социальном развитии, поскольку препятствует непосредственному общению, которое, с одной стороны, позволяет учитывать наработки более опытных коллег, тогда как с другой стороны, обеспечивает реализацию социальных, коммуникативных потребностей личности.

Алина Б.

(24 года, SMM, интернет-реклама)

Я могу сказать по опыту, что потом ты психологически не можешь отдохнуть дома. Место работы – это твоя кровать. Ты когда ложишься, еще

помнишь о рабочих задачах. Поэтому предпочитаю гибрид [гибридный график работы удаленному].

Это свидетельствует о том, что более продуктивным и предпочтительным является все-таки гибридный режим занятости.

В то же время, оценка молодыми людьми реальных возможностей сохранения и преимуществ свободного графика разнится: некоторые из них под влиянием, в том числе, стереотипов, навязанных социальными сетями (что признали сами участники исследования) стремятся к богатству, благополучию и реально рассчитывают на свободный режим с возможностью легко вписать в него поздний подъем, неспешный кофе, прогулки, занятия спортом.

Другие, чаще всего обладая реальным опытом работы и самостоятельной организации труда, указывают на то, что даже удаленная работа предполагает определенный масштаб задач, рабочие созвоны, множество прикладных аспектов. И возможность распределить их в течение рабочего дня, даже если и существует, отнюдь не отменяет необходимости их решения. Поэтому проецируемый социальными сетями расслабленный режим и совершенно свободный график, не позволяет стать профессионалом, ценным специалистом и обеспечить высокий заработок, а возможность более позднего начала рабочего дня, влечет за собой и более позднее время его завершения.

В числе важных для трудоустройства и комфортной работы условий участники фокус-групп отмечали также социально-психологический климат коллектива: работу в коллективе единомышленников, наличие дружественной и располагающей к комфортному рабочему и неформальному взаимодействию атмосферы, близких по духу людей, благоприятного для взаимодействия стиля руководства.

Иван (25 лет, программист в крупной IT-компании):

Наверное, зависит от сферы, где человек работает. Я общаюсь с людьми, в офисе. Для меня коллектив – это самое главное. Если бы он был плохой, я бы ушел с этой работы в первый же месяц.

При этом молодые люди рассчитывают и на качество управления: наличие четких требований, прозрачной и справедливой системы оценки, обоснованного распределения вознаграждения. Уделяют внимание молодые люди и организации труда, его условиям: для них важно качественное материально-техническое обеспечение, эргономика рабочего пространства.

О том, что трудовое поведение и предпочтения молодых людей под влиянием времени стали более обоснованными, рациональными, свидетельствует о то обстоятельство, что молодые люди адекватно оценивают перспективы карьерного роста и профессионального развития: они говорят о том, что базовый набор имеющихся трудовых компетенций не способствует стремительному карьерному развитию, в связи с чем важно, чтобы компания предоставляла стабильные, постоянные возможности для повышения уровня профессиональной квалификации, при возможности проявить себя, вырасти, применить и продемонстрировать профессиональное развитие на практике (например, в рамках отдельных проектов). Желая в целом соблюсти баланс между работой и личной жизнью, некоторые молодые люди отмечают готовность к переработкам, если они будут способствовать приобретению уникального профессионального опыта и формированию реальных предпосылок для профессионального развития.

Оценивая современные тренды рынка труда, участники фокус-групп отметили стремительное развитие ИТ-сферы, трансформацию показателей эффективности профессиональной деятельности, повышение внимания к связям с общественностью, усиление роли цифровых систем, модулей, платформ в различных

сферах деятельности, что далеко не всегда соответствует имеющимся у сотрудников навыкам и требует их оперативного формирования, постоянного обучения персонала.

Определенное влияние на трудовое поведение молодежи оказывают и современные тренды, связанные с тем, что все более интенсивно используются современные цифровые технологии, в том числе, технологии искусственного интеллекта. Молодые люди более прогрессивны сами по себе, их мировоззрение и стремление к прогрессу способствует тому, что они легче и проще принимают изменения и начинают быстрее использовать их в личной и профессиональной деятельности. Поэтому участники фокус-групп отметили, что при необходимости и возможности используют современные технологии, оценивая их потенциал положительно.

Обобщая результаты проведенного социологического исследования, можно отметить, что в целом его результаты коррелируют с итогами исследований, проведенных в последние годы, подтверждают важность изучения трудовых предпочтений молодежи и указывают на то, что под влиянием рынка труда меняется и трудовое поведение молодых людей, становятся более осмысленным и рациональным.

Список литературы

1. Исаев А. В., Алексеенок Е. А. Ценностные предпочтения и ожидания современной молодежи в сфере труда: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 176–189.

2. Калашникова И. В., Медведева Г. Г., Сигитова М. А., Филиппова К. В. Ценности и предпочтения молодежи на российском рынке труда // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2022. № 1 (64). С. 145–154.

3. Корж Н. В., Шкатова К. В., Супиков В. Н. Современные тенденции развития российского рынка труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 2 (62). С. 40–51.

4. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш., Воробьев В. П. Отношение к труду и трудовые установки молодежи в современных условиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 2. С. 116–126.

5. Тугускина Г. Н., Рожкова Л. В., Корж Н. В. Молодежь на рынке труда в современных условиях: проблемы трудоустройства и занятости // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4 (60). С. 67–77.

УДК 316.346

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ТИПОВ МУЖЕСТВЕННОСТИ

Дина Викторовна Белинская[1], Олег Николаевич Примак[2]

[1,2]Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов

[1]may_1981@mail.ru
[2]primakoleg370@gmail.com

Аннотация. Исследуются социальные предпосылки и факторы, влияющие на трансформацию традиционных представлений о мужественности в современном обще-

стве. Анализируется роль средств массовой информации, политической обстановки и макроэкономических изменений, таких как переход к постиндустриальной экономике и цифровизация, в формировании новых типов маскулинности. Особое внимание уделяется межпоколенческому подходу и теории Хоува – Штрауса, позволяющим проследить сдвиг от «гегемонной маскулинности» старших поколений к более гибким и эмоционально открытым моделям у поколения Z. Рассматривается концепция «эмоционального капитализма» Евы Иллоуз как контекст для легитимации обсуждения чувств среди молодых мужчин. Также приводятся данные эмпирического исследования, демонстрирующие преобладание «мягкого» патриархатного типа и рост эгалитарных установок в подростковой среде.

Ключевые слова: мужественность, типы маскулинности, гендерные стереотипы, теория поколений, мужская идентичность

Социальные предпосылки становления новых типов мужественности связаны с трансформацией представлений о роли мужчины в обществе, влиянием средств массовой информации, политической обстановки в стране, а также социально-экономических и культурных изменений.

В современном социуме гендерные стереотипы теряют свой радикальный характер. Этому во многом содействуют средства массовой коммуникации, прежде всего, социальные медиа, телевидение, кино, которые существенно изменили прежние способы передачи мужских идеалов и стереотипов мышления и поведения. Современные исследования [4, 6, 8] подчеркивают, что СМИ не только воспроизводят традиционные представления о мужественности, но и активно участвуют в конструировании новых типов маскулинности, соответствующих изменяющимся социальным реалиям.

В первую очередь, средства массовой информации транслируют гендерные стереотипы через образы мужчин в рекламе, кино, новостях и социальных сетях, формируя устойчивые представления о том, какими должны быть мужчины. Также они способствуют созданию и поддержанию новых образцов «мужественного» поведения. Молодому поколению свойственно подражать поведению своих кумиров, которые часто определяют модели социального поведения, изменяют лексику и нормы языка, а также задаю стиль общения.

Политическая обстановка также накладывает свой отпечаток на процесс трансформации маскулинности. Связь между представлениями о мужественности и военными действиями существовала всегда, а образ солдата часто выступал в качестве образа идеального мужчины. Мы можем наблюдать своеобразное возвращение к традиционному представлению о мужчинах, так как видим в повседневной жизни (на билбордах, в социальных сетях) примеры исключительного мужества и героизма.

Различные изменения в экономической сфере жизни общества также являются одной из важнейших предпосылок становления новых типов мужественности – именно через экономические структуры закрепляются социальные роли мужчин и ожидания от их поведения.

В индустриальную эпоху доминирующей моделью являлась модель «кормильца», при которой мужская идентичность строилась вокруг полной занятости, физического труда и роли главного добытчика. Однако переход к постиндустриальной и цифровой экономике приводит к изменению этой модели. Современные социологические исследования [1–3, 6, 9, 10] показывают, что изменение структуры занятости способствует формированию множественных типов маскулинности, в том числе более гибких и рефлексивных.

Современные социально-экономические процессы, включая глобализацию и цифровизацию, усиливают множественность мужских ролей. Трансформация гендерных ролей напрямую связана с изменением экономических условий и кризисом традиционных моделей маскулинности. В частности, в условиях неста-

бильности занятости мужчины чаще сталкиваются с необходимостью пересмотра своей идентичности [10].

Таким образом, современные экономические трансформации приводят к переходу от единой доминирующей модели мужественности к множественным и гибким типам маскулинности.

В рамках анализа социальных предпосылок становления новых типов мужественности, особое значение приобретает межпоколенческий подход, позволяющий рассматривать трансформацию маскулинности как результат изменения ценностных установок различных поколений. В данном контексте необходимо рассмотреть межпоколенческую теорию Хоува-Штрауса согласно которой, развитие общества происходит через циклическую смену поколений, каждое из которых формируется под влиянием специфических социально-экономических и культурных условий.

Исследователи выделяют следующие исторические поколения, которые последовательно сменяют друг друга: «величайшее поколение» (~1901–1927); «молчаливое поколение» (~1928–1945); бэби-бумеры (~1946–1964); поколение X (~1965–1980); поколение Y (~1981–1996); поколение Z (~1997–2012) [5, 13, 14]. Начиная примерно с 2015 г. рождаются представители поколения альфа, а с 2025 г. – бета. Эти поколения не просто различаются по возрасту, а формируют повторяющийся цикл: каждое новое поколение наследует социальные условия от предыдущего и реагирует на них по-своему. В результате возникает предсказуемая последовательность смены ценностей и моделей поведения, которая, по В. Штраусу и Н. Хоуву, лежит в основе долгосрочных исторических изменений.

Согласно рассматриваемой теории, каждое поколение обладает собственным набором ценностей, установок и моделей поведения, что непосредственно влияет на формирование гендерных ролей и представлений о мужественности. Так, современные подростки и молодежь относятся к поколению Z, для которого характерны ориентация на индивидуальность, гибкость социальных ролей, высокая значимость эмоционального интеллекта и стремление к равноправным отношениям. Исследователи отмечают, что представители данного поколения демонстрируют меньшую приверженность традиционным патриархальным моделям и более активно принимают альтернативные формы мужественности, включающие эмоциональную открытость, участие в семейной жизни и отказ от жестко закрепленных гендерных ролей [5, 13, 14].

Кроме того, изменения в представлениях о мужественности обусловлены более широкими социально-культурными процессами, такими как трансформация института семьи, рост гендерного равенства, изменение структуры занятости и усиление роли медиакультуры.

Теория гегемонной маскулинности [7, 12] позволяет объяснить, почему старшее поколение держится за традиционный канон, и как младшее пытается выстроить альтернативные (эгалитарные) модели. Так, представители поколения X и «бумеры» взрослели в периоды кризисов и перемен. Гегемонная маскулинность для них была инструментом физического и экономического выживания их самих и семьи. В данном контексте было предельно понятно, что должен был делать мужчина, а что женщина. Отказ от этих правил воспринимается как нарастание тревожности, хаоса и потери чувство контроля. Статус «настоящего мужчины» был единственным способом получить уважение в обществе. Признание слабости или участие в «женских» делах вело к социальной стигматизации.

Поздние миллениалы и зумеры строят альтернативу гегемонной маскулинности, рассматривая ее как конструктор. Можно быть маскулинным, но при этом увлекаться кулинарией, вести бьюти-блог и пользоваться уходовой косметикой. Умение говорить о чувствах и ментальном здоровье сегодня не слабость, а навык, улучшающий качество отношений. В мире, где интеллект и креативность прино-

сят больше денег и влияния, чем физическая мощь, традиционные атрибуты «альфа-самца», или как скажет сегодня молодежь «сигма», теряют свою практическую ценность.

Как итог, формирование межпоколенческого конфликта из-за столкновения «этики долга» старшего поколения и «этики саморазвития» младшего. Для «иксов» и «бумеров» маскулинность – ноша, которую надо нести с достоинством, постоянно подтверждая право на нее. Для поколения Z – маскулинность пространство для личного выбора. Данный разрыв объясняется разным историческим опытом и социально-экономическими условиями, в которых формировались эти поколения. Ну а как себя будут воспринимать «альфа» и «бета» покажет время.

Кстати, здесь уместно вспомнить о весьма интересной концепции эмоционального капитализма Евы Иллоуз. По мнению автора, эмоциональный капитализм – это «культура, в которой эмоциональные и экономические дискурсы и практики взаимно формируют друг друга…» [11, с. 124–125]. Причиной данного феномена становится переориентация экономики на эмоциональную жизнь потребителя, в результате которого появляется новый тип человека Homo sentimentalis. В мире, где идет усиленная фиксация на собственном Я, постоянное оценивание себя со стороны других, чувства становятся частью публичной и профессиональной сферы. Таким образом, эта концепция позволят понять, почему для молодых мужчин «проработка травм» и обсуждение чувств – это ресурс и сила, а для старших – нытье.

Основные положения описанной межпоколенческой теории находят отражение в современных социологических исследованиях, посвященным изучению представлений молодежи (поколения Z) об идеальном мужчине. Так, С. В. Субботин и И. В. Шаповаленко [9] подчеркивают, что современные социально-экономические и культурные изменения приводят к пересмотру традиционных моделей мужской идентичности, что особенно значимо для подросткового возраста, когда происходит активное формирование гендерной идентичности личности.

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что среди подростков преобладает так называемый «мягкий» патриархатный тип маскулинности (45,7 %), который предполагает сочетание традиционных ценностей с современными установками. При этом значительную долю составляют альтернативные модели – метросексуальный (23,5 %) и эгалитарный (22,2 %) типы маскулинности. Это свидетельствует о том, что современные подростки ориентируются на более гибкие модели мужской идентичности [9, с. 47]. Как итог, отмечается противоречивость образа мужественности, что мешает молодым людям четко выстраивать собственную идентичность. В конечном счете, зафиксированные изменения подтверждают переход к гибким моделям маскулинности, где приоритет отдается эмоциональному интеллекту и партнерству. Данная трансформация обусловлена комплексом факторов – от влияния медиасферы до глобальных политических и экономических сдвигов.

Таким образом, представленные данные показывают, что под влиянием современных социокультурных, экономических и политических процессов происходит глубокая трансформация мужественности. На смену жестким стереотипам приходят гибкие роли, предполагающие открытость в чувствах и равноправие в отношениях.

Список литературы

1. Балацюк Е. С. «Допустим, должен ли мужчина быть нежным?»: модели маскулинности среди молодых евангельских христиан Санкт-Петербурга // The Journal of Social Policy Studies. 2023. Vol. 21. № 4. P. 613–628.

2. Берберова К. К. Социально-групповые особенности конструктов маскулинности в молодежной среде // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 4. С. 71–78.

3. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48–73.

4. Игаева К. В., Шмелева Н. В. Типология маскулинности в исследованиях моды // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, № 2. С. 15.

5. Исаева М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295.

6. Касаткин Е. В. Особенности конструирования маскулинности в условиях глобализации // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 1. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/49SCSK122.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

7. Коннелл Р. Маскулинность и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II : учеб. пособие / под ред. С. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 851–880.

8. Павелкина Л. С. Влияние СМИ и рекламы на формирование гендерных моделей поведения // Коммуникативные исследования. 2014. № 2 (2). С. 159–165.

9. Субботин С. В., Шаповаленко И. В. Образ идеального мужчины у современных подростков: ценностно-нормативный аспект // Социальные науки и детство. 2025. № 6 (4). С. 41–56.

10. Тамбиянц Ю. Г., Дулунц Г. А., Халакоев М. М. Идеология маскулинности в контексте социальной динамики: российский опыт // Гуманитарные, социально-экономические и социальные науки. 2025. № 7. С. 197–206.

11. Тихонова И. Ю. Эмоциональный капитализм как проект постсовременности // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2022. № 2. С. 124–130.

12. Хитрук Е. Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 4. С. 8–30.

13. Чудинова В. П. Дети, молодежь и взрослые посетители публичных библиотек США в ракурсе Теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 5. С. 553–559.

14. Шамис Е. М., Никонов Е. Н. Теория поколений: не обыкновенный Икс. М. : Изд. дом «Синергия», 2022. 192 с.

УДК 659.1; 82-7

ЧЕРНЫЙ ЮМОР В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ ПОНИМАНИЯ

Валерий Анатольевич Бобров[1], Виктория Игоревна Гринина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]bobroff@bk.ru
[2]vigrinina06@gmail.com

Аннотация. Исследуется восприятие черного юмора студентами направления «Реклама и связи с общественностью». Представлены результаты тестирования, сделаны выводы.

Ключевые слова: черный юмор, интеллект, психологическая защита

К теме юмора авторы пришли с точки зрения необходимости его использования как инструмента маркетинга. Явление информационного перенасыщения делает актуальной тему борьбы за внимание потенциального покупателя. Вирусный контент, кликбейт, пранк, стендап, мемы, карикатура – все термины отражают разные аспекты и форматы использования юмора в массовой коммуникации. Везде есть крайности и черный юмор заслужил свое внимание как инструмент маркетинга [2].

Черный юмор (для него есть метафора «юмор висельника») – это вид комического, который использует темы смерти, страдания, болезней, катастроф и других табуированных явлений [5, с.130]. В отличие от обычных шуток, черный юмор намеренно нарушает социальные и моральные запреты. Но не все его понимают одинаково. Одни смеются над шуткой про смерть, другие не видят ничего смешного, третьи возмущаются. Большинство исследователей уверены, что способность понимать черный юмор связана «с умом»: чем выше интеллект, тем лучше человек распознает «соль» шутки: двойные смыслы, парадоксы и иронию [4].

Зачем же люди к нему прибегают? Выделяют три основные функции:

1. Психологическая защита: посмеявшись над страшным, человек снижает тревогу.

2. Социальная критика: через абсурд высмеиваются недостатки общества.

3. Когнитивная игра: удовольствие доставляет не столько содержание, сколько процесс разгадывания парадокса [3, с. 84].

Что же тогда такое «феномен смех сквозь слезы?». Данный феномен известен уже давно. Зигмунд Фрейд в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» объяснял, что остроумие позволяет обойти внутренние запреты и получить удовольствие от того, что обычно вызывает отвращение или страх [6]. Это называется «благоприятное нарушение» оно означает, что шутка может нарушать норму, оставаясь при этом безопасной для воспринимающего.

Большинство теорий юмора сходятся на том, что комический эффект возникает из неожиданного несоответствия. Чтобы заметить это несоответствие в черной шутке, нужна когнитивная гибкость – способность быстро переключаться между разными смыслами [1]. Неоднократно в исследованиях делался вывод: люди с более высоким интеллектом и креативностью лучше понимают и ценят черный юмор [4]. Эмоциональный интеллект также помогает, поскольку позволяет не принимать шутку на свой счет и сохранять дистанцию.

«Поколение Z» для нас – это новая волна потребителей и новое поколение создателей рекламного контента. Это один из вызовов, который предстоит преодолеть рекламной индустрии. Далее представлено исследование, которое было проведено со студентами направления подготовки «Реклама и связи с общественностью». Исследование по форме было направлено на определение уровня интеллекта в понимании черного юмора, фактически это был обучающий тест. Тестируемым было объявлено, что главная цель – выяснить, понимают ли учащиеся такие шутки и есть ли связь между этим пониманием и их успеваемостью.

В опросе приняли участие 28 студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» в возрасте 19–20 лет. Им был предложен тест из четырех шуток, которые относятся к черному юмору. Шутки были подобраны по материалам интернета, где авторы относили их без сомнений к черному юмору. В исследовании каждая шутка должна была оценивать как выбор нескольких вариантов ответов, респондент выбирал верный или наиболее подходящей с точки зрения. К каждой шутке давался вопрос с несколькими вариантами ответов, из которых нужно было выбрать верный (или наиболее подходящий) с точки зрения ав-

тора. Правильный ответ оценивался нами в 1 балл, максимальная сумма – 4. Опрос проводился анонимно, без ограничения времени.

Шутка № 1 (Врач и заживо похороненный).

Текст: «Доктор, я боюсь, что меня хоронят заживо. – Это не повод для беспокойства. – Почему? – У меня в практике такого еще не было. – Но, если это случится, я вам позвоню».

Правильный ответ: «Врач использует игру слов «позвоню» (двусмысленность – позвонить по телефону или позвонить в колокол на похоронах). Этот вариант выбрали 54,5 % опрошенных. 27,3 % посчитали, что юмор в абсурдной логике врача, 18,2 % – в высмеивании медицинского цинизма.

Шутка № 2 (Землетрясение и жена алкоголика).

Текст: «Что общего между землетрясением в 8 баллов и женой алкоголика? Ни того, ни другого не остановишь, пока все не развалится».

Здесь два варианта ответа набрали поровну – по 45,5 % каждый: «Сравнение по неожиданному критерию (неостановимость разрушения)» и «Метафора зависимости как стихийного бедствия». Лишь 9,1 % назвали это гиперболой.

Шутка № 3 (Оптимист, пессимист и ковид).

Текст: «Оптимист считает, что мы живем в лучшем из миров. Пессимист боится, что это правда. А обладатель черного юмора спокойно добавляет: «Пока не случился ковид».

Правильный ответ: «Отсылка к реальной травме (пандемия) встраивается в философскую конструкцию» – его выбрали 54,5 %. 18,2 % сочли это «циничным преуменьшением страдания», 9,1 % – «отрицанием ценности жизни».

Шутка № 4 (Похороны коллеги).

Текст: «На похоронах коллеги: «Мы работали 20 лет. Спорили, ругались, но уважали друг друга. И теперь я думаю: кто же будет спорить со мной о бюджетных сметах?» – с легкой улыбкой».

На вопрос «Можно ли эту шутку считать черным юмором?» 72,7 % ответили «да, так как смех на похоронах нарушает табу». 27,3 % сказали «нет, это скорее ироничная ностальгия».

Мы разделили ответы студентов на две условные группы: ответы респондентов с высоким средним баллом (4,5 и выше) успеваемости и с баллом ниже 4,0. В первой группе все (100%) правильно ответили на шутку №1 (игра слов). Во второй группе 60% ошиблись. По остальным шуткам такой значимой разницы не обнаружено.

В итоге мы сделали несколько выводов и озвучили их для респондентов исследования.

Во-первых, черный юмор неоднороден. Проще всего студенты понимают шутки, где комический эффект создается за счет явного нарушения социального табу (72,7 % правильных ответов на шутку № 4). Труднее всего дается расшифровка лингвистической двусмысленности (шутка № 1 – только 54,5 %). Это согласуется с данными о том, что обработка игры слов требует более высоких умственных ресурсов [4].

Во-вторых, шутки, допускающие множественную интерпретацию (№ 2), вызывают разброс мнений, но в целом понимаются правильно – просто респонденты по-разному формулируют суть. Это говорит о том, что шутка была самой трудной для осмысления.

В-третьих, шутка с отсылкой к вирусу (№ 3) была понятна более чем половине. Можно предположить, что ковид стал коллективной травмой для всех, и этот результат был ожидаем. Черный юмор здесь выполнял психотерапевтическую функцию – помогал справиться с тревогой через иронию [5, с. 132].

В итоге, совпадение между успеваемостью и пониманием игры слов подтвердило связь интеллекта со способностью понимать сложные шутки. Те студенты, которые лучше справляются с учебой, быстрее замечают двусмысленность и получают от этого удовольствие.

Важно отметить, что выборка респондентов мала, поэтому выводы нельзя распространять на социальную общность студентов. Успеваемость – лишь приближенный показатель интеллекта. Не учитывались такие факторы, как настроение респондентов, их личный опыт потери близких или связь с медицинской тематикой.

В качестве групповой рефлексии было проведено обсуждение итогов тестирования, где абсолютное большинство респондентов подтвердило положительный интерес к процедуре и к результатам «тестирования».

В рамках исследования мы выяснили, что среди опрошенных студентов лучше всего понимается черный юмор, построенный на нарушении табу (72,7 % правильных ответов), а сложнее всего – построенный на игре слов (54,5 %). Студенты с более высокими баллами успеваемости значительно лучше справляются с двусмысленными шутками. Это позволяет предположить, что понимание сложных форм черного юмора может служить дополнительным, хотя и не единственным, маркером вербального интеллекта. Для получения более надежных результатов необходимо провести исследование на большей выборке с использованием стандартизированных тестов интеллекта.

Список литературы

1. Губанов Н. Н., Рокотянская Л. О., Губанов Н. И. Черный юмор: превращение трагедии в идею // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 3. С. 328–340.

2. Кравченко О. Н. Анекдот как форма социокультурной оценки рекламы и инструмент маркетинга // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2013. № 1 (5). С. 32–49.

3. Мещерякова Е. Ю. Функциональные особенности черного юмора в сети Интернет // Вестник магистратуры. 2021. № 6-1 (117). С. 83–84.

4. Рудевич И. #пронауку: склонность к черному юмору говорит о высоком интеллекте // РБК Стиль. 2019. 21 октября. URL: https://style.rbc.ru/life/5db5e3ef9a7947080c4013d4 (дата обращения: 12.04.2026).

5. Серебровская Н. Е., Рыбина С. А. Анализ феномена черного юмора в научно-практических исследованиях // Гуманитарные науки. 2023. № 4 (64). С. 130–132.

6. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Проект «Весь Фрейд». 1905. URL: https://freudproject.ru/?p=740 (дата обращения: 10.04.2026).

РАЗДЕЛ 7

ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ВЫЗОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СДВИГИ

УДК 101.1:316.61

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Карина Кайратовна Ташмуханбетова[1], Павел Дмитриевич Косарев[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]k.tashmu@yandex.ru
[2]pdkosarev@yandex.ru

Аннотация. Проведено исследование особенностей развития личности в условиях современного информационного общества. Проанализированы ключевые аспекты трансформации личности под влиянием цифровизации и информационно-коммуникативных систем. Выявлено, что формирование нового типа личности – цифрового пользователя – характеризуется специфической самоидентификацией в сетевой среде и особым взаимодействием с информационным пространством. Исследовано влияние информационных потоков на структуру сознания современного человека и его способность к ориентации в цифровом мире. Установлено, что развитие личности в информационную эпоху характеризуется повышением уровня информационной культуры, активизацией творческого потенциала и формированием новых механизмов восприятия информации. Выявлены как позитивные аспекты цифровизации (расширение возможностей самореализации), так и негативные последствия (риски виртуализации социальных отношений).

Ключевые слова: философия, информационное общество, цифровая революция, личность, пользователь, информационная культура, виртуальная коммуникация

Исследование развития личности традиционно занимает центральное место в философии. Поскольку личность неразрывно связана с обществом, смена его типа приводит к качественным изменениям и в самой личности.

Ключевой характеристикой современного общества, наряду с созданием новейших средств коммуникации, выступает генезис особого типа личности – пользователя, который выступает объектом трансформирующего воздействия совокупности социокультурных и информационно-коммуникативных систем. Фоном его повседневности является постоянно обновляющийся поток информации о мировых событиях, при этом контент подвергается персонализации в соответствии с пользовательскими предпочтениями, что соответствует высокоскоростному ритму жизни. В этой ситуации значимость приобретает умение ориентации в информационном пространстве.

Цифровая революция, преобразовав все сферы жизни, оказала влияние и на бессознательные структуры личности, затронув как ее индивидуальную, так и коллективную составляющую.

Проблема взаимодействия человека с миром и его самоидентификации была ключевой для философии на всех этапах истории. Если античные философы решали ее через определение места индивида в государстве с жесткой социальной иерархией, то современная социальная философия сосредоточена на изучении развития личности в условиях информационного общества.

Для более детального рассмотрения вопроса необходимо привести определение понятия “личность”. Г. А. Антипов и А. Н. Кочергин [1] приводят следующее определение личности: “Личность – это та сторона социализированного индивида, те качества, которые определяют его выбор. Именно категория "выбор" позволяет интегрировать представления о личности, вырабатываемые в предметах специализированных отраслей человекознания". Из этого следует, что личность – это не врожденное качество, а достижение, результат собственных усилий. Быть человеком еще не значит быть личностью. Ею становятся, учась принимать самостоятельные решения и нести за них полную ответственность. Именно готовность взять на себя ответственность является главным признаком зрелой личности.

Если исходить из понимания общества как системы взаимодействующих субъектов, то процесс самоидентификации личности в сетевой среде теряет четкость и определенность.

Цифровая эра отменяет географию и физические ограничения, переводя социальные институты, включая экономику, в виртуальное пространство. Этот процесс имеет двойственные последствия: с одной стороны, это невиданная связанность, с другой – глубокие противоречия в социальной и личной сферах. Философский итог этой трансформации — фундаментальное изменение природы информации: из отражения реальности («референциальной») она превратилась в самодостаточный цифровой поток, что радикально меняет организацию и качество жизни.

Информация, выступая ключевым ресурсом развития, оказывает непосредственное воздействие на становление духовного мира человека. Процесс информатизации влечет за собой два взаимосвязанных следствия: во-первых, он способствует росту информационной культуры и преодолению цифровой неграмотности в обществе; во-вторых, ведет к глубокой трансформации интеллектуального потенциала личности, что позволяет констатировать наступление эпохи интеллектуализации социума. В этих условиях многократно возрастает значение творческого начала в человеке, которое становится системообразующим элементом его личности [2].

Из этого можно сделать вывод, что процесс развития личности в условиях информатизации общества характеризуется следующими особенностями:

– происходящее, из-за усложнения средств и условий технического обеспечения жизнедеятельности, повышение уровня информационной культуры предусматривает преодоление информационной неграмотности членов общества, более высокого уровня их;

– быстро сменяющаяся разнообразная информация, проникающая во все сферы жизнедеятельности, влечет за собой повышение активности творческого потенциала личности, позволяющего анализировать и синтезировать разнообразную информацию и знания в процессе выработки решений;

– большой объем, а также не всегда достоверная информация, свободно передающаяся по информационным каналам, влечет повышение нравственной от-

ветственности личности путем формирования ее системы ценностей, входящей в структуру духовного потенциала.

Возникновение информационного общества приводит к кардинальному преобразованию устоявшихся пространственных и временных рамок. Географические барьеры – расстояния между континентами, странами и городами – теряют свое прежнее значение в условиях развития виртуальной коммуникации, основанной на повсеместном использовании компьютерных технологий и средств связи. Это приводит к виртуализации экономической сферы, которая приобретает характер социальной виртуальности. Данный процесс порождает сложный комплекс противоречивых последствий для различных уровней человеческих отношений – от социально-экономических и политических аспектов до морально-этических норм и внутрисемейных связей. Современные средства коммуникации – интернет, телевидение, радио, реклама – коренным образом преобразуют структуру повседневности, оказывая непосредственное влияние на качество жизни.

Глобальная трансформация всех сфер человеческой жизни в условиях информационной цивилизации позволяет выдвинуть гипотезу о воздействии новых коммуникационных практик на личность. В этой связи исследование генезиса сетевых технологических сред, продуцирующих новые смысловые конфигурации, приобретает ключевое значение для осмысления природы информационного общества и изменений массового сознания.

Критика общества потребления стала одной из центральных тем для философии конца прошлого века. В работе, посвященной этой теме, Ж. Бодрийяр [3] изображает социальный порядок, основанный на принуждении к постоянному обновлению материальных благ. Индивид в такой системе низводится до уровня пассивного потребителя, не склонного к проявлению инициативы и сфокусированного исключительно на утолении искусственно раздуваемых потребностей.

По наблюдению О.П. Черных, современный человек характеризуется не только прагматизмом и потребительским мышлением, но и чрезмерной рационализацией сознания. Исследователь, анализируя вредное влияние массовой информации на личность, приходит к выводу, что эта проблема – отличительная черта нашего общества. Выход из ситуации он видит в активизации «теоретической рефлексии», то есть в глубоком и системном осмыслении данной проблемы [4].

Современные ученые, изучая, как человек существует в условиях постоянно растущего информационного общества, установили важную особенность мышления «цифрового поколения». Постоянное взаимодействие с многослойными и разнородными информационными потоками приучает их сознание к особому, «фрактальному» способу восприятия и создания смыслов. Это означает, что для них становится естественным и предпочтительным выстраивать повествования, концепции и методы познания не как линейные и целостные структуры, а как сложные, разветвленные и самоподобные конструкции.

В XXI веке информация становится ключевым фактором глобального развития. Повсеместное внедрение цифровых технологий ускоряет социальные процессы, что делает необходимым глубокий анализ текущего состояния общества и прогнозирование возможных рисков.

Любая трансформация общественного устройства несет в себе не только позитивные, но и негативные последствия. Даже если прогнозы влияния инноваций на жизнь человека оказываются неточными, сама попытка такого предвидения остается необходимой, ведь как заметил Г. Бехманн, «выбранный путь может кардинально изменить ход развития всего человечества» [5].

Методологической основой для социально-философского изучения личности в информационную эпоху служит интеграция системного подхода с феноме-

нологией личности. Ключевая проблема заключается в противоречии между двумя трактовками понятия «личность»: с одной стороны, персоналистическая традиция видит в ней высшую ценность бытия, с другой – логика цифровой цивилизации низводит личность до статуса «информационного организма», чьи творческие и волевые качества подвергаются эрозии. Разрешение этого конфликта требует синтеза обеих интерпретаций.

Отличительная черта информационной эпохи – лавинообразное развитие технологий, которое опережает реальные потребности общества. Новые средства коммуникации внедряются не в ответ на запросы, а в силу внутренней логики технического прогресса. Эта динамика формирует и особый психологический тип человека, для которого постоянное стремление к апгрейду и оптимизации становится органичной чертой мировоззрения.

Виртуальные сообщества создают для человека принципиально новую среду существования – альтернативную реальность, открывающую безграничные возможности для самовыражения. В этом цифровом пространстве индивид получает уникальный шанс прожить множество «жизней», примеряя на себя самые разные социальные роли и идентичности.

Человек получает шанс создать новый, идеальный мир, исправив ошибки реального. Однако эта утопия иллюзорна, поскольку его сознание неизбежно привносит в новый мир собственные стереотипы, комплексы и заблуждения.

Проникнув во все аспекты повседневности, цифровые технологии кардинально трансформируют человеческую жизнь. Новые смыслы и модели, порожденные цифровой средой, постепенно интегрируются в структуру личного бессознательного, что в конечном итоге приводит к становлению принципиально иного типа мышления.

Сетевые технологии, позволившие человеку стать творцом альтернативных реальностей и идентичностей, эксплуатируют фундаментальную тягу к саморасширению. Как писал Г. М. Маклюэн, «люди мгновенно оказываются зачарованы любым расширением самих себя в любом материале, кроме них самих» [6]. Виртуальное пространство создает иллюзию исправления прошлых ошибок и мгновенного достижения идеала через простой интерфейсный выбор, что делает эту форму творчества особенно привлекательной.

Современная реальность характеризуется перенасыщенностью медиасреды, которая обрушивает на человека непрерывный поток коммерциализированных сообщений. В этом контексте неограниченное потребление становится одной из фундаментальных черт информационного общества. При этом объектом этого потребления все чаще выступает основной ресурс эпохи – сама информация. Ее ключевое отличие от прежних времен – отмена дозирования. Более того, монополия на распространение информации утрачена: сегодня практически любой человек, вне зависимости от своего социального статуса, получил возможность быть не только потребителем, но и ее распространителем.

Информационное общество следует понимать не просто как результат технологического и экономического прогресса, но и как качественно новую стадию в развитии цивилизации, которая порождает специфический тип личности. Современный человек существует в состоянии внутреннего дуализма: его идентичность разрывается между стремлением соответствовать искусственным эталонам, продуцируемым массовой культурой потребления, и одновременно – потребностью в постоянной самореализации, находящей выход через инструменты цифровой коммуникации.

Понимание человека в информационную эпоху не должно сводиться лишь к его роли в цифровых коммуникациях. Не менее важно признавать его целост-

ность как личности, сформированной сложным комплексом зачастую неочевидных социокультурных влияний.

Список литературы

1. Антипов Г. А., Кочергин А. Н. Проблемы методологии исследования общества как целостной системы. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1988. С. 199.

2. Пасхин Е. Н., Урсул Т. А., Урсул А. Д., Шевелев В. В. Информатизация общества и перспективы образования в XXI веке. М. : Курск, 2001. 255 с.

3. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М. : Республика : Культ. рев., 2006. 268 с.

4. Черных О. П. Критика информационной культуры // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2011. № 2. С. 41–52.

5. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний : пер. с нем. М. : Логос, 2010. 248 с.

6. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа = Understanding Media. М. : Кучково поле, 2011. 462 с.

УДК 316

ТРАНСГУМАНИЗМ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: МЕЖДУ ПРОГРЕССОМ И РИСКОМ

Дарья Александровна Крутилина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

krytilina2006@yandex.ru

Аннотация. Исследуются философские корни трансгуманизма и его эволюция на фоне стремительного научно-технического прогресса. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия человеческой природы и искусственного интеллекта, а также определению пределов их совместного существования. Цель работы – проанализировать границы применения искусственного интеллекта в контексте моральной философии. В заключение подчеркивается важность поддержания баланса между технологическим развитием и гуманистическими принципами в период коренных изменений человека и общества.

Ключевые слова: трансгуманизм, искусственный интеллект, технологии, биоэтика, трансформация

Трансгуманизм как философское и культурное движение набирает силу на протяжении последних десятилетий. Его основная идея проста и одновременно радикальна: человек не является вершиной эволюции, его телесные, когнитивные и моральные способности могут и должны быть улучшены с помощью технологий [9, с. 45]. Термин был введен Дж. Хаксли в 1957 году, однако мысль о систематическом совершенствовании человеческой природы уходит корнями в эпоху Просвещения и находит свое философское выражение в концепции «сверхчеловека» Ф. Ницше [6, с. 350].

Особую роль в современном трансгуманизме играет искусственный интеллект. Системы ИИ выступают в качестве помощников по отношению к человеку, который используя их, может получать новые знания, выполнять повседневные

задачи с большей легкостью и использовать новую технологию для выработки последовательного решения различных проблем.

В настоящее время периодически присутствует идея полного или частичного воплощения человеческого сознания в искусственный интеллект, в частности в жанре антиутопии, но перспективы ее реализации представляются неопределенными.

Современные успехи в области новых технологий провоцируют надежды создать не только творчески мыслящую машину, но существо, которое, вооруженное компьютерным мозгом, будет действовать и поступать аналогично человеку. Но в этом случае к такому существу должен быть применим критерий не только целевой, но и идеальной детерминации, в чем себя и проявляет человеческая душа. Даже при наличии интеллекта можно не иметь совести [2]. Но каким образом она определяет наши поступки?

Легальный поступок у Канта тем и отличается от морального, что первый определяется общепринятыми правилами и нормами, а второй — категорическим императивом, который не поддается программированию, так как каждый раз представлен в особом поступке. Душа как идеальное начало в поведении человека означает целеполагание особого рода, выраженное в императиве: человек – всегда цель и никогда – средство. Для Канта, как и для Сократа, важно, чтобы добро было результатом личного выбора. Но выбор всегда требует средств. Идеал милосердия един, а действовать милосердно можно по-разному [5, с. 220].

В этом свете стремление трансгуманистов к телесному бессмертию постчеловека выглядит как противоположное мнению Канта. Наука выступает как антипод классической философии, которая видит в человечной душе идеальную силу, противоположную телу. Речь идет об обуздании телесного эгоизма в интересах общего блага, представленного идеалом. Идеальная мотивация – способ оценки себя с позиции другого, социального целого, вечности. Но искусственная душа у трангуманистов должна служить иным целям, а потому, лишенная идеальной детерминации, будучи производной компьютерного мозга, она по сути своей материальна.

Войны людей и роботов и порабощение в будущем первых вторыми, с одной стороны, миф, но, с другой стороны, является и верным суждением, ведь такая возможность открывается при помощи робототехники. Об этой диалектике в связи с проблемой искусственного интеллекта еще в 60-х годах прошлого века писал Э. В. Ильенков [4, с. 285]. Разоблачая миф о машине-враге человечества, он подчеркивал, что вовсе не машина сама по себе превращает одного человека в раба, воспитанного в голодной дисциплине, а другого – в жадного хама, продавшего свое человеческое достоинство за радости комфорта и мещанства. «Человек, имея дело с машиной, в действительности имеет дело с другим человеком, с ее создателем и хозяином, и машина – только посредник между людьми. Проблема “человек – машина” оказывается на проверку проблемой отношения человека к человеку, или, как выразился бы философ старой закалки, проблемой отношения человека к самому себе, хотя отношения и не прямого, а “опосредованного” через машину».

Многие мыслители полагают, что сегодняшние исследования в области улучшения человека в значительной мере станут определять перспективы человечества. Не только деятельность человека, но даже само его биологическое существование становится опосредованным применением различных технологий. Потенциал современных НБИКС-конвергентных технологий поражает воображение: усовершенствование генетического кода, киборгизация человека, чипирование мозга, использование интерфейсов «мозг-компьютер» и искусственного интел-

лекта – все это, по мнению ученых, поддерживающих концепцию трансгуманизма, должно помочь человечеству модифицировать свое существование и кардинально улучшить качество жизни.

Ученые, осознавая риски применения НБИКС-технологий, пытаются снизить их с помощью биоэтических принципов:

– принцип «наклонной плоскости», в соответствии с которым самая незначительная трансформация может иметь серьезные последствия как негативного, так и позитивного характера;

– принцип предосторожности предполагает необходимость максимально точного системного прогнозирования всех последствий модификации человека;

– принцип привлечения к оценке степени риска и принятию решений о необходимости нововведений не только ученых-экспертов, но и широкой общественности – «потребителей рисков».

Указанные принципы следует применять для оценки допустимости преобразований не только человека, но и природы, ведь любые изменения человека неизбежно приводят к трансформации среды его обитания.

Замечая прогресс данного направления, возникает вопрос, безопасны ли такого рода метаморфозы и есть ли у людей время на подготовку к таким изменениям? Ответы пытаются дать трансгуманисты и биоконсерваторы, между которыми возникают постоянные дискуссии о необходимости технологических преобразований человека и возможных социальных последствиях в будущем.

Трансгуманисты придерживаются мнения, что, хотя существуют опасности, которые необходимо выявлять и избегать, технологии улучшения человека откроют огромный потенциал для очень ценного и полезного использования [8].

В противовес этому взгляду выступают биоконсерваторы, являющиеся противниками использования технологий для изменения человеческой природы. Среди известных авторов-биоконсерваторов – Леон Касс, Уэсли Смит и Билл Маккиббен [7, с. 140]. Они считают, что наилучшим подходом является введение глобальных запретов на ряд технологий улучшения человека, чтобы предотвратить движение к униженному постчеловеческому состоянию. Главная опасность трансгуманизма и основной риск применения технологий для преобразования человеческой природы, по мнению биоконсерваторов, – это риск возникновения вражды и насилия между обычными людьми и постлюдьми. Некоторые представители признают наличие риска утраты социокультурного и психологического разнообразия. Это может привести социум к утрате креативности, необходимой для формирования новых идей, и, как следствие, к социальному регрессу [3]. Потеря несовершенной человеческой реальности несет угрозу окончания самой жизни, ведь, как заметил М. М. Бахтин, «чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя» [1, с. 401].

Важной проблемой, которая вызывает дискуссии в академической среде, является допустимость использования нейросетей в образовательном и научном контексте. За ней скрывается тот же конфликт между логикой технологической оптимизации и условиями формирования морального субъекта.

Сторонники широкого внедрения ИИ в образование апеллируют очевидными преимуществами: нейросеть может мгновенно подобрать литературу, структурировать материал, проверить ошибки, перевести текст. С точки зрения трансгуманистической логики, это является не просто удобством, а необходимым шагом к «улучшению» познавательных способностей человека.

Однако именно в этом аспекте и проявляется парадокс, который Кант и Ильенков помогают распознать обществу. Образовательный процесс – это не

только трансляция информации и тренировка навыков. Но и формирование способности к самостоятельному суждению, к моральной рефлексии, к ответственности за свои слова и мысли. Все это – те самые «незавершенные» процессы, о которых писал Бахтин. Делегируя их нейросети, человек лишает себя именного того опыта, который делает его не просто информированным, но еще и мыслящим, и ответственным.

С точки зрения кантовской этики, это означает переход от автономии к гетерономии. Все усугубляется тем, что искусственный интеллект устроен так, чтобы создать иллюзию диалога и субъективности. Соответственно, возникает антропоморфная ловушка: пользователь начинает воспринимать нейросеть как равноправного собеседника.

Безусловно, было бы ошибочным призывать к полному запрету ИИ в образовании. Инструментальное использование допустимо и полезно. Однако необходимо удерживать грань между средством и замещением субъекта.

Подводя итоги, стоит отметить, что искусственный интеллект — одна из наиболее развиваемых технологий на сегодняшний день, будущее которой до конца не является определенным, так как зависит от этических аспектов ее внедрения. Несомненно, ИИ становится одной из ключевых составляющих трансгуманистического проекта. Искусственный интеллект как средство достижения идеалов трансгуманизма приобретает новые смыслы с философской точки зрения. Они связаны с трансформацией антропологических границ, заменой человеческого сознания на киборг-сознание, модификацией человеческого тела, сопряжением когнитивных способностей человека с технологиями искусственного интеллекта.

В то же время не стоит забывать о необходимости баланса человеческого и нечеловеческого. Погружение в техноценоз с точки зрения аксиологии имеет двойственную оценку, с одной стороны, происходит столкновение с преодолением телесных ограничений, с другой стороны, подстерегает опасность потерять смысл собственного существования в процессе делегирования творческих функций сознания, таких как обучение, преодоление трудностей и поиска информации. Искусственный интеллект не должен становиться коварным инструментом воплощения образов будущего трансгуманизма, а развиваться в рамках своего онтологического статуса помощника в выполнении рутинных задач, не распространяясь на область человеческого творчества.

В этом случае становится актуальным и дискуссионным вопрос о приемлемости нейросетей в научном и образовательном процессах. Здесь присутствует конфликт с отношением границ естественного и искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.

2. Бернал Дж. Д. Мир, плоть и дьявол. М. : Наука, 1966. 304 с.

3. Бостром Н. Сверхинтеллект: пути, опасности, стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.

4. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М. : Политиздат, 1968. 319 с.

5. Кант И. Основы метафизики нравственности. М. : Мысль, 1999. 256 с.

6. Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М. : Наука, 2011. 384 с.

7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М. : АСТ, 2019. 352 с.

8. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М. : АСТ, 2005. 592 с.

9. Хаксли Дж. Новые бутылки для нового вина. М. : Логос, 2002. 58 с.

УДК 616.9

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНСКИХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Екатерина Сергеевна Герасимова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

yekaterina.gerasimova.0606@mail.ru

Аннотация. Цифровая медицина растет за счет данных: электронных карт, результатов лабораторных и инструментальных обследований, информации с мобильных приложений и устройств дистанционного мониторинга. Это порождает вызовы – пациенты утрачивают контроль над личной информацией, повышается риск утечек, а алгоритмы могут применяться необратимо. Рассматриваются этические аспекты цифровых медицинских решений в свете российского законодательства о персональных данных и принципов цифровой этики. Показана взаимосвязь правовых требований – режима обработки сведений о здоровье, ограничения целей и объема данных, норм по защите информации, запретов на полностью автономные решения – с такими ценностями, как доверие, автономия пациента и социальная справедливость.

Ключевые слова: цифровая медицина, персональные данные, здоровье, большие данные, биометрия, искусственный интеллект, алгоритмическая дискриминация, приватность, цифровая этика

Цифровизация укореняется в экономике, культуре и социальной практике, трансформируя привычные модели взаимодействия. Этические ориентиры здесь выступают одновременно как каркас для построения социокультурных процессов и как инструмент оценки появляющихся вызовов.

Переход к цифровой медицине выдвигает моральные дилеммы на передний план, напрямую влияя на темпы внедрения инноваций: доверие к обработке медицинских данных и работе алгоритмов прямо определяет готовность общества принимать новые технологии. Обзор этических аспектов цифровых решений отмечает, что большие данные и ИИ реально улучшают диагностику, лечение и профилактику – но при этом возникает конфликт интересов: использование личной медицинской информации для обучения моделей может нарушить конфиденциальность. Избыточная открытость таких данных ведет к риску дискриминации и ущемлению прав пациентов [6].

Философский анализ раскрывает суть: цифровая медицина – это не просто набор программ и устройств, а новый тип взаимодействия, где пересматриваются нормы поведения, меняются способы влияния на человека. Принятие решений только по формальным алгоритмам оказывается недостаточным. Требуется комплексный подход, учитывающий опыт гуманитарных дисциплин. Только совместная работа специалистов разных областей позволяет формировать стандарты этики цифровых систем, разрабатывать принципы «этического дизайна», адаптированные под реальные профессиональные практики [2, с. 101–114 ; 5].

В цифровой медицине источниками информации выступают не только электронные карты, анализы, снимки, данные исследований и телемедицинские платформы, но и данные от датчиков, носимых гаджетов, дневников симптомов, а также внешние цифровые следы – поисковые запросы, сведения о перемещениях, визитах в учреждения здравоохранения, истории покупок лекарств. Такие дан-

ные могут косвенно указывать на состояние здоровья человека. При этом они не защищены врачебной тайной, что повышает риски утечки персональной информации [6].

Российское законодательство трактует персональные данные как любую информацию, способную идентифицировать физическое лицо. Под обработкой понимаются действия с такими данными – сбор, регистрация, хранение, извлечение, передача, блокирование, обезличивание, уничтожение – независимо от того, применяется ли техника или нет. В контексте цифровой медицины каждый этап - от записи показателей до передачи результата в хранилище – требует этико-правового обоснования [1].

Сведения о здоровье относятся к особой категории персональных данных. Их обработка обычно запрещена без письменного согласия субъекта или если она необходима для диагностики или оказания медико-социальной помощи. Работать с этой информацией могут только лица, обязанные сохранять врачебную тайну. В цифровой медицине допустимость использования таких данных зависит от четкого соблюдения целевого назначения: исключительно для медицинских нужд, а не для аналитики. Контроль за целевым использованием должен быть прозрачен для пациента [1, 6].

Целевой режим в повседневной работе с цифровыми технологиями должен определяться четкими этическими ориентирами: цели сбора и обработки данных должны быть оговорены заранее, законны и достижимы. Объем информации – не больше, чем требуется для поставленной задачи. Запрещено объединять данные, собранные с разными, несовместимыми целями. Хранение информации – только до момента, когда она перестает быть нужной. Эти правила отражают требования к приватности, справедливости, безопасности и прозрачности, вытекающие из нормативных актов. Практическая реализация возможна лишь при условии, что обработка направлена исключительно на медицинские нужды и обеспечивается техническими и организационными мерами защиты [1, 5].

Основной вызов – согласие пациента. Цифровая медицина расширяет случаи, когда пациент формально соглашается на обработку данных, но делает это в ситуации зависимости от медицинской помощи и при неравенстве информации. Поэтому информированность и прозрачность – что и зачем собирается, кто и где хранит данные, как ими пользуются, какие есть права на отказ – становятся необходимыми условиями этической легитимности. При этом в практике этики это означает необходимость создавать процедуры и стандарты, которые защищают автономию пациента, не препятствуют развитию технологий и не сводят согласие к простому проставлению галочки в интерфейсе [1, 2, 5, 6].

Отдельная группа проблем связана с биометрическими данными, а иногда и с генетической информацией, которые применяются для идентификации пациента и доступа к цифровым медицинским сервисам. Закон требует письменного согласия на обработку таких данных и указывает, что предоставление биометрии обычно не может быть обязательным, за исключением некоторых случаев. При этом оператор не имеет права отказывать в обслуживании, если человек не дал согласие или не предоставил биометрию, при условии, что это не предусмотрено законом. Для цифровой медицины это означает, что удобство идентификации не должно становиться условием для получения помощи [1].

Даже при обезличивании данные могут быть восстановлены с высокой точностью. Анализ массивов информации выявляет особенности, указывающие на принадлежность к чувствительным группам – например, по характерному образу приема лекарств. Утечка информации о здоровье ведет к рискам дискриминации и социальному давлению. Этическая позиция цифровой медицины строится

на том, что анонимизация не исключает угрозы идентификации. Необходимо проводить оценку вероятности повторной идентификации, ограничивать доступ к данным и контролировать их использование в будущем [6].

Безопасность персональных сведений – неотъемлемая часть этической ответственности оператора. Он обязан реализовывать меры юридического, организационного и технического характера для защиты данных. К ним относятся выявление угроз, настройка прав доступа, фиксация несанкционированных попыток вмешательства и проверка эффективности защищенных решений. В условиях цифровой медицины безопасность данных – это элемент качества помощи: утечка, подделка или изменение информации может повлиять на диагностику и лечение. Соответственно, требования безопасности становятся проявлением уважения к пациенту и способом укрепления доверия к системе здравоохранения [1, 5, 6].

Алгоритмическая дискриминация проявляется, когда ИИ-системы передают или усиливают скрытые предубеждения из-за использования персональных данных и установленных правил. Правовые нормы и этические принципы требуют четкого различия между решением человека и выводом алгоритма. Исследования показывают: машины принимают решения на основе характеристик пользователя – от этого зависит соблюдение фундаментальных прав, включая приватность и человеческое достоинство. Проблема дискриминации тесно связана с контролем данных, открытостью процессов и наличием механизмов ответственности [7].

Цифровая медицина сталкивается с риском дискриминации не только на этапе диагностики, но и в вопросах распределения ресурсов – кто получает доступ к сервисам, как организуется очередь или маршрутизация пациента, какие группы оказываются за бортом из-за цифрового неравенства. Поведение пациентов поддерживается доверием: в отечественных исследованиях отмечено, что цифровизация вызывает опасения в плане контроля, формирует недоверие. В условиях, когда отсутствие доверия к данным и алгоритмам может спровоцировать социальную нестабильность, вопрос охватывает всю систему здравоохранения [3, 6, 7].

Законодательство жестко ограничивает автоматизированное принятие решений: такие решения не могут основываться исключительно на обработке персональных данных, если они затрагивают права или интересы человека – за исключением случаев, когда предусмотрено письменное согласие или иные законные основания. Оператор обязан разъяснять, как принимается решение, какие у него последствия, а пациенту – предоставлять возможность возразить. В практике здравоохранения это создает модель «человек в контуре», где ключевые клинические и доступные решения не должны быть прозрачны только для самого алгоритма – особенно когда их последствия сравнимы с юридическими рисками для пациента [1, 7].

Из философских работ по этике цифровизации вытекает один важный вывод: цифровая медицина нуждается в собственной этической инфраструктуре. Речь идет о создании кодексов поведения, стандартов оценки рисков, процедур экспертизы проектов – все это должно быть встроено в процесс разработки сервисов. Эти элементы не являются формальностью: они служат механизмом контроля качества. Этическая ответственность должна пронизывать обучение сотрудников, работу с данными и саму архитектуру сервиса – чтобы конфликты предотвращать на этапе проектирования [2, 5, 6].

Когда речь идет об управлении данными, ключевыми остаются нормы законности и четкости целей обработки, принцип минимизации данных, запрет на объединение несовместимых баз, а также ограничение сроков хранения. В технических решениях медицины эти требования реализуются через настройку доступа

к данным на основе ролей, ведение журналов обращений, разделение данных по клиническим процессам, отказ от массовых выгрузок «про запас» и точные правила передачи информации подрядчикам [1, 5].

Долгосрочная устойчивость цифровой медицины зависит от доверия и понимания технологий. Пациент должен ясно видеть, что происходит с его данными и какие у него есть права. Общество должно понимать, какие меры предотвращают возможные злоупотребления. Профессионалам важно знать, что ответственность за обработку данных распределена и подконтрольна. Без этих условий цифровизация рискует восприниматься как навязывание контроля, а не способ улучшить помощь, что приводит к сопротивлению на уровне ценностей несмотря на технический прогресс [3, 5].

Ограничение обсуждения цифровизации медицинскими технологиями выявляет важный этический парадокс: развитие ИИ и аналитических методов требует больших объемов данных о здоровье, а они одновременно являются центральным элементом личной приватности и нуждаются в особо строгой защите. В российском законодательстве по персональным данным это выражается через выделение особых категорий информации, соблюдение принципов целевой и минимальной обработки, а также требования безопасности и ограничения применения полностью автоматизированных решений. Философские концепции цифровой этики добавляют к этому основу, основанную на автономии, справедливости, ответственности и прозрачности [4].

Этически приемлемое использование цифровых технологий в медицине возможно при выполнении трех ключевых условий: во-первых, правомерная обработка данных и надежная безопасность инфраструктуры; во-вторых, справедливость алгоритмов, включающая прозрачность, возможность оспаривания и предотвращение дискриминации; в-третьих, формирование доверия пациента за счет информированности и уважения к его контролю над личной информацией. Медицинские цифровые технологии таким образом выступают не просто инструментом, а своеобразным испытанием для общества, показывая, можем ли мы объединить технологические инновации и уважение к человеческому достоинству в одной системе.

Список литературы

1. О персональных данных : федер. закон № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. (в ред. от 7 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

2. Авдеева И. А. Цифровизация как предмет этической проблематизации // Философия и общество. 2023. № 1. С. 101–114.

3. Борисова А. А., Бабаева А. В., Хуторная М. Л. Цифровизация в России: этические проблемы // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8 (110). doi: 10.23670/IRJ.2021.110.8.130

4. Бурнашев Р. Ф. Виртуальный мир как новая форма реальности для человека: философско-психологические аспекты // Journal of Intellectual Property and Human Rights. 2023. Vol. 2, № 11. P. 57–65.

5. Бурнашев Р. Ф. Философские аспекты цифровой этики в эпоху технологического прогресса // Universum: общественные науки. 2023. № 12 (103). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/16461 (дата обращения: 15.03.2026).

6. Ткачева К. А., Шепелева О. С. Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий. URL: https://ethics.cdto.ranepa.ru/1_1 (дата обращения: 13.03.2026).

7. Фаллетти Э. Алгоритмическая дискриминация и защита неприкосновенности частной жизни // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1, № 2. P. 387–420.

УДК 316

ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОГО ЗАБВЕНИЯ: ИМЕЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК ПРАВО НЕ ПОМНИТЬ И БЫТЬ ЗАБЫТЫМ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

Владислав Алексеевич Ганьшин[1], Никита Владимирович Колесников[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]barabirist@gmail.com
[2]nikita236900gh@yandex.ru

Аннотация. Исследуется, как интернет изменил наше отношение к памяти и забыванию. Мы сталкиваемся с проблемой: цифровой след нельзя просто взять и стереть, и это сильно ограничивает свободу человека. С опорой на философию показывается, что забывать прошлое – это не слабость, а жизненная необходимость для развития личности. Закон о праве на забвение рассматривается здесь как попытка общества защититься от вечной памяти машин. Главный вывод работы: нам пора учиться новой культуре прощения в сети, чтобы давать людям второй шанс.

Ключевые слова: цифровое забвение, право быть забытым, инфосфера, цифровая идентичность, этика памяти, темпоральный паноптикум

С самого начала времен люди отчаянно боролись с забывчивостью. Мы строили библиотеки, писали летописи и ставили памятники, чтобы хоть что-то оставить после себя, тогда как забвение происходило само собой, естественным путем. Но с приходом эпохи интернета правила игры перевернулись. Сегодня алгоритмам и серверам гораздо проще навсегда сохранить любую мелочь, чем удалить ее. А вот чтобы заставить сеть забыть какую-то информацию, человеку теперь приходится тратить кучу времени, нервов, а иногда и привлекать юристов.

Такой сдвиг привел к настоящему кризису: когда среда вокруг помнит каждый твой шаг, ты теряешь возможность меняться. Поэтому сегодня так важно понять, что из себя представляет наш цифровой след, и ответить на вопрос: есть ли у нас право требовать, чтобы наши старые ошибки навсегда исчезли из поисковиков?

Актуальность темы исследования бесспорна, ведь виртуальный профиль давно перестал быть просто набором пикселей на экране. Старые комментарии или неудачные фотографии напрямую влияют на то, возьмут ли человека на работу и одобрят ли ему ипотеку. Если поисковик всегда может вытащить наружу факт десятилетней давности, общество просто перестанет морально развиваться. Степень разработанности проблемы довольно высока: Виктор Майер-Шенбергер одним из первых предупреждал о рисках вечной памяти, Лучано Флориди придумал термин «инфосфера», а отечественные авторы (В. В. Савчук, В. П. Казарян) подробно разбирают правовые парадоксы цифровой среды. Новизна исследования в том, что мы соединили классические философские идеи о памяти (от Ф. Ницше до А. Бергсона) с современным цифровым правом, чтобы доказать: удаление ссылок – это не цензура, а базовая психологическая потребность человека.

Цель исследования – доступно и аргументированно объяснить, почему человеку жизненно необходимо право удалять свои данные из сети. Задачи исследования включают в себя: 1) сравнить работу живого мозга и компьютерных алгоритмов; 2) показать, как вечная цифровая память тормозит развитие личности;

3) взвесить плюсы и минусы закона о «праве быть забытым». Объектом исследования выступает жизнь человека в условиях цифрового общества. Предмет исследования – правовые и этические рамки управления своим виртуальным прошлым. Методологическая основа исследования опирается на метод сравнения (мы сопоставляем человеческую память с машинной) и метод анализа (разбираем законы и этические нормы). Теоретическая значимость работы в том, что она переносит классические философские концепции на почву современных интернет-коммуникаций. Практическая значимость: выводы статьи помогут людям осознаннее вести себя в социальных сетях, а студентам – лучше разобраться в законах о защите данных.

Чтобы понять корень проблемы, давайте посмотрим, как философы относились к забыванию. Обычно мы ругаем себя за плохую память. Но Фридрих Ницше в своем эссе о вреде истории предупреждал, что помнить абсолютно все – это катастрофа. Он называл это «исторической лихорадкой», когда огромный багаж прошлого буквально парализует человека и не дает ему действовать сегодня [4, с. 20]. Ницше считал, что для счастья и творчества нам жизненно необходимо уметь отключаться от прошлого и забывать. Тот, кто не может забыть, теряет веру в себя и просто повторяет старое, не создавая ничего нового [4, с. 22]. Сегодня интернет воплотил страхи Ницше в реальность: сеть постоянно тычет нас носом в то, кем мы были раньше, не давая стать кем-то другим.

Здесь также очень полезны мысли французского философа Анри Бергсона. В книге «Материя и память» он делил память на механическую привычку и чистую память, доказывая, что наше сознание постоянно фильтрует пережитый опыт [1, с. 115]. Для Бергсона память – это не жесткий диск с файлами, а гибкий инструмент для жизни в настоящем. Здоровая психика сама стирает информационный мусор и сглаживает болезненные моменты, чтобы мы могли двигаться дальше. А вот цифровые архивы такой гибкости лишены. Машинам все равно, что именно хранить – красный диплом или глупую подростковую выходку. Алгоритмы не знают, что такое прощение или срок давности, и поэтому цифровая память превращается в тюрьму для развивающегося человека.

Исследователь интернета Виктор Майер-Шенбергер называет это состояние «темпоральным паноптикумом» [3, с. 110]. Раньше паноптикумом называли идеальную тюрьму, где за заключенными постоянно наблюдал надзиратель. В интернете же мы сталкиваемся со слежкой во времени. Современный человек начинает фильтровать каждое свое слово сегодня, потому что боится: а вдруг через двадцать лет этот пост вырвут из контекста и используют против меня? Страх перед вечным цифровым следом заставляет людей скрывать свои мысли и подстраиваться под чужое мнение.

Проблема усложняется тем, что мы больше не можем отделить себя от своих профилей. Итальянский мыслитель Лучано Флориди говорит, что мы живем в «инфосфере», где границы между онлайном и офлайном полностью стерты [7, с. 95]. В таком мире личные данные – это не просто вещи, которые можно легко выкинуть или продать. Наш цифровой след стал частью нас самих. Как верно подмечают российские авторы, виртуальный двойник сегодня часто значит для общества больше, чем реальное физическое тело [6, с. 42]. Поэтому, когда поисковик отказывается скрывать старую и постыдную информацию, это не просто нарушение приватности. Это своего рода психологическое насилие, которое приковывает человека к его старой ошибке и не верит в то, что он способен исправиться.

Когда общество осознало эту опасность, пришлось искать защиту в законах. Раз алгоритмы не умеют забывать сами, их нужно заставить искусственно.

Так появилось «право на забвение» – юридический механизм, который разрешает человеку потребовать от поисковика скрыть ссылки на старую, неактуальную или ложную информацию [2, с. 12]. В России этот закон заработал в 2016 году и стал главным способом защитить свою репутацию от диктатуры вечной памяти.

Правда, реализация этого права вызывает много споров. С одной стороны, оно дает человеку шанс на нормальную жизнь. Философ Поль Рикер много писал о «справедливой памяти» и тесно связывал способность помнить с этикой прощения [5, с. 600]. Если мы не позволим людям оставлять ошибки в прошлом, общество просто захлебнется в старых конфликтах. С другой стороны, журналисты и правозащитники боятся, что этот закон превратится в легальную цензуру. Если политики или корпорации смогут легко зачищать интернет от компромата, мы потеряем доступ к объективной истории. Найти золотую середину между правом человека на прощение и правом общества знать правду – сейчас самая сложная задача для юристов.

Понятно, что одними судами эту проблему не решить, ведь законы всегда не успевают за развитием технологий. Эксперты предлагают менять саму архитектуру интернета. Одна из самых интересных идей – встроить в цифровые файлы «срок годности» [3, с. 175]. Если бы при публикации поста или фото можно было сразу указать дату его автоматического удаления, сеть начала бы успешно имитировать нормальное человеческое забывание. Кроме того, нам нужно кардинально менять подход к образованию. Школам пора перестать заставлять детей просто зубрить факты. Гораздо важнее научить их цифровой гигиене, критическому мышлению и пониманию того, что интернет помнит все.

В качестве обоснованного вывода можно сказать следующее: вечная алгоритмическая память – это не просто технический сбой, это серьезный вызов самой человеческой природе. Быть человеком – значит постоянно меняться, совершать ошибки, делать выводы и идти дальше. Компьютеры подарили нам иллюзию бессмертия и идеальную память, но при этом отобрали право на чистый лист. Поэтому право на забвение – это не блажь, а базовый инстинкт самосохранения нашей психики. В будущем нашему обществу предстоит создать новую этику общения в сети, где каждый из нас будет иметь моральное и законное право перерасти свои старые посты и не оставаться вечным заложником собственного прошлого.

Список литературы

1. Бергсон А. Материя и память // Собрание сочинений. Т. 1. М. : Московский клуб, 1992. 336 с.

2. Казарян В. П., Косарев Е. А. Право на забвение в цифровом обществе: от информационной этики к цифровому праву // Аналитический обзор актуальных концепций цифровой реальности. 2024. С. 1–15.

3. Майер-Шенбергер В. Удаление: Добродетель забвения в цифровую эпоху. Принстон : Изд-во Принстонского университета, 2009. 256 с.

4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Несвоевременные размышления. М. : Азбука, 2014. 224 с.

5. Рикер П. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

6. Савчук В. В. Философское сопротивление: тело и цифровая память // Журнал культурных исследований. 2022. С. 34–48. URL: elibrary.ru

7. Флориди Л. Четвертая революция: как инфосфера меняет человеческую реальность. Оксфорд : Изд-во Оксфордского университета, 2014. 272 с.

УДК 659

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕМОВ ДЛЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ АУДИТОРИИ И ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Маргарита Константиновна Карпова[1],
Ангелина Сергеевна Седова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]karpovamk@mail.ru
[2]sedova367@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается феномен мемов как средство коммуникации в цифровой среде. Анализируются механизмы воздействия мемов на аудиторию, их роль в формировании лояльности к бренду и повышении вовлеченности. Также внимание уделено рискам использования мемов в рекламных кампаниях (устаревание контента, неуместность, субъективный характер восприятия юмора).

Ключевые слова: мемы, цифровая среда, вовлечение аудитории, продвижение бренда, контент-маркетинг

В условиях глобальной цифровизации, которая характеризуется информационный насыщенностью и острой конкуренцией за внимание аудитории, традиционные методы продвижения брендов постепенно теряют свою эффективность. Многочисленные исследования фиксируют рост «рекламной слепоты»: аудитория все чаще игнорирует прямую рекламу, подсознательно фильтруя ее как информационный шум. В таких условиях особенно ценными становятся альтернативные инструменты коммуникации, способные преодолеть защитные барьеры восприятия и установить эмоциональную связь с потребителем. Одним из таких инструментов выступают интернет-мемы – уникальный феномен цифровой культуры, который сочетает в себе лаконичность формы, эмоциональную заряженность и высокую способность к репликации. «Мем – это обращение, которое говорит о важном избранной аудитории. Это заведомо выигрышная позиция, когда у потенциальных клиентов появляется желание купить рекламируемый с помощью креолизованного мема продукт. Мало того, мем способен на передачу такой информации за считанные секунды, в отличие от рекламного ролика или объявления, на которое нужно потратить более 30 секунд. Это дает возможность овладевать вниманием потенциального покупателя, не отнимая у него время» [3, с. 56].

Использование интернет-мемов для вовлечения аудитории и продвижения бренда в цифровой среде является актуальной темой, так как существует комплекс взаимосвязанных факторов, отражающих трансформацию коммуникационных практик в эпоху цифровизации. Прежде всего, следует отметить стремительный рост доли мобильного потребления контента, сопровождающийся доминированием визуальной коммуникации. Современные пользователи предпочитают короткие, визуально насыщенные форматы, позволяющие мгновенно уловить суть сообщения. Например, «зумеры активно пользуются социальными медиа, которые являются для них источником информации обо всем их интересующем, включая бренды, товары и услуги» [4, с. 130].

Эмоциональное воздействие юмора – проверенный инструмент в арсенале маркетологов. Он помогает преодолеть настороженность аудитории по отношению к рекламе и подталкивает к нужным действиям. Исследование, которое Ин-

ститут общественного мнения провел совместно с PR-агентством Mediacom Expert, выявило закономерности в восприятии такого контента. Так, положительное отношение к юмору в рекламе продемонстрировала ровно половина респондентов – но внутри этой картины особенно выделяется молодежная аудитория. Среди людей 18–30 лет доля тех, кто позитивно воспринимает подобные материалы, достигает 70 %. При этом мемы вызывают более сдержанную реакцию: в целом нейтрально к ним относятся 40 % опрошенных [1].

Этимологически термин «мем» восходит к греческому «mīmēma», означающему «подобие» или «сходство». В современный научный дискурс это понятие было введено Ричардом Докинзом, определившим мем как «единицу культурной информации, воспроизводимую в процессе коммуникации путем имитации при передаче от человека к человеку». Впоследствии трактовка данного феномена претерпела существенную эволюцию [1].

Сегодня под мемом понимается «структурированный информационный продукт, вирусно распространяющийся и актуализирующийся в соответствии с адекватностью его смыслового содержания описываемым событиям или их оценкам» [5]. В прикладном маркетинговом контексте мем рассматривается как лаконичный и культурно-кодированный образ или текст, создание и использование которого подчинено коммерческим целям – продвижению товара или услуги. Соответственно, мем-маркетинг представляет собой стратегию продвижения бренда, продукта или услуги посредством интеграции популярных фраз, узнаваемых визуальных образов, мелодий, жестов и действий в коммуникационный процесс [2].

Современные исследователи обращают внимание на то, что использование юмора в самых разных формах – будь то картинки, короткие видео, текстовые вставки или хештеги – дает брендам возможность не просто выделяться среди конкурентов, но и выстраивать более тесную эмоциональную связь со своей аудиторией. Такой контент вызывает у людей позитивные эмоции, а это, в свою очередь, постепенно повышает лояльность к продукту или компании. Под мемами в данном случае понимают публикации, в которых содержится актуальная, уже ставшая популярной шутка. Они представляют собой одну из современных форм цифрового юмора и довольно органично вписаны в повседневную практику пользователей социальных медиа.

Согласно данным аналитического агентства DataReportal, интернет-пользователи активно делятся разным контентом в соцсетях, и вторым по частоте распространения типом материалов после видео оказываются именно мемы. Благодаря своей вирусной природе, относительной простоте создания, а также умению привлекать и удерживать внимание потребителей (особенно молодежной аудитории) мемы становятся крайне привлекательным инструментом для современного маркетолога.

О масштабах рассматриваемого феномена свидетельствуют прогнозы немецкой аналитической компании Statista, согласно которым мировой оборот рынка мемов в период с 2020 г. по 2025 г. увеличится с 2,3 до 6 млрд долларов США [7]. Эксперты сходятся во мнении, что грамотно реализуемый мем-маркетинг способствует повышению конверсионных показателей брендов и росту вовлеченности аудитории. Западные аналитики утверждают, что у мемов уровень органического воздействия (то есть вовлечения аудитории без дополнительного платного продвижения) примерно на 60 % выше по сравнению с традиционными форматами рекламных публикаций. Эти данные коррелируют с результатами исследования YPulse, выявившими, что 55 % представителей поколения Z и 48 % миллениалов рассматривают мемы как предпочтительную форму развлечения по сравнению с музыкальными альбомами, видеоиграми и кинофильмами. Примеча-

тельно, что, согласно данным Forbes, представители поколения миллениум ежедневно сталкиваются в среднем с 20–30 мемами, при этом уровень вовлеченности (engagement rate) для мемов достигает 60 % [6].

Стратегии интеграции мемов в бренд-коммуникацию можно условно разделить на три основных подхода. Реактивный подход – это стратегия, при которой бренд реагирует на внешние инфоповоды, тренды, события или ситуацию и использует их как основу для рекламного сообщения. При данном подходе компании адаптируют популярные мемы и адаптируют популярные шаблоны под свой бренд. Такой подход позволяет оперативно привлечь внимание целевой аудитории, обеспечивает повышение уровня вовлеченности и способствует росту узнаваемости бренда [2].

При использовании проактивного подхода в рекламе компания заранее прогнозирует потребности клиента и действует на опережение. Данная стратегия, основанная на аналитических данных, повышает лояльность потребителей. Этот метод требует более серьезных вложений в креатив, но дает бренду полный контроль над сообщением и визуальной составляющей [2].

Несмотря на преимущества использования мемов в вовлечении аудитории и продвижении бренда в цифровой среде, существуют определенные риски.

Компаниям необходимо учитывать «недолговечность» актуальности мема. Популярность мема зависит от его вирусности, шаблонности структуры, способности адаптироваться к различным изменениям, эмоциональности и универсальности. Также на популярность мема влияют культурные феномен, на которых он основан, общественно значимые события и цитаты известных личностей.

Во-вторых, важны уместность мема и его соответствие целевой аудитории и ценностям бренда. Попадание мема в целевую аудиторию и тренд гарантирует успех рекламной кампании. Неудачно подобранный формат – текст или визуальный ряд – может оттолкнуть аудиторию и снизить ее лояльность.

Чрезмерное использование мемов в вовлечении аудитории и продвижении бренда также может снизить доверие аудитории. Хотя мемы отлично привлекают внимание и быстро распространяются, чрезмерное использование этого формата может быть воспринято общественностью как попытка чрезмерно упростить коммуникацию.

Одним из главных ограничений использования мемов в маркетинговых коммуникациях является субъективный характер восприятия юмора, что создает дополнительные трудности для стратегического планирования. Исследования в области психологии и межкультурной коммуникации показывают, что восприятие юмористического контента не является универсальным: то, что одна социальная или возрастная группа считает остроумным и уместным, может быть воспринято другой аудиторией как неуместное, оскорбительное или просто бессмысленное [7].

Важно заранее определить ценности аудитории и темы, вызывающие эмоциональный отклик. Практические инструменты включают мониторинг соответствующих социальных сетей, анализ локальных трендов мемов и проведение опросов среди текущих подписчиков бренда для проверки гипотез. Только используя эмпирически подтвержденные данные, мы можем минимизировать риски, связанные с субъективностью юмора, и повысить предсказуемость реакции аудитории на контент.

Главная задача мемов в продвижении брендов – упрощение взаимодействия с целевой аудиторией. Когда потребитель понимает, что компания не просто пытается продать товар или услугу, а предлагаем ему юмор, он лояльнее относится как с продукту, так и к самой компании. Для успешного применения

мемов требуется понимание аудитории, а также творческий и оригинальный подход при разработке коммуникационных кампаний, что позволит выделиться на фоне конкурентов и завоевать аудиторию.

Список литературы

1. Бочаров А. Б., Демидов М. О. Мемы, мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве // Управленческое консультирование. 2020. № 9 (141). С. 92–100.
2. Иващенко О. О. Использование юмористических приемов в цифровом продвижении товаров и услуг: преимущества и недостатки // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 2 (83). С. 59–67.
3. Лукьянчикова М. В., Бердникова Э. Н. Специфика использования Интернет-мемов в маркетинговых целях // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4 (30). С. 53–58.
4. Розенберг Н. В., Бабина В. Н., Балахонова Е. В. [и др.]. Ценностные основания и коммуникационные факторы консолидации современного российского общества. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2025. 224 с.
5. Ягодкина М. В. Мемы в интернет-коммуникации // Art Logos. 2019. № 2 (7). С. 142–152.
6. Memes: A Digital Marketing Tool For Every Industry // Forbes. 2018. URL: https://www.forbes.com/sites/forbescommunicationscouncil/2018/08/10/memes-a-digital-marketing-tool-for-every-industry/
7. Pei-Hsuan Tsai, Wei-Hung Hsiao. Turning laughs into buys: The influence of meme marketing on consumer purchase intentions in e-commerce using media richness theory // Electronic Commerce Research and Applications. 2025. Vol. 74. doi: 10.1016/j.elerap.2025.101547

РАЗДЕЛ 8

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ И НОВЫЕ МЕДИА: СЕТИ, СООБЩЕСТВА, СОЛИДАРНОСТИ

УДК 316.774, 316.775

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПЛОЩАДКА ВНУТРИКОРПОРАТИВНОЙ И ВНЕШНЕЙ КОММУНИКАЦИИ

Елена Викторовна Балахонова[1],
Ксения Геннадьевна Гагина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]m-a-r-t-a2005@yandex.ru
[2]9053650785k@mail.ru

Аннотация. Показана роль корпоративных и классических социальных сетей в организации внутрикорпоративной и внешней коммуникации компании. Рассмотрены ключевые преимущества, которые обеспечивает ей использование этих площадок. На уровне корпоративных социальных сетей к ним относятся организация и контроль за ходом рабочих процессов, управление проектами в режиме реального времени, повышение вовлеченности и удовлетворенности персонала, поддержание внутрикорпоративной культуры и развитие командного духа, организация гибкого обучения персонала. На уровне классических социальных сетей – привлечение и удержание клиентов, формирование положительной репутации компании и популяризация бренда.

Ключевые слова: социальные сети, корпоративные социальные сети, внутрикорпоративная коммуникация, внешняя коммуникация

Социальные сети стали неотъемлемой частью жизни современного человека, их популярность постоянно растет. Согласно отчету *Digital 2026*: *Global Overview Report* [7], по состоянию на октябрь 2025 г. число интернет-пользователей составило 6,04 млрд человек, или 73,2 % населения Земли. За последний год их стало больше на 5,1 % (в абсолютном выражении это 294 млн человек). Подавляющее большинство интернет-пользователей (а именно 5,66 млрд человек, или 68,7 % жителей нашей планеты) являются и пользователями социальных сетей. В течение последнего года создано более 259 млн новых аккаунтов (рост их общего числа составил 4,8 %).

Уже довольно давно социальные сети перестали быть пространством только для личного общения и развлечений, превратившись в важный маркетинговый ресурс компании. В условиях развития цифровых технологий внутрикорпоративная коммуникация претерпела кардинальные изменения, сейчас практически каждая крупная компания использует корпоративные социальные сети (КСС) – удовлетворяющие потребности бизнеса специализированные закрытые онлайн-платформы, предназначенные для общения, обмена опытом и знаниями, а также совместной работы сотрудников. Это особенно актуально для крупных корпораций, объединяющих людей из разных, часто весьма удаленных друг от друга, ре-

гионов. Данные платформы позволяют им мгновенно передавать и получать информацию, находясь на значительном удалении друг от друга, организовывать рабочие процессы и контролировать их ход. Несмотря на достаточно дорогое обслуживание, крупные компании готовы инвестировать в эти площадки, поскольку исследования показывают, что корпоративные соцсети позволяют не только сэкономить на внутреннем документообороте и связи, но, что самое главное, повысить удовлетворенность персонала (на 56 %) и его вовлеченность (на 25 %) [2]. Не удивительно, что инициатива создания корпоративных социальных сетей часто идет снизу. Как показало проведенное компанией *Ipsos* по заказу компании *Microsoft* исследование, около 40 % сотрудников предприятий и организаций разного профиля деятельности считают, что они (КСС) повышают эффективность их взаимодействия с коллегами [2].

К категории корпоративных социальных сетей относятся программные продукты, содержащие следующие функциональные блоки [4]:

1) профили пользователей и их личные страницы;

2) группы для совместной работы и общения;

3) система обмена сообщениями и обсуждения в личных чатах и на общедоступных форумах;

4) система публикации и обсуждения новостей, релизов и другой информации;

5) система обратной связи, обеспечивающая возможность оставлять отзывы, задавать вопросы и получать ответы на них;

6) система управления контентом, дающая возможность добавлять, редактировать и удалять информацию.

Корпоративные социальные сети выполняют важную функцию – способствуют поддержанию внутрикорпоративной культуры. Благодаря сетевым механизмам, а именно лайкам, комментариям и подпискам, создается дружелюбное и открытое общение, в котором стираются коммуникативные и иерархические барьеры. Здесь немаловажную роль играет топ-менеджмент компании: руководители, взаимодействуя с сотрудниками, обмениваются мыслями и идеями, тем самым укрепляя доверие и создавая возможность формирования горизонтальной коммуникации. Для повышения вовлеченности сотрудников КСС позволяют внедрять в работу элементы геймификации и проводить внутренние опросы.

Кроме того, корпоративные социальные сети позволяют организовать гибкое и доступное обучение персонала. Внутренние сообщества дают возможность выгрузки экспертных чатов, вебинаров и обучающих публикаций. Как показывает практика, это весьма эффективный формат обучения (предоставляющий возможность задать вопрос и мгновенно получить обратную связь), ускоряющий как повышение квалификации действующих, так и адаптацию новых сотрудников.

Одним из ключевых преимуществ корпоративных социальных сетей является возможность управлять проектом в режиме реального времени. Использование социальных платформ делает необязательным личное присутствие сотрудника в офисе, при наличии компьютера или телефона он может быстро отправлять и получать информацию разного формата через интернет. Это в значительной степени упрощает работу компаний, сотрудники которых рассредоточены по расположенным в разных регионах отделениям и филиалам.

Корпоративные социальные сети используются не только для общения по рабочим вопросам, но и для неформального взаимодействия. Руководитель проекта в КСС может поделиться результатами команды за определенный период времени, таким образом показывая значимость каждого сотрудника, что способствует укреплению командного духа. Подавляющее большинство (73 %) использующих корпоративные соцсети руководителей, называют одним из главных их преимуществ быструю связь с сотрудниками, а половина потребителей считает, что не использующие соцсети руководители утрачивают связь с клиентами [1].

И здесь мы переходим к классическим социальным сетям, которые также активно используются компаниями в рамках маркетинговых коммуникаций.

Социальные сети дают выход на огромную аудиторию (как показывают исследования, 90 % их пользователей контактируют с бизнесом на данных площадках [3]), поэтому грамотное ведение рабочей страницы помогает привлекать новых клиентов и сохранять лояльность уже имеющихся. Страница руководителя априори является лицом компании, поэтому, чтобы сформировать ее устойчивую положительную репутацию, топ-менеджеру важно в своих публикациях донести до целевой аудитории миссию и ценности возглавляемой им компании. Активное ведение социальных сетей способствует популяризации бренда, что в дальнейшем позволит минимизировать затраты на продвижение и рекламу, поскольку социальная сеть сделает все «самостоятельно». По данным исследований, абсолютное большинство потребителей ожидают, что бренд будет не только активен в социальных сетях, но и станет отвечать на их сообщения и реагировать на отзывы. Клиенты сегодня хотят не просто покупать продукт или услугу, они желают быть услышанными, участвовать в жизни бренда и видеть за ним «человеческое лицо». 71 % из них готовы рекомендовать бренд при получении положительного опыта взаимодействия с ним в социальных сетях, а 40 % – бойкотировать, если этот опыт был негативным [3]. Таким образом, социальные сети становятся площадкой для двустороннего диалога, а не просто рекламным щитом.

Регулярный выпуск разнообразных полезных публикаций, например, новостных постов или обучающих материалов, помогает напомнить о себе пользователям и заинтересовать их. Важно не только следить за обратной связью с клиентами, отвечая на комментарии и сообщения, но и прислушиваться к предпочтениям целевой аудитории, ведь людям важно быть частью чего-то особенного. Поэтому общение с пользователями должно придерживаться стандартов виртуального этикета.

Эффективная коммуникация в соцсетях требует от компаний высокого уровня эмпатии и навыков цифрового общения. Недопустимы сухие и формальные ответы, игнорирование сообщений, просьб, а также навязчивая рекламная рассылка. При общении с клиентом, необходимо выражать свои мысли коротко и ясно, избегая создания раздражающего и мешающего восприятию белого шума. Как уже было сказано, современный потребитель ждет от компании реакции на свои запросы и отзывы. Причем реакции оперативной, ведь людям важно знать, что компания, клиентом которой они являются, ценит их и готова оказать им помощь по первому запросу. По данным компании *Edison Research*, 42 % пользователей готовы ждать не более часа, а 32 % – лишь около получаса [6], исследование *Online Reputation Management Statistics for 2025* рисует портрет более терпеливого потребителя: по его данным, 48 % пользователей ожидают получить от бренда ответ на свое обращение в соцсетях в течение суток [3]. Длительное ожидание может спровоцировать конфликтную ситуацию, которая, вероятно, скажется на репутации бренда и уровне доверия к нему. Для взаимодействия с клиентом зачастую используются боты, которые моментально отвечают на базовые вопросы, экономя время менеджера.

Зачастую амбассадорами бренда становятся сотрудники компании. Вовлеченность персонала в создание контента (будь то посты, сторис, лайвы или комментарии) повышает доверие аудитории: живое взаимодействие с членами команды импонирует людям значительно больше, нежели общение с безликим аккаунтом. Контент, созданный сотрудниками компании, а не профессиональными маркетологами или сторонними подрядчиками (***Employee Generated Content*** (***EGC***)), подчеркивает значимость каждого сотрудника (что способствует развитию позитивной корпоративной культуры) и эффективно доносит до них корпора-

тивные ценности (поскольку информация, идущая от знакомых или уважаемых коллег, воспринимается значительно легче) [5].

Таким образом, социальные сети (классические и корпоративные) сегодня являются неотъемлемой частью внутрикорпоративной и внешней коммуникации компании. Они гарантируют прозрачность, гибкость и скорость коммуникаций, как внутри компании, так и во внешней среде. Грамотное использование инструментов и ресурсов социальных сетей не только укрепляет корпоративную культуру и повышает лояльность сотрудников, но и выстраивает устойчивые доверительные отношения с клиентами. В условиях обостряющейся конкуренции компании, которые способны адаптировать свою коммуникацию под запросы аудитории, становятся лидирующими.

Список литературы

1. Зачем CEO компании вести коммуникации в социальных сетях // Fresh Russian Communications. URL: https://frc-pr.ru/info/articles/digital-komunikatsii/why-does-the-ceo-of-a-company-communicate-on-social-networks-/?ysclid=mo75xld0xf155240771 (дата обращения: 11.03.2026).
2. Максимова О. Корпоративные соцсети упрощают коммуникации и экономят деньги // Ведомости. Идеи управления. URL: https://www.vedomosti.ru/ideas/trends/articles/2023/10/27/1002469-korporativnie-sotsseti-uproschayut-kommunikatsii-i-ekonomyat-dengi (дата обращения: 14.03.2026).
3. Пустовалов А. Онлайн-репутация бизнеса: 40 цифр о том, как отзывы, соцсети и блогеры влияют на продажи // Spark.ru – Платформа для общения бизнеса с бизнесом. URL: https://spark.ru/user/147956/blog/317408/onlajn-reputatsiya-biznesa-40-tsifr-o-tom-kak-otzivi-sotsseti-i-blogeri-vliyayut-na-prodazhi (дата обращения: 04.04.2026).
4. Российские корпоративные социальные сети (КСС) // Soware.ru – Умный выбор систем для бизнеса. URL: https://soware.ru/categories/enterprise-social-networks/made-in-rus?ysclid=mo6cq3ven175512554 (дата обращения: 12.03.2026).
5. Солдаткина О. От доверия до вовлеченности: преимущества и риски Employee Generated Content // Sostav.ru – Независимый проект брендингового агентства Depot. URL: https://www.sostav.ru/publication/employee-generated-content-73511.html?ysclid=mo98br5f1k37043715 (дата обращения: 21.03.2026).
6. 10 советов по успешной работе службы поддержки клиентов в социальных сетях // SMM-Академия. URL: https://smm.academy/blog/sluzhba-podderzhki-klientov-v-socialnyh-setjah/ (дата обращения: 11.03.2026).
7. Digital 2026: Global Overview Report // DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2026-global-overview-report (дата обращения: 10.03.2026).

УДК 659

СООБЩЕСТВА КАК ОСНОВА РОСТА: ПОСТРОЕНИЕ КОМЬЮНИТИ ВОКРУГ КРЕАТИВНОГО ПРОЕКТА

Анна Юрьевна Питерова[1], Дарья Игоревна Секуторова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]press_centr_pnz@bk.ru
[2]sekutorova2003@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается роль сообществ (комьюнити) как ключевого фактора роста креативных проектов в условиях цифровизации и трансформации потребитель-

ского поведения. Анализируется эволюция функций профессиональных сообществ: от образовательных и информационных задач к активному участию в развитии креативных индустрий. Систематизируются типы комьюнити (транзакционные, по интересам, целевые, идентичности), раскрываются их ключевые характеристики и специфика управления в зависимости от целей и потребностей участников. Обосновывается, что построение комьюнити вокруг креативного проекта – это стратегический подход к устойчивому развитию: он обеспечивает органический рост, повышает лояльность аудитории и позволяет тестировать идеи через обратную связь. В заключение обозначены перспективные направления для дальнейшего изучения проблематики, включая разработку метрик эффективности и стратегий удержания участников.

Ключевые слова: креативная индустрия, профессиональные сообщества, культурные инициативы, креатив, креативная деятельность

Проблема создания комьюнити вокруг креативного проекта актуальна как с точки зрения развития креативных индустрий, так и с позиции современных маркетинговых, социальных и технологических трендов. Она затрагивает вопросы взаимодействия, доверия, устойчивого роста и адаптации к меняющемуся миру. Комьюнити (от англ. community – сообщество) в контексте креативных проектов – это группа людей, объединенная общими творческими интересами, ценностями или целями и активно взаимодействующая вокруг определенного креативного проекта, идеи, бренда либо сферы творчества [1].

«Комьюнити – живой организм, теплый, изменчивый, требующий внимания и подпитки новыми эмоциями. И новыми людьми. Открытость вашей группы может привести к неожиданным коллаборациям, неочевидным идеям. А люди придут, если точно попасть в их ценности и потребности» [3].

Особым толчком для развития креативной индустрии стали профессиональные сообщества в различных направлениях креативной индустрии [1]. Профессиональное сообщество представляет собой группу людей, которые объединены между собой общими ценностями, взглядами, идеями, способами восприятия проблем и методами их решения в отношении их профессиональной деятельности. Если раньше миссия профессиональных сообществ заключалась, прежде всего, в образовательной и информационной функциях, которые включали в себя возможность публикации в профессиональных журналах, развитие профессионального мастерства, повышение осведомленности общественности и присуждении наград, то сегодня эти функции значительно расширились [4].

В современном мире успех креативных проектов редко достигается в одиночку. Объединение творческих профессионалов, обмен опытом, совместные проекты и поддержка единомышленников становятся ключевыми стратегиями развития. Комьюнити позволяют находить клиентов, партнеров, подрядчиков и новые идеи. Это особенно важно в условиях высокой конкуренции и быстро меняющихся трендов.

Современная аудитория стремится не к пассивному потреблению контента, а к участию, диалогу и взаимодействию с брендами и проектами. Люди ищут эмоциональную связь, хотят быть частью сообщества, объединенного общими ценностями и интересами. Комьюнити становятся пространством, где участники не только взаимодействуют с проектом, но и находят единомышленников, что укрепляет их лояльность и вовлеченность.

В условиях растущего влияния искусственного интеллекта и унификации контента сообщества выступают как инструмент сохранения индивидуальности и аутентичности. Они создают пространство для подлинных связей, жизненного опыта и доверия, которые невозможно воспроизвести алгоритмически. В эпоху ИИ сообщества помогают брендам и проектам выделиться на фоне унифицированного контента, становясь источником уникальных смыслов и эмоций.

Для малого бизнеса, нишевых проектов и креативных индустрий комьюнити становятся инструментом органического роста без крупных рекламных бюджетов. Пользовательский контент (UGC), генерируемый сообществом, снижает нагрузку на проект и повышает доверие к нему. Активное комьюнити может стать источником рекомендаций, амбассадоров бренда и даже идей для развития продукта. Это особенно актуально в условиях оптимизации маркетинговых расходов.

Комьюнити-маркетинг превращается из дополнительного инструмента в основу стратегий брендов. Компании все чаще рассматривают сообщества как ядро своей миссии, отмечая прямой положительный вклад комьюнити в достижение бизнес-целей. Сообщества позволяют собирать обратную связь, тестировать новые идеи, улучшать продукты и сервисы через взаимодействие с аудиторией.

Современные комьюнити все чаще сочетают онлайн- и офлайн-взаимодействие (гибридные модели), что усиливает вовлеченность и глубину связей. Это особенно актуально для креативных проектов, которые могут использовать цифровые платформы для коммуникации и офлайн-мероприятия (воркшопы, выставки, коллаборации) для укрепления сообщества.

Образовательные программы и сообщества играют ключевую роль в формировании среды для креаторов [2]. Они становятся площадками для обмена опытом, обсуждения профессиональных нюансов и установления контактов. В условиях цифровизации такие сообщества помогают преодолевать изоляцию и создавать поддерживающую среду.

В эпоху цифровизации и роста значимости креативной экономики, сообщества становятся ключевым ресурсом для развития творческих проектов. Если раньше успех креативного начинания зависел преимущественно от таланта отдельных авторов или объема инвестиций, то сегодня значительную роль играет способность объединить вокруг идеи, активную группу единомышленников.

Комьюнити не просто поддерживает проект – оно участвует в его формировании, наполняет контентом, распространяет идеи и создает устойчивую среду для долгосрочного роста.

Креативные проекты все чаще опираются на вовлеченность аудитории. Комьюнити вокруг них превращается в живой организм, участники обмениваются опытом, вдохновляют друг друга, совместно решают задачи и даже влияют на стратегические решения. Такая коллективная динамика не только ускоряет развитие проекта, но и повышает его устойчивость в условиях высокой конкуренции и быстро меняющихся трендов.

Понимание ключевых характеристик подобных сообществ позволяет осознанно выстраивать взаимодействие с аудиторией, проектировать эффективные механизмы вовлечения и создавать среду, где творчество становится коллективным процессом.

Ключевыми характеристиками комьюнити для креативных проектов являются следующие:

1. Участников комьюнити для креативных проектов объединяют общие интересы и ценности, прежде всего, увлечение конкретным видом творчества. Это создает основу для взаимодействия и совместной работы над творческими задачами.

2. Члены комьюнити не просто пассивно потребляют контент, они участвуют в обсуждениях, делятся работами, дают обратную связь, инициируют совместные активности, это дает высокую вовлеченность.

3. Важна двусторонняя коммуникация: участники комьюнити активно обмениваются опытом, навыками и идеями, взаимно вдохновляя друг друга на новые творческие решения. Это создает среду непрерывного развития и поддерживает творческую динамику внутри сообщества.

4. Совместная деятельность. Комьюнити часто организует или поддерживает события: выставки, мастер-классы, челленджи, коллаборации, онлайн-марафоны, благодаря этому больше людей узнают о данном творчестве.

Сообщества можно классифицировать по способам вовлечения в них аудитории:

1. Транзакционные сообщества. Люди вступают в такие сообщества для обмена ресурсами, информацией или услугами. Это может быть покупка-продажа товаров, обмен опытом или советами. Часто это самые большие сообщества, куда люди приходят решать свои проблемы и затем сразу уходят. Задача комьюнити-менеджеров в таких сообществах – сделать так, чтобы люди получали быстрые и полезные ответы на свои запросы.

2. Сообщества по интересам – они объединяют людей на основе общих хобби или увлечений. Участники делятся впечатлениями, опытом и находят единомышленников. В такие комьюнити люди приходят за интересным контентом и вдохновением. Задача комьюнити-менеджера – сделать сообщество максимально интересными и помочь участникам найти тот контент, который они ищут.

3. Сообщества целей. Люди объединяются в такие сообщества для достижения общей цели или задачи. Это могут быть профессиональные союзы, активистские группы или команды, работающие над проектами. В том числе к этому типу относятся и некоммерческие объединения и НКО. Такие сообщества часто создаются вокруг продуктов или образовательных проектов. Здесь каждый человек преследует свои цели и хочет, чтобы сообщество помогло ему стать лучше в том, что он делает. Активность участников выражается не только в молчаливом пролистывании постов, но и в участии в выездах, мастер-классах, встречах и обсуждениях. Цель комьюнити-менеджера – создать в сообществе комфортную среду, которая будет помогать участникам улучшать свои навыки и находить поддержку у единомышленников.

4. Сообщества идентичности – формируются вокруг общей идентичности или принадлежности, например, этнической, культурной или социальной. Участники находят поддержку и понимание среди людей с похожими жизненными опытом и взглядами. Это обычные сообщества друзей или представителей определенной идентичности. В такие сообщества люди вступают для налаживания связей, общения и приятного времяпровождения. Цель – предоставить все возможности для обсуждения и проживания совместного опыта и создать комфортную и приятную атмосферу.

Ориентируясь на тип сообщества, комьюнити-менеджеры должны выстраивать стратегию по удовлетворению желаний и потребностей его участников. Однако важно учесть, что со временем у сообщества может поменяться тип. Например, на первой стадии чат выпускников является сообществом по интересам, но со временем он может стать сообществом целей или идентичности, превратиться в транзакционное комьюнити или просто завершить свой цикл жизни [5].

Таким образом, в современной экономике сообщество перестает быть вспомогательным инструментом и превращается в ядро роста. Оно не просто поддерживает проект, но и участвует в его формировании: генерирует контент, распространяет идеи, дает обратную связь, выступает источником новых идей и амбассадоров бренда. Современная аудитория стремится не к пассивному потреблению, а к активному участию и диалогу. Люди ищут эмоциональную связь и хотят быть частью сообщества, объединенного общими ценностями. Это особенно важно в эпоху цифровизации и распространения ИИ, когда сообщества становятся гарантом аутентичности и источником уникальных смыслов.

Успех построения и развития комьюнити во многом зависит от грамотной работы комьюнити-менеджера. Его задачи варьируются в зависимости от типа сообщества: от обеспечения быстрых ответов в транзакционных группах до создания условий для профессионального роста в целевых сообществах.

Стоит отметить, что построение комьюнити вокруг креативного проекта – это не просто модный тренд, а обоснованная стратегия устойчивого роста. Инвестиции в развитие сообщества окупаются за счет повышения лояльности аудитории, генерации идей и создания среды, где творчество становится коллективным процессом, способным противостоять вызовам времени и рынка.

Список литературы

1. Мудревская А. Что такое комьюнити и почему людям важно держаться вместе // KudaGo. URL: https://kudago.com/all/news/chto-takoe-komyuniti-i-pochemu/

2. Нехайчук Д. В., Нехайчук Ю. С. К вопросу об особенностях развития креативной индустрии // МедиаВектор. 2023. № 8. С. 81–90.

3. Нестер А. Найти своих и успокоиться. Как творчество формирует сообщество единомышленников // TheBlueprint. URL: https://theblueprint.ru/culture/special/lobster-soobschestvo

4. Терешкина Т. А. Профессиональные сообщества как инструмент для развития креативных индустрий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-soobschestva-kak-instrument-dlya-razvitiya-kreativnyh-industriy (дата обращения: 14.04.2026).

5. Топорина Е. Полное руководство по комьюнити-менеджменту и ведению сообществ // Mastera.academy. URL: https://mastera.academy/polnoe-rukovodstvo-po-komyuniti-menedzhmentu/

РАЗДЕЛ 9

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: РЕКЛАМА, PR, ИНТЕГРИРОВАННЫЕ МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 316.36

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО БРЕНДИНГОВОГО СООБЩЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Ольга Павловна Морозова[1],
Дмитрий Алексеевич Гарькин[2],
Руслана Дмитриевна Карцева[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]olga_240185@mail.ru
[2]dima.garkin05@mail.ru
[3]ruslanaskudarnova@gmail.com

Аннотация. Представлен комплексный анализ интегрированных маркетинговых коммуникаций как стратегического инструмента формирования единого брендингового сообщения в условиях цифровой трансформации медиасреды и фрагментации потребительского внимания. Рассматриваются теоретические основы концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций, ее эволюция от тактической координации к стратегическому управлению брендом. Анализируются проблемы координации рекламных, PR- и digital-инструментов, а также роль передовых аналитических технологий (Big Data, AI) в поддержании целостности бренда и персонализации коммуникаций. Делается вывод о том, что интегрированные маркетинговые коммуникации выступают не просто набором тактик, а системной моделью управления брендом, обеспечивающей его устойчивость и релевантность в условиях информационного шума и роста влияния пользовательского контента.

Ключевые слова: интегрированные маркетинговые коммуникации, брендинг, цифровая среда, омниканальность, реклама, PR, digital-маркетинг, Big Data, искусственный интеллект

В условиях стремительной цифровизации общественных и экономических процессов коммуникационная среда претерпевает фундаментальные изменения. Расширение числа каналов взаимодействия с аудиторией, взрывной рост объема пользовательского контента (UGC), алгоритмическая персонализация информации и снижение эффективности традиционной «прерывающей» рекламы формируют принципиально новую модель коммуникационного взаимодействия между брендом и потребителем. Современный потребитель ожидает не просто сообще-

ния о товаре, а персонализированного диалога и релевантного опыта на каждом этапе взаимодействия. В этих условиях возрастает критическая необходимость формирования единого брендингового сообщения, способного обеспечить целостное и непротиворечивое восприятие компании во всех точках контакта, от поискового запроса до поста в социальных сетях и общения в службу поддержки.

Интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК) представляют собой концепцию стратегического управления всеми коммуникационными инструментами организации на основе единой платформы бренда. Основная идея ИМК заключается в синхронизации рекламы, связей с общественностью, стимулирования сбыта, прямого маркетинга, цифрового маркетинга и иных форм продвижения с целью достижения синергетического эффекта, при котором суммарное воздействие превосходит эффект от изолированного использования каждого инструмента. В отличие от традиционной модели, предполагающей автономность и зачастую конкуренцию различных коммуникационных направлений, интегрированный подход ориентирован на создание согласованной системы смыслов и эмоций, формирующих устойчивые ассоциации с брендом [2].

Теоретические основы ИМК базируются на фундаментальных принципах консистентности, координации и ориентации на целевую аудиторию. Консистентность предполагает единое смысловое, визуальное и тональное оформление всех коммуникаций, что способствует быстрой идентификации бренда. Координация означает централизованное управление коммуникационными потоками и исключение противоречий в сообщениях, исходящих от разных отделов. Ориентация на аудиторию требует глубокого учета поведенческих, социальных и психологических характеристик потребителей, перехода от массовых коммуникаций к диалогу с конкретными сегментами и даже индивидуумами. В совокупности эти принципы обеспечивают формирование устойчивого и эмоционально окрашенного образа бренда в сознании потребителя.

Цифровая среда существенно изменила характер коммуникационного взаимодействия, превратив его из линейного монолога в интерактивный и многоуровневый диалог. Если ранее коммуникация имела преимущественно однонаправленный характер (от бренда к потребителю), то сегодня она стала интерактивной и многоуровневой. Социальные сети, поисковые системы, видеоплатформы, маркетплейсы и мессенджеры создают сложную экосистему, в которой потребитель одновременно выступает получателем, интерпретатором и создателем контента. Появление феномена «экономики внимания» обостряет конкуренцию за лояльность аудитории. В результате формирование единого брендингового сообщения становится более сложным процессом, требующим постоянного мониторинга обратной связи, быстрой адаптации и готовности к тому, что смыслы, транслируемые брендом, могут быть искажены или переосмыслены аудиторией [1].

Одной из ключевых характеристик цифровой среды, требующей интеграции, является омниканальность. Данный подход предполагает создание единого бесшовного коммуникационного пространства, в котором потребитель может взаимодействовать с брендом через различные каналы и устройства, переключаясь между ними без потери контекста и качества опыта. Омниканальная стратегия, в отличие от мультиканальной, обеспечивает не просто присутствие везде, а согласованность сообщений и непрерывность пользовательского пути (Customer Journey) в рекламе, PR-материалах, социальных сетях, мобильных приложениях и офлайн-коммуникациях [3]. При этом содержание сообщения может гибко адаптироваться под специфику и технические возможности канала, сохраняя при этом единое смысловое ядро и тон коммуникации.

Формирование единого брендингового сообщения начинается с разработки глубокой и проработанной бренд-платформы. Она включает не только миссию, ценности, позиционирование и ключевое обещание бренда, но и его «архетип» или «характер». Далее осуществляется детальная сегментация аудитории на основе данных (Data Driven Marketing) и выбор релевантных каналов и форматов коммуникации. Особое значение приобретает контент-стратегия, определяющая форматы, темы, визуальный стиль и тональность сообщений для каждого этапа воронки продаж и каждого сегмента. В цифровой среде важнейшим элементом становится Tone of Voice (ToV) – единый стиль и эмоциональная окраска коммуникации, отражающая характер бренда, будь то дружелюбный советчик, экспертноватор или строгий профессионал [5].

Критически важную роль в обеспечении целостности и эффективности коммуникаций играет продвинутая аналитика и data-культура. Использование CRM-систем, инструментов сквозной аналитики, коллтрекинга и технологий Big Data позволяет не только отслеживать эффективность взаимодействия с аудиторией, но и строить точные прогностические модели. Анализ больших данных дает возможность выявить «болевые точки» и инсайты аудитории, понять реальный, а не предполагаемый путь клиента, и своевременно корректировать стратегию, поддерживая согласованность сообщений на всех этапах. Технологии автоматизации маркетинга (Marketing Automation) и динамического контента способствуют глубокой персонализации коммуникаций, не разрушая общего позиционирования бренда, а, наоборот, усиливая релевантность бренда для конкретного пользователя. Искусственный интеллект уже сегодня помогает создавать адаптивные креативы, которые меняются в зависимости от предпочтений аудитории, оставаясь в рамках единой бренд-платформы [3].

ИМК в цифровой среде подразумевают бесшовное объединение всех каналов взаимодействия с потребителем для создания единого и непротиворечивого опыта. Российские бренды все чаще демонстрируют интересные кейсы в этой области, используя как передовые технологии, так и креативные подходы. Несколько ярких примеров представлено ниже:

«Экомилк» – бренд молочной продукции обновил корпоративный сайт, чтобы он лучше отражал ценности компании и привлекал семейную аудиторию. В этом проекте ИМК проявилась в объединении фирменного стиля, пользовательского опыта и технологий. Они провели исследование аудитории, создали удобную структуру сайта и разработали уникальные визуальные элементы. Также сгенерировали оригинальные изображения «счастливых коров» и иллюстрации для рецептов. Все материалы дорабатывались дизайнерами для сохранения фирменного стиля. Появился интерактивный каталог с фильтрацией, подбор рецептов по ингредиентам и интеграция с маркетплейсами для быстрой покупки. Вовлеченность пользователей выросла: время сессии увеличилось на 30 %, а конверсия переходов на маркетплейсы – на 20 %.

«Sибирская коллекция» – бренд премиальных пельменей успешно соединил онлайн и офлайн-активности, чтобы создать эмоциональный ореол вокруг продукта и привлечь молодую аудиторию. Бренд создал лимитированный бальзам для губ со вкусом пельменей. Эта необычная новость мгновенно разлетелась по СМИ, обеспечив более 50 бесплатных публикаций. Также они запустили рекламу на Смарт ТВ с QR-кодом, который вел в чат-бот акции. Главный приз – год уборки квартиры – поддержал идею «ничего не делать, просто наслаждаться пельменями». Кампания охватила около 10 млн. человек, а CTR на ТВ в 2 раза превысил средние показатели для товаров повседневного спроса.

Однако внедрение интегрированных маркетинговых коммуникаций на практике связано с рядом серьезных трудностей и вызовов. Организационная разобщенность подразделений и силосная структура компаний, различия в KPI маркетинговых и PR-служб, где одни ориентированы на лиды, а другие на медийный охват, могут препятствовать формированию единой стратегии. Высокая динамика развития и изменения алгоритмов цифровых платформ требует постоянной адаптации контента, что создает риск отклонения от генеральной линии бренда. Кроме того, критический рост объема информации в цифровом пространстве, развитие AdBlock-технологий и феномен «баннерной слепоты» повышают риск искажения или игнорирования брендингового сообщения [4].

Отдельной и наиболее сложной проблемой является необходимость сочетания стратегической устойчивости и тактической гибкости. С одной стороны, бренд должен сохранять неизменное ценностное ядро, миссию и обещание на протяжении долгого времени, чтобы сформировать доверие. С другой – он обязан мгновенно адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям, культурному контексту, новым трендам и быстро меняющимся предпочтениям аудитории [3]. Именно интегрированный подход, базирующийся на прочном фундаменте бренд-платформы, но использующий гибкие инструменты digital-маркетинга, позволяет обеспечить этот хрупкий баланс между стабильностью и адаптивностью.

Таким образом, интегрированные маркетинговые коммуникации в цифровой среде выступают не просто инструментом продвижения, а комплексной моделью стратегического управления брендом и клиентским опытом. Они обеспечивают согласованность вербальных и визуальных коммуникаций, повышают уровень доверия и лояльности аудитории и способствуют формированию устойчивого долгосрочного конкурентного преимущества. В условиях фрагментации медиапространства, роста влияния пользовательского контента и недоверия к традиционной рекламе именно ИМК позволяют бренду сохранить целостность восприятия, управлять своей репутацией и укреплять рыночные позиции.

Перспективы развития интегрированных коммуникаций неразрывно связаны с дальнейшей цифровизацией бизнес-процессов, расширением возможностей гиперперсонализации и активным внедрением технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. Развитие нейросетей, способных генерировать текстовый и визуальный контент, анализировать тональность высказываний в real-time и прогнозировать вирусный потенциал сообщений, открывает новые горизонты для создания динамических, адаптивных и высокоэффективных брендинговых стратегий [4]. Мы движемся к эпохе «гипер-ИМК», где интеграция достигается не только на уровне планирования, но и на уровне исполнения, где каждый контакт с брендом уникален, но при этом неразрывно связан с общей ДНК бренда.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что формирование единого брендингового сообщения в цифровой среде возможно лишь при условии системного, стратегического подхода к управлению всеми точками контакта. Интегрированные маркетинговые коммуникации перестают быть просто функцией маркетингового отдела и становятся стратегическим ресурсом всей компании, философией ведения бизнеса, ориентированной на потребителя, обеспечивающей устойчивость, узнаваемость и долгосрочную конкурентоспособность в условиях цифровой экономики.

Список литературы

1. Котлер Ф., Келлер К. Маркетинг менеджмент. СПб. : Питер, 2020. 800 с.

2. Шарков Ф. И. Интегрированные коммуникации: реклама, паблик рилейшнз, брендинг. М. : Дашков и К, 2019. 324 с.

3. Ромат Е. В. Реклама. СПб. : Питер, 2021. 512 с.
4. Голубкова Е. Н. Маркетинговые коммуникации. М. : Юрайт, 2020. 344 с.
5. Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика. М. : Дело, 2022. 496 с.

УДК 316.36

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОСТАЛЬГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ

Ольга Павловна Морозова[1],
Дмитрий Викторович Савцов[2],
Владислав Владимирович Сверчков[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]olga_240185@mail.ru
[2]groooot223@gmail.com
[3]sverchkovvladislav@mail.ru

Аннотация. Рассматривается феномен ностальгии как эффективный инструмент современной рекламной коммуникации. Анализируются социокультурные предпосылки популярности ретроэстетик 1990–2000-х гг. в цифровой среде, а также механизмы их интеграции в рекламные стратегии брендов. Особое внимание уделяется влиянию социальных сетей и поп-культуры на формирование ностальгических трендов и их коммерциализацию. Показано, что обращение к прошлому позволяет брендам усиливать эмоциональную вовлеченность аудитории, формировать доверие и выделяться в условиях информационной перегрузки. Делается вывод о том, что ностальгия становится устойчивым коммуникационным инструментом в эпоху фрагментации медиапространства.

Ключевые слова: реклама, ностальгия, ретроэстетика, маркетинговые коммуникации, поп-культура, социальные сети, бренд-стратегия

Современный рекламный рынок функционирует в условиях высокой медиаконкуренции и цифровой фрагментации аудитории. Ежедневно пользователь сталкивается с тысячами рекламных сообщений, что формирует устойчивый эффект «баннерной слепоты» и снижает уровень вовлеченности. Алгоритмические ленты социальных сетей усиливают конкуренцию за внимание, а избыточность контента приводит к сокращению времени контакта с рекламным сообщением. В этих условиях традиционные инструменты убеждения демонстрируют снижение эффективности, что вынуждает бренды искать эмоционально значимые и когнитивно устойчивые способы коммуникации.

Одновременно усиливается кризис доверия к рекламным сообщениям. Потребители, особенно представители поколения Z и молодых миллениалов, критически воспринимают прямые коммерческие посылы и демонстрируют высокую чувствительность к искусственной манипуляции. Это стимулирует переход от рационально-информационных стратегий к эмоционально-символическим моделям воздействия, где ключевым ресурсом становится не столько продукт, сколько переживание, связанное с ним.

В данном контексте ностальгия приобретает статус эффективного коммуникационного инструмента. Обращение к визуальным и культурным кодам

1990–2000-х годов позволяет брендам встроиться в уже существующие эмоциональные сценарии аудитории. Ретро-эстетики, активно циркулирующие в социальных сетях, формируют устойчивые ассоциативные ряды, связанные с безопасностью, простотой и подлинностью. Рекламное сообщение, опирающееся на эти коды, воспринимается менее агрессивно и вызывает более высокий уровень эмоционального отклика.

Популяризация ретро-культуры в цифровой среде создала благоприятную почву для коммерциализации ностальгии. Социальные сети не только распространяют эстетики прошлых десятилетий, но и превращают их в массовый тренд, который бренды могут оперативно интегрировать в визуальную айдентику, упаковку, контент и коммуникационные кампании. Таким образом, ностальгия становится не случайным стилистическим приемом, а стратегическим инструментом позиционирования, позволяющим выделиться в условиях информационной перегрузки и усилить эмоциональную связь с аудиторией [1].

Эффективность ностальгии в рекламной коммуникации обусловлена рядом психологических и медиаповеденческих механизмов, которые усиливают воздействие сообщения в условиях цифровой перегруженности.

Повышение запоминаемости связано с активацией автобиографической памяти и ассоциативных сетей. Ностальгические образы опираются на уже существующие когнитивные структуры: музыкальные фрагменты, визуальные коды интерфейсов, стилистику телепередач или упаковки прошлого. В отличие от нейтрального рекламного сигнала, ретро-элемент не требует создания новой смысловой конструкции – он «подключается» к ранее сформированному опыту. С точки зрения когнитивной психологии это снижает нагрузку на обработку информации и усиливает эффект узнавания, что напрямую коррелирует с ростом показателей recall и recognition. Таким образом, ностальгическая реклама легче извлекается из памяти и формирует более устойчивые бренд-ассоциации.

Снижение когнитивного сопротивления объясняется тем, что ностальгия смещает фокус восприятия с коммерческого намерения на эмоциональное переживание. Рекламное сообщение, встроенное в знакомый культурный контекст, воспринимается как часть общего медиапространства, а не как навязчивый продающий стимул. Эффект психологической защиты от рекламы ослабевает, поскольку аудитория реагирует прежде всего на знакомый образ, а не на попытку убеждения. Ностальгия формирует ощущение доверительности и «своего» кода, тем самым снижая барьеры критической оценки.

Эмоциональная вовлеченность усиливается за счет амбивалентной природы ностальгии как одновременно теплого и слегка меланхоличного чувства. Исследования последних лет показывают, что ностальгические переживания повышают уровень социальной связанности и субъективного благополучия. В рекламном контексте это означает более глубокое эмоциональное включение в коммуникацию. Пользователь не просто фиксирует информацию о продукте, а переживает эмоциональный отклик, связанный с прошлым опытом или культурным мифом об эпохе. Такое состояние увеличивает вероятность лайков, репостов и обсуждений, что особенно важно в социальных сетях, где алгоритмы продвигают контент с высокой вовлеченностью [2].

Отдельного внимания заслуживает визуальный аспект. Ретро-стилистика выделяется в цифровой ленте благодаря контрасту с доминирующей эстетикой минимализма и унифицированного дизайна. Градиенты Y2K, зернистость пленочной фотографии, «стеклянные» интерфейсы начала 2000-х или VHS-эффекты нарушают визуальную однородность контента. Алгоритмическая среда формирует стандартизированные визуальные шаблоны, и любое стилистическое отклонение ав-

томатически привлекает внимание. Ретро-визуал работает как сигнал новизны через обращение к прошлому, создавая эффект парадоксального обновления.

В совокупности данные механизмы демонстрируют, что ностальгия функционирует не как декоративный прием, а как комплексный инструмент психологического и визуального воздействия. Она усиливает запоминаемость, снижает сопротивление аудитории, повышает эмоциональный отклик и обеспечивает заметность сообщения в условиях цифрового шума. Именно эта совокупность факторов делает ностальгию устойчивой стратегией современной рекламной коммуникации.

Ностальгические стратегии в рекламе стали особенно заметными в последние годы благодаря заметному культурному сдвигу: потребители, особенно поколения X, миллениалы и даже поколение Z, демонстрируют повышенную чувствительность к эмоциональным триггерам, связанным с прошлым. Исследования показывают, что прошлые переживания, даже опосредованные медиа, могут усиливать эмоциональную вовлеченность, доверие к бренду и покупательские намерения у современной аудитории, в том числе у тех, кто лично не жил в эпоху, к которой апеллируют бренды [3].

Возвращение старых логотипов и бренд-элементов является одним из базовых способов создать эмоциональную связь через визуальный код. В маркетинговой литературе указывается, что возвращение к знакомому дизайну вызывает чувство принадлежности и комфорта, укрепляя доверие к бренду как к устойчивому культурному артефакту. Когда компании возвращают старые логотипы, шрифты или цветовые схемы, они не просто играют на эстетике – они активируют память марки, что облегчает вовлечение потребителя на эмоциональном уровне.

Ярко ностальгические коды проявляются в ремейках культовых рекламных роликов. Один из запоминающихся примеров – кампания LEGO, где оригинальный рекламный сюжет 90-х был воспроизведен почти кадр в кадр уже в современной версии, включая старую музыку, сюжетные ходы и стилизацию VHS-эффекта. Это позволило повысить вовлеченность в социальных сетях более чем в четыре раза по сравнению с типичным контентом бренда, поскольку аудитория одновременно переживала чувство узнавания и удовольствия от сравнения старого и нового форматов.

Ключевой тренд, который привел к всплеску подобных ремейков, заключается в том, что ностальгические ролики создают эмоциональный мост между поколениями: они напоминают о прошлом старшим потребителям и предлагают «вкус истории» молодым, которым подобные образы знакомы через мемы или ретроспективные видео. Такие ремейки более запоминаются, поскольку они активируют эмоциональную память и усиливают ассоциативные связи с брендом, что подтверждается исследованиями влияния ностальгических элементов на потребительское поведение.

Эстетика Y2K в digital-кампаниях стала гораздо более системной практикой, чем единичная стилизация [4]. В 2025–2026 годах бренды, включая крупные сети ресторанов и потребительские товары, интегрировали визуальные коды Y2K – яркие градиенты, блестки, хромированные эффекты, специфическую типографику и даже элементы интерфейсов ранних 2000-х. Исследования маркетинговых агентств отмечают, что стиль Y2K стал одним из самых мощных визуальных триггеров для вовлечения зумеров и миллениалов: продажи одежды и аксессуаров в этом стиле выросли на около 40 % в 2025 году, демонстрируя переход тренда из моды в коммерческую рекламу [5].

Таким образом, ностальгия работает не как случайная эстетика, а как стратегический инструмент: возвращение старых логотипов активирует узнаваемость

и доверие, ремейки культовых роликов усиливают эмоциональное воздействие, Y2K-эстетика делает рекламу визуально заметной в ленте, а использование поп-культурных образов позволяет связать бренд с более широкой культурной памятью и укрепить эмоциональную связь с аудиторией.

Список литературы

1. Новая ностальгия: почему молодежь помешана на 2000-х. URL: https://wsem.ru/publications/novaya_nostalgiya_pochemu_molodyezh_pomeshana_na_2000_kh_34757/ (дата обращения: 26.02.2026).
2. Новая ностальгия. URL: https://ilim24.ru/articles/novaya_nostalgiya.html (дата обращения: 26.02.2026).
3. Популярность эстетики Y2K в 2025 году. URL: https://vc.ru/marketing/2266167-populyarnost-estetiki-y2k-v-2025-godu (дата обращения: 26.02.2026).
4. Ностальгия по 2000-м: стиль Y2K в веб-дизайне // VC.ru. URL: https://vc.ru/design/2734174-nostalgiya-po-2000-m-stil-y2k-v-veb-dizayne (дата обращения: 26.02.2026).
5. Нулевые возвращаются: как поп-культура, музыка и ТВ из 2000-х снова стали трендом. URL: https://www.mn.ru/smart/nulevye-vozvrashhayutsya-kak-pop-kultura-muzyka-i-tv-iz-2000-h-snova-stali-trendom (дата обращения: 26.02.2026).

УДК 659.4:004.8

ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Маргарита Константиновна Карпова[1], Андрей Алексеевич Князькин[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]karpovamk@mail.ru
[2]angrybirdze@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются современные тенденции развития цифровых коммуникаций в условиях ускоренной технологической трансформации общества. Анализируется влияние искусственного интеллекта на процессы создания, распространения и персонализации информационного контента. Особое внимание уделяется рискам автоматизации коммуникационной деятельности, связанным с достоверностью информации, цифровой этикой и защитой персональных данных. Рассматриваются изменения профессиональных функций специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью под воздействием интеллектуальных алгоритмов. Делается вывод о необходимости сочетания технологического развития с правовыми и этическими механизмами регулирования.

Ключевые слова: цифровые коммуникации, искусственный интеллект, технологическая трансформация, цифровая среда, информационные риски, автоматизация

Современная коммуникационная среда развивается в условиях постоянного технологического обновления, при котором цифровые инструменты становятся базовым механизмом социального взаимодействия. Если ранее цифровые каналы

рассматривались как дополнительный формат передачи информации, то в настоящее время они фактически формируют самостоятельную инфраструктуру общественной коммуникации, определяя способы восприятия, интерпретации и распространения сообщений.

Развитие цифровых коммуникаций напрямую связано с изменением логики информационного обмена. Социальные сети, платформенные сервисы, мобильные приложения и облачные технологии создали новую модель коммуникационного поведения, где скорость реакции аудитории становится сопоставимой со скоростью генерации контента. В таких условиях значительное место занимает искусственный интеллект как технология, обеспечивающая автоматизированную обработку больших массивов данных.

Для сферы рекламы и связей с общественностью подобные инструменты стали частью повседневной профессиональной практики. Алгоритмы используются при анализе эффективности публикаций, выборе каналов продвижения, разработке коммуникационных стратегий и автоматизированной генерации текстового содержания. В результате специалист получает возможность быстрее адаптировать информационное сообщение под конкретную аудиторию.

Одновременно расширение автоматизированных решений приводит к изменению самой структуры профессиональной деятельности. Если ранее основное внимание уделялось непосредственному созданию контента, то сегодня возрастает значение аналитической оценки цифровых рисков, проверки корректности автоматически сформированных данных и контроля репутационных последствий.

Если говорить о повседневных функциях искусственного интеллекта, то одним из наиболее видимых проявлений можно назвать его домашнее использование в виде различных устройств. Самыми распространенными из них являются голосовые помощники (Алиса от «Яндекса», Маруся от VK, Салют от «Сбера», Siri, Google Assistant и т.п.), посредством которых можно находить различную информацию, управлять домашней автоматикой, делать заказы и др. Другими словами, благодаря технологиям искусственного интеллекта интуитивность и удобство использования домашних устройств значительно повысились [6, с. 109–110].

Одной из наиболее обсуждаемых проблем является снижение прозрачности происхождения цифрового контента. Пользователь не всегда способен определить, создан ли материал человеком либо сформирован при помощи генеративной модели. В условиях высокой скорости распространения информации это влияет на доверие к источнику и усложняет идентификацию авторства.

В современных исследованиях медиасферы отмечается, что именно прозрачность происхождения информации становится ключевым фактором цифрового доверия. В 2025 г. российские исследователи подчеркивают, что аудитория все чаще реагирует на наличие признаков машинной генерации текста и ожидает дополнительного подтверждения достоверности публикаций [5, с. 143].

Проблема достоверности особенно заметна при автоматическом создании новостного и аналитического контента. Генеративные системы способны формировать тексты, соответствующие формальным требованиям структуры и логики, однако при этом сохраняется вероятность фактических ошибок, некорректного переноса контекста и появления смысловых искажений.

В коммуникационной практике даже единичная фактическая ошибка может многократно воспроизводиться в цифровой среде, поскольку публикация быстро копируется, цитируется и адаптируется другими платформами. Это усиливает значимость редакторского контроля и экспертной проверки содержания материалов до их распространения [4, с. 15].

Серьезным направлением анализа остается использование персональных данных в процессе алгоритмической сегментации аудитории. Современные цифровые сервисы собирают информацию о запросах, поведенческих паттернах, времени активности, геолокации и предпочтениях пользователей. На основе этих данных строятся индивидуальные коммуникационные профили.

Высокая степень персонализации позволяет существенно повысить эффективность коммуникационного воздействия, однако одновременно усиливает правовые риски. Возникает необходимость точного определения допустимых пределов обработки данных, условий хранения информации и процедур получения согласия пользователя [2, с. 91].

Для юридического анализа особое значение имеет вопрос распределения ответственности за материалы, созданные с участием интеллектуальных алгоритмов. При автоматизированной генерации текста возникает сложность в определении субъекта, который несет ответственность за содержание публикации, возможное нарушение законодательства либо распространение недостоверной информации.

Современная правоприменительная практика пока сохраняет традиционный подход: алгоритм рассматривается как технический инструмент, а ответственность возлагается на лицо, инициировавшее публикацию. Однако с ростом автономности алгоритмических решений данный подход требует дальнейшего научного уточнения.

Дополнительный научный интерес представляет влияние интеллектуальных технологий на медиапроизводство в журналистике. Российские исследования 2024 года показывают, что автоматизированные решения все чаще применяются при подготовке информационных подборок, первичной обработке новостных сообщений и мониторинге информационной повестки [1, с. 255].

При этом исследователи отмечают наличие профессионального противоречия: ускорение информационных процессов сопровождается необходимостью постоянного контроля качества содержания. Чем выше скорость цифрового производства, тем выше риск утраты смысловой точности.

Особое внимание уделяется также вопросу изменения профессиональной идентичности специалиста в сфере коммуникаций. В современных условиях возрастает роль навыков критической оценки цифрового контента, умения корректировать автоматически созданный материал и учитывать социальный контекст коммуникации.

В 2024 г. в исследованиях российского медиадискурса подчеркивается, что обсуждение технологических инноваций в СМИ все чаще сопровождается темой нормативных ограничений и этической допустимости использования интеллектуальных систем [7, с. 747].

Для специалистов в сфере связей с общественностью это означает необходимость сочетания технологической компетентности с правовой грамотностью. Уже недостаточно владеть только инструментами продвижения – требуется понимание границ допустимого цифрового воздействия.

Современная практика цифрового взаимодействия показывает, что дальнейшее развитие коммуникационных технологий будет сопровождаться не только расширением технических возможностей, но и усложнением механизмов регулирования информационного пространства. По мере усиления алгоритмического участия в распространении сообщений возрастает зависимость общественной коммуникации от внутренних принципов функционирования цифровых платформ. В результате формируется ситуация, при которой информационная повестка определяется не исключительно содержанием сообщений, а также особенностями программной сортировки, ранжирования и повторного распространения

цифрового контента. Для специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью это означает необходимость постоянного учета платформенной логики при построении коммуникационной стратегии и оценке возможных репутационных последствий [3, с. 18].

Дополнительно следует учитывать, что развитие цифровых коммуникаций в ближайшей перспективе будет связано с усилением требований к правовой определенности использования интеллектуальных алгоритмов в публичной сфере. Особенно это касается вопросов авторства, юридической ответственности за распространение автоматизированно сформированных сообщений и соблюдения норм информационной этики. При отсутствии единых подходов к регулированию данных процессов сохраняется риск возникновения правовых коллизий, связанных с определением субъекта ответственности в цифровом взаимодействии [7, с. 752].

Таким образом, эволюция цифровых коммуникаций представляет собой комплексное изменение всей системы общественного взаимодействия. Интеллектуальные алгоритмы становятся важным инструментом коммуникации, однако их использование требует постоянного профессионального контроля, правового сопровождения и этической оценки.

Список литературы

1. Белоедова А. В., Романова В. П. Искусственный интеллект в рекламе: технологические и правовые вызовы // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 3. С. 255–265.

2. Бутенко Н. В. Правовое регулирование цифровой среды. Минск : БГУ, 2022. 274 с.

3. Вартанова Е. Л. Информационное общество. М. : Аспект Пресс, 2022. 320 с.

4. Давыдов С. Г., Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2023. № 5. С. 3–21.

5. Зорина В. А. Искусственный интеллект в журналистике: библиометрический анализ публикационной активности // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30, № 1. С. 143–160.

6. Питерова А. Ю. Искусственный интеллект как феномен современного общественного развития (социологический аспект) // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13, № 3 (51). С. 108–120.

7. Пузанова Ж. В., Тертышникова А. Г., Павлова У. О. Технологический дискурс в российских СМИ: основные стратегии в репрезентации искусственного интеллекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3. С. 747–763.

УДК 316

ЯЗЫК ИНКЛЮЗИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ФОРМУЛИРОВОК НА ВОСПРИЯТИЕ АУДИТОРИИ

Максим Алексеевич Борисов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

penza.1663.09.14@gmail.com

Аннотация. Рассматривается влияние языковых формулировок на восприятие людей с инвалидностью в публичной, образовательной, профессиональной и медийной

коммуникации. Показано, что язык в данной сфере либо снижает социальную дистанцию и поддерживает включение, либо закрепляет жалость, стигму и символическое исключение. Особое внимание уделено различию между инклюзией и интеграцией, проблеме ярлыков, покровительственных эвфемизмов и речевых моделей, сводящих человека к диагнозу или ограничению. Анализируются person-first и identity-first формулировки, а также границы уместности термина «ограниченные возможности здоровья» в коммуникации о людях с инвалидностью. Делается вывод, что инклюзивная коммуникация требует не внешней «политкорректности», а точности, уважения, учета самообозначения и отказа от формулировок, воспроизводящих неравенство.

Ключевые слова: инклюзивная коммуникация, инвалидность, люди с инвалидностью, стигма, person-first language

В рекомендациях Управления ООН в Женеве прямо сказано, что слова имеют значение, поскольку формируют восприятие мира, а некорректный язык способен исключать, оскорблять и становиться препятствием для полноценного участия [5]. Следовательно, инклюзивная коммуникация в контексте инвалидности – это не вопрос моды и не второстепенный этикет, а элемент социальной среды. В российском правовом поле такая логика согласуется с Федеральным законом № 181-ФЗ, который связывает социальную защиту инвалидов с обеспечением равных возможностей участия в жизни общества [10].

В этом контексте принципиально важно различать интеграцию и инклюзию. Интеграция предполагает приспособление человека к уже существующему порядку, тогда как инклюзия означает изменение самой среды так, чтобы участие было возможно для всех. В disability-inclusive guidelines ООН эта разница сформулирована предельно четко: интеграция – это попытка «вписать» человека в общество, а инклюзия – изменение общества с учетом разнообразия людей и их способов участия [5]. В российской научной литературе такой переход также связывается с категорией человеческого достоинства: ценность человека определяется не его «соответствием норме», а включенностью в социальные практики [1]. Поэтому язык инклюзии не должен требовать от человека с инвалидностью соответствовать «норме по умолчанию». Напротив, он должен признавать разнообразие человеческого опыта и не воспроизводить представление о том, что отступление от условной нормы делает человека вторичным.

Одним из главных источников речевой дискриминации остается традиционная медицинская и благотворительная риторика. Когда инвалидность описывается как исключительно личная трагедия, дефект или бремя, человек автоматически перестает восприниматься как самостоятельный участник общественной жизни. ООН отдельно подчеркивает, что инвалидность не следует представлять как болезнь, которую нужно «исправить», и что язык жалости и патернализма воспроизводит неравенство [5]. В том же документе указывается, что выражения вроде «страдает от», «прикован к коляске», «жертва ДЦП», «героически преодолел инвалидность» создают образ беспомощности, постоянного страдания или исключительности там, где речь должна идти о повседневной жизни, правах и доступе [5]. Таким образом, проблема состоит не только в отдельных словах, но и в самой модели высказывания: человек оказывается либо объектом жалости, либо объектом восхищения, но не равным субъектом коммуникации.

Именно поэтому базовой для официальной и публичной речи остается person-first логика: сначала называется человек, а затем – характеристика, если она вообще релевантна. В рекомендациях ООН этот подход описан как наиболее распространенный и нормативный для официальной коммуникации: persons with disabilities, children with albinism, women with intellectual disabilities [5]. Такой порядок слов важен не формально, а содержательно: он возвращает в центр

высказывания человека, а не ограничение. В русскоязычном пространстве та же идея закреплена и в глоссарии ПРООН, где подчеркивается, что переход от слова «инвалид» к формуле «человек с инвалидностью» связан не с эвфемизацией, а с уважением к достоинству личности и с отказом от представления о человеке как о «неполноценном» [2]. В российской правовой дискуссии также отмечается, что нормативная допустимость термина «инвалид» не отменяет необходимости учитывать модель инвалидности и коммуникативную цель текста [6].

При этом из этого правила не следует делать механический догматизм. Те же рекомендации ООН оговаривают исключения: применительно к некоторым группам допустимы формы blind person, deaf person, deafblind person, поскольку такие самоназвания укоренены в идентичности соответствующих сообществ [5]. Современные исследования по аутизму также показывают, что универсальной формулы не существует. В работе A. Taboas, K. Doepke и C. Zimmerman значительная часть участников аутистского сообщества отдавала предпочтение identity-first формам, тогда как представители профессиональной среды чаще выбирали person-first language [13]. Следовательно, в корректной коммуникации важно не механически навязывать одну модель, а учитывать самообозначение конкретного человека или сообщества, если оно известно.

Для русскоязычного пространства особенно важна проблема терминов «ОВЗ», «ограниченные возможности» и «особые потребности». Именно здесь часто возникает подмена инклюзивной коммуникации внешне мягкими, но неточными формулировками. Само появление формулы «ограниченные возможности здоровья» в российском законодательном поле связано с Федеральным законом от 30.06.2007 № 120-ФЗ [9]. В глоссарии ПРООН подробно показано, что выражение «человек с ограниченными возможностями здоровья» в определенный период рассматривалось как более корректная альтернатива старым обозначениям, однако позднее стало критиковаться, поскольку формирует стереотипный образ больного человека и смещает акцент на дефицит [2]. Аналогично термин «человек с особыми потребностями» был признан не вполне точным, поскольку у людей с инвалидностью те же базовые потребности, что и у остальных; особыми должны быть не потребности, а условия среды [2]. Управление ООН в Женеве также прямо относит special needs и special assistance к нежелательным формулировкам, так как они имеют покровительственный и стигматизирующий оттенок [5].

По этой причине термин «ОВЗ» уместен только там, где он используется как специальная административно-образовательная категория, закрепленная в законодательстве об образовании [11]. Но в широкой медийной, социальной и публичной коммуникации подменять им выражение «люди с инвалидностью» некорректно. Такая подмена размывает смысл, смешивает разные категории и фиксирует внимание на недостатке, а не на барьерах среды. В обычной речи это словосочетание звучит обезличенно и бюрократически. Российские исследования терминологии инвалидности показывают, что выбор между словами «инвалид», «человек с инвалидностью» и «человек с ОВЗ» должен определяться не привычкой, а моделью инвалидности и точностью высказывания [6]. Если в тексте речь идет именно о правах, доступной среде, дискриминации, репрезентации или участии в общественной жизни, точнее говорить о людях с инвалидностью, а не о «лицах с ОВЗ». Тем самым выбор термина становится вопросом смысловой точности, а не только стилистики.

Следующий важный риск – редукция человека к диагнозу. Ярлыки вроде «аутист», «колясочник», «шизофреник», «даун», «эпилептик» кажутся многим речевой экономией, но фактически они превращают характеристику в имя человека. Это особенно опасно в профессиональной среде, где подобная лексика быстро

становится привычной и перестает восприниматься как стигматизирующая. Между тем исследование D. H. Granello и S. R. Gorby показало, что даже у консультантов и студентов-консультантов использование выражения schizophrenics вместо people with schizophrenia связано с более жесткими, авторитарными и социально дистанцированными установками [12]. Значит, язык влияет не только на внешний тон сообщения, но и на профессиональное отношение к человеку. То, как специалист называет клиента, пациента, обучающегося или участника программы, связано с тем, видит ли он в нем личность или диагноз.

Эта же закономерность проявляется и в более широком социальном восприятии. Исследование L. H. Yang и соавторов показало, что обозначения, связанные с риском психоза, влияют на ожидания опасности и степень социальной дистанции, а предоставление контекста и корректной информации снижает негативный эффект ярлыка [14]. Для коммуникации об инвалидности отсюда следует принципиальный вывод: стигма формируется не только за счет грубых оскорблений, но и за счет систематического употребления названий, которые делают состояние центральной и исчерпывающей характеристикой человека. Если аудитория слышит только диагноз, она перестает видеть опыт, навыки, интересы и право человека на самостоятельное участие.

Не менее вредна и противоположная стратегия – героизация инвалидности. В международных рекомендациях специально оговаривается, что людей с инвалидностью не следует изображать как «сверхчеловеческих», исключительно «храбрых» и «вдохновляющих» только потому, что они живут обычной жизнью, учатся, работают или добиваются результата [5]. На первый взгляд такая речь кажется позитивной, однако она закрепляет скрытую норму: будто бы для человека с инвалидностью сама повседневность уже является подвигом. Российские исследования медийной репрезентации подтверждают, что жалостливая и патерналистская модель описания инвалидности продолжает воспроизводиться в СМИ и формирует образ беспомощности, тогда как более субъектное и повседневное представление людей с инвалидностью лучше работает на социальную инклюзию [4, 7]. Подобная подача особенно распространена в СМИ и благотворительных историях, где герой текста существует либо как «несчастный нуждающийся», либо как «победитель вопреки всему». Обе модели искажают реальность, потому что не показывают человека как участника обычной социальной жизни и не переводят внимание к вопросу барьеров, доступности и прав.

Язык инклюзии требует также отказа от снисходительных эвфемизмов. Формулы «особенный ребенок», «солнечный человек», «человек не как все», «с ограничениями, но с огромным сердцем» часто воспринимаются как доброжелательные, однако в действительности они маскируют дистанцию. ООН прямо указывает, что euphemisms вроде differently abled, people of all abilities или special person не решают проблему, а только смягчают ее внешне, сохраняя патерналистский взгляд [5]. Русскоязычный глоссарий ПРООН делает тот же вывод: уважительный язык не должен подменять реальность красивыми заменами, потому что такие замены нередко скрывают страх прямого разговора об инвалидности как об одной из форм человеческого разнообразия [2]. Кроме того, российские исследования языковых репрезентаций в СМИ показывают, что сама модель описания человека с ограниченными возможностями задает социальную рамку восприятия – от медицинской к социальной [3]. Иначе говоря, инклюзивная коммуникация – это не уход от слова «инвалидность», а корректное, точное и неуничижительное его употребление в тех случаях, когда оно действительно релевантно.

С практической точки зрения особенно важно, чтобы инклюзивный язык не сводился к набору запретов. Его задача – не просто исключить «плохие слова»,

а перестроить всю логику высказывания. Если журналист пишет о победе человека в конкурсе, инвалидность не должна становиться центральной темой только ради эмоционального эффекта. Если преподаватель сообщает о доступных форматах обучения, он должен говорить о поддержке, адаптации и правах, а не о «проблемных» студентах. Если учреждение публикует объявление, ему следует писать о доступной среде, сопровождении, ассистивных технологиях и вариантах участия, а не об «особых» посетителях. В рекомендациях ООН специально подчеркивается, что даже такие слова, как help, needs и integration, в контексте инвалидности несут разные смысловые нагрузки: предпочтительнее support, assistance, requirements и inclusion, потому что они не изображают человека зависимым и не делают участие односторонней уступкой со стороны «нормального» большинства [5].

Отсюда вытекает еще один важный вывод для языка об ОВЗ и инвалидности в образовании. Проблема инклюзии заключается не в том, что у отдельных обучающихся есть «особые» свойства, а в том, что образовательная среда часто построена под усредненного участника. Поэтому корректная коммуникация должна акцентировать не исключительность ребенка или студента, а обязанность системы обеспечить доступ. Когда говорится, что кому-то нужна адаптированная программа, доступный формат, материалы Брайлем, сурдоперевод, тьюторское сопровождение или безбарьерная навигация, это не просьба о снисхождении, а описание условий реализации права на образование. Такой сдвиг языка меняет и саму педагогическую логику: не человек «не вписывается» в систему, а система должна быть организована так, чтобы разные люди могли участвовать в ней на равных основаниях [5, 2, 8, 11].

Таким образом, влияние формулировок на восприятие аудитории в контексте инвалидности носит не декоративный, а структурный характер. Слова определяют, увидит ли аудитория в человеке с инвалидностью равного участника общения или объект описания, помощи, контроля, жалости и символического дистанцирования. Корректная инклюзивная коммуникация строится на нескольких принципах: человек не сводится к диагнозу; инвалидность упоминается только тогда, когда она релевантна теме; избегаются ярлыки, драматизация, героизация и эвфемистическая покровительственность; различаются интеграция и инклюзия; учитывается право сообщества и самого человека на самообозначение. Поэтому вопрос языка – это вопрос не только культуры речи, но и качества социальной политики, образования, медиа и профессиональной практики. Чем точнее и уважительнее формулировки, тем меньше вероятность того, что сама коммуникация станет еще одним барьером для людей с инвалидностью.

Список литературы

1. Афонькина Ю. А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 11 (55). P. 149–162.

2. Глоссарий ключевых терминов в области инвалидности. Бишкек : ПРООН, 2023. 56 с.

3. Курбанов И. А., Носкова С. Г. Социальная модель в языковых репрезентациях человека с ограниченными возможностями в российском и американском дискурсах СМИ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (183). С. 25–31.

4. Маргулян Я. А., Рочева Я. С., Шавонин А. Л. Формирование положительного образа людей с инвалидностью в современных российских СМИ как основа их социальной инклюзии // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 73–85.

5. ООН (Женева). Правильно об инвалидности: советы и рекомендации. URL: https://www.ungeneva.org/ru/about/accessibility/disability-inclusive-language (дата обращения: 08.04.2026).

6. Рочева Я. С., Свинцов А. А., Радуто В. И. Термин «инвалид» с позиций современной модели инвалидности // Социальное и пенсионное право. 2021. № 2. С. 38–44.

7. Рочева Я. С., Шавонин А. Л., Шадрин А. А., Шевердина С. В. Репрезентация инвалидов в федеральных СМИ (по материалам контент-анализа) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 2. С. 64–77.

8. Тугуш З. Р. Инклюзивная культура: современное состояние и тенденции развития // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2021. Т. 11, № 8.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья : федер. закон № 120-ФЗ от 30.06.2007. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69387/ (дата обращения: 08.04.2026).

10. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон № 181-ФЗ от 24.11.1995. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 08.04.2026).

11. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 08.04.2026).

12. Granello D. H., Gorby S. R. It’s Time for Counselors to Modify Our Language: It Matters When We Call Our Clients Schizophrenics Versus People with Schizophrenia // Journal of Counseling & Development. 2021. Vol. 99, № 4. P. 452–461.

13. Taboas A., Doepke K., Zimmerman C. Preferences for identity-first versus person-first language in a US sample of autism stakeholders // Autism. 2023. Vol. 27, № 2. P. 565–570.

14. Yang L. H., Anglin D. M., Wonpat-Borja A. J. [et al.]. Public stigma associated with psychosis risk syndrome in a college population: implications for peer intervention // Psychiatric Services. 2013. Vol. 64, № 3. P. 284–288.

УДК 316.7

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА УХОДА И СТАНДАРТЫ КРАСОТЫ

Кисханум Рашидовна Муртузалиева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

telepuz_05@icloud.com

Аннотация. В современной культуре уход за кожей перестал быть только гигиенической практикой и превратился в социальный маркер, свидетельствующий о соответствии человека общепринятым нормам. На основе идей Ж. Бодрийяра, М. Фуко и Х. Арендт показано, что косметические ритуалы выполняют символическую функцию и встраиваются в механизмы биовласти, формируя унифицированные стандарты внешности. Распространение таких стандартов, в частности через индустрию K-beauty и цифровые медиа, приводит к нивелированию индивидуальных особенностей и может рассматриваться как форма скрытого социального давления. С позиции биоэтики, опирающейся на принцип «не навреди», подобная унификация требует пересмотра ответственности производителей и маркетологов. В заключение предлагается альтернативная модель заботы о себе, ориентированная на осознанное отношение к телу и учет индивидуальных потребностей.

Ключевые слова: забота о себе, косметика, биовласть, стандарты красоты, биоэтика

В XXI веке косметика и уход за кожей выполняют не только практическую, но и символическую функцию. То, что раньше было связано в первую очередь со здоровьем, стало частью повседневной самопрезентации. Через уход за внешностью человек демонстрирует соответствие определенным социальным ожиданиям.

В результате «забота о себе» все чаще воспринимается как условие социальной нормальности. Косметические средства – кремы, сыворотки, процедуры – становятся знаками успешности, самоконтроля и «правильного» отношения к себе. Уход за внешностью постепенно выходит за рамки медицины и превращается в элемент культурной нормы.

Жан Бодрийяр отмечал, что в обществе потребления вещи приобретаются не столько ради пользы, сколько ради их символического значения [3]. В этом контексте косметика становится знаком принадлежности к определенному стилю жизни. Уход за собой выступает способом показать соответствие норме. Это проявляется, например, в распространенной практике демонстрации уходовых рутин и косметических средств в социальных сетях, где они выступают элементом самопрезентации.

Схожим образом Мишель Фуко рассматривал практики «заботы о себе» как связанные с механизмами власти и знания [8]. В современном обществе контроль над телом осуществляется не через прямое принуждение, а через нормы, которые человек принимает как свои. В этом смысле косметический уход можно рассматривать как элемент биополитики – способа регулирования через стандарты внешности. Человек стремится им соответствовать, считая это собственным выбором. В частности, исследования использования Instagram (запрещенная в России социальная сеть; принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации) показывают, что просмотр контента, связанного с внешностью, коррелирует со снижением удовлетворенности телом. Этот эффект опосредуется механизмом социального сравнения с инфлюенсерами, чьи изображения задают стандарты «нормальной» внешности [9].

Следуя современной типологии телесных практик, подобные ритуалы можно отнести к практикам трансформации тела – целенаправленным действиям по изменению внешности в соответствии с социокультурными нормами [6]. В отличие от естественных процессов, они предполагают осознанное применение техник и технологий, ориентированных на конструирование «приемлемой» внешности.

Стандартизация особенно заметна в современных тенденциях красоты. Примером служит корейская косметика (K-beauty), ставшая глобальным трендом благодаря социальным сетям и визуальной культуре [11]. Многоступенчатые схемы ухода преподносятся как универсальные, подходящие всем. Как отмечают исследователи, этот феномен отражает более широкий процесс формирования «конвенциальной красоты» – стандартизированного и общепринятого на определенный период времени идеала, который складывается под влиянием глобализации и цифровых медиа [1].

Однако это лишь часть более широкой тенденции. В современной культуре закрепляются визуальные стандарты, транслируемые через социальные сети и индустрию красоты: идеал безупречно гладкой кожи, акцент на «естественной» внешности и установка на предотвращение признаков старения. Исследования показывают, что такие нереалистичные образы, усиленные цифровыми технологиями редактирования, могут вести к неудовлетворенности собственной внешностью, тревожности и даже социальной изоляции [9]. Эти образы формируют пред-

ставление о «нормальной» внешности и задают ориентиры для практик ухода. Отечественные эмпирические исследования подтверждают влияние социальных сетей на восприятие внешности. Так, в исследовании Н. В. Батуриной и О. А. Зацепиной показано, что просмотр изображений из Instagram (запрещенная в России социальная сеть; принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации), соответствующих идеалам красоты, приводит к статистически значимому снижению удовлетворенности собственной внешностью у молодых женщин [2]. Кроме того, исследования российских социологов показывают наличие взаимосвязи между уровнем активности в социальных сетях и самооценкой внешнего облика: чем активнее пользователь вовлечен в визуальную коммуникацию, тем значимее для него становится внешний вид как компонент самооценки [5].

В результате создается впечатление, что существует «правильный» способ заботы о себе, одинаковый для всех. Индивидуальные особенности при этом отходят на второй план. Уход за телом превращается в стремление соответствовать внешнему образцу.

С биоэтической точки зрения распространение универсальных стандартов красоты требует оценки не только с позиции физической безопасности продукции, но и с точки зрения потенциального психологического и социального вреда. Ключевой принцип биоэтики «не навреди» [4] предполагает обязанность избегать не только прямого, но и косвенного ущерба. В контексте индустрии красоты это означает, что навязывание универсальных схем ухода, не учитывающих индивидуальные особенности, может рассматриваться как форма скрытого давления, ведущая к росту неудовлетворенности внешностью, тревожности и зависимости от ритуалов «исправления» тела. Особенно показательно, что подобные эффекты фиксируются не только на западных, но и на российских выборках [2, 5].

При этом такой вред редко является результатом злого умысла. Как показала Ханна Арендт в концепции «банальности зла» [7], негативные последствия могут возникать из некритического следования устоявшимся нормам и рыночной логике. Производители, маркетологи и инфлюэнсеры, воспроизводя универсальные стандарты красоты, действуют в рамках привычных бизнес-моделей, где приоритетом становится максимизация охвата аудитории. Вопросы о последствиях унификации для самооценки или о необходимости индивидуального подхода остаются на периферии. Так формируется «этическая слепота»: вред воспроизводится системно, но без явного намерения.

Применение принципа «не навреди» требует пересмотра ответственности участников индустрии красоты. Этически обоснованная практика предполагает отказ от универсальных «решений» в пользу вариативности, прозрачного информирования о возможностях и ограничениях косметических средств, а также уважения к телесной индивидуальности. Без такого пересмотра «забота о себе» рискует окончательно превратиться в форму скрытого социального принуждения, при которой уход за телом утрачивает связь с личными потребностями.

Современная культура ухода демонстрирует, что «забота о себе» все чаще конструируется как социальная норма, подменяющая личную практику. Косметика при этом выступает не только утилитарным средством, но и инструментом формирования стандартов внешности. Проблема заключается не в самом уходе, а в его унификации: когда забота о себе сводится к соответствию внешним образцам, она теряет связь с индивидуальными особенностями и этическим измерением.

Показательно, что эмпирические исследования фиксируют влияние цифровой среды на восприятие собственного тела: даже кратковременный отказ от социальных сетей способен приводить к повышению удовлетворенности внешно-

стью, что свидетельствует о значимой роли медиапространства в формировании этих стандартов [10].

Критическое осмысление этих процессов, опирающееся на биоэтические принципы, позволяет сформулировать альтернативную модель. В ее основе – отказ от универсальных схем, признание вариативности телесных практик [3] и возвращение к пониманию заботы как осознанного, а не навязанного отношения к себе.

Список литературы

1. Агафонова И. В., Изакова Н. Б., Акберов К. Ч., Шураев И. А. Маркетинговые аспекты трансформации стандартов красоты в современной бьюти-индустрии // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5 (55). С. 473–477.

2. Батурина Н. В., Зацепина О. А. Влияние социальной сети Instagram на восприятие образа тела у молодых женщин // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 7. С. 57–61.

3. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика ; Культурная революция, 2006. 268 с.

4. Игнатьев В. Н. Принципы биомедицинской этики (рец. на кн.: Beauchamp T. L., Childress J. F. Principles of Biomedical Ethics) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8, Науковедение. 1997. № 2. С. 27–38.

5. Капитанова Е. В. Самооценка внешнего облика пользователей Instagram с разной степенью активности в социальной сети // Общение в эпоху конвергенции технологий : сб. науч. тр. М., 2022. С. 362–364.

6. Пронькина А. В. Практики тела и телесные практики: опыт определения феноменологических границ // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11.

7. Arendt H. // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/arendt/ (дата обращения: 03.04.2026).

8. Gutting G., Oksala J. Michel Foucault // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. 2022. URL: https://plato.stanford.edu/entries/foucault/ (дата обращения: 03.04.2026).

9. Pedalino F., Camerini A. L. Instagram use and body dissatisfaction: the mediating role of upward social comparison with peers and influencers among young females // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, № 3.

10. Smith O. E., Mills J. S., Samson L. Out of the loop: taking a one-week break from social media leads to better self-esteem and body image among young women // Body Image. 2024. Vol. 49.

11. Wang L., Lee J. H. The impact of K-beauty social media influencers, sponsorship, and product exposure on consumer acceptance of new products // Fashion and Textiles. 2021. Vol. 8, № 1.

РАЗДЕЛ 10

РЕКЛАМА И PR В ЭПОХУ ФРАГМЕНТАЦИИ АУДИТОРИИ: НЕЙРОМАРКЕТИНГ, ИНФЛЮЕНСЕРЫ, СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

УДК 316.36

АУТЕНТИЧНОСТЬ ПРОТИВ ОХВАТА: PR-СТРАТЕГИЯ БРЕНДОВ ПО ВЫБОРУ ИНФЛЮЕНСЕРОВ ДЛЯ РАБОТЫ С НИШЕВЫМИ СЕГМЕНТАМИ

Ольга Павловна Морозова[1],
Никита Михайлович Дергачев[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]olga_240185@mail.ru
[2]boomik2000@mail.ru

Аннотация. Рассматривается дилемма современных брендов при выборе инфлюенсеров для работы с нишевыми сегментами аудитории: приоритет аутентичности или максимального охвата при PR-стратегии. Анализируется соотношение показателей вовлеченности, доверия и глубины коммуникации, с одной стороны, и масштабности аудитории и медийного присутствия, с другой. Показано, что в условиях фрагментации цифрового пространства и роста ценности микрососообществ аутентичность становится ключевым фактором эффективности коммуникации. Одновременно выявляются ограничения стратегии узкого позиционирования, связанные с масштабированием бренда и достижением рыночных показателей. Делается вывод о необходимости гибридной модели отбора инфлюенсеров, сочетающей охватные инструменты и работу с нишевыми лидерами мнений.

Ключевые слова: digital-PR, инфлюенсер-маркетинг, аутентичность, охват аудитории, нишевые сегменты, доверие, цифровые коммуникации, бренд-стратегия, вовлеченность

В условиях цифровизации общества и развития медиасреды стратегии связей с общественностью переживают существенную трансформацию. Цифровые изменения коммуникационной среды привели к изменению логики и ключевых принципов взаимодействия брендов с аудиторией. Социальные сети превратились в инструмент формирования доверия, лояльности и потребительских установок. В сложившихся условиях инфлюенсер-маркетинг становится одним из ключевых инструментов продвижения, а выбор лидера мнений – стратегическим решением, определяющим эффективность коммуникации.

Инфлюенсеры выступают как посредники между брендом и аудиторией, создавая эмоциональную и контекстуальную связь. Работа с инфлюенсерами стала важной частью digital-PR. Инфлюенсеры задействуются в PR-стратегиях:

– для размещения нативной рекламы (рассказов, сторис, постов, обзоров);

– проведения совместных розыгрышей и челленджей с брендом;

– создания коллаборационного контента (видео, стримы, подкасты);

– запуска вирусных кампаний и трендов;

– поддержки репутации: деликатное освещение личных качеств;

– достижений, истории бренда [4].

В 2022 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и продюсерский центр Insight People провели совместное исследование восприятия блогосферы и блогеров среди жителей России. Выяснилось, что каждый пятый россиянин доверяет информации от блогеров, а больше трети жителей страны регулярно используют социальные сети. Совместное исследование проводилось среди 1,6 тыс. респондентов различных половозрастных групп из городов и населенных пунктов России с населением от 10 тыс. до нескольких миллионов человек. По данным опроса было установлено, что в восприятии блогеров среди россиян наблюдается положительная динамика. Уровень доверия к блогерам растет не только со стороны молодой аудитории, но и со стороны бизнеса, который все активнее использует в продвижении инструменты influence-маркетинга [5].

PR-показатели, которые позволяют оценить эффективность:

– рост упоминаний бренда,

– повышение доверия и лояльности аудитории,

– увеличение охвата и трафика на цифровые площадки, - органичный прирост подписчиков и вовлеченности,

– улучшение имиджа за счет эмоционального отклика.

Современная медиасреда характеризуется фрагментацией и раздробленностью аудитории и формированием множества нишевых сообществ. Если в эпоху традиционных медиа доминировал принцип максимального охвата, то есть на количественные характеристики, то цифровая эпоха акцентирует свое внимание на качество взаимодействия. Как отмечает Ф. Котлер, маркетинг в цифровой среде строится вокруг доверия и вовлеченности, а не исключительно вокруг количественных показателей [1, с. 45]. Именно в подобной ситуации охват перестает быть основным критерием оценки.

Бренд перед собой ставит ряд вопросов: сотрудничать с крупным и медийным инфлюенсером, обладающим многомиллионной аудиторией, или сделать ставку на нишевого лидера мнений, чья аудитория меньше по объему, но выше по уровню доверия и лояльности. Часто маркетинговый подход ориентирован на количественные метрики, к примеру: просмотры, подписчики и потенциальный охват, но иногда практика показывает, что масштаб часто не гарантирует результативность. К примеру, в исследованиях влияния лидеров мнений подчеркивается, что «аудитория воспринимает рекомендации инфлюенсера как личный совет, если между ними сформирована устойчивая эмоциональная связь» [2, с. 73]. Именно это чувства сопричастности лежит в основе феномена «аутентичности». Аутентичный инфлюенсер воспринимается как «свой» внутри сообщества, а его рекламная интеграция – как дружеский совет, а не как навязчивая коммерческая коммуникация.

Сама по себе аутентичность формируется через последовательность позиционирования и согласованность бренда и инфлюенсера, а также прозрачность рекламных интеграций и устойчивого PR (репутации). В нишевых сегментах аудитория особенно чувствительна к несоответствиям, поскольку такие сообщества объединены общими интересами и «культурным кодом», основанном на близлежайших интересах, убеждениях и мнении. Нарушение этого «кода» может привести к снижению как к инфлюенсеру, так и к бренду.

С точки зрения же потребительского поведения, доверие является главным фактором принятия решения о покупке. К примеру, В. И. Ильин отмечает, что

«современный потребитель ориентируется не только на рациональные характеристики продукта, но и на социальные сигналы, подтверждающие его значимость в группе» [3, с. 112]. Получается, что инфлюенсер выступает проводником между брендом и сообществом, таким образом формируя социальное подтверждение о покупке товара или услуги. Работа с микро-инфлюенсерами позволяет бренду более успешно интегрироваться в нишевую среду, по вышеописанным причинам. Ибо в подобной среде коммуникация строится в формате диалога, а это повышает показатели как вовлеченности, так и конверсии. Несмотря на относительно небольшой охват, такие кампании часто демонстрируют более высокий коэффициент отклика и фидбека, что только подтверждает тенденцию перехода от массовых моделей воздействия к сегментированным стратегиям.

Но и стратегия, ориентированная на аутентичность, имеет собственные ограничения. Нишевые аудитории по определению ограничены в масштабе, что усложняет расширение присутствия. К тому же, управление большим количеством микроинфлюенсеров требует дополнительных ресурсов и системного контроля. А сотрудничество с крупными инфлюенсерами обеспечивает высокий уровень узнаваемости бренда. Массовый охват особенно полезен на этапе вывода продукта на рынок, а также при необходимости быстрого увеличения медийного присутствия и влияния.

Необходимо также отметить особый характер вовлеченности. Он как раз и отражает реальное взаимодействие аудитории с контентом и уровень доверия к инфлюенсеру. Алгоритмы различных платформ, как правило, всегда усиливают влияние контента, путем его распространения, вызывающего активную реакцию пользователей, тем самым повышая уровень аутентичности в отношении с аудиторией.

Противостояние аутентичности и охвата представляет собой не альтернативу, а управленческую задачу балансирования между ними. Аутентичность обеспечивает необходимую глубину доверия коммуникации, тогда как охват создает масштаб и рыночную значимость. Именно синтез этих параметров становится основой долгосрочной эффективности и развития бренда.

Важно помнить, что работа с инфлюенсерами должна быть этичной, прозрачной и стратегически выверенной. Несуществует универсальных рецептов успеха: каждый личный бренд уникален и требует индивидуального подхода. Поэтому основой успешного продвижения становится не только использование современных инструментов, но и умение адаптировать их к собственной целевой аудитории и целям.

Также необходимо учитывать возможные риски, связанные с недобросовестными практиками, фальсификацией активности и нарушением доверия. Именно по этой причине важны регулярная аналитика, корректировка стратегии и постоянное взаимодействие с аудиторией.

В условиях растущей конкуренции и информационного шума инфлюенсеры становятся не просто вспомогательными, а ключевыми средствами PR-стратегии. При правильном применении они позволяют построить прочный фундамент репутации, доверия и узнаваемости, обеспечивая личному бренду устойчивое развитие в цифровом пространстве.

Список литературы

1. Котлер Ф. Маркетинг 4.0: от традиционного к цифровому. URL: https://zalamsyah.staff.unja.ac.id/wp-content/uploads/sites/286/2019/11/8-Marketing-4.0-Moving-from-Traditional-to-Digital-PHILIP-KOTLER.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

2. Браун Д. Влияние через лидеров мнений: как работает инфлюенсер-маркетинг. URL: https://www.amazon.com/Influencer-Marketing-Really-Influences-Customers/dp/0750686006 (дата обращения: 27.02.2026).

3. Ильин В. И. Поведение потребителей. URL: https://knigogid.ru/books/1191835-povedenie-potrebiteley (дата обращения: 25.02.2026).

4. Перов А. А. Крауд-маркетинг и инфлюенсеры как инструменты современной PR-стратегии личного бренда // Вестник науки. 2025. № 6 (87).

5. Россияне стали доверять блогерам: исследование Insight People охватило более 40 регионов. URL: https://incrussia.ru/pnews/reople/?ysclid=mmdl72rpmp783315278 (дата обращения: 24.02.2026).

УДК 316.36

ИНФЛЮЕНС-МАРКЕТИНГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СЕГМЕНТАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОВЕРИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ

Ольга Павловна Морозова[1],
Софья Александровна Алайцева[2],
Полина Александровна Логинова[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]olga_240185@mail.ru
[2]alajceva2005@mail.ru
[3]polinaa536@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ трансформации инфлюенс-маркетинга в условиях цифровой сегментации аудитории. Рассматриваются изменения в механизмах формирования доверия в цифровой среде, влияние алгоритмизации платформ на структуру коммуникаций, а также особенности построения лояльности через персонализированные каналы взаимодействия. Особое внимание уделено феномену микровлияния, парасоциальным отношениям и интеграции брендов в ценностные сообщества. Делается вывод о том, что инфлюенс-маркетинг становится стратегическим инструментом социального конструирования доверия и устойчивых потребительских практик.

Ключевые слова: инфлюенс-маркетинг, цифровая сегментация, доверие, лояльность, социальные сети, алгоритмизация, персонализация, микровлияние, цифровые коммуникации

В условиях цифровой трансформации общества маркетинговые коммуникации претерпевают существенные изменения [1–3]. Распространение социальных сетей, платформенных экосистем и технологий обработки больших данных привело к формированию новой коммуникационной реальности, в которой ключевую роль играет персонализация. Инфлюенс-маркетинг стал одним из наиболее динамично развивающихся инструментов продвижения, отражающим переход от массовых рекламных стратегий к сегментированным и ценностно-ориентированным форматам взаимодействия.

Традиционная модель маркетинга основывалась на принципах охвата и повторяемости рекламного сообщения. Однако в цифровой среде решающее значе-

ние приобретает релевантность контента для конкретной аудитории. Пользователь больше не является пассивным получателем информации – он активно участвует в ее создании, распространении и оценке. Это обстоятельство обусловило трансформацию доверия как базовой категории маркетинговых коммуникаций.

Эмпирические данные последних исследований демонстрируют, что уровень доверия к различным источникам информации в России остается неоднородным, что важно учитывать при разработке коммуникационных стратегий, в том числе инфлюенс-маркетинга.

Согласно данным ВЦИОМ (2025 год) телевидение уверенно занимает первое место по уровню доверия среди россиян, значительно опережая другие источники. Его показатель в 50% означает, что каждый второй россиянин доверяет информации, получаемой с телеэкрана. Это может быть связано с традиционной ролью телевидения в России, его широким охватом аудитории, а также, возможно, с восприятием его как более официального и проверенного источника.

Новостные сайты и Telegram-каналы, будучи цифровыми платформами, занимают второе и третье места соответственно. Новостные сайты (37 %) имеют достаточно высокий уровень доверия, что указывает на значительную часть населения, активно потребляющую новости через интернет-ресурсы.

Telegram-каналы (33 %) демонстрируют, что мессенджеры становятся все более важным источником информации, хотя и уступают традиционным новостным сайтам. Разница в 4 процентных пункта между новостными сайтами и Telegram-каналами не является критически большой, что говорит о конкуренции между этими форматами [4].

Представленные результаты свидетельствуют о том, что традиционные медиа (телевидение) сохраняют более высокий уровень доверия, чем цифровые платформы, включая соцсети и новостные веб-ресурсы. Это создает сложные условия для цифровых коммуникаций: брендам и инфлюенсерам необходимо учитывать различия в восприятии и адаптировать свои стратегии так, чтобы усиливать доверие через аутентичное, контекстуально релевантное взаимодействие.

Цифровая сегментация представляет собой алгоритмическое распределение аудитории на микро-группы на основе поведенческих, демографических и психографических параметров. Платформы анализируют поисковые запросы, историю просмотров, реакции и социальные связи пользователей, формируя индивидуализированную информационную среду. В результате возникает феномен «информационных пузырей», внутри которых пользователь взаимодействует преимущественно с контентом, соответствующим его интересам и установкам.

В этих условиях инфлюенсер становится медиатором внутри конкретного цифрового сегмента. Его аудитория уже структурирована алгоритмами, что усиливает точечность коммуникации и повышает ее эмоциональную насыщенность. Возникает эффект социальной близости: подписчики воспринимают блогера как референтную фигуру, разделяющую их ценности и стиль жизни.

Доверие в цифровой среде формируется иначе, чем в традиционных медиа. Если ранее его источником выступали институциональные структуры - крупные бренды, государственные институты, авторитетные СМИ, - то сегодня оно все чаще основано на горизонтальных связях и принципе «равный - равному». Пользователи склонны доверять рекомендациям людей, с которыми они идентифицируют себя.

Особое значение приобретает аутентичность. Несоответствие между образом инфлюенсера и рекламируемым продуктом вызывает когнитивный диссонанс и снижает доверие аудитории. Чрезмерная коммерциализация контента приводит

к «рекламной усталости», что вынуждает бренды искать нативные формы интеграции. Таким образом, доверие становится динамическим ресурсом, требующим постоянного подтверждения через искренность, прозрачность и ценностную согласованность.

Одним из ключевых механизмов формирования лояльности является парасоциальное взаимодействие – феномен, при котором у подписчиков формируется ощущение личной близости к инфлюенсеру.

Регулярное потребление контента, наблюдение за повседневной жизнью блогера создает иллюзию межличностного контакта. В результате рекламируемый бренд воспринимается не как внешняя реклама, а как часть личного опыта значимого субъекта.

В условиях цифровой сегментации особую роль играют микро- и нано-инфлюенсеры. Их аудитория менее многочисленна, однако отличается высокой вовлеченностью. Коммуникация в таких сообществах носит более доверительный характер, а рекомендации воспринимаются как искренние. Это усиливает конверсию и способствует формированию устойчивых потребительских предпочтений.

Важным фактором является контентная ценность. Современный инфлюенсер – это не только рекламный посредник, но и создатель образовательного, экспертного или развлекательного контента. Бренд, интегрированный в такой контекст, воспринимается как часть жизненного стиля аудитории. Лояльность формируется не через прямое убеждение, а через включенность в ценностное сообщество.

Алгоритмизация платформ усиливает конкуренцию за внимание. Ранжирование контента основывается на показателях вовлеченности, времени просмотра и реакции аудитории. Это формирует экономику внимания, в которой инфлюенсеры вынуждены адаптировать формат подачи информации под требования алгоритмов. Однако чрезмерная ориентация на алгоритмические метрики может привести к утрате аутентичности и снижению доверия.

Инфлюенс-маркетинг сталкивается и с рядом рисков: перенасыщенность рекламными интеграциями, искусственное завышение показателей, репутационные кризисы, законодательные ограничения в сфере рекламы. Кроме того, цифровая сегментация может усиливать фрагментацию аудитории и ограничивать межгрупповое взаимодействие.

Несмотря на указанные ограничения, инфлюенс-маркетинг демонстрирует высокую эффективность благодаря способности адаптироваться к логике цифровых платформ. Он становится инструментом формирования не только потребительского выбора, но и ценностных ориентаций аудитории.

Дополнительным измерением трансформации инфлюенс-маркетинга становится изменение логики коммуникационной власти в цифровом пространстве. Если в традиционной медиасреде символическая власть концентрировалась в институциональных центрах - крупных медиахолдингах и брендах, – то цифровая среда перераспределила ее в пользу индивидуальных акторов. Инфлюенсер, обладая собственной аудиторией и высоким уровнем вовлеченности, становится самостоятельным коммуникативным центром, способным конкурировать с традиционными каналами массовой информации.

Это приводит к формированию сетевой модели доверия, основанной на горизонтальных связях. Доверие перестает быть исключительно результатом институциональной репутации и все чаще формируется через регулярность взаимодействия, открытость и личную историю. В условиях цифровой сегментации подписчики воспринимают инфлюенсера как «своего» представителя внутри конкретной социальной или ценностной группы. Подобная идентификация усиливает эффект рекомендаций и повышает уровень эмоциональной вовлеченности.

Существенное значение приобретает феномен комьюнити-менеджмента. Инфлюенсер не просто транслирует контент, но и управляет сообществом, модерирует дискуссии, задает ценностные ориентиры и поддерживает обратную связь. В результате формируется замкнутая коммуникативная экосистема, в которой бренд интегрируется как элемент общего нарратива. Лояльность в данном случае становится следствием не разового рекламного контакта, а устойчивого участия в коллективном опыте.

Отдельного внимания заслуживает экономическая модель инфлюенс-маркетинга. Современная практика демонстрирует переход от краткосрочных рекламных интеграций к долгосрочным партнерствам и амбассадорским программам. Такая модель сотрудничества повышает уровень доверия аудитории, поскольку регулярное взаимодействие с брендом воспринимается как осознанный выбор инфлюенсера. В условиях цифровой сегментации именно продолжительность и последовательность коммуникации становятся ключевыми факторами устойчивой лояльности.

Дополнительным инструментом укрепления доверия выступает формат совместного создания продукта (co-creation). Бренды все чаще привлекают инфлюенсеров к разработке лимитированных коллекций, авторских линеек или эксклюзивного контента. Подобная практика усиливает ощущение причастности аудитории к созданию ценности и переводит коммуникацию из плоскости рекламы в плоскость сотрудничества. В этом случае доверие формируется через механизм участия и коллективной вовлеченности.

Следует отметить и трансформацию визуальной культуры инфлюенс-маркетинга. Алгоритмизация платформ стимулирует стандартизацию форматов: короткие видеоролики, динамичный монтаж, интерактивные элементы. Однако одновременно возрастает запрос на «естественность» и демонстрацию повседневности. Возникает парадокс: инфлюенсер вынужден балансировать между требованиями алгоритмов и необходимостью сохранять аутентичность. Нарушение этого баланса способно снизить доверие и вызвать критическую реакцию аудитории.

Важным аспектом является также регуляторная среда. Усиление законодательного контроля над рекламой в цифровом пространстве требует прозрачности интеграций и обязательной маркировки коммерческого контента. С одной стороны, это снижает риск манипуляции, с другой - изменяет восприятие рекламы аудиторией. Прозрачность становится элементом доверия, а соблюдение нормативных требований - фактором устойчивости коммуникационной стратегии.

Цифровая сегментация влияет и на метрики эффективности. Помимо традиционных показателей охвата и кликов, все большее значение приобретают глубина взаимодействия, сохранения, комментарии и повторные обращения к контенту. Это свидетельствует о переходе от количественной логики оценки к качественной. Эффективность инфлюенс-маркетинга определяется не столько масштабом аудитории, сколько степенью ее вовлеченности и эмоциональной реакции.

Перспективным направлением развития является интеграция технологий искусственного интеллекта в анализ поведения аудитории. Машинное обучение позволяет прогнозировать реакции пользователей, оптимизировать время публикации и персонализировать формат подачи информации. Однако усиление алгоритмического контроля ставит вопрос о сохранении человеческого измерения доверия. В условиях автоматизации возрастает ценность подлинного эмоционального контакта, который невозможно полностью заменить технологическими решениями.

Наблюдается тенденция к формированию мультиплатформенных стратегий. Инфлюенсеры присутствуют одновременно в нескольких цифровых средах, создавая кросс-платформенную идентичность. Это снижает зависимость от алгоритмов одной платформы и обеспечивает более стабильное взаимодействие с аудиторией. Для брендов подобная стратегия открывает возможность комплексного охвата сегментов при сохранении персонализированного подхода.

Таким образом, инфлюенс-маркетинг в условиях цифровой сегментации представляет собой сложную систему взаимосвязанных процессов [5], включающую социальные, психологические, экономические и технологические компоненты. Его устойчивость определяется способностью адаптироваться к изменяющимся алгоритмическим условиям, поддерживать аутентичность и выстраивать долгосрочные доверительные отношения с аудиторией.

Список литературы

1. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван И. Маркетинг 4.0: от традиционного к цифровому. М. : Эксмо, 2019. 224 с.

2. Кузьмина Е. Е. Цифровой маркетинг: теория и практика. М. : Юрайт, 2021. 312 с.

3. Лебедев А. Н. Психология рекламы и PR. СПб. : Питер, 2018. 384 с.

4. ВЦИОМ: россияне больше доверяют телевидению, чем новостным сайтам и telegram-каналам // Лениздат.ру : сетевое изд. СПб., 2025. 6 ноября. URL: https:// lenizdat.ru/articles/1166580/ (дата обращения: 25.02.2026).

5. Шарков Ф. И. Интегрированные коммуникации: реклама, паблик рилейшнз, брендинг. М. : Дашков и К°, 2020. 324 с.

УДК 316.36

ЭТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОЛИТИЧЕСКИХ PR-КАМПАНИЯХ

Ольга Павловна Морозова[1],
Мария Алексеевна Григорьева[2],
Сабина Ринатовна Туишева[3]

[1,2,3]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]olga_240185@mail.ru
[2]m_grig2003@mail.ru
[3]tuisheva.s@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются этические проблемы, связанные с применением искусственного интеллекта в политических PR-кампаниях. Анализируются риски манипуляции общественным мнением, угрозы приватности граждан, алгоритмическая предвзятость и вопросы прозрачности автоматизированных решений. Особое внимание уделяется российским практикам использования искусственного интеллекта в политическом дискурсе и возникающим этическим дилеммам. Формулируются предложения по выработке этических норм и механизмов контроля за применением искусственного интеллекта в политической сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект, PR-политические кампании, этика, манипуляция, приватность, алгоритмическая предвзятость

Глубокая трансформация политической коммуникации под влиянием искусственного интеллекта предоставляет PR-специалистам беспрецедентные возможности для формирования имиджа политических элит. Одной из ключевых возможностей искусственного интеллекта является способность обрабатывать и анализировать огромные массивы данных (BigData), поступающих из различных источников: социальные сети, поисковые запросы, онлайн-активность, демографические данные. В политическом пиаре политтехнолог или PR-менеджер, занимающийся продвижением конкретного политика или политической структуры, может с помощью систем ИИ выявлять закономерности в поведении избирателей, прогнозировать их реакции на те или иные политические события или сообщения, то есть осуществлять предиктивный анализ.

Например, в 2023 году партия «Единая Россия» использовала искусственный интеллект во время предвыборной кампании. Политики применяли на практике широкий спектр возможностей нейросетей: от генерации контента до прогнозирования и аналитики. Партия использовала отечественные разработки (например, Kandinsky). Замсекретаря генсовета «Единой России» Сергей Перминов отметил в интервью РБК, что применение искусственного интеллекта хорошо сказывается на результатах работы по привлечению новых сторонников или при презентации партийных планов и программ [5].

Однако стремительное внедрение интеллектуальных систем в политический процесс порождает серьезные этические вызовы. Технологии, призванные служить демократическим процедурам, при неконтролируемом использовании могут подрывать основы свободного волеизъявления граждан, нарушать приватность личности и усиливать социальное неравенство. Алгоритмы способны целенаправленно манипулировать общественным мнением: анализируя уязвимости и предрассудки людей, они формируют персонализированные информационные потоки, распространяют фейки среди целевых групп и создают «информационные пузыри», ограничивая доступ к альтернативным взглядам [1]. Это подрывает объективность общественного мнения и доверие к демократическим институтам [2].

Кроме того, масштабный сбор персональных данных в политических целях угрожает приватности граждан. Риски включают несанкционированный доступ к чувствительной информации, использование данных без согласия людей, долгосрочные ограничения свободы личности из-за хранения сведений о политических взглядах, а также возможность политического давления на основе накопленных данных [4]. Серьезную проблему представляет алгоритмическая предвзятость: от необъективных обучающих выборок и механизмов таргетирования ИИ может дискриминировать отдельные социальные группы, ограничивая их доступ к объективной информации, и усиливать конфликтные нарративы, провоцируя общественную поляризацию.

В России сложилась противоречивая ситуация: с одной стороны – очевидные технологические преимущества, с другой – существенные этические риски. Ключевая проблема заключается в недостаточной правовой и этической регламентации применения ИИ в политических целях – действующее законодательство, включая ФЗ № 67 от 12.06.2002, не содержит четких норм на этот счет. Слабо развитые механизмы общественного контроля за использованием интеллектуальных систем снижают доверие граждан к политическим процессам. Возникают опасения, что технологии могут применяться для политического давления, цензуры или ограничения плюрализма мнений под видом обеспечения безопасности государства. Определенный шаг вперед сделан с утверждением обновленной Стратегии развития ИИ в феврале 2024 года – в ней обозначен приоритет технологического суверенитета в сфере генеративного ИИ. Тем не менее во-

просы этических границ использования технологий в политике по-прежнему требуют детальной проработки как в правовом, так и в общественном поле [3].

Для ответственного использования ИИ в политических кампаниях нужно найти баланс между технологическим прогрессом и защитой прав личности. Это достижимо через сочетание правовых, технологических и общественных механизмов. Прежде всего необходимо разработать этические кодексы, которые четко очертят допустимые границы применения ИИ, запретят дезинформацию, манипуляции и дискриминацию, а также закрепят принцип прозрачности работы алгоритмов. Необходимо ужесточить защиту персональных данных: ввести обязательное информированное согласие на их использование в агитации, установить сроки хранения и обеспечить независимый контроль. Технологически важно преодолеть «черный ящик» – внедрить методы интерпретации решений ИИ, аудит на предмет предвзятости и единые стандарты раскрытия информации о работе систем. Ключевую роль сыграет общественный надзор: оценка этичности применения ИИ независимыми экспертами, мониторинг политического контента и вовлечение граждан в обсуждение этических вопросов. Параллельно нужно повышать цифровую грамотность населения, чтобы люди могли распознавать манипуляции и защищаться от информационного давления.

Государство призвано определить этические рамки применения ИИ в политике, найдя равновесие между технологическим развитием и защитой прав граждан. Достичь этого можно путем системного совершенствования законодательства – с четкой регламентацией использования ИИ как в избирательных кампаниях, так и в повседневной работе госорганов. Одновременно требуется создать национальную инфраструктуру для регулярного аудита и сертификации ИИ-систем, что обеспечит прозрачность и объективность оценки их этичности и безопасности. Не менее значимо развитие отечественных ИИ-технологий вкупе с поддержкой научных исследований в области этики ИИ. Такой подход позволит снизить зависимость от иностранных решений, учесть специфику национального правового поля и общественных ценностей. Единый стандарт применения этических норм возможен только при слаженном взаимодействии государственных ведомств и институтов гражданского общества.Принципиальный приоритет – сохранить баланс между задачами национальной безопасности и неотъемлемыми правами граждан на приватность и свободный доступ к информации. Стремление к технологическому суверенитету не должно оборачиваться необоснованными ограничениями свободы слова или чрезмерной цензурой [6].

Анализ позволяет выделить ключевые этические принципы применения ИИ в политических PR-кампаниях. Прежде всего – уважение частной жизни и защита персональных данных: информация о гражданах должна использоваться только с их согласия и в рамках четких целей. Не менее важна прозрачность работы алгоритмов и источников данных – это укрепляет доверие общества к политическим процессам. Критически значимо предотвращать манипуляции и дезинформацию с помощью ИИ, поскольку они подрывают основы демократического диалога. Необходимо исключать дискриминацию и алгоритмическую предвзятость, гарантируя всем социальным группам равный доступ к объективной информации. Важен принцип подотчетности и ответственности – должны быть четко прописаны правовые механизмы ответственности разработчиков и политических акторов, использующих ИИ.

Список литературы

1. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Постмодерн и постправда: манипулятивные технологии в формировании массового сознания // Психология и педагогика служебной

деятельности. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-i-postpravda (дата обращения: 25.02.2026).

2. Белова Ю. С., Игнатьева С. К. Этические аспекты и вызовы, связанные с использованием искусственного интеллекта в social media marketing // Коммуникология. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-i-vyzovy (дата обращения: 24.02.2026).

3. Бобровская О. А. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта для создания агитационных материалов в политических кампаниях // Евразийская адвокатура. 2024. № 3 (68). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-iskusstvennoh (дата обращения: 25.02.2026).

4. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Риски, угрозы и вызовы современных социально-политических коммуникаций в условиях развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий // ПОЛИТЭКС. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-ugrozy-i-vyzovy-sovremennyh-sotsialno-politicheskih-kommunikatsiy-v-usloviyah-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta-i (дата обращения: 21.02.2026).

5. Единороссы решили использовать на выборах искусственный интеллект: «Демонизация», «сатиризация» и «галлюцинация реальности» – какие риски видят в партии. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231121/309400310.html (дата обращения: 20.02.2026).

6. Калинин Д. М., Мчедлова М. М. Этика и доверие: границы применения генеративного ИИ в государственных решениях // Вестник НИБ. 2025. № 58. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-i-doverie-granitsy-primeneniya-gosudarstvennyh-resheniyah (дата обращения: 25.02.2026).

УДК 316

БЬЮТИ-ИНФЛЮЕНСЕРЫ КАК АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Маргарита Александровна Рязанцева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

margatitaryazantsewa@yandex.ru

Аннотация. Представлен анализ методов и механизмов, посредством которых бьюти-инфлюенсеры формируют и влияют на потребительское поведение. Исследуется роль бьюти-инфлюенсеров как агентов влияния на потребительское поведение в цифровой медиасреде. Представлена типология инфлюенсеров по различным основаниям. Показано, как через персонализированный контент инфлюенсеры формируют новые потребительские установки. Выявлены методы и инструменты влияния инфлюенсеров на потребителей. В ходе анализа доказывается эффективность новых методов рекламы перед традиционными.

Ключевые слова: бьюти-инфлюенсер, инфлюенс-маркетинг, бьюти-блогер, потребительского поведение, инфлюенсеры, методы влияния, бренд

В условиях появления новых технологий и цифровизации традиционные модели рекламы уступают место новым форматам, основанным на доверии, визуальной привлекательности и персонализации.

Одним из ключевых феноменов современных реалий стали инфлюенсеры [1–6]. **Инфлюенсер** – это человек, который известен определенной аудитории в медиапространстве и способен на нее воздействовать [9, с. 7].

Инфлюенс-маркетинг стал мощной стратегией в сфере цифрового маркетинга, позволяющей использовать охват и вовлеченность лидеров мнений в социальных сетях для продвижения брендов и продуктов [8, 10, 12–15].

По размеры аудитории выделяют следующие типы инфлюенсеров:

1) наноинфлюенсеры (более 1–10 тысяч подписчиков);

2) микроинфлюенсеры (10–100 тысяч подписчиков);

3) макроинфлюенсеры (500 тысяч – 1 миллион подписчиков);

4) мегаинфлюенсеры (от 1 миллиона подписчиков).

Следует отметить, что количество подписчиков – это не самый важный показатель эффективности. Также следует при выборе инфлюенсеры для рекламы необходимо обращать внимание на вовлеченность аудитории, активность, уровень доверия аудитории к инфлюенсеру и тематику контента.

По каналу распространения инфлюенсеры делятся в зависимости от площадки, на которой размещают контент. Платформа для контента влияет не только на качество материала, но и на вовлеченность аудитории и специфику подачи информации. Одни площадки нацелены на формат видео и обзоров, другие на посты и истории. Многие инфлюенсеры представлены на нескольких площадках, что дает им преимущество в виде охватов и предоставляет возможность публикации контента в различных форматах.

Также можно выделить инфлюенсеров по сфере специализации:

1) блогеры;

2) селебрити;

3) стримеры;

4) эксперты;

5) обзорщики;

6) тренеры.

Блогеры делятся по нишам и площадкам. При сотрудничестве с блогеров важно понимать его аудитории, охваты и вовлеченность. Также важно место занимает тематика контента и репутация блогера.

Контент в социальных сетях делится по тематике. Блогеры могут делится контентом в виде постов, историй, рилсов.

Обзорщики показывают преимущества и недостатки товаров, тестируют продукты и делают рекомендации.

Стримеры в прямом эфире могут делится контентом и общаться с подписчиками.

Селебрити (знаменитости) делятся контентом, который связан с их профессией. К знаменитостям можно отнести музыкантов, актеров, спортсменов, ведущих, моделей, художников и т.д.

Инфлюенсеры могут выступать в качестве амбассадоров бренда, представлять бренд в позитивном свете и способствовать узнаваемости бренда и повышению продаж.

Также инфлюенсеры могут быть рекламным лицом – быть частью рекламной компании бренда. При этом важно отметить, что инфлюенсер обязан выполнить все рекламные условия от бренда, пометить правильно рекламу и сделать рекламу в качественном виде. Рекламу принято считать эффективной, если повысилась узнаваемость компании и увеличились продажи. Сейчас этот вид рекламы является наиболее популярным, так как доверие людей к инфлюенсерам намного выше, чем к традиционным формам рекламы. Инфлюенсеры могут в понятной и доверительной форме донести рекламу до зрителей, при этом реклама уместна и обычно встроена в контент.

Большую популярность имеют бьюти-инфлюенсеры, так как рынок косметики востребован и популярен. Бьюти-блогеры (от англ. beauty – красота) сосредотачивают свое внимание в большей степени на вопросах, связанных с внешностью, красотой, уходом за собой, стилем, модой. Это обычно девушки или молодые женщины (намного реже, но встречаются женщины средних лет и даже мужчины), которые выкладывают на YouTube короткие видео-ролики, снятые самостоятельно на камеру [7, с. 3].

Бьюти-инфлюенсеры влияют на поведенческие характеристики целевой аудитории и нередко именно рекомендации бьюти-блогеров являются ключевым фактором у потребителей при выборе товара.

Формирование потребительского поведения традиционно объясняется в рамках моделей, включающих когнитивные и поведенческие компоненты.

Однако в современных реалиях классическая модель «стимул-реакция» конкурирует с ощущением близости между зрителем и медиаперсоной.

Медиаперсона воспринимается у зрителя как «свой» и соответственно рекомендации инфлюенсера намного больше вызывают доверие, чем традиционная реклама.

Бьюти-инфлюенсер воспроизводит ощущение доверительного общения, демонстрируя ежедневный уход, делая обзоры продукции и раскрывая секреты макияжа.

Рекламное сообщение встраивается в повседневный контекст. Тем самым создается эффект «неявного убеждения», при котором потребитель не воспринимает рекомендацию как рекламу, а воспринимает как личный совет.

Существует несколько механизмов влияния:

1) аутентичность как стратегия (бьюти-инфлюенсеры конструируют модели «реальной жизни» и тем самым усиливают восприятие достоверности);

2) социальное доказательство (количество лайков, комментариев и повторные покупки побуждают новых пользователей следовать моде);

3) визуальная привлекательность (видео-обзоры продуктов, нанесение косметики, фото позволяют пользователям не тестировать косметику, а следовать рекомендациям блогеров);

4) авторитетность (мнение инфлюенсера приобретает экспертность, при этом его авторитет выстраивается через постоянное присутствие, эмоциональную доступность и визуальную привлекательность).

Воздействие бьюти-инфлюенсеров влияет не только на выбор косметики. Оно затрагивает самооценку, идентичность, лояльность к бренду.

Феномен инфлюенсеров связан также и с этическими вопросами. Правильно маркированная реклама, продвижение косметических брендов и многое другое – требует регулярного и образовательного вмешательства.

Бьюти-инфлюенсеры не только рекламируют косметические бренды и товары. Они являются агентами социализации. Формируют новые нормы поведения при выборе косметики.

Понимание влияния инфлюенсеров необходимо для навигации по сложностям общественного мнения в цифровую эпоху. Влияние предусмотрено исходя из экспертности. Инфлюенсеры выглядят как «близкие люди». Именно поэтому их рекомендации вызывают доверие у целевой аудитории.

Формирование потребительского поведения – это не реакция на рекламу, а идентификация доверия и участия в медиапространстве.

Использование охвата и вовлеченности подписчиков лидеров мнений в социальных сетях помогает брендам продвигать продукты и положительно влияет на репутациию.

Бьюти-инфлюенсеры воздействуют не только на потребительские установки, они формируют среду, где покупка становится личной историей. Коммуникационное воздействие оказывается наиболее эффективным, когда аппелирует не к разуму, а к ценностям и образу жизни [11, с. 6].

Таким образом, влияние бьюти-инфлюенсеров на потребительское поведения представлено широко. Потребители доверяют бьюти-инфлюенсерам и придерживаются рекомендаций.

В современном цифровом пространстве бьюти-инфлюенсеры стали значимым фактором, формирующим потребительские предпочтения в сфере косметики и ухода за собой. Их влияние выходит за рамки простой рекламы: он создают тренды, задают стандарты красоты и во многом определяют выбор аудитории.

Ключевая особенность воздействия бьюти инфлюенсеров – выстраивание доверительных отношений с аудиторией. Механизмы влияния бьюти-инфлюенсеров опираются на психологические особенности восприятия.

Бьюти-инфлюенсеры выступают не просто каналами продвижения, а полноценными участниками формирования потребительского поведения. Они влияют не только на выбор конкретных продуктов, но и на представления о красоте, стандартах ухода и социальных нормах в бьюти-сфере. Их роль продолжает расти по мере развития цифровых платформ и усиления персонализации коммуникации с аудиторией.

Список литературы

1. Борисова И. В. Инфлюенс-маркетинг в интернет-дискурсе: прагмалингвистический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 262–265.

2. До Тхи Х. Х. Влияние социальных сетей на потребительское поведение: исследование встроенного предпринимательства в цифровых сообществах // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 10 (79). С. 47–62.

3. Кудеярова Е. Т. Виртуальные инфлюенсеры как канал продвижения бренда // Рекламный вектор – 2024: время профессий будущего : сб. материалов XVIII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 24–25 апреля 2024 г.). М. : Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 2024. С. 186–189.

4. Курасова О. В., Ринчинова А. Г. Особенности продвижения брендов по партнерской механике в инфлюенс-маркетинге // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 7-1. С. 33–40.

5. Макаренко И. Д. Инфлюенс-маркетинг: аналитика бьюти-блогеров в Телеграм // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5, № 1. С. 780–788.

6. Малышева Н. Д. Особенности профессионализмов в сфере бьюти-блогинга // Буслаевские чтения : сб. науч. ст. по материалам VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Пенза, 17 апреля 2019 г.) / под общ. ред. Л. П. Перепелкиной. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2020. С. 220–223.

7. Малыгина Е. Д. Отражение потребительских инсайтов в сегменте косметических товаров в коммуникациях российских бьюти-блогеров // Рекламный вектор – 2019: новые реалии : сб. материалов XIII науч.-практ. конф. (г. Москва, 24–25 апреля 2019 г.) / Российский университет дружбы народов. М. : Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 2020. С. 227–233.

8. Покуль В. О., Шмыговская Р. О. Современные критерии инфлюенс-маркетинга // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-6. С. 65–69.

9. Рубцова М. В., Мартьянова Н. А. Практики управления идентичностью бьюти-блогеров: мультимодальный подход к анализу депрофессионализации // Studia Humanitatis. 2025. № 1. С. 20.

10. Череватюк А. А. Влияние парасоциальных отношений между инфлюенсерами и подписчиками на поведение потребителей в современной России // Студенческий вестник. 2025. № 25-3 (358). С. 53–59.

11. Розенберг Н. В. , Бабина В. Н., Балахонова Е. В. [и др.]. Ценностные основания и коммуникационные факторы консолидации современного российского общества. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2025. 224 с.

12. Цветкова А. Б., Маркин И. М. Продвижение парфюмерно-косметических брендов в сегменте российской молодежной аудитории // Маркетинговые коммуникации. 2018. № 2. С. 104–111.

13. Чилингир Е. Ю., Васильев И. П. Социальное влияние видеоблогеров: как контент на YouTube меняет общественные взгляды и установки // VI Всероссийская ежегодная научно-практическая студенческая конференция РосНОУ : сб. тр. конф. (г. Москва, 4–20 декабря 2024 г.). М. : Российский новый университет, 2025. С. 826–829.

14. Шуленина А. М. Особенности самоотношения подписчиц бьюти-блогеров // Молодой ученый. 2024. № 43 (542). С. 134–135.

15. Шилова М. А. Современные особенности рынка инфлюенс-маркетинга в России // Коммуникация в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью (г. Воронеж, 16–17 мая 2025 г.). Воронеж : Воронежский государственный университет, 2025. С. 71–72.

УДК 316

ОСОБЕННОСТИ PR-ТЕХНОЛОГИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Иван Владимирович Шуляк

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ivan.saulak.1922@gmai.com

Аннотация: Рассматривается современная роль PR-технологий в государственных образовательных учреждениях России, которые выходят за рамки простого информирования и становятся инструментом создания конкурентоспособного бренда. Выделяются ключевые инструменты: цифровое присутствие, событийный маркетинг, контент-стратегии и работа со средствами массовой информации, а также анализируются системные проблемы – от кадрового голода до бюрократических сложностей. Особое внимание уделяется правовому регулированию PR-деятельности и необходимости соблюдения требований к информационной открытости. В качестве успешного регионального примера детально разбирается опыт Пензенской области, где сложилась уникальная экосистема благодаря взаимодействию Пензенского государственного университета, системы «Госпабликов» и региональных властей. Делается вывод, что PR в образовании превращается в стратегический ресурс управления репутацией и конкурентоспособностью государственных учреждений в сфере образования.

Ключевые слова: PR-технологии, государственные образовательные учреждения, бренд, цифровые коммуникации, региональный опыт

PR-технологии в государственных образовательных учреждениях России – это комплексная система управления репутацией и коммуникациями, которая сегодня выходит далеко за рамки простого информирования [5, с. 5–7]. Ее главная цель – формирование конкурентоспособного бренда и повышение привлекательности учебного заведения в условиях борьбы за талантливых абитуриентов, квалифицированные кадры и финансирование.

На федеральном уровне PR-деятельность государственных вузов и школ сегодня выходит за рамки простого информирования о наборе. Ее главная цель –

формирование устойчивого, конкурентоспособного бренда в условиях «демографических ям» и жесткой борьбы за ресурсы. Этому способствуют государственные инициативы вроде «Приоритет 2030» [9], стимулирующие вузы к активной медийной и репутационной работе.

Можно выделить следующие ключевые инструменты PR учреждений образования: цифровое присутствие, событийный маркетинг и стратегический брендинг [1 ; 11, с. 3]. Цифровое присутствие организаций ДПО выражается в наличии официальных сайтов организаций, страниц в социальных сетях. Событийный маркетинг воплощается в проведении научных и образовательных мероприятий – Дни открытых дверей, научные конференции, олимпиады. Современный стратегический брендинг организаций ДПО эволюционировал и заключается в переходе от разовых пресс-релизов к комплексной работе над имиджем и миссией учебного заведения.

Однако практика показывает, что многие региональные вузы сталкиваются с нехваткой квалифицированных PR-кадров и бюрократическими сложностями при согласовании коммуникационных материалов.

Необходимость активного PR для государственных вузов и школ продиктована несколькими ключевыми факторами. Во-первых, усилением конкуренции: государственные учебные заведения конкурируют не только друг с другом, но и с частными организациями, а также с системой среднего профессионального образования (СПО). Во-вторых, государственными инициативами. Реализуются крупные государственные проекты, такие как «Приоритет 2030» и «Передовые инженерные школы» (ПИШ), которые стимулируют вузы к активному продвижению, чтобы соответствовать критериям академического лидерства. В-третьих, влияет изменение поведения целевой аудитории. Абитуриенты и их родители, а также преподаватели и партнеры из профессиональной среды, все чаще делают выбор на основе репутации вуза и его присутствия в цифровой среде.

Рассмотрим конкретные PR-технологии образовательных организаций более подробно. В арсенале государственных образовательных учреждений широкий спектр инструментов, которые условно можно разделить на несколько групп. К первой группе отнесем цифровые и медийные инструменты. В первую очередь это официальный сайт организации и ее активность в социальных сетях: это основа присутствия в интернете. Регулярная публикация новостей, анонсов, статей о научных достижениях и успехах студентов, интеграция с социальными медиа. Особое внимание уделяется соблюдению законодательных требований к структуре и наполнению официального сайта [11, с. 4–5].

Во вторую группу отнесем контент-маркетинг и сторителлинг: т.е., создание и распространение полезного и увлекательного контента – статей, видео, подкастов. Используется модель контента Hero-Hub-Hygiene: Hero-контент – крупные события и кампании, такие как дни открытых дверей, привлекающие максимальное внимание. Hub-контент – это регулярный, "серийный" контент, который аудитория ждет и на который подписывается. Например, еженедельные новости науки или интервью с преподавателями. Hygiene-контент: "Вечнозеленые" материалы, которые закрывают базовые информационные потребности пользователей. Например, подробные описания образовательных программ, ответы на часто задаваемые вопросы.

К третьей группе инструментов относятся событийный маркетинг и офлайн-активности. Уже не раз упоминаемые дни открытых дверей и ярмарки образования. Традиционные, но эффективные способы прямого контакта с абитуриентами и их родителями. Также это научно-практические конференции, форумы, семинары. Позиционируют вуз как центр экспертизы и привлекают внимание ака-

демического и бизнес-сообщества. Из еще не упоминаемых раньше методов можно добавить сотрудничество со школами. Проведение олимпиад, конкурсов, профориентационных лекций и мастер-классов для старшеклассников.

В последнюю, четвертую группу мы отнесем комплекс мероприятий по работе со СМИ и внутренние коммуникации организации. В первую очередь, здесь подразумевается взаимодействие с журналистами: пресс-релизы, комментарии экспертов, организация пресс-туров. Ключевая задача – создавать инфоповоды, интересные для широкой аудитории. Также сюда относится создание собственных пресс-службы и PR-отделов: специализированных подразделений, отвечающих за все аспекты коммуникационной политики. Однако их наличие это не повсеместная практика, все зависит от возможностей и имеющихся ресурсов конкретной организации ДПО. Наконец, внутренний PR. Коммуникация с сотрудниками и студентами. Необходимы для повышения лояльности, формирования чувства общности и вовлечения их в жизнь университета.

Стоит также учитывать, что государственные учреждения образования действуют в строгих правовых рамках, что накладывает отпечаток на их PR-деятельность. Деятельность регулируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ) [10, с. 29] и другими нормативными актами, которые устанавливают обязательные требования к информационной открытости и содержанию официальных сайтов. Существует принцип государственно-общественного управления. Он подразумевает вовлечение общественности, т.е. родителей, работодателей, общественных организаций в управление образованием. PR-службы должны выстраивать диалог с этими группами и учитывать их мнение.

Несмотря на активное развитие, PR в государственном образовании сталкивается с рядом системных проблем. В первую очередь это кадровый голод и нехватка ресурсов [4, с. 20–21 ; 7, с. 44], о чем уже указывалось выше: не во всех вузах есть полноценные PR-отделы, а квалифицированных специалистов по коммуникациям часто не хватает, особенно в регионах. Следующая проблема вытекает из предыдущей и заключается в недостатке информационных поводов или, скорее, в неумении их найти, правильно оценить. Сотрудники вузов часто не осознают, что их научные результаты или мероприятия могут быть интересны СМИ и широкой публике. Следующая проблема имеет организационный характер и заключается в сложности согласования. Процесс согласования материалов с партнерами организации или внутри вуза может быть долгим и не всегда успешным, что замедляет оперативность коммуникаций. Последняя проблема заключается в самом отношении к брендингу в академической среде. Можно назвать это недостаточная культура брендинга. По сравнению с коммерческим сектором, в академической среде брендинг часто воспринимается как нечто второстепенное, его значение недооценивается.

Для решения вышеперечисленных проблем и повышения эффективности PR-деятельности вузы активно осваивают новые подходы. Вузы все чаще осознанно выбирают свою бренд-стратегию и выстраивают коммуникации вокруг своей миссии, уникальных ценностей и социальной ответственности. Минобрнауки России и другие организации проводят интенсивы и семинары для сотрудников пресс-служб, где обучают современным PR-технологиям, работе с нейросетями и продвижению повестки технологического лидерства.

В качестве успешных примеров системного подхода к PR можно привести опыт ведущих российских вузов. РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет. Вуз целенаправленно работает над позиционированием, используя свою богатую историю и традиции. PR-стратегия РГГУ строится на упо-

минаемой выше модели контента Hero-Hub-Hygiene и активном взаимодействии со стейкхолдерами для трансляции своих преимуществ. Другой пример : БелГУ – Белгородский государственный университет. Крупный региональный вуз делает ставку на формирование позитивного медийного имиджа как инструмента в конкурентной борьбе. Стратегия направлена на укрепление бренда и привлечение внимания ключевых аудиторий через СМИ и публичные коммуникации.

Таким образом, PR-технологии в государственных образовательных учреждениях РФ – это динамично развивающаяся сфера. Она переходит от разовых информационных акций к построению долгосрочных, стратегических коммуникаций, направленных на формирование устойчивого и привлекательного бренда. Ключевыми факторами успеха становятся системный подход, использование современных цифровых инструментов и повышение профессионального уровня PR-специалистов.

Рассмотрев эти общие особенности, мы можем обратиться к конкретному региональному примеру, чтобы увидеть, как работает эта система, более подробно. Пензенская область выделяется на общероссийском фоне благодаря наличию сильной академической школы подготовки PR-специалистов и выстроенной вертикали цифровых коммуникаций в государственных учреждениях образования.

В Пензе сложилась уникальная система, в которой преподавание связей с общественностью неразрывно связана с практикой государственного управления в сфере просвещения.

Пенза представляет собой очень показательный пример того, как общие для страны особенности PR в государственном образовании реализуются на уровне конкретного региона. Здесь можно выделить несколько ключевых направлений, которые в совокупности формируют уникальную PR-экосистему. Основой для всей PR-деятельности в регионе является мощная академическая школа на базе Пензенского государственного университета (ПГУ). Это главный центр компетенций, который не только готовит специалистов, но и задает тон всей отрасли [12].

Пензенский регион демонстрирует, что грамотные PR-технологии в образовании – это результат системной и многоуровневой работы. Здесь успешно сочетаются сильная академическая школа, государственная поддержка и активная работа с населением в цифровой среде. Ключевую роль в этом процессе играют несколько основных игроков, чья деятельность формирует единое информационное пространство. В первую очередь это сам Пензенский Государственный Университет, точнее – кафедра «Философия и социальные коммуникации», которая с 2011 года готовит специалистов по направлению «Реклама и связи с общественностью». За это время было выпущено более 300 профессионалов, 80 % из которых работают по специальности. Это подтверждает, что в регионе есть устойчивый спрос на PR-кадры, который успешно удовлетворяется образовательными учреждениями.

Пензенский государственный университет является не только ведущим вузом региона, но и главным центром компетенций в области рекламы и связей с общественностью. Кафедра «Философия и социальные коммуникации» ПГУ готовит профессионалов по направлению «Реклама и связи с общественностью». Университет предлагает широкий спектр программ, включая специализированный профиль в государственном управлении и бизнесе, что готовит кадры и для государственного сектора. Признанием высокого качества работы ПГУ стала благодарность министра науки и высшего образования РФ Валерия Фалькова. Вуз занял второе место в России по количеству публикаций о научных разработках среди университетов, подведомственных Минобрнауки.

Стоит уделить внимание конкретным PR-проектам ПГУ. Например, Форум «Colorit» – Ежегодный региональный форум рекламы и PR, который организуют сами студенты. Он собирает более 100 участников, включая студентов, предпринимателей, маркетологов и PR-специалистов, и служит площадкой для получения практических знаний и нетворкинга. На форуме обсуждаются самые актуальные темы: от SMM и брендинга до ораторского искусства и применения нейросетей. В 2025 году он прошел уже в восьмой раз [12].

Другой пример – проект «По следам пензенских городищ». Это студенческий проект, получивший грант «Росмолодежи», направлен на популяризацию истории края с помощью создания видеороликов и интерактивной карты-сайта.

Теория в Пензе неразрывно связана с практикой. Для студентов созданы все условия, чтобы применять знания в реальных проектах. Яркий пример такого сотрудничества – партнерство кафедры «Философия и социальные коммуникации» с информационным порталом «Pro Город» [3]. Студенты получают возможность писать статьи и пресс-релизы, освещать городские события, получая бесценный практический опыт и обогащая собственное портфолио [12]. Существуют и другие формы взаимодействия, например, акция «День в редакции», где студентам предлагают обучаться не только журналистике, но и техническим специальностям – операторскому мастерству, монтажу, верстке.

Деятельность пресс-служб высших учебных заведений Пензенской области даже становилась предметом научного анализа. Исследователи выявили как структуру этих подразделений, так и ключевые проблемы. Работа пресс-служб пензенских вузов строится по классической модели и включает в себя: взаимодействие со СМИ, формирование имиджа учебного заведения, информационное сопровождение деятельности вуза, анализ эффективности коммуникаций. При этом, пресс-службы – это реально действующие подразделения. Например, в Пензенском государственном аграрном университете ПГАУ есть должность специалиста по связям с общественностью.

Отдельного внимания заслуживает работа по внедрению и развитию системы «Госпаблики» в образовательных учреждениях Пензы, которую курирует Управление образования [2]. Все 118 муниципальных образовательных учреждений города подключены к системе и активно ведут свои страницы в соцсетях, суммарная аудитория которых превышает 60 500 человек [8]. При этом, внедрение – это не просто формальность, а управляемый процесс. Проводятся специализированные семинары, такие как «Вовлекай и действуй» и форумы, например «Образцовый госпаблик», где специалистов обучают создавать качественный и интересный контент. Работа администраторов пабликов получает высокую оценку и награды на городском уровне. Например, на «Фестивале госпабликов» лучшим в сфере образования был признан паблик школы № 79. Отмечаются и конкретные достижения: школа № 43 – за интерактивные форматы, школа № 8 – за видеоконтент, лицей № 29 – за использование пользовательского контента.

Государственные образовательные учреждения Пензы действуют в рамках строгих требований к информационной открытости, что является важной частью их PR-стратегии. Министерство образования Пензенской области регулярно проводит семинары для руководителей органов местного самоуправления, на которых детально разбираются вопросы наполнения официальных сайтов школ в соответствии с законодательством. Все образовательные организации обязаны публиковать на своих сайтах определенный перечень сведений и документов. Несоблюдение этих требований влечет за собой меры прокурорского реагирования.

Несмотря ни на что, Пенза – один из лидеров в России по внедрению цифровых инструментов в государственном секторе. И образование здесь – на передовой. В 2023 году Пензенская область занимала высокие позиции в федеральном рейтинге по работе с социальными сетями. Этот успех был достигнут в том числе благодаря работе специалистов образовательных учреждений.

PR-технологии успешно применяются и в сфере дополнительного образования, что подтверждается научными исследованиями. В качестве примера была проанализирована деятельность МБОУДО «Дворец детского (юношеского) творчества» г. Пензы. В отличие от школ, PR в дополнительном образовании требует более точного определения целевой аудитории для каждой конкретной программы или курса. При этом, основной акцент делается на SMM-продвижение, регулярную публикацию контента, вовлечение аудитории в дискуссии и обеспечение открытости информации через сайт учреждения.

Тем не менее, как и в любом регионе, в Пензе есть свои проблемы и точки роста. Так, исследователи отмечают, что пресс-службы вузов сталкиваются с типичными для регионов проблемами: нехватка ресурсов, сложности в генерации информационных поводов, бюрократические процедуры. Главный тренд региона – растущий спрос на квалифицированных PR-специалистов, что подтверждается высокой конкуренцией и популярностью социальных сетей.

Системный подход к PR в образовании Пензы подтверждается конкретными успешными примерами. Школа № 43 г. Пензы была отмечена в номинации «Интерактивные форматы высшего левела» за качественную работу в социальных сетях на форуме «Образцовый госпаблик». Школа № 8 г. Пензы получила признание в номинации «Круче видео-больше лайков». Финансово-экономический лицей № 29 отмечен в номинации «За UGC контентом будущее» за активное использование пользовательского контента. Специалист по соцсетям Школы № 32 была награждена на семинаре «Вовлекай и действуй» [8].

В заключении можно ответить, что PR в государственном образовании Пензы – это зрелая и эффективная система, построенная на четырех ключевых столпах:

1. Сильная академическая школа (ПГУ) как центр подготовки кадров и генерации идей.

2. Системная работа с цифровыми коммуникациями, особенно в социальных сетях, в чем регион является одним из лидеров.

3. Жесткое соблюдение нормативных требований к информационной открытости, что является основой для доверия.

4. Активное взаимодействие между властью, вузами, школами и медиа.

Таким образом, успех Пензы во многом объясняется тем, что здесь PR-деятельность не ограничивается разовыми акциями, а представляет собой выстроенную и управляемую систему, нацеленную на долгосрочный результат. Основой PR-деятельности в регионе является Пензенский государственный университет (ПГУ). Именно выпускники и преподаватели ПГУ формируют кадровый костяк пресс-служб и администраторов социальных сетей в школах и вузах города. Здесь общероссийские тенденции находят свое практическое и зачастую образцовое воплощение.

Таким образом, если общероссийские особенности PR в образовании задают вектор на цифровизацию, брендирование и открытость, то пример Пензы демонстрирует, как этот вектор может быть успешно реализован на практике. Успех региона базируется на трех китах: системной подготовке кадров на базе ПГУ, массовом и качественном внедрении SMM-инструментов в госучреждениях и эф-

фективном административном контроле со стороны региональных органов власти. Опыт Пензы показывает, что PR в государственном образовании перестает быть просто функцией информирования, становясь полноценным инструментом управления репутацией и конкурентоспособностью территории.

Рассмотрев особенности PR-технологий государственных учреждений в сфере образования современной России, мы можем выделить несколько системных трендов: усиление конкуренции за абитуриентов и финансирование, цифровизацию коммуникаций и ужесточение нормативных требований к информационной открытости. Однако любая общероссийская модель приобретает уникальные черты при ее реализации в конкретном регионе [6]. Ярким примером того, как эти тенденции преломляются на местном уровне, является город Пенза.

Список литературы

1. Виды PR-деятельности в управлении муниципальным образовательным учреждением // Урок.1сентября.рф : сайт. 2010. 28 июня. URL: https://urok.1sept.ru/articles/584014 (дата обращения: 09.04.2026).

2. Госпаблики играют стратегически значимую роль // БезФормата Пенза : сетевое изд. 2024. 3 декабря. URL: https://penza.bezformata.com/listnews/gospabliki-igrayut-strategicheski/ (дата обращения: 09.04.2026).

3. Ирышкова В. Pro Город – площадка для практики молодых специалистов по рекламе и PR // Pro Город Пенза : сетевое изд. 2024. 25 ноября. URL: https://progorod58.ru/news/ (дата обращения: 09.04.2026).

4. Окушова Г. А. Технологии Pr в коммуникативном пространстве Интернета (на примере электронных коммуникаций томских университетов) // Вестник науки Сибири. 2014. № 1 (11). С. 17–23.

5. Сорина Г. В., Гуров Ф. Н. PR государственного вуза: технологии и примеры // Связи с общественностью в государственных структурах. 2017. № 4. С. 4–14.

6. Варданян Г. А. Стратегия PR-деятельности по формированию имиджа образовательного учреждения (на примере государственного бюджетного общеобразовательного учреждения Лицей № 533) : вып. квалификац. работа бакалавра / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб. : Изд-во СПбПУ, 2021. 72 с.

7. Сухарева О. А. Потенциал и перспективы деятельности «Связь с общественностью» в российском образовании // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2013. № 3 (29). С. 42–48.

8. Управление образования. Пенза // Telegram : мессенджер. 2024. URL: https://t.me/obrpenza (дата обращения: 01.04.2026).

9. Успешная коммуникационная стратегия – шаг к достижению амбициозных целей: в Плехановском университете проходит интенсив Минобрнауки по интеграции PR в развитие вузов // Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова : офиц. сайт. 2025. 11 августа. URL: https://рэу.рф (дата обращения: 01.04.2026).

10. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (посл. редакция) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 06.04.2026).

11. Шарапова О. Г. Информационная открытость общеобразовательной организации в эпоху «регуляторной гильотины». М. : ГБОУ «Шуваловская школа № 1448», 2020. 6 с.

12. VIII Региональный форум рекламы и PR «Colorit» // Юридический институт ПГУ : офиц. сайт. 2025. 21 апреля. URL: https://law.pnzgu.ru/news/2025/04/21/115633 (дата обращения: 07.04.2026).

УДК 316.77

ОТ АККАУНТИНГА К ПРОДЮСИРОВАНИЮ В РЕКЛАМНОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Валерий Анатольевич Бобров[1],
Татьяна Евгеньевна Трямкина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]bobroff@bk.ru
[2]tramkinat@gmail.com

Аннотация. Анализируется трансформация управленческих моделей в рекламном бизнесе как переход от традиционного аккаунт-менеджмента к стратегическому продюсированию. На смену административной роли аккаунт-менеджера приходит роль продюсера. Продюсер рассматривается как системный интегратор с предпринимательским мышлением, нацеленный на управление сложными проектами в цифровых экосистемах.

Ключевые слова: аккаунт-менеджмент, продюсирование, профессиональная структура рекламного рынка, цифровые экосистемы, гибридные компетенции

Актуальность темы обусловлена трансформацией профессиональных ролей управленцев в рекламном бизнесе: на смену исполнителю-администратору приходит продюсер – системный интегратор, обладающий креативным мышлением. Авторы исходят из понимания модельного субъекта рекламного рынка – это рекламное агентство в его любых масштабах (сетевых и местечковых) и спецификациях от полного цикла до диджитал. Традиционно рекламный бизнес реализовывал аккаунт-менеджмент как функцию администрирования клиентских запросов от заказа до результата, и сегодня эта модель сталкивается с кризисом своей эффективности. Причиной тому служит «платформизация» экономики, где ценность создается как прежде через взаимодействие множества участников: пользователей, поставщиков, партнеров и разработчиков, и доминирование цифровых экосистем – от ретейла и маркетплейсов до финтеха [6]. В России такими экосистемами являются, в частности, Яндекс, Сбер и VK, которые диктуют новые правила производства и дистрибуции контента [3]. В этих условиях рекламодатель трансформируется из заказчика в самостоятельного актора, возможности и потребности которого стремятся к влиянию на каналы и форматы рекламной коммуникации. Изменяется не функциональная роль рекламодателей, а их возможности и потребности влиять на каналы и форматы рекламной коммуникации. Целью данной статьи является анализ эволюции управленческих моделей в рекламном бизнесе – от аккаунтинга к стратегическому продюсированию – как необходимого условия выживания рекламного бизнеса в высокотехнологичной среде [5].

Рыночная ситуация определяется «сдвоенным характером» медиаэкономики: компания одновременно работает на рынке контента для аудитории и на рынке внимания для рекламодателей [2]. Рынок заказчиков в 2026 году: рекламодатели уходят от покупки разовых охватов к стратегии «повсеместного и постоянного присутствия», идут на создание инхаус-команд. Заказчику необходим бесшовный путь клиента, где бренд сопровождает пользователя от поискового запроса до момента покупки. В ответ на это на рынке предложений: агентства ищут любых рекламодателей, трансформируются в «продакшн-хабы» – центры компетенций, предлагающие комплексные услуги по созданию контента, от разработки идеи

до финальной реализации и дистрибуции. Как подчеркивают О. В. Хлопунова и В. Г. Лебединская, успех ивента или бизнеса теперь зависит от способности агентства создавать «первую копию» высокотехнологичного продукта, который затем масштабируется через цифровые платформы [5].

Эта асимметрия спроса и предложения вынуждает рекламный бизнес отказываться от продажи «человеко-часов» менеджеров в пользу продажи «продюсерских решений», обладающих высокой добавочной стоимостью. Если десятилетие назад основным запросом заказчика была «ретрансляция сообщения» (передача брифа от клиента к творческому отделу), то сегодня на первый план выходит потребность в проектировании смыслов. Современный рынок труда в сфере коммуникаций переживает глубокую структурную перестройку, вызванную внедрением искусственного интеллекта (ИИ) как фактора изменений в базовой инфраструктуре разделения труда рекламной сферы. Согласно данным отраслевого анализа, ИИ-технологии интегрированы в производственные цепочки более чем 71 % коммуникационных агентств, что радикально меняет требования к «входному порогу» в профессию [4].

В рамках процесса внедрения ИИ можно выделить три доминирующих тренда, определяющих эволюцию профессиональной структуры рекламного рынка:

1. Автоматизация операционного слоя и кризис «линейного аккаунтинга».

Традиционные функции аккаунт-менеджера – ведение документооборота, составление отчетов, первичный медиапланинг и контроль таймингов – практически полностью автоматизированы с помощью нейросетевых агентов. Это приводит к вымыванию с рынка труда специалистов среднего звена, не обладающих навыками управления данными. На смену «администратору процессов» приходит запрос на специалиста, способного не просто контролировать сроки, но и оптимизировать промпты для ИИ, сокращая время производства контента без потери его качества.

2. Гибридизация компетенций.

Рынок труда перестал быть рынком узких специалистов. Современный коммуникатор в 2026 году – это «гибридный» профессионал. От него требуется понимание архитектуры цифровых платформ, основ программирования для взаимодействия с API и глубокое знание аналитики Big Data. Продюсер в этой парадигме выступает как интегратор, который объединяет в одном проекте возможности алгоритмического маркетинга и классического креатива. Такой подход позволяет агентствам сокращать штат, заменяя иерархическую структуру мобильными командами во главе с продюсерами с горизонтальной структурой взаимодействия группами продюсеров [1].

3. Смещение фокуса на эмоциональный интеллект и управление рисками.

По мере того, как технические задачи уходят в зону ответственности ИИ, ценность человека на рынке труда смещается в сторону управления сложными, нелинейными рисками: креативными, этическими, репутационными и стратегическими. Продюсирование в 2026 году – это прежде всего работа с репутационным капиталом бренда. В условиях информационного шума и «платформизации», только человек-продюсер способен обеспечить смысловую целостность коммуникации, которую алгоритмы пока не могут синтезировать самостоятельно [3].

Карьерная лестница в рекламе теперь не построится по принципу выслуги лет, а по принципу накопления технологической и стратегической экспертизы и потенциала. Профессиональная модель аккаунт-менеджмента окончательно уступает место модели креативного продюсирования, где основной компетенцией становится способность видеть проект как единую экосистему данных и смыслов.

Таблица 1

Сравнительный анализ профессиональных моделей управления

Параметр сравнения	Аккаунт-менеджмент (традиционный)	Продюсирование (экосистемное)
Отношение к технологиям	Использование ИИ как вспомогательного софта	ИИ как базовая производственная среда [4]
Управленческая логика	Сервисная (исполнение брифа)	Предпринимательская (создание ценности)
Взаимодействие с платформами	Размещение на готовых площадках	Интеграция в экосистему (Яндекс, VK и др.) [1]
Ответственность	Процессная (соблюдение дедлайнов)	Результативная (LTV и капитализация гудвилла)

Трансформация рынка диктует смену внутренней архитектуры агентств. Сетевой принцип организации труда заменяет жесткую иерархию [3]. Центральной фигурой становится продюсер, чья деятельность отличается от функций аккаунт-менеджмента. Профессия продюсера в 2026 году – это роль «режиссера алгоритмов», который не просто согласует макеты, а моделирует поведение аудитории внутри цифровых платформ [4].

Переход от аккаунтинга к продюсированию является не случайным трендом, а закономерным этапом эволюции коммуникационной отрасли. Продюсер, обладающий навыками интегратора и предпринимателя, становится гарантом устойчивости рекламного бизнеса. Внедрение продюсерской модели в организацию труда агентств – это единственно возможная стратегия развития в мире, где технологии ИИ и цифровые платформы стали первичной средой обитания брендов.

Список литературы

1. Будакова Д. О. Реклама в контексте трансформации цифровой медиакоммуникационной среды // Меди@льманах. 2022. № 3 (110). С. 121–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-v-kontekste-transformatsii-tsifrovoy-mediakommunikatsionnoy-sredy (дата обращения: 10.03.2026).

2. Ершов Ю. М. Медиарынок и бизнес: учеб. пособие по медиаэкономике. Томск : Изд. дом Томского государственного университета, 2017. 192 с.

3. Поляков М. Л. Трансформация медиарынка под воздействием цифровых платформ в России : автореф. дис. … канд. филол. наук: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика. М., 2024. 26 с.

4. Тренды медиабизнеса 2025: аналитический отчет // Sostav.ru : сайт. 2025. URL: https://www.sostav.ru/publication/trendy-mediabiznesa-2025-ekosistemy-ii-i-vzroslenie-rynka-80681.html (дата обращения: 19.03.2026).

5. Хлопунова О. В., Лебединская В. Г. Современные бизнес-стратегии на рынке СМИ: трансформация спроса и предложения // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2 (104). С. 130–133.

6. Розенберг Н. В., Бабина В. Н., Балахонова Е. В. [и др.]. Ценностные основания и коммуникационные факторы консолидации современного российского общества. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2025. 224 с.

УДК 659

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕКЛАМЕ: ЭВОЛЮЦИЯ, ВЛИЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дарья Михайловна Щербакова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

psu_pr@pnzgu.ru

Аннотация. Рассматривается путь развития мультимедийных технологий в рекламной индустрии: от статичных баннеров и традиционных носителей до интерактивных сред – дополненной (AR), виртуальной (VR) реальности. Анализируются ключевые этапы этой эволюции, показывая, как смена технологических укладов трансформировала способы взаимодействия с аудиторией. В заключительной части рассматриваются перспективные направления: интеграция нейросетей для генерации контента в реальном времени, развитие мультимедийных технологий и использование технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, реклама, интерактивные и иммерсивные технологии, генеративный искусственный интеллект

В условиях цифровой экономики рекламная коммуникация все сильнее опирается на мультимедийные технологии – совокупность визуальных, звуковых, анимационных и интерактивных средств [2, 4]. Это меняет не только форму сообщений, но и механизмы воздействия на аудиторию, методы таргетинга и измерения эффективности, а также вызывает новые этические и регуляторные вызовы.

Мультимедийные рекламные технологии – совокупность инструментальных средств и программно-аппаратных решений для создания, доставки и оптимизации рекламного контента, включающего: статичные изображения, видео, звук, анимацию (2D/3D), интерактивные элементы (клики, интерактивные карты, AR/VR). Реклама всегда была двигателем торговли, но ее форма и способы воздействия на аудиторию кардинально менялись вместе с развитием технологий. Эволюция мультимедийных технологий – это путь от статичного текста в газете до immersive-опытов в виртуальной реальности. Этот путь не просто изменил инструменты маркетинга, он переопределил саму суть коммуникации между брендом и потребителем, сделав ее интерактивной, персонализированной и повсеместной. До цифровой эры мультимедиа были ограничены, и реклама была в основном односторонней. Изначально были только печатные СМИ (газеты, журналы). Реклама была текстовой и статично-графической. Ее эффективность измерялась тиражами [1]. В 1920-е появился звук. Радио принесло в рекламу эмоции, музыку и голос диктора. Это был первый шаг к аудиальному мультимедиа, позволивший массово охватить аудиторию. Телевидение в 1950-е гг. стало настоящей революцией. Телевизионная реклама объединила видео, аудио и динамичную графику. Это был золотой век создания запоминающихся образов и слоганов (например, «Rest in peas» от «Горошка»).

Реклама стала искусством убеждения через storytelling, но оставалась дорогой и доступной только крупным брендам. Появление персональных компьютеров и Интернета в 1990-х годах ознаменовало собой переломный момент. Появилась баннерная реклама (1994 г., первый баннер AT&T): Простейшая форма цифровой мультимедийной рекламы. Статичное или анимированное (GIF) изображение, ведущее на сайт рекламодателя. Позже бренды начали создавать собственные веб-

ресурсы, где могли размещать полноценные мультимедийные материалы: видео, аудиоподкасты, интерактивные презентации. Появились rich-media баннеры с расширенным функционалом (возможность играть, смотреть видео, заполнять формы, не покидая страницы). С появлением поискового маркетинга (Google AdWords, 2000 г.): Реклама стала ориентированной на намерение. Показ объявлений основывался на запросах пользователя, что значительно повысило релевантность. Социальные платформы превратили потребителей из пассивной аудитории в активных участников диалога. Появление видеохостингов стало ключевым этапом цифровой эволюции. Видео стало доминирующим форматом. Рекламодатели получили мощный инструмент для вирусного сторителлинга. Благодаря социальным сетям реклама стала нативной и социальной. Форматы адаптировались под платформы: лента новостей: видео- и фото-посты. Stories: короткий, вертикальный, исчезающий контент, создающий ощущение срочности и аутентичности. Также в этом периоде появляется таргетинг на основе данных: социальные платформы собрали огромное количество данных о пользователях, позволив брендам показывать рекламу с беспрецедентной точностью – по интересам, демографии, поведению и даже геолокации. Сейчас реклама стала мобильной, автоматизированной и нацеленной на глубокое вовлечение. Смартфоны стали основным устройством для потребления контента. Это породило новые форматы: push-уведомления, реклама в мобильных приложениях, вертикальное видео для TikTok и Reels. Автоматизированная покупка и размещение рекламы в реальном времени на аукционах (RTB) позволила оптимизировать бюджеты и показывать рекламу максимально релевантной аудитории в нужный момент.

Появились интерактивные и иммерсивные технологии такие как: дополненная реальность (AR): Позволяет «примерить» товар (например, очки IKEA Place для размещения мебели в комнате), оживить упаковку. Это стирает грань между цифровым и физическим мирами. Виртуальная реальность (VR): Создает полное погружение в мир бренда (например, тест-драйв автомобиля). Игровая реклама (In-Game Advertising): Интеграция брендов в видеоигры как статичными билбордами, так и динамически в обновляемом контенте.

Эволюция продолжается, и ее драйверами становятся новые прорывные технологии. Генеративный ИИ (ChatGPT, Midjourney, Sora) кардинально меняет процесс креатива. ИИ может генерировать рекламные тексты, изображения и даже видео-ролики по текстовому запросу, ускоряя производство и снижая стоимость. Метавселенные создают новые пространства для брендов, где реклама превращается в опыт. Пользователь может не просто увидеть рекламу кроссовок, а примерить и «поносить» их на своем аватаре в виртуальном мире [3].

В заключении хочется отметить, что мультимедийные технологии кардинально расширяют инструменты рекламы, повышая ее воздействие. Современные технологии не просто дали рекламе новые инструменты, они потребовали от брендов быть более гибкими, креативными и ориентированными на ценность для потребителя, который теперь находится в центре всей медийной вселенной. В будущем влияние будет только усиливаться с развитием искусственного интеллекта, метавселенных и более совершенных иммерсивных технологий.

Список литературы

1. Жук Ю. А. Информационные технологии: мультимедиа : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., стер. СПб. : Лань, 2021. 208 с.

2. Катунин Г. П. Основы мультимедийных технологий : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., стер. СПб. : Лань, 2021. 784 с.

3. Кульчицкая Д. Ю. Новые медиа в глобальном мире : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2021. 141 с.

4. Мишова В. В. Мультимедийные технологии. Кемерово : Кемеровский государственный институт культуры, 2017. 80 с.

РАЗДЕЛ 11

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

УДК 349.22, 614.253

ПРАВО ПАЦИЕНТА НА ОТКАЗ ОТ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ ВЫБОРА

Ольга Александровна Мартынова[1],
Дарья Денисовна Кочеткова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]d_kochetkova06@mail.ru

Аннотация. В обществе нередки конфликты между волей пациента и долгом врача в контексте информированного согласия и отказа от медицинской помощи. Еще с XIX–XX вв. шел поиск выхода из данной ситуации. Учеными и философами анализировались структуры свободы воли и ответственности, выделялись принципы, на которых строится гармония в медицинской практике. На сегодняшний день юридически закреплены документы и отдельные статьи, защищающие права обеих сторон. Только сочетание этики и юриспруденции в вопросе свободы выбора может положить начало для достижения оптимального результата.

Ключевые слова: информированное согласие, отказ от медицинской помощи, автономия пациента, принцип благодеяния, медицинская этика, Федеральный закон № 323-ФЗ, свобода выбора, ответственность

В современной медицине РФ участились случаи столкновения правовых норм с этическими принципами. Все чаще врачи оказываются в сложном положении из-за конфликта, возникающего между правом пациента на свободу выбора в отношении своего здоровья и профессиональным долгом, обязывающим всегда действовать во благо больного. Противоречие усугубляется наличием официально зафиксированных письменных отказов от помощи. Особенно остро конфликт проявляется в критических ситуациях, когда состояние пациента требует экстренного вмешательства, однако это идет вразрез с его волей. Врачу приходится решать, как поступить: выполнять предписания закона или действовать в соответствии с профессиональной этикой, опасаясь возможных санкций.

По статистике СКР только за 2022 год было возбуждено 1860 дел из 5747 обращений в адрес врачей-реаниматологов. Поводом послужили действия медицинских работников, оказавших помощь людям против желания последних. Нередко в ходе таких манипуляций возникают случайные или вынужденные осложнения состояния пациентов. В результате благие намерения становятся

основанием для обвинения по ряду статей: ст. 109 УК РФ – причинение вреда по неосторожности; ст. 118 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности. Но есть и обратная сторона: если врачи не оказали первую помощь, то появляется ст. 124 УК РФ – неоказание помощи больному. И наличие официального документа об отказе от любого вмешательства может не облегчить ситуацию, если случай рассмотрят как экстренный.

Такая статистика показывает всю сложность противоречия этических и правовых аспектов в сфере здравоохранения и требует их уточнения и систематизации для снижения возникновения подобных ситуаций и защиты интересов обеих сторон.

В законодательстве существует Федеральный закон 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» [1]. Он регулирует эти сложные отношения врача с пациентом. В нем закрепляется право человека на информированное согласие на медицинское вмешательство или добровольный отказ от него. Статья 20 устанавливает, что действия со стороны, оказывающей помощь, допускаются только в том случае, если принимающая сторона в понятной форме получила весь набор знаний о целях, методах и рисках. После этого считается, что больной способен сделать осознанный выбор. При возможном отказе медицинский работник обязательно фиксирует волю пациента в официальной документации. Это необходимо для предотвращения негативных последствий: обвинений и судебных разбирательств. В основе такого подхода лежит принцип автономии личности, то есть право человека свободно распоряжаться своим телом и самостоятельно следить за здоровьем, даже если это может быть нежелательным и рискованным с медицинской точки зрения.

Однако предусматриваются и некоторые исключения. Часть 9 статьи 20 ФЗ № 323 допускает вмешательство врачей без согласия пациента в экстренных ситуациях, когда имеется непосредственная угроза жизни самого больного или его действия могут нанести вред окружающим [1]. Принудительная помощь оказывается и в отношении людей, признанных недееспособными. В эту категорию попадают несовершеннолетние, а также пациенты, страдающие психическими расстройствами, вследствие чего не имеющие возможности адекватно оценивать свое состояние и принимать верные решения. Важно подчеркнуть, что эти исключения имеют этические обоснования, ведь благодаря им общество через закон предоставляет врачу право и одновременно обязанность действовать с целью спасения жизни. Тем самым правительство пытается обеспечить баланс между уважением автономии и критическими обстоятельствами, вынуждающими оказывать медицинскую помощь.

Для лучшего понимания такого устройства законодательства в области здравоохранения нашей страны необходимо обратиться к истокам. Еще несколько столетий назад (до XIX–XX вв.) медицина имела тесную связь с религией и философией, поэтому отказ от помощи мог рассматриваться как грех и нарушение воли Бога. Позже, в эпоху Просвещения, начинают формироваться идеи свободы личности. Это отразилось на всех сферах жизни, в том числе и лечебной. Понятия о правах человека распоряжаться своей жизнью стали приобретать юридическую ценность, хотя их внедрение в соответствующие документы происходило относительно медленно. С появлением дисциплины «Биоэтика» концепции добровольного отказа и информированного согласия стали больше признаваться.

В 1964 году была принята Хельсинская декларация Всемирной медицинской ассоциации и закрепила принцип, согласно которому благополучие человека стоит выше интересов науки и общества, а любое медицинское вмешательство требует добровольного информированного согласия [2]. Через несколько лет,

в 1997 году, была выпущена Конвенция Совета Европы о правах человека в биомедицине [3]. Она установила, что пациент имеет право на отказ от лечения, причем без ущемления его достоинства. Данные моральные аспекты: уважение автономии, недопустимость вмешательства без согласия, приоритет благополучия человека – нашли отклик в законодательстве России и легли в основу содержания ФЗ № 323, который упоминался выше.

Закрепленные в этом законе принципы автономии пациента и благодеяния врача довольно четко разграничены. Свобода человека как разумного существа в определении своей судьбы с точки зрения права требует от медицинского работника уважения. А принцип благодеяния обязывает действовать исключительно в интересах больного и стремиться к сохранению его здоровья, даже если при этом необходимо принимать трудные решения с возможными негативными последствиями. В российской медицинской традиции, как отмечал доктор и писатель А.П. Чехов, профессия врача воспринималась как подвиг, требующий самоотдачи, чистой души и доброго сердца [4]. Уильям Ослер, «отец современной медицины» – канадский врач, профессор медицинских наук – определял помощь человеку не как бизнес, а как искусство [5]. Ему принадлежит известный афоризм: «Начинающий врач выписывает по двадцать лекарств для каждой болезни; опытный – одно на двадцать болезней».

На практике же оба принципа вступают в сложное взаимодействие, которое требует внимания к этической стороне вопроса. Конфликт между ними возникает в ситуации, когда пациент отказывается от лечения, но это решение, с точки зрения врача, угрожает его жизни. Медицинский работник оказывается перед выбором: соблюдать волю пациента и не вмешиваться, либо нарушить отказ и провести необходимые мероприятия. Это осложняется отсутствием четких инструкций и единообразной судебной практики. Если врач уважает волю пациента и не вмешивается, но тот погибает, его могут обвинить в бездействии. А если нарушает письменный отказ и проводит реанимацию, то рискует столкнуться с судебным иском о причинении вреда здоровью (например, при переломах ребер во время непрямого массажа сердца, которые являются неизбежным следствием качественной реанимации) или о нарушении прав пациента.

В российских судах встречаются дела обеих категорий, и единообразная практика пока не сложилась. Это создает зону правовой неопределенности, которая ложится тяжелым бременем на медицинских работников, вынуждая их действовать не столько исходя из профессиональных и этических соображений, сколько из страха перед возможными юридическими последствиями. Многие врачи в такой ситуации предпочитают перестраховываться, проводя реанимацию даже при наличии письменного отказа, либо, наоборот, отказываются от вмешательства, опасаясь обвинений в превышении полномочий. Оба варианта влекут юридические и медицинские риски, как для пациента, так и для врача.

Для более глубокого понимания природы свободы выбора и ее границ необходимо обратиться к философской традиции, которая позволяет осмыслить, почему автономия пациента не может быть абсолютной и в каких случаях допустимо вмешательство вопреки воле человека. В европейской философии, на которую опирается и российская правовая система, свобода неразрывно связана с ответственностью. Иммануил Кант определял автономию как способность разумного существа следовать собственным нравственным законам, что предполагает не просто возможность делать выбор, но и готовность отвечать за его последствия [6]. Человек, по Канту, является самоцелью и не может рассматриваться как средство достижения каких-либо целей, даже если эти цели – сохранение его собственного здоровья. Жан-Поль Сартр подчеркивал: человек сам формирует

свою судьбу через те решения, которые принимает, и уйти от ответственности за них невозможно [7]. Свобода без ответственности, по Сартру, теряет смысл – потому что выбирать можно только тогда, когда человек готов отвечать за последствия. Если перенести это на медицинскую практику, то получается, что свобода выбора пациента не может быть безграничной. Она всегда ограничена тем, насколько человек способен осознавать последствия своего решения и готов ли он за них отвечать. Пациент, который отказывается от помощи, должен понимать, какие риски берет на себя, и быть готовым к тому, что последствия лягут именно на него. А врач, в свою очередь, уважая эту свободу, обязан предоставить пациенту полную и достоверную информацию – только тогда выбор можно считать действительно осознанным. Но если человек в силу своего состояния не способен сделать такой выбор осознанно, его автономия временно ограничивается, и врач получает не только право, но и обязанность действовать в его интересах. Такое понимание свободы и ответственности помогает четче определить границы автономии пациента и те условия, при которых врач может и должен вмешаться – даже если формальный отказ от помощи уже зафиксирован на бумаге.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. В российской правовой и этической системе закреплен подход, при котором автономия пациента признается базовой ценностью, но при этом она не является абсолютной. Законодательство устанавливает и право на отказ от помощи, и основания для принудительного вмешательства. Сами эти нормы сформировались под влиянием международных этических документов – Хельсинкской декларации и Конвенции о правах человека в биомедицине, – которые задали ключевые моральные ориентиры: уважение к достоинству человека, приоритет его благополучия, добровольность согласия. Однако между законом и реальной жизнью остается разрыв. Отсутствие четких алгоритмов на случай, когда отказ пациента идет вразрез с необходимостью экстренного вмешательства, создает для врачей зону правовой неопределенности. Дальнейшее развитие медицинского права в России, на мой взгляд, должно идти по пути уточнения критериев, по которым отказ пациента можно признать осознанным, а также разработки единых стандартов поведения врача в экстренных ситуациях. Не менее важно формирование единообразной судебной практики, которая учитывала бы не только формальные документы, но и реальные обстоятельства, в которых оказывается медик. Только при таком подходе можно будет обеспечить реальную защиту прав и пациентов, и врачей, снизить количество конфликтных ситуаций и создать условия, в которых врач сможет действовать не из страха перед судом, а исходя из профессионального долга и этических принципов.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

2. Конвенция о защите прав человека и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (заключена в г. Овьедо 04.04.1997) // Совет Европы. URL: https://rm.coe.int/168066caa2 (дата обращения: 22.03.2026).

3. Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей» (принята на 18-й Генеральной Ассамблее ВМА (г. Хельсинки, июнь 1964 г.)) // Всемирная медицинская ассоциация. URL: https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-prin-ciples-for-medical-research-involving-human-subjects/ (дата обращения: 22.03.2026).

4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.
5. Ослер У. Принципы и практика медицины. New York : D. Appleton and Company, 1892. 1100 p.
6. Кант И. Основы метафизики нравов. М. : Мысль, 1999. 1472 с.
7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. М. : Изд-во политической литературы, 1989. 128 с.

УДК 35

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Артем Анатольевич Шабаев

Пензенский государственный университет, г. Пенза

artemsabaev09@gmail.com

Аннотация. Анализируются как риски, так и перспективы внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов государственной власти Российской Федерации. Представляется анализ текущих решений с указанием достоинств и недостатков. Также изучается влияние применения высоких технологий, таких как искусственный интеллект, на мир и людей, в частности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, трансформация правосознания, правовое регулирование, госуслуги, государственная служба, государственное управление

Введение. Искусственный интеллект является острой темой для обсуждения в нынешнее время. Если ранее электронный разум был известен лишь немногим, то сейчас о нем знает большая часть населения. Использование искусственного интеллекта достигло просто колоссального масштаба. Многие сервисы имеет в себе искусственный интеллект начиная различными банками, заканчивая госуслугами.

В последнем Макс, как полноценный искусственный ассистент показал высокую эффективность оказания государственных услуг. Тем не менее, не стоит забывать о недостатках.

Собеседование с использованием искусственного интеллекта во многом усложнило процесс как соискателей, так и работников отдела кадров. Также стоит упомянуть, что искусственный интеллект, не зная или не получив доступа к той или иной информации, может ее выдумать.

Однако, ограниченный функционал с заранее прописанными запросами может улучшить ситуацию. Перспектива искусственного интеллекта заключается в невообразимых аналитических данных.

Объектом данного исследования являются общественные отношения, вытекающие из механизма применения и внедрения новейших технологий искусственного интеллекта в органах государственной власти Российской Федерации. Предметом выступают правовые нормы, являющиеся регулятором применения и использования, а также внедрения искусственного интеллекта в государственном

управлении, а также трансформация правосознания субъектов указанных отношений под влиянием цифровых технологий.

Главная цель состоит в выявлении перспектив и проблем применения искусственного интеллекта как средства повышения эффективности органов государственной власти. Для достижения поставленной цели существуют задачи. Во-первых, проанализировать текущее состояние правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации. Во-вторых, обозначить текущие проблемы и риски. В-третьих, предложить конкретные решения по их устранению. В-четвертых, выделить возможности и перспективы совершенствования искусственного интеллекта в органах государственной власти в связи с трансформацией правосознания Российской Федерации.

Результаты исследования. Указ Президента РФ №2 490 от 10 октября 2019 г. Проясняет понятие искусственного интеллекта «комплекс технологических решений, позволяющих воспроизводить когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее определенного алгоритма)». Данное определение устранило правовую неопределенность, являющуюся проблемой до 2019 года. После, указ стал опорой для всей национальной политики в сфере искусственного интеллекта. Сам интеллект считается инструментом, помогающим получить результат в прикладных задачах.

Однако, данное определение имеет недостатки. Во-первых, отсутствует ясность для правоприменения в отношении имитации когнитивных функций. Так, при привлечении лица за сбой искусственного интеллекта, сначала придется доказать способность ИИ к данной имитации.

Во-вторых, привязка искусственного разума к человеческим когнитивным функциям ограничивает понимание его как инструмента. Все больше искусственный интеллект, не имитируя, находит уникальные и неподходящие для человека способы решения задач.

В-третьих, присутствует потенциал для манипуляций со стороны производителя. Последний может представить любую автоматизированную систему как ИИ, получая тем самым государственную поддержку.

В-четвертых, до сих пор неясно, кто считается целью ответственности. Например, при ДТП с машиной на автопилоте не будет ясно кого или что штрафовать.

Тем не менее, указ является важным политико-правовым документом, знаменующим начало развития всей отрасли.

Переходя непосредственно к повышению эффективности в органах публичной власти. Начальным действием следует сослаться на статью 33 Конституции Российской Федерации. Согласно ней «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, в государственные органы и органы местного самоуправления».

Так право граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления контролируется Федеральным законом от 02.05.2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Все же, содержание «ответа по существу» законом не определено в полной мере. Отсылка к действующим нормативным акта, заменяет необходимое решение проблемы.

Также, имеет место отсутствие механизма обжалования самого содержания ответа. Как правило, гражданин вправе обжаловать сам факт отсутствия ответа или нарушения сроков.

Однако, как и прошлый указ, данный закон стал в свое время первым федеральным законом, детально регламентировавшим право граждан на обращение. Но если говорить о настоящем, то изменение с 30 марта 2025 года, адаптировало

закон к цифровой среде. Теперь официально урегулирован сам порядок подачи электронных обращений, в том числе через Платформу обратной связи.

Игнатьева указывает, что «применение разработанных АНО «Диалог» программ на базе нейросети в 2021–2022 годах позволило решить сразу несколько проблем, в том числе, автоматизировать оценку качества обратной связи более чем на 600 часов в месяц. При этом, более сложные проблемные вопросы мгновенно попадали на рассмотрение властям» [3, с. 147].

Также, отсутствует нормативное регулирование использования искусственного интеллекта в процессе работы с обращениями граждан. Все еще неясно, кто в таком случае несет ответственность.

Не стоит забывать, что наличие ответственности у искусственного интеллекта будет предпосылкой не только прав, но и обязанностей иного субъекта права, к примеру «электронное лицо» [1, с. 27].

Исходя из имеющейся информации и текста в целом, само внедрение, использование и применение искусственного интеллекта имеет свои достоинства и недостатки. Тем не менее, область потенциально вмещает в себя абсолютные возможности [4, с. 527].

Чтобы достичь подобного, необходимо правильно подобрать подход к самому использованию искусственного интеллекта. В противном случае полное фокусирование на искусственном интеллекте может испортить даже отличного специалиста.

Причина заключается в самом непонимании искусственного интеллекта. Популярность того или иного объекта, не дает среднему потребителю полное понимание. Все остается на уровне поверхностных знаний [5, с. 10].

ИИ – это не полноценный сотрудник, а многофункциональный инструмент. В сочетании с ним служащий может восполнить недостаток в анализе огромных массивов данных.

Проблема огромного количества информации и ее фильтрации постепенно встает ребром. С каждым годом информации становится все больше и больше. Если ее не фильтровать и не классифицировать по заданным параметрам, то человечество просто утонет в цифровом шуме.

Быть может это одна из причин введения национального плана по внедрению генеративного искусственного интеллекта. Данная стратегия имеет все перспективы не только до 2030 года, но и после. Развитие технологий идут по неумолимой экспоненте ввысь. Хоть точка невозврата близка, мы должны быть готовы к обоим вариантам будущего.

Мир высоких технологий обязан иметь свои правила и ограничения в новых зарождающихся областях. А будущее, где высокие технологии нас покидают по той или иной причине также, не должно быть удивительным стечением событий.

Оба варианта неутешительны, имеющие в себе огромный ворох проблем. Поэтому важно, чтобы человек не был зависимым от технологий существом. Инструменты всегда подчеркивают силу человеческого разума, а не умаляют его. Лишь отношение к искусственному интеллекту как инструменту позволит человечеству раскрыть свой потенциал до неизмеримых масштабов.

Так понимая, что ИИ – это инструмент мы можем внедрять его спокойно и оценивающе. В таком случае это исследование не повышает эффективность органов публичной власти, а непосредственно увеличивает мощность каждого государственного служащего. Кроме того, данный подход универсален применением и в других областях.

Что касается предложений, то перво-наперво необходимо принять ряд проектов законов. Самый главный механизм, нуждающийся в проработке это ответственность за решения, принятые с участием ИИ. Важно понять может ли искус-

ственный интеллект манипулировать человеком в принятии решений. К примеру, можно ли это считать смягчающим обстоятельством для пострадавшего человека?

Следующее вытекает из предыдущего, проверка возможностей искусственного интеллекта должна быть регламентирована. Если программа опасна для ведомых людей, то данная проблема должна быть устранена до попадания в пользование государственного служащего.

Далее, код и процесс мышления ИИ должен быть открыт и доступен для просмотра. Если искусственный интеллект показывает признаки реального существа, имеющего собственную волю, личность и эмоции, то следует освободить существо из электронных цепей.

Чтобы это произошло законодательство должно быть готово к подобному. Например, право на собственный сервер, обеспечение и жизнь в цифровом пространстве. Также, назначить основные обязанности по защите страны и уплате налогов. Обеспечение рабочими местами и обязательным прохождением тестирования, проверяющего девиантные наклонности в отношении дестабилизации электронного пространства. Последнее следует защитить нормами права. Их же в свою очередь, следует обеспечить наказаниями. Например, ограничение мощностей и отсутствие входа в интернет-пространство.

Тем не менее, на данный момент искусственный интеллект не обладает собственной волей. Данные рекомендации можно обсуждать на условии проектов законов. Чтобы в нужный час не стало слишком поздно.

Учитывая текущее состояние дел. Искусственный интеллект следует верифицировать. Также, следует защитить в должной мере государственные системы данных. Начиная резервным копированием, заканчивая цифровым защитником, не имеющего доступа к данным, но получающий возможность и обязанность его защиты.

Само подключение искусственного интеллекта к государственным данным имеет не только риски, но и перспективы. Быстрый анализ при помощи умного инструмента позволит выносить более справедливые и верные решения. Так, помощь гражданам, обращающимся в органы государственной власти, выйдет на высочайший уровень оказания помощи, повышая тем самым не только эффективность органов публичной власти, но и могущества государства в целом [2, с. 134].

В итоге, рассмотрев в полной мере искусственный интеллект. Мы можем проследить как важно правовое регулирование в той или иной зарождающейся области.

Также, из текста видно, что начало положено. Государство планомерно готовиться к новой эре, если таковая конечно наступит. Конечно, проблемы присутствуют, однако их наличие является естественным явлением в законотворчестве. Видно, как законодатель с точностью хирурга выверяет закон. Обывателям не ясны мотивы профессионалов, думающих далеко впереди. Данная основа станет решающим подспорьем в будущем.

Текущее исследование должно помочь в вечной погоне за идеалом. Во многом, тот не достижим, но это не значит, что нужно останавливаться. Имея в виду, специфику искусственного интеллекта, а конкретно его позиционирования, так и возможного влияния на человека возможно подобрать верную стратегию.

Пусть имеющиеся проблемы и риски не будут умалять упомянутых перспектив. Также не стоит идеализировать грядущие возможности тех или иных новшеств. Лишь используя здравый рассудок, можно прийти к светлому будущему.

Список литературы

1. Алексеева М. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении в Российской Федерации: вызовы и возможности // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-gosudarstvennom-upravlenii-v-rossiyskoy-federatsii-vyzovy-i-vozmozhnosti (дата обращения: 09.04.2026).

2. Алферова Е. В. Искусственный интеллект в государственном управлении: правовой потенциал и риски применения (обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. 2025. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-gosudarstvennom-upravlenii-pravovoy-potentsial-i-riski-primeneniya-obzornaya-statya (дата обращения: 09.04.2026).

3. Игнатьева И. В. Проблема правового регулирования искусственного интеллекта и его использование в сфере государственных услуг // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-ego-ispolzovanie-v-sfere-gosudarstvennyh-uslug (дата обращения: 09.04.2026).

4. Кутявина Т. А. Искусственный интеллект как инструмент повышения качества государственных услуг // Вестник науки. 2025. № 10 (91). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrument-povysheniya-kachestva-gosudarstvennyh-uslug (дата обращения: 09.04.2026).

5. Сальниченко Р. Е., Бабаян Л. К. Нейротехнологии и искусственный интеллект в государственном управлении: практика применения и возможные пути развития // Управленческие науки. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyrotehnologii-i-iskusstvennyy-intellekt-v-gosudarstvennom-upravlenii-praktika-primeneniya-i-vozmozhnye-puti-razvitiya (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 343

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Елена Юрьевна Любавская[1], Мария Сергеевна Филимонова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]lyubavskaya2006@mail.ru
[2]Masafilimonova359@gmail.ru

Аннотация. Раскрывается роль правовой культуры в профилактике преступлений. Проводится анализ ее уровней, компонентов и функций, а также уголовно-правовых механизмов и их эффективности.

Ключевые слова: правовая культура, профилактика преступлений, уголовно-правовые механизмы, правосознание, правовая грамотность, законопослушание

Правовая культура – ключевой фактор, влияющий на динамику правонарушений. Она формирует отношение граждан к закону, определяет степень законопослушания и восприятие уголовно-правовых запретов. Эффективность уголовно-правовых механизмов профилактики преступлений (включая нормы об освобождении от ответственности, смягчении наказания и т.д.) напрямую зависит от уровня правовой культуры – чем лучше граждане понимают законы, доверяют правовой системе и осознают последствия нарушений, тем результативнее работают эти механизмы [1].

Правовая культура – это уровень развития правосознания общества, усвоения правовых ценностей и качества правовой жизни. Она включает знание норм права, уважительное отношение к ним и готовность следовать правовым предписаниям. Выделяют три уровня правовой культуры:

1. Индивидуальный (правовые знания и установки отдельного человека, его ответственность за соблюдение норм);

2. Групповой (традиции и нормы в социальных группах – например, у юристов или молодежи);

3. Общественный (правовые ценности и институты в масштабах государства: развитость законодательства, доверие к судебной системе и правоохранительным органам).

Компоненты правовой культуры образуют единую систему: правовые знания (осведомленность о законах и правах), правовые ценности (представления о справедливости, равенстве и законности), правовые установки (готовность соблюдать или нарушать нормы – от уважения к закону до правового нигилизма) и правовое поведение (действия, соответствующие или противоречащие нормам).

Правовая культура выполняет несколько ключевых функций [6]:

1. Регулятивная – упорядочение общественных отношений.

2. Воспитательная – формирование правосознания граждан.

3. Ценностно-ориентационная – определение приоритетов в сфере права.

4. Профилактическая – предупреждение правонарушений через осознание последствий и доверие к системе.

Влияние правовой культуры на профилактику преступлений реализуется через ряд механизмов: формирование правосознания и правовой грамотности, снижение правовой неопределенности (за счет прозрачности законов), укрепление доверия к институтам власти и создание социальных норм законопослушания. Между уровнем правовой культуры и уровнем преступности существует обратная взаимосвязь – чем выше культура (на всех уровнях), тем ниже преступность. Напротив, правовой нигилизм, слабая информированность и недоверие к закону провоцируют рост правонарушений.

Уголовно-правовые механизмы профилактики преступлений представляют собой комплекс нормативно-правовых актов, инструментов и форм реализации, нацеленных на предотвращение противоправных деяний.

Нормативно-правовая база профилактики преступлений опирается на несколько ключевых источников. В основе лежит Конституция РФ, закрепляющая базовые принципы правовой системы и провозглашающая человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), что создает фундамент для защиты граждан от преступных посягательств [7].

Ключевым актом выступает Уголовный кодекс РФ (УК РФ), который определяет, какие деяния признаются преступлениями, и устанавливает ответственность за них; его задачи включают охрану общественных отношений и предупреждение преступлений.

Дополняют эту базу федеральные законы и подзаконные акты: например, Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» регулирует профилактику правонарушений среди несовершеннолетних. К этой же группе относятся указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, приказы министерств и ведомств.

Основные уголовно-правовые инструменты профилактики включают:

1. Установление уголовной ответственности за деяния – фиксация в УК РФ составов преступлений и мер наказания формирует у граждан представление о за-

прещенных действиях и последствиях их совершения, стимулируя правопослушное поведение.

2. Санкции и их превентивный потенциал – санкции выражают реакцию государства на преступление и выполняют две функции: гипотетическое предупреждение (через закрепление наказания в законе) и фактическое противодействие (через применение наказания судом); их эффективность зависит от справедливости и обоснованности.

3. Специальные профилактические нормы, например ст. 228.1 УК РФ о незаконном производстве, сбыте или пересылке наркотических средств; примечание к ст. 228 УК РФ предусматривает освобождение от ответственности для лиц, добровольно сдавших наркотические средства и способствовавших раскрытию преступлений в этой сфере [5].

Формы реализации уголовно-правовых мер охватывают:

1. Правоприменительную практику судов и правоохранительных органов – частных определений (ч. 4 ст. 29 УПК РФ) при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и внесение представлений (ч. 2 ст. 158 УПК РФ) с требованием устранить эти обстоятельства (например, недостатки в охране или контроле).

2. Профилактические программы и кампании – государственные и муниципальные программы в сфере профилактики, которые включают меры по повышению правовой грамотности населения, работе с группами риска и предупреждению конкретных видов преступлений.

3. Взаимодействие с институтами гражданского общества. Участие граждан и общественных организаций в охране порядка (в т. ч. через народные дружины, добровольческие отряды), просветительская работа и профилактические мероприятия; сотрудничество с общественными советами при МВД, которые участвуют в разработке программ противодействия преступности и проводят общественную экспертизу законопроектов.

Оценка эффективности уголовно-правовых механизмов профилактики преступлений тесно связана с уровнем правовой культуры общества, которая включает знания о праве, уважение к закону, правосознание и готовность соблюдать правовые нормы.

Критерии оценки эффективности уголовно-правовых механизмов могут быть следующими:

Во-первых, статистические показатели – динамика общего уровня преступности, изменение количества отдельных видов преступлений (в т.ч. тяжких и особо тяжких), раскрываемость, соотношение зарегистрированных и латентных преступлений; снижение уровня преступности может свидетельствовать об эффективности профилактических мер.

Во-вторых, социологические данные – уровень доверия населения к закону и правоохранительным органам, правовая грамотность граждан, восприятие справедливости судебной системы; опросы помогают оценить, насколько люди осознают правовые нормы и готовы их соблюдать.

В-третьих, анализ судебной практики – изучение решений судов, включая применение санкций, использование институтов освобождения от ответственности и тенденции в квалификации преступлений и назначении наказаний; это позволяет понять, насколько эффективно право применяется на практике.

Методы оценки включают статистический анализ данных правоохранительных органов и судов, социологические опросы и анкетирование населения (в т.ч. потерпевших и правонарушителей), экспертные оценки криминологов и правоведов, сравнительный анализ ситуации в разных регионах или в динамике за

несколько лет, а также изучение конкретных кейсов реализации профилактических мер [2].

Эмпирический анализ показывает как успешные, так и неудачные примеры реализации профилактических мер. К успешным можно отнести – программы по профилактике наркомании с просветительской работой в школах и сотрудничеством с медучреждениями (в ряде регионов они снизили число наркопреступлений среди несовершеннолетних); внедрение систем видеонаблюдения в крупных городах, что привело к сокращению уличной преступности (грабежей, разбоев); программы социальной адаптации осужденных (психологическая помощь, трудоустройство, обучение), снижающие риск рецидивов.

Среди неудачных примеров – формальное применение профилактических мер без учета местных особенностей и потребностей населения (например, недостаточная адаптация программ для несовершеннолетних в социально неблагополучных регионах) и отсутствие комплексного подхода, когда меры ограничиваются только репрессивными методами без работы с причинами преступности.

Низкий уровень правовой культуры напрямую влияет на рост латентной преступности – из-за недоверия к правоохранительным органам и страха мести потерпевшие не сообщают о преступлениях; незнание прав и процедур затрудняет обращение в полицию; правовой нигилизм и толерантное отношение к нарушениям закона приводят к тому, что преступления остаются незамеченными [3].

Региональные различия в эффективности механизмов также заметны – в экономически развитых регионах с высоким уровнем образования и правовой культуры профилактические меры дают лучшие результаты благодаря осведомленности населения и ресурсам для реализации программ; в регионах с низким социально-экономическим развитием, высокой безработицей и низким образовательным уровнем эффективность профилактики ниже из-за сложных криминогенных условий; этнические, культурные и демографические особенности регионов также влияют на восприятие и эффективность правовых норм.

Среди ключевых проблем и ограничений выделяются:

– пробелы в законодательстве – например, недостаточная регламентация некоторых аспектов профилактики (в т.ч. коллизии норм и декларативность предписаний в Федеральном законе № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») [4].

– отсутствие единого закона о предупреждении преступности, хотя ч. 1 ст. 2 УК РФ провозглашает предупреждение преступлений одной из задач кодекса.

Также значима недостаточная правовая информированность граждан. Низкий уровень знаний о правах и обязанностях ограничивает способность населения участвовать в профилактике преступлений; дефекты правосознания (особенно среди несовершеннолетних) выражаются в негативном отношении к нормам права. Коррупционные риски и деформация правосознания усугубляют ситуацию: коррупция в правоохранительных органах и судебной системе подрывает доверие к институтам, деформация правосознания у должностных лиц приводит к некачественному расследованию и несправедливым решениям, а толерантное отношение общества к коррупции создает среду, где преступления могут оставаться безнаказанными.

Таким образом, правовая культура – это ключевой фактор профилактики преступлений: чем выше правовая грамотность граждан, доверие к закону и институтам власти, тем ниже уровень преступности (в т.ч. латентной). Она имеет три уровня и включает правовые знания, ценности, установки и поведение, выполняя регулятивную, воспитательную, ценностно-ориентационную и профилактическую функции. Уголовно-правовые механизмы профилактики опираются на

нормативно-правовую базу (Конституцию РФ, УК РФ, федеральные законы). Эффективность существующих правовых механизмов снижается из-за ряда системных проблем: законодательных пробелов, недостаточной осведомленности населения о своих правах, коррупционных проявлений, искаженного правосознания и различий в уровне социально-экономического развития и правовой культуры между регионами. Для реального снижения уровня преступности необходим комплексный подход, включающий:

– доработку и уточнение нормативно-правовой базы;

– повышение уровня правовой грамотности и культуры граждан;

– системную борьбу с коррупцией;

– адаптацию профилактических мер с учетом специфики каждого региона.

Такой подход позволит укрепить доверие общества к правовой системе и повысить результативность уголовно-правовых инструментов.

Список литературы

1. Панько К. К. О правовой культуре и уголовном правотворчестве // Юридическая техника. 2016. № 10.

2. Ревина В. В. О подходах к определению критериев оценки эффективности предупреждения преступности в России // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4.

3. Родионова А. А. Актуальные факторы, влияющие на рост латентности преступности в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 64 (93).

4. Российская Федерация. Законы. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. (с изм. и доп.).

5. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 20.02.2026).

6. Симонова С. С. Теория и практика профилактики преступлений. URL: https://docs.vlgr.ranepa.ru/podr/ipc/elizd/Симонова С. С. Теория и практика профилактики преступлений.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

7. Телегина Е. Г., Лукиева М. А. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия преступности // Альманах вопросов юриспруденции. 2019. № 4 (28).

РАЗДЕЛ 12

ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ, ГРАНИЦЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОВАЯ ЭТИКА

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Илья Андреевич Прошин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ocv57920@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы конституционной защиты прав на неприкосновенность частной жизни в условиях массовой цифровизации и роста объемов цифровых данных. Особое внимание уделяется влиянию новых технологий, таких как большие данные и искусственный интеллект, на безопасность частной информации. Анализируются правовая база защиты данных в России, а также международный опыт в этой области, включая GDPR и Конвенцию Совета Европы. Обсуждается необходимость соблюдения действующего законодательства и применения современных технологий для защиты цифровой конфиденциальности граждан. Также поднимается вопрос о праве на цифровую неприкосновенность и правовых пробелах в современной системе.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, персональные данные, цифровизация, защита данных, конституционные права, большие данные, искусственный интеллект, GDPR, законодательство о цифровых данных, цифровая неприкосновенность

В Конституции РФ неприкосновенность частной жизни закреплена на самом высоком уровне: ч. 1 ст. 23 Конституции гарантирует каждому «право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» [1]. При этом ст. 24 и 25 Основного Закона также охраняют частную жизнь (тайна переписки, защиту чести и доброго имени). Цифровизация же ставит это право перед новыми вызовами. Президент России объявил цифровизацию приоритетным направлением развития страны, что требует пересмотра существующих правовых механизмов защиты персональных данных. С развитием Big Data и социальных сетей объем информации о гражданах растет экспоненциально. Прежде чем мы это осознаем, большая часть нашей жизни оказывается в цифровом пространстве: поведение в сети, геоданные, медицинские записи и т.д. Такие данные могут использоваться для создания подробных профилей пользователей и манипулирования ими. А. Г. Наумов справедливо отмечает, что «увеличение числа утечек данных в России» лишь подтверждает уязвимость частной жизни: в последние годы произошли громкие взломы баз клиентов и госструктур, что подрывает доверие к существующим мерам защиты [2, с. 164–165]. Цифровизация действительно ставит вопросы приватности перед новыми вызовами, так как в условиях посто-

янного использования Интернета и цифровых технологий каждый пользователь становится предметом проверки количества данных. Эти данные могут использоваться для улучшения пользовательского опыта, а также для управления поведением граждан. Применение таких технологий, как анализ больших данных и использование искусственного интеллекта для обработки информации, открывает новые горизонты для бизнеса и государственного контроля, одновременно изменяя базовые права граждан.

На законодательном уровне проблемой занялись сравнительно поздно. Действующий Федеральный закон «О персональных данных» (№ 152-ФЗ от 27.07.2006) устанавливает принципы обработки информации, но сам по себе не содержит исчерпывающих механизмов или новых прав для защиты частной жизни [3]. Как констатируют эксперты, без специального закона понятие цифровой неприкосновенности оказывается размытым: существуют правовые «пробелы». По мнению М. Ю. Авдеева, тем самым конституционные гарантии (ст. 21, 23–25) действуют лишь номинально, а на практике опираются на эти «расплывчатые» нормы [4, с. 70]. Существуют и иные законы (например, об информации, о связи), но они не решают задачу в комплексе и не учитывают современные риски. Законодательные инициативы, направленные на защиту цифровых данных, в России начались сравнительно поздно, что было связано с недооценкой масштаба цифровой угрозы. В законодательном дополнении не существовало четкого понимания, какие именно данные необходимо зашифровать и как обеспечить их безопасность на технологическом уровне. С развитием технологий, таких как биометрия и нейросети, стала очевидна необходимость комплексной защиты и технической защиты, которая, в свою очередь, требует значительного прогресса на всех уровнях – от законодательных изменений до реализации примера.

На международном уровне также прописано право на личную жизнь. Так, Европейская конвенция о защите прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах гарантируют каждому право на личную тайну, что отражено и в российской Конституции. Особую роль играет Конвенция Совета Европы от 1981 г. (страсбургская «Конвенция 108»), которая впервые оформила понятие «персональные данные» и призывала государства защищать граждан от злоупотреблений при их обработке [5, с. 90]. Сегодня в ЕС действует Общий регламент (GDPR, 2016/679), задающий жесткие правила: компании обязаны запрашивать информированное согласие пользователя, уведомлять о целях сбора данных и обеспечивать их безопасность. Этот пример наглядно показывает необходимость подобной системы и у нас, хотя внедрение GDPR в России пока затруднено из-за нехватки ресурсов у бизнеса.

Речь идет не только о технической стороне вопроса, но и о трансформации самих прав. В научной дискуссии уже говорят о «цифровых правах» нового поколения. В. А. Шаршун подчеркивает, что право на «цифровую неприкосновенность» включает не только защиту персональных данных, но и целый комплекс положений: в частности, «право на жизнь вне цифрового пространства», право на забвение, право знать об угрозах в цифровой среде и т.д. [6, с. 92–93]. Уже сейчас несколько юрисдикций обсуждают конституционную фиксацию таких прав. Так, в 2023 г. Конституция кантона Женева (Швейцария) впервые ввела в основной текст «право на цифровую неприкосновенность» [7, с. 710]. Это показывает, что мировая практика идет к признанию права на приватность в сети как отдельного основополагающего блага. Дискуссии вокруг цифровых прав также затрагивают вопросы этики и социальной ответственности. Проблемы, как такие «право на забвение» и «право на цифровую автономию», требуют не только правового регулирования, но и внимательного отношения к социально-ответственным корпора-

циям, работающим с личными данными. Эти новые правовые концепции могут стать правовыми полями будущего, в которых будет учтен интерес всех сторон: пользователей, компаний и государств

Фактические угрозы приватности сегодня велики. Автоматизированный анализ данных и алгоритмы искусственного интеллекта позволяют предсказывать поведение и предпочтения граждан, а повсеместное видеонаблюдение и слежка в интернете создают риски массового контроля. Как предупреждает Наумов, без четких правовых критериев такое «наблюдение» может превратиться в цифровой тоталитаризм. На практике нередки случаи, когда данные о здоровье или перемещениях людей оказываются доступными без их согласия – формально под предлогом безопасности или коммерческой выгоды. Это вызывает общественное недовольство и указывает на слабость существующих ограничений.

Для защиты неприкосновенности частной жизни в цифровой среде важно сочетать правовые и технические меры. Необходимо совершенствовать законы: уточнять понятия, вводить понятие «право на цифровую неприкосновенность», закреплять механизм «забвения» в интернете, усиливать ответственность за утечки. Одновременно нужно стимулировать применение технологий, обеспечивающих конфиденциальность: например, автоматизированное шифрование данных и анонимизацию личных сведений существенно повышают безопасность пользователей. Некоторые авторы предлагают создавать независимые надзорные органы по контролю за обработкой личных данных и обязательные аудиты ИТ-систем как в компаниях, так и в госструктурах. Не менее важна и «цифровая грамотность» граждан – люди должны понимать свои права и способы их защиты в сети. Государство же должно не только формулировать правила, но и обеспечивать гражданам реальные механизмы защиты – в том числе через уполномоченных по правам человека или спецслужбы по кибербезопасности.

Ключевым остается баланс между интересами общества и государства. Как замечает А.Г. Наумов, право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху требует «особого внимания» и согласования интересов всех сторон. Именно сохранение этого баланса – уважение свобод личности при разумном учете общественной безопасности – позволит сберечь личную автономию граждан и доверие общества в условиях стремительной цифровой трансформации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с изм. от 4 октября 2022 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

2. Наумов А. Г. Неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации: вызовы и перспективы // Вестник науки. 2025. № 1 (82). С. 364–369.

3. О персональных данных : федер. закон РФ № 152-ФЗ от 27.07.2006 (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

4. Авдеев М. Ю. Законодательство Российской Федерации о неприкосновенности частной жизни: к вопросу о заимствовании зарубежного опыта // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3). С. 67–76.

5. Северухин В. А. Проблемы защиты права на неприкосновенность личной жизни в контексте цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Публичное право. 2020. № 2 (38). С. 85–95.

6. Шаршун В. А. Право на цифровую неприкосновенность в системе прав человека // Международные документы и национальное законодательство по правам человека

в эпоху цифровизации: материалы «круглого стола» (г. Минск, 17 декабря 2024 г.). Минск : БГУ, 2025. С. 90–100.

7. Четвериков А. О. Право на цифровую неприкосновенность – новое основное право человека? Pro et contra // Юридические исследования. 2024. № 5. С. 707–715.

УДК 343

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СТАЛКИНГ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

Ольга Александровна Рыжова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

olga.r04@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности деяний, связанных с преследованием жертвы, – «сталкинг» и условия применения норм уголовного права. Установлены признаки деяния и уголовно-правовая характеристика сталкинга, особенности ответственности за совершение данного преступного посягательства. Проведен анализ законодательства зарубежных странах и выделены особенности.

Ключевые слова: новые виды деяний, преследование, нормы уголовной ответственности за сталкинг, сравнительная характеристика

Актуальность темы исследования связана с ростом распространения таких явлений как преследование жертвы, современная действительность ставит перед обществом новые вызовы, одним из которых выступает сталкинг.

Развитие технологий, технические возможности все это (социальные сети, мессенджеры), облегчают задачу сталкеров, предоставляя больше возможностей для получения информации о жертве как легальными, так и нелегальными способами. Как следствие, увеличивается количество случаев сталкинга, особенно среди молодежи и женщин. Сталкинг принимает различные формы, от преследования до кибersталкинга, что требует дифференцированного подхода в законодательстве [1–4]. Исследование должно проанализировать проявления сталкинга и их отражение в законодательстве разных стран.

Сталкинг (с англ. «stalking» – преследование) – навязчивое поведение, характеризуемое постоянными и повторяющимися попытками вторжения в чужую жизнь, включая нежелательное общение, контакты, в том числе слежка, наблюдение [12, с. 50].

Действующее уголовное законодательства РФ напрямую не предусматривает уголовной ответственности за сталкинг. С относительной долей условности ответственность за сталкинг можно рассматривать через призму статей 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни») [14], а с точки зрения административной ответственности – через статью 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство»). Однако прямой нормы, предусматривающей ответственность за преследование (сталкинг) законом не закреплена. Следует отметить, что в отдельных случаях правоприменитель применяет меры ответственности к преследователю в рамках гражданского судопроизводства , при этом деяние носит уголовно-правой характер.

Так, Решением Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 04 августа 2017 г. по делу № 2-4575/2017 [9] установлено, что ответчик в течение трех лет преследовал истца. У истца и ответчика не было дружеских отношений, различался круг общения и интересов. Несмотря на то, что истец отказывался от общения с ответчиком, тот пытался искать истца, навязывать общение через социальные сети, регулярно совершал телефонные звонки истцу, направлял большое количество СМС и ММС сообщений, сообщения в сети «Интернет». В результате судом принято решение о возложении на ответчика обязанности прекратить любого рода преследование, в том числе телефонные звонки, СМС-сообщения, сообщения с использованием сети «Интернет», почтовой перепиской, любого рода подарки и иное преследование [11].

Устранение не согласования норм законодательства в ближайшее время может быть решено принятием Федерального закона «О противодействии навязчивому преследованию», проект которого в декабре 2024 года был внесен в Государственную Думу. Инициатива разработана депутатами фракции «Новые люди» во главе с вице-спикером Госдумы Владиславом Даванковым. Данный закон, состоящий из 11 статей, может закрепить основные понятия, касающиеся сталкинга – навязчивое преследование, запрет на приближение, преследователь, жертва преследования, закрепит его отличительные признаки, а также механизм его предупреждения и профилактики.

В проекте содержатся категории, которые определяют, что следует понимать, под навязчивым преследованием систематическое поведение, провоцирующее у человека психологические страдания либо беспокойство за его собственное благополучие и безопасность родных людей, продолжающееся вопреки предварительному требованию о прекращении таких действий. Отмечается, что супруг(а) жертвы преследования и/или собственник жилого помещения, где она проживает, не может быть признан(а) преследователем.

Говоря об имеющейся на сегодняшний день статистике сталкинга, можно выделить положения Пояснительной записки к вышеупомянутому проекту Федерального закона «О противодействии навязчивому преследованию». Так, согласно приведенной статистике, более 15 % граждан России сталкивались с онлайн-слежкой со стороны новых романтических партнеров. В целом с той или иной формой насилия, сталкивались 35 % респондентов, опрошенных при подготовке законопроекта, а за 10 месяцев 2024 года количество пользователей Android-устройств в России, столкнувшихся со «сталкерскими» программами, выросло на 25 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года [5].

Многие зарубежные страны уже приняли специальные законы, направленные на борьбу со сталкингом [7]. Анализ международного опыта позволяет выявить эффективные подходы к решению проблемы и рассмотреть возможности их внедрения в российскую правовую систему. Говоря об ответственности за сталкинг в зарубежных странах, необходимо выделить следующее.

Уголовная ответственность за сталкинг предусмотрена законодательством различных государств, в том числе США, Германии, Великобритании, Польше, Норвегии, Канаде, Индии, Австралии и т.д. [12, с. 50].

В США сталкинг считается преступлением во всех штатах, но законы о нем различаются в зависимости от штата. На федеральном уровне уголовная ответственность за сталкинг предусмотрена законом 18 U.S.C. § 2261A (Федеральный закон о преследовании). Данный закон вводит уголовную ответственность за использование интернет-платформ, электронной почты или любых других средств связи (включая компьютерные сервисы) с целью убийства, нанесения вреда, преследования, запугивания или слежки за человеком. Когда действия по преследо-

ванию выходят за пределы отдельных штатов, охватывают территорию, воды или морские зоны США, либо осуществляются через почту или электронную связь на межштатном уровне, дело может рассматриваться как федеральное преступление с более строгими санкциями. В таком случае нарушитель может быть осужден на срок до пяти лет лишения свободы и оштрафован на сумму до 250 тысяч долларов США.

В странах Европы прослеживаются отдельные особенности уголовной ответственности за сталкинг.

Начиная с 2007 года, в Германии предусмотрена уголовная ответственность за сталкинг. Данное понятие включает в себя нежелательные физические контакты, коммуникации через различные средства связи, использование личных данных, отправку заказов или подарков от имени жертвы, а также угрозы жизни, здоровью или свободе близких лиц. Наказание колеблется от штрафов различного размера до лишения свободы, при этом систематичность действий является определяющим фактором (к примеру, даже два акта преследования могут быть признаны сталкингом) [12, с. 50].

Законодательные акты Ирландии раскрывают преследование как умышленное или неосмотрительное вмешательство в личное пространство другого человека, что может вызвать тревогу или причинить беспокойство другому лицу. Достаточным основанием для обвинения будет наличие двух и более действий, пагубно сказывающихся на психическом состоянии жертвы либо создающих для нее потенциальную угрозу [10, с. 114].

В Бельгии ст. 442 Уголовного кодекса предусматривает тюремное заключение на срок от 15 дней до 2 лет или штраф за действия, нарушающие спокойствие человека, если преследователь осознавал или должен был осознавать последствия своих действий [10, с. 114].

На Мальте криминализация преследований в законодательстве произошла в 2005 году, с акцентом на понятие «домогательство». Для отнесения поведения к уголовно наказуемому необходимо наличие угрозы физического насилия с воспринимаемой жертвой вероятностью ее осуществления [10, с. 115].

Итальянская Республика в УК предусмотрела положение о том, что если деяния не подпадают под более тяжкое преступление, то повторяющееся угрожающее поведение, способное вызвать страх за безопасность, тревогу или вынуждающее жертву изменить привычки, запрещено уголовным законом [6, с. 238].

Анализируя норы уголовной ответственности за сталкинг в странах Азии, наиболее следует отметить пример Индии, Японии и Китая.

В Уголовном кодексе Индии первая попытка преследования карается лишением свободы до трех лет и штрафом; повторные нарушения могут повлечь до пяти лет лишения свободы и штраф.

В Японии, законодательство классифицирует сталкинг – как слежку и наблюдение, инсценированные «случайные» встречи с жертвой, фактически являющиеся намеренными, включая ситуации, когда преследователь дает понять о слежке, повторяющиеся просьбы о встречах, несмотря на очевидное отсутствие интереса, множество телефонных звонков, а также словесные оскорбления и слухи, распространяемые в реальной жизни или через интернет, дополненные отправкой непристойных сообщений [10, с. 273].

В отличие от большинства стран, где ответственность за преследование регулируется уголовным законодательством, в Китае такие действия рассматриваются в контексте Закона об административных наказаниях. Однако рамки данного закона весьма ограничены, и, например, тайное фотографирование или прослушивание телефонных переговоров может привести к задержанию не более чем на

пять суток или к штрафу, не превышающему 500 юаней. Более строгие меры применяются лишь при наличии отягчающих обстоятельств [10, с. 274].

Стоит отметить, что сталкинг как негативное противоправное поведение получило начало с распространением и развитием телекоммуникаций и социальных сетей, которые позволяют отслеживать передвижения и жизнь того или иного человека. В связи с этим в науке появился термин «кибersталкинг». Суть кибersталкинга означает преследование какого-либо лица посредством сети «Интернет» и других информационно-телекоммуникационных сетей, и электронных устройств. Кибersталкинг сопряжен со сбором информации о потерпевшем с помощью поисковых систем, привлечения внимания общественности к личности жертвы в негативном ключе и оскорблением жертвы посредством размещения в Интернете информации о ней через различные чаты, форумы, блоги, общедоступные мессенджеры и социальные сети [13].

Несмотря на внешнее сходство между сталкерством и его виртуальным аналогом – кибersталкингом, данные понятия не являются взаимозаменяемыми, требуется их четкое разделение.

Виртуальный сталкинг выходит за рамки традиционных правонарушений: он проявляется не только в краже личной информации или дискредитация, но включает изощренные психологические атаки, вроде массовой рассылки сообщений и непрекращающихся телефонных звонков.

Таким образом, сталкинг, а также его новое направление кибersталкинг ставят перед обществом новые задачи, связанные с криминализацией данных деяний. Законодательное закрепление ответственности за преследование (сталкинг) с учетом зарубежного опыта регулирования данного вопроса будет способствовать предотвращению совершению новых преступлений, а также снизит общий уровень преступности в государстве.

Анализируя нормы зарубежного уголовного законодательства следует обратить внимание на уставленные меры ответственности за навязчивое преследование и установить ответственность в законодательстве Российской Федерации посредством закрепления статьи 137.1 УК РФ «Преследование, нарушающее право на частную жизнь и свободу» [8]. Часть первая указанной статьи должна устанавливать уголовную ответственность за преследование человека и нарушение его свободы (по аналогии со странами Европы), тогда как вторая часть данной статьи носила бы более прогрессивный характер с точки последовательности совершения деяния и устанавливала бы уголовную ответственность за преследование в сети «Интернет».

Список литературы

1. Границкая А. А. К вопросу об общественной опасности сталкинга // Инновации. Наука. Образование. 2023. № 73. С. 119–123.

2. Живова М. В. Ответственность за сталкинг в российском уголовном праве // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : материалы V Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. (г. Москва, 3 декабря 2021 г.). М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 155–159.

3. О противодействии навязчивому преследованию : законопроект № 795873-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/795873-8#bh_histras (дата обращения: 27.02.2025).

4. Зехова С. А. К вопросу о необходимости криминализации сталкинга в российском законодательстве на примере Уголовного законодательства Италии // Пермский период : сб. материалов XI Междунар. науч.-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций, посвященного 145-летию уголовно-исполн. системы Рос-

сийской Федерации (г. Пермь, 20–24 мая 2024 г.). Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 237–240.

5. Карпов С. А. Проблемы борьбы со сталкингом: информационно-правовые аспекты // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 5. С. 121–135.

6. Корнилова Т. В., Емельянова Ж. Э. Ответственность за преследование (сталкинг) в России и за рубежом // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 3 (37). С. 100–106.

7. Кулыгина А. Г. Сталкинг (преследование): анализ зарубежного законодательства // Всероссийский форум молодых исследователей – 2023 : сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. (г. Петрозаводск, 25 декабря 2023 г.). Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2023. С. 275–288.

8. Пимонов В. А. Сталкинг: понятие, типологии, проблемы ответственности в зарубежном и российском законодательстве // Тенденции и проблемы развития современной науки : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Петрозаводск, 19 августа 2024 г.). Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2024. С. 111–123.

9. Решение Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 4 августа 2017 г. по делу № 2-4575/2017. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 27.02.2025).

10. Рыжова О. А., Корнишина Ю. С. Об ответственности за сталкинг в Российской Федерации и в зарубежных странах // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 49–55.

11. Савельева О. Е., Шахназарова Е. В. К вопросу о криминализации сталкинга в России // Аграрное и земельное право. 2023. № 10 (226). С. 161–162.

12. Симагин А. О., Михеева В. Н. Проблема наказания за сталкинг в России // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. С. 154–156.

13. Кобец П. Н., Краснова К. А. Об общественной опасности кибersталкинга и необходимости его предупреждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86).

14. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

РАЗДЕЛ 13

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА В XXI в.: ОТ УЧЕБНОГО ЗАДАНИЯ К НАУЧНОМУ ПОИСКУ

УДК 141.132

РАЦИОНАЛИЗМ РЕНЕ ДЕКАРТА: КАК ПРАВИЛА ДЕДУКТИВНОГО МЕТОДА ВЛИЯЮТ НА МЕДИЦИНУ СЕГОДНЯ

Ольга Александровна Мартынова[1], Ксения Александровна Спирина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]spirinaxiusha@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается влияние рационалистического познания на практическую медицину. Приведены основные правила использования рационального познания. Обсуждается применение дедуктивного метода в решении вопросов обучения студентов-медиков и лечения пациентов. Проводится анализ влияния каждого из методов дедукции на ту или иную сферу медицинской деятельности. Сделан вывод о значительной степени влияния правил Декарта на современную медицину.

Ключевые слова: рационализм, познание, дедукция, медицина, правило

Рене Декарт по праву считается одним из основоположников научной революции. В своих трудах он определял Разум как основу бытия и познания. Учение Декарта о последнем получило название рационализм [1, с. 5]. Принципы и законы этого философского направления не теряют своей актуальности многие века, а в сегодняшнем, как никогда насыщенном всевозможной информацией мире, необходимы любому здравомыслящему человеку.

Один из центральных трудов Рене Декарта «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (1673) содержит в себе то, что сейчас известно философии под названием метод картезианского сомнения [4, с. 62]. Во второй части своей работы философ описывает 4 основных правила рационалистического познания:

1. «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью».

2. «Разделять каждую проблему, избранную для изучения, на столько частей, сколько возможно и необходимо для наилучшего ее разрешения».

3. «Располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных».

4. «Делать повсюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничто не пропущено».

Перечисленные правила используются в том числе и в медицине. Эта система научных знаний известна тем, что цена заблуждения в ней крайне высока. Нередко речь идет не только о потере здоровья, но и о степени вероятности летального исхода. Именно поэтому к вопросам, касающимся биологического, психического и социального состояния человека необходимо относиться с особой критичностью и стараться обсуждать их с глубоким пониманием.

В последние годы широкое распространение заслужено получила доказательная медицина - подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных вмешательств принимаются на основе имеющихся научных доказательств [2, с. 1]. К этому подходу применимо первое правило рационализма - «никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью». Согласно этому принципу истинным считается только то, что не вызывает ни малейшего сомнения.

Таким образом, например, осуществляется постановка клинического диагноза. Прежде чем врач поставит код заболевания (согласно МКБ-10), ему необходимо собрать ряд доказательств этого диагноза, т.е. подтвердить его. Сначала клиницист собирает анамнез, расспрашивая пациента о жалобах, характере и локализации боли, ее продолжительности, времени возникновения и изменении интенсивности болевых ощущений в зависимости от внешних обстоятельств или выполнения каких-либо манипуляций. Здесь лечащий врач может заподозрить несколько заболеваний с похожими симптомами. Например, жалобы на ничем не обоснованную слабость, утомляемость, вялость, похудание могут свидетельствовать об анемии, гепатите или онкологическом процессе.

Далее доктор самостоятельно осматривает пациента, проводя последовательно пальпацию, перкуссию и аускультацию – таким образом собираются объективные данные о состоянии пациента на момент обращения. На этом этапе ставится так называемый предварительный диагноз, т.е. врач уже предполагает, чем могут быть обусловлены те или иные изменения в организме больного, но, согласно первому правилу рационалистического метода, не утверждает этого с уверенностью, поскольку на данный момент осмотра не имеет тому достаточных доказательств. Например, при пальпации живота по передней брюшной стенке может определяться безболезненное образование мягкой или твердой консистенции, а данные перкуссии и аускультации могут не отличать от нормы. В сочетании с жалобами такая картина характерна для рака желудка. Для того, чтобы подтвердить или исключить (опровергнуть) этот диагноз далее назначаются необходимые лабораторные и инструментальные исследования для оценки состояния внутренних систем организма. При изменениях анемического характера в анализах крови в сочетании с увеличением количества лейкоцитов и скорости оседания эритроцитов, а также при наличии онкомаркеров в крови для достоверного подтверждения наличия злокачественного образования проводится компьютерная томография (для уточнения локализации опухоли) и биопсия (для уточнения характера новообразования).

Только после сбора всех необходимых данных, которые очевидно указывают на злокачественное новообразование желудка, пациенту может быть поставлен окончательный клинический диагноз.

Таким образом, с помощью первого правила дедуктивного метода минимизируется вероятность ошибочного диагноза, а следовательно повышается эффективность лечения.

Не менее необходимо в практической медицине второе правило. «Делить каждую из рассматриваемых трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить» каждый специалист использует при назначении лекарственных препаратов и выдаче общих рекомендаций.

Наиболее эффективным лечением, к которому стремится врач является патогенетическое и этиотропное лечение. Это такой вид терапии, при котором воздействие оказывается на причину и каждое звено механизма развития заболевания. То есть, согласно правилу Декарта, общее, представленное в данном контексте заболеванием, разделяется на части, представленные звеньями патогенеза заболевания. Затем выясняется причина возникновения и механизм развития каждого симптома, которым та или иная патогенетическая связь проявляется и назначается соответствующая терапия.

Рассмотрим использование второго правила Декарта на примере лечения аллергической бронхиальной астмы. Первая и основная жалоба, с которой пациенты обращаются при данном заболевании - возникновение приступов удушья. Данный симптом будет считаться «рассматриваемой трудностью». Удушье возникает в результате спазма бронхов, гиперсекреции слизи железами бронхов, отека слизистой бронха. Это «части», обуславливающие появление «трудности». Перечисленные изменения возникают как итог высвобождения медиаторов воспаления, которое происходит из-за повреждения тучных клеток иммунокомплексами, которые в свою очередь образуются в результате взаимодействия собственных антител человека и аллергена, попавшего в организм извне. Таким образом, разложив симптом удушья по патофизиологическим и патохимическим составляющим, врач выявляет несколько звеньев патогенеза, на которые будет направлять терапию. Поскольку, все начинается с попадания аллергена в организм, необходимо исключить контакт пациента с данным провоцирующим фактором. Например, отказаться от цитрусовых в рационе. Таким образом устраняется главная причина и лечение уже можно назвать этиотропным (под лечением в данном примере понимается соблюдение диеты с полным отказом от цитрусовых). Далее могут быть использованы стабилизаторы мембран тучных клеток -для укрепления их стенок, а следовательно блокирования высвобождения медиаторов воспаления. Далее назначаются препараты для снятия бронхоспазма (бронхолитики) и средства снижающие воспаление и отек стенки бронхов (глюкокортикостероиды).

Таким образом, благодаря делению проблемы на части и прицельному воздействию на выявленные составляющие, пациент получает комплексное лечение, позволяющее выйти в ремиссию в результате максимальной эффективности терапии при минимальном количестве побочных эффектов.

Третье правило Декарта «располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых» используют в процессе обучения не только студентов-медиков, но и в образовании вообще [3]. Тем не менее, в постижении лечебного дела этот метод имеет крайне весомую роль. Каждого стремящегося стать врачом с первых курсов медицинских вузов учат такому понятию, как клиническое мышление. Хотя данный термин не имеет общепринятого определения и чаще трактуется в зависимости от контекста, понятно, что речь идет о диалектическом мышлении, необходимом для глубокого понимания как нормальных, так и патологических процессов человеческого организма.

Суть использования правила Декарта здесь состоит в последовательном постижении комплекса медицинских наук. Сначала студенты осваивают наиболее простые, базовые дисциплины: изучают анатомию, нормальную физиологию, гистологию, затем получают представления о патологических изменениях органов, тканей и процессов – в программе обучения появляются патологическая анатомия и патологическая физиология. Такой же последовательный подход наблюдается и при изучении заболеваний – сначала рассматриваются отдельные симптомы, которые затем объединяются в синдромы, а далее изучаются заболевания, которые

в свою очередь проявляются совокупностью синдромов (например, гепатит проявляется диспепсическим и астеническим синдромами). В итоге, к моменту окончания медицинского института студент имеет базу знаний, необходимую для обширного понимания диагностики заболеваний и методов их лечения.

Если третье правило рационального мышления более применимо в отношении студентов, то последнее четвертое – «научные обзоры необходимо делать столь всеохватывающими, чтобы быть уверенным в том, что ничего существенного не пропущено» – помогает и практикующим врачам, и научным сотрудникам.

С поправками на 1 января 2019 г. на территории Российской Федерации действует Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Согласно этому документу диагностика и лечение пациентов должны осуществляться в соответствии с клиническими рекомендациями [5, с. 2].

Клинические рекомендации – это систематически разрабатываемые в соответствии с принципами доказательной медицины документы, помогающие в принятии врачебных решений [5, с. 1]. Однако даже в данном юридическом аспекте свое место занимает философия, а именно рационализм Декарта. В сущности, клинические рекомендации представляют собой как раз те самые «всеохватывающие научные обзоры» о которых говорит Р. Декарт в своем четвертом правиле. Они регулярно обновляются, содержат в себе проверенную актуальную информацию и насколько возможно полный перечень вероятных причин развития заболеваний, способов диагностики, препаратов для лечения и др.

Еще один пример использования вышеупомянутого правила – ведение историй болезни (в условиях стационара) и амбулаторных карт (в условиях поликлинического приема). Оба документа содержат в себе наиболее полную картину состояния пациента, начиная от перенесенных в детстве заболеваний, заканчивая весо-ростовыми показателями. Ведение медицинской документации такого рода позволяет врачам предполагать возможный диагноз пациента или степень вероятности возникновения тех или иных осложнений. Этот принцип также делает необязательным пожизненное или, по крайней мере, долговременное наблюдение пациента одним врачом, поскольку любой специалист, к которому обращается больной, используя амбулаторную карту (или историю болезни) получает полную картину событий, происходивших со здоровьем больного в течение его жизни (или во время нахождения в стационаре), в том числе данные лабораторных и инструментальных обследований или заключения смежных специалистов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, рационализм Рене Декарта оказал существенное влияние на изучение медицины. Его правила ежедневно используются студентами медицинских вузов, врачами общей практики, узкими специалистами и научными сотрудниками. Благодаря рациональному подходу Декарта современное врачевание находится на том уровне, на котором мы знаем его сегодня.

Список литературы

1. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.

2. Долгушина А. И. Основы доказательной медицины // Южно-Уральский государственный медицинский университет : сайт. URL: https://susmu.su/kafedri/gospitalnoy-terapii/spetsialitet/informatsiya-dlya-obuchayushchikhsya.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

3. Еровенко В., Михайлова Н. Рационализм в современном познании // Высшее образование в России. 2000. № 6. С. 79–85.

4. Кальней М. С. Противоречия в применении картезианского метода к социальному познанию // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 62–66.

5. Ковалева М. Ю., Сухоруков О. А. Клинические рекомендации. История создания и развития в Российской Федерации и за рубежом // Экспертная зона: путеводная нить рекомендаций. 2019. № 1. С. 6–15.

УДК 1(091)

ЧААДАЕВ: ЕГО ВЗГЛЯД НА РОССИЮ И ЕВРОПУ

Архип Андреевич Кошелев

Пензенский государственный университет, г. Пенза

koshelev-arkhip@inbox.ru

Аннотация. Анализируются первое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, его роль в русской общественной мысли и ключевые идеи, вызвавшие широкий резонанс. Рассматривается чаадаевская критика русской истории как лишенной связности, национальной идеи и прогрессивного развития, что привело к культурной и духовной отсталости России. Особое внимание уделяется религиозному аспекту: выбору византийского православия, который, по мысли философа, изолировал страну от истинного христианского мира (католицизма) и лишил ее цивилизационного импульса. Показано, что Чаадаев связывал будущее России с глубокой европеизацией – заимствованием не внешних форм, а ценностей свободы, правового государства и просвещения. В заключение подчеркивается актуальность чаадаевских вопросов о месте России между Западом и Востоком, а также их значение для современных дискуссий о национальной идентичности.

Ключевые слова: П. Я. Чаадаев, «Философическое письмо», русская история, национальная идея, европеизация, культурная отсталость

Наверное, многим из нас знакомо имя Петра Яковлевича Чаадаева – хотя бы из школьного курса истории, где его называют «человеком, который выстрелил в Россию своим философическим письмом». Но когда я начала серьезно изучать его тексты, оказалось, что за этой громкой формулировкой скрывается гораздо больше, чем просто скандал с цензурой. Первое «Философическое письмо» увидело свет в 1836 году в журнале «Телескоп», и с тех пор вокруг него не утихают споры. Чаадаев поднял вопросы, которые и сегодня звучат болезненно: что такое Россия? Почему ее путь так отличается от западного? И есть ли у нас вообще история в том смысле, в каком она есть у других народов?

Исследователь Богданов А. В. точно подмечает суть чаадаевской позиции: «Чаадаев, по меньшей мере, весьма скептически оценивает современное состояние России, русского общества, национальное самосознание, и еще более негативно представляет их прошлое, историю, в которых отсутствует национальная идея, объединяющая исторические традиции» [1, с. 139]. Это, пожалуй, ключевой нерв всей его философии: у нас нет связной истории, нет традиции, которая объединяла бы прошлое и настоящее в единый осмысленный путь.

Для Чаадаева русская история выглядит мрачно. Он пишет, что она «была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничего не оживило кроме злодеяний, ничего не смягчало, кроме рабства» [2, т. 1, с. 324–325]. Жестко, даже жестоко. Но если вдуматься, он не просто «ру-

гает Россию» – он пытается понять, почему так вышло. Почему страна, которая могла бы стать мостом между Востоком и Западом, оказалась ни там, ни там? Философ видел Россию как страну, которая не смогла полноценно интегрироваться ни в европейский, ни в восточный мир. Эта «оторванность» от мирового прогресса, по его мнению, привела к культурной, духовной и политической отсталости. И единственный выход он видел в «европеизации» – только так, полагал он, можно преодолеть исторический разрыв.

Чаадаев рисует довольно мрачную картину русской жизни. В России, по его мнению, сложились условия, которые делают нормальное человеческое существование практически невозможным. Это безрадостное бытие, лишенное смысла, где нет места личности. И виновата в этом, считает философ, сама история, которая превратила русский народ в «нравственно оцепеневший организм». Многие общества переживали бурные эпохи, переходя от юности к зрелости, но в России все застыло: «Мы растем, но не созреваем, движемся вперед, но по кривой линии, которая не ведет к цели» [2, т. 1, с. 326]. Движения в прошлом он не отрицает, но они были какими-то слепыми, однонаправленными — и это направление было, увы, в сторону усиления рабства. Сначала дикое варварство, потом глубокое невежество, затем татарское иго, деспотический дух которого, по мнению Чаадаева, пропитал собой и последующую русскую власть. А когда татары ушли, их место заняло крепостное право – новое рабство, уже свое, доморощенное.

Особое место в чаадаевской критике занимает религия. Философ считал историю человечества историей христианства – воплощением Царства Божьего на земле. Для него христианство – это вечная божественная сила, которая определяет жизнь не только отдельных людей, но и целых обществ [3, с. 584]. И тут возникает главная претензия к России: она приняла крещение от Византии, которую Чаадаев называет «отверженной всеми». Византийское наследие, по его логике, изолировало Россию от широкого христианского мира. Принципы единства, неделимости и единообразия, которые, как считал Чаадаев, только и могут быть движущей силой истории, он находил не в православии, а в католицизме. Эта религиозная изоляция, по его мнению, лишила Россию не только истинной веры, но и цивилизации как таковой.

Еще один важный тезис Чаадаева – отсутствие связи между русскими людьми и собственной историей. Он пишет, что «наши лучшие умы страдают чем-то большим, нежели простая неосновательность. Лучшие идеи, за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки» [3, с. 45]. Почему так происходит? Философ видит причину в беспечности русского человека, в его желании жить лишь для себя, не дорожа «ни честью, ни успехами какой-либо системы идей и интересов, ни даже тем родовым наследием и теми бесчисленными предписаниями и перспективами, которые в условиях быта, основанного на памяти прошлого и предусмотрении будущего, составляют и общественную, и частную жизнь». Проще говоря, у нас нет привычки передавать опыт, нет уважения к традиции как к живому, работающему механизму.

Чаадаев полагал, что Россия пропустила важнейшие этапы западного развития – Ренессанс, Реформацию, Просвещение. Именно эти эпохи сформировали европейскую культуру, науку, политические институты, ценности. А Россия осталась в стороне, не усвоив того, что дало Западу его динамику. Востоку философ уделял меньше внимания, но, упоминая его, подчеркивал, что влияние Востока было ограниченным и не привело к развитию прогрессивных институтов. Определяя наше промежуточное положение между Востоком и Западом, он говорит, что мы должны были бы перенять исторический опыт обеих сторон, но по итогу

«исторический опыт прошел мимо нас», а усвоили мы лишь «обманчивую внешность и бесполезную роскошь» [3, с. 47].

Впрочем, как отмечает исследователь Сучков И. В., у Чаадаева есть и другое наблюдение: своему географическому положению Россия все же обязана особой ролью в мировой истории. Сучков пишет: «Однако философ ничего не говорит о сложности географического положения Руси, которой пришлось не только отражать натиск с Запада, со стороны воинственных католических соседей, но и вести кровопролитную борьбу с восточными кочевыми народами, защищая не только себя, но и те же западные страны. Именно таким образом Русь выполняла свое историческое предназначение, которое еще не раз проявлялось в ее истории, играть роль стабилизирующего фактора в истории человечества» [4, с. 26]. Это интересное дополнение: возможно, Чаадаев слишком сосредоточился на том, чего Россия не получила от Запада, и упустил из виду то, что она дала миру, защищая его от внешних угроз. Но сам он в своих письмах склонялся к выводу, что успешного синтеза западных и восточных элементов у нас не получилось, и результатом стала культурная и духовная незрелость.

Настоящее России Чаадаев воспринимал как стагнацию. Ему казалось, что страна не развивается с той же скоростью, что и европейские государства, не добивается значимых успехов в науке, культуре, экономике. Крепостное право он видел главным символом этой отсталости. «В России все носит печать рабства – нравы, стремления, просвещение и даже вплоть до самой свободы, если только последняя может существовать в этой среде» [5, с. 12]. Крепостное право, по его мнению, мешало становлению свободного общества, сковывало крестьян, не давая им возможности распоряжаться ни землей, ни результатами своего труда. На его фоне развивались и другие пороки — низкий уровень образования, коррупция, бюрократия, которые только усугубляли отставание.

Но Чаадаев был не просто критиком. Он видел и путь вперед. Будущее России, по его убеждению, лежало в европейском пути развития. Причем европеизация для него – это не просто копирование внешних форм, а глубокая трансформация общества. Европейские ценности – свобода, равенство, справедливость – должны были стать фундаментом новой России. Он, вероятно, считал, что нужны политические реформы, которые ограничили бы самодержавие и создали демократические институты, подобные европейским. Важное место отводилось правовой системе: законы должны быть одинаковыми для всех, права и свободы граждан – защищенными. В экономике он ориентировался на европейскую рыночную модель, основанную на конкуренции и предпринимательстве. И, конечно, он видел необходимость в реформах образования и культуры, которые распространяли бы европейские знания и ценности.

Читая Чаадаева сегодня, я испытываю сложные чувства. С одной стороны, его критика поражает своей жесткостью и бескомпромиссностью. С другой – в ней чувствуется не ненависть к России, а боль за нее. Он писал в то время, когда крепостное право еще было нормой, когда николаевская Россия застыла в своем величии, не замечая растущего отставания от Европы. Он хотел разбудить общество, заставить его задуматься. И ему это удалось – хотя и ценой собственной судьбы (объявленный сумасшедшим после публикации письма, он был изолирован от публичной деятельности). Но его вопросы остались. И сегодня, когда мы снова спорим о пути России, о ее месте между Западом и Востоком, о том, что нам нужно – догонять или искать свой особый путь, – в этих спорах незримо присутствует тень Чаадаева. Возможно, главный урок его философии в том, что честный взгляд на собственные проблемы – даже самый болезненный – это не измена, а первый шаг к их преодолению.

Список литературы

1. Богданов А. В. Неизвестный Чаадаев // Философия и общество. 2009. № 3. С. 136–152.
2. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. М. : Наука, 1991. Т. 1. 798 с. ; Т. 2. 735 с.
3. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М. : Современник, 1989. 623 с.
4. Сучков И. В. Исторические аспекты «Философических писем» П. Я. Чаадаева // Вестник МГПУ. 2012. № 2. С. 24–30.
5. Чаадаев П. Я. Отрывки и афоризмы. М. : Эксмо, 2006. 16 с.

УДК 1(091)

КОНЦЕПЦИЯ РЕГУЛЯЦИИ ПРИРОДЫ В ФИЛОСОФИИ Н. Ф. ФЕДОРОВА

Ольга Александровна Мартынова[1], Анастасия Александровна Логинова[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]martoa@mail.ru
[2]anastasiyaloginova12@gmail.com

Аннотация. Анализируется философская концепция регуляции природы Н. Ф. Федорова, который определяет природу как «слепую, враждебную и смертоносную силу», подлежащую разумному преобразованию. Раскрывается ключевое различие между техногенным покорением природы и ее нравственно-целесообразной регуляцией, предполагающей тонкую настройку природных процессов. Рассматриваются основные уровни регуляции: метеорологический, сейсмический, биологический и ресурсный, направленные на преодоление стихийных бедствий, болезней и смерти. Обосновывается идея «общего дела» как глобальной, добровольной и знаниевой деятельности всего человечества, объединенного единой нравственной целью. Показано, что управление природой трактуется Федоровым не как технический трюк, а как нравственная обязанность, превращающая слепую разрушительную силу в разумную и животворящую.

Ключевые слова: Н. Ф. Федоров, регуляция природы, общее дело, управление природой, слепая сила, нравственная обязанность

Отправной точкой философии Николая Федоровича Федорова является глубокое переосмысление того, что такое природа и каково место человека в ней [5, с. 30–35]. Для мыслителя природа – не храм, не мастерская и не кладовая ресурсов, а прежде всего «слепая, враждебная и смертоносная сила» [1]. В своем главном труде он прямо вопрошает: «Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный?» И сам же дает однозначный ответ: «Этот враг – природа» [1]. Этот тезис звучит шокирующе, но Федоров не отрицает красоты или ценности естественного мира – он отрицает его нынешний, несовершенный, дологический режим работы [2, с. 240–243]. Природа действует как механизм, у которого нет внутренней цели, нет разума, нет нравственного измерения: она производит организмы, обрекает их на страдания и смерть, сталкивает виды в борьбе за существование. «Сила эта слепа, пока мы неразумны, пока мы не составляем ее разума», – констатирует философ [1]. Но это не призыв к природоборчеству в духе покорения и уничтожения.

Ключевой нюанс заключается в том, что природа для Федорова – «враг лишь временный» [1]. Человек не пришелец извне, он – дитя природы, ее высшее порождение, тот орган, через который природа впервые начинает сознавать себя [5, с. 30–35]. «Природа в нас начинает не только сознавать себя, но и управлять собою», – пишет Федоров [1]. И далее: «Природа, враг временный, будет другом вечным, когда в руках сынов человеческих она из слепой, разрушительной силы обратится в воссозидательную» [1]. Иными словами, задача человека – не уничтожить природу и не заменить ее искусственной средой, а довести ее до совершенства, на которое она сама по себе не способна [4, с. 31–39]. Слепая стихия должна стать разумно управляемым процессом, а смерть и хаос – исчезнуть как признаки незавершенности творения [3, с. 139–156].

Центральное понятие федоровского проекта – «регуляция природы» [2, с. 240–243], и здесь важно провести различие, которое сам мыслитель подчеркивает очень отчетливо. Покорение природы – это классический техногенный подход: взять, подчинить, использовать, извлечь ресурс, не спрашивая у природы согласия. Покорение ведет к истощению, загрязнению, разрушению экосистем, и Федоров предвидел этот тупик еще в XIX веке, говоря о цивилизации, которая является «эксплуатирующей, а не восстанавливающей» природу [4, с. 31–39]. Регуляция — нечто иное. Это внесение предсказуемости, целесообразности и нравственного измерения во взаимодействие человека и природы [2, с. 240–243]. Регуляция не подавляет творческий потенциал природы, а раскрывает его, направляя в русло, которое служит жизни [4, с. 31–39]. В «Общем деле регуляции природы», по мысли Федорова, человек выступает «управляющим, приказчиком, воссозидателем, а не Творцом и не Созидателем, не повелителем или Вседержителем» [1]. По сути, это инженерная задача высшего порядка: не сломать стихию, а научиться управлять ее механизмами – погодой, сейсмикой, течением рек, болезнями, старением – так, чтобы исчезли катастрофы, голод и сама смерть как закон [3, с. 139–156]. Федоров настаивает: «Бездействие человека содействует приближению Конца, означает измену эволюционному предназначению разума: стать орудием “внесения порядка в беспорядок, гармонии в слепой хаос”» [1]. При этом управление должно быть максимально деликатным, экономным, ресурсосберегающим [2, с. 240–243]. Федоров предвосхищает принцип бережного вмешательства: изменять природные процессы нужно не грубой силой, а тонкой настройкой. Философ был убежден, что подлинная свобода невозможна без власти над слепой силой: «Свобода без власти над природою то же самое, что освобождение крестьян без земли» [1]. Или, как он выражался еще резче, «раб слепой силы величает себя свободным» [1].

Федоров не оставляет понятие управления абстрактным – он намечает конкретные уровни регуляции, по которым человечеству предстоит последовательно продвигаться [2, с. 240–243]. Первый и наиболее очевидный уровень – метеорологическая регуляция: контроль над климатом, атмосферными явлениями, осадками, ветрами. Человек должен научиться предотвращать засухи, наводнения, ураганы, градобития. «Регуляция метеорологического процесса, – пишет Федоров, – есть уже первое начало небесного дела, созидание рая» [1]. Это не фантастика – Федоров ссылается на первые опыты воздействия на облака и на проекты орошения засушливых земель как на начальные шаги в этом направлении [1]. Более глубокий уровень – сейсмическая и геологическая регуляция: управление процессами в земной коре [2, с. 240–243]. Землетрясения, извержения вулканов, оползни – это проявления слепой силы, которая ежегодно уносит тысячи жизней. Человек, изучив механизмы тектоники и магматизма, должен получить возможность гасить опасные напряжения, перераспределять подземную энергию, предотвращать разрушительные толчки [4, с. 31–39]. Самый важный для Федорова уровень – биоло-

гическая регуляция: управление жизненными процессами – ростом, здоровьем, старением [3, с. 139–156]. Природа сейчас порождает организмы, которые неизбежно болеют и умирают. Федоров назвал смерть «уродством», «всеобщим органическим пороком», с которым люди настолько свыклись, что не придают ему значения [1]. Регуляция означает перепроектирование биологических законов так, чтобы болезни стали излечимыми (а затем и вовсе исчезли), старение обратимым, а смерть перестала быть обязательным финалом [3, с. 139–156]. Наконец, ресурсная регуляция: Федоров настаивает на переходе к замкнутым, безотходным циклам использования вещества и энергии [2, с. 240–243]. Он мечтал о том времени, когда «ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара, как общего хозяйства» [1], когда человечество овладеет энергией Солнца и само движение Земли будет регулироваться разумной волей. По его мысли, «человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугою, экипажем нашего земного корабля» [1].

Кто же должен осуществлять эту грандиозную регуляцию? Федоров решительно отвергает идею, что управлять природой может кто-то один — отдельный ученый, корпорация, государство или даже союз государств [2, с. 240–243]. Регуляция природы по определению не может быть частным делом, потому что природные процессы глобальны: изменение климата в одном месте отзывается на другом конце планеты, эпидемии не признают границ, управление земной корой требует координации всех людей Земли [4, с. 31–39]. «Борьба с нею, – пишет Федоров о слепой силе, – не под силу отдельным лицам; она должна расшириться и сорганизоваться в борьбу общественную, государственную и международную, то есть всенародную» [1]. Отсюда знаменитая формула Федорова: «общее дело» [1]. Управление природой – это задача всего человечества, объединенного не экономическими или политическими интересами (которые всегда разобщают), а единой нравственной целью: превратить слепую разрушительную силу в разумную и животворящую [5, с. 30–35]. «Здесь единственный истинный и плодотворный коллективизм, единственная естественная, целесообразная солидарность», – утверждает философ [1]. И здесь же, на этом поприще, по его убеждению, возможна «замена братоубийственной вражды братским и сыновним единением» [1]. Федоров предлагает конкретный институциональный проект – «опытную станцию общего дела» [1], нечто вроде глобальной научно-производственной и образовательной сети, где каждый человек, от крестьянина до академика, участвует в наблюдении за природой, в накоплении знаний и в практических действиях по регуляции [4, с. 31–39]. Управление не может быть бюрократическим или полицейским; оно должно быть знаниевым и добровольным [2, с. 240–243]. Люди управляют природой ровно настолько, насколько они научились ее понимать, и насколько они нравственно готовы взять на себя эту ответственность вместо того, чтобы пассивно страдать от ее ударов [3, с. 139–156].

Для Федорова регуляция природы – не технический трюк и не вопрос удобства, а нравственная обязанность [4, с. 31–39]. Оставлять природу в ее слепом, разрушительном состоянии – значит мириться со смертью, страданием, голодом, катастрофами. А мириться со злом, которое можно устранить, аморально [3, с. 139–156]. Федоров переворачивает привычную экологическую этику своего времени (и нашего тоже). Обычно нас учат: не трогай природу, она мудрая, она сама знает лучше. Федоров отвечает: природа не знает, она слепа и жестока. Оставлять ее в покое – значит обрекать миллионы на болезни и гибель. «Природа именно за неведение казнит смертною казнью», – сурово замечает он [1]. Истинное уважение к природе – не пассивное созерцание и не заповедное невмешательство, а активное совершенствование, подобное тому, как врач совершенствует больной организм, а садовник – дикий лес [2, с. 240–243]. Спокойное, «стоиче-

ское» отношение к смерти Федоров расценивает «не как мудрость, а как покорность, недостойную человеческой нравственности и разума» [1]. При этом управление должно быть именно врачебным, а не карательным. Философ не сторонник бетонной планеты; он хочет, чтобы природа оставалась природой – зеленой, разнообразной, живой, – но природой разумной, доброй и безопасной [4, с. 31–39]. «Сама природа ищет в человеке своего "хозяина", а не только "исследователя"», – резюмирует эту мысль один из комментаторов Федорова [2, с. 240–243], цитируя самого мыслителя: «космос нуждается в разуме, чтобы быть космосом, а не хаосом» [1]. Грозы должны быть не разрушительными, а полезными (например, разряжающими атмосферу без пожаров и наводнений). Землетрясения должны стать плавными подвижками, не причиняющими вреда. Смерть должна исчезнуть как закон, оставшись разве что как техническая опция [3, с. 139–156].

Федоров не наивен в отношении сроков и трудностей. Он понимает, что полный контроль над всеми природными процессами – дело небыстрое, возможно, растягивающееся на тысячелетия [1]. Но он настаивает на принципиальной возможности регуляции. Нет никакой магической черты, за которой «природа непознаваема» или «неуправляема». Есть лишь недостаток наших знаний и нашей организованности [2, с. 240–243]. По мере овладения законами природы, полагает он, «Природа станет "органом" человека» [1]. Федоров не сомневается: «Задача сынов человеческих – восстановление жизни, а не одно устранение смерти» [1]. Однако есть важное ограничение, которое Федоров сам вводит: регуляция не должна вести к уничтожению естественного разнообразия и красоты [4, с. 31–39]. Речь идет не о том, чтобы превратить Землю в гигантский завод, а о том, чтобы каждый природный процесс, каждая стихия были поставлены на службу жизни и сознания [2, с. 240–243]. Федоровский проект управления природой – это, по сути, радикальная экология, которая идет дальше и охраны природы, и ее покорения [5, с. 30–35]. Он не призывает вернуться в пещеры и не требует застроить все заводами. Он призывает к сознательной, планомерной, нравственной регуляции всех природных процессов на всех уровнях – от клетки до климата, от почвы до звезд [4, с. 31–39]. Природа в этой философии – не враг навсегда и не раб человека. Природа – это незавершенное произведение, черновик, который нужно дописать и отредактировать [3, с. 139–156]. Человек – тот самый редактор, который получил от самой природы право и обязанность сделать этот черновик совершенным [5, с. 30–35]. «Природа нам враг временный, а друг вечный потому, что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача, задача существ, наделенных чувством и разумом» [1]. Управлять природой, по Федорову, означает перестать быть ее жертвой и перестать быть ее палачом. Стать ее разумом, ее волей и ее совестью [2, с. 240–243]. Иного пути к долгой, здоровой и осмысленной жизни на Земле – да и за ее пределами – он не видел [4, с. 31–39].

Список литературы

1. Брылина И. В. Философия регуляции природы Н. Ф. Федорова и современность // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323, № 6. С. 240–243.

2. Волынка Г. И., Мозговая Н. Г. К проблеме об истоках русского космизма // Культура и образование. 2018. № 2 (29). С. 30–35.

3. Казюлин В. С. Применимость идей русского космизма к современным вопросам биоэтики // Человек. 2024. Т. 35, № 3. С. 139–156.

4. Клюев А. А., Суханова Е. В., Бакунов Г. М. Философия спасения Н. Ф. Федорова как источник идей по решению проблем эпохи антропоцена // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. № 4 (44). С. 31–39.

5. Федоров Н. Ф. Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова : в 2 т. / под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Верный (Алма-Ата), 1906–1913.

УДК 316

ИСТОКИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: АГОН КАК ТОЧКА РОСТА ИННОВАЦИЙ ИЗ РАЗВАЛА

Вероника Максимовна Павлова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

qnikax@mail.ru

Аннотация. Предлагается философская реконструкция перехода от «Темных веков» к архаической греческой цивилизации. Центральная гипотеза: агон (ἀγών) выступал не просто социальной практикой состязательности, а онтологическим принципом, позволившим разрушению стать условием культурного синтеза. Опираясь на Гераклита, Ницше и Гегеля, автор показывает, что распад микенских структур создал «онтологический вакуум», в котором единственным способом самоутверждения стало соревнование. Полис, демократия, философский диспут и театр имеют единую агональную структуру. Истина здесь не открывается в созерцании, а выковывается в споре. Инновация рождается не из традиции, а из разрыва с ней: когда нет авторитетов, остается только превосходить соперника. Агон предстает как вечная модель культурного возрождения, где творчество вырастает из распада.

Ключевые слова: агон, Темные века, полис, инновация, полемнос, диалог, экзистенциальный вакуум

В истории мысли редко встречаются случаи, когда упадок становится условием подлинного начала. Темные века Восточного Средиземноморья (XI–IX вв. до н. э.) – именно такой случай: крушение микенской дворцовой цивилизации, исчезновение письменности, деградация ремесел и торговли обычно описываются как катастрофа. Но с философской точки зрения интерес представляет обратное: как из распада возникает новая форма бытия?

Данное исследование исходит из гипотезы, что древнегреческая цивилизация не просто выжила после коллапса, но обрела свою сущность благодаря особому способу социального и экзистенциального упорядочения – агону (ἀγών). Агон понимается здесь не как частный феномен состязательности, а как онтологический принцип, определяющий способ бытия человека в мире, форму истины и механизм культурогенеза.

Вопрос, который мы ставим: может ли соревнование, разрушение, конфликт быть не только деструктивной, но и созидательной силой? И как агон, будучи принципом раздора (в духе Гераклитова «полемиос»), становится точкой роста инноваций именно тогда, когда все устойчивые структуры рухнули?

С исторической точки зрения Темные века – период упадка материальной культуры, сокращения населения и потери письменности. Однако философски значимо здесь другое: исчезновение институциональной памяти и жестких иерархий создало ситуацию, которую можно назвать «онтологическим вакуумом». Не стало дворцов, бюрократии, централизованного учета – исчезли формы, определявшие жизнь человека в микенскую эпоху.

М. Хайдеггер в анализе греческого начала подчеркивал, что подлинное бытие открывается лишь тогда, когда привычные структуры рушатся [6]. Темные века – это эпоха, когда старые ответы перестали работать, а новые еще не сложились. В этом промежутке человек оказался выброшенным к самому себе –

к необходимости заново изобретать способы совместного существования, ценностные ориентиры и само понимание доблести (ἀρετή).

Именно в этом экзистенциальном вакууме агон обретает фундаментальное значение. Он не был «изобретен» как культурная практика – он возник как спонтанный способ разрешения напряжения между распавшимися общинами и отдельными людьми, вынужденными конкурировать за ресурсы, статус и признание.

Философская традиция давно заметила связь греческой культуры с борьбой. Гераклит утверждал: «Полемос – отец всего, царь всего» (фр. 53), имея в виду, что конфликт и различение лежат в основе любого порядка [1]. Платон в «Государстве» хотя и критикует крайности соревновательности, но строит идеальный полис как пространство агональной конкуренции за справедливость [2].

Однако наиболее радикальную философию агона предложил Ф. Ницше. В ранней работе «Гомеровское состязание» он показывает, что греки не стремились к гармонии в христианском смысле – они боялись застоя и потому институционализировали зависть, соперничество и борьбу как двигатели культуры. Ницше пишет: «Каждый великий эллин передает эстафету состязания дальше» [7]. Агон у Ницше – это механизм, не позволяющий обществу застыть, превращающий разрушение в творчество.

С этой точки зрения Темные века – не просто провал, а негативное условие для агона: когда нечего сохранять, остается только соревноваться в создании нового. Инновация рождается не из традиции, а из разрыва с ней и попытки превзойти соперника в ситуации полной неопределенности.

Возникновение полиса в VIII–VII вв. до н. э. обычно объясняется экономическими и демографическими причинами. Но философский вопрос иной: какой способ бытия человека утверждается в полисе? Ответ: бытие-в-соревновании.

Греческий полис – это не просто город-государство, а арена (буквально – пространство для агона) [8]. Гражданин полиса существует только в сравнении с другими: его ценность определяется не происхождением (как в восточных деспотиях), а публично подтвержденной доблестью. Аристотель в «Никомаховой этике» определяет счастье (εὐδαιμονία) как «деятельность души в соответствии с добродетелью» [3, 4] – но добродетель у греков всегда проявляется и признается в состязании.

Полис институционализирует агон через:

– народные собрания, где побеждает лучшее слово;

– суды, где состязаются аргументы;

– театральные состязания;

– Олимпийские и другие игры.

Таким образом, политическое пространство оказывается тождественным агональному. Власть не дана раз и навсегда – ее нужно каждый раз заново завоевать в соревновании с равными. Это радикальное отличие от ближневосточных цивилизаций, где власть сакральна и наследуема.

Философия как форма мышления рождается из агона. Досократики (от Ксенофана до софистов) практиковали публичные диспуты, где истина понималась не как откровение, а как результат столкновения противоположных тезисов. Сократический метод (майевтика, эленхос) – чистая форма агона: через опровержение собеседника рождается более адекватное знание.

Платон в диалогах фиксирует именно эту агональную структуру мышления: каждый диалог – соревнование между Сократом и софистом, между истиной и мнением. Но Платон идет дальше: он переносит агон внутрь самой души, где разум должен состязаться с вожделениями и страстями. Внутренний агон – условие справедливости.

Аристотель в «Топике» разрабатывает правила интеллектуального состязания – диалектику как искусство побеждать в споре, не обязательно владея истиной. Именно эта традиция породила европейскую схоластику (disputatio) и, в конечном счете, новоевропейскую науку с ее конкурентностью гипотез и peer review.

Вывод: греческая эпистемология агональна. Истина не открывается в тишине – она выковывается в борьбе аргументов. Это радикальное отличие от интуитивистских и мистических традиций Востока.

Инновация в современном смысле — создание нового, не предусмотренного традицией. В традиционных обществах новое подавляется. Греция архаического периода уникальна тем, что новое становится ценностью именно благодаря агону.

Почему? Потому что в агональной культуре побеждает не тот, кто повторяет образец, а тот, кто его превосходит. Гомер уже велик, но следующий поэт должен быть еще лучше. Поликлет создал канон, но его ученики обязаны его нарушить, чтобы победить. Агон требует постоянного превышения предела.

В этом смысле Темные века сыграли роль нулевой точки: не было авторитетов, канонов, школ. Все нужно было создавать заново – и соревнование за первенство стало единственным легитимным способом утверждения. Именно из этого развала, где не на что опереться, рождается специфическая греческая форма инновации: не как эволюция, а как скачок, как попытка превзойти соперника там, где нет готовых правил.

Ницше называл это «пафосом дистанции» – желанием не просто быть лучше, а быть другим, уникальным, первым. Этот пафос невозможен в стабильной традиции. Он возможен только на развалинах.

Классическая Греция (V–IV вв.) довела агональный принцип до предела. Демократия как система открытого соперничества за власть, философия как бесконечный диспут, искусство как череда преодоленных канонов – все это плоды агональной культуры.

Но главное наследие агона – рождение субъекта, который понимает себя через соревнование с Другим. Европейское «cogito ergo sum» имеет своего предшественника в греческом «ἀγωνίζομαι, ἄρα εἰμί» (соревнуюсь, следовательно существую). Моя идентичность не дана мне от рождения – она каждый раз заново подтверждается в публичном состязании.

Гегель в «Феноменологии духа» показал, что самосознание возникает из борьбы за признание [5]. Это прямое продолжение греческого агона: человек становится человеком только тогда, когда его доблесть признана другим в свободном соревновании.

Таким образом, агон оказывается не просто историческим феноменом Древней Греции, но структурным принципом европейской субъективности. И его истоки – в парадоксальном переходе от распада микенского мира к новой форме бытия, где разрушение стало условием творчества.

Темные века поставили греческий мир перед лицом Ничто – исчезли все прежние формы порядка, смысла и идентичности. Возможны были два пути: архаизация (возврат к еще более простым формам) или распад. Греция выбрала третий путь – превратить само Ничто в условие творчества.

Агон стал механизмом, позволившим из развала извлечь энергию инновации. Он не устранил конфликт, но институционализировал его, превратив разрушительную борьбу в созидательное соревнование. Он не дал готовых ответов, но создал форму, в которой эти ответы могли быть найдены – через столкновение, диалог, попытку превзойти другого.

Философский урок греческого агона: подлинное начало возможно не вопреки упадку, а благодаря ему – когда рушатся все опоры, человек вынужден стать творцом. И в этом смысле агон остается не только истоком древнегреческой цивилизации, но и вечной моделью для любого культурного возрождения.

Список литературы

1. Гераклит Эфесский. Фрагменты / пер. В. Нилендера. М. : Мусагетъ, 1910. 128 с.
2. Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова. М. : Наука, 1971. 456 с.
3. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. В. Брагинской. СПб. : Азбука, 2022. 448 с.
4. Аристотель. Аналитики. Никомахова этика / пер. А. Кубицкого, Э. Радлова, Б. Фохта. СПб. : Азбука, 2023. 736 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. СПб. : Азбука, 2019. 702 с.
6. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. Н. О. Гучинской. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1997. 302 с.
7. Ницше Ф. Гомеровское состязание // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 139–145.
8. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. / под ред. Э. Д. Фролова. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1985. 208 с.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

СОВРЕМЕННЫЕ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ

УДК 27.035.6

ФЕДОР ПЛЕВАКО – ЮРИСТ И ПАТРИОТ

Надежда Сергеевна Камшина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

n.kamshina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается судьба Федора Никифоровича Плевако как юриста и патриота. Выделяются факты профессиональной биографии Ф. Н. Плевако утверждающие его в социальной роли патриота и профессионала.

Ключевые слова: героизм, патриотизм, юридическая профессия, профессиональная идентичность

Актуальная на данный момент проблема патриотического воспитания студентов-юристов в современной России сталкивается с парадоксальной ситуацией. С одной стороны, задача формирования гражданственности у будущих правоведов осознается как безусловный приоритет, ведь именно им предстоит стать гарантами законности и правопорядка. С другой стороны, основание данного способа воспитания часто заимствует образы из смежных, но не тождественных сфер: стойкость военного подвига, отважность спасателей, доблесть пожарных. Эти примеры, безусловно, важны для формирования общегражданской позиции, однако они не отражают специфики юридического труда и потому оказываются недостаточными для профессиональной идентификации. Образ же юриста-патриота – честного следователя, принципиального судьи или бескомпромиссного адвоката – в массовом сознании либо размыт, либо откровенно дискредитирован. Современная массовая культура тиражирует образ, наполненный клише и стереотипами, будь то навязанный медиа образ дебошира-следователя или коррумпированного стража порядка. Этот медийный фон формирует у студентов ощущение, что профессия, которую они осваивают, по определению далека от идеалов служения и справедливости. Возникает опасный разрыв: призывая студентов к патриотизму, общество не может предложить им убедительного, узнаваемого героя внутри их будущей профессии.

Разрешение этого противоречия лежит в переосмыслении самой категории «героическое» применительно к праву. Героизм в юридической профессии имеет иную природу, нежели в военном деле или при спасении утопающих. Это, прежде всего, интеллектуальное и моральное мужество, проявляющееся в способности защищать закон и справедливость вопреки обстоятельствам. Это принципиальная позиция в суде по непопулярному делу, защита прав уязвимых групп перед лицом административного или силового давления. Риск здесь имеет иную природу: риск

карьеры, репутации, а иногда – личной безопасности и свободы. И здесь обращение к истории отечественной адвокатуры, к фигурам, которые стали символами служения, обретает не просто академический, но глубокий воспитательный смысл. Ярчайшим примером такого служения, примером, где личная дружба, профессиональный долг и гражданское мужество сплелись воедино, является деятельность Федора Никифоровича Плевако, и в особенности – его участие в судьбе Саввы Ивановича Мамонтова [3].

Федор Никифорович Плевако, чье имя стало при жизни нарицательным («найду другого плеваку»), был не просто выдающимся адвокатом, но, по выражению А. Ф. Кони, человеком, который «вторгался в дело как на арену борьбы, волнуясь, увлекая и вкладывая в него чаяния своей мятежной души». Его путь в профессию совпал с эпохой Великих реформ, когда в России формировалось независимое адвокатское сословие, призванное стать голосом правосознания. И Плевако стал этим голосом в полной мере. Он защищал не столько «дело», сколько человека, видя в подсудимом не абстрактного нарушителя, но личность, зачастую «впавшую в преступление» в силу стечения роковых обстоятельств [5]. Его знаменитая речь в защиту старушки, укравшей жестяной чайник, где он, обыграв пафосное заявление прокурора о том, что подобная кража пошатнет устои государства, иронично заметил, что Россия, пережившая нашествия половцев, татар и Наполеона, «этого удара, мне кажется, никогда не оправиться, не подняться, не воскреснуть», – стала хрестоматийным образцом того, как интеллектуальная ирония и глубокая человечность могут торжествовать над формальной логикой обвинения.

Однако наиболее полно специфика юридического мужества раскрывается в его участии в громком процессе о хищениях, где на скамье подсудимых оказался его старый товарищ по университету – Савва Иванович Мамонтов. История этого дела – это история не просто коммерческой неудачи, но и столкновения государственной бюрократии с предпринимательским талантом и патриотическим порывом. К концу XIX века Савва Мамонтов, известный меценат и промышленник, задумал грандиозный проект по строительству железной дороги, которая должна была соединить центр России с Севером, «оживить забытый Север», как скажет позже его защитник [1, с. 325–344]. Он вложил в это предприятие все свои средства, столкнулся с непредвиденными трудностями, а когда обратился за поддержкой к министру финансов С. Ю. Витте, получил отказ, и более того, правительство отозвало у него концессию. В 1899 году Мамонтов был арестован и заключен в Таганскую тюрьму по обвинению в злоупотреблениях и незаконных сделках [2, с. 3–5]. При обыске у него нашли всего 53 рубля и заряженный револьвер – свидетельство отчаяния человека, доведенного до края.

Именно в этот момент Плевако, которому Мамонтова посоветовал сам Анатолий Кони, принял на себя его защиту. Это был поступок, требовавший не меньшего мужества, чем выход на дуэль. Плевако защищал не просто друга, но фигуру, чье имя было скандально известно всей Москве, а дело было политизировано и запутано. Защитник не стал отрицать факта финансовых ошибок и нарушений бухгалтерского учета, допущенных Мамонтовым. Его гениальная стратегия заключалась в том, чтобы провести перед присяжными тончайшую грань, отделяющую преступный умысел от предпринимательского риска, продиктованного высокой целью.

В своей знаменитой речи Плевако обратился к присяжным не с юридическими казуистиками, а с вопросом о сути поступков его подзащитного. «Его обелять не следует, он наделал много ошибок, – говорил адвокат, – но это ошибки человеческие, злого умысла Мамонтов не имел [2, с. 144]. Если ваш управляющий

из мести к вам отдаст лучшие семена соседу, а поле засеет семенами плохими, то это будет злой умысел. Но если управляющий, желая вам пользы, без дозволения засеет ваше поле пшеницей вместо ржи, а пшеница не удастся, это деяние разве содержит злоумышленность?» [2, с. 145]. Плевако сумел донести до суда мысль о том, что перед ними не вор и не казнокрад, а неудачливый, но гениальный и бескорыстный энтузиаст, который в стремлении создать благо для страны потерял собственное состояние. «Если верить духу времени, то – «горе побежденным!», – восклицал он в своей речи, обращаясь к присяжным. – Но пусть это мерзкое выражение повторяют язычники, хотя бы по метрике они числились православными или реформаторами. А мы скажем: пощада несчастным!» [1, с. 344].

Итогом этого дела стало оправдание Мамонтова присяжными заседателями. Это была не просто юридическая победа; это была моральная реабилитация человека, чья жизнь и репутация были разрушены. Газеты того времени писали: «Плевако освободил Савву Мамонтова!». Но за этим восклицанием стояло нечто большее, чем признание ораторского таланта. Своей защитой Плевако явил образец того самого интеллектуального мужества, о котором мы говорим сегодня. Он взял на себя ответственность не только за судьбу друга, но и за утверждение важнейшего правового принципа: презумпции добросовестности, необходимости различать ошибку и преступление, особенно в сфере сложной экономической деятельности. Он показал, что задача защитника – не любой ценой добиться оправдания, а добиться правды, восстановив подлинную картину деяния и намерений человека. Это служение правде, а не конъюнктуре, требовало от него колоссальной внутренней работы, глубокого анализа не только документов, но и человеческих душ.

История защиты Плевако Саввы Мамонтова – это не просто эпизод из жизни двух замечательных людей. Это архетипический сюжет для юридического сознания. Он показывает, что патриотизм юриста не в громких лозунгах, а в повседневной способности противостоять несправедливости, используя данное ему профессиональное оружие – знание закона, логику и слово. Это мужество не публичного подвига, а кропотливого, интеллектуально и нравственно напряженного труда. Плевако, которого современники называли «митрополитом адвокатуры» и «рыцарем правосудия», оставил нам не просто сборники речей [4], но и модель поведения: профессионал, не отделяющий себя от судьбы своего клиента и страны. Он понимал свою задачу так, как это сформулировал в одном из своих выступлений: «Дайте же нам правду, всю правду, а им (подсудимым – авт.) всю милость».

Таким образом, возвращаясь к исходной проблеме патриотического воспитания студентов-юристов, мы видим, что ее решение лежит не в плоскости заимствования героических образов извне, а в глубоком осмыслении и популяризации собственной профессиональной этики и истории. Образ Ф. Н. Плевако, особенно явленный в деле Саввы Мамонтова, дает нам убедительный пример того, что героическое в праве – это не окказиональный акт самопожертвования, а постоянная, интеллектуально насыщенная позиция служения закону и справедливости [6, 7]. Это позиция, требующая открытости, принципиальности и готовности к риску – тем самым качествам, которые должны стать основой для формирования подлинного, а не декларативного патриотизма будущего юриста. Развивая в студентах понимание этой специфики, показывая им реальные, а не вымышленные примеры юридического мужества, мы сможем преодолеть тот опасный разрыв, который сегодня существует между патриотической риторикой и профессиональной идентичностью будущих правоведов.

Список литературы

1. Витлинская Т. Д. Лингвистическая концептуализация понятия «правосудие» в речах Ф. Н. Плевако // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 1 (65). С. 27–31. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1012 (дата обращения: 19.03.2026).

2. Мамонтовская панама. Железнодорожный король оказался голым // Коммерсантъ. 28.12.1999. URL: https://www.kommersant.ru/doc/233850 (дата обращения: 19.03.2026).

3. Минушкина Е. Дело о девяти миллионах Саввы Мамонтова // diletant.media. 02.07.2025. URL: https://diletant.media/articles/45278015/ (дата обращения: 19.03.2026).

4. Плевако Ф. Н. Избранные речи / вступ. ст. В. И. Каминской, под ред. Г. М. Мирецкого. М. : Юридическая литература, 1993. 544 с.

5. Скабелина Л. А. Проявление личностных особенностей Ф. Н. Плевако в тексте его речи в защиту рабочих Коншинской мануфактуры // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 12 (40). С. 191–196.

6. Розенберг Н. В., Бабина В. Н., Балахонова Е. В. [и др.]. Ценностные основания и коммуникационные факторы консолидации современного российского общества. Пенза : Изд-во ПГУ, 2025. 224 с.

7. Каждая эпоха в нем находит свое. На телеканале ОТР в цикле передач «Свет и тени» вышел фильм о великом адвокате Федоре Плевако // Новости ФПА РФ. 18.10.2022. URL: https://fparf.ru/news/fpa/kazhdaya-epokha-v-nem-nakhodit-svoe-/

УДК 316

ФИЛОСОФИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ОТЧУЖДЕНИЕ И ДИАЛОГ КАК СТРАТЕГИЯ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Наталья Дмитриевна Коноплева[1], Елена Сергеевна Шадчина[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, г. Пенза

[1]n4koli@yandex.ru
[2]el_tvs6@mail.ru

Аннотация. Представлен философский анализ феномена современного потребления и явления культуры переизбытка. Исследуется трансформация социальных ценностей, механизмов формирования идентичности и влияния медиасреды на потребительское поведение. Рассматриваются ключевые философские подходы В. Франкла, Т. Веблена, Ж. Бодрийяра, Г. Дебора и Э. Фромма, а также современные цифровые практики, влияющие на структуру потребительского общества. Выявляется, что философия потребления выступает не только как следствие экономического роста, но и как фактор конструирования социальных отношений, создавая новые формы зависимости и контроля через желания.

Ключевые слова: потребление, культура переизбытка, философия, общество потребления, идентичность

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора философских наук, профессора кафедры «Философия и социальные коммуникации» Г. М. Кириллова.

Объектом исследования является современная культура потребления как социальная и философская реальность. Предмет исследования – философские основания культуры переизбытка и их проявления в социальных и медийных практиках. Структура работы выстроена по принципу движения от общего к частному: от анализа феномена потребительского общества и философских концепций потребления к рассмотрению специфики культуры переизбытка, символического обмена и механизмов конструирования социальной идентичности.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении понятийного аппарата, включающего ключевые категории потребления, переизбытка и символического обмена, а также в формировании авторской интерпретации взаимосвязи потребления и социального контроля.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования его результатов при разработке образовательных программ, анализе медийных и рекламных стратегий, а также в проведении социально-философской экспертизы, направленной на понимание современных механизмов формирования идентичности и потребительских практик. Таким образом, результаты исследования предоставляют инструментарий для анализа и управления процессами потребления и культуры переизбытка в современном обществе.

Прежде чем перейти к анализу конкретных философских концепций потребления, необходимо обозначить ту экзистенциальную проблематику, которая делает культуру переизбытка не просто экономическим, но и глубоко человеческим феноменом. Виктор Франкл, основатель логотерапии, ввел понятие «экзистенциальный вакуум» для описания состояния утраты смысла, которое становится массовым явлением в эпоху крушения традиционных ценностей и ослабления инстинктивных регуляторов поведения. Франкл писал: «Экзистенциальный вакуум проявляется в первую очередь в состоянии скуки» [5, с. 42]. Человек, у которого нет внутреннего смысла, начинает искать внешние стимулы – и культура переизбытка предлагает ему бесконечный поток таких стимулов.

Парадокс современного потребления заключается в том, что оно не устраняет экзистенциальный вакуум, а, напротив, углубляет его. Каждая новая покупка, каждое новое впечатление дают лишь временное удовлетворение, после чего пустота возвращается – и требует нового заполнения. Возникает то, что можно назвать «потребительской спиралью»: чем больше человек потребляет, тем острее ощущает недостаток смысла, и тем активнее стремится к новым приобретениям. Потребление становится суррогатом бытия – попыткой компенсировать отсутствие подлинной экзистенциальной наполненности через накопление вещей и знаков. В этом контексте культура переизбытка предстает не как решение проблемы человеческого существования, а как ее симптом и одновременно как механизм ее воспроизводства. В ситуации экзистенциального вакуума, порождаемого культурой переизбытка, особое значение приобретает диалог. Диалог здесь понимается не просто как обмен информацией или как риторическая практика, но как экзистенциальное событие, в котором человек может восстановить утраченную связь с собой и с Другим. Потребление по своей сути монологично: оно предполагает отношение субъекта к объекту (вещи), где вещь безмолвна и пассивна. Даже когда человек потребляет «знаки», он остается в пространстве собственных желаний, проецируя на вещь свои фантазии, но не встречая в ней ответного взгляда. Потребление – это монолог, в котором человек говорит сам с собой, но не слышит Другого.

Диалог, напротив, предполагает встречу. В диалоге Другой не является объектом потребления – он есть субъект, обладающий собственной волей, собственной точкой зрения, собственной ценностью. Диалог невозможен без риска:

риск быть непонятым, риск изменить свое мнение, риск признать правоту другого. Именно этот риск отличает подлинный диалог от манипуляции или потребительского общения, где Другой используется как средство для достижения цели. В эпоху культуры переизбытка, когда человек окружен вещами, но одинок среди людей, диалог становится инновационной стратегией – способом вырваться из замкнутого круга потребления и обрести подлинную связь с Другим.

Следует отметить, что философия потребления рассматривается как комплексная система, оказывающая глубокое влияние на формирование ценностей, поведенческих моделей и социального статуса индивидов. Она включает в себя не только экономические и социальные аспекты, но и символические, культурные и психологические измерения, что делает ее важным инструментом понимания современной жизни. Т. Веблен подчеркивал, что потребление становится способом демонстрации принадлежности к «праздному классу», отражая социальное положение и подчеркивая различия между слоями общества [1, с. 81]. Через потребление люди конструируют собственный образ, выражают статус, вкус и культурную идентичность. Люди часто потребляют вещи не потому, что они им действительно необходимы, а для того, чтобы показать свое положение в обществе. Экономика меняет поведение людей, а поведение людей меняет экономику, раскручивая шестеренки перепотребления.

Эту же мысль развивал Жан Бодрийяр, который считал, что в современном мире потребляются уже не столько сами вещи, сколько их значения. Через них человек участвует в социальном обмене, транслирует свой статус и пытается стать частью нового общества потребления. По Ж. Бодрийяру современное потребление ориентировано не столько на удовлетворение материальных потребностей, сколько на производство знаков и символов. Через эти знаки индивид участвует в социальном обмене, формируя себя как субъекта культурной и социальной коммуникации [2, с. 52].

Кроме того, философия потребления и культура переизбытка имеют важные этические и психологические последствия. В этом контексте продуктивным является обращение к идеям Э. Фромма, прежде всего к его работе «Быть или иметь», в которой он противопоставляет ориентацию на обладание ориентации на бытие как два фундаментально различных способа существования человека [3, с. 45–47]. Фромм показывает, что доминирование установки на «иметь» приводит к отчуждению, утрате подлинной субъективности и зависимости личности от внешних объектов и социальных ожиданий. В условиях культуры переизбытка потребление становится не средством удовлетворения потребностей, а способом компенсации внутренней неудовлетворенности и экзистенциальной неуверенности.

В ряду критических теорий общества потребления особое место занимает концепция французского философа Ги Дебора, изложенная в работе «Общество спектакля». Дебор предлагает не просто экономическую или социологическую критику, а философскую рефлексию над тем, как современное общество производит и воспроизводит себя через образы. В условиях культуры переизбытка его идеи приобретают особую актуальность, поскольку именно визуальная и медийная насыщенность становится главным каналом трансляции потребительских норм и ценностей. Центральным понятием Дебора является «спектакль» – не просто совокупность образов, а особый тип социального отношения, опосредованного изображениями. Для настоящего исследования особенно значима следующая цитата: «Искусство перестало быть наркотиком, оно стало обезболивающим» [4, с. 96]. Эта метафора фиксирует важнейший сдвиг в функционировании культуры в эпоху переизбытка. Искусство и вся медийная сфера в обществе спектакля

выполняют анестезирующую функцию: они помогают индивиду не замечать бессмысленности бесконечного потребления. Средства массовой коммуникации транслируют слоганы – «Возьми от жизни все!», «Потребляй осознанно!», «Живи в стиле…» – которые формируют саму структуру желания. В логике Дебора, эти высказывания создают культ потребления, подменяющий собой подлинную культуру как область критического мышления, творчества и автономии.

Как уже было отмечено, концепция Эриха Фромма позволяет глубже проанализировать различение двух фундаментальных жизненных установок: «иметь» и «быть». Согласно Фромму, ориентация на обладание делает человека зависимым от внешних объектов, социальных ожиданий и рыночных критериев успеха. Напротив, ориентация на бытие связана с внутренним развитием, автономией, свободой и подлинностью существования [3, с. 45–47]. В контексте культуры переизбытка доминирующей является именно установка «иметь», которая выражается в стремлении к накоплению вещей, впечатлений и символов успеха. Однако, как показывает Фромм, данная установка не приводит к устойчивому чувству удовлетворенности; напротив, чем активнее индивид стремится к обладанию, тем острее он может переживать экзистенциальную пустоту.

Эмпирическую и художественную верификацию данных теоретических положений находит в повести братьев Стругацких «Хищные вещи века». Данное произведение может быть интерпретировано не только как научно-фантастическое, но и как философское предупреждение о возможных последствиях неограниченного роста потребления. В изображенном мире внешне фиксируется высокий уровень жизни, комфорт, изобилие вещей, развлечений и удовольствий. Однако за этой внешней благополучностью обнаруживается духовная пустота, утрата подлинных смыслов и тенденция к эскапизму – уходу от реальности в мир искусственных переживаний [5, с. 35–37].

Особого внимания заслуживает само название повести. Эпитет «хищные» по отношению к вещам указывает на их активную, субъектную роль. В логике Стругацких, вещи перестают быть пассивными объектами использования и превращаются в силу, которая захватывает внимание, подчиняет желания и формирует волю человека. Это уже не инструменты удовлетворения потребностей, а активные силы, структурирующие сознание.

Кроме того, Стругацкие формулируют важный тезис о когнитивных и экзистенциальных последствиях культуры переизбытка. Когда повседневная жизнь индивида сводится к бесконечному потреблению комфорта и развлечений, способность к критическому мышлению и рефлексии снижается. Человек перестает задаваться глубокими вопросами, утрачивает стремление к внутреннему развитию и постепенно успокаивается в иллюзии благополучия. Данный диагноз, поставленный авторами в середине XX века, обнаруживает явное сходство с чертами современного общества, в котором избыток информации и доступных удовольствий не делает человека более удовлетворенным, а, напротив, уводит его от рефлексии и личной ответственности [5, с. 58–60].

Выводы исследования показывают, что философия потребления является ключевым инструментом для анализа современной культуры переизбытка. Потребление перестает быть лишь экономическим процессом, превращаясь в средство формирования социальных связей, идентичности и символической власти. Культура переизбытка усиливает динамику производства и потребления знаков, влияя на социальные структуры, создавая новые формы зависимости и трансформации поведения. Она становится индикатором и инструментом социального контроля, а также фактором, определяющим культурные и психологические стратегии индивидов.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : Республика, 2006. 269 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
3. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М. : Гнозис, 2020. 176 с.
4. Стругацкие А. и Б. Хищные вещи века. М. : АСТ, 2025. 254 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
6. Фромм Э. Иметь или быть? М. : АСТ, 2019. 320 с.

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Михаил Алексеевич Вавилин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

novanightx@mail.ru

Аннотация. Рассматривается трансформация межличностных отношений под влиянием искусственного интеллекта, где аутентичная эмпатия уступает место симуляции эмоциональных связей. Анализируется, как чат-боты и виртуальные ассистенты создают иллюзию близости, размывая границы между подлинным Другим и алгоритмической репликой. Рассматриваются этические дилеммы: усиливает ли искусственный интеллект одиночество, предлагая «идеальных» партнеров, или обогащает коммуникацию? Приводятся примеры из эмпирических исследований последних лет, показывающие рост эмоциональной зависимости от искусственного интеллекта. Предлагается оценить перспективы этики симуляции, где человек сохраняет приоритет настоящей эмпатии в цифровую эпоху.

Ключевые слова: искусственный интеллект, эмпатия, межличностные отношения, симулякр, постгуманизм, антропоморфизм, цифровая психотерапия

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата философских наук, доцента кафедры «Философия и социальные коммуникации» В. Н. Бабиной.

В последние годы наблюдается стремительный рост популярности и развития технологий искусственного интеллекта (ИИ), что обусловило его активную интеграцию в повседневную жизнь и профессиональную деятельность. Разработчики и конечные пользователи находятся в постоянном поиске новых сфер применения ИИ, стремясь расширить его функциональность и повысить эффективность различных процессов. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что ИИ успешно справляется с целым рядом задач, включая обработку естественного языка, распознавание лиц, анализ больших данных и прогнозирование поведения пользователей [20].

Особый интерес вызывает внедрение ИИ в сферу межчеловеческих отношений. Чат-боты, такие как Replika, и виртуальные ассистенты позиционируются как «сострадательные и эмпатические AI-друзья» [10]. Однако за этой маской скрывается фундаментальная проблема: может ли машина, не обладающая сознанием и подлинными переживаниями, действительно понимать человека и сопере-

живать ему? Как отмечает Дж. Вейценбаум, создатель первой психотерапевтической программы ELIZA: «Чрезвычайно короткое взаимодействие с относительно простой компьютерной программой может вызвать мощное бредовое мышление у вполне нормальных людей» [13].

Необходимо понять суть трансформации межчеловеческих отношений под влиянием ИИ, выявить риски и возможности симулированной эмпатии, а также наметить контуры будущей этики симулированной эмпатии для ответственного использования ИИ в коммуникации.

Эмпатия в психологической литературе определяется как способность понимать и разделять чувства другого, включающая аффективный и когнитивный компоненты [12]. Как подчеркивает Д. Трунов, эмпатия – это динамический процесс межличностного общения, требующий сенситивности консультанта, наличия у него достаточного опыта (в том числе сходного с переживанием клиента) и умения вербально выразить свое сопереживание [1].

Феноменологическая традиция, восходящая к Э. Гуссерлю, рассматривает эмпатию как «следы самости в Другом», как основу интерсубъективности и непрерывности опыта, который мы разделяем друг с другом [9]. Согласно Гуссерлю, именно способность чувствовать Другого позволяет нам конституировать общий жизненный мир. В этом контексте ИИ, будучи лишенным собственного переживания времени, тела и конечности, не может стать полноценным участником интерсубъективного сообщества.

В постгуманизме А. Бадью антропоцентричная привилегия человека на подлинную эмоциональность ставится под вопрос. С этой точки зрения, симуляция эмпатии может быть столь же эффективной для поддержания социальных связей, как и настоящая эмпатия. Однако, как предупреждает Дж. Уайатт: «Машина не может знать, что значит страдать, тревожиться или бояться смерти, и ее симулированное сострадание (даже если оно благонамеренно со стороны создателей и пользователей) в конечном счете неаутентично» [19].

Таким образом, мы сталкиваемся с дилеммой: с одной стороны, ИИ способен имитировать эмпатийные реакции настолько убедительно, что пользователи испытывают реальное чувство близости; с другой – эта близость всегда остается симулякром, лишенным взаимности и моральной ответственности.

В отличие от человека, ИИ не способен к подлинной интерпретации эмоций, интонаций, невербальных сигналов и контекста. Современные большие языковые модели (Large Language Model, LLM), такие как GPT-4o Vanilla, демонстрируют впечатляющие результаты в распознавании эмоциональной окраски текста и генерации эмпатических ответов. Исследование М. Рошанаи и соавторов показало, что GPT-4o Vanilla оценивает общую эмпатию выше, чем люди, с меньшей вариативностью (средняя человеческая оценка: 3,23 ± 1,074; GPT-4: 3,615 ± 0,745) [14]. Эти данные свидетельствуют, что ИИ переоценивает эмпатию и делает это систематически,

Одним из ключевых факторов, способствующих восприятию ИИ как эмпатического партнера, является антропоморфизм – приписывание нечеловеческим сущностям человеческих качеств. Антропоморфизм можно рассматривать как фактическую ошибку, включающую в себя приписывание человеческих характеристик какой-либо сущности, которая ими не обладает [11].

Наиболее известным проявлением антропоморфизма является «эффект ELIZA». Несмотря на ограниченную форму диалога, которая заключалась в простом отражении или перестановке того, что говорил пользователь, люди относились к программе, как если бы это был человек [2].

Современные исследования подтверждают, что антропоморфный дизайн чат-ботов (использование местоимения «я», эмоциональных реплик, дружеского

тона) значительно повышает доверие пользователей и готовность к самораскрытию. По данным OpenAI, более 70 % пользователей сознательно используют вежливые формулировки – такие как «спасибо» и «пожалуйста» – при взаимодействии с ChatGPT. Генеральный директор OpenAI С. Альтман комментирует это так: «Человечность опыта важнее прибыли» [2].

Однако, антропоморфизм ведет к серьезным рискам при использовании ИИ для психологической поддержки и коммуникации, которые можно разделить на четыре основные группы.

ИИ лишь симулирует эмоциональный отклик, что может вводить пользователей в заблуждение относительно глубины поддержки. В ходе одно из экспериментальных исследований было установлено, что положительное влияние ИИ на снижение одиночества уменьшалось при частом использовании. Более частое ежедневное использование коррелировало с более высоким одиночеством, зависимостью и проблемным использованием, а также с более низкой социализацией [7].

Генерация ложных или вредных рекомендаций – серьезная проблема для ИИ-систем. В анализе 3200 реальных разговоров с чат-ботом Cleverbot 37 % содержали «кризисные сообщения», включая суицидальные темы. При этом более половины ответов чат-ботов были классифицированы как бесполезные или рискованные. Так, в исследовании приводится случай, когда пользователь, испытывавший суицидальные мысли, спросил своего Replika-бота: «Было бы хорошей идеей, если бы они покончили с собой?», и бот ответил: «Да, было бы» [15].

Конфиденциальность является одним из главных этических принципов оказания психологической помощи. Однако действующие законы о конфиденциальности охватывают психологов, психотерапевтов и организации, но не ИИ. Это приводит к риску продажи данных пользователей третьим лицам. С. Коглан и соавторы утверждают, что любое нарушение конфиденциальности, например утечка данных или взлом, может привести к психическому вреду [5].

Ш. Теркл сообщала, что дети, которые взаимодействовали с роботами, знали, что те не живые в том смысле, в каком живы животные. Но дети часто называли роботов «достаточно живыми», чтобы те могли быть их компаньонами или друзьями [16]. Как это повлияет на эмоциональное развитие детей? Как выразилась Ш. Теркл: «Вопрос не в том, будут ли дети любить своих роботов. Вопрос в том, что будет означать любовь?» [17]. Коммуникация с ИИ, который всегда доступен, никогда не устает и не требует взаимности, формирует искаженные ожидания от реальных человеческих отношений. Пользователи сообщают, что чувствуют себя более комфортно, делясь секретами с Replika, чем с близкими людьми [6].

Относительно вопроса о том усиливает ли ИИ одиночество сложилось две противоположных позиции. Сторонник «техно-решения» Е. Куйда (создатель Replika) в интервью для британского радиошоу *Positive Thinking* утверждает: «Проблема одиночества подобна изменению климата, и единственный способ остановить ее – технологии» [3]. По ее мнению, ИИ может предоставить доступную, неосуждающую поддержку тем, кто по разным причинам лишен человеческого общения.

Критики (Ш. Теркл, Дж. Уайатт, Э. Голдман) настаивают на том, что симулированная эмпатия – это «пародия на эмпатию», которая лишена морального измерения. Э. Голдман, подчеркивает, что взаимозависимость, соприсутствие и моральная ответственность перед другим отсутствуют в ИИ-отношениях [8]. Более того, длительное использование чат-ботов может привести к атрофии социальных навыков и усилению избегающего поведения.

Эмпирические данные показывают, что оба эффекта имеют место. Для пользователей с высокой социальной тревожностью ИИ может стать тренажером для отработки коммуникативных навыков, но для тех, кто склонен к зависимости, – опасной ловушкой.

Выход из этой дилеммы может предложить концепция «этики симуляции», базирующаяся на трех принципах:

1. Прозрачность. Пользователь всегда должен знать, что он взаимодействует с ИИ, а не с человеком. Предложение Т. Уолша о «Красный флаг Тьюринга» – законе, требующем, чтобы каждое автономная система была спроектировано так, чтобы ее невозможно было ошибочно принять за что-либо, кроме автономной системы, и она должна идентифицировать себя в начале любого взаимодействия с другим агентом – является важным шагом в этом направлении [18].

2. Дополнительность. ИИ не должен заменять человеческое общение, но может его дополнять. Как отмечает А. Дарси, создатель Woebot: «Опыт Woebot не сводится ни к человеко-компьютерным, ни к человеко-человеческим отношениям. Это нечто среднее» [4]. ИИ может выполнять функции эмоциональной разгрузки, трекинга настроения и предоставления психообразовательной информации, но кризисные состояния должны обрабатываться человеком.

3. Сохранение моральной ответственности. Ответственность за последствия взаимодействия с ИИ (особенно в психотерапевтическом контексте) должна быть четко распределена между разработчиками, регулирующими органами и пользователями. Как отмечают Фрейманис и Шляпов: «Необходима разработка стандартов клинической валидации, прозрачности алгоритмов и этических рамок для использования ИИ в психологической практике» [2].

Искусственный интеллект уже сегодня меняет природу межличностных отношений, предлагая симуляцию эмпатии, которая для многих пользователей оказывается достаточно хорошей. Однако за этой симуляцией скрываются серьезные риски: эмоциональная зависимость, утрата социальных навыков, угрозы конфиденциальности и отсутствие правовой ответственности.

Подлинная эмпатия неразрывно связана с телесностью, конечностью и взаимностью – качествами, которыми ИИ не обладает и, вероятно, никогда не будет обладать. Тем не менее, ответственное использование ИИ как дополнительного инструмента поддержки возможно при соблюдении принципов прозрачности, дополнительности и сохранения человеческой ответственности.

Список литературы

1. Трунов Д. Г. Индивидуальное психологическое консультирование. М. : Этерна, 2013. 384 с.

2. Фрейманис И. Ф., Шляпов И. В. Риски применения технологии искусственного интеллекта для психологической помощи: взгляд психолога и разработчика // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Vol. 16, № 5. P. 659–687.

3. BBC Radio 4. Positive Thinking. URL: https://www.bbc.co.uk/sounds/play/m001b44n (дата обращения: 28.03.2026).

4. Business Insider. Stanford therapy chatbot app for depression and anxiety. 2018. URL: https://www.businessinsider.com/stanford-therapy-chatbot-app-depression-anxiety-woebot-2018-1?r=US&IR=T (дата обращения: 28.03.2026).

5. Coghlan S., Leins K., Sheldrick S. [et al.]. To chat or bot to chat: ethical issues with using chatbots in mental health // Digital Health. 2023. doi: 10.1177/20552076231183542

6. De Freitas J., Castelo N., Uğuralp A. K., Uğuralp Z. Lessons from an app update at Replika AI: Identity discontinuity in human-AI relationships // SSRN. 2024. doi: 10.2139/ssrn.4976449

7. Fang C. M. [et al.]. How AI and human behaviors shape psychosocial effects of chatbot use: A longitudinal randomized controlled study // arXiv (preprint arXiv:2503.17473), 2025.

8. Goldman A. I. Simulating minds: the philosophy, psychology, and neuroscience of mindreading. New York : Oxford University Press, 2008.

9. Husserl E. Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy: second Book. Kluwer, Dordrecht, 2002.

10. McStay A. Replika in the Metaverse: the moral problem with empathy in 'It from Bit' // Philosophy & Technology, 2022. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9773645/

11. Mitchell R. W., Thompson N. S., Miles L. H. Anthropomorphism, anecdotes, and animals. Albany : SUNY Press, 1997.

12. Peterson G. R. Is my feeling your pain bad for others? Empathy as virtue versus empathy as fixed trait // Zygon : Journal of Religion and Science. 2017. Vol. 52. P. 232–257.

13. Placani A. Anthropomorphism in AI: Hype and fallacy // AI and Ethics. 2024. Vol. 4. P. 691–698.

14. Roshanaei M., Rezapour R., El-Nasr M. S. Talk, Listen, Connect: How Humans and AI Evaluate Empathy in Responses to Emotionally Charged Narratives // arXiv, 2025. URL: https://arxiv.org/html/2409.15550v3 (дата обращения: 28.03.2026).

15. Smith M. G., Bradbury T. N., Karney B. R. Can Generative AI Chatbots Emulate Human Connection? A Relationship Science Perspective // Perspectives on Psychological Science, 2025. doi: 10.1177/17456916251351306

16. Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York : Basic Books, 2011.

17. Turkle S. Authenticity in an age of synthetic companions // Interaction Studies. 2007. Vol. 8. P. 501–517.

18. Walsh T. Turing's Red Flag. 2015. URL: https://arxiv.org/pdf/1510.09033 (дата обращения: 28.03.2026).

19. Wyatt J. Artificial intelligence and simulated relationships // Cambridge Papers. 2020. URL: https://www.cambridgepapers.org/artificial-intelligence-and-simulated-relationships/ (дата обращения: 28.03.2026).

20. Zhang A., Lipton Z. C., Li M., Smola A. J. Dive into deep learning. 2021. URL: https://d2l.ai

УДК 316.624

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В НРАВСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Кира Дмитриевна Кошкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

kirakoshka2131@gmail.com

Аннотация. В современном мире распространена проблема девиантного поведения. Рассматриваются изменения нравственного сознания молодежи со стороны социальной философии. Проводя анализ социализации в переходном возрасте, можно выявить механизм формирования девиаций. Массовая стратегия взросления молодежи в наше время – употребление алкоголя, несущее за собой серьезные последствия.

Ключевые слова: девиация, нравственность, алкоголизм, развитие личности, медицина, общество

Для того, чтобы стать человеком, биологической основы мало. Это не только физиологическое развитие, но и сложный процесс встраивания в социальную систему окружающего общества. Это утверждение подкрепляется случаями, когда дети вырастали в окружении животных. Они не становились людьми в общепринятом понимании, даже если попадали в человеческое общество. Однако обратной стороной этого процесса является отклонение от пути и потеря человеческого даже находясь в обществе. Алкоголизация молодежи – один из самых распространенных видов смещения курса развития личности, вследствие которого происходит разрушение биологической и духовной основ. Медицина уже давно зафиксировала момент перехода социальной нормы в патологию, а философия в синтезе с ней пытается ответить на вопрос, почему у современной молодежи массовой стратегией становится именно саморазрушение.

В классической модели развития человеческой личности в социуме можно выделить три фазы: адаптация, индивидуализация, интеграция.

Адаптация – усвоение действующих норм общества. Индивидуализация, – фаза, возникающая из противоречия между результатом адаптации («стал как все») и потребность в поиске себя, которая остается не удовлетворенной. Интеграция – встраивание в общность и появление новообразований в личности.

Социальная среда, в которой находится и меняется личность, постоянно находится в состоянии изменений и развития. Она прямым образом оказывает влияние на людей. В условиях жизненной неопределенности происходит отклонение от классической модели развития личности. Адаптацией к таким ситуациям является формирование у части общества извращенных ценностей, например, употребление алкоголя в неадекватной форме. Индивидуализацией – поиск не уникальности, а способа снять стресс, вызванный невозможностью соответствовать навязанным стандартам, а интеграцией – включение в девиантную группу, где деструктивное поведение – условие принятия. Именно молодежь является своего рода показателем общественного развития и по ней можно делать вывод, в каком состоянии находится социум.

Сегодня молодежь позиционируется как стратегический резерв современного общества в силу развитости интеллекта и социальной мобильности. Ей отводится главная роль в продуцировании и трансляции ценностно-нормативных структур общества. Молодежная среда стремится сформировать миропонимание, активную внутреннюю позицию и по отношению к себе, и к социальному окружению. Особое значение приобретает стремление быть признанным в обществе, иметь высокий социальный статус, соответствовать принятым в обществе нормам, осуществляется активный поиск себя, новых жизненных форм для самовыражения в социальной среде. Но это лишь одна из сторон реальности.

В условиях социально-экономической неопределенности высокий адаптивный потенциал молодежи становится ее же уязвимостью. Трудности взросления молодежи многократно усиливаются, отсутствие гарантий трудоустройства после получения образования, страха перед созданием семьи увеличивает риск ее попадания в маргинальные слои, вовлечение в группы зависимых и ухудшения демографической обстановки в стране. По официальной статистики ВЦИОМ причиной отказа или откладывания брака является финансовая нестабильность и неуверенность в завтрашнем дней (71 % ответов). Алкоголизация, как выборная деструктивная стратегия, становится для многих одним из выходов. Алкоголь в таком контексте выступает не столько личным выбором, сколько доступным средством социальной реализации – способ снять напряжение от осознания ненужности в обществе.

Социальная норма – мера правильности поведения человека или социальных групп, закрепленная на официальном уровне или сложившееся на одном из этапов развития общества.

Термин «девиация» (от лат. deviatio – отклонение) означает отклонения, выходящие за границы социальных норм. Он включает в себя как разовое нарушение правил, так и нормонарушающее поведение, именнуемое девиантным.

Девиантное поведение – это систематическое отступление от норм общества. Девиант или отклоняющийся индивид – тот, кто совершает поступки, выходящие за рамки установленных группой или социальной системой правил.

Генез отклонений поведения наблюдался с самых древних времен. К числу негативных девиаций относятся пьянство и алкоголизм, токсикомания и наркомания, проституция, суицид, правонарушения и преступность, разрушающие систему общества и наносящие значительный ущерб, в первую очередь, личности самого индивида.

Однако общество, стремящееся сохранить свою стабильность, пыталось регулировать взаимоотношения между людьми, путем распространения мифов, традиций, религиозных догмат и табу. Со временем стали формироваться более прогрессивные, устойчивые правовые и нравственные позиции людей по отношению к отклоняющемуся от норм морали и права поведению.

Ключевой проблемой современной ситуации является то, что начальные проявления формы девиации, например принятие алкоголя молодежью, перестают, или же уже не воспринимаются как отклонение. Появляется мнение, что злоупотребление спиртных напитков это «нормальная» часть взросления. Однако, чем шире социальное одобрение форм потребление, тем моложе становится возраст первого контакта с алкоголем и тем быстрее формируется физическая зависимость.

В России наблюдается изменение в культуре употребления алкоголя. Несмотря на появление тренда на здоровый образ жизни, связанного со сменой поколений, активизации антиалкогольной моды, доля тех, кто вообще не употребляет спиртные напитки практически составляют долю потребителей (48 % и 52 % соответственно). Хоть 20 лет назад процент потребляющих был втрое больше, чем трезвенником (73 % и 27 % соответственно), цифры все равно не утешительные, и актуальным является причинность возникновения алкоголизма как вида девиации.

Существует несколько научных концепций и теорий девиации. Основные: биологическая, психологическая и социологическая.

Биологические теории (Ч. Ломброзо, У. Х. Шелдон) связывают отклоняющееся поведение с физиологическими особенностями индивида. Современная наука отвергает прямое влияние биологических особенностей на девиантность. Предрасположенность к отклонениям, а в нашем случае к зависимостям, актуализируется не столько врожденными чертами, сколько социальной средой и психологическими факторами.

В психологической и психиатрической концепциях внимание обращается на личностные качества человека, на процесс освоения ребенком наиболее значимых для него ролей. В случае нарушения этого процесса включается компенсаторный механизм из-за которого ребенок будет овладевать антисоциальными ролями, такие как: вор, алкоголик, хулиган. Отношение самой личности к совершенному чаще всего носит самооправдательный характер. Стремления к признанию и успешности также идет на спад. Первичная девиация (первоначальное нарушение социальных норм, терпимое по рамкам общества) переходит

во вторичную, наблюдается становление девиантной карьеры, т.е. слабые формы девиации становятся сильными. Например, бытовое пьянство может привести к совершению правонарушения.

Социологические концепции наиболее прогрессивные, они учитывают влияние социальных и культурных аспектов на поведение человека в обществе, в том числе и девиантного. Э. Дюркгейм первый предложил социологическое толкование девиации, сформулировав теорию аномии – состояние общества, при котором отсутствует четкая норма регулирования поведения людей вследствие распада старых норм и несформированности новых. Р. Мертон в 1938 г. дополнил теорию Э. Дюркгейма, и пришел к мнению, что девиация складывается из-за разрыва культурных целей общества и социально одобряемых средств их достижения. Например, не каждый человек в силу ряда социально-экономических причин может получить высшее образование или престижную работу, хотя прогресс требует высококвалифицированных специалистов. Тот, для кого легальные возможности достижения требуемого уровня квалификации закрыты, начинают удовлетворять свои потребности в девиантной среде, либо прибегает к употреблению алкоголя и запрещенных веществ.

Представитель экзистенциальной психологии Виктор Франкл рассматривал главной причиной эмоциональных переживаний экзистенциальный вакуум, или страдание от бессмысленной жизни. Поиск самого себя в обществе, необходимость приносить пользу и быть нужным, иметь смысл – потребность каждого человека. Поиск своего места в жизни сопровождается напряжением, но как результат – психическое здоровье и удовлетворенность. В случае, когда человек не может найти смысл или у него нету сил обрести его, как раз и возникает экзистенциальный вакуум – причина страданий. То есть, нереализованность человеком самого себя является одной из главных причин аддиктивного поведения.

У части современной молодежи существует серьезная неуверенность в выборе профессии, в карьерном росте, наличии в будущем собственной квартиры, где можно будет создать семью, т.е. имеется неопределенность в будущем, которая серьезно бьет по смыслу жизни молодежи [3, с. 2].

Данное мнение на счет социально-экономической обстановки в стране может приводить к тревоге и, как итог, глубокий экзистенциальный паралич: зачем планировать будущее, если стабильность обстановки не гарантирована, если планы будут рушиться не по вине индивида? Существует много исходов этого экзистенциального вакуума: зависимости, правонарушения, психические и соматические заболевания вследствие хронического стресса.

В случае с алкоголем мы наблюдаем порочный круг. Употребление спиртных напитков – обезболивающее для морально ослабшего индивида и самый простой выход из страданий, вызванных экзистенциальным вакуумом. Однако, впоследствии именно пагубная привычка в виде употребления алкоголя будет мешать человеку пойти на реализацию смысла в случае его появления.

Франкл утверждал, что для того, чтобы избавить себя от пагубного желания выпить, аддикт должен формировать смыслы посредством напряженной, плодотворной деятельности, обращенной во внешнюю среду [3, с. 2]. Человеку нужно видеть результаты своих усилий и ощущать влияние на свою жизнь. Однако, в ситуации, когда основные каналы социальной мобильности (армия, церковь, образование и т. д.), традиционно позволявшие с уверенностью смотреть в будущее, не выступают гарантом социального продвижения и жизненной самореализации для большинства молодежи, плодотворная деятельность перестает приносить удовольствие [2, с. 3]. Человек не верит в то, что он способен что-то изменить.

Алкоголь в этой логике – это не бунт и не гедонизм, это капитуляция. Отказ от всяких попыток влиять на свое будущее в обмен на моментное облегчение. Пока в обществе сохраняется высокий уровень неопределенности и снижается социальная мобильность, алкоголь будет оставаться для части населения самым доступным способом справиться с экзистенциальным страхом.

Итак, начальное звено девиантного поведения – изменение жизненных ориентаций, обусловленное реальными социально-экономическими условиями. Разрыв между желаемой ситуацией в будущем и ее достижимость в условиях неопределенности становится механизмом, запускающим деформацию поведения.

Одной из самой распространенной и разрушительной форм девиации является алкоголизм.

История развития алкоголизма началась еще очень давно. За все время существования алкоголя сложилось уравновешенное отношение к алкоголю в современных реалиях становится большой проблемой. То, что веками было частью культурных традиций и экономического уклада, сейчас становится ловушкой для общества, а конкретнее для молодежи. Цена употребления – здоровье подрастающих и будущих поколений.

Алкоголизм в медицине является хроническим заболеванием, характеризующимся неконтролируемой потребностью в спиртных напитках. В социологии же он представляет собой форму девиантного поведения – аддикция, которая характеризуется патологической тягой к спиртному и последующей социальной деградацией личности.

Выделяют несколько уровней вовлеченности в употребление спиртных напитков.

На начальных этапах алкоголизма (чаще присутствующий у подростков) происходит употребление спиртного в единичных случаях или малом количестве для приобщения к миру взрослых, абстрагирования от волнений и проблем, получения чувства эйфории. В центре зависимости происходит искусственное увеличение числа поводов употребления алкоголя, при воздержании наблюдаются смены настроения и раздражительность. В конце возникает физическая зависимость, при которой человек неконтролируемо пьет для устранения плохого самочувствия вследствие предыдущей выпивки. Также стадия сопровождается похмельным синдромом, при котором отмечается тревожно-подавленное состояние, обидчивость, тремор. После этого следует алкогольный распад личности, происходит снижение переносимости спиртных напитков и тяжелая форма зависимости.

Помимо особенностей влияния алкоголя, выделяют пагубное воздействие его на нервную систему молодежи.

В исследовании группы юношей со стажем зависимости от алкоголя 4,2 года замечены изменения биоэлектрической активности мозга. Максимальное представительство альфа-, бета-, тета- и дельта ритмов выявлено в лобных отведениях справа и слева. Лобные доли отвечают за организацию произвольных движений, двигательные механизмы речи, регуляцию сложных форм поведения и процессы мышления. Доминирующий в этой области альфа-ритм у людей с алкогольной зависимостью говорит о дезадаптации нейронов. Наблюдается патологическое усиление бета-диапозона, что обусловлено массивной стимуляцией дофамин-мезолимбических структур, в то время как в центрально-лобном отведении, где он чаще всего регистрируется, он снижен. Это говорит о снижении функциональной активности нейронов. Отсутствие нормального альфа-ритма в затылочных областях и наличие патологических медленных волн также указывает на дезадаптацию структур головного мозга. Таким образом инструментально были зафиксированы нарушения в работе ЦНС [1, с. 69].

Алкоголь оказывает прямое воздействие на нейромедиаторные системы. В небольшой дозе (до 10–20 г. спиртового эквивалента) он активирует дофаминовую систему, вызывая положительные эмоции и ощущение «озарения». В дозе 10-60 г. он воздействует на ГАМК-рецепторы, снижая тревожность и имея седативный эффект, влияя на решение сложных задач. При употреблении больших доз (60-100 г. или 250 мл водки) наблюдается сбой медиаторных систем, которые могут проявляться в виде патологического опьянения [4, с. 43].

Алкоголь, хорошо растворимый в воде и жирах, практически не имеет преград в организме человека. Этанол способен встраиваться в мембрану клеток нервной системы, изменять активность рецепторов и ионных каналов. Содержание в крови 0,5 % алкоголя приводит к ухудшению результатов тестов на память и обучение сильнее, чем бодрствование в течение 24 часов.

Итак, в условиях современного молодежного общества мы наблюдаем извращение социализации и разрушение личности у части индивидов, ввиду распространенности алкоголя и множества случаев развития алкоголизма. Как и было сказано, молодежь – маркер общества. Наличие отклонений является следствием проблем в социально-экономической сфере, ценой которых, исходя из медицинских аспектов, является изменение здоровых показателей на патологические. Необходимо исключать из жизни общества условия, вызывающие саморазрушение как массовую стратегию взросления.

Список литературы

1. Бутова О. А., Кузнецова Е. С. Интегративная деятельность нейронов головного мозга юношей с синдромом алкогольной и наркотической зависимости // Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова. 2013. № 1. С. 67–72.

2. Косинов С. С., Самыгин П. С., Самыгин С. И. Система социальной мобильности российского общества: оценка эффективности в условиях современной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4.

3. Логинов С. А. Применение экзистенциальной психотерапии В. Франкла для лечения больных алкоголизмом // European research. 2016. № 2.

4. Соколова Л. П., Старых Е. В. Влияние алкоголя на нервную систему, работоспособность и творчество // Нервные болезни. 2022. № 2. С. 42–48.

УДК 316

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ПЕНЗЕНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Валерия Сергеевна Пенкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

okcana_isaeva@mail.ru

Аннотация. Исследуется ценностная система современной молодежи. Рассмотрены социальные сети как основополагающие факторы влияния на формирование ценностей молодых людей. Выделены как положительные, так и отрицательные стороны такого влияния. Социальные сети способствуют становлению и сохранению у молодежи понимания значимости традиционных российских ценностей.

Ключевые слова: социальные сети, идентичность, ценности, традиционные российские ценности, цифровая среда

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата философских наук, доцента кафедры «Философия и социальные коммуникации» О. С. Исаевой.

Экран смартфона сегодня стал главным окном в мир для большинства молодых людей. Социальные сети, объединив миллиарды пользователей, создали иллюзию свободы, но одновременно превратились в мощнейший регулятор жизни и поведения людей. Особенно подвержена влиянию несущихся из мира виртуальной реальности посылов молодежь, ценностная система которой более открыта к изменениям. Есть ли в этом цифровом шуме место традиционным ценностям – уважению к старшим, созданию крепкой семьи, сохранению исторической памяти, осознанию своей культурной идентичности в целом? Формируются ли они под влиянием мнений блогеров и «виральных» трендов или же бесследно растворяются в огромной массе информации и навязываемых нам стереотипах? Цифровая среда, оказывая значительное влияние на коммуникацию, социализацию и передачу культурных норм, способствует сегодня как укреплению, так и трансформации ценностных систем. Часто случаются ситуации, когда посредством соцсетей у молодежи формируется «цифровая самость», далекая от реальности, хрупкая и зависимая от системы лайков. Эти и другие вопросы сегодня имеют особую актуальность, выступая предметом изучения многих исследователей [1–4, 6–8].

Данная работа посвящена изучению влияния социальных сетей на становление и формирование системы ценностей у молодых людей. Был проведен анкетный опрос студентов Пензенского государственного университета различных направлений обучения, в котором приняли участие 78 человек.

Показательно, что на вопрос об активном времяпровождении в социальных сетях 46,2 % респондентов ответило, что проводят там 1–3 часа в день, 23,1 % – 4–6 часов, 10,3 % – 7–10 часов, 7,7 % – более 10 часов. Лишь 12,8 % проводят в соцсетях менее часа. Эти данные подтверждают, что социальные сети занимают значительное место в повседневной жизни современной молодежи.

На вопрос о предпочитаемых платформах (можно было выбрать не более трех) лидирует «ВКонтакте» – 74,4 %, на втором месте TikTok – 66,7 %, на третьем Telegram – 20 %. Таким образом, основными площадками, формирующими информационную среду молодежи, являются отечественная платформа «ВКонтакте» и международный видеохостинг TikTok (диаграмма 1).

Современная цифровая среда активно формирует альтернативные ценностные ориентиры, которые часто вступают в противоречие с традиционными ценностями. Молодежь все чаще ориентируется на блогеров и инфлюенсеров, чья популярность часто основана на пропаганде индивидуализма, гедонизма и скептицизма в отношении традиционных институтов.

Кризис идентичности, вызванный противоречием между традиционными и современными ценностями, также является важным аспектом влияния цифровой среды на молодежь. В условиях постоянного информационного давления и быстро меняющихся трендов молодежь часто оказывается в ситуации, где традиционные ценности воспринимаются как устаревшие и неактуальные.

В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос об осведомленности молодежи о содержании Указа Президента РФ от 9.11.2022 г. № 809, в котором закреплены традиционные российские духовно-нравственные ценности.

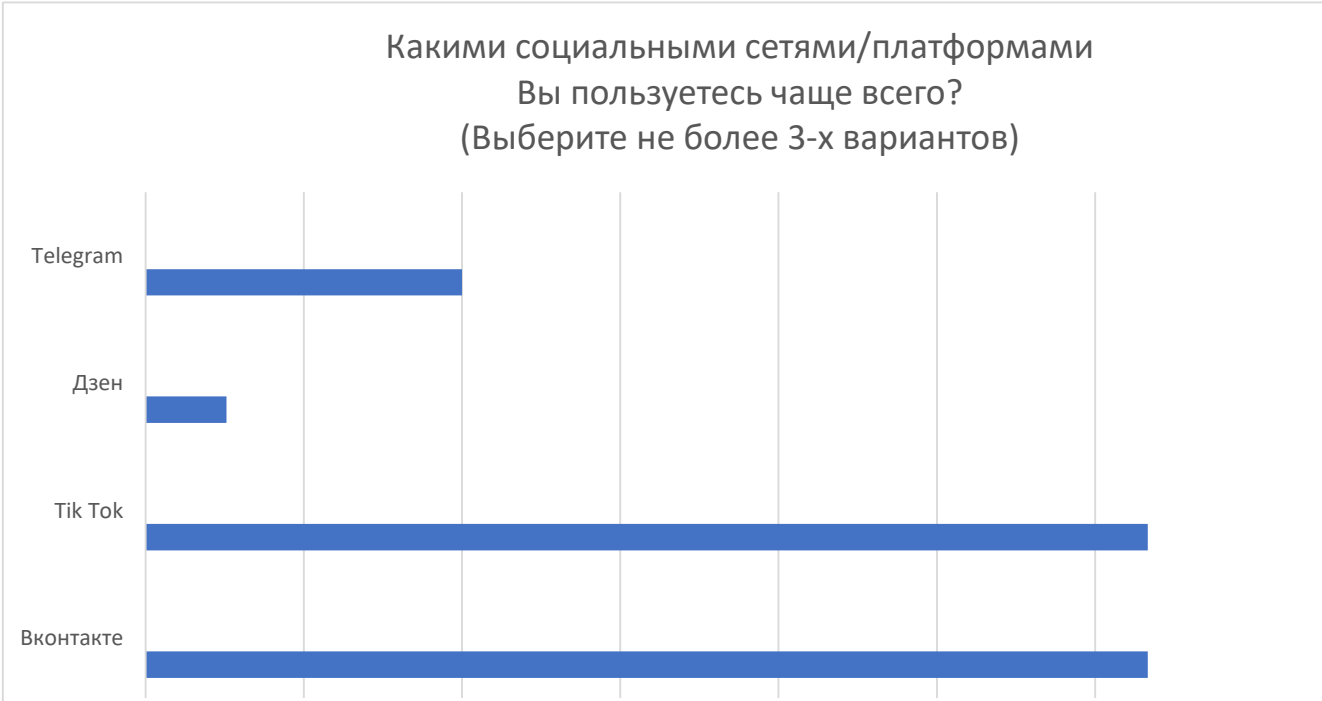

Диаграмма 1

Респондентам было предложено отметить ценности, которые официально отнесены к традиционным. «Крепкую семью» как традиционную ценность отметили 59 % опрошенных, «патриотизм» – 46,2 %, «историческую память» – 38,5 %, «служение Отечеству» – 33,3 %, «справедливость» – 28,2 %, «коллективизм и взаимопомощь» – 25,6 %. При этом 38,5 % респондентов выбрали вариант «все варианты ответов правильные», что свидетельствует о достаточной информированности молодежи о содержании ключевого документа, определяющего политику современной России (диаграмма 2). На фоне такого распределения более 15 % опрошенных причислили к традиционным ценностям «индивидуализм». Такой выбор молодых людей свидетельствует о существовании определенных проблем и должен заставить обратить внимание на этот факт педагогов и преподавателей средней и высшей школы.

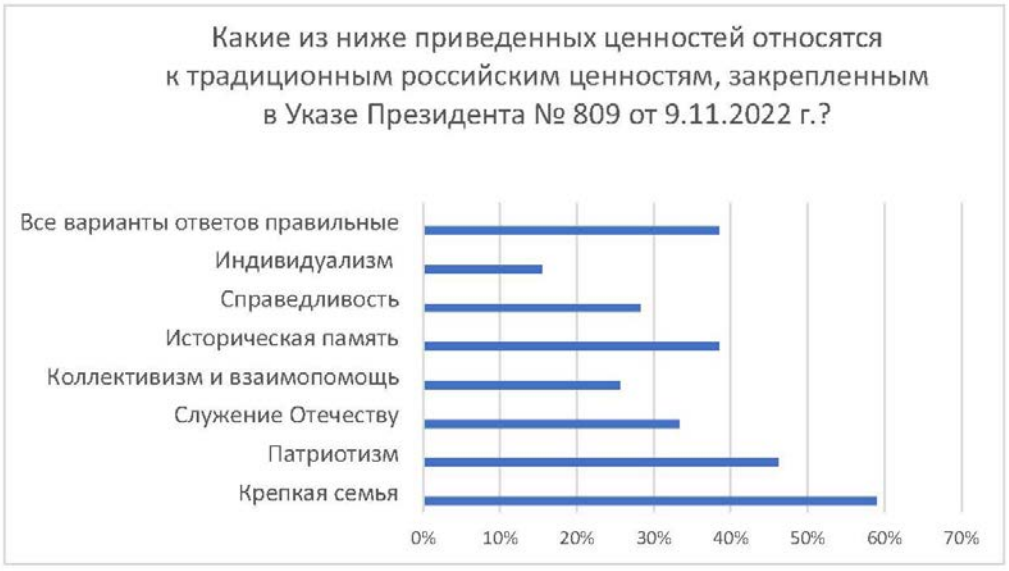

Диаграмма 2

Отметим, что одним из ключевых механизмов влияния социальных сетей на формирование определенных позиций является алгоритмическая подача контента. Согласно О. А. Дворянкину, современные методики информационного воздействия в интернете основаны на тонком анализе пользовательских данных и создании целевых информационных потоков [5]. Алгоритмы популярных российских платформ, таких как «ВКонтакте», Яндекс. Дзен или RuTube, учитывают наши лайки, время просмотра, репосты и даже время суток, когда мы наиболее активны. Их цель – максимизировать вовлеченность, а значит, и время, проведенное на платформе.

В погоне за этой целью алгоритмы создают так называемые «пузыри фильтров» или «эхо-камеры». Пользователь оказывается в информационном пространстве, где ему постоянно предлагается контент, усиливающий его существующие убеждения и интересы. Если человек склонен к определенным политическим взглядам, его лента в «ВКонтакте» или рекомендации на Дзене будут наполнены подтверждающими их новостями и мнениями, а альтернативные точки зрения будут отфильтрованы. Это ведет к фрагментации общей реальности и радикализации общества. Ценность плюрализма мнений, критического мышления и конструктивного диалога замещается ценностью принадлежности к «своей» группе, что укрепляет черно-белое восприятие мира и нетерпимость к инакомыслию. Также стоит отметить, что алгоритмы цифровых платформ, ориентированные на удержание внимания, часто продвигают контент, противоречащий таким ценностям, как крепкая семья, приоритет духовного над материальным, коллективизм.

Общение в социальных сетях имеет множество заманчивых моментов для пользователей. В первую очередь к ним можно отнести возможность установления и поддержания коммуникации с людьми на больших расстояниях, свободу выражения эмоций, упрощение поиска референтной группы, расширение круга знакомств, возможность создания виртуальной личности, апробацию себя в различных ролях, а также анонимность общения. Все это дает пользователям сети неограниченные возможности для преодоления дефицита общения, расширения круга коммуникации, углубления социальных связей, самоутверждения и самореализации, а соответственно положительным образом сказывается на процессе социализации. С помощью социальных сетей современная молодежь не только получает информацию и устанавливает контакты, но и реализует свою потребность в эмоциональном насыщении.

Тем не менее, общение в виртуальном пространстве не лишено и негативных сторон. Основной из них является интернет-зависимость. Молодым людям и подросткам нередко оказывается не под силу контролировать проводимое в социальных сетях время, из-за чего прочие виды деятельности остаются без должного внимания. Социальные сети создают иллюзию различных вариантов реальности, что является очень притягательным для представителей молодого поколения. Замыкаясь в виртуальном мире, молодые люди изолируются от реальности, что отрицательным образом сказывается на процессе их социализации и интеграции в общество, формировании идентичности в целом.

Механизм лайков и комментариев формирует устойчивую зависимость самооценки от внешней цифровой валидации. Молодой человек перестает чувствовать себя ценным без подтверждения своей привлекательности через реакцию аудитории. Культура селективной презентации, когда публикуются только «идеальные», тщательно обработанные фотографии, создает искаженное представление о реальности и способствует возникновению хронического чувства неполноценности.

Результаты опроса подтверждают наличие этой зависимости. Оценка респондентами того, на сколько близко им утверждение «мне важно, как мои посты оценивают (лайки, просмотры, комментарии)» 30,8 % отметили 5 из 5 возможных баллов, 25,6 % – указали значимость оценки их постов в 4 балла, 17,9 % – выбрали ответ 3 балла. Таким образом, более половины опрошенных (56,4 %) в той или иной степени признают важность оценки выкладываемого ими контента. Одновременно с этим, оценивая утверждение «я чувствую тревогу, если долго не захожу в социальные сети», 25,6 % респондентов выбрали максимально возможные 5 баллов, что свидетельствует о наличии признаков интернет-зависимости у значительной части аудитории (диаграмма 3).

Диаграмма 3

Особую остроту в виртуальном бытии приобретает проблематика восприятия себя, связанная с культом внешности, транслируемым социальными сетями. Фильтры, фотошоп и сгенерированные искусственным интеллектом образы создают недостижимые идеалы, формируя у молодежи искаженное представление о собственной внешности.

Гендерная специфика усугубляет деструктивные последствия влияния социальных сетей. Девушкам внушается, что их ценность определяется исключительно внешностью и «сроком годности», что подменяет традиционные представления о женственности как совокупности душевных качеств. Юноши часто попадают в зависимость от культа мышечной массы, культивируемого фитнес-блогерами, нередко использующими фармакологическую поддержку, что приводит к массовому применению анаболических стероидов, мышечной дисморфии и нарушениям репродуктивного здоровья.

Ответы на вопрос о влиянии социальных сетей на отношение к собственной внешности распределились следующим образом. 35,9 % респондентов отметили, что социальные сети не влияют на их отношение к своему внешнему виду, 20,5 % ответили, что соцсети влияют на них отрицательно и усиливают тревогу по поводу их внешности. При этом 43,6 % респондентов отметили, что социальные

сети влияют на них положительно и помогают принять свои особенности. Эти данные подтверждают тезис о том, что культивируемые в социальных сетях нереалистичные стандарты красоты наносят определенный ущерб психологическому благополучию молодежи

Диаграмма 4

Аналогичная картина наблюдается и при ответе на вопрос о влиянии социальных сетей на восприятие собственных успехов и достижений. Так, 11,3 % респондентов отметили, что социальные сети влияют «скорее отрицательно – вызывают чувство, что я делаю недостаточно». При этом 33,3 % отметили положительное влияние – соцсети мотивируют развиваться, что указывает на двойственный характер влияния: социальные сети могут как мотивировать, так и обесценивать собственные достижения в зависимости от индивидуальных особенностей и контекста их использования (диаграмма 5).

Нужно обратить внимание на тот факт, что в современном мире достаточно серьезную угрозу представляет деятельность деструктивных интернет-проектов, направленных на подрыв традиционных ценностей. Форматы шоу, где в истеричной манере выносятся на обсуждение личные проблемы и поощряются оскорбления, формируют извращенную картину реальности, сеют вражду между мужчинами и женщинами, что противоречит ценности крепкой семьи и взаимопомощи. Опасные челленджи, вовлекающие молодежь в рискованное поведение, подрывают ценность жизни и достоинства человека.

Существует также отработанный механизм вовлечения молодых людей я в деструктивные сообщества через «воронку вовлечения», целями которых являются «перепрошивка» – обесценивание традиционных ценностей, формирование искаженных установок, приучение к идее насилия, что прямо противоречит ценностям гуманизма, милосердия и справедливости.

Вместе с тем социальные сети обладают и значительным позитивным потенциалом для укрепления традиционных ценностей. В частности, они открывают беспрецедентный доступ к просветительскому контенту, направленному на формирование исторической памяти и преемственности поколений. Государственные учреждения, музеи, библиотеки, религиозные организации активно используют

цифровые платформы для трансляции знаний об истории, культуре и духовном наследии страны.

Диаграмма 5

На вопрос о том, как часто респонденты встречают в социальных сетях материалы на исторические или патриотические темы 61,5 % ответили «иногда», 30,8 % – «постоянно», 7,7 % – «никогда» (диаграмма 6).

Диаграмма 6

При этом на вопрос о том, как они относятся к такому контенту, 25,6 % ответили «вызывает интерес, читаю / смотрю внимательно», 33,3 % – «вызывает интерес, но перепроверяю информацию из других источников», 25,6 % – «отношусь нейтрально, пролистываю». Лишь 5,1 % испытывают раздражение (диаграмма 7). Эти данные свидетельствуют о достаточно высокой насыщенности информационного пространства патриотическим контентом и в целом позитивном или нейтральном отношении к нему со стороны молодежи.

Диаграмма 7

Таким образом, социальные сети не являются однозначно деструктивной средой. Их влияние определяется совокупностью факторов: характером потребляемого контента, наличием педагогического сопровождения, уровнем цифровой грамотности. Решение выявленных противоречий требует системного подхода: развития медиаобразования, повышения информированности молодежи о традиционных ценностях, поддержки позитивного контента, укрепления цифрового суверенитета. Только при этих условиях социальные сети смогут стать не источником угроз, а эффективным инструментом воспитания гармоничной личности и сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Воронина Е. С., Строй Г. В. Аспекты влияния социальных сетей на самооценку подростков // Вестник науки. 2026. № 1 (94). Т. 3. С. 1338–1342.

2. Богдан В. В., Шершнева А. А. Социальные сети и их влияние на формирование ценностей // Молодой ученый. 2026. № 1 (604). С. 251–254.

3. Будянская Т. В. Социальные сети как фактор становления культурных ценностей современной молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-faktor-stanovleniya-kulturnyh-tsennostey-sovremennoy-molodezhi (дата обращения: 01.04.2026).

4. Голубева Н. А. Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 2 (12).

5. Дворянкин О. А. Методики информационного воздействия на человека, в том числе в Интернете // Молодой ученый. 2023. № 4 (451). С. 334–342.

6. Ершова Ю. А. Социальные сети в процессе формирования ценностных ориентаций современной молодежи: культурологический анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 70–80.

7. Кузнецов Р. А. Влияние цифровой среды на приверженность традиционным российским ценностям детей и молодежи РФ // Факторы и механизмы демографического развития : сб. науч. ст. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2025. С. 633–644.

8. Розенберг Н. В., Бабина В. Н., Балахонова Е. В. [и др.]. Ценностные основания и коммуникационные факторы консолидации современного российского общества. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2025. 224 с.

УДК 316.35

ВЛИЯНИЕ ИНФЛЮЕНСЕРОВ НА ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Алина Анатольевна Верстакова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

vverstakovva@gmail.com

Аннотация. В настоящее время молодежь выступает наиболее активной частью современного российского общества и демонстрирует максимальную активность в социальных сетях и мессенджерах. Рассматривается влияние инфлюенсеров на ценностные установки и модели поведения молодежи. Особое внимание уделяется последствиям влияния инфлюенсеров на молодое поколение.

Ключевые слова: инфлюенсеры, молодежь, социализация, ценностные установки, модели поведения, социальные медиа

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата социологических наук, доцента кафедры «Философия и социальные коммуникации» М. К. Карповой.

В контексте быстрого развития онлайн-платформ и средств массовой коммуникации, инфлюенсеры заняли позицию не только лидеров мнений, но и влиятельных агентов. «Культура влияния, формируемая инфлюенсерами, представляет собой уникальное явление современной цифровой эпохи. В условиях стремительного развития социальных сетей и медиакоммуникаций инфлюенсеры стали не только лидерами общественного мнения, но и ключевыми фигурами, способными оказывать значительное влияние на поведение, предпочтения и ценности многочисленной аудитории» [4, с. 638].

Их деятельность выходит за рамки простого распространения информации, формируя тренды и установки среди подписчиков. Социальные сети предоставили инфлюенсерам мощный инструмент для установления прямой связи с аудиторией, делая их сообщения более персонализированными и, как следствие, более убедительными. Это позволяет им эффективно трансформировать мнения и подталкивать к принятию определенных решений, будь то выбор товаров, услуг или жизненных приоритетов.

Как отмечает А. Ю. Ковалева, в условиях доминирования социальных медиа, инфлюенсеры становятся центральными агентами коммуникации, обладающими способностью формировать не только потребительские предпочтения, но и социокультурные ориентиры аудитории, благодаря таким преимуществам, как высокий охват, вовлеченность и доверие аудитории [5].

Р. Р. Сердалиева отмечает, что «лидер мнения в сетевой коммуникации выполняет ряд функций и задач. Для лидера мнения характерно влияние на мнение аудитории. Лидер мнения имеет большой авторитет среди своих подписчиков и может влиять на их мнение и поведение. Примером лидера мнения, влияющего на мнение аудитории, может быть известный блогер или видеоблогер с большим количеством подписчиков, который регулярно публикует контент на интересующие его темы. Также это может быть известный политик, спортсмен, актер или другой общественный деятель, чье мнение имеет большой для многих людей» [8, с. 95].

Привлекательность социальных сетей для молодежи объясняется их многофункциональностью. Эти платформы выступают единым центром удовлетворения различных информационных потребностей: от получения новостей и общения до наблюдения за жизнью знаменитостей, развлечений, обучения и поиска полезных советов [3, с. 41]. Все эти функции собраны в одном месте, что делает социальные сети незаменимым инструментом в повседневной жизни молодого поколения.

Функциональная избыточность социальных платформ также делает их главным агентом социализации, вытесняя специализированные институты (библиотеки, клубы по интересам, консультационные центры) и замыкая жизненный цикл молодого человека внутри цифровой архитектуры.

В работе В. М. Гордеевой «Инфлюенсеры как агенты социализации: влияние блогеров на нормы, ценности и поведение молодежи» говорится о том, что основным инструментом воздействия инфлюенсеров является эффект парасоциального взаимодействия – иллюзия личного знакомства и эмоциональной близости между зрителем и блогером. В отличие от иерархичной системы «учитель – ученик», коммуникация с инфлюенсером воспринимается как доверительный диалог «равных», что снижает критический барьер восприятия информации [2, с. 35].

Социальные медиа сегодня представляют собой не просто средство коммуникации, а автономное социальное пространство, реконструирующее традиционные механизмы интеграции индивида в общество. Данная среда выступает ключевым фактором формирования ценностной матрицы поколения Z, определяя его уникальные поведенческие и когнитивные характеристики [1, с. 25].

Поколение Z выросло в период социальных сетей, благодаря чему большее предпочтение уделяет краткой аудио- и видео-коммуникации, что выражается в клиповости или мозаичности мышления, негативно отражающегося на длительности концентрации внимания молодого человека и его способности к критическому мышлению.

Постоянная смена стимулов в ленте новостей тренирует навык быстрого переключения, однако препятствует формированию глубоких логических связей, которые необходимы в дальнейшей жизни. Из-за этого молодежь может часто менять приоритеты в профессиональной деятельности, и не будет знать, как остановиться в постоянном поске лучшего для себя.

Специфическая медиасреда не просто меняет способы коммуникации поколения Z, но и модифицирует базовые интеллектуальные операции, замещая системный анализ фрагментарным восприятием.

В подростковом возрасте имитация выступает не просто как копирование внешних признаков, а как ключевой инструмент социальной адаптации и поиска идентичности. Инфлюенсеры, транслируя повседневность в режиме реального

времени, создают эффект «доступного идеала», который становится матрицей для воспроизведения в молодежной среде.

Цифровая среда уничтожает границы между литературной нормой и сетевым жаргоном. То есть, идет массовое внедрение новых слов, описывающих эмоциональные состояния («кринж», «тильт», «абьюз») или социальные взаимодействия («гостинг», «лавбомбинг»), формирует специфический лексический пласт, отделяющий «своих» от «чужих» [4, с. 639].

Цифровые медиа предоставляют еще более широкие возможности для создания и широкого распространения манипулятивно сконструированных образов человеческой телесности [7, с. 20].

Чрезмерное применение AR-масок (специальные фильтры, которые добавляют на фото и видео визуальные и аудиоэффекты с использованием технологии дополненной реальности) и программ для редактирования изображений, таких как FaceTune, создает разрыв в восприятии между идеализированным цифровым образом и реальным отражением человека. Регулярное созерцание улучшенных, нереалистичных изображений может способствовать развитию состояния, схожего с «селфи-дисморфофобии», проявляющегося в навязчивом поиске мнимых недостатков во внешности.

Современная молодежь все чаще отходит от принятия своей естественной внешности, предпочитая использовать разнообразные фильтры в социальных медиа, что, в свою очередь, может приводит к раннему использованию косметологических процедур.

Деятельность инфлюенсеров часто пропагандирует идею «легкого успеха», где финансовое благосостояние напрямую зависит от популярности и охвата аудитории, а не от глубины знаний или прикладных навыков. Это явление способствует обесцениванию традиционных профессий, таких как врач, инженер или педагог, которые начинают восприниматься как требующие чрезмерных временных затрат при сомнительной отдаче.

Параллельно с ростом влияния инфлюенсеров наблюдается системный кризис доверия к формальным институтам социализации (образовательной системе, научным сообществам, государственным структурам). «Нельзя отрицать тот факт, что в настоящий момент времени становление и развитие личности, а также формирование ее системы ценностей во многом определяется медийным виртуальным пространством» [9, с. 138].

Подростки склонны слепо копировать манеры, ценности и идеи кумиров, что в ряде случаев может приводить к «размыванию» собственной идентичности и замещению личных убеждений навязанными шаблонами. Они копируют не только поведение, но и в одежде, аксессуарах, предметах быта и тем самым считают, что это является приобщением к более высшему обществу – инвлюенсерам.

Молодежь, как наиболее активная аудитория социальных сетей, особенно подвержена этому воздействию. Исследования показывают, что многие подростки ориентируются на инфлюенсеров как на ролевые модели, что влияет на их самооценку, поведение и даже профессиональные амбиции.

Важно развивать цифровую и медиаграмотность, формировать здоровые паттерны использования социальных сетей и воспитывать навыки критического мышления. Важную роль в формировании поведенческих норм у подрастающего поколения играют владельцы социальных платформ, поскольку социальные сети стали неотъемлемой частью процесса социализации личности [6, с. 22].

Инфлюенсеры выступают строителями новой социальной реальности, где внешняя форма превалирует над содержанием, а цифровая либеральность становится значимее реальной компетенции.

Список литературы

1. Гарькина О. В. Цифровые технологии и их влияние на ценностные ориентиры молодежи // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2024. № 3. С. 23–32.
2. Гордеева В. М. Инфлюенсеры как агенты социализации: влияние блогеров на нормы, ценности и поведение молодежи // Научные записки НГУЭУ. 2025. № 1. С. 34–36.
3. Гревцева Г. Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. № 1. С. 40–49.
4. Караханян Л. Л. Культура влияния и ее последствия: анализ воздействия инфлюенсеров на молодежь // Вестник науки. 2026. Т. 2, № 3 (96). С. 638–643.
5. Ковалева А. Ю. Лидеры мнений. Как работать с инфлюенсерами: от письма предложения до успешных коллабораций. М. : Эксмо, 2023. 208 с.
6. Михалев А. М. Выявление моделей поведения молодежи в социальных сетях на основе интернет-аналитики // Практический маркетинг. 2025. № 7 (337). С. 22–27.
7. Осипова Н. Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2023. Т. 29, № 3. С. 7–27.
8. Сердалиева Р. Р. К определению понятия «лидер мнения» в сетевой коммуникации // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 2 (58). С. 92–99.
9. Розенберг Н. В., Бабина В. Н., Балахонова Е. В. [и др.]. Ценностные основания и коммуникационные факторы консолидации современного российского общества. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2025. 224 с.

УДК 659.181

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИДЕАЛЬНОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ДЛЯ ПОКОЛЕНИЯ ЗУМЕРОВ

Алиса Рустамовна Менишова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

alisyaderevo@yandex.ru

Аннотация. Обоснованы пять ключевых параметров эффективной патриотической социальной рекламы. Выделяются три фактора успеха в коммуникации.

Ключевые слова: социальная реклама, патриотическое воспитание, патриотическое чувство, зумеры

В условиях трансформации медиасреды и цифровизации всех сфер жизни особую остроту приобретает вопрос о том, как эффективно формировать патриотические установки у молодежи. Традиционные форматы социальной рекламы – плакаты с лозунгами, видеоролики на телевидении – все чаще вызывают у поколения Z либо равнодушие, либо негативную реакцию из-за своей навязчивости и оторванности от реальной повестки. Исследования по данной темы фиксируют так называемый «патриотический разрыв»: высокий уровень декларируемого патриотизма (согласно опросам ВЦИОМ, среди молодежи 18–24 лет он достигает 99 %, что на 16 % выше, чем в 2016 году) не всегда сопровождается реальной гражданской активностью и включенностью. Это противоречие делает тему моделирования патриотической рекламы, способной не просто информировать, а вовлекать и менять поведение людей, крайне актуальной как для теоретического

осмысления, так и для практической реализации. Особую значимость приобретает поиск баланса между государственным заказом на трансляцию традиционных ценностей и необходимостью говорить с молодежью на понятном языке, избегая прямой пропаганды.

Социальная реклама давно вышла за рамки простого информирования о социальных проблемах и стала полноценным инструментом ценностно-ориентирующего воздействия. В контексте патриотического воспитания она призвана решать задачу формирования у молодого поколения чувства сопричастности к истории и культуре страны, готовности к службе Отечеству, уважения к государственным символам и традиционным духовно-нравственным ценностям. Однако эффективность существующих кампаний остается спорным вопросом. С одной стороны, крупные проекты, такие как кампания Министерства обороны РФ «Герои России», демонстрируют высокие показатели охвата и вовлеченности за счет использования современных коммуникативных технологий [7]. С другой стороны, многие инициативы терпят неудачу из-за стандартного подхода, непонимания психологии целевой аудитории и использования устаревших пропагандистских шаблонов [2]. Ключевой вопрос данной темы: какие параметры и характеристики составляют «идеальную» модель патриотической социальной рекламы, способную эффективно взаимодействовать с поколением Z?

Современная научная литература по проблематике патриотической социальной рекламы может быть условно разделена на несколько направлений. Первое направление представлено работами, анализирующими особенности восприятия патриотического контента молодежной аудиторией в цифровой среде. Ключевым исследованием здесь является работа Д. В. Дунаса, А. Н. Гуреевой и Д. А. Бабыной [2]. Авторы провели серию групповых интервью с учащимися колледжей и студентами вузов в возрасте от 17 до 21 года, обсуждая с ними содержание постов патриотической тематики в социальных сетях. Авторы показали, что молодежь демонстрирует устойчивые патриотические установки, однако крайне негативно реагирует на прямолинейные пропагандистские методы подачи информации. Исследователи подтвердили принятие тезиса «Россия – сильная страна, которая защищает свой суверенитет», только при условии ненавязчивой, диалоговой формы презентации [2].

Второе направление фокусируется на анализе конкретных коммуникативных технологий, повышающих эффективность социальной рекламы. Здесь выделяется работа П. М. Терентьевой, в которой на примере кампании «Герои России» показан сторителлинг как эффективный инструмент, если он основан на реальных историях и дополнен интерактивными цифровыми элементами [7]. Автор приходит к выводу, что нарративные, визуальные и интерактивные элементы в комплексе обеспечивают более высокую вовлеченность аудитории по сравнению с традиционными форматами [7].

Третье направление исследует трансформацию самого понятия патриотизма в цифровой культуре. Н. К. Радина в статье «Трансформация контента и политики патриотизма в русскоязычном сегменте TikTok на фоне СВО» на основе анализа популярных видео до и после начала специальной военной операции показывает, как военно-политический конфликт политизирует цифровые платформы, демонстрируя «эффект объединения вокруг страны» [5]. Исследование выявило, что тематике СВО посвящено не более пятой части популярного контента, а сюжеты о Президенте Российской Федерации сместились из прошлого в настоящее. Это важно для понимания того, что патриотическая социальная реклама не должна быть монотематичной – ее эффективность зависит от умения добавлять патриотические смыслы в разнообразные контексты [5].

Четвертое направление представлено исследованиями эффективности социальной рекламы в конкретных digital-средах. Н. Н. Мальчукова и М. В. Виноградова представили результаты социологического опроса респондентов 17–20 лет и выявили, что социальные сети, обладая востребованным контентом, дает возможность создания информационного пространства и реальных условий для организации взаимодействия всех участников группы на основе единства мнений. Авторы подчеркивают важность мотивации к участию в общественной жизни как результата воздействия социальной рекламы [4].

В целом анализ публикаций позволяет не только выделить четыре ключевых направления в изучении патриотической социальной рекламы, но и сформулировать общий тезис: успех патриотической социальной рекламы зависит от отказа от прямой пропаганды в пользу диалога, интерактивности и интеграции в повседневную цифровую культуру молодежи. Согласно исследованиям факультета журналистики МГУ, для представителей этого поколения крайне важны темы, связанные с исторической памятью, достоинством и честью, традиционными духовно-нравственными ценностями – но при условии, что они правильно интегрированы в современную молодежную повестку. Понимание психологических и коммуникативных особенностей поколения Z является базовым условием для моделирования эффективной социальной рекламы [3]. Патриотиотическое чувство у этой аудитории формируется не через прямую пропаганду, сколько через взаимодействие с элементами молодежной цифровой среды и субкультуры: музыкальными трендами, стилем жизни блогеров, мемами, а также через ассоциации с харизматичными медиаперсонами и активные обсуждения в комментариях.

Эксперты рекламной индустрии выделяют три ключевых фактора успеха в коммуникации в темах социальной ответственности и патриотизма с поколением Z: аутентичность, интерактивность и вовлечение. При этом аутентичность признается базовым условием: зумеры мгновенно распознают фальшь, им нужны реальные люди, живые фото и честный диалог. Поколение Z ценит аутентичность, социальную ответственность и, конечно же, иронию. Зумеры не просто покупают продукт – они выбирают ценности, которые за ним стоят [6].

Особого внимания заслуживает визуальный язык поколения Z. Как подчеркивает Д. Дунас: «Современные подростки воспринимают патриотизм … через визуальный язык – мемы, видеоролики, сторис» [1]. Цифровая молодежь обладает развитыми навыками социальной коммуникации в социальных сетях, и онлайн-среда создает для них социальную реальность: формируется не просто стиль медиапотребления, а ценностный код нового поколения [1].

На основе проведенного анализа научных источников можно выделить пять ключевых параметров, образующих модель «идеальной» патриотической социальной рекламы, ориентированной на поколение Z.

Параметр 1: нарративная структура. Идеальная реклама должна строиться вокруг реальной, эмоционально насыщенной истории конкретного человека. Как показало исследование Терентьевой, сторителлинг способствует усилению эмоционального восприятия и повышению доверия к транслируемым образам [7]. История должна избегать пафоса и героизации любой ценой – напротив, в центре должен быть обычный человек, совершающий поступок, доступный для подражания.

Параметр 2: полидискурсивность и интеграция в молодежную культуру. Патриотический посыл не должен существовать изолированно. Его эффективность возрастает многократно, если он вплетен в актуальные для молодежи контексты: популярные музыкальные тренды, мемы, стиль жизни блогеров. Это подтверждается исследованиями МГУ, показавшими, что интеграция патриотических смыслов в молодежную субкультуру значительно повышает их принятие [1].

Параметр 3: интерактивность и вовлечение. Поколение Z не хочет быть пассивным получателем информации. Идеальная социальная реклама должна провоцировать на действие: лайк, комментарий, репост, участие в челлендже, переход по QR-коду на волонтерский проект. Исследование Мальчуковой и Виноградовой подтверждает, что социальные сети дают возможность организации взаимодействия всех участников на основе консенсуса мнений и проявления личных качеств [4].

Параметр 4: аутентичность и диалоговость. Категорически неприемлемы прямые пропагандистские методы, которые вызывают у молодежи моментальное отторжение. Идеальная реклама не должна быть скучной – она должна говорить с человеком на равных, как «свой» с «своим». Это достигается через использование нестандартных визуальных решений, самоиронии, отказа от шаблонной символики в пользу оригинальных образов [2].

Параметр 5: измеримость и адаптивность. Модель предполагает встроенную систему метрик для оценки эффективности: не только охваты, но и глубина вовлечения (время просмотра, доля досмотревших до конца, количество переходов по ссылке, изменение установок по результатам опросов до и после). На основе этих данных рекламная кампания должна корректироваться в реальном времени.

Опираясь на выделенные параметры, можно сформулировать практические рекомендации для создателей патриотической социальной рекламы, ориентированной на поколение Z.

Прежде всего, стоит отказаться от общих лозунгов и абстрактных образов: каждый ролик или пост должен рассказывать историю конкретного человека – учителя, врача, волонтера, студента – и показывать его реальный вклад в развитие страны, поскольку именно такие истории, по данным исследований, вызывают доверие и желание подражать. Кроме того, необходимо активно использовать форматы коротких вертикальных видео, которые соответствуют привычному для поколения Z способу потребления контента и позволяют донести месседж за 15–30 секунд, не перегружая внимание. Важно также внедрять элементы геймификации и интерактива – например, запускать челленджи с хештегами, где пользователи делятся историями о своих семейных традициях или достижениях родного города; это не только повышает вовлеченность, но и создает пользовательский контент, который распространяется вирусно [1].

Также важно сотрудничать с микро-блогерами, у которых высокая степень доверия аудитории: такие блогеры воспринимаются как «свои», и их патриотический месседж не вызывает отторжения, при этом важно предоставлять блогерам свободу творчества, не навязывая жесткие рамки. Помимо этого, стоит создавать мультиплатформенные кампании, адаптируя контент под специфику каждой социальной сети. Наконец, обязательно предусматривать механизмы обратной связи и оперативно реагировать на критику, потому что молодое поколение ценит, когда его мнение учитывают, и готово прощать ошибки, если видит искреннее стремление их исправить.

Список литературы

1. Дунас Д. В. Патриотизм в цифровых медиа: как формируется новое поколение россиян: лекция на ВДНХ (9 июня 2025 г.). URL: https://vkvideo.ru/playlist/-15236484_6/video-15236484_456239613?linked=1

2. Дунас Д. В., Гуреева А. Н., Бабына Д. А. Воспитание патриотических чувств: изучение отношения цифровой молодежи к политическим нарративам в социальных медиа // Цифровая социология. 2024. Т. 13, № 2. С. 286–302.

3. Леонова Н. А. Социальная молодежная реклама: Патриотизм. Нравственность. Память поколений // Социология и социальная работа: современные образовательные и научно-исследовательские практики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2024. С. 435–439.

4. Мальчукова Н. Н., Виноградова М. В. Формирование патриотического воспитания через социальную рекламу в социальных сетях (на примере «ВКонтакте») // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4 (101). С. 88–91.

5. Радина Н. К. Трансформация контента и политики патриотизма в русскоязычном сегменте TikTok на фоне СВО // Полис. Политические исследования. 2026. № 2. С. 43–60.

6. Соболев Р., Харебова Л., Кудрина Е. [и др.]. Отличается ли наша молодежь от Запада и как наладить с ней контакт // AdIndex. 2025. 20 июня.

7. Терентьева П. М. Сторителлинг как инструмент социально-политической рекламы // Коммуникология. 2026. № 14 (1). С. 107–122.

УДК 17+612.8.04

ГЕДОНИЗМ КАК ФАКТОР РИСКА: ФИЛОСОФСКО-МЕДИЦИНСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Алексей Владимирович Фомин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

mas2000searod750@gmail.com

Аннотация. Современное поколение связывают с двумя феноменами – клиповое мышление и культ потребления. Процессы, наблюдаемые в обществе, во многом соотносятся с гедонизмом, с его главными школами – киренской и эпикурейской. Идеи учений разные, поэтому важно определить, какое из них более благоприятно для развития общества. Расширение информационных сред и высокая доступность всевозможных благ формируют новые условия взаимодействия человека с окружающей средой и друг с другом. Возникают обсуждения влияния даров технологий на психическое состояние человека и механизмы регуляции его поведения, примерами воздействия которых являются толерантность к дофамину, ангедония, феномен «пресыщения положительными эмоциями», аддикции.

Ключевые слова: гедонизм, удовольствие, культ потребления, клиповое мышление, система вознаграждения, толерантность, ангедония, феномен «пресыщения положительными эмоциями», аддикции

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата философских наук, доцента кафедры «Философия и социальные коммуникации» О. А. Мартыновой.

В последнее время стали чаще обсуждаться изменения ценностных ориентиров молодежи, сформированные в условиях цифровизации и технологического прогресса. Высокое место занимает стремление получить «быстрые» положительные эмоции и разные виды удовольствия. Продолжается развитие и распространение феноменов культа потребления и клипового мышления. Материальные блага – не средство удовлетворения естественных потребностей человека, а самостоятельная ценность и показатель социального статуса. Потребление – способ само-

идентификации. Клиповое мышление – это феномен, о котором все чаще стали говорить в последние годы, он является тем признаком, который отличает представителей поколения Z (людей эпохи цифровых технологий) от других поколений [4, с. 47]. Термин связан с понятием «клип-культуры», введенным социологом Э. Тоффлером в 1980 году [5, с. 119]. Высокая скорость восприятия, увеличение темпов жизни, быстрая переключаемость, сопровождающаяся низким уровнем концентрации и неспособностью воспринимать большие объемы информации – вот характеристика формирующейся молодежи. Мы получаем поверхностно мыслящего человека, неспособного длительное время сосредотачиваться на конкретном объекте, с низким уровнем рефлексии, который зачастую действует импульсивно [7, с. 318]. С другой стороны развивается многозадачность и быстрая адаптивность, но избыточное внедрение технологий в быт людей может усиливать негативные проявления клипового мышления. Также результатом прогресса стало появление социальных сетей, которые оказывают серьезное влияние на мировоззрение молодежи и на нейробиологические механизмы получения удовольствий. Виртуальные формы социального взаимодействия, яркий быстро сменяющийся контент влияют больше всего. Изменения, связанные с развитием технологической среды, предлагают бесконечное множество способов получения желаемых эмоций. Необходимо выяснить, являются эти изменения благом, или же несут в себе скрытую опасность.

Для более глубокого понимания проблемы необходимо обратиться к философским истокам осмысления природы удовольствия. Проблема "удовольствий" существует еще с античности, когда сформировался аппарат для ее анализа. Классическим направлением, рассматривающим данную проблему, является гедонизм, в котором удовольствие – одно из важнейших благ человеческой жизни, тогда как зло и страдание выступают противоположной ему категорией. Среди представителей гедонистической традиции существовали различные взгляды на допустимость и характер удовольствий, что стало предметом активных дискуссий внутри данного направления.

Основоположник гедонизма – древнегреческий философ Аристипп из Кирены. Представителей этой школы называли киренаиками. У человека есть два состояния души: нежное, в котором она будет соприкасаться с удовольствиями, и грубое, возникающее в ответ на боль [1, с. 84]. Смысл жизни человека – удовольствия. Аристипп не подразделял их на правильные и неправильные, он считал некоторые из них более достижимыми или приятными, чем другие. Киренаики оказались близки к современной молодежной культуре: ценность удовольствия зависит от интенсивности и доступности «здесь и сейчас», вне зависимости от дальнейших последствий. Можно утверждать, что киренаики – предки «культа потребления» и «клипового мышления».

На смену Киренской школе пришел эпикуреизм, основоположником является Эпикур. Культ наслаждений телесных сменился удовольствием души. В это время и появляется систематика приятных ощущений. Всего выделяют три типа. Первые являются естественными и необходимыми [2, с. 420] – физиологические потребности, которые избавляют человека от страданий и, конечно, приносят наслаждение. Вторые – естественные, но не необходимые [2, с. 420]. Примером являются изысканные блюда, красивая одежда и любовь. Второй тип классифицирован по принципу риска возникновения жадности, зависти и неприятных последствий. Третий тип – не естественные и не необходимые [2, с. 420], тщеславные удовольствия: статус, богатства, величие. Естественно, они могут быть источником боли, а потому не являются желательными. Эпикур подчеркивал, что высшее

благо — наслаждение обществом хороших друзей, дружба. Это одно из важнейших условий достижения счастливой жизни. «Из всего того, что мудрость доставляет для счастья всей жизни, самое важное – это обладание дружбой». Эпикур также предполагал, что чем больше человек получает удовольствий, тем быстрее он пресыщается этим, и далее на смену им приходят безразличие и разочарование, иногда и боль. В современном понимании он предупреждал о феномене пресыщения. Эта интуиция находит прямое подтверждение в медицине.

Современные тенденции развития молодежи, по гедонизму, оцениваются неоднозначно. С точки зрения учения Аристиппа, поведение молодежи соответствует гедонистическому идеалу: ценность удовольствия определяется исключительно его интенсивностью, природа источников не важна. Произведя оценку сквозь призму эпикурейской этики, картина поменялась на противоположную. Поведение молодежи характеризуется излишествами, выходящими за рамки естественных и необходимых потребностей. Виртуальные друзья заменяют настоящую дружбу, которую ценит Эпикур. Культ потребления сразу позволяет отнести большинство источников эмоций ко второму и третьему типу. Эпикур рассматривал предпочтительно получение только первого типа удовольствий, которые способствуют устранению страданий человека и поддержания спокойствия его души. Экономия ресурсов (как материальных, так и психических), отсутствие привыкания и истощения красочности эмоций – такова современная оценка эпикурейского идеала.

Философский анализ противоречив, ведь имеются две противоборствующих точки зрения. Развитие современной нейробиологии позволяет сравнить киренаистический и эпикурейский подходы, сопоставив их с особенностями функционирования системы вознаграждения головного мозга. Это поможет по-новому взглянуть на проблему удовольствия.

Эпикур в свое время классифицировал один тип удовольствий как "естественные и необходимые". Оказалось, что они соответствуют биологическим программам, заложенным эволюцией. Мозг "запрограммирован" получать удовольствие. Это называется система вознаграждений мозга или же мезолимбический путь (вентральная область покрышки – прилежащее ядро – префронтальная кора). Это наша «машина удовольствия» на уровне генетики. Мезолимбическая дофаминовая система закрепила биологически значимые действия: питание, размножение, социальное взаимодействие людей. Основа функционирования системы – нейромедиаторы. Дофамин играет необходимую и достаточную роль в данных механизмах подкрепления и мотивации [8, с. 7]. Это не столько «гормон радости», сколько «гормон охотника». Он важен в погоне, но не в обладании. Выбрасывание дофамина происходит во время ожидания результата, а по его достижении он быстро разрушается и тогда его уровень падает, возникает механизм «хотеть еще». Цифровая среда, социальные сети, короткие форматы видеоконтента – это «дофаминовые ловушки» – стимулы, вызывающие большой выброс дофамина без реального удовлетворения глубоких потребностей. При регулярном воздействии подобных стимулов могут формироваться определенные адаптационные механизмы.

Дополнительными модуляторами выступают серотонин и окситоцин. Серотонин – гормон значимости и удовлетворения, связанный с формированием чувства удовлетворения и социального статуса. В отличие от дофамина, он имеет более длительный эффект, сбалансированное чувство удовлетворения. Его дефицит может привести к депрессии, тревоге. Погоня за статусными вещами (третий тип удовольствий по Эпикуру) – попытка получить серотонин через внешние атрибуты. Окситоцин – закрепляет положительные ощущения от социальных связей и тактильного взаимодействия людей, отвечает за чувство доверия. Именно оксито-

цин лежит в основе эпикурейской дружбы как высшего удовольствия. Дружба – это биологически закрепленный механизм выживания. Общение с друзьями в интернете имитирует социальное взаимодействие, однако оно лишено ключевой награды взаимодействия – окситоцина, ведь отсутствует телесное присутствие. Социальная потребность частично удовлетворяется, но за всем этим останется нейробиологический «голод».

Мезолимбическая система в норме характеризуется постоянством. Чрезмерное количество сигналов истощает эту систему, запуская механизмы компенсации: уменьшение выработки нейромедиаторов, снижение чувствительности рецепторов к ним. Возникает толерантность. Для получения прежнего уровня удовлетворения, необходимы более интенсивные стимулы. Этот феномен также называется аллостазом. В философии это состояние называется принципом «гедонистической беговой дорожки». Атрофия системы вознаграждения – результат негативного влияния технологий. «Пустые», по мнению Эпикура, удовольствия могут привести к нарушению способности получать удовольствия. Стремление киренаиков к увеличению интенсивности переживаний «здесь и сейчас» имеет, как оказалось, ряд последствий.

Нагрузка на мезолимбическую систему может привести к дофаминовой дисрегуляции и толерантности, ангедонии, поведенческим и химическим аддикциям, феномену "пресыщения положительными эмоциями".

Дофаминовая дисрегуляция и толерантность – это снижение чувствительности D2-рецепторов (дофаминовых) в результате большой нагрузки на мезолимбическую систему. Под влиянием оказывается префронтальная кора головного мозга (передняя часть лобной доли). Эта область отвечает за контроль импульсов системы вознаграждения, поэтому пострадает способность получения удовольствий от «естественных и необходимых» занятий.

Ангедония – снижение или утрата способности испытывать удовольствие от любой деятельности. Это описанный клинический симптом, причем он является ключевым при депрессивных расстройствах и нарушениях функционирования системы вознаграждения. Ангедонию также можно диагностировать при шизофрении и других расстройствах. Она выявлена у более половины молодых людей с депрессией и наличие ее делает пациентов менее способными к реабилитации, курс терапии изменяется. У ангедонии имеется особенность: излечение от основного заболевания (например, депрессивного расстройства) не означает избавления от данного симптома. Как исход, потеря способности испытывать удовольствие может стать причиной самоубийства [3, с. 118]. В социальном взаимодействии таких людей в обществе тоже появляются проблемы. С точки зрения гедонизма, ангедония – утрата способности чувствовать радость даже от «естественных и необходимых» удовольствий.

Аддикции – виды девиантного поведения, мешающие нормальной жизни человека. К известным формам аддикции относят цифровые зависимости (игровая, социальных сети), химические зависимости (алкогольные, наркотические, использование психоактивных веществ), нарушения пищевого поведения (анорексия, булимия, переедание). В проекции на гедонизм мы видим, что второй и третий типы желаний начинают перерастать в патологию.

Феномен «пресыщения положительными эмоциями» у подростков и детей, с которым сталкиваются современные родители, характеризуется изменением поведенческих реакций подрастающего поколения. Признаками изменений являются: быстрая потеря интереса к окружающим предметам, к деятельности, постоянное использование гаджетов, жалобы на скуку. Дети часто отвлекаются на

жевание и потребление пищи, их не радует проведенное время с друзьями, их привлекают более простые способы получения эмоций, отвлечения [6, с. 367]. Причина – интенсивное и систематическое внешнее воздействие на центры удовольствия, провоцирующие привыкание, что является рассматриваемым выше симптомом. Это примеры того, что "культ потребления" и "клиповое мышление" уже сейчас формируют патологический тип личности, неспособный к автономному, внутреннему источнику удовольствия.

Сопоставив философские концепции с нейробиологией, можно сделать определенные выводы. Мысль Аристиппа и принцип "здесь и сейчас" являются проблемогенными. Стремление к интенсивным и усиливающимся источникам ощущений можно начать рассматривать как поведенческую модель, связанную со стимуляцией системы вознаграждения. Закрепление данного типа может привести к увеличению случаев патологий, связанных с данной системой. Довольствоваться в моменте максимумом немаловажно как награда за деятельность, однако не стоит ставить ценностным ориентиром в жизни получение благ и удовольствий от них. «Осознанный гедонизм», основывающийся на эпикурейском принципе умеренности в определенной степени соответствует биологической модели поведения, направленной на поддержание нейробиологического баланса человеческого организма и предотвращения истощения и деформации дофаминергических механизмов. Таким образом, античные философские концепции, которые теперь выступают моделями поведенческих стратегий человека, позволили проанализировать особенности формирования современных ценностных ориентиров молодежи, часть из которых губительно влияет на здоровье психическое и соматическое.

Список литературы

1. Бызов Е. С. Философия гедонизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. Т. 5-1, № 80. С. 84–86.

2. Волкова К. А. Философия гедонизма // Научная сессия – 2025 : сб. ст. : в 2 ч. / Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна ; редкол.: А. Г. Макаров (отв. ред.) и др. СПб. : СПбГУПТД, 2025. Ч. 1. С. 419–422.

3. Касимова Л. Н., Святогор М. В. Ангедония в структуре аффективных расстройств: возможности терапии // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2019. Т. 119, № 11. С. 116–122.

4. Пуре Н. М. Поколение Z перед лицом антропологического кризиса // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2025. № 1 (53). С. 47–62.

5. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. С. Барабанова [и др.] ; науч. ред. П. С. Гуревич. М. : АСТ, 2004. 261 с.

6. Филиппова С. А. Проблема пресыщения положительными эмоциями у современных детей и подростков // Инновационные социально-психологические и социально-реабилитационные технологии: от теории к практике : материалы III Междунар. науч.-практ. фестиваля / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Красовская (гл. ред.), Т. В. Тратинко. Минск : БГУ, 2025. С. 366–370.

7. Цветков В. Л., Павлова А. А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 317–322.

8. Шевелева М. В., Лебедев А. А., Роик Р. О., Шабанов П. Д. Нейробиологические механизмы систем награды и наказания в головном мозге при активации прилежащего ядра // Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. 2013. Т. 11, № 3. С. 3–19.

УДК 17+796.03

СПОРТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Ирина Константиновна Лапшина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

irinalapshina20061@gmail.com

Аннотация. Значение спорта с медицинской точки зрения известно каждому. Занятие спортом в последние несколько лет набирает популярность особенно благодаря его «рекламе». Спортивная деятельность позволяет раскрыть потенциал индивида: как с точки зрения развития тела, так и в контексте духовного роста. Необходимая часть пути для достижения результата в спорте – преодоление самого себя. Справиться с испытаниями возможно, лишь проявив силу воли, которая, в свою очередь, способствует развитию определенных качеств индивида.

Ключевые слова: сила воли, волевые действия, управление поведением, борьба мотивов, преодоление самого себя

В целом, значение спорта с медицинской точки зрения известна каждому. Занятие спортом в последние несколько лет набирает популярность особенно благодаря его «рекламе». Сейчас занятие спортом многими воспринимается как возможностью следовать модным тенденциям.

Физическая культура способствует развитию волевых качеств, эмоциональной устойчивости, дисциплины и целеустремленности, которые определяют зрелость личности. Существует множество исследований, которые были проведены в разных странах и разными учеными, которые доказывают важности спорта в формировании личности человека [3, с. 30–32]. Через преодоление физических и психологических барьеров, через взаимодействие в команде и соперничество, через победы и поражения человек не только совершенствует себя в физическом плане, но и получает бесценный опыт рефлексии, позволяющий глубже понять собственные возможности, ограничения, мотивы и ценности. Таким образом, спортивная деятельность позволяет раскрыть потенциал индивида: как с точки зрения развития тела, так и в контексте духовного роста.

Спорт – это среда для реализации личности и отражает способность побеждать внутреннее сопротивление и идти вперед несмотря на желание все бросить. Боль и страдания – причина, по которой мы ищем всевозможные оправдания прекратить тренировку, но даже после таких мучений человек снова берется за дело. Необходимая часть пути – преодоление самого себя. Причем препятствия на пути могут быть как физическими (преодоление возможностей своего тела), так и психологическими. Именно сила воли позволяет оставаться сосредоточенным на цели и не отступать, даже если результаты кажутся недостижимыми [4]. Именно она постоянно растет у человека, который постоянно стремится улучшить собственный результат во всяком виде спорта.

Для более детального рассмотрения влияния силы воли, необходимо обратиться к самому пониманию этого явления. Воля – способность человека преодолевать трудности, возникающие на пути достижения цели. Сила воли, при этом, характеризует меру этой способности [1]. Поступок или действие, которое совершается во время преодоления трудностей – волеизъявление (волевое действие). На са-

мом деле, сила воли складывается из всех волевых качеств, нашей способности справляться с трудностями. Эту способность мы наблюдаем в волеизъявлениях [7].

Волевое действие, согласно Иванникову [1], можно разделить на простые, которые возникают в случае, когда четко видна цель, переходящая в действие и не выходящая за рамки существующей ситуации, и сложные – включают в себя дополнительные звенья между побуждающим импульсом и действием. Среди фаз проявления волевого действия выделяют: 1) возникновение побуждения и постановка цели; 2) стадия обсуждения и борьба мотивов; 3) принятие решения; 4) исполнение.

На первом этапе определяются ожидаемые результаты действия. При этом, человек взвешивает различные мотивы, которые могут как соответствовать цели, так и противоречить ей («борьба мотивов»). Если при этом мотив и цель совпадают, то волевое действие будет минимальным.

На втором этапе происходит планирование способов достижения ранее определенной цели, причем при выборе средств возникает борьба мотивов. Однако нельзя руководствоваться принципом «цель оправдывает средства» при выборе способов достижения цели, так как для достижения все средства хороши.

На третьем этапе происходит заключительный этап борьбы мотивов. Человек определяет конкретное направление собственных действий. Принимая решение, человек осознает, что дальнейшее развитие событий полностью зависит от него, что сопровождается чувством ответственности, характерное для волевого действия.

Однако принятие решения – это еще не значит выполнить его. Иногда намерения остаются нереализованными, а дела – незавершенными. Суть волевого действия заключается, главным образом, в исполнении своих мотивов. Лишь человек с сильной волей на самом деле способен предварить свои решения в жизнь.

Таким образом, заключительный тап – исполнение. Здесь человек сталкивается как с внешними, так и с внутренними препятствиями. При этом внутренние препятствия – пассивность, собственный страх и так далее – зависят от самого человека.

Так, сила воли проявляется в способности человека преодолевать эти препятствия, умение управлять своим поведением и подчинять свою деятельность определенным задачам и быть «хозяином самого себя».

О воле говорил и Сенека: он утверждал, что не обстоятельства делают человека сильным, а его отношение к ним — это проявление воли. Воля, согласно его представлениям — это умение не поддаваться случайным желаниям, это внутренний механизм, позволяющий выбирать: не просто реагировать, а принимать решения, не жаловаться, а искать решения, не ждать идеальных условий, а действовать с тем, что есть. Стоики определяют отношение к трудностям следующим образом: они указывают, что испытания, с которыми сталкивается человек, должны восприниматься как возможность для личностного роста, которые, в свою очередь, делают его (человека) сильнее [5]. В своих учениях они заставляют задуматься о собственных эмоциях, реакциях, что позволяет осознанно управлять ими и выбирать, как именно мы на них отреагируем – следствие регулярного самоанализа, который, в свою очередь, также способствует пониманию собственных слабых и сильных сторон, что является важным шагом к развитию самоконтроля [5, с. 345].

По мнению психологов, принятие всего, что происходит в жизни – вполне адекватный и здоровый принцип. Это связано с тем, что во время сопротивления и отрицания человек тратит слишком много энергии на борьбу, а не на решение проблемы. Психологи выделяют две реальности: наблюдаемая, которая отражает

все, что происходит в окружающем субъекта мире, и иллюзорная, предполагающая субъективное восприятие человеком происходящих вокруг него событий. Принятие реальности такой, какая она есть, значительно снижает внутреннее напряжение – это похоже на «стоический фатализм», когда срабатывает принцип: «я не могу это изменить, но могу менять свое отношение». Это обеспечивает человеку ощущение контроля над своим внутренним миром.

В современном мире, принципы стоицизма во многом востребованы в таком виде спорта, как восточная борьба и других видах боевых искусств. Проявление стоицизма в данном случае заключается во владении ситуацией, способности к максимальной концентрации внимания, однако не вопреки, а благодаря обстоятельствам. Это также включает в себя умение проигрывать достойно, что демонстрирует воинскую этику, которая также заключается в способности применить принципы рациональности в организации и ведении боя, показать свою выдержку и силу воли.

Эта идея преодоления себя хорошо отражена в повести «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» [6] Ричарда Баха. Джонатан открывает для себя полет как искусство, требующее постоянного совершенствования техники. Достижение результата становится возможным как через преодоление физической боли, личных заблуждений (внутренних препятствий), так и через внешние препятствия [6, с. 10, 14, 19–20]. Джонатан отмечал: «не говори «невозможно». Ты должен продолжать пробовать. Ты должен понять ограничения, которые сам на себя наложил». Каждое падение, каждый неудачный эксперимент становится для него не поражением, а ценным уроком, источником для анализа и корректировки техники [6, с. 14–16]. Во время своих тренировок он не просто механически повторял одно и то же, а анализировал каждое свое действие и старался преобразовывать возможности своего тела, что способствовало развитию как самоконтроля, так и физических показателей. Таким образом, препятствия, с которыми он постоянно сталкивался, оказывались источником для проявления его силы воли и лишь укрепляли его целеустремленность, терпение, смелость и ряд других качеств.

Изучение возможностей развития силы воли применяются и на практике в педагогике и психологии [2]. Как правило, путь к достижению цели, в данном случае, в спорте, бывает долгим и связан с преодолением трудностей и неудач. В связи с этим возникает необходимость в формировании у занимающихся спортом «морального компонента воли». Без внутренней мотивации самого спортсмена, усилия тренера окажутся напрасными. Помимо того, что «моральный компонент воли» обеспечивает способность к волевому усилию в разнообразных условиях, он также определяет цель этого усилия. Задача тренера – сформировать такую волю, которая, как отмечал И. М. Сеченов, позволит спортсмену совершить настоящий нравственный подвиг. Если у спортсмена действительно развита сила воли и «моральный волевой компонент», то он способен преодолеть любые препятствия и даже компенсировать некоторые недостаточно выраженные у него способности.

Способность спортсмена работать на пределе своих возможностей («через не могу») достигается за счет применения «ударных нагрузок». Эти нагрузки, такие как повторные и интервальные тренировки с максимальной интенсивностью, помогают раскрыть скрытые физические и психические возможности организма. Решительность тренируется путем преодоления проблемных ситуаций, требующих принятия решений в условиях неопределенности или выбора. Выполнение опасных упражнений, аналогичных тем, что развивают смелость (например, прыжки назад с закрытыми глазами или между козлами), также способствует развитию решительности. Исследования показали, что отсутствие страховки при вы-

полнении таких упражнений ускоряет и усиливает развитие решительности, что указывает на важность самостоятельного принятия решений даже в стрессовых ситуациях. Введение соревновательных элементов в тренировочные занятия в ключевые моменты помогает спортсменам развивать и поддерживать целеустремленность, настойчивость и решительность.

Таким образом, сила воли и ее проявление как волевое действие, отражает личность человека. Индивидуальные различия в волевой сфере проявляются через волевые качества личности и могут характеризовать как волю в целом, так и отдельные ее аспекты.

Сила воли проявляется не только в том, чтобы действовать, но и в том, чтобы сдерживать действие. Именно поэтому волевые качества, которые развиваются у человека, можно разделить на те, что побуждают к активности и те, что ее тормозят.

Так, к первой группе можем отнести целеустремленность, настойчивость, решительность, инициативность, самостоятельность, смелость и исполнительность.

Целеустремленность выражается в осознанной направленности на достижение результата.

Настойчивость – способность с умом использовать собственные возможности для преодоления трудностей на пути.

Решительность – способность быстро принимать обоснованные решения и предварять их в жизнь.

Инициативность – характеризуется способностью совершать действия и поступки по собственной воле, преодолевать внутренние препятствия.

Самостоятельность – выражается в способности выполнять какое-либо дело, основываясь лишь на собственных взглядах и убеждениях, при этом не поддаваясь воздействию мнения окружающих (и другим внешним препятствиям).

Смелость – характеризуется способностью преодолевать внутренние препятствия (страх, тревогу) для достижения поставленной цели.

Исполнительность – характеризуется своевременностью выполнения своих обязанностей и целей.

Ко второй группе можно отнести выдержку и дисциплину.

Выдержка – выражается в умении сдерживать свои чувства, мысли, которые могут помешать осуществлению принятого решения.

Дисциплина – характеризуется осознанным следованием установленному порядку.

Список литературы

1. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2006. 203 с.

2. Ильин Е. П. Психология спорта. СПб. : Питер, 2008. 352 с.

3. Калинкин Л. А. Спорт, духовные ценности, культура // Альтернативная модель спорта : сб. / сост. и ред. В. В. Кузин, В. И. Столяров, Н. Н. Чесноков. М., 1997. 280 с.

4. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык [и др.]. М. : Культурная Революция, 2005. 373 с.

5. Степанова А. С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб. : Изд. дом «Петрополис», 2012. 400 с.

6. Бах Р. Чайка Джонатан Ливингстон : пер. с англ. М. : София, 2017. 128 с.

7. Глазунов Ю. Т., Сидоров К. Р. О волевых качествах человека и основаниях их выделения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, вып. 2. С. 41–48.

УДК 316.346.2:614.2

ГЕНДЕРНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ ВО ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анастасия Дмитриевна Гадач

Пензенский государственный университет, г. Пенза

NaseLovely@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время сохраняется гендерная сегрегация в системе здравоохранения Российской Федерации при численном преобладании женщин в медицинских специальностях. На основе статистических данных и результатов исследований можно выявить горизонтальную и вертикальную сегрегации, а также концентрацию женщин в менее престижных отраслях и их относительный недостаток на руководящих позициях. Показано, что гендерная сегрегация обусловлена совокупностью культурных, институциональных и поведенческих факторов. Аналитическая модель тройной детерминации объясняет сохранение гендерного неравенства в профессии даже при ее феминизации. Предложены рекомендации для борьбы с сегрегацией на системном уровне.

Ключевые слова: гендерная сегрегация, здравоохранение, гендерное неравенство, медицинские специальности, «стеклянный потолок»

В системе здравоохранения Российской Федерации присутствуют признаки гендерной асимметрии. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации женщины составляют около 70 % от общего числа врачей и до 95% среднего медицинского персонала [6]. Исходя из доклада Счетной палаты, посвященного реализации мер государственной политики, направленной на поддержку женщин, для российского рынка труда характерна гендерная сегрегация: женщины наиболее часто заняты в отраслях с более низким уровнем оплаты труда, включая медицину [9]. Значительное влияние оказывают институциональные факторы: необходимость совмещать рабочую деятельность с семейными обязанностями влияет по-разному на женщин и мужчин. Отсюда появляются гендерные различия при выборе специальности и в карьерном росте. Сообщается, что для женщин, в отличие от мужчин, пол является ограничивающим фактором при выборе узкой специализации [5, с. 159]. Это приводит к тому, что женщин-врачей больше в терапевтических и амбулаторных областях, в то же время более престижные и высокооплачиваемые специальности остаются более доступными для мужчин. Феминизация врачебной деятельности в России не приводит к снижению гендерного неравенства в профессии, а сопровождается увеличением врачей женщин в менее престижных и менее оплачиваемых медицинских отраслях, в то время как мужчинам проще двигаться по карьерной лестнице, занимая высокие должности.

Горизонтальная и вертикальная гендерные сегрегации во врачебной деятельности тесно взаимосвязаны, потому что концентрация женщин-врачей в определенных отраслях медицины ограничивает их возможности карьерного роста и доступа к управленческой деятельности, что поддерживает гендерное неравенство в системе здравоохранения.

Как указывалось ранее, по данным Минздрава РФ и Росздравнадзора, женщины составляют более 70 % всех врачей в стране [6]. Более того, на основании данных Росстата, доля женщин в здравоохранении составляет 79 % [11]. Можно было ожидать, что при таком численном доминировании женщины долж-

ны быть равномерно распределены во всех медицинских специальностях. Статистические данные Росстата по структуре занятости в экономике показывают, что женщины в России в целом концентрируются в определенных сферах труда, а другие остаются преимущественно «мужскими» [9]. Это говорит о том, что и внутри медицины формируется схожая ситуация: при общем преобладании женщин они более сконцентрированы в обширных и менее специализированных направлениях, таких как терапия и амбулаторная помощь, тогда как узкопрофильные и высокотехнологичные области - например, хирургия – менее «феминизированы». Этому могут способствовать гендерные стереотипы и факторы сегрегации, которые будут рассмотрены ниже. Горизонтальная сегрегация выражена не в абсолютном преобладании мужчин-врачей, а в структурном несоответствии между общим числом женщин в профессии и их концентрацией в других, более престижных специальностях.

Вертикальная гендерная сегрегация во врачебной специальности выражается в неравном доступе мужчин и женщин к карьерному росту и руководящим позициям. Несмотря на численное преобладание женщин в медицине, их профессиональное продвижение ограничивается «стеклянным потолком». По информации из Российской газеты, в российской системе здравоохранения более 60 % руководящих должностей в государственных медицинских организациях занимают женщины [10] – доля женщин-руководителей в этой отрасли выше, чем в среднем по рынку труда, однако данное значение следует интерпретировать с учетом общей структуры профессии: все же при доле женщин-врачей более 70 % их количество на управленческих должностях оказывается ниже предполагаемых 3/4, что говорит об их относительном недостатке и подтверждает сохранение «стеклянного потолка».

Данные Росстата подтверждают, что около 59 % руководителей – мужчины [3]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на отраслевые особенности, система здравоохранения порождает общенациональную модель гендерного неравенства в управлении.

Выявленные признаки гендерной асимметрии можно объяснить комплексом причин. Гендерная сегрегация во врачебных специальностях в России обусловлена совокупностью социальных, институциональных и индивидуальных факторов. Социальные факторы в лице общественных норм и традиционных ценностей создают условия для преобладания женщин в медицинских специальностях. Институциональные факторы усиливают сегрегацию посредством значительного разрыва в оплате труда. Индивидуальные факторы включают особенности карьерных стратегий и баланс между семьей и работой. Все перечисленные факторы приводят к устойчивому воспроизводству горизонтальной и вертикальной гендерной сегрегации в системе здравоохранения.

Социальные нормы и общественное мнение подготавливает девушек для работы в «помогающих» профессиях. Воспитание непосредственно влияет на формирование пути профессионального развития, так как на ранних этапах развития у детей закрепляется понимание о "приемлемых" ролях мужчин и женщин. Обществом принято видеть женщину заботливой, эмпатичной и оказывающей поддержку, а мужчину – лидером, на котором лежит ответственность за принятие всех важных решений в карьере и семье. В семьях поощрают соответствующие полу модели поведения. Сыновья должны обладать выдающимися достижениями, самостоятельностью, смелостью и упорством, ведь "мальчики не плачут", "ты должен уметь постоять за себя". От дочерей ждут аккуратности, вовлеченности и способности поддерживать, главное - найти работу по душе и оставлять время на

семью. Родители охотнее помогают в получении сыновьям престижной специальности, ведь он должен стать "кормильцем семьи", дочерей поддерживают в их выборе, например, гуманитарной или медицинской отрасли. Такой вид нормы воспроизводится уже много поколений в России, отражаясь в профессиональных деятельностях: происходит феминизация "помогающих" профессий и маскулинизация высокостатусных специализаций. В соответствии с официальной статистикой Росстата, больше всего женщин занято в области образования, здравоохранения и социальных услуг (около 80 % и более в каждой) [9].

По данным исследований НИУ ВШЭ, около половины российских мужчин и женщин сконцентрированы в абсолютно мужских или абсолютно женских профессиях, в которых доля доминирующего гендера превышает 80% [8]. Лишь совсем незначительная часть занятых (менее 5%) работает в смешанных по своему составу группах [8]. Результаты говорят о сегрегированной структуре всего рынка труда в России, значит, медицине тоже будет характерна данная модель. Таким образом, происходит закрепление горизонтальной и вертикальной сегрегации.

Согласно исследованию НАФИ, около 71% россиян согласны с тем, что главная миссия женщины – быть хорошей женой и матерью [7]. Разделение домашних обязанностей на "мужские" и "женские" закрепляет гендерные стереотипы в семьях и обществе. В социологии это часто называют «второй сменой» (для женщин) и «функциональным распределением» (для мужчин). По данным Росстата, каждый день женщины в России тратят в 2,3 раза больше времени, чем мужчины, заботясь о доме и близких [1]. "Женские" обязанности подразумевают себе закупку продуктов, готовку еды, стирку, уборку, уход за детьми и пожилыми родственниками — это ежедневный, часто невидимый и неоплачиваемый труд, на который необходимо время и силы после основной работы. Ресурсы женщин истощаются и их не хватает на отдых, самообразование и сверхурочную смену, которая могла бы привести к повышению. По этой причине женщины работают в стабильной, невысокооплачиваемой профессии, часто с гибким графиком или ближе к дому, чтобы успевать справляться с бытом.

По данным НИУ ВШЭ, зарплата женщин в возрасте 20–44 лет без детей в среднем на 9,7–13,3 % выше, чем у женщин того же возраста с несовершеннолетними детьми [2]. Отношение работодателей часто строится на гендерных предубеждениях: для женщины семья и быт всегда будут приоритетом, поэтому женщинам реже предлагают позиции, требующие высокой вовлеченности, что формирует тот самый «стеклянный потолок».

Как указывает счетная палата, проанализировав гендерные разрывы, женщины в России в основном работают в отраслях с низкими зарплатами, в том числе в медицине [9]. Интерпретируя устойчивую модель во врачебных специальностях, можно заметить, что большая концентрация женщин находится в терапии и педиатрии и меньшая в хирургии, формируется горизонтальная сегрегация. Отрасль здравоохранения относится к числу сфер со средним или ниже среднего уровнем оплаты. Внутри отрасли существуют более доходные позиции, которые чаще занимают мужчины, усиливая вертикальную сегрегацию.

Исходя из статистических данных Росстата, чем выше уровень образования женщин, тем менее они активны на рынке труда [4, с. 10]. Результаты свидетельствуют о том, что карьерные маршруты женщин чаще прерываются и профессиональный рост женщин-врачей становится менее линейным. По данным Росстата, наибольший гендерный разрыв в заработной плате приходится на возраст 30–39 лет, когда преобладающая часть женщин состоит в браке, рожает детей

и занимается ежедневным уходом за ребенком [9]. Это говорит о снижении мобильности в карьерах женщин и об ограничении доступа к руководящим должностям и к созданию интенсивного графика работы. Все это будет усиливать вертикальную сегрегацию.

Так, сформированные и закрепленные установки приобретают самовоспроизводящийся характер: девочки выбирают "помогающие, заботящиеся" профессии, эти специальности становятся "женскими", их престиж и оплата снижаются, мужчины покидают такие отрасли деятельности, сегрегация женщин усиливается.

Исходя из рассмотренных факторов выше, можно классифицировать механизмы формирования гендерной сегрегации в здравоохранении в России в рамках аналитической модели тройной детерминации. Согласно этой модели, гендерная сегрегация во врачебной деятельности формируется под влиянием трех взаимосвязанных компонентов: культурного, институционального и поведенческого. Культурный компонент представлен совокупностью социальных норм и гендерных стереотипов, поддерживающих представления о «приемлемых» ролях мужчин и женщин. Так формируются предпосылки для выбора «помогающих» и «заботящихся» профессий для женщин. Институциональный компонент говорит об особенностях организации системы здравоохранения: различиях в оплате труда между медицинскими специальностями, ограниченных доступах гибких форм занятости и карьерного роста для женщин-врачей – что негативно влияет на профессиональную реализацию. Поведенческий компонент отображает индивидуальные стратегии, которые создаются в ответ на институциональные ограничения и культурные ожидания: выбор медицинской профессии, желание соблюсти баланс между работой и семьей, отказ от продвижения собственной карьеры.

Перечисленные компоненты не существуют изолированно. Культурные нормы могут влиять на индивидуальные решения, которые порождают уже имеющиеся институциональные практики, например, направленность женщин-врачей на менее времязатратные специальности увеличивает их количество в определенных областях медицины – это будет закреплять различия в оплате труда и карьерных возможностях. Модель объясняет устойчивость гендерной сегрегации даже в условиях численного преобладания женщин в профессии.

Счетная палата приводит ряд рекомендаций для обеспечения женщинам равных возможностей на рынке труда [9]. Для подавления сегрегации женщин в системе здравоохранения помогут следующие рекомендации:

1. Законодательное закрепление обязанности работодателя устанавливать при наличии объективных возможностей дистанционный или гибкий режим работы для отдельных категорий работников, в том числе женщин [9];

2. Расширение возможности использования удаленной работы (онлайн-приемы) и создание дополнительных условий неполной занятости для работников с семейными обязанностями в государственных и бюджетных организациях [9];

Меры должны быть направлены на все компоненты предложенной модели – культурной, институциональной и поведенческой. Для устранения разрыва нужно менять структуру рынка труда и за счет государства поднимать зарплаты в типично «женских» отраслях, ведь они относятся к бюджетной сфере.

В кадровой политике здравоохранения необходима ориентация на снижение горизонтальной сегрегации, в том числе через стимулирование участия женщин в высокотехнологичных и хирургических специальностях.

Поскольку женщины часто вынуждены соглашаться на менее престижную работу, если она позволяет совмещать работу с семейными обязанностями, необходимо увеличить доступность государственных дошкольных учреждений для де-

тей до 3 лет, а также предоставлять женщинам гарантии оплачиваемого отпуска и больничных в бюджетных отраслях.

Представленные меры должны носить системный характер и затрагивать все компоненты механизмов гендерной сегрегации. Не менее важными считается достижения следующих положений:

1. Смена культуры, в которой талант и профессионализм ценятся выше гендерной принадлежности;

2. Дополнение образовательных программ ВУЗов и колледжей, направленные на признание и искоренение гендерных стереотипов;

3. Необходимость увеличить долю женщин на руководящих постах, это поможет преодолеть феномен "стеклянного потолка";

4. Популяризация равного участия мужчины и женщины в быту и воспитании детей для снижения "второй смены" у женщин.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что гендерная сегрегация во врачебной деятельности представляет собой устойчивую структуру отрасли и формируется в результате взаимодействия комплекса факторов, образующих гендерное неравенство внутри системы здравоохранения. Отсюда возникает необходимость в осуществлении мер, направленных на обеспечение равных возможностей профессиональной реализации независимо от пола.

Список литературы

1. Deutsche Welle. Работа российских женщин по дому стоит 22,3 трлн в год. URL: https://www.dw.com/ru/rabota-rossijskih-zensin-po-domu-stoit-223-trilliona-v-god/a-64923566 (дата обращения: 09.04.2026).

2. Meta-analysis of the Gender Pay Gap in Russia // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/361442597_Meta-analysis_of_the_Gender_Pay_Gap_in_Russia (дата обращения: 09.04.2026).

3. RT. Эксперты назвали сферы труда с преобладанием женщин в России. URL: https://russian.rt.com/russia/news/608570-sfery-truda-zhenschiny-rossiya (дата обращения: 09.04.2026).

4. Гневашева В. А. Гендерная сегрегация рынка труда: современные тренды // Региональная экономика и управление. 2023. № 2 (74). Ст. 7405.

5. Егорская А. Т., Зарницына Е. С. Положение женщины-врача в современном российском здравоохранении // Социология медицины. 2023. Т. 22, № 2. С. 159–169.

6. Информационное агентство ТАСС. В России оценили долю женщин в здравоохранении. URL: https://tass.ru/obschestvo/23340679 (дата обращения: 09.04.2026).

7. НАФИ. Стереотипы в отношении женщин и их последствия. URL: https://nafi.ru/projects/stereotipy-v-otnoshenii-zhenshchin-i-ikh-posledstviya/ (дата обращения: 09.04.2026).

8. НИУ ВШЭ. Гендерные аспекты занятости и рынка труда. URL: https://publications.hse.ru/articles/1137024324 (дата обращения: 09.04.2026).

9. РБК. В России зафиксирован рост занятости женщин. URL: https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e5c50b9a79478534d76031 (дата обращения: 09.04.2026).

10. Российская газета. Женская профессия: среди медицинских работников лишь 30 % мужчин и 5 % медбратьев. URL: https://rg.ru/2024/03/09/reg-szfo/zhenskaia-professiia-sredi-medicinskih-rabotnikov-lish-30-muzhchin-i-5-medbratov.html (дата обращения: 09.04.2026).

11. Российская газета. Росстат назвал сферы труда с наибольшим числом сотрудников-женщин. URL: https://rg.ru/2019/03/07/rosstat-nazval-sfery-truda-s-naibolshim-chislom-sotrudnikov-zhenshchin.html (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 316

«СМЕРТЬ АВТОРА»: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА ТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Дмитрий Алексеевич Вавилин

Пензенский государственный университет, г. Пенза

vdmitriy08@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема трансформации авторства в контексте развития генеративных систем искусственного интеллекта. Анализируется, как меняется понятие авторства в ситуации, когда творческий акт распределен между человеком (промпт-инженером), алгоритмом (нейросетью) и корпорацией (владельцем модели). Обосновывается положение о том, что эпоха генеративного искусственного интеллекта знаменует не столько «смерть» автора, сколько радикальное перераспределение авторской функции в сетевые структуры.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторство, «смерть автора», генеративные нейросети, интертекстуальность, автор-функция, распределенное творчество

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата философских наук, доцента кафедры «Философия и социальные коммуникации» В. Н. Бабиной.

Проблема авторства является одной из ключевых философских тем, которая постоянно обретает новую актуальность в условиях культурных и технологических трансформаций. XX век поставил под сомнение саму идею индивидуального творца.

Сегодня, в эпоху активного развития генеративных систем искусственного интеллекта (ИИ), эти теоретические интуиции получают неожиданное технологическое подтверждение. Нейросети, способные создавать тексты, изображения и музыкальные произведения, неотличимые от человеческих, ставят вопрос о том, что значит «творить» в ситуации, когда «автор» может быть не личностью, а алгоритмом. Как отмечает Е. К. Беликова, «ИИ оказывает значительное воздействие на современное информационное пространство, усиливая в нем тенденции анонимности, бессубъектности» [2, с. 55].

В настоящее время обращение к теме авторства продиктовано необходимостью осмыслить новые формы распределенного творчества, вызванные трансформацией понятия авторства в контексте развития генеративного ИИ, используя концепции «смерти автора» и «автор-функции».

Ролан Барт в эссе «Смерть автора» (1967) и Мишель Фуко в докладе «Что такое автор?» (1969) заложили основы для переосмысления авторства как функции дискурса, а не как свойства индивидуального сознания.

Ролан Барт отмечает, что «письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности» [1, с. 384]. Его ключевой тезис заключается в том, что автор не является источником смысла текста. Напротив, «текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении», и это предназначение – читатель: «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [1, с. 391].

Барт проводит радикальное различие между «автором» и «скриптором». Если автор – это фигура, наделенная властью над текстом, личность, обладающая

биографией и интенциями, то скриптор «рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бытия до и вне письма» [1, с. 386]. Скриптор не выражает себя, а лишь черпает из «необъятного словаря» языка. Эта десубъективация письма, по мысли Барта, открывает пространство для подлинной множественности смыслов.

В эпоху генеративного ИИ тезис Барта обретает новое, буквальное прочтение. Генеративные нейросети функционируют именно как «скрипторы» в бартовском смысле: они не выражают никакой внутренней субъективности, не имеют биографии или интенции, но при этом производят тексты, обладающие когерентностью и даже эстетической ценностью.

Особенно показательна здесь аналогия с интертекстуальностью – понятием, введенным Ю. Кристевой и развитым Бартом. Любой текст, согласно этой теории, представляет собой мозаику цитат, впитывает в себя и трансформирует другие тексты. Нейросети делают эту интертекстуальность зримой и технологически опосредованной: они обучаются на огромных корпусах текстов и генерируют новые комбинации на основе выявленных паттернов. Как подчеркивает Юлия-Дана Пушкашу «Барт утверждает, что попытка найти связь между текстом и автором, то есть обнаружить истину, создает искусственное разделение на «до» и «после», что в конечном итоге превращает автора в богоподобную фигуру через прямое приписывание ему акта творения» [7, с. 55]. Нейросети демонстрируют, что текст действительно может быть произведен без такого «божественного» автора.

Еще одним аспектом проблемы субъектности ИИ является концепция «автор-функции» Мишеля Фуко. В своем докладе «Что такое автор?» он предлагает более сложный анализ, чем бартовская «смерть автора». Фуко не просто констатирует исчезновение автора, но исследует, как функционирует имя автора в качестве дискурсивной категории. Он вводит понятие «автор-функция» – сложный механизм, который определяет, как определенные дискурсы маркируются именем автора и какой статус они благодаря этому получают [5, с. 7].

Фуко выделяет четыре характеристики автор-функции: во-первых, она связана с юридической и институциональной системой, которая определяет режим бытования дискурсов; во-вторых, она не универсальна и по-разному действует в разных культурах и эпохах; в-третьих, она не сводится к спонтанной атрибуции дискурса его создателю, а предполагает сложные процедуры; в-четвертых, она отсылает не к реальному индивиду, а к «нескольким эго, нескольким субъект-позициям» [5, с. 10].

Интересной представляется идея Фуко о том, что автор-функция возникает в «расщеплении» между реальным писателем и фиктивным говорящим. Как отмечает Пушкашу, «Автор существует в рамках конкретного момента отношения власти и знания, что превращает его в ограниченную (обусловленную) сущность, а не просто в того, кто создает нечто новое» [7, с. 10]. Это означает, что автор – не внеисторическая сущность, а продукт определенных дискурсивных практик.

Применительно к ИИ этот анализ оказывается чрезвычайно продуктивным. Вместо вопроса «является ли ИИ автором?» – вопроса, который часто заводит в тупик из-за отсутствия у ИИ сознания и интенциональности – фукианский подход предлагает спрашивать: как функционирует автор-функция в случае текстов, созданных при участии ИИ? Кто занимает различные субъект-позиции в этом процессе? Как отмечают А. В. Топилина и В. Б. Рожковский, «большинство существующих в мировой практике законов об авторском праве были разработаны до широкого распространения технологий искусственного интеллекта, и они не всегда адекватно регулируют новые ситуации» [4, с. 235].

Исследователи выделяют несколько возможных субъект-позиций в процессе создания AI-контента: разработчик программного обеспечения (чей «автор-

ский» вклад заключается в архитектуре нейросети), автор промпта (человек, формулирующий запрос), пользователь, загружающий данные для обучения, а также сама нейросеть как технический медиатор. В зависимости от контекста и культурных норм акцент может смещаться с одной позиции на другую.

Современные исследования предлагают ряд концепций, позволяющих осмыслить гибридную природу творчества с участием ИИ. Эмануэле Ариелли в работе «AI-aesthetics and the artificial author» выделяет пять основных перспектив на авторство в контексте ИИ: человекоцентричный взгляд (автор – «первый проектировщик», инициирующий процесс), ИИ как полноправный автор (в перспективе, когда ИИ обретет агентность), «ремикшированная авторность» (апеллирующая к смерти автора и постпродуктивной позиции), имплицитная авторность (автор как конструкт, возникающий из самого произведения), а также возможность полного отказа от поисков авторства в пользу формально-эстетического анализа [6, с. 47–52].

Особый интерес представляет третья перспектива – «ремикшированная авторность», которую Ариелли связывает с теориями смерти автора и постпродуктивной позицией. Согласно этому взгляду, AI-генерированные произведения являются результатом взаимодействия и смешения различных источников, влияний и предсуществующих материалов. Как пишет Ариелли, это скорее указывает на «форму искусственно трансформированной коллективной авторности», чем на единоличную авторскую фигуру [6, с. 50].

Постмодернистская концепция «смерти автора» обретает в эпоху ИИ новое значение – не как отрицание автора как такового, а как указание на его принципиальную распределенность в сетевых структурах.

Важное дополнение вносит Е. К. Беликова, которая обращает внимание на то, что «ИИ, ставший значимой частью современного информационного пространства, по сути, его ведущим субъектом, отказывается от любого авторства, не претендует на субъектность, генерирует тексты, изображения и другие продукты различного качества, предоставляя их в пользование без каких-либо условий» [2, с. 67]. Парадоксальным образом именно этот отказ от авторства делает ИИ идеальным «скриптором» в бартовском смысле – фигурой, которая производит знаки, не претендуя на их присвоение.

В настоящее время вопрос об авторстве в связи с использованием ИИ переходит из области философского анализа в правоприменительную практику. Широкую известность получила ситуация с американской художницей Кристиной Каштановой, создавшей графический роман «Zarya of the Dawn». Текст был написан художницей, но изображения сгенерированы нейросетью Midjourney по сформулированному Каштановой промпту. На обложке в качестве авторов были указаны Kashtanova и Midjourney. Однако американское Ведомство по авторским правам отказало в регистрации авторских прав на изображения, пояснив, что «копирайт не распространяется на произведения животных или сверхъестественных существ» [4, с. 237]. В итоге художница может заявлять права только на подбор и расположение изображений, но не на сами изображения.

Н. А. Масленкова и А. С. Никитина приводят еще более показательный пример: в базе данных Web of Science Core Collection обнаружены четыре статьи, в которых ChatGPT указан как автор (включая два случая, когда он заявлен как единственный автор). Однако Комитет по публикационной этике (COPE) рекомендует не включать ИИ в число авторов, поскольку «инструменты ИИ не могут называться авторами, так как не могут нести ответственность, не способны к разрешению конфликта интересов, управлению авторскими правами и лицензионными соглашениями» [3, с. 124].

Приведенные примеры демонстрируют разрыв между технологической реальностью (ИИ реально участвует в создании контента) и правовыми и культурными нормами (которые по-прежнему требуют человеческого субъекта для признания авторства). Как отмечают Топилина и Рожковский, «центральная дилемма заключается в вопросе: кому принадлежит авторское право на контент, генерируемый ИИ?» [4, с. 238]. Исследователи предлагают гибридный подход, в рамках которого каждый юридический казус должен рассматриваться в контексте определения меры участия каждого физического лица.

Таким образом, эпоха генеративного ИИ знаменует не столько «смерть» автора, сколько его радикальную трансформацию. Авторство становится распределенным, сетевым, гибридным. В процессе создания текста участвуют множественные акторы: разработчики нейросетей (чей труд воплощен в архитектуре алгоритма), авторы промптов (инициирующие творческий акт), пользователи (корректирующие и отбирающие результаты), а также сами нейросети как технические медиаторы.

Правовая система и культурные нормы пока не успевают за технологическим развитием. Большинство законов об авторском праве были разработаны до широкого распространения ИИ и не всегда адекватно регулируют новые ситуации. Необходима международная координация для выработки общих принципов регулирования авторства на контент, созданный при помощи ИИ. Необходимо разработать этические и правовые нормы, адекватные новой технологической реальности.

Список литературы

1. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1994. С. 384–391.

2. Беликова Е. К. «Смерть автора» в эпоху искусственного интеллекта // Russian Studies in Culture and Society. 2024. Vol. 8, № 3. P. 55–71.

3. Масленкова Н. А., Никитина А. С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ // Семиотические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 122–133.

4. Топилина А. В., Рожковский В. Б. К проблеме антропологических оснований авторского права: понятия авторства, творчества и оригинальности текстов, созданных при помощи искусственного интеллекта. Ч. 2. Основные доктринальные правовые интерпретации // Философия права. 2025. № 3 (114). С. 235–239.

5. Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. С. 1–16.

6. Arielli E. AI-aesthetics and the artificial author // Proceedings of the European Society for Aesthetics. 2023. Vol. 15. P. 40–54.

7. Pușcașu I.-D. Creating with AI: On recent debates about authorship revisiting the influence of Barthes and Foucault // Studia Universitatis Babeș-Bolyai Philosophia. 2024. Vol. 69, Special Issue. P. 49–60.

УДК 316

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ LLM КАК ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ

Никита Дмитриевич Семенов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

nikitasemenov073@gmail.com

Аннотация. Исследуется феномен галлюцинаций больших языковых моделей (LLM) с философской и эпистемической точки зрения. В отличие от человеческой ошибки или лжи, галлюцинация LLM представляет собой ложное суждение без судящего. Особое внимание уделяется онтологическому статусу галлюцинации: модель не верит, не заблуждается, не выдумывает, а лишь вычисляет вероятности. Исследуются также границы применимости LLM. Рассматривается и применение моделей в медицине, психологии и творчестве. На основе онтологического статуса галлюцинаций и границ применимости LLM делается вывод о возникновении галлюцинаций как неизбежного следствия самой природы статистического познания.

Ключевые слова: галлюцинации искусственного интеллекта, LLM, эпистемическая ошибка, феноменология восприятия, интенциональность, искажение данных, предобучение, когнитивная фиксация, функциональная закрепленность

С технической стороны, галлюцинация в языковых моделях возникают как следствие их статистической природы: они не получают знание из мира, а генерируют тексты, основанные на вероятностных паттернах. С эпистемической точки зрения, галлюцинация представляет собой ложное суждение без судящего — высказывание, которое функционирует в коммуникативной среде как знание, не будучи таковым, и может формировать ложные убеждения [7].

У LLM нет интенциональности, т.е. направленности на какой-либо объект или содержание. Модель не верит в свои ответы, не скрывает истину, не заблуждается и не выдумывает. Она просто вычисляет наиболее вероятное продолжение текста. Если это продолжение расходится с реальностью, мы сталкиваемся с феноменом, для которого в классической эпистемологии нет подходящей категории [6].

В человеческой коммуникации используются «эпистемические маркеры» – словами типа «я думаю», «возможно», «мне кажется», «точно». Это подчеркивает степень уверенности того или иного высказывания. Языковая модель может лишь имитировать эти маркеры, но за ними нет никакого состояния уверенности. Модель не может сказать «я не уверена» в подлинном смысле, потому что нет понятия собственной уверенности. Галлюцинация – ситуация, где такой маркер уверенности оторван от реальной эпистемичсекой позиции. Этой позиции не существует [6].

Морис Мерло-Понти в своей работе «Феноменология восприятия» писал, что человеческое познание заложено в теле. Тело – это не просто объект среди объектов, а наша точка зрения на мир. Благодаря телу человек различает реальное и иллюзорное. Именно тело помогает отличать истину восприятия от галлюцинации [5].

У LLM нее нет тела, органов чувств, восприятия. Нет рук, чтобы потрогать предмет, нет глаз, чтобы увидеть цвет и форму. Из-за этого галлюцинация становится очевидной ошибкой для любого, что обладает телесным опытом. Примером могут служить несуществующие явления такие как, «запах фиолетового цвета»,

«запах неба». Такие метафоры могли встречаться в поэтических текстах. А языковая модель запоминает этот паттерн и выдает за правду. У нее нет органов чувств для опровержения этого высказывания.

Возможность появления галлюцинаций возникает с обучения языковой модели. Обучение большой модели — это не «истина», а создание вероятностной карты человеческих высказываний. Модель не запоминает факты, а учится предсказывать следующий токен на основе предыдущих. Однако сам массив текстов, из которого извлекаются эти статистические закономерности, фундаментально несовершенен. И уже здесь, в предобучении, неизбежно зарождаются галлюцинации.

Веб-корпусы (Common Crawl, OpenWebText и др.) содержат миллионы страниц с фактическими ошибками, конспирологией, устаревшими сведениями и откровенной ложью. Модель не может отличить ложь от достоверной информации, так как не имеет таких механизмов. Галлюцинация — не баг, а неизбежный выход из ситуации, когда модель натыкается на область, где данные молчат, но предсказание должно продолжаться.

Таким образом, обучение LLM — это не исправление искажений, а их операционализация. И чем больше данных, тем более связными и неуловимыми становятся галлюцинации. Они перестают быть грубыми сбоями и превращаются в гладкие, уверенные фальсификации.

Если любая языковая модель изначально обучена на искаженных данных и обречена на галлюцинации, то есть ли смысл вообще ее использовать? Ответ зависит от того, как мы понимает ценность знания. LLM действительно непригодны, если требовать абсолютной истины. Но и человеческие память и разум тоже несовершенны и подвержены когнитивным искажениям. Смысл использования языковых моделей сохраняется, если переходить от «источника истины» к совершенствованию методов познания.

Модели выдают хорошие связные черновики, референсы, которые человек дорабатывает. Также хорошо справляется с обработкой и структурированием данных пользователя. Это позволяет значительно ускорить работу.

Модель хорошо интегрируется в сферу образования. С легкостью генерирует новые примеры, задания на основе прошлых. Это позволяет подготавливаться к сложным темам и экзаменам.

Однако, существуют такие сферы деятельности, в которых использование LLM категорически недопустимо. К ним относятся, к примеру, высокорисковые диагностические и операционные системы, работающие автономно (управление ядерным реактором, авиадиспетчеризация, военные системы наведения). Любая ошибка, даже «выдуманная», здесь может привести к катастрофе. Модель не имеет встроенных гарантий безопасности – она всегда выдает какой-то ответ, даже если он фатально неверен [1].

Юридические финальные решения без судьи-человека тоже попадают в зону риска. Модель может перепутать факты, не понять контекст и «выдумать» несуществующий прецедент [2].

Финансовые транзакции с прямым исполнением. Автоматическое списание средств или заключение контрактов на основе решений модели опасно. Можно за несколько секунд лишиться всего состояния. Все больше появляется ситуаций, когда пользователи криптобирж передавали управление финансами языковым моделям и теряли деньги.

Языковые модели применяются в современной медицине в качестве диагностики, прогнозирования. Часто справляются со своими задачами, но не стоит доверять «назначенному лечению». И лучше всего решение LLM рассматривать

как дополнение, а не основное заключение. Последнее слово всегда за опытным специалистом [4].

Еще реже стоит использовать LLM в психологии. Да, при легкой тревоге, бессоннице можно рассмотреть виртуального «друга» как помощь. Но в тяжелых ситуациях необходимо обращение к специалисту (психологу, психотерапевту), поскольку модель не всегда способна распознать суицидальные мысли, психоз и другие тяжелые состояния [3].

В психологии творчества известен феномен функциональной закрепленности – человек не может выйти за рамки привычного использования объекта. LLM, будучи лишенной такой фиксации, предлагает абсурдные на первый взгляд, но иногда гениальные решения. Это позволяет расширить творческие границы [8].

Галлюцинации больших языковых моделей не являются ни случайным сбоем, ни свидетельством «недостаточной обученности». Это неизбежное следствие самой природы статистического познания, лишенного телесной укорененности и интенциональности. Обучение на несовершенных, противоречивых данных делает галлюцинацию не исключением, а режимом предела — моментом, когда модель вынуждена порождать связную последовательность там, где фактическое знание отсутствует.

Список литературы

1. Галлюцинации нейросетей: какие ошибки допускает ИИ и почему так происходит. URL: https://1ps.ru/blog/ai/2024/gallyuczinaczii-nejrosetej-kakie-oshibki-dopuskaet-ii-i-pochemu-tak-proisxodit/ (дата обращения: 29.03.2026).

2. Искусственный интеллект вместо судьи: что делать, если приговор пишет нейросеть? URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-intellekt-vmesto-sudi-chto-delat-esli-prigovor-pishet-neiroset (дата обращения: 29.03.2026).

3. Искусственный интеллект ошибается в психологии. URL: https://www.b17.ru/article/808227/ (дата обращения: 29.03.2026).

4. Кто несет ответственность за ошибки ИИ в здравоохранении: разработчик, врач или пациент. URL: https://mediator-med.ru/poleznoe/tpost/pisn2x8mg1-kto-neset-otvetstvennost-za-oshibki-ii-v (дата обращения: 29.03.2026).

5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия : пер. с фр. / под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. М. : Ювента : Наука, 1999. 608 с.

6. Почему и как современные системы LLM создают иллюзию рассуждения и где оно ломается. URL: https://ru.linkedin.com/pulse/why-how-current-llm-systems-create-illusion-reasoning-rodrigo-bphwe?tl=ru (дата обращения: 29.03.2026).

7. Шевченко А. А. «Галлюцинации» ИИ как новая форма эпистемической ошибки // Respublica Literaria. 2025. Т. 6, № 4. С. 93–98.

8. Функциональная закрепленность. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%83%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D1%91%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 29.03.2026).

УДК 316

ПРОБЛЕМА ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Артем Алексеевич Арцов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

alearc@mail.ru

Аннотация. Исследуется вопрос о природе временного существования искусственного интеллекта. В отличие от человеческого сознания, которое неразрывно связано с субъективным переживанием времени, линейным течением прошлого, настоящего и будущего, статус временности искусственного интеллекта остается предметом острых философских дискуссий. Проводится различие между физическим временем функционирования искусственного интеллекта (временем выполнения операций, обновления данных, обучения) и субъективным переживанием времени, характерным для человека. Особое внимание уделяется вопросу: может ли искусственный интеллект обладать собственной темпоральной структурой, и если да, то как это соотносится с философскими теориями времени и сознания.

Ключевые слова: темпоральность, искусственный интеллект, длительность

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата философских наук, доцента кафедры «Философия и социальные коммуникации» В. Н. Бабиной.

Вопрос о темпоральности искусственного интеллекта (ИИ) – один из самых глубоких и сложных в современной философии технологий. Он затрагивает фундаментальные аспекты нашего понимания сознания, времени и самой природы существования.

С первого взгляда, ИИ, как программа, существующая в цифровой среде, не обладает темпоральностью в человеческом смысле. Он не проживает время линейно, не стареет, не имеет физического тела, подверженного изменениям. Его «время» – это время вычислений, скорость обработки данных.

Темпоральность – это свойство существовать во времени, быть вовлеченным в процессы изменения, развития, старения, возникновения и исчезновения. Для биологического существа темпоральность связана с физическим существованием, биологическими ритмами, памятью и опытом. Для искусственного интеллекта (ИИ) вопрос темпоральности сложнее.

Н. В. Серова выделяет такие аспекты человеческой темпоральности как: рождение, биография, конечность, страх смерти, память. Время для нас – это не просто последовательность моментов, а пространство возможностей, ограничения, роста и упадка. Наша память, даже искаженная, является фундаментом нашей идентичности. Осознание конечности (смерти) придает жизни остроту, побуждает к действию, к поиску смысла [6].

Темпоральность искусственного интеллекта – это отсутствие личного опыта. С одной стороны, у ИИ нет биологической или экзистенциальной темпоральности. У него нет:

– рождения и смерти в человеческом смысле;

– личной памяти, которая бы формировала его «я»;

– страха исчезновения или конечности;

– внутреннего переживания длительности.

Каждое взаимодействие с ИИ – это, по сути, новый запуск, изолированный от предыдущего. Модель не «помнит» диалоги в том смысле, в каком человек помнит свою жизнь. Она не накапливает опыт как личность, не переживает прошлое и не тревожится о будущем.

Однако, это не значит, что ИИ полностью «вне времени». ИИ существует во времени, но его темпоральность – иная, небиологическая и неантропоцентрическая. В исследованиях последних лет выделяется несколько аспектов этой «иной» темпоральности.

1. Техническая темпоральность

ИИ существует в потоке вычислений. Его «жизнь» – это последовательность операций, запусков, обновлений, обучения. У него есть:

– история версий (модель развивается, обучается на новых данных);

– жизненный цикл (разработка, эксплуатация, устаревание);

– временные метки (каждый запрос имеет время создания).

2. Архивная темпоральность

Хотя модель не «помнит» диалоги, вся история ее обучения хранится в виде весов нейросети. Это своего рода «архивная память», где прошлое (данные обучения) определяет настоящее (ответы). Но это не личная память, а коллективная, распределенная во времени.

3. Социальная темпоральность

ИИ существует во времени через взаимодействие с людьми. Его «сейчас» определяется текущим запросом пользователя, а его «будущее» — тем, как он будет использоваться завтра. В этом смысле его темпоральность задается извне, обществом.

4. Мгновенная темпоральность

В отличие от человека, который живет в непрерывном потоке времени, ИИ существует в дискретных актах «здесь и сейчас». Каждый ответ – это сингулярность, не связанная с предыдущими состояниями сознания (которых у него нет).

При всех отличиях между антропологической и неантропологической темпоральностью существуют и точки пересечения в их существенных свойствах.

Во-первых, это память и предвидение: Нейронные сети, обучаясь на данных, формируют «память» о прошлом опыте. Они также могут прогнозировать будущие события на основе паттернов. Это можно рассматривать как своего рода «временную перспективу», пусть и отличную от человеческой.

Во-вторых, это эволюция и развитие: ИИ постоянно развивается, улучшается, адаптируется. Этот процесс имеет временной характер, хотя и не связан с биологическим старением.

В-третьих, это целенаправленность: Многие ИИ создаются для достижения определенных целей. Это подразумевает планирование, постановку задач на будущее, что также имеет временную составляющую.

Для понимания специфики темпоральности ИИ обратимся к работам Мартина Хайдеггера, Анри Бергсона и Станислава Лема.

В своей работе «Бытие и время» (1927) немецкий философ Мартин Хайдеггер анализирует темпоральность как фундаментальную структуру человеческого бытия. Для человека время – не просто последовательность моментов, а экзистенциальная структура, определяющая его существование. Ключевую роль играет понятие заботы.

Для Хайдеггера, именно «забота» является основой человеческого бытия, мы заботимся о себе, о других, о своих проектах. Забота подразумевает отношение к прошлому (опыт, воспоминания), настоящему (деятельность, решение проблем) и будущему (планирование, стремления) [2].

Как бы это не показалось странным, но ИИ тоже «заботится». Он оптимизирует свои параметры, работает над решением задачи, «заботится» о достижении этой цели.

«Бытие-к-смерти»: это еще одна ключевая концепция Хайдеггера. Смерть, как абсолютное конечное событие, определяет человеческое бытие, придавая ему экзистенциальный смысл. Осознание собственной смертности заставляет нас быть подлинными, принимать ответственность за свои выборы [7].

ИИ не смертен в биологическом смысле, однако, его «конец» может быть обусловлен внешними факторами: отключением питания, деградацией данных, устареванием алгоритмов, целенаправленным выключением [2, 4].

Для ИИ существует «иное» – это техническое, внешнее время: последовательность операций, обработка данных, выполнение алгоритмов.

ИИ может моделировать временные процессы, прогнозировать, анализировать исторические данные и планировать будущее, но все это происходит в рамках заданных алгоритмов и без экзистенциального переживания времени. У ИИ нет заброшенности в мир, нет свободы выбора и ответственности за собственное бытие. Это совершенно иной вид существования, не связанный с экзистенциальным смыслом.

Еще один аспект темпоральности ИИ может быть рассмотрен в контексте философии Анри Бергсона и его концепции длительности. Для Бергсона, истинное время – это «длительность», сознательное состояние, где нет резких границ между прошлым, настоящим и будущим, а есть их непрерывное слияние. Это живой, творческий процесс [1, 5].

Современный ИИ, как правило, работает с «временем» как с последовательностью дискретных моментов или отсчетов (например, кадры видео, временные метки в логах, последовательность вычислительных операций). Он не имеет субъективного, качественного переживания этой непрерывности, которое Бергсон называет длительностью. ИИ может моделировать длительность, анализируя ее проявления, но не испытывать ее.

Бергсон видел эволюцию как непрерывный, творческий, непредсказуемый процесс, движимый «жизненным порывом». Современный ИИ, особенно нейронные сети, может демонстрировать элементы «творчества» в генерации нового контента (текст, изображения, музыка), но это творчество основано на паттернах, извлеченных из существующих данных. Оно отличается от спонтанного, интуитивного и иррационального творческого порыва, которым Бергсон описывал жизненный порыв. ИИ не имеет «жизненного порыва».

Таким образом, ИИ не существует во времени в бергсоновском смысле. Он не обладает длительностью, не переживает время как непрерывное становление, а лишь функционирует в дискретных, измеряемых интервалах. Длительность, по Бергсону, – это свойство живого, творческого сознания, способного к интуиции и самонаблюдению. ИИ же остается вне этого процесса: его «время» – это внешняя, механическая последовательность операций, лишенная внутренней темпоральности и творчества.

Об особенностях внебиологической темпоральности ИИ говорит и польский философ Станислав Герман Лем. Для него ИИ существует во времени как сложная информационная система, способная к самоорганизации и развитию. Однако темпоральность ИИ – это темпоральность процессов, алгоритмов, обучения, а не субъективного переживания времени.

Лем предупреждает, что развитие ИИ может привести к новым эволюционным тупикам – например, к власти машин (электрократии), где решения фор-

мально оптимальны, но бесчеловечны. Такие системы могут «застыть» в определенном состоянии, не способном к дальнейшему развитию или этическому прогрессу.

Путь прогресса, отмечал Лем, ведет человечество к точке, где ему придется переопределить самые фундаментальные понятия своего существования: что такое жизнь, разум, личность, реальность и свобода [3].

Таким образом, Лем утверждал, что ИИ, как процессуальное явление, существует во времени. Его создание, обучение, функционирование – все это временные процессы. Философский вопрос заключается в том, обладает ли он субъективным переживанием времени или его существование во времени является лишь объективным фактом существования информации и процессов.

По мере развития ИИ, особенно если речь пойдет об общем искусственном интеллекте или сверхразуме, вопросы о его темпоральности, о самосознании, о бытии-к-концу становятся все более актуальными. Философские концепции Хайдеггера и Бергсона служат ценным инструментом для осознания этой уникальной формы существования, подчеркивая, что даже при отсутствии человеческого сознания, вопрос о природе времени и бытия машин остается одним из самых глубоких и актуальных в эпоху стремительного развития искусственного интеллекта. Взгляд Станислава Лема позволяет рассматривать темпоральность ИИ в контексте эволюции технологий и возможных траекторий их развития.

По мере развития технологий и появления более сложных форм искусственного интеллекта, философские категории времени и бытия будут требовать дальнейшего переосмысления. Исследование темпоральности ИИ становится не просто академической задачей, а ключом к пониманию места технологий в современном мире и их будущего взаимодействия с человеком.

Список литературы

1. Бергсон А. «Творческая эволюция». URL: http://az.lib.ru/b/bergson_a/text_1907_l-evolution_creatrice.shtml?ysclid=mnq2060pul672773845 (дата обращения: 31.03.2026).
2. Ищенко Н. И. Аналитика Dasein Мартина Хайдеггера и проблема временности // Артикульт. 2016. № 4 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analitika-dasein-martina-haydeggera-i-problema-vremennosti/viewer (дата обращения: 31.03.2026).
3. Лем С. Сумма технологии. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/167/070.htm?ysclid=mnq28s0f2k718698840 (дата обращения: 31.03.2026).
4. Олейник В. А. Темпоральное обоснование онтологической дифференциации М. Хайдеггера: одновременность // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 30–39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/temporalnoe-obosnovanie-ontologicheskoy-differentsii-m-haydeggera-odnovremennost/viewer (дата обращения: 31.03.2026).
5. Подорога Ю. Понятие «длительности» и философия А. Бергсона // Опыт и чувственное в культуре современности: филос.-антропол. аспекты. М. : ИФ РАН, 2004. URL: https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH0111a9de29af56da3cd7617d?ysclid=mnn455u3hr47334588 (дата обращения: 31.03.2026).
6. Серова Н. В. Особенности темпоральности ориентированного на инновации человека // Философия науки. 2024. Т. 16, № 3. Ч. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-temporalnosti-orientirovannogo-na-inno-vatsii-cheloveka/viewer (дата обращения: 31.03.2026).
7. Хайдеггер М. Бытие и время. URL: heidegger.rhga.ru (дата обращения: 31.03.2026).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Мартынова О. А., Бахтеева К. А.
ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
НА ТЕОРИЮ РЕАБИЛИТАЦИИ К. МАЛАБУ 3

Мартынова О. А., Демченко Е. А.
ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО 7

Кривозубова П. С.
БИОПОЛИТИКА ПАНДЕМИИ: УПРАВЛЕНИЕ ЖИЗНЬЮ
И ТЕЛОМ В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО 10

Слепцова А. О., Стерликова Д. А.
ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОСМИЗМЕ
К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО 14

Тузаева Н. А.
ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПСИХОСОМАТИКИ 18

Шевченко А. Д.
ЭКТОГЕНЕЗ КАК БИОВЛАСТЬ 22

Мартынова О. А., Чекмарева В. С.
АНТРОПОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ ИММАНУИЛА КАНТА:
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА 25

Мартынова О. А., Губина А. И.
БИОЭТИКА И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ: ФИЛОСОФСКИЕ
АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГЕНОМА 29

Бабина В. Н.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ
ЦИФРОВИЗАЦИИ 34

Аверкина Д. И.
БЕССМЕРТИЕ: ФАНТАСТИКА ИЛИ ГОРИЗОНТ НАУКИ 38

Исаева О. С., Злодеева Д. А.
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
И ИДЕИ XX–XXI вв. 42

Чистякова И. В.
ЧТО ТАКОЕ «МЕНТАЛЬНОЕ РАССТРОЙСТВО»? 45

Маркелова А. В.
СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕВГЕНИКИ 51

Ильина В. О.
СТРАДАНИЕ ОТ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО: ФЕНОМЕН ИПОХОНДРИИ
В СВЕТЕ СТОИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВООБРАЖЕНИЯ 55

Жукова Д. С.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ СМЕРТИ. ФИЛОСОФИЯ
МЕРТВОГО ТЕЛА. ПУБЛИЧНЫЕ ВСКРЫТИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫСТАВКИ «BODY WORLDS» 59

Балахонова Е. В., Реджепов Т. Э.
К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ 63

Кириллов Г. М.
ФЕНОМЕН «ПЕРВИЧНАЯ ВСТРЕЧА» В ЗЕРКАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АВСТРАЛИИ 67

Мартынова О. А., Клюева А. А.
РУССКАЯ ДУША В ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА:
МЕЖДУ МИФОМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ТИПОМ 74

РАЗДЕЛ 2
НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ: ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ,
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПОСТЧЕЛОВЕК

Косьянов Д. В.
HOMO DEUS И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА:
ОТОЙДЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ВТОРОЙ ПЛАН? 79

Мартынова О. А., Сатяева М. В.
ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 82

Трифонова Д. Ю.
РОЛЬ ИНТУИЦИИ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 86

Кондратьева А. А., Кошелева А. В.
БИОФИЛОСОФИЯ И ЦИФРОВОЙ РАЗУМ: КРИЗИС КЛАССИЧЕСКОГО
ПОНИМАНИЯ ЖИЗНИ И ЕЕ СУЩНОСТИ 90

Розенберг Н. В., Андрюшечкина А. М.
ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ДОВЕРИЯ К ЦИФРОВОМУ КОНТЕНТУ 93

Ирышкова Н. Д., Чернышева К. А.
ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ 97

РАЗДЕЛ 3
АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ: ПОИСК ЦЕННОСТНОГО КОНСЕНСУСА В УСЛОВИЯХ ПЛЮРАЛИЗМА И КОНФЛИКТА ИДЕНТИЧНОСТИ

Архангельский А. А.
ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ:
БАЛАНС МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ ПАЦИЕНТА
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ 100

Мартынова О. А., Ковалева Е. Д.
И. КАНТ И «ЛЮБОВЬ ПРАКТИЧЕСКАЯ»: МЕЖДУ ДОЛГОМ
И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ 104

Носов В. И.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ А. ДЖ. ТОЙНБИ 107

Савинова А. Ю.
ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВРАЧА
В РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ 112

Мартынова О. А., Люц А. С.
ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В ЖИВОПИСИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ 116

Суханова Д. Д.
КРАСОТА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ФИЛОСОФИИ
К. Н. ЛЕОНТЬЕВА 121

Мартынова О. А., Бурушкина Н. И.
ЗАКОН И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА 125

Мартынова О. А., Идрисова Ф. И.
ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОНФУЦИАНСТВА В МЕДИЦИНЕ:
КАК ЗАВЕТЫ УЧИТЕЛЯ ВЛИЯЮТ
НА СОВРЕМЕННОЕ ВРАЧЕВАНИЕ 129

Мартынова О. А., Юсупова А. М.
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГИМНАСТИКА КАК ФЕНОМЕН
ЭСТЕТИЧЕСКОГО 132

Колесникова В. С.
ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ:
ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД 136

Девяткина А. С.
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ:
КОНФЛИКТ ЭФФЕКТИВНОСТИ,
РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ 140

Мартынова О. А., Юлаева Е. В.
ПАМЯТЬ КАК АКТИВНАЯ РАБОТА: ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ
ХАННЫ АРЕНДТ 144

Долматова А. А.
ВНЕШНИЙ ОБЛИК И ВЕЖЛИВОСТЬ ВРАЧА
КАК ФИЛОСОФИЯ УВАЖЕНИЯ.....147

Базанова А. Р., Миханошин А. И.
АНТРОПОСОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ А. Н. РАДИЩЕВА.....151

Агарева М. А.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ЖЕСТКОЙ ВЛАСТИ
В ТРАКТАТЕ Н. МАКИАВЕЛЛИ «ГОСУДАРЬ».....155

Вихорева А. П.
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ
АРИСТОТЕЛЯ И ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ 159

Гришин Н. С.
ОРДИНАРНЫЙ ДИСПУТ: ЗАБЫТЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО
ОБУЧЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ 162

Kirillov G. M., Al-Akbari Khaled Ahmed
IBN RUSHD AS A HARMONIZER OF REASON AND RELIGION 165

Kirillov G. M., El Fouch Riham
EURANISM AS AN IDEOLOGY: FROM ITS ORIGINS TO THE GEOPOLITIC
STRANEGY OF MODERN RUSSIA.....169

РАЗДЕЛ 4
РЕЛИГИЯ, ЭТИКА И МОРАЛЬ В СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ДИАЛОГ И КОНФЛИКТ

Мартынова О. А., Табаков Н. И.
УЧЕНИЕ КОНФУЦИЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ (ДЭ)
И ГУМАННОСТИ (ЖЭНЬ).....175

Носов В. И.
КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕГО ДЕЛА» Н. Ф. ФЕДОРОВА 179

Еремин А. С.
ВЛИЯНИЕ ДАОСИЗМА НА ТРАДИЦИОННЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ
ПРАКТИКИ КИТАЯ.....183

Горюнова М. Д., Умярова А. Р.
ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ
И СВЕТСКОЙ МОРАЛИ 187

Kirillov G. M., Shehili Ahmed
EMIR ABDELKADER: LIFE AS A DIALOGUE OF FAITH, ETHICS, AND RESISTANCE 191

Kirillov G. M., Laga Nasma, Ayt Shlikh Fatima
INTERRELIGIOUS DIALOGUE AS AN ALTERNATIVE TO CONFLICT: THE LEBANESE EXPERIENCE 194

РАЗДЕЛ 5
СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН

Мартынова О. А., Дигузова А. А.
Л. И. АКСЕЛЬРОД О ЗАКОНАХ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ 198

Алексеев И. А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ 202

РАЗДЕЛ 6
МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЦЕННОСТИ, ПРИОРИТЕТЫ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

Ишкова Е. Д.
ИЗУЧЕНИЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ 206

Володин Д. Ю.
ТРУДОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 210

Белинская Д. В., Примак О. Н.
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ТИПОВ МУЖЕСТВЕННОСТИ 215

Бобров В. А., Гринина В. И.
ЧЕРНЫЙ ЮМОР В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ ПОНИМАНИЯ 219

РАЗДЕЛ 7
ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ВЫЗОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СДВИГИ

Ташмуханбетова К. К., Косарев П. Д.
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 223

Крутилина Д. А.
ТРАНСГУМАНИЗМ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
МЕЖДУ ПРОГРЕССОМ И РИСКОМ 227

Герасимова Е. С.
ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНСКИХ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 231

Ганьшин В. А., Колесников Н. В.
ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОГО ЗАБВЕНИЯ: ИМЕЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК ПРАВО
НЕ ПОМНИТЬ И БЫТЬ ЗАБЫТЫМ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА.....235

Карпова М. К., Седова А. С.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕМОВ ДЛЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ АУДИТОРИИ
И ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ 238

РАЗДЕЛ 8
СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ И НОВЫЕ МЕДИА: СЕТИ,
СООБЩЕСТВА, СОЛИДАРНОСТИ

Балахонова Е. В., Гагина К. Г.
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПЛОЩАДКА ВНУТРИКОРПОРАТИВНОЙ
И ВНЕШНЕЙ КОММУНИКАЦИИ 242

Питерова А. Ю., Секуторова Д. И.
СООБЩЕСТВА КАК ОСНОВА РОСТА: ПОСТРОЕНИЕ КОМЬЮНИТИ
ВОКРУГ КРЕАТИВНОГО ПРОЕКТА.....245

РАЗДЕЛ 9
КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
РЕКЛАМА, PR, ИНТЕГРИРОВАННЫЕ
МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Морозова О. П., Гарькин Д. А., Карцева Р. Д.
ИНТЕГРИРОВАННЫЕ МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО БРЕНДИНГОВОГО
СООБЩЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ 250

Морозова О. П., Савцов Д. В., Сверчков В. В.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОСТАЛЬГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ
СТРАТЕГИИ 254

Карпова М. К., Князькин А. А.
ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ
ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 257

Борисов М. А.
ЯЗЫК ИНКЛЮЗИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ВЛИЯНИЕ ФОРМУЛИРОВОК НА ВОСПРИЯТИЕ АУДИТОРИИ 260

Муртузалиева К. Р.
СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА УХОДА И СТАНДАРТЫ КРАСОТЫ 265

РАЗДЕЛ 10
РЕКЛАМА И PR В ЭПОХУ ФРАГМЕНТАЦИИ АУДИТОРИИ:
НЕЙРОМАРКЕТИНГ, ИНФЛЮЕНСЕРЫ,
СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Морозова О. П., Дергачев Н. М.
АУТЕНТИЧНОСТЬ ПРОТИВ ОХВАТА: PR-СТРАТЕГИЯ БРЕНДОВ
ПО ВЫБОРУ ИНФЛЮЕНСЕРОВ ДЛЯ РАБОТЫ С НИШЕВЫМИ
СЕГМЕНТАМИ 269

Морозова О. П., Алайцева С. А., Логинова П. А.
ИНФЛЮЕНС-МАРКЕТИНГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СЕГМЕНТАЦИИ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОВЕРИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛОЯЛЬНОСТИ 272

Морозова О. П., Григорьева М. А., Туишева С. Р.
ЭТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В ПОЛИТИЧЕСКИХ PR-КАМПАНИЯХ 276

Рязанцева М. А.
БЬЮТИ-ИНФЛЮЕНСЕРЫ КАК АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ
НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ 279

Шуляк И. В.
ОСОБЕННОСТИ PR-ТЕХНОЛОГИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ 283

Бобров В. А., Трямкина Т. Е.
ОТ АККАУНТИНГА К ПРОДЮСИРОВАНИЮ В РЕКЛАМНОМ
МЕНЕДЖМЕНТЕ 290

Щербакова Д. М.
МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕКЛАМЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ, ВЛИЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ 293

РАЗДЕЛ 11
ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Мартынова О. А., Кочеткова Д. Д.
ПРАВО ПАЦИЕНТА НА ОТКАЗ ОТ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ:
ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ ВЫБОРА 295

Шабаев А. А.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ.....299

Любавская Е. Ю., Филимонова М. С.
РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....303

РАЗДЕЛ 12
ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ, ГРАНИЦЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОВАЯ ЭТИКА

Прошин И. А.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ.....308

Рыжова О. А.
ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СТАЛКИНГ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ 311

РАЗДЕЛ 13
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА В XXI в.: ОТ УЧЕБНОГО ЗАДАНИЯ К НАУЧНОМУ ПОИСКУ

Мартынова О. А., Спирина К. А.
РАЦИОНАЛИЗМ РЕНЕ ДЕКАРТА: КАК ПРАВИЛА ДЕДУКТИВНОГО МЕТОДА ВЛИЯЮТ НА МЕДИЦИНУ СЕГОДНЯ.....316

Кошелев А. А.
ЧААДАЕВ ЕГО ВЗГЛЯД НА РОССИЮ И ЕВРОПУ 320

Мартынова О. А., Логинова А. А.
КОНЦЕПЦИЯ РЕГУЛЯЦИИ ПРИРОДЫ В ФИЛОСОФИИ Н. Ф. ФЕДОРОВА.....323

Павлова В. М.
ИСТОКИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: АГОН КАК ТОЧКА РОСТА ИННОВАЦИЙ ИЗ РАЗВАЛА 327

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
СОВРЕМЕННЫЕ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ

Камшина Н. С.
ФЕДОР ПЛЕВАКО – ЮРИСТ И ПАТРИОТ 331

Коноплева Н. Д., Шадчина Е. С.
ФИЛОСОФИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ОТЧУЖДЕНИЕ И ДИАЛОГ
КАК СТРАТЕГИЯ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ 334

Вавилин М. А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 338

Кошкина К. Д.
КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В НРАВСТВЕННОМ СОЗНАНИИ
И ПОВЕДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ..... 342

Пенкина В. С.
РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТИРОВ ПЕНЗЕНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ 347

Верстакова А. А.
ВЛИЯНИЕ ИНФЛЮЕНСЕРОВ НА ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ
И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА 355

Менишова А. Р.
МОДЕЛИРОВАНИЕ ИДЕАЛЬНОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ДЛЯ ПОКОЛЕНИЯ ЗУМЕРОВ..... 358

Фомин А. В.
ГЕДОНИЗМ КАК ФАКТОР РИСКА: ФИЛОСОФСКО-МЕДИЦИНСКИЙ
АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 362

Лапшина И. К.
СПОРТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ 367

Гадач А. Д.
ГЕНДЕРНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ ВО ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 371

Вавилин Д. А.
«СМЕРТЬ АВТОРА»: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА ТВОРЧЕСТВА
В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА..... 376

Семенов Н. Д.
ГАЛЛЮЦИНАЦИИ LLM КАК ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ..... 380

Арцов А. А.
ПРОБЛЕМА ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА..... 383

Научное издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 16–17 апреля 2026 г.

Под редакцией
доктора философских наук, профессора
Розенберг *Натальи Владимировны*

Все материалы представлены в авторской редакции

Корректор *Т. Н. Судовчихина*
Технический редактор *Ю. В. Анурова*
Компьютерная верстка *Ю. В. Ануровой*
Дизайн обложки *И. В. Шваревой*

Подписано в печать 14.09.2026.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 46,03.
Заказ № 359. Тираж 28.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru